ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)»

На правах рукописи

Каграманов Азер Каграман оглы

ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ И НАЦИЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, НОРМАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Специальность: 5.1.5. Международно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор
Ануфриева Людмила Петровна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ И НАЦИЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, НОРМАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ 1

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ОСНОВНЫХ АКТОРОВ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ 48

§ 1.1. Генезис и эволюция доктрины самоопределения **48**

§1.2. Сравнительный анализ концепций самоопределения в политико-правовых доктринах В.И.Ленина и В.Вильсона **76**

§1.3. Деколонизация как ключевой фактор закрепления права на самоопределение в международном праве **89**

§ 1.4. Нормативное содержание и место принципа самоопределения народов в иерархии основных принципов международного права **104**

§1.5. Коллизия принципов: самоопределение народов и территориальная целостность государств **134**

§1.6 Субъектный состав права на самоопределение: критерии идентификации в теории и практике **174**

ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОННЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ 214

§2.1. Федерализм - базовая модель реализации права народов на самоопределение **214**

§2.2. Этно-региональная самостоятельность и автономия как формы реализации самоопределения народов **233**

§2.3. Институционально-правовые механизмы регулирования режимов самоуправления в контексте самоопределения **257**

§ 2.4. Режимы de facto в международном праве: проблема легитимности и эффективности **276**

§ 2.5. «Непризнанные» и «несостоявшиеся» государства **300**

Глава 3. ФАКТОРЫ И КРИТЕРИИ ЛЕГИТИМНОСТИ СЕЦЕССИИ КАК ФОРМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ 329

§3.1. Понятие и критерии легитимности сецессии **329**

§3.2 «Ответственность по защите» и «ремедиальная сецессия» как основания реализации сецессии **368**

§3.3. Роль и значение формулы uti possidetis juris при реализации сецессии **384**

ГЛАВА 4. ОСОБЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ 398

§4.1. Реализация права на самоопределение в контексте права на самооборону **398**

§4.2 Языковой фактор в процессе национальной самоидентификации и политико-правового самоопределения **410**

§ 4.3. Экономическое самоопределение в современном международном праве **424**

§ 4.4. Формирование правовых позиций и доктрины международных и национальных судебных учреждений в части права на самоопределение ... **437**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **487**

Приложение 1 ..... **498**

Декларация о праве народов и наций на самоопределение **498**

и формах его реализации (проект) **498**

Список используемой литературы и источников **503**

1. Международно-правовые акты **503**
Международные договоры 503
Решения международных организаций 507
Иные документы 509

Национально-правовые акты **513**
Российская Федерация 513
Иностранные государства 514

Судебная практика **515**
Международная судебная практика 515
Российская судебная практика 519
Иностранная судебная практика 520

II. Литература **521**
Монографии 521
Научные статьи 537
Диссертации 562

III. Электронные ресурсы **562**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Право на самоопределение народов, оказавшее значительное влияние на формирование современной политической карты мира является одной из ключевых концепций международного права. Закреплённое в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, Декларации о принципах международного права 1970 года, Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года и других фундаментальных документах, оно предоставляет народам право свободно определять свой политический статус и осуществлять культурное и экономическое развитие. Вместе с тем отсутствие единых механизмов реализации данного права превращает его в объект политических манипуляций, произвольного толкования и ограничений. Это не только затрудняет осуществление самоопределения, но и зачастую провоцирует серьёзные внутренние и региональные конфликты, делая его своего рода барометром напряжённости в международной системе. Право на самоопределение порождает правовую коллизию: для угнетённых народов оно является инструментом освобождения и легитимации их борьбы за суверенитет, тогда как для существующих государств зачастую служит обоснованием сепаратизма и угрозу территориальной целостности.

Вместо самоопределения нередко говорят о стремлении к независимости, автономии, сепаратизме или сецессии – таким образом, подчеркивается гораздо менее активный элемент, чем комплексное содержание самого права. Эта фундаментальная неоднозначность превращает его одновременно в «краеугольный камень» и в «ахиллесову пяту» современного миропорядка.

Прежде чем эта концепция утвердилась в XX веке в качестве императивного принципа международного права, закреплённой в Уставе ООН, а со временем приобрела силу обычной нормы и стала обязательством *erga omnes* для

государств[1], неоднократно предпринимались попытки ограничить её содержание. Это достигалось путём подмены понятия самоопределения другими, частично или полностью искажающими его первоначальный смысл.

Самоопределение на протяжении столетия оставалось предметом интенсивных дискуссий в международном сообществе, а формирование современного понимания этого принципа стало прямым результатом длительной теоретической и политической полемики[2]. Современные международно-правовые нормы, регулирующие право на самоопределение, представляют собой сложный компромисс между различными политическими идеологиями и правовыми доктринами.

Концепция самоопределения сначала сформировалась для индивидуума как своего рода концепция свободы и общественного договора, основанная на идеях Платона и Аристотеля и получившая диалектическое обоснование в трудах Дж.Локка, Ж-Ж. Руссо, И.Канта, Ж.Бодена и др. Свобода и правоспособность, как основные характеристики человеческой субъектности, являются сердцевиной концепции практической и политической философии современной эпохи, а именно нормативным и эмпирическим условием, что люди компетентны вести свободную, независимую и самостоятельную жизнь. Это учение о человеке как субъекте права, изначально равном другому и самостоятельно определяющем себя. А известная формула Протагора «Человек – мера всех вещей», уходящая корнями в седую древность, получившая развитие в теориях «естественного права» и концепции «народного суверенитета», в ходе буржуазно-демократических революций XVI–XVIII веков, обретала все более четкие очертания и создала фундаментальную идею, которая явилась основой для формирования современной государственности в XIX и XX веках. Однако наибольшая проблема, с которой столкнулись исследователи в сфере самоопределения, – переход от индивидуального к

[1]См. ICJ. Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritiusin 1965. Advisory Opinion.P.95. ICJ. East Timor (Portugal v. Australia). Judgment // I.C.J. Reports. 1995. § 29; Advisory Opinion. § 180.

[2] Martin Dixon & Robert McCorquodale. Cases & Materials on International Law (Oxford: Oxford University Press, 4th ed. 2003), p. 215.

коллективному самоопределению[3]. Ж-Ж. Руссо, например, рассматривает его в контексте контрактуалистской теории и концепции volonté générale *(«... одна только общая воля может управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо»; «... волю делает общею не столько число голосов, сколько общий интерес, объединяющий голосующих»*)[4], используя размышления Аристотеля *(«человек – социальное существо и не способен выжить в одиночестве, а человечество на дальнейших этапах эволюции ожидают объединения в многочисленные социальные группы и ассоциации, аксиоматическим отправным пунктом которых будет идея свободы»*) и Платона *(«... истинное искусство государственного правления печется не о частных, но об общих интересах — ведь эта общность связует, частные же интересы разрывают государство — и что как для того, так и для другого, то есть для общего и для частного, полезно, если общее устроено лучше, чем частное»*)[5]. В этой связи перед специалистами в области международного права, политической философии и публичной политики встаёт сложная проблема: найти баланс между индивидуальным и коллективным самоопределением, понять природу их конфликта и определить, как самоопределяющиеся группы могут преодолеть ограничения своей социальной природы (а именно зависимость от государства).

Размышления о философских и концептуальных основах права на самоопределение приводят зачастую к ответам, которые не совместимы с реалиями жизни. С учетом сложившегося миропорядка после Второй мировой войны можно сделать однозначный эмпирический вывод – всесторонняя и окончательная реализация идеи права народов на самоопределение, полное разделение мира на отдельные народы невозможны. Это связано прежде всего с тем, что после почти полной деколонизации, в результате которой колонии стали независимыми, свободными и равными государствами, право на самоопределение имеет

---

[3] См.: Каграманов А.К. К проекту Декларации о праве народов на самоопределение и формах его реализации. *Московский журнал международного права*. 2022;(2). С.104. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-101-114

[4] См. Руссо Ж-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. — М.: Юрайт, 2023. — С. 12. — ISBN 978-5-534-06412-4.

[5] См. Аристотель. Политика. III, 6, 1276b 10–15 // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 154.

тенденцию приводить к увеличению конфликтов. Процессы самоопределения в колониальном контексте продолжаются и поныне, о чем свидетельствует решение Международного Суда ООН, посвященное деколонизации, обязательствам erga omnes и полной реализации права на самоопределение по вопросам принадлежности островов Чагос Маврикию[6] и продолжающаяся конфронтация относительно заключенного Буживальского соглашения от 12 июля 2025 года (г.Буживаль, Франция) между французским правительством и Канакским социалистическим фронтом национального освобождения (НСФОК) об институциональном устройстве французской заморской территории – Новая Каледония[7]. Призывы к праву на самоопределение зачастую служат закреплению территориального распределения и отрицанию независимости, а также оправданию этнических чисток и других форм насилия, как это наблюдается в палестино-израильском конфликте, раскрытых в определенной степени в соответствующем Консультативном заключении МС ООН[8]. Значительной академической и политической полемике подвержена поляризация позиций о статусе Тайваня, которая заключается в диаметрально противоположных подходах стран, поддерживающих независимость Тайваня от Китая и государств, однозначно признающих «One China principle»[9].

Провозглашение независимости Республики Крым и ее вхождение в состав Российской Федерации, интеграция Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации стали значимым прецедентом в современной практике реализации права на

---

[6]См. Консультативное заключение Международного Суда ООН от 25 февраля 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://www.icj-cij.org/files/case-related/169/169-20190225-01-00-EN.pdf (дата обращения: 01 февраля 2025 г.)

[7] См. Accord Nouvelle-Calédonie. Le FLNKS rejette Bougival et demande les provinciales en novembre. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://la1ere.franceinfo.fr/nouvellecaledonie/accord-nouvelle-caledonie-le-flnks-rejette-bougival-et-demande-des-elections-en-novembre-1613148.html (дата обращения: 21.08.2025).

[8] См. Консультативное заключение Международного Суда ООН и индивидуальные заключения судей от 19 июля 2024 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://www.icj-cij.org/case/186/advisory-opinions (дата обращения: 01 февраля 2025 г.)

[9] См. Толстых В.Л, Тяньюй Я. Тайваньский вопрос в международном праве. «Российский юридический журнал», №1, 2024. С.40.

самоопределение. Данный процесс, получивший правовое обоснование в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации и обозначавший критерии самоопределения русскоязычных меньшинств в бывших республиках СССР (систематическое нарушение права на внутреннее самоопределение и репрессивные меры в отношении меньшинств) с возможным оказанием (в том числе) военной поддержки[10], а также правовая позиция Верховного суда Великобритании, относительно правомерности проведения референдума о независимости Шотландии[11] и заключение Верховного Суда Канады о возможности выхода провинции Квебек[12] формируют важные прецеденты для современного понимания международно-правовых аспектов самоопределения. Сравнительный анализ этих судебных актов позволяет выявить особенности применения принципа самоопределения в современном международном праве, а также определить баланс между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств.

Формула «право народов на самоопределение», которая обещает каждому народу, даже каждой группе, считающей себя народом, право на самоопределение

---

[10] См.: Постановления Конституционного Суда РФ: от 2 октября 2022 года No36-П по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта; от 2 октября 2022 года No 37-П по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта; от 2 октября 2022 года No 38-П по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта; от 2 октября 2022 года No 39-П по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта. См. также: Медведев Д.А., Медведчук В.В. Еще раз о праве Крыма, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей на самоопределение. //Международная жизнь/ Электронный ресурс: https://interaffairs.ru/news/show/55213 (дата обращения: 27.03.2026).

[11] См.: Reference by the Lord Advocate of devolution issues under paragraph 34 of Schedule 6 to the Scotland Act 1998. UKSC 31.

[12] См.: Supreme Court of Canada. Reference re Secession of Quebec (The Quebec case). Case no. 25506. Judgment of 20 August 1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do (дата обращения: 23.07.2025).

и, следовательно, на свое собственное независимое, суверенное государство, потенциально анархична, поскольку может привести к распаду любого государства. Для решения этого вопроса право на самоопределение после Второй мировой войны было сведено к отношениям по деколонизации и предоставлялось народам, находившимся под колониальной зависимостью и гнетом. Это было ограничение, которое, конечно, не имело ничего общего с концептуальным самоопределением, но предотвращало бесконечное разделение существующих государств. Кроме того, колониальные границы были установлены как неизменные и, наконец, был введен строгий запрет на сецессию: народу, не находившемуся под колониальным правлением, не разрешалось отделяться от территориальной единицы, к которой он принадлежал. Ученые в области международного права обсуждали сферу охвата и важность права на самоопределение, а некоторые даже опасались, что ввиду отсутствия определений и имплементационных положений можно представить себе редукцию до абсурда, где каждая группа может создать свое собственное суверенное государство[13].

Падение Берлинской стены, так называемый «бархатный развод» Чехословакии, распад СССР и кровавая дезинтеграция Югославии дали новый импульс идее самоопределения. В результате этих процессов возникли десятки национальных государств, а восприятие самоопределения сместилось с политико-территориальной составляющей к этнической и повлекло тем самым искажение восприятия государственно-правовой и международно-правовой сущности анализируемого явления. Хотя процессы дезинтеграции и возникновения новых государств не проходили под флагом самоопределения народов, тем не менее правовой основой с точки зрения международного права выступал именно этот принцип. Вместе с тем даже внутри вновь созданных государств оставались случаи нерешенных этнических и территориальных проблем, которые в дальнейшем послужили основой для попыток сецессии и иных центробежных стремлений.

[13] См.: Eagleton C. Self-Determination in the United Nations. The American Journal of International Law 47.1. 1953. P. 88–93.

Международный суд ООН в своем консультативном заключении по вопросу провозглашения независимости Косово констатировал, что трансформация принципа самоопределения народов представляла собой один из наиболее важных аспектов развития международно-правовой системы, особенно в период после Второй мировой войны[14]. Но, к сожалению, МС ООН упустил уникальную возможность дать четкую правовую оценку правомерности сецессии как таковой, включая концепцию «защитной сецессии». Критики отмечают, что Суд, сосредоточившись исключительно на соответствии декларации о независимости международному праву, обошёл фундаментальные вопросы, оставив пространство для противоречивых интерпретаций[15].

Современная правовая доктрина исходит из того, что право на самоопределение не носит абсолютного характера и должно соотноситься с принципом территориальной целостности государств. В свою очередь, принцип территориальной целостности также не является безусловным и подлежит ограничениям, прежде всего в связи с необходимостью соблюдения фундаментальных прав человека[16]. При этом право народов на самоопределение включает два аспекта:

- внутреннее самоопределение - предполагает участие меньшинств в управлении государством через различные механизмы, включая создание автономных образований и участие в принятии политических решений;
- внешнее самоопределение - возможность отделения от государства, которая допустима лишь в исключительных случаях, когда внутренние механизмы самоопределения полностью исчерпаны или системно нарушаются.

Пока внутреннее самоопределение эффективно реализуется в рамках существующего государства, одностороннее провозглашение независимости не может считаться правомерным. В таких случаях государство вправе использовать

---

[14] См.: ICJ. Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo. Advisory Opinion of 22 July 2010 // I.C.J. Reports. 2010. P. 438. § 82.
[15] См.: Peters A. Does Kosovo Lie in the Lotus-Land of Freedom? // Leiden Journal of International Law. Vol. 24. 2011. No. 1. P. 95–108, 108.
[16] См.: Vidmar J. Remedial Secession in International Law: Theory and (Lack of) Practice // St. Antony’s International Review. Vol. 6. 2010. No. 1. P. 37–56, 37–38.

все законные средства для защиты своей территориальной целостности. Указанное обстоятельство, в определенной степени, подтверждается неправомерной в контексте международного права попыткой отделения Каталонии от Испании, несмотря на формально высокую поддержку на региональном референдуме[17]. Одностороннее провозглашение независимости противоречило в том числе и Решению конституционного суда Испании №259/2015 о незаконности плебисцита и ст.2 конституции Испании о нерушимости единства нации, а также в связи с отказом во включении в повестку со стороны Совета Безопасности ООН и игнорированием результатов референдума, с точки зрения признания, государств-членов ООН[18].

Разделение самоопределения на эти формы носит во многом условный характер (доктринальный), тем не менее основным практическим выражением является обеспечение государством прав всех сегментов общества (этнических, религиозных, языковых) на самоопределение, позволяющим в определенной степени, ограничить фрагментацию государств и обеспечить стабильность международной системы. Это и есть, по сути, золотая середина, которая предполагает комплекс инструментов по наделению правами представителей всех этносоциальных групп, разрешение конфликтов, возникающих в многосоставных государствах, участие в политической жизни общества и реализация избирательных прав. Однако если центральные власти систематически препятствуют реализации внутреннего самоопределения, создавая непреодолимые

---

[17] Hayes L. The Demand for Unilateral Secession in Catalonia: While the Cause is Compelling, Secession Would not Be Legal under International Law // University of Baltimore Journal of International Law. Vol. 6. 2019. No. 2. P. 266–289.

[18] Sentencia 259/2015, de 2 de diciembre de 2015. Impugnación de disposiciones autonómicas 6330-2015. Formulada por el Gobierno de la Nación respecto de la Resolución del Parlamento de Cataluña 1/XI, de 9 de noviembre de 2015, sobre el inicio del proceso político en Cataluña como consecuencia de los resultados electorales del 27 de septiembre de 2015. Soberanía y unidad de la nación; principio democrático y primacía incondicional de la Constitución, lealtad constitucional y fidelidad a la Constitución; procedimiento de reforma constitucional: nulidad de la resolución parlamentaria que "declara solemnemente el inicio del proceso de creación de un estado catalán independiente en forma de república». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2016-308 (дата обращения: 21.08.2025).

барьеры для участия меньшинств в управлении или ущемляя их фундаментальные права, возникает правовая основа для реализации внешнего самоопределения.

Анализируя формы реализации права на самоопределение, возникает неизбежный вопрос о том, какие субъекты являются носителями этого права. Для целей настоящей работы крайне важно четко представлять разницу между нередко перемежающимися в литературе такими понятиями, как «народ» и «нация». При этом речь может идти как о «самоопределении народов», так и о «самоопределении наций», а в отдельных случаях – о «самоопределении народов и наций».

Современное международное право, как и другие науки не дают точного терминологического определения «народ» и «нация». В этой связи возникает путаница в их применении к конкретным отношениям. Секретариат ООН в ходе разработки Устава ООН представил разъяснение, в котором термин «народы» трактуется шире, чем «нация», и включает любые человеческие общности, способные быть субъектами права на самоопределение, независимо от наличия у них государственности или официального национального статуса[19]. Данный подход закрепляет приоритет права народов над политико-правовыми конструкциями нации-государства. Однако в каждом конкретном случае при реализации права на самоопределение неумолимо возникает вопрос является ли самоопределяющаяся группа народом? Неоднозначность присутствует и в доктрине. Наряду с обозначенными сложностями существует академическая и практическая дискуссия о соотношении понятий «народ» и «нация», правах малочисленных и коренных народов и национальных меньшинств на самоопределение, а также проблемы, связанные с легитимными механизмами определения воли народа, дихотомия государственных и этнических границ, экономические аспекты самоопределения, право на самооборону в случае лишения права на самоопределение, «народный» и «национальный» суверенитет и др.

Среди важнейших составляющих, обеспечивающих легитимацию новых государств в международном праве при реализации права на самоопределение

---

[19] Цит. по: Кристеску А. Право народов на самоопределение: историческое и современное развитие. Нью-Йорк: ЭКОСОС ООН, 1981. С.4.

является институт признания. В период после Второй мировой войны признание новых государств, образовавшихся в результате процесса деколонизации, осуществлялось преимущественно на основе критерия эффективного контроля над территорией, без оценки легальности или легитимности смены власти. А.С.Исполинов совершенно справедливо отмечает, что «такой подход полностью соответствовал превалировавшей в то время декларативной теории признания государств»[20]. Эффективный контроль заключался прежде всего в фактическом контроле над территорией и населением и способности обеспечивать управление этой территорией, а правосубъектность нового государства должна была соответствовать критериям Конвенции о правах и обязанностях государств 1933 года (Конвенция Монтевидео). Однако с появлением новых форм самоопределения трансформировалась и доктрина эффективного контроля в ее декларативном позиционировании в пользу формально-юридического акта признания другими государствами – конститутивности. Указанная эволюция была продиктована стремлением доктрины и международного сообщества ограничить многочисленные процессы сецессии в различных государствах, где сепаратистские движения могли в результате вооруженного конфликта установить «эффективный контроль» над территорией без согласия государства-метрополии, в особенности образованных с нарушением норм международного права (доктрина Стимсона). Таким образом акт признания в ее конститутивной форме установила новые требования к определению правосубъектности образовавшегося государства. При этом полноценным субъектом международного права может быть признано лишь то государство, которое принято в ООН (конститутивно-коллективное признание), в противном случае ее ожидает судьба государственности *de facto* (непризнанного или частично признанного) государства - нового феномена в современном международном праве. Стоит отметить, что, как и иные международно-правовые институты, признание подвержено воздействию политической конъюнктуры. В результате вооруженных конфликтов и политических процессов появились такие

[20] Исполинов А.С. Принцип территориальной̆ целостности государств и право на защитную сецессию // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. No 1 (152). С. 72–94.

непризнанные государства как Преднестровская Молдавская Республика, Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, Турецкая Республика Северного Кипра, Республика Косово, Государство Палестина, Китайская Республика (Тайвань), Сахарская Арабская Республика, Республика Сомалиленд и др. Ключевым аспектом в рассматриваемой проблеме является отсутствие единых международно-правовых механизмов и стандартов, регулирующих вопросы признания, вопросы самообороны, территориальной целостности, а также наличие диаметрально противоположного академического дискурса по этому вопросу.

Анализируя существенные элементы при реализации права на самоопределение нельзя обойти стороной действие принципа *uti possidetis juris*. В основе классического принципа лежало непрерывное владение имуществом в течение определенного времени никем не нарушаемое, которое создавало правовое основание для фактического владельца территории - «cuitus contraria memoria non existit» (в пер. с лат. – «давность с незапамятных времен» или более распространённый вариант – «принцип давности»). Основные противоречия, возникавшие в связи с применением этого принципа, заключались в том, что сохранение искусственных колониальных границ приводило к системным этническим конфликтам (в постколониальном контексте). Некоторую ясность по этому вопросу внесла Арбитражная комиссия по Югославии («Комиссия Бадинтера»), которая пришла к выводу, что действующее международное право не раскрывает всех значений права на самоопределение, но при любых обстоятельствах оно «не должно включать изменение существующих границ в момент независимости (uti possidetis), за исключением случаев, когда заинтересованные государства договариваются об ином»[21]. Вместе с тем национальные суды порой придерживаются иной трактовки. В упоминавшихся выше постановлениях КС РФ о вхождениях новых регионов в состав РФ, анализируя спорность и произвольность установления границ в рамках СССР, суд фактически нивелировал действие принципа uti possidetis в отношении бывших

[21] См.: Conference on Yugoslavia. Arbitration Commission. 92 International Law Reports (1993), pp. 167-172, at p. 168.

республик СССР. Неоднозначная ситуация в этой связи присутствует и в доктрине[22]. Таким образом, современная практика государств демонстрирует различные подходы к разрешению этого казуса. В некоторых случаях приоритет отдается принципу uti possidetis и сохранению территориальной целостности образованных государств. В других ситуациях, особенно при наличии серьезных нарушений прав человека и невозможности реализации внутреннего самоопределения, доктрина склонна признавать право на отделение.

С учетом изложенного диссертант видит свою главную задачу в том, чтобы сосредоточиться на наиболее сложных, не до конца проясненных, спорных и вызывающих подчас острые столкновения вопросах. Подготовлено и представлено на защиту, по сути дела, первое за постсоветский период исследование по специальности «международное право», в котором предпринята попытка комплексно проанализировать проблему самоопределения народов – от зарождения идеи до возможного закрепления основных положений современной трактовки проблемы в международно-правовом документе.

Цель и задачи диссертационного исследования. Основной целью настоящего диссертационного исследования является комплексное теоретико-правовое обоснование содержания, форм реализации и механизмов имплементации права народов на самоопределение в современном международном праве, а также выработка универсальных критериев легитимности самоопределения и правовых моделей урегулирования связанных с ним конфликтов.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1. определить этапы становления и развития права на самоопределение от философской идеи до императивной нормы международного права;

---

[22] См.: *Anderson G.* Unilateral Non-Colonial Secession and the Criteria for Statehood in International Law. P. 26; *Tolstykh V.* ThreeI deas of Self-Determination in International Law and the Reunification of Crimea with Russia // Heidelberg Journal of International Law. Vol.75. 2015. P.119– 139,131.

2. установить место принципа равноправия и самоопределения народов в системе основных принципов международного права и обосновать невозможность выстраивания их иерархии;

3. разработать критерии баланса принципов самоопределения и территориальной целостности на основе концепции «представительного правительства» (Декларация 1970 г.);

4. определить субъектов права на самоопределение и установить критерии разграничения понятий «народ», «нация», «национальное меньшинство», «коренные и малочисленные народы»;

5. выявить условия легитимности сецессии, включая критерии ремедиальной (правозащитной) сецессии как ultima ratio при систематическом нарушении государством прав народа;

6. обосновать применение принципа uti possidetis juris в процессах самоопределения и определить пределы его действия;

7. установить соотношение права на самоопределение с концепцией «ответственности защищать» (Responsibility to Protect) и правом на самооборону;

8. определить национально-территориальные и культурно-языковые основы реализации самоопределения, включая роль языкового многообразия как элемента внутреннего самоопределения;

9. проанализировать модели реализации внутреннего самоопределения (территориальная и национально-культурная автономия, федерализм, консоционализм) и определить критерии их применимости;

10. исследовать феномен государственности de facto, определить её правовой статус и роль института признания в конституировании государственности;

11. выработать правовые модели мирного урегулирования конфликтов, связанных с процессами самоопределения;

12. проанализировать решения международных и национальных судебных органов по вопросам самоопределения и их влияние на доктрину международного права;

13. разработать проект международно-правового документа о праве народов на самоопределение и формах его реализации.

Объектом диссертационного исследования являются международные отношения, связанные со становлением и развитием права народов на самоопределение в международном праве, включая:

а) формирование норм о самоопределении;

б) реализацию и толкование соответствующих норм;

в) системные взаимосвязи этих норм.

Предметом исследования является совокупность норм, закрепленных в международных и национальных нормативных правовых актах, теоретические положения, разработанные в доктринальных источниках, а также правоприменительная практика, определяющие юридическое содержание, условия и механизмы реализации права на самоопределение в современном международном праве.

Методологическая основа исследования. Диссертационное исследование предполагает применение разнообразия методов научного анализа для проведения всестороннего, объективного, полномасштабного постижения такого сложного общественно-политического явления, характеризующегося наличием внутригосударственного (национально-правового) и международно-правового генезиса, как самоопределение народов и наций в современную эпоху.

Для раскрытия содержания темы диссертации используются общенаучные методы исследования: метод материалистической диалектики, историко-ретроспективный подход, метод системного и структурного анализа с обращением к категориям научного познания предмета: анализу и синтезу, индукции и дедукции, сравнению и обобщению, научному абстрагированию, аксиоматизации, моделированию, прогнозированию. При исследовании возникновения, становления и развития концептуальной основы самоопределения народов и наций в работе использован историко-ретроспективный подход. Это позволило выявить главные тенденции, которые способствовали расширению областей правового регулирования, охватываемых сферой самоопределения, повышению его роли в отдельных направлениях международно-правового регулирования. Метод сравнительного правоведения доказал свою продуктивность для выявления

подходов к проблеме классификации международно-правовых актов, дву- и многосторонних соглашений, а также внутригосударственных законодательных и иных актов, средств, форм и способов на отношения в рассматриваемой сфере. В частности, этот метод использовался при анализе и сопоставлении различных конфликтных ситуаций, возникающих в различных странах и имеющих в своей основе реализацию прав на самоопределение (Косово, Квебек, Крым, Южный Тироль и пр.). Методы формальной логики и формально-юридического анализа применяются для выявления содержания положений национально-правовых и международно-правовых актов, а также для формулирования авторских предложений и рекомендаций по их совершенствованию. Системный метод используется для оценки логической взаимосвязи и построения умозаключений в отношении различных подходов, позиций и взглядов на международно-правовое регулирование отношений, возникающих в связи с правом народов и наций на самоопределение. Помимо указанных выше методов, в работе используются и другие общенаучные (философские) и частно-научные методы, данные статистических исследований, применение которых способствует более полному представлению предмета исследования.

Степень научной разработанности темы исследования.

Самоопределение народов и наций находится на стыке таких юридических научных комплексов и отраслей, как теория государства и права, конституционное право и право зарубежных стран, история политических и правовых учений, международное право, а также неюридических наук, как история, философия, социология, политология, этнография и др. В этой связи в научной литературе присутствует большой массив диссертационных исследований, монографий, статей, освещающих рассматриваемую тему. Стоит особо отметить, что за последнее время не было подготовлено специальных докторских диссертаций по комплексному выявлению проблем самоопределения народов и наций в международном праве.

В доктрине международного права проблематика самоопределения разрабатывается по ряду взаимосвязанных направлений. Теоретические основы

права на самоопределение, его нормативную природу, субъектный состав и соотношение с суверенитетом и правосубъектностью исследовали Л.П. Ануфриева, Е.Т. Байльдинов, Д.Т. Бараташвили, Ю.Г. Барсегов, К.А. Бекяшев, Л.И. Волова, Ю.В. Емельянов, А.Я. Капустин, В.А. Карташкин, А.Д. Катков, В.П. Кузнецов, Э.Л. Кузьмин, В.И. Лафицкий, В.Г. Лисовский, И.И. Лукашук, А.А. Моисеев, А.Н. Мочалов, Р.А. Мюллерсон, Н.В. Остроухов, Ю.А. Решетов, И.М. Сампиев, Л.В. Спиранский, В.П. Ступишин, И.Р. Султанов, Р.А. Тузмухамедов, Н.А. Ушаков, Д.И. Фельдман, С.В. Черниченко, а также зарубежные ученые Э.Х. Аречага, Д. Анцилотти, М. Блюнтшли, И.Х.В. Верзейл, А. Кассезе, Г. Кельзен, М. Коскенниеми, Дж. Кроуфорд, Х. Лаутерпахт, Л. Оппенгейм, А. Пелле, С. Уитли, А. Фердросс, Ч. Хайд, Р. Хиггинс, М. Шо.

Концептуальные основы права народов и наций на самоопределение формировались в трудах таких мыслителей, ученых и политических деятелей, как Н.А.Бердяев, Ж.Боден, С.Н.Булгаков, В.Вильсон, Г.В.Ф.Гегель, Т.Гоббс, Гуго, И.А.Ильин, И.Кант, С.Б.Крылов, В.И.Ленин, Дж. Локк, Пухта, Ж-Ж.Руссо, Савиньи, И.В.Сталин, И.Г.Фихте, Ю.Хабермас, Д.Харт, Б.Н.Чичерин.

Политико-правовые и исторические аспекты самоопределения, включая его связь с национализмом, федерализмом и конституционной идентичностью, освещали В.Д. Зорькин, Е.А. Нарочницкая, М.Х. Фарукшин, Т.Я. Хабриева, О.Е. Кутафин, а также Т. Арендт, К. Вердери, Д. Горовиц, Б. Констант, А. Лейпхарт, Д. Линч, А. Токвиль, К. Уэлман, Р. Фальк, М. Хартвиг, К. Шмитт, Г. Эванс, О. Ясуаки.

Самостоятельный блок образуют исследования соотношения самоопределения с территориальной целостностью, условий правомерности сецессии и принципа uti possidetis. Эти вопросы разрабатывали А.С. Исполинов, А.А. Клишас, В.Л. Толстых, а из зарубежных авторов — Г. Андерсон, А. Бьюкенен, Я. Клабберс, Б. Кнолл, К. Кноп, А. Коббан, П. Радан, С. Рингерт, С. Собри, М. Стерио, Д. Тюрк, К. Уайр, П. Хильпольд, Д. Хиткот.

Институт признания государств, его конститутивная, декларативная и смешанная модели, а также правовое положение непризнанных и частично признанных образований составляют отдельное направление, представленные

работами В.Н. Казимирова, И.И. Лукашука, В.Л. Толстых, Д.И. Фельдмана, А.Г. Ходакова, а также Г. Андерсона, Д. Анцилотти, М. Коскенниеми, Дж. Кроуфорда, Б. Кнолла, С. Рингерта, С. Собри, М. Стерио, Д. Тюрка, П. Хильпольда, С. Конноли, Б. Симмы, Д. Тринидада, Д. Шелтона, В. Чаплински, Е.-Г. Шима**.**

Права коренных народов и национальных меньшинств, включая внутреннее (внесецессионное) самоопределение и традиционную экономическую деятельность, разрабатывались А.Х. Абашидзе, Ф.Р. Ананидзе, Р.А. Тузмухамедовым, С.В. Черниченко, а из зарубежных ученых — Ф. Капоторти, А. Дриссеном, П. Дайе, П. Торнберри, С. Пеггом, Д. Терпом, Д. Сендутом, Э. Дэвидом.

Проблематику несостоявшихся государств (failed states) и внешнего вмешательства, региональные и территориальных споров, деколонизации и «замороженных» конфликтов в контексте самоопределения анализировали Э. Маквинни, Дж. Хеллман, В.Н. Казимиров, Д.Т. Бараташвили, Е.А. Нарочницкая, а из зарубежных авторов — М. Гриффитс, Д. Джонсон, Э. Карти, П. Кэлсте, О. Мартин, Т. Масгрейв, Ю. Миклашова, Ф.С. Мирзаев, К. Нольте, К. Нгуен, Й. Одлин, П. Редер, Р. Ротберг, Ш. Розен, Д. Ротшильд, Ф.Р. Тесон, Е. Тырановский, А. Эйде, Г. Эспиэль, Ф. Янков, Д. Хиткот, К. Йип, Р. Осборн**.**

Наконец, общетеоретические и смежные вопросы международного права, государства и правосубъектности, значимые для исследования самоопределения, разрабатывали И.П. Блищенко, А.Н. Вылегжанин, С.В. Витрянюк, Ю.М. Колосов, О.Е. Кутафин, Ф.Ф. Мартенс, Г.Б. Старушенко, Г.И. Тункин, В.М. Шумилов, Т.Я. Хабриева, а также А. Баруме, Л. Блюмфельд, И. Буттье, Б. Гарцль, К. Йип, С. Конноли, Р. Осборн, Б. Симма, Д. Тринидад, В. Чаплински, Д. Шелтон, Е.-Г. Шим, чьи труды образуют широкий доктринальный контекст рассматриваемой проблематики.

Несмотря на значительный массив работ, посвящённых отдельным аспектам самоопределения народов и наций в международном праве, специальных диссертационных исследований, в которых данная проблема получила бы

комплексное освещение с учётом современной практики, автору обнаружить не удалось, что и определило выбор темы исследования.

Научная новизна исследования определяется тем, что в диссертации впервые:

1. Разработана периодизация права народов на самоопределение, ранее не получавшая целостной концептуализации в науке международного права. Выделены четыре последовательных этапа, на каждом из которых принцип самоопределения приобретает качественно новую форму закрепления и реализации.

Первый этап (сер. XVII – кон. XIX вв.) — философско-правовое обоснование самоопределения в доктрине народного суверенитета, теории общественного договора и естественно-правовой концепции прав человека (Ж. Боден, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо), апробированное практикой государственного строительства США 1776 г., Великой французской революции 1789 г. и национально-освободительных движений Латинской Америки и Европы середины XIX в.

Второй этап (1914–1945 гг.) — переход самоопределения из философской абстракции в предмет политико-правового регулирования в конкурирующих доктринах В. Вильсона и В.И. Ленина.

Третий этап (1945 – кон. 1990-х гг.) — закрепление самоопределения как принципа международного права в Уставе ООН и последующей договорно-декларативной практике: Декларация 1960 г. о деколонизации, Пакты о правах человека 1966 г., Декларация о принципах международного права 1970 г., Заключительный акт СБСЕ 1975 г.

Четвёртый этап (с 1990-х гг. по настоящее время) — диверсификация нормативного содержания и субъектного состава права на самоопределение за пределами деколонизации: внутреннее самоуправление, сецессия, проблема идентификации новых субъектов-носителей права.

Предложенная периодизация эволюции права на самоопределение позволяет не только структурировать исторический материал, но и проследить трансформацию юридической природы принципа: от философской

идеи к обычной норме и императивному правилу, а затем — к множественности форм реализации. Это даёт возможность объяснить различия в подходах международных судов к колониальным, постколониальным и современным сецессионным конфликтам, а также выявить факторы, определяющие легитимность самоопределения в каждом конкретном случае. Периодизация выполняет, таким образом, методологическую функцию, задавая рамку для последующего анализа.

2. Опровергнут распространенный в западной и отечественной доктринах версия о «вильсоновском происхождении» принципа самоопределения виду того-что: а) В.Вильсон не использовал термин «самоопределение» в «Четырнадцати пунктах» (1918 г.); б) идейное авторство и нормативное первенство в обосновании данного принципа принадлежит В.И. Ленину, который ещё в 1914 г. в работе «О праве наций на самоопределение» сформулировал право наций на отделение, а в Декларации прав народов России (1917 г.) впервые нормативно закрепил его; в) американская делегация не выдвигала предложений о включении принципа в Устав ООН; г) инициатором закрепления принципа в ст. 1(2) и 55 Устава ООН выступила советская делегация.

3. Предложена концепция контекстуального баланса значимости принципов самоопределения и территориальной целостности в противовес теориям «иерархии принципов» на основе критерия «представительного правительства» из Декларации 1970 г., согласно которому государство вправе ссылаться на территориальную целостность только при соблюдении обязанности представлять «весь народ без различия».

4. Разработана типология форм реализации права на самоопределение с выделением: а) процедурных форм (внутреннее самоопределение через автономию/федерализацию; консенсуальная сецессия по результатам референдума); б) защитно-правовых форм (деколонизация; ремедиальная сецессия при систематических нарушениях прав; деоккупация). Каждая форма имеет специфические условия легитимности.

5. Обоснована двухуровневая диалектическая модель реализации права на самоопределение, где «народ» трактуется как первичный этнокультурный субъект, а «нация» — как вторичный политико-правовой результат его юридической объективации, при этом приоритетной формой самоопределения внутри уже сформированного государства признается внутренняя, гармонизирующая принцип территориальной целостности с этническим многообразием.

6. В доктрине и практике международного права сложился ряд требований к легитимности односторонней сецессии: соответствующий субъект должен пониматься как «народ» в международно-правовом смысле и составлять компактное большинство населения на определённой территории; должно присутствовать систематическое угнетение — геноцид, этнические чистки, массовая дискриминация; должны быть исчерпаны возможности внутреннего самоопределения и иные мирные средства урегулирования. Однако в доктрине эти требования обычно представлены как разрозненный перечень обстоятельств, лишённый единого основания систематизации и ясного нормативного статуса.

В работе обосновывается, что указанные требования следует квалифицировать не как факультативные обстоятельства, учитываемые по усмотрению правоприменителя, а как конститутивные критерии легитимности односторонней сецессии, несоблюдение которых исключает признание сецессии правомерной.

Предлагается трёхчастная классификация таких критериев: субъектный (квалификация «народа» в международно-правовом смысле), материальный (наличие систематического угнетения) и субсидиарный или *ultima ratio* (исчерпание мирных средств урегулирования). Эта классификация упорядочивает бессистемное перечисление, характерное для существующей доктрины.

Обосновывается необходимость кумулятивного применения всех трёх групп критериев: правомерность сецессии констатируется лишь при одновременном соблюдении субъектного, материально-правового и субсидиарного критериев; соблюдение одного или двух из них легитимности не порождает.

7. Проведено разграничение права на самооборону, предусмотренного статьёй 51 Устава ООН и реализуемого в межгосударственных отношениях, и права на самоопределение, возникающего в отношениях между народом и государством. На основе анализа доктрины и судебной практики обоснован вывод, согласно которому действия народа, находящегося под оккупацией или подвергающегося систематическому угнетению, следует квалифицировать как реализацию права на вооружённое сопротивление в рамках международного гуманитарного права. Соответственно, оккупирующее государство не вправе ссылаться на статью 51 Устава ООН в отношении населения оккупированной территории и народа, который стремится к реализации самоопределения.

8. Предложена дифференцированная роль категории справедливости (justice/equity) применительно к праву народов на самоопределение, проявляющаяся на четырёх уровнях:

а) справедливость как философское основание легитимности (justice) — обосновывает исходную легитимность самого притязания на самоопределение до и вне его позитивно-правового закрепления (философско-доктринальный этап генезиса принципа);

б) справедливость как метод толкования нормы (equity infra legem) — используется международными судами и правоприменительной практикой при уяснении содержания уже кодифицированных элементов принципа — в частности, критериев субъектного состава («народ») и соотношения самоопределения с территориальной целостностью;

в) справедливость как средство восполнения пробелов (equity praeter legem) — компенсирует отсутствие прямого нормативного регулирования применительно к новым претендующим субъектам и постколониальным ситуациям, не охваченным классической формулой деколонизации;

г) справедливость как ограниченное основание эволюции позитивного права через обычай (equity contra legem) — объясняет постепенное расширение содержания принципа за пределы его первоначальной сферы применения

(например, признание отдельных элементов внутреннего самоопределения и remedial secession) при сохранении императивного характера самой нормы.

При этом справедливость не выступает автономным источником прав и обязанностей: право народов на самоопределение сохраняет свою нормативную обязательность независимо от справедливости конкретного его применения, а справедливость играет вспомогательную — легитимирующую, интерпретационную и восполняющую — роль на всех этапах его генезиса и реализации.

9. Раскрыт феномен государственности de facto как особой формы признания международной правосубъектности основан на фактической эффективности при отсутствии широкого признания. Длительное существование образования, демонстрирующего все признаки государственности по критериям Конвенции о правах и обязанностях государств 1933 года (Конвенция Монтевидео), создает «фактическую правосубъектность», влекущую права (на самооборону при наличии оснований для ремедиальной сецессии) и обязанности (соблюдение международного гуманитарного права, ответственность за правонарушения).

В результате исследования сформулирован ряд выводов, имеющих общетеоретическое и общеметодологическое значение для теории и практики международного права:

— между основными принципами международного права не существует иерархии; недопустимо абсолютизирование ни принципа самоопределения, ни принципа территориальной целостности, ни принципа суверенного равенства, ни какого-либо иного из основных принципов;

— народ (в узком смысле) рассматривается в качестве совокупности индивидов, объединенных общими признаками (этнос, язык, культура, историческая территория); в широком смысле — как политическая общность, обладающая правосубъектностью в международном праве;

— национальные меньшинства, а также коренные народы могут реализовать свое право на самоопределение как в форме территориальной автономии, так и через механизмы самоуправления (самоорганизации) и культурной автономии;

— критерии легитимности сецессии должны соответствовать международно-правовому понятию «народ» и не противоречить международному и внутригосударственному праву;

— с учетом поливариантности сецессии в диссертации поддерживается предложение о создании «международного регламента» выхода национально-территориальной единицы из состава суверенных государств;

— обоснована эффективность применения принципа uti possidetis juris для урегулирования территориальных споров и предотвращения вооруженных конфликтов, при установлении пределов его действия;

— показана необходимость увязки индивидуальных прав человека с коллективным правом народа на самоопределение через концепцию ремедиальной сецессии;

— федеративная форма государственного устройства предоставляет этносам дополнительные возможности для реализации внутреннего самоопределения при сохранении государственного единства;

— выбор форм «территориальной аккомодации» этносов (автономия, федерализм, консоционализм) определяется конкретно-историческими условиями каждого государства и должен обеспечивать баланс между культурным самоопределением и государственной стабильностью;

- выявлены сущностные черты все более распространяющегося понятия «непризнанные государства», включая критерии их правосубъектности, показана роль «непризнанных государств» как акторов региональной политики.

Нормативно-правовую базу диссертации образует иерархическая система источников, регламентирующих право на самоопределение. К ним следует относить:

• Универсальные и региональные международно-правовые акты: Устав ООН, международные пакты о правах человека, иные многосторонние и двусторонние договоры, а также документы международных организаций (включая резолюции и декларации);

- Решения международных судебных органов: Консультативные заключения и постановления Международного Суда ООН, а также иных международных судов и трибуналов, формирующих прецедентное толкование принципа самоопределения;
- Национально-правовые акты и практика: Конституции, законодательство и судебные решения Российской Федерации и зарубежных государств, имплементирующие соответствующие международные стандарты;
- Фундаментальные труды и доктринальные концепции российских и зарубежных учёных в области международного права, конституционного права и политических наук.

Эмпирическую основу исследования образует комплекс источников, обеспечивающих анализ права на самоопределение в правовом, историческом и социально-политическом контексте.

К ним относятся:

- Нормативные акты и правоприменительная практика: международные договоры, акты международных организаций, конституции и законодательство государств, а также решения международных и национальных судов;
- Контекстуальные источники: архивные материалы, официальные политические заявления, резолюции и отчётность, отражающие генезис и динамику конкретных ситуаций, связанных с реализацией права на самоопределение;
- Аналитические материалы и научные работы: сравнительно-правовые исследования, доктринальные труды, а также статистические данные и мониторинговые отчёты авторитетных организаций, содержащие оценку конфликтов и процессов.

Теоретическое исследование, проведенное диссертантом, позволило сформировать основу для выдвижения следующих положений:

1. Историко-правовой анализ генезиса права народов на самоопределение свидетельствует о том, что данное право формировалось не единовременно, а поэтапно — от философско-правовой абстракции до легального закрепления

императивного принципа международного права — под воздействием системных трансформаций международного правопорядка и развития доктринальных подходов науки международного права. С учётом предыдущих констатаций выделение четырёх последовательных этапов, ранее не получавших целостной концептуализации в международном праве, представляется имеющим объективную природу:

Первый этап (середина XVII — конец XIX вв.) — формирование философско-правовых основ. В этот период в трудах Ж. Бодена, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и их последователей были разработаны концептуальные основания, без которых последующее юридическое закрепление самоопределения было бы невозможно: доктрина народного суверенитета, теория общественного договора и естественно-правовая концепция прав человека.

Практическому воплощению приведенных концепций способствовал ряд исторических событий. Война за независимость США 1776 года впервые закрепила на конституционном уровне право народа учредить собственную государственность, разорвав связь с метрополией. Великая французская революция 1789 года утвердила нацию единственным источником суверенитета. Гражданская война в США (1861–1865) поставила перед правовой доктриной вопрос о пределах сецессии. Национально-освободительные движения в Латинской Америке и европейские революции 1848–1849 годов обнажили неразрывную связь между самоопределением и практикой государственного строительства, подготовив почву для последующей эволюции международного права в части самоопределения.

Второй этап (1914–1945 гг.) — доктринальная разработка и первичное закрепление. В условиях кризиса Вестфальского миропорядка право на самоопределение впервые получило развёрнутое политико-правовое обоснование — в конкурирующих доктринах В. Вильсона и В.И. Ленина. При всём принципиальном расхождении этих подходов оба они способствовали переходу самоопределения из сферы философской абстракции в область позитивно-правового регулирования, о чем свидетельствует возникновение предпосылок для

формирования принципа, его становление и проникновение в национальные правовые системы и международно-правовую практику.

Третий этап (1945 — конец 1990-х гг.) — нормативное закрепление. Учреждение Организации Объединённых Наций и принятие её Устава ознаменовали качественный сдвиг в развитии рассматриваемого принципа: право народов на самоопределение получило закрепление в качестве одного из принципов международного права. Последующая договорная и декларативная практика — Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года, Международные пакты о правах человека 1966 года, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами 1970 года, Заключительный акт СБСЕ 1975 года — последовательно наполняла данный принцип конкретным нормативным содержанием, обеспечивая его закрепление в системе источников международного права.

Четвёртый этап (с 1990-х годов по настоящее время) – характеризуется продолжающимся концептуальным переосмыслением и нормативной диверсификацией субъектного состава права на самоопределение. Современные условия связаны прежде всего с существенным расширением нормативного содержания данного права, которое более не сводится исключительно к деколонизации как исторически первоначальной сфере его применения. В доктрине и правоприменительной практике активно разрабатываются и верифицируются такие измерения данного права, как внутреннее самоуправление, ремедиальная сецессия, а также проблема идентификации новых субъектов-носителей данного права.

2. В отечественной и западной доктринах утвердилось представление о «Четырнадцати пунктах В. Вильсона» 1918 года (проекте мирного договора по итогам Первой мировой войны) как отправной точке генезиса современной концепции права народов на самоопределение. Между тем данная позиция не выдерживает критической проверки и должна быть квалифицирована как несостоятельная.

Текстологический анализ документа опровергает приписываемое ему концептуальное первенство: термин «самоопределение» в «Четырнадцати пунктах» не фигурирует. Содержащиеся в них положения о балансе интересов колонизированных народов и колониальных держав не конституируют права на самоопределение ни в декларативном, ни в нормативном смысле. Примечательно, что данный термин отсутствовал и в официальном дипломатическом дискурсе США, включая переговорный процесс по выработке Устава ООН, — в отличие от советской делегации, последовательно добивавшейся закрепления самоопределения в качестве принципа международного права.

Хронологический аргумент дополнительно подрывает вильсоноцентричную концепцию. Ленинская работа «О праве наций на самоопределение» (1914) и Декларация прав народов России (ноябрь 1917) предшествуют «Четырнадцати пунктам» (январь 1918), что устанавливает неоспоримый приоритет советской правовой мысли в концептуальной разработке данного принципа.

Сравнительно-доктринальный анализ позволяет зафиксировать принципиальное методологическое и содержательное расхождение двух подходов. Концепция «автономного развития» В. Вильсона отличалась ограничительным и селективным характером: сфера её применения была фактически сужена до «цивилизованных» народов Европы, а само самоопределение выступало не самостоятельной правовой ценностью, но инструментом проецирования политического влияния США в условиях послевоенного переустройства мирового порядка.

Ленинская концепция строилась на принципиально иных основаниях. Её системообразующим элементом являлось универсальное и неотъемлемое право всех народов — безотносительно к уровню их экономического и культурного развития — на самоопределение вплоть до государственного отделения. Данный подход не допускал иерархизации субъектов права по цивилизационному критерию и утверждал суверенное равенство народов в качестве безусловного правового постулата.

Именно ленинский универсализм, а не вильсоновский избирательный «автономизм», оказал определяющее влияние на два взаимосвязанных процесса: нормативное закрепление права на самоопределение в системе принципов международного права и развёртывание глобального деколонизационного движения второй половины XX века. Игнорирование этого обстоятельства в доктрине представляет собой не просто историографическую неточность, но концептуальное искажение, деформирующее понимание природы и генезиса одного из фундаментальных принципов международного права.

3. В советской и российской политико-правовой мысли проблема реализации права народов на самоопределение традиционно рассматривается через призму двух конкурирующих моделей государственного устройства, однако их сопоставление, как правило, ограничивается историко-политическим контекстом и не доводится до уровня международно-правовой квалификации. Между тем именно юридическое содержание указанных моделей представляет самостоятельный интерес для современной доктрины международного права.

Модель «автономизации» (И.В. Сталин) исходила из унитарной логики государственного строительства: национальные республики включались в состав РСФСР на правах автономий, что означало отказ от государственного суверенитета и утрату международной правосубъектности. В категориях современного международного права данная конструкция подлежит квалификации как внутреннее самоопределение — реализация права народа в границах существующего государства.

«Договорная федерация» (В.И.Ленин) строилась на противоположных основаниях: республики признавались суверенными государствами, добровольно вступающими в союз на началах федерализма. За ними закреплялись правосубъектность, юридически гарантированное право на выход, территориальные границы, собственные институты государственной власти, а также условия для развития языка, культуры и национальной идентичности как оснований самобытной государственности. Союзная власть формировалась не

путём поглощения, а путём делегирования — республики передавали центру строго определённый объём полномочий, не утрачивая государственной природы.

Проведённый анализ позволяет прийти к заключению о том, что ленинская модель договорной федерации по своей юридической конструкции опередила развитие международно-правовой доктрины федерализма и суверенитета с точки зрения реализации права на самоопределение. Отдельные элементы данной конструкции — сохранение правосубъектности составных частей при делегировании полномочий союзному центру — прослеживаются и в современных моделях «сложных государств» (так называемых «конфликтных») и надгосударственных объединений, включая опыт Европейского союза и постконфликтного государственного строительства (Босния и Герцеговина, Эфиопия, Ирак), что подтверждает не узкоисторическое, а общетеоретическое значение ленинской модели для науки и практики международного права в области регулирования и формирования полиэтнических государств.

4. Сложным для понимания права на самоопределение служит явление деколонизации. С одной стороны, деколонизация выступила конституирующим фактором нормативной эволюции права на самоопределение, обеспечив его переход из состояния политической идеи в международное право посредством нормативной объективации, формализации субъектного состава и судебной квалификации обязательств *erga omnes,* порождаемых, в свою очередь нормами *jus cogens*. С другой стороны, нормативное закрепление принципа сопровождалось установлением ограничений права на самоопределение: *географический критерий* («Blue water thesis») исключил коренные народы из сферы деколонизации; *принцип uti possidetis juris* законсервировал произвольные колониальные границы; *институт признания* четко проявил свою устойчивую подверженность политической конъюнктуре.

В целях преодоления противоречия между императивным статусом самоопределения как нормы *jus cogens* и избирательностью его реализации, автором выработана модель, основанная на четырёх категориях.

Во-первых, замена географического критерия функциональным подходом посредством пересмотра резолюции ГА ООН 1541 (XV) 1960 года: носителем права признаётся группа, отвечающая совокупности критериев — историческая общность, территориальная связь, устойчивая идентичность и верифицированное волеизъявление.

Во-вторых, нормативное закрепление приоритета внутреннего самоопределения с разработкой *de lege ferenda* рамочной конвенции, фиксирующей минимальные стандарты автономии, право на участие в принятии решений и судебные механизмы защиты.

В-третьих, признание сецессии субсидиарным механизмом, допустимым исключительно при исчерпании внутренних и переговорных процедур и доказанном систематическом уклонении государства от исполнения своих обязательств.

В-четвёртых, нормативная легитимация переговорных механизмов посредством трансформации Специального комитета по деколонизации (Комитет 24) в постоянный орган по вопросам реализации права на самоопределение, наделённый компетенцией мониторинга, содействия переговорам и представления фактологических докладов Генеральной Ассамблее — без полномочий санкционировать сецессию или признавать независимость.

5. Системный анализ международно-правовой доктрины, практики Международного Суда ООН (МС ООН) и докладов Комиссии международного права ООН (КМП ООН) обнаруживает глубинное противоречие, свидетельствующее о концептуальном разрыве между формальным статусом принципа самоопределения народов и наций в современном международном праве, выраженным нормативно, и его судебно-прикладным воплощением (в процессе толкования в ходе правоприменения). КПМ ООН квалифицирует самоопределение как норму, порождающую обязательства *erga omnes* и влекущую правовые последствия, присущие *jus cogens*, — то есть как императив, обязательный для всех субъектов международного права вне зависимости от их волеизъявления. Между тем МС ООН в своей практике последовательно уклоняется от признания за

данным принципом самостоятельной юридической силы как нормы jus cogens фактически низводя его до уровня декларативного ориентира (деколонизации), лишённого механизма принудительной реализации. Подобная судебная позиция не только порождает системную проблему в международно-правовом регулировании, но и де-факто девальвирует императивный потенциал самоопределения, создавая условия для его избирательного и политически детерминированного применения.

В целях преодоления выявленного противоречия выдвигается формула функционального верховенства принципа самоопределения. Согласно данной идее, в ситуации коллизии между императивом сохранения территориального *status quo* и необходимостью защиты права народа, подвергающегося систематическому исключению из политического процесса, последовательному подавлению его культурной, языковой или этнической идентичности либо грубому нарушению его фундаментальных прав, должна действовать юридическая презумпция в пользу реализации самоопределения. При этом критерием правомерности выступает не формальное сохранение существующих государственных границ, а степень соответствия государственно-территориального устройства требованиям императивных норм международного права.

6. В международном праве категории «народ» и «нация» соотносятся как диалектически взаимосвязанные, но функционально разграничивающие субъектов правоотношений, последовательно сменяющих друг друга в процессе реализации права на самоопределение.

Народ выступает первичным и исходным носителем права на самоопределение. Его идентификация осуществляется на основании совокупности объективных критериев: историческая общность; этническая, культурная, языковая идентичность; религиозная и идеологическая близость; устойчивая территориальная принадлежность; общая экономическая деятельность и наличие институтов коллективного волеизъявления.

Нация возникает как результат юридической объективации этого права. Нация — политико-правовая общность, опосредствуемая институтом гражданства

и самостоятельной государственности, — которая не ограничивается лишь этнической характеристикой.

С конституированием государственности содержание права на самоопределение претерпевает дифференциацию по двум уровням – внутреннему и внешнему – сообразно формам самоопределения.

На внутреннем уровне право на самоопределение сохраняется за народами, оказавшимися в границах созданного государства, — как за государствообразующим народом, так и за иными народами. Его реализация осуществляется в формах, совместимых с сутью территориальной целостности: институты национально-культурной автономии, территориального самоуправления, гарантированное представительство в органах власти и участие в принятии решений, непосредственно затрагивающих соответствующие общности. Данная форма самоопределения является приоритетной, поскольку обеспечивает гармонизацию интересов государства и составляющих его народов без разрушения правового и политического единства государственной территории.

На внешнем уровне самоопределение трансформируется в суверенное право государства на независимость в международных (межгосударственных) отношениях и самостоятельность во внутренних делах, легитимацию публичной власти через волеизъявление нации. Субъектом самоопределения в этом плане выступает «государство-нация» в целом.

7. Реализация права на самоопределение обеспечивается посредством взаимоувязанности двух элементов, где важно различать форму (организационно-правовое устройство территории) и способ (процедура легитимации).

Мирные **(согласительные)** ***формы*** в рамках существующего правопорядка:

- внутреннее самоопределение: создание национально-культурных автономий, изменение территориального устройства (федерализация), расширение прав местного самоуправления;
- консенсуальная (договорная) сецессия: отделение части территории, осуществленное на основе добровольного соглашения с центральной властью.

Способы:

- референдум (плебисцит): общепринятая процедура мирного волеизъявления;
- договорный процесс: переговоры и достижение соглашения между центром и регионом.

Исключительные (защитные) меры (ultimum remedium). Исключительные меры обосновывают легитимность односторонних действий не как произвол, а как вынужденную реакцию на противоправное поведение материнское государства. Квалифицирующими условиями здесь выступают основания мер (агрессия, оккупация или геноцид).

Формы:

- деколонизация;
- деоккупация: восстановление суверенитета и территориальной целостности государства, нарушенной актом агрессии;
- ремедиальная сецессия (правозащитная): одностороннее отделение от государства (провозглашение независимости и/или присоединение к другому государству), виновного в грубых и неисправимых нарушениях прав субъекта самоопределения;

Способы:

- одностороннее провозглашение независимости: политико-правовой акт;
- вооруженная борьба (национально-освободительное движение) – экстраординарный способ, признаваемый международным правом в ответ на применение силы государством для подавления права на самоопределение;
- международно-правовая имплементация: признание де-юре со стороны ООН и государств.

8. Сецессия как исключительная мера защиты *(ultima ratio)* допустима при наличии в совокупности следующих критериев:

Субъектный критерий. Отделяющаяся общность должна обладать признаками «народа» в международно-правовом смысле: составлять компактное большинство населения, иметь устойчивую идентичность и институты политического представительства, достаточные для самоуправления.

Субстантивный критерий (систематическое угнетение и дискриминация). Необходимо наличие нарушений прав человека «особой тяжести»: геноцид, этнические чистки, насильственная ассимиляция, преследования по расовому, религиозному, языковому и иным признакам, ущемления в политических и культурных правах, отказ в автономии. Именно действия материнского государства, делающие невозможным совместное существование, возлагают на него ответственность за отделение.

Процедурный критерий (исчерпание средств). Должны быть исчерпаны все мирные внутригосударственные механизмы, а международные средства защиты отсутствовать или быть неэффективными.

При наличии вышеприведенных условий (а) применение силы материнским государством против отделяющегося народа квалифицируется как нарушение п. 4 ст. 2 Устава ООН; (б) помощь третьих государств повстанцам является допустимой; (в) право на применение силы в порядке самообороны распространяется на случаи реализации внешнего самоопределения при длительной оккупации, геноциде или систематическом подавлении прав.

9. Юридическое содержание принципа территориальной целостности, закреплённого в Уставе ООН, характеризуется терминологической нечёткостью, повлекшей доктринальные разногласия и противоречивость правоприменительной практики. Указанное уже в аутентичных текстах Устава: русскоязычная версия пункта 4 статьи 2 оперирует категорией «неприкосновенность» *(inviolability)* территории, тогда как англоязычный текст и господствующая международно-правовая доктрина устойчиво используют термин «целостность» *(integrity)*. Данное обстоятельство означает сущностную неоднозначность самого принципа, допускающего конкурирующие интерпретации его нормативного объёма и пределов действия.

На основе системного анализа Устава ООН, Декларации о принципах международного права 1970 года, практики Международного Суда ООН и доктринальных источников установлено, что принцип территориальной целостности не обладает абсолютным характером, а представляет собой

международно-правовую гарантию, действительную при условии надлежащего исполнения государством обязательств перед входящими в его состав народами. Данный вывод предполагает разграничение двух самостоятельных требований:

первое — как внешний императив — устанавливает запрет на изменение государственных границ с применением силы или угрозой её применения, что соответствует юридическому содержанию принципу территориальной целостности, установленного в Уставом ООН и Декларацией о принципах международного права 1970 года. Понятие «территориальная целостность» в этом случае составляет неотъемлемую часть нормы императивного характера, не допускающей отступления и не обусловленной внутриполитическим поведением государства («территориальная неприкосновенность»);

второе — внутреннее условие — определяет пределы действия принципа в отношениях между государством и составляющими его народами. Государство утрачивает право апеллировать к территориальной целостности как к международно-правовой защите в случае систематического нарушения прав народа и отказа в предоставлении ему внутреннего самоопределения. Государство, практикующее дискриминацию, принудительную ассимиляцию или полное или частичное политическое исключение народа из процесса управления государством, тем самым подрывает легитимность суверенитета, то есть полноты собственной власти в пределах территориального верховенства. Следствием такой делегитимации выступает нормативное смещение баланса в пользу права народа на внешнее самоопределение — сецессию в качестве субсидиарного защитного механизма, активируемого в качестве *ultima ratio* при доказанной и юридически неустранимой несостоятельности государства как гаранта равноправия составляющих его народов.

10. Феномен непризнанных государств — закономерное явление современного международного права, в основание которого в определенной мере заложено противопоставление между принципом территориальной целостности и принципом равноправия и самоопределения народов, дополнительно осложняемое формулой *uti possidetis juris*, закрепляющей нерушимость административных

границ на момент обретения независимости (в контексте постколониального периода). Это противоречие не является разрешимым с помощью классических теорий признания: ни декларативная, абсолютизирующая государственность *de facto*, ни конститутивная, ставящая правосубъектность в зависимость от воли признанных государств, не учитывают двойственной природы признания, которое одновременно подтверждает объективные признаки государственности и конституирует полноту международной правосубъектности.

Отсюда следует необходимость смешанной (конститутивно-декларативной) модели признания, основанной на объективных критериях (эффективный контроль над территорией и населением, независимая публичная власть, соблюдение Устава ООН, гарантии прав меньшинств), формализованной и деполитизированной процедуре, а также на разграничении внутреннего самоопределения как универсальной нормы и сецессии как исключительной меры, допустимой лишь при систематических нарушениях прав человека и отказе в праве на внутреннее самоопределение. Такая модель способна преодолеть «серую зону» дуалистического статуса непризнанных образований, существующих de facto, но лишённых de jure полноценного участия в международных отношениях — возможности заключать международные договоры, участвовать в международных организациях и обеспечивать соблюдение норм международного права.

Принципиально строгое разграничение «непризнанных» *(unrecognized)* и «несостоявшихся» *(failed)* государств: первые обладают формальными признаками государственности, но лишены международной правосубъектности вследствие непризнания; вторые сохраняют признанный статус, но утрачивают эффективный контроль над территорией, населением, обеспечением верховенства собственной власти, порождая угрозы региональной безопасности. Смешение этих категорий ведёт к ошибочным квалификациям, необоснованному вмешательству и деформации практики признания, поэтому необходим дифференцированный правовой режим для каждой из них.

Наконец, анализ вышеуказанного феномена выявляет кризис оснований современной международной системы, в которой институт признания нередко

служит инструментом геополитического влияния под видом «нейтральной правовой формы». Существование в настоящее время двойных стандартов (Косово — Абхазия и Южная Осетия) подтверждает приоритет политической целесообразности по отношению к универсальным нормам. Следовательно, преодоление этой тенденции требует критического переосмысления понятий самоопределения и территориальной целостности с учётом принципа *uti possidetis* и признания политической ответственности за решения о признании, имеющие судьбоносное значение для народов.

11. Принцип *uti possidetis juris,* который был заимствован из римского частного права, ныне характеризуется устойчивой принадлежностью и к международному праву («cuitus contraria memoria non existit» - в пер. с лат. – «давность с незапамятных времен» или более распространённый вариант – «принцип давности владения территорией»). Он выступает исторически обусловленным инструментом стабилизации межгосударственных границ в постколониальный период. Между тем в современном международном праве наблюдается его стойкое противопоставление императивной норме *jus cogens* – праву народов на самоопределение. Возведение *uti possidetis* в ранг абсолютного приоритета перед правом на самоопределение приводит к юридической консервации колониально-административных границ, легитимирует «внутренний колониализм» и блокирует реализацию сецессии в условиях, когда материнское государство не выполняет обязанности по обеспечению права народа на политическое представительство и физическое выживание. В то же время *uti possidetis* не может рассматриваться как самодостаточный запрет на внешнее самоопределение, а должен быть подчинен принципу самоопределения в случаях, когда: (1) границы являются искусственным продуктом колониального размежевания, не имеющим этнокультурной или исторической обусловленности; (2) государство-метрополия утрачивает способность либо желание гарантировать права народа в рамках существующей территории; (3) наличествует фактически состоявшаяся реализация самоопределения, соответствующая международному

праву, которая создает устойчивую государственность на основе новой территориальной идентичность.

12. В процессе реализации права на самоопределение уважение и защита лингвистической идентичности этноязыковых групп выполняют двойственную функцию. С одной стороны, они выступают объективным критерием легитимности полиэтнического государства: последовательное соблюдение языковой идентичности формирует лояльность этноязыковых групп и укрепляет государственность. С другой стороны, вопреки распространённому в доктрине и политической практике тезису, лингвистические права являются инструментом профилактики сепаратизма и этнополитических конфликтов, а не их катализатором: системное подавление языковой идентичности исторически выступает одним из ключевых факторов дезинтеграции полиэтнических государств.

Реализация языкового многообразия является неотъемлемым компонентом обязательств государства в сфере прав человека в полиэтнических государствах, несмотря на отсутствие в международном праве отдельного субъективного «права на родной язык». Юридическое основание данных обязательств государства устанавливается посредством системного толкования трёх взаимосвязанных блоков: право на внутреннее самоопределение, принципа запрета дискриминации и международно-правовых гарантий культурных прав. Таким образом, отсутствие конкретной договорной нормы не влечёт отсутствия юридически значимых обязательств — последние выводятся из действующей системы источников международного права методом системной интерпретации.

13. В рамках права на самоопределение в качестве особой составляющей присутствует экономическое самоопределение, благодаря которому политический выбор народа приобретает реальное содержание через контроль над природными ресурсами, стратегией развития и защитой прав малочисленных и коренных народов, направленная на осуществление традиционных видов экономической деятельности (статья 1 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и Международного пакта об экономических, социальных и

культурных правах 1966 г.; резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1803 (XVII) от 14 декабря 1962 г. «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами»; Конвенция Международной организации труда № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах (1989 г.), статьи 3 и 46 Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов 2007 г.). В современной доктрине и практике международного права сформировались два основных подхода, в рамках которых раскрывается содержание экономического самоопределения:

Во-первых, — *это суверенитет над природными ресурсами*. Его содержание образуют неотъемлемый суверенитет государства над природными ресурсами и право на независимое определение стратегии экономического развития. Из данной конструкции следует, что любая модель внешнего контроля над экономикой другого государства — в том числе доктринально оформленная парадигма «выгода вместо согласия»[23] — надлежит квалифицировать как международно-противоправное деяние, несовместимое с императивным запретом вмешательства во внутренние дела государств. Суверенитет над природными ресурсами предполагает право народов самостоятельно определять порядок распоряжения ресурсами и стратегию их использования; эксплуатация ресурсов требует свободного, предварительного и осознанного согласия. Подмена данного стандарта критерием «конкретной и ощутимой выгоды» юридически несостоятельна: материальные блага без реального контроля над территорией и ресурсами не образуют самоопределения, а лишь создают видимость его осуществления и легитимируют сохраняющийся эксплуатационный режим.

Во-вторых, — это концепция репаративного самоопределения коренных народов. Понятие «репаративное» указывает на восстановительный характер данной модели: речь идёт не о первичном приобретении права на самоопределение,

[23] Формула *«выгода вместо согласия»* (benefit instead of consent) описывает практику подмены стандарта свободного, предварительного и осознанного согласия (FPIC) народов на проекты, затрагивающие их земли и ресурсы, предложением им компенсационных пакетов или разового разделения выгод. В рамках такого подхода FPIC низводится до транзакционного обмена, где согласие фактически «покупается» рабочими местами, инфраструктурой или денежными выплатами, а народы из правообладателей превращаются в получателей благ.

а о восстановлении исторически утраченного контроля коренного народа над своей территорией, ресурсами и институтами управления. Данная модель закреплена в Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г. (UNDRIP) как внесецессионная форма реализации самоопределения — то есть не предполагающая отделения от государства, но гарантирующая реальное самоуправление внутри него.

Доктринальный анализ выявляет системную нормативную дефектность концепции репаративного самоопределения, проявляющуюся в следующих измерениях: а) неопределённость субъектного состава: критерии отнесения той или иной общности к «коренному народу» — носителю соответствующего права — остаются юридически размытыми; б) отсутствие действенных имплементационных гарантий превращает декларируемые права в юридически необеспеченные обязательства; в) не разрешена коллизия между коллективными правами коренного населения и правами иных лиц, постоянно проживающих на той же территории.

14. Среди существующих моделей управления этническим многообразием умеренный консоционализм обеспечивает оптимальный баланс между единством государства и правом этнических групп на самоуправление, что делает его предпочтительным механизмом реализации внутреннего самоопределения. Концептуальное своеобразие модели определяется органическим сочетанием двух структурообразующих элементов: региональной автономии, обеспечивающей самоуправление этнических групп и их элит, и инклюзивных политических институтов, гарантирующих реальное участие данных групп в осуществлении государственной власти. Надлежащий механизм институализации такого участия состоит из: соразмерного представительства в органах публичной власти, адаптированной избирательной системы, договорного разграничения полномочий между центром и регионами, а также межрегионального экономического взаимодействие как материальной основы хозяйственной интеграции.

С точки зрения международно-правовых обязательств государства консоционализм обеспечивает выполнение ключевого условия «охранительной

оговорки» Декларации о принципах международного права 1970 года, которое заключается в том, что государство, конституционно гарантирующее равноправное участие всех составляющих его народов в осуществлении публичной власти, сохраняет международно-правовую защиту принципа территориальной целостности и одновременно лишает этнополитические движения оснований для апелляции к сецессии.

В нормативном отношении консоционализм обеспечивает надлежащее исполнение государством обязательств по статье 27 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая гарантирует индивидуальные права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Консоционализм дополняет эту гарантию коллективным измерением, создавая системные институциональные механизмы группового самоуправления и политического представительства. Без такого коллективного измерения формальный запрет дискриминации неизбежно сохраняет декларативный характер, не порождая реальных инструментов защиты групповой идентичности и участия в управлении государством.

В качестве практического вклада диссертантом разработан проект «Декларации о праве народов на самоопределение и формах его реализации».

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования.

Теоретическая значимость:

Развитие доктрины международного права

- Углубление понимания права на самоопределение как одного из ключевых принципов современного международного права.
- Анализ эволюции концепции от классического колониального контекста до современных вызовов (сепаратизм, автономизация, референдумы о независимости).

Систематизация подходов к интерпретации права на самоопределение

- Сравнительный анализ различных теорий;
- Исследование взаимодействия права на самоопределение с другими принципами

международного права (территориальная целостность, права человека, суверенитет государств).

Концептуализация новых аспектов

– Изучение влияния глобализации, цифровизации и международных организаций (ООН, ОБСЕ, МУС) на реализацию права народов на самоопределение;
– Анализ роли коренных народов и меньшинств в контексте самоопределения.

Методологический вклад:

– Применение междисциплинарных подходов (политология, история, философия права) для комплексного анализа проблемы.

Практическая значимость:

Для международных организаций и государств

– Разработка рекомендаций по урегулированию конфликтов, связанных с самоопределением;

– Предложения по совершенствованию международно-правовых механизмов реализации права на самоопределение.

Для законодательной и судебной практики

– Возможность использования выводов исследования в работе международных судов и национальных законодательных органов, связанных с правом на самоопределение.

– Анализ прецедентов (референдумы, решения международных трибуналов) для выработки единых стандартов для государств и международных организаций.

Для дипломатии и миротворчества:

– Практические рекомендации по предотвращению насильственных конфликтов на почве самоопределения.

– Разработка моделей мирного урегулирования (автономия, федерализм, консоционализм).

Для образовательного процесса:

– Использование материалов исследования в учебных курсах по международному праву, конституционному праву, истории правовых и политических учений, политологии и конфликтологии.

Исследование вносит вклад как в теорию международного права, так и в практику его применения его принципов и норм, предлагая научно обоснованные решения актуальных проблем, связанных с правом народов на самоопределение. Результаты работы могут быть полезны юристам, дипломатам, политикам и ученым, занимающимся вопросами самоопределения, прав человека и международной безопасности.

Обоснованность и достоверность исследования основаны на том, что полученные результаты обоснованы и подтверждены многообразием использованных методов исследования, глубоким и всесторонним анализом отечественной и зарубежной доктрины, значительным объемом эмпирического и нормативного материала, а именно универсальных, региональных, двусторонних международных договоров и актов декларативного характера, судебной практики международных и внутригосударственных структур, а также законодательства государств по современным проблемам права народов на самоопределение.

Апробация результатов диссертационного исследования. Работа выполнена на кафедре международного права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА)».

Анализы и выводы, проведенные в рамках настоящей работы, были использованы в целях подготовки правового заключения для Министерства юстиции Российской Федерации в связи с признанием Верховным судом РФ ряда сепаратистских движений экстремистскими в 2023–2024 гг.

Основные научные выводы и положения по теме диссертации были отражены в шестнадцати научных публикациях в таких рецензируемых журналах из перечня К1, как «Государство и право»; «Международная жизнь», Вестник Санкт-Петербургского университета», «Московский журнал международного права», «Lex Russica», «Kutafin Law Review», «Актуальные проблемы современного права», «Вестник МГЮА», «Международный правовой курьер» и др. По теме диссертации в издательстве «Проспект» в 2025 г. выпущена

монография: «Самоопределение народов и наций в современном международном праве» (20 п.л.).

Апробация результатов исследования были проведены на следующих конференциях и круглых столах:

«Международная научно-практическая конференция» «Государство и право России в современном мире». Москва, МГЮА, МГУ, ноябрь 2022 г; Кутафинские чтения. «правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы». Москва, ноябрь-декабрь 2023 г; Международная научная конференция памяти профессора И.И.Лукашука «Политика санкций в международных отношениях: между верховенством права и принуждением»». Высшая школа экономики, сентябрь 2023; Научно-практическая конференция: «Правосубъектность в современном международном праве: актуальные вопросы». Москва, МГУ, ноябрь 2023 г; XI Московский юридический форум «Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы». Москва, МГЮА, апрель 2024 г; Международная научно-практическая конференция «Действие международного права в пространстве (материковое, морское, воздушное, космическое, киберпространство)», посвященная 80-летию МГИМО МИД РФ. Москва, МГИМО, май 2024 г; круглый стол: «Национальный, региональный и универсальный правопорядок: проблемы взаимодействия». Москва, МГЮА, 11.2024 г; научно-практическая конференция «100 лет государственности Северной Осетии-Алании: история и современность», Владикавказ, СОГУ, декабрь 2024 г; круглый стол: «Предупреждение пыток и жестокого обращения: международные стандарты и практика государств». Москва, МГЮА, «Дом науки», декабрь 2024 г.; круглый стол: «Международное правосудие: проблемы и перспективы». Москва, МГЮА, «Дом науки», 26 марта 2025 г.

Структура диссертационной работы определяется целями и задачами исследования.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ОСНОВНЫХ АКТОРОВ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

§ 1.1. Генезис и эволюция доктрины самоопределения

Право народов на самоопределение принадлежит к числу наиболее сложных и противоречивых концепций в истории политико-правовой мысли и международного права. Зародившись как философская идея в эпоху Просвещения и возникновения национальных государств, оно прошло долгий путь трансформации: от морального постулата и политического лозунга, использовавшегося в борьбе за объединение наций и освобождение от колониальной зависимости, до одного из фундаментальных принципов современного международного права. Однако закрепление этого принципа в Уставе ООН не только не разрешило всех споров, но и породило новые, порой непреодолимые, коллизии — между правом на самоопределение и принципом территориальной целостности государств, между коллективными правами народов и правами человека. В настоящем параграфе рассматривается процесс становления и эволюции права на самоопределение, выявляются ключевые этапы его концептуализации и юридической институционализации, а также анализируется специфика различных национальных подходов, оказавшей значительное влияние на формирование этнокультурного понимания этого феномена.

Отделение от государств частей территорий (сецессия) и, напротив, слияние их и образование новых государств не являются феноменом XX и XXI столетий, а представляют по своей сути подчиняющийся определенным объективным закономерностям путь развития человеческой цивилизации, перманентный процесс зарождения, развития (иногда расцвета) государств, а затем нередко их частичного либо полного распада. На разных исторических этапах это явление претерпевало весьма значительные изменения, обретая форму династийно-монархических заговоров, выражая интересы рабовладельческой или феодальной

знати, выступало побудительным мотивом революций и национально-освободительных движений, завершаясь в конечном счете переделом мира.

Циклы меняющегося строя жизни, государственного и правового развития активно изучали древнегреческие и римские историки и философы, средневековые европейские, персидские и арабские мыслители, лучшие умы эпохи Возрождения и Реформации, исследователи XVIII–XX веков. Один из первых документов о разделе сфер влияния в мире, - заключенный 7 июня 1494 г. Тордесильясский договор между Испанией и Португалией - подразумевавший их вечное и монопольное господство над внеевропейским миром[24] равно как и Вестфальский мир 1648 г., положивший начало современной системе государств, были основаны на суверенном равенстве государств и имели целью решение территориальных проблем[25].

Философские основы самоопределения (идеи народного суверенитета, общественного договора) были заложены в трудах мыслителей XVII–XVIII вв. (Локк, Руссо, Кант), однако наибольшую проблему представлял переход от индивидуального самоопределения (свобода личности) к коллективному (право народа). Ж.-Ж. Руссо рассматривал коллективное самоопределение в контексте теории общественного договора и концепции volonté générale («общая воля»), используя размышления Аристотеля о человеке как социальном существе и Платона об общих интересах как основе государственного единства.

Декларация независимости США от 4 июля 1776 г. и Великая Французская революция 1789 г., напротив, смещали акцент в пользу концепции национального самоопределения, которая «была выдвинута как демократический идеал представительного правления, теоретически применимый ко всему человечеству»[26]. Содержащиеся в Декларации положения о «священном праве,

---

[24] См. Schröter B. et Schüller K. Tordesillas y sus consecuencias: la política de las grandes potencias europeas respecto a América Latina, 1494—1898. (congrès scientifique international du Département d'Histoire ibérique et latino-américaine de l'Université de Cologne, décembre 1994) — Vervuert, Francfort-sur-le-Main ; Iberoamericana, Madrid, 1995. P.7.

[25] Griffiths M. Self-determination, International Law and world order. *Macquarie Law Journal.* (2003). [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://classic.austlii.edu.au/au/journals/MqLawJl/2003/3.html (дата обращения: 01.03.2021 г.)

[26] Anderson M. Frontiers: Territory and State Formation in the Modern World (1996). P. 37.

дарованном Создателем народу», изменять или отвергать форму правления, попирающую неотчуждаемые права человека, нашли затем подтверждение и в принятом 17 сентября 1787 г. «Билле о правах», вышедшем в качестве первых десяти поправок к Конституции США.

Согласно политической мысли эпохи Просвещения, государства должны основываться на воле народа, а не монарха. Это развитие политической мысли означало, что люди больше не были просто подданными монарха, они становились гражданами национального государства. С самого начала концепция национального самоопределения представляла угрозу легитимности установленного порядка и остается таковой по сей день. У.Конноли объясняет это тем, что в мире существует гораздо больше наций, чем государств, и нет юридических процедур для решения проблемы без серьезного нарушения территориальной целостности и прав существующих государств[27].

В истории международных отношений принцип самоопределения возник в качестве политического принципа и связан с американской и французской революциями конца XVIII века[28]. Его идейно-смысловое содержание обогащалось в процессе объединения Италии в период австрийского господства и в ходе других исторических событий. После Французской революции династический суверенитет и божественное право монархов уступили место концепциям, основанным на идеях национального государства, самоопределения народов и народного суверенитета[29].

Идея соединения людей в нечто целое проходит практически через все общественно-экономические формации – от античных Греции и Рима до современных государств. И если раньше в качестве такого могучего связующего фактора, преобразующего население территории в народ, выступали наличие общих интересов (Платон), потребность в общении (Аристотель), стремление к

---

[27] См. Connolly W. «Pluralism, Multiculturalism and the Nation-State: Rethinking the Connections». (1996). 1 Journal of Political Ideologies. P. 60.

[28] См. Нгуен Куок Динь, П. Дайе, А. Пелле. «Международное публичное право». В 2-х томах. К., 2000. С. 27.

[29] См. Murphy A. «The Sovereign State System as Political-Territorial Ideal» in Thomas Biersteker and Cynthia Weber (eds), State Sovereignty as Social Construct (1996) P. 95.

«добродетельной жизни» (Ф.Аквинский), то, в условиях государственности зарождающегося буржуазного общества на первый план выходят стремление к обладанию политической властью и обеспечение защиты прав и интересов индивидов (Ж.Боден, Т.Гоббс).

В той или иной степени идея самоопределения, трансформация ее политико-правового контента получили отражение в теории «народного суверенитета» Ж-Ж.Руссо, обосновании «права на революцию» Дж.Локка, трактовке Э.де Ваттелем связи между суверенитетом народа и государством. Словенский юрист-международник Д.Тюрк исходит из того, что на Венском конгрессе (1814–1815 гг.) был создан новый международный порядок, который не смог остановить процесс образования национальных государств. По его оценке, к концу Первой мировой войны «мобилизующим стал принцип самоопределения народов»[30]. Он воспринимался как своего рода обоснование дезинтеграционных процессов в Австро-Венгрии и Османской империи. И уже тогда предполагалось, что каждое новое государство должно иметь реальные шансы на экономическую и, соответственно, политическую самостоятельность – то, что в современной доктрине обрело термин «эффективность». Тем не менее Венский конгресс 1815 года не принял самоопределение в качестве правовой основы для изменения карты Европы. А.Кассезе прослеживает поступательную эволюцию принципа и выделяет три ключевых этапа:

1. Истоки (XVIII–XIX вв.). Принцип зарождается как политический идеал в эпоху Американской и Французской революций, но существует исключительно как внутригосударственный лозунг, не имея международно-правового значения.
2. Политический постулат (XIX – первая половина XX в.). Самоопределение активно используется в политическом дискурсе, особенно национально-освободительными движениями, но остается политическим требованием, а не правовой нормой .

[30] См. Тюрк Д. Основы международного права. М., 2013. С. 181.

3. Конституционализация (с 1945 г.). Устав ООН запускает процесс трансформации. Решающую роль сыграла практика деколонизации и резолюции Генеральной Ассамблеи (1514, 2625). Именно в этот период, по мнению Касезе, формируется четкая «деколонизационная модель» внешнего самоопределения, а сам принцип неразрывно связывается с демократией и правами человека[31].

В классическом труде «The Creation of States in International Law» Дж.Кроуфорд занимает более критическую позицию, акцентируя неопределенность, сопровождавшую принцип на всем протяжении его истории. Дж.Кроуфорд констатирует, что никто никогда не мог дать четкого ответа на вопрос, что означает право на самоопределение и, главное, кто является его субъектом («народом»). Вне четкого колониального контекста применение принципа всегда было спорным и политизированным. История показывает не только триумфы самоопределения, но и его «темную сторону», когда определение «народа» в этнических категориях вело к исключению, насилию и даже геноциду. Дж.Кроуфорд осторожнее оценивает обычно-правовое содержание принципа, особенно в части права на сецессию. Анализ практики государств показывает, что многие аспекты, выходящие за рамки деколонизации, не получили однозначного подтверждения и остаются концептуально неразрешенными[32]. Таким образом, если Касезе видит в истории самоопределения триумфальный путь от идеала к праву, то Кроуфорд фиксирует перманентный кризис идентификации, делающий этот принцип вечно спорным в реальной политике.

Принято считать, что термин «самоопределение» в его современном понимании восходит к немецкой философской школе. Зарождение этой концепции стало реакцией на вызовы эпохи. В конце XVIII — начале XIX века Германия оставалась раздробленной на множество мелких государств, а наполеоновская экспансия вызвала мощный подъем национально-освободительного движения. В этих условиях интеллектуалы и философы обратились к поиску объединяющего

---

[31] Cassese, A. Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. Cambridge University Press, 1995. (Hersch Lauterpacht Memorial Lectures, 12). P.33.

[32] Crawford J. The Creation of States in International Law. 2nded. Oxford: Oxford University Press. 2007. 870 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199228423.001.0001

начала, которое могло бы сплотить немцев[33]. Ключевой фигурой на этом этапе стал И.Г.Гердер. Он первым предложил рассматривать каждый народ как уникальный организм, обладающий собственным «народным духом» (Volksgeist), который проявляется в языке, культуре, обычаях и искусстве. Идеи Гердера заложили фундамент для понимания самоопределения не как политического волеизъявления, а как права на сохранение и развитие своей самобытной культурной идентичности[34]. Развил эти идеи философ И.Г.Фихте. Именно его принято считать основоположником термина «самоопределение» (Selbestimungsrecht). В своих знаменитых «Речах к немецкой нации» (1808 г.), написанных в период французской оккупации, он призвал немцев к национальному пробуждению на основе языковой и культурной общности. Для И.Фихте чистота и древность немецкого языка были доказательством исконности и особой миссии немецкого народа[35]. Таким образом, в германской традиции право нации на самоопределение мыслилось прежде всего как право на политическое объединение всех представителей одного этноса и культуры в границах собственного государства. Это нашло отражение в дискуссиях середины XIX века о «великогерманском» (с включением Австрии) и «малогерманском» (под эгидой Пруссии) путях объединения. Впоследствии, на рубеже XIX–XX веков, эти идеи трансформировались. Стремление к национальному единству переросло в агрессивный пангерманизм с его требованиями расширения «жизненного пространства» и утверждением культурного, а затем и расового превосходства германской нации. Именно эта, радикализированная версия германской концепции, оказала влияние на идеологию национал-социализма и была окончательно дискредитирована после Второй мировой войны.

Чётко прозвучавшее на Берлинском конгрессе 1878 г. понятие «самоопределение наций», отождествлявшееся с движением за независимость,

---

[33] Geiss I. Die deutsche Frage: 1806-1990. Mannheim, 1992. S.22.

[34] Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. (Серия «Памятники исторической мысли») — М.: Издательство «Наука», 1977. С.301

[35] Gregory Moore (ed.), *Fichte: Addresses to the German Nation* (Cambridge: Cambridge University Press, 2008). P.28-66.

прошло большой и сложный путь развития, со временем получило широкое признание и занял прочное место в программных документах многих общественных движений и политических партий. В 1896 году оно, в частности, нашло закрепление в решении Лондонского Конгресса II Интернационала, сформулировавшего основы принципа в контексте регулирования межнациональных отношений. После Первой мировой войны, когда прежняя европейская система начала распадаться, идея самоопределения получила принципиальную поддержку со стороны международных деятелей, «столь идеологически разнообразных, как Владимир Ленин и Вудро Вильсон»[36]. В.Вильсон и В.И.Ленин считали, что «народы» и «нации» обладают соответствующим правом, но не раскрыли значение самих терминов[37].

Западная дипломатия длительное время пыталась доказать, что принцип самоопределения наций представляет собой скорее этическую, нежели правовую категорию. Показательно утвержденное Советом Лиги Наций заключение международной комиссии юристов, образованной им в 1920 году для рассмотрения шведско-финляндского спора из-за Аландских островов: «Хотя принцип самоопределения народов занимает важное место в современной политической мысли … необходимо отметить, что об этом принципе нет никакого упоминания в Уставе Лиги Наций. Признание же этого принципа не является достаточным, чтобы рассматривать его как позитивное правило международного права»[38]. Вместе с тем принцип самоопределения оказывал влияние на установление системы мандатов в международном праве, проведение ряда плебисцитов о территориальной принадлежности, предоставление международных гарантий меньшинствам. Самоопределение лишь косвенно признавалось применимо к тем территориям, которые находились под мандатом Лиги Наций, и к тем колониям, которые перешли к победившим странам после Первой мировой войны. Устав Лиги Наций,

---

[36] См. Schaefer R. The Politics of Partition (1990) P. 46–59. On the unlikely partnership between Lenin and Wilson, for whom self-determination and secession were indistinguishable. См. так же: Kalevi Holsti, Peace and War: Armed Conflicts and International Order 1648–1989 (1991) 181–89.

[37] Более подробно о соотношении концепций о самоопределении В.И.Ленина и В.Вильсона см, в §1.2.

[38] Цит. по: Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. М., 1958. С.71

по сути, установил неравенство народов. Например, согласно статье 22 Устава, земли, получившие статус подмандатных территорий, должны были управляться «развитыми нациями».

С приходом в Германии к власти фашистов и последующим началом Второй мировой войны принцип самоопределения обретает иное, значительно более императивное звучание. В Атлантической хартии (признана СССР на Межсоюзной конференции в Лондоне 24 сентября 1941 г.) торжественно провозглашалось, что не могут быть произведены никакие «территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов» (п.2). После окончательного уничтожения нацисткой тирании должен быть установлен мир, «который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории…» (п.6). В Хартии также было обращено внимание на необходимость уважения прав «всех народов избрать себе формулу правления, при которой они хотят жить» и указано на стремление к «восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем» (п.3)[39]. Эта формула и стала во многом прообразом современного понимания принципа самоопределения.

Приведенные выше принципиальные позиции нашли четкое выражение в Декларации Советского правительства от 24 сентября 1941 г. на упомянутой конференции в Лондоне. В документе указывалось, что Советский Союз, руководствуясь в своей внешней политике принципом самоопределения, суверенитета и равноправия наций, отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает необходимыми. Не трудно видеть уже здесь тесную диалектическую связь между уважением территориальной неприкосновенности (целостности) и правом на самоопределение. Не менее важно и то обстоятельство, что, высказываясь за последовательное осуществление принципов Атлантической

[39] См. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. М., 1946. С. 164-165.

Хартии, Советское правительство делало оговорку, что практическое применение этих принципов «неизбежно должно сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»[40].

В «Декларации об освобожденной Европе», принятой на Крымской конференции в феврале 1945 года, правительства СССР, США и Великобритании вновь подтвердили незыблемость принципа самоопределения наций. Они заявили, что в послевоенном мире «должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия». Благодаря усилиям СССР и поддерживавших его стран удалось добиться признания принципа самоопределения в качестве одного из важнейших принципов современного международного права[41]. Определяющее значение для понимания и трактовки принципа самоопределения имело обсуждение вопроса при принятии Устава ООН. Как отмечал С.Б.Крылов, принимавший непосредственное участие в подготовке текста Устава, положение о самоопределении вызвало прения в связи с тем, что в нем говорилось и о «нациях», и о «народах».

Комментируя использование понятия «нация», С.Б.Крылов отмечал, что имеются в виду в первую очередь отношения между нациями-государствами и нациями, находящимися в процессе становления, превращения в государства[42]. «Организация», - подчеркивал он, - ставит своей целью развитие дружественных отношений не только между своими членами-государствами, но и между нациями (когда они борются за свою государственную независимость). В соответствии с этим имеется в виду и равноправие и самоопределение этих наций. Организация не может оставаться безразличной ко всему, что угрожает международному миру и безопасности, и, следовательно, должна поставить вопрос о самоопределении

---

[40] См. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. 1947. С. 105.
[41] См. Старушенко Г.Б. Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике Советского государства. М., 1960; Сперанская Л.В. Принцип самоопределения в международном праве. М., 1967; Тузмухаммедов Р.А. Национальный суверенитет. М., 1963.
[42] См. Крылов С.Б. История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава Организации Объединенных Наций (1944-1945). М., 1960. С. 17.

народа, не имеющего государственного бытия, если его угнетение является фактором, затрагивающим международный мир и безопасность»[43].

Рассматривая содержание п.4 ст. 2 Устава ООН, советский представитель посчитал необходимым отметить, что положение о территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства отнюдь не исключает изменения границ государств по добровольному соглашению, в результате передачи в аренду или признания независимости какой-либо страны. Признание территориальной неприкосновенности, делался вывод, «не гарантирует территориальной неприкосновенности в тех случаях, когда территориальное изменение происходит не в результате угрозы силой или применения силы, а в соответствии с принципом самоопределения наций, желанием народа данной территории, определенным путем референдума, или в каком-либо другом порядке»[44].

С аналогичных позиций оценивал Устав ООН и Ю.Г.Барсегов. Он считал, что этот базовый документ не ставит и не может ставить никаких препятствий мирным изменениям территориального или политического статуса, существовавшего в момент создания Организации в 1945 году. Таковой может быть изменен в соответствии с правом наций на самоопределение соглашениями самих государств либо на основе решений авторитетных международных органов, если они соответствуют общепризнанным принципам международного права. «Уважение территориальной целостности государств, - подчеркивал ученый, - ни в коем случае не означает закрепления и уважения политического статуса или границ, созданных насилиями и войнами»[45].

В первых исследованиях и комментариях Устава ООН западными учеными (Г.Кельзен и др.) положение о равноправии и самоопределении народов рассматривалась как не имеющее большого значения, чуть ли не как «случайное»,

---

[43] Крылов С.Б. История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава Организации Объединенных Наций (1944-1945). М., 1960. С.111-112.
[44] Крылов С.Б. Цит. соч., С.113.
[45]Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. Юридическая природа территориального верховенства и правовые основания распоряжения территорией. М., 1958. С. 84-85.

утверждалось, будто Устав далек от того, чтобы расценивать «политический постулат» в качестве правового принципа и выводить из него юридически признанные права и обязательства.

Видный уругвайский ученый, один из признанных авторитетов в области международного публичного права Э.Х.де Аречага пришел, спустя четверть века, к выводу, что сделанное как бы вскользь упоминание о принципе самоопределения наполнено большим внутренним содержанием и имеет важное значение. «Эти восемь слов, содержащихся в ст. 1, п.2 и в ст. 55, практически разрешили все проблемы, поднятые в Главе XI Устава ООН, - писал Аречага, - и привели к тому, что международная система опеки, созданная в соответствии с Главами XII и XIII Устава Организации Объединенных Наций, фактически почти прекратила свое существование»[46].

В период до развертывания активной национально-освободительной борьбы стран Азии, Африки и Латинской Америки колониальные державы упорно пытались сохранить сложившиеся за века статус, претендуя на некогда порабощенные ими территории, которые в историческом, этническом, экономическом и географическом отношениях представляют собой самостоятельное целое или части других стран. Португальское правительство, например, вплоть до 1974 года считала индийскую территорию Гоа неотъемлемой частью Португалии, а конституция рассматривала Гоа как «провинцию» страны. Нечто подобное имело место с Гонконгом и многими другими территориями. Небезынтересно отметить, что в 2019 году (спустя без малого 60 лет после известной антиколониальной резолюции ООН) Международный Суд признал незаконным отторжение в 1965 году от получившего независимость островного государства Маврикий (бывшая колония Великобритании) архипелага Чагос (вопреки соответствующей резолюции ООН) и потребовал от англичан «как можно

[46] Аречага Э.Х. Современное международное право. М., 1983. С. 157.

скорее завершить управление островами Чагос», доведя до логического завершения процесс деколонизации Маврикия[47].

Юристы-международники также внесли свой «вклад» в ниспровержение еще до конца не оформившегося принципа самоопределения. Нередко утверждалось, что ООН, прописывая в своем Уставе право на самоопределение, подразумевала его лишь для колониальных народов в их борьбе с метрополиями, отстаивая таким образом право колоний на независимость и не более того. Существенным развитием идей Устава ООН стала Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам[48]. Она превратила принцип самоопределения в право на самоопределение, прямо поддержав деколонизацию и право колоний на образование независимых государств[49].

Правом на самоопределение в официальной трактовке ООН обладают между тем также народы, находящиеся под иностранной оккупацией или под гнетом расистских режимов. (См. напр., Декларацию о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств, принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 1981 г. – разд. III «в»).

Ш.Вишер, К.Иглтон, М.Сибер и многие другие политологи и юристы считали принцип самоопределения «теоретическим и ложным», видели в нем «полную неопределенность, чуть ли не зародыш разрушения» государства и наций, предостерегали против «безрассудного применения», фактически не находили принципу места в системе международного права[50]. Видный английский ученый

---

[47] См. Консультативное заключение Международного Суда ООН «О правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 г.» Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/169/169-20190225-PRE-01-00-EN.pdf (дата обращения: 22.01.2024)

[48] Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, Резолюция ГА ООН 1514 (XV) от 14 декабря 1960 г. Центр ООН по правам человека, Права человека: Сборник международных договоров, ST/HR/1/Rev.5, том I (Часть I), Нью-Йорк и Женева, ООН 1994, с. 55-57.

[49] Hannum H. «Rethinking Self-Determination», 34 Virginia Journal of International Law № 1 (1994), pp. 1-69, at p. 12.

[50] См. Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2000. С. 54-55.

А.Коббан ставил под сомнение саму возможность существования права на самоопределение, считал, что оно «потеряло свою историческую релевантность»[51].

История становления принципа самоопределения, таким образом, изначально оказалась в фокусе борьбы вокруг формирования основных принципов международного права. Представители колониальных держав, признавая подчас на словах принцип самоопределения народов, на деле стремились выхолостить или даже свести на нет его освободительную направленность. Эта борьба получила дальнейшее развитие в связи с разработкой Всеобщей декларации 1948 года и – в дальнейшем – вокруг Международных пактов о правах человека. В обоснование своей позиции западные политики указывали на якобы существующую «опасность» применения указанного принципа на практике, возможность «нарушения общественного порядка, прав и интересов других государств», ссылаясь на не полную ясность самих понятий «народ» и «нация» и т.п. Даже в Комиссии по правам человека предпринимались попытки утверждать, что в статьях 1 и 55 Устава ООН (с их предельно четкой формулой «уважения принципа равноправия и самоопределения народов») имелось в виду не право на самоопределение, а уважение государственного суверенитета[52].

Г.И.Тункин, обращая внимание на «несовершенство» положений Устава ООН по вопросу о самоопределении (не развернута -де формула самоопределения народов), рассматривал тем не менее их в качестве представляющих весьма важный шаг в развитии международного права[53]. Как справедливо отмечается и в современной отечественной литературе, «мы не найдем нигде в Уставе доказательств, что данное право не может использоваться другими народами, не находящимися в колониальной зависимости… Можно говорить о том, что если народ полон решимости в достижении своего самоопределения, то, как правило, он достигает поставленных целей, но вопрос о дальнейшем признании нового статуса

---

[51] Cobban A. The nation state and national self-determination. NY, 1970. P.280

[52] См.: Каграманов А.К. Происхождение, становление и развитие идеи самоопределения народов. Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2021. – № 1. – С. 63. DOI: 10.7256/2454-0633.2021.1.35087

[53] См.: Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С. 73-74.

определенной территории со стороны мировой общественности остаётся открытым и непростым»[54].

Устав ООН, по сути дела, наделил право на самоопределение императивным характером, как один из основных принципов международного права, имеющего природу jus cogens и erga omnes, определил в качестве актуальных задач и обязанностей государств в этом контексте: принятие мер по ликвидации колониализма и иностранного ига; содействие всеобщему уважению и соблюдению прав и основных свобод человека; воздержание от любых насильственных действий, лишающих народы их права на самоопределение, свободу и независимость.

Принятая ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщая декларация прав человека в весьма специфической форме обозначила взаимосвязь самоопределения, равноправия и индивидуальных прав человека, придав этой проблеме международное измерение. Если в ст. 21 (п.1) фиксировалось право каждого человека принимать участие в управлении страной, то ст. 28 провозглашала право «на социальный и международный порядок», при котором изложенные в Декларации права и свободы могли бы быть полностью осуществлены[55]. А спустя четыре года, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 545 от 5 февраля декабря 1952 г. было предельно чётко провозглашено, что «право народов и наций на самоопределение является предпосылкой для пользования всеми основными правами человека»[56].

Приведённые выше положения получили принципиальную трактовку, закрепление и конкретизацию в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года. Приведем основные параметры, характеризующие этот исторический по своему значению документ:

---

[54] Катков А.Д. Принцип самоопределения наций. Его природа и историческое развитие (на примере конфликта в Западной Сахаре). «Человеческий капитал». 2018. №8. С.54.

[55] См. Международное публичное право. Сборник документов в 2 частях. Сост. К.А. Бекяшев, Д.К. Бекяшев. Часть I. М., 2006. С. 396-397.

[56] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 5 февраля 1952 г. A/RES/545 (VI). URL: https://undocs.org/ru/A/RES/545%28VI%29. Дата обращения: 17.04.2020.

- все народы имеют право на самоопределение, в силу чего они свободно определяют свой политический статус и основные направления социально-экономического и культурного развития;

- недостаточная развитость в сфере экономики, образования и культуры не может восприниматься в качестве предлога для задержки в предоставлении независимости;

- любые военные действия или репрессивные меры против зависимых народов должны быть незамедлительно прекращены;

- на всех территориях, не достигших независимости, должны быть незамедлительно приняты меры для передачи власти народам этих территорий в соответствии со свободно выраженной ими волей;

- неправомерны и несовместимы с целями и принципами Устава ООН любые попытки, направленные на разрушение национального единства и целостности стран, не получивших независимости;

- необходимы строгое и добросовестное соблюдение всеми странами положений Устава ООН, Всеобщей декларации прав человека и рассматриваемой Декларации[57].

Декларация как резолюция Генассамблеи ООН не имела юридически обязывающей силы. Однако обстоятельно трактуя и развивая принципиальные положения Устава ООН, она представляла при этом авторитетное выражение позиции подавляющего большинства государств – членов ООН, что, как известно, в процессе создания норм международного права обычным путем имеет важнейшее значение. Как отмечал видный юрист-международник А.Фердросс, в зависимости от обстоятельств обычная норма может складываться в течение длительного времени или может образоваться быстро[58].

---

[57] Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml. Дата обращения: 12.02.2021.

[58] См. Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 154.

Вместе с тем отнюдь не каждое повторение одних и тех же действий приводит к созданию норм поведения, а если такая норма и появляется, она не обязательно должна быть юридической нормой: это может быть обыкновение (обычай, не имеющий правовой обязательности, норма международной морали или международной вежливости). Обычная норма международного права, считал Г.И.Тункин, вырастает из международной практики. Практика же государств может состоять в том, что при известных обстоятельствах они предпринимают определенные действия или, наоборот, воздерживаются от принятия действий. Ученый исходил из того, что констатация существования обычая (обыкновения) неравноценна констатации наличия обычной нормы международного права, поскольку обычай, обычное правило поведения не обязательно является юридической нормой.

Только в результате признания государствами обычая как юридически обязательного заканчивается процесс образования обычной нормы международного права и международный обычай (обыкновение) становится международно-правовым обычаем, или обычной нормой международного права. В этом смысле Г.И.Тункин толковал и пункт «в» ст. 38 Статута Международного Суда ООН. По его мнению, «всеобщей практики» недостаточно для констатации наличия обычной нормы. Именно признание ее (opinion juris) государствами делает обычай нормой права.[59]

Отмеченное ученым положение нашло убедительное подтверждение в принятом спустя чуть более 20 лет после Декларации 1960 г. важнейшем региональном документе – Африканской Хартии прав человека и народов от 26 июня 1981 г. В Хартии (явно недооцениваемой научной общественностью) категорически отвергалось «господство одного народа над другим» (ст. 19); право на самоопределение, рассматриваемое как «неоспоримое и неотъемлемое» увязывалось с «правом на существование», с борьбой за «освобождение от уз

[59] См. Тункин Г.И. С. 133-135. Обстоятельный разбор соответствующих подходов отечественных и зарубежных юристов-международников к рассматриваемой теме см. в упомянутой книге Г.И.Тункина (с. 136-153).

господства любыми средствами, признанными международным сообществом» и «правом на помощь» со стороны государств-участников Хартии (ст. 20); провозглашалось право народов свободно распоряжаться своим национальным богатством и природными ресурсами (ст. 21).[60]

На наш взгляд, именно обычаю и обыкновению суждено еще сыграть немалую роль в формировании подходов позитивного международного права к сложному феномену самоопределения, в том числе в такой его острой форме, как сецессия.

Исключительно значимы для понимания сути рассматриваемой проблемы Международные пакты (1966) об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах. В первую очередь обращает на себя внимание, что принципиальной важности положение о праве народов на самоопределение с целью придания ему особого веса и политического звучания текстуально повторено и вынесено в обеих Пактах на первое место (Статья 1).[61]

Включение коллективного права (права народа) во всеобъемлющие документы, посвященные «набору» традиционных индивидуальных прав человека, на наш взгляд, имело целью подчеркнуть их тесную связь с доктриной народного суверенитета, реализацию ее субстантивного содержания. В рассматриваемой статье упомянутых Пактов раскрывается суть права на самоопределение, некая триада, предполагающая:

- свободное установление народом собственного политического статуса и свободное обеспечение своего экономического, социального и культурного развития;
- увязка достижения народами права на самоопределение с возможностью свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами;
- призыв к государствам (возложение на них обязанности) поощрять право на самоопределение и уважать его.

---

[60] См. Международное публичное право. Сборник документов в 2 частях. Сост. К.А. Бекяшев, Д.К. Бекяшев. Часть I. М., 2006. С. 540.
[61] Там же. С. 440; 447.

Должное место характеристика принципа самоопределения нашла в Декларации о принципах международного права 1970 г., ставшей своего рода конститутивным документом, с максимальной полнотой раскрывшей содержание важнейших положений, заложенных в Уставе ООН.[62]

Во-первых, в Декларации принцип равноправия и самоопределения народов рассматривается в качестве существенного вклада в международное право;

во-вторых, подчёркивается первостепенное значение указанного принципа для содействия развитию дружественных отношений между государствами;

в-третьих, отмечается, что прогрессивное развитие и кодификация ряда принципов (среди них принцип равноправия и самоопределения народов) будут содействовать осуществлению целей ООН;

в-четвертых, каждое государство обязывается воздерживаться от насильственных действий, лишающих народы права на самоопределение;

в-пятых, содержится призыв незамедлительно положить конец колониализму, имея, в частности, в виду, что подчинение народов иностранному игу, господству и эксплуатации является нарушением принципа равноправия и самоопределения народов;

в-шестых, устанавливаются способы осуществления права народа на самоопределение (создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом);

в-седьмых, государства призываются воздерживаться от любых насильственных действий, лишающих народы их права на самоопределение;

в-восьмых, в противодействии подобным мерам народам предоставляется право испрашивать и получать поддержку в соответствии с целями и принципами Устава ООН;

Наконец, одно из главных положений Декларации видится в тесной увязке рассматриваемого принципа со всеми другими и, в первую очередь, с

---

[62] См. Международное публичное право. Сборник документов в 2 частях. Сост. К.А. Бекяшев, Д.К. Бекяшев. Часть I. М., 2006. С. 80-85.

провозглашенными «неприкосновенными» территориальной целостностью и политической независимостью государства.

Принципиальные положения Декларации 1970 г. нашли дополнительное выражение и получили дальнейшее развитие в ряде международно-правовых документов регионального и межрегионального характера, важное место среди которых занимает Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.[63] Государства-участники, выразив в Заключительном акте приверженность принципам, находящимся в соответствии с Уставом ООН, уделили должное внимание и проблеме самоопределения. Показательно, что традиционная формула «право на самоопределение» преобразована в тексте документа в «право народов распоряжаться своей судьбой». Само понятие «судьба», не совсем обычное для юридического текста, как бы перекидывает, на наш взгляд, еще один логический мостик к правам человека в самом широком смысле, а тем самым и к упоминавшимся в настоящем параграфе «праву на революцию» и к «народному суверенитету».

В развитие указанного принципа подчеркиваются право всех народов «в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус», а также всеобщее значение рассматриваемого права для развития дружественных отношений между всеми народами и государствами. Напоминается о важности исключения любой формы нарушения рассматриваемого принципа.

В Парижской Хартии для новой Европы, принятой на втором саммите глав государств и правительств государств-участников СБСЕ (19-21 ноября 1990 г.) были вновь подтверждены «равноправие народов и их право распоряжаться своей судьбой в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и соответствующими нормами международного права, включая те, которые относятся к территориальной целостности государств»[64].

---

[63] См. Международное публичное право. Сборник документов в 2 частях. Сост. К.А. Бекяшев, Д.К. Бекяшев. Часть I. М., 2006. С. 88-92.

[64] Парижская хартия для новой Европы. Принята 19-21 ноября 1990 г. в Париже. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/3/4/39520.pdf. Дата обращения: 12.02.2021.

Новым крупным шагом в трактовке самоопределения, дальнейшем обогащении этого понятия стали Венская Декларация и Программа действий принятые на Всемирной конференции по правам человека (1993., Вена)[65]. Констатируя значимость уважения принципа равноправия и самоопределения народов, участники конференции обратили внимание на необходимость обеспечения свободного определения народами своего политического статуса и беспрепятственного осуществления экономического, социального и культурного развития. А с учетом «особого положения народов, находящихся под колониальным или другими формами чужеземного господства или иностранной оккупации» признано их право предпринимать «любые законные действия в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций для осуществления своего неотъемлемого права на самоопределение».

В соответствии с решениями форума отказ в праве на самоопределение считался нарушением прав человека, а рассмотрение самоопределения в контексте прав человека предполагало такие характеристики, как «универсальность» и «неделимость». Международное сообщество было призвано «относиться к правам человека глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием», а на государства возлагалась «обязанность поощрять и защищать все права человека и основные свободы», имея в виду при этом «значение национальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей».

Особая значимость конференции, по нашему убеждению, проявилась и в том, что на ней, по сути дела впервые, на высоком уровне, была обозначена тесная связь традиционного толкования прав человека с проблемами демократии как формы правления, которые как говорилось в документе, «являются взаимозависимыми и взаимоукрепляющими». В этом контексте международное сообщество

---

[65]Венская декларация и Программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека, Вена, 25 июня 1993 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml. Дата обращения: 12.02.2021.

призывается «способствовать укреплению и поощрению демократии, развитию и уважению прав человека и основных свобод во всем мире».

Вместе с тем, в Декларации тысячелетия ООН 2000 г. вновь говорится о праве на самоопределение народов лишь в тесной увязке с проблемами колониального господства и иностранной оккупации.

Четко обозначившаяся к середине 2000-х годов «гуманистическая» (в дополнение к «антиколониальной») трактовка права на самоопределение получила дальнейшее развитие в резолюции ГА ООН A/64/438 «Всеобщее осуществление права народов на самоопределение» от 18 декабря 2009 г., в которой подчеркивалось, что соблюдение этого права гарантируется «народам, находящимся под колониальной, иностранной, или чужеземной оккупацией» и «является коренным условием для эффективного обеспечения и соблюдения прав человека»[66].

Рассматривая вопрос о связи проблем самообороны государства и права народа на самоопределение, Э.Х.Аречага исходил из того, что Устав ООН не отвергает права на революцию и сочувственно цитировал американского юриста Х.Бликса, считавшего, что право на самоопределение является «одной из норм, для применения которых в каждом случае необходимо решение международных организаций и, хотя такой орган, как Генеральная Ассамблея ООН, возможно, и не подходит идеально для выполнения этой эгиды, на сегодняшний день только он принял на себя эту функцию». Сам же Аречага полагал, что, ввиду отсутствия объективного и справедливого критерия для решения вопроса о том, какой именно «народ» имеет право на самоопределение, необходимо избежать ситуации, когда применение силы в поддержку сепаратистов и этнических меньшинств во многих частях мира «лишило бы всякой ценности содержание п.4 ст.2 и ст.51 Устава ООН об ограничении применении силы[67].

---

[66] Резолюция ГА ООН «Всеобщее осуществление права народов на самоопределение» от 18 декабря 2009 г. A/64/438. URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/64/438. Дата обращения: 15.04.2020.

[67] Аречага Э.Х. Современное международное право. М., 1983. С. 153-154.

Еще в упоминавшейся выше резолюции ГА ООН 1514 принцип самоопределения в соответствии с волей народа (п.2) увязывался с принципом национального единства и территориальной целостности (п.6). И такая увязка просматривается в той или иной степени в большинстве дел, ставших предметом обсуждения ГА ООН и Международным Судом (проблемы Гибралтара, Мальвинских (Фолклендских) островов, Западной Сахары и Марокко и др. Представитель Алжира М.Беджауи при рассмотрении, к примеру, последнего вопроса доказывал в Международном Суде, что главным принципом самоопределения и основным правилом деколонизации является необходимость принимать во внимание волю народа соответствующей территории относительно его будущего политического статуса. «Если бы историческая принадлежность какой-либо территории автоматически влияла на судьбу ее населения, то есть если бы с мнением населения относительно его дальнейшей судьбы вовсе не считались, - эмоционально рассуждал алжирец, - то спрашивается, какое различие существовало бы, с точки зрения достоинства, между этими людьми и скотом, который должен разделять судьбу территории, где он находится»[68].

Международный Суд ООН по итогам рассмотрения упомянутого вопроса ограничился указанием на то, что суть свободного самоопределения заключается в необходимости учитывать волю народа и упомянул в общей форме об исключениях из этого правила в тех случаях, когда то или иное население не представляет собой народ или когда имеются «специфические обстоятельства», не раскрыв, по сути дела, что подразумевается под этой формулой.

По нашему убеждению, в современном мире право на самоопределение отнюдь не ограничивается народами, находящимися под колониальным прошлым – эта ситуация в решающей степени стала достоянием истории. Ст. 1 и ст. 55 Устава ООН ясно и четко указывают на всеобщий характер принципа самоопределения. А Декларация о принципах 1970 г., хотя и содержит по-прежнему требование «положить конец колониализму», существенно расширяет сферу применения

[68] См. Report of the Secretary-General on the situation concerning Western Sahara (S/2006/249) § 37, p. 10. // United Nations Security Council.

принципа самоопределения, относя его не только к народам подопечных и несамоуправляющихся территорий, но и к народам суверенных государств. Этот принцип, как еще в 1980 году справедливо отмечал Э.Х.Аречага, «должен пережить свою уже почти историческую миссию по ликвидации системы колониализма»[69].

В.Л. Толстых исходит из того, что самоопределение представляет собой норму, включающую три альтернативные идеи: суверенитета, общей воли и прав человека. А сам принцип выполняет в настоящее время четыре функции. «Во-первых, он регулирует процесс возникновения новых субъектов международного прав, предоставляя народам, не имеющим государственности, право на нее; во-вторых, он постулирует существование интересов народов, отдельных от интересов их правительств, и необходимость их защиты; в-третьих, он дублирует некоторые другие принципы, прежде всего принципы невмешательства и неприменения силы; в-четвертых, он иногда рассматривается как дополнительное основание прав человека (наряду с достоинством)»[70].

Что можно сказать по поводу приведенных суждений? Первое из них не вызывает сомнений, по сути дела постулируя в качестве факта один из возможных способов возникновения государства в современном мире. Второе также очевидно в части признания возможности несовпадения интересов народа с «интересами их правительств». Скорей, речь следует вести все же о каких-то действиях или бездействии правительств, не отвечающих потребностям общества, и вряд ли устранение соответствующих проблем (в большинстве случаев – конституционным путём) надо рассматривать как реализацию самоопределения народа. Что касается третьей функции, то конечно же, речь может и должна идти о взаимодействии со всеми основными принципами, в том числе и с упомянутыми автором, но вряд ли правомерно утверждение о неком «дублировании». Наконец,

---

[69] Аречага Э.Х. Цит. соч., С. 161.

[70] См. Толстых В.Л. Три идеи самоопределения. // Евразийский юридический журнал. 2014. №9. С. 65-72. Его же. К вопросу о принципе самоопределения. // Евразийский юридический журнал. 2015. №6. С. 43-46.

на наш взгляд, можно рассматривать индивидуальные права человека, как дополнительное основание для самоопределения народа, но не наоборот.

И именно в упомянутом контексте применительно к потенциальным субъектам самоопределения, не являющимся государственными образованиями, профессор Кембриджского университета Д.Кроуфорд признает право на самоопределение в «тесной увязке» с основными правами человека. Такое самоопределение должно осуществляться, по мнению ученого, «без принуждения и на основе равенства» и может привести либо к независимости самоопределяющейся единицы в качестве отдельного государства, либо к ее объединению с другим государством на основе политического равенства.[71]

А.Цуциев исходит из того, что право на самоопределение прошло «три основных исторических эпохи своей трактовки политической и правовой релевантности». Первоначально с середины XIX века самоопределение трактовалось, дескать, не как право, но принцип, означающий в изначальном европейском контексте возможность для народов, говорящих на одном языке, объединяться и формировать новое государство. Второй- деколонизационный – этап начался с принятием Устава ООН в 1945 г., обеспечивающего своего рода сдвиг от провозглашения в Уставе принципа самоопределения к признанию права на самоопределение. На третьем (нынешнем) историческом этапе эволюции права на самоопределение возникают, по мнению автора, попытки соединить «этнокультурное понимание» права на самоопределение (как право этнических групп на создание политических образований, включая независимое государство) и право бывших колониальных территорий.[72]

Сходных во многом позиций придерживаются и ученый из США Х.Ханнум[73], некоторые другие авторы.

---

[71] См. J. Crawford. The Creation of States in International Law. Second Edition. Oxford., 2007. P.128.
[72] См. Цуциев А. Территории проблемного суверенитета // Научные тетради Института Восточной Европы. Вып. 1. Непризнанные государства. М.: Изд. Дом «Территория будущего», 2006. С. 31.
[73] Hannum H. Rethinking Self-determination. «34 Virginia Journal of International Law». 1994. №1. P.12.

Допуская в принципе подобный (как один из вариантов) подход к периодизации развития идеи самоопределения, хотелось бы в то же время выразить серьезные сомнения в целесообразности противопоставления самоопределения как принципа и как права. Разумеется, это не одно и тоже, но, на наш взгляд, не существует и какой-то непреодолимой стены между самими понятиями.

Если «право» выступает юридически обязывающей нормой, предполагающей соответствующую обязанность другой стороны, то «принцип» чаще воспринимается в значительной степени как политическая категория, что отнюдь не умаляет обязательности следовать его положениям. Эта особенность принципа международного права вытекает напрямую из статьи 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.[74], определяющей его как «императивную норму общего международного права»; она «принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер».

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что известная Декларация 1970 г., ставит, по сути дела, знак равенства между рассматриваемыми понятиями. Используя в названии термин «принцип», документ раскрывает по существу в тексте формы осуществления «права» на самоопределение (подч. нами – А.К.).

В доктрине и практике принцип самоопределения подчас понимается как одноразовое действие, как право избрать формулу своего государственного существования. «Однако из содержания принципа следует, что речь идет о постоянно действующем праве народа свободно определять свой политический статус – отмечал И.П.Лукашук. Главная цель права на самоопределение состоит в обеспечении народу возможности демократическим путем, без вмешательства извне определять характер общества и государства, основные направления его

---

[74] См. Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml. (Дата обращения 20.12.2021).

внутренней и внешней политики».[75] Из необходимости осуществления права на самоопределение в рамках закона, избегая насильственных действий, исходят Комиссия ООН по правам человека, другие международные органы, многие авторитетные ученые в области международного права[76].

Я.Броунли считал в свое время, что принцип самоопределения дополняет другие принципы; применяется в контексте экономического самоопределения; «консолидирует титул», возникший в результате незаконного захвата территории и запрещает: а) вмешательство, направленное против освободительного движения и б) рассматривать населенную территорию как terra nullius[77].

Определенный интерес представляют соображения Д.Кроуфорда о военной интервенции для обеспечения самоопределения или, напротив, в его нарушение. Может случиться так, что эффективность формирующегося субъекта превалирует, и его незаконное происхождение не будет препятствовать признанию в качестве государства. Возможна, по мнению автора, ситуация, когда «незаконность происхождения» должна рассматриваться в качестве первостепенного фактора в соответствии с принципом ex injuria non oritus jus (в пер. с лат. «право не возникает из правонарушения»). Может случиться и так, считает Д.Кроуфорд, что в ситуации самоопределения статус местного образования и законность применения силы должны рассматриваться как отдельные вопросы, и «незаконность вмешательства» не должна наносить ущерба существовавшему ранее праву местной единицы на самоопределение.

На основе приведенных, не всегда, на наш взгляд, последовательных рассуждений Д. Кроуфорд приходит тем не менее к ряду представляющих интерес выводов:

- применение силы государством-метрополией является нарушением пункта 4 ст. 2 Устава ООН;

---

[75] См.: Лукашук И.И. Цит. соч. С. 319.
[76] См. например: Franck T. The Emerging Right to Democratic Governance. «AJIL». 1992. №1. P.52
[77] См.: Brownlie J. Principles of public international Law. 2003. P.555

- помощь других государств «местным повстанцам» в реализации самоопределения может быть допустимой;

- субъект, претендующий на государственность, но созданный в период иностранной военной оккупации, не является независимым;

- нет и запрета на признание нового государства – «применяются нормальные критерии государственности, основанные на квалифицированной эффективности»[78].

Заслуживают внимания рассуждения (хотя и несколько туманные) о самоопределении американского профессора Р.Осборна. Ученый исходит из различия понятий самоопределения народов (nations) и наций (nationalities). Народ де - понятие географическое и включает каждого, кто живет внутри определённых государственных границ. Суть проблемы автор видит в том, что требования самоопределения выдвигаются большинством населения, которое далеко выходит за рамки этнического единства и «там, где нет конституционного обеспечения самоопределения, легко прослеживаются направления политической борьбы». Если требование самоопределения имеет этническое происхождение, то «возможность последовательного и систематического разрешения вопроса резко уменьшается», существует опасность неравенства и дискриминации. Вместе с тем признается, что эти два направления на практике нелегко разделить. Определяя цели национального самоопределения, Р. Осборн акцентирует внимание на: обретении государственной независимости; переходе под юрисдикцию другой страны, получения автономии (или ее расширения) внутри страны. Допускается также возможность создания конституционного и политического механизма, который «предоставит народу или нации свой собственный голос в управлении государством»[79].

На основе проведенного анализа, можно прийти к следующим выводам:

---

[78] См.: Crawford J. Op. cit. P.140-148.

[79] См. Осборн Р. Национальное самоопределение и целостность государства. Пер. на русский язык - «Иордан». М., 1993. С. 122-125.

Во-первых, эволюция права на самоопределение прошла четыре качественно различных фазы, каждая из которых характеризуется сменой источников права: от философской доктрины (XVII–XIX вв.) к политической декларации (1915–1945) и далее к императивной норме международного права (1945–1990-е) с последующей диверсификацией форм реализации (1990-е — н.в.).

Во-вторых, критическим этапом стало закрепление принципа в Уставе ООН (1945), что, вопреки распространенному мнению о «вильсоновском происхождении», было результатом настойчивой позиции СССР на конференции в Думбартон-Оксе. Анализ стенограмм показывает, что именно советская делегация добилась включения формулировки «равноправие и самоопределение народов» в ст. 1(2) и ст. 55 Устава.

В-третьих, современная международно-правовая практика демонстрирует парадокс: принцип самоопределения одновременно служит инструментом легитимации государственности (деколонизация, Эритрея 1993, Южный Судан 2011) и источником дестабилизации (непризнанные государства, сепаратистские конфликты). Разрешение этого противоречия требует выработки четких критериев легитимности самоопределения, что составляет задачу настоящего исследования.

§1.2. Сравнительный анализ концепций самоопределения в политико-правовых доктринах В.И.Ленина и В.Вильсона

Начало XX века было ознаменовано противостоянием идей, личностей и событий, которые предопределили ход истории и существенным образом повлияли на процесс дальнейшего развития правовой и политической картины мира. Первая мировая война, распад Австро-Венгрии, Османской и Российской империй, упадок колониального мира, всплеск национально-освободительных движений, учреждение Лиги Наций и появление на политической арене новых акторов международных отношений создали условия для правового и идейного обоснования процессов, происходящих в мире.

Концепция самоопределения, выдвинутая Владимиром Лениным в 1914 г. в известной статье «О праве наций на самоопределение» (была посвящена противостоянию «угнетающей» и «угнетенной нации» с правом отделения последней и «образования национального государства»)[80], была подхвачена американским президентом Вудро Вильсоном и взята за основу «Четырнадцати пунктов» при обращении к конгрессу США в 1917 г.[81] как политическая формула и правовое обоснование вступления США в Первую мировую войну, дробления Европы на национальные государства и наращивания политического влияния.

Принцип самоопределения, разработанный Лениным и развитый далее Вильсоном, базировался на различных идеологических предпосылках и первоначально имел диаметрально противоположное значение. Если в случае Ленина акцент был сделан на праве отделения от родительского государства, создания суверенного государства и присоединения к другому государству под защитой международного права, то для Вильсона самоопределение было практически идентично «народному правительству» или «правительству по согласию» с сохранением языка, культуры и традиций, но в рамках существующего

---

[80] См. подробнее: Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. Архивная копия от 19 декабря 2014 г. на Wayback Machine // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 255–320.

[81] См. Четырнадцать пунктов Вильсона // Иванян Э. А. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. М.: Международные отношения, 2001. 696 с.

государства. Несмотря на такие различия, самоопределение стало в ходе Первой мировой войны мощным ресурсом в переговорах о получении новых европейских территориальных активов[82].

Хотя право на самоопределение получило широкое международное распространение после Первой мировой войны и, наконец, стало (хотя и спорно) частью международного права после Второй мировой войны, оно едва ли использовалось представителями США на международной арене. Можно вспомнить лишь период между вступлением Соединенных Штатов в Первую мировую войну в апреле 1917 г. и непосредственно послевоенный период, получивший название в американской внешнеполитической доктрине «Вильсоновский момент». После того как Вильсон открыл «ящик Пандоры», последующие президенты, министры иностранных дел и дипломаты не решались использовать этот термин[83]. Интересно, что принцип самоопределения не использовался ни во внутренней дипломатической переписке, ни в средствах массовой информации американской внешней политики. После инсульта Вильсона в октябре 1919 г., который сделал президента недееспособным, принцип самоопределения стал практически табу в американской дипломатии. Даже Ф. Рузвельт, который неоднократно публично выступал за права человека, демократию и интернационализм, использовал этот термин крайне редко и никогда публично. Характер этой нормы до сих пор оспаривается в американской литературе[84]. Американская делегация на учредительной конференции ООН в Думбартон-Оксе не вводила этот термин в переговоры. Вместо этого именно СССР

---

[82] См.: А.К.Каграманов. Единство и борьба противоположностей концепций о праве наций на самоопределение В. И. Ленина и В. Вильсона. Актуальные проблемы российского права. 2024;19(6). С. 169. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.163.6.167-176

[83] *Steiner Z.* The Lights That Failed, in: European International History. Oxford, 2015.

[84] См. подробнее: *Anghie A.* Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. Cambridge, 2004; *Beck R.*, *Ambrosio T.* International Law and the Rise of Nations. The State System and the Challenge of Ethnic Groups. New York, 2002; *Castellino J.* International Law and Self-Determination. The Interplay of the Politics of Territorial Possession with Formulations of Post-Colonial National Identity. The Hague, 2000; *McCorquodale R.* Self-Determination in International Law. Aldershot, 2000; *Hobe S., Kimminich O.* Einführung in das Völkerrecht. 8., vollständig neu bearbeitete u. erweiterte Auflage. Tübingen, 2004. P. 111–119. Режим доступа: www.un.org/aboutun/charter/.

настаивал на включении права на самоопределение в Устав ООН[85]. С момента возникновения Советского государства право на самоопределение народов и наций считалось одним из основных постулатов внешней политики СССР. Советский Союз активно поддерживал борьбу за независимость и освобождение колониальных и зависимых территорий, а также за права национальных меньшинств.

Концепция самоопределения Вильсона была в определенной степени неоднозначной, но широко признанной в качестве рационального продолжения развития международно-правовой системы в условиях Первой мировой войны. «Народы не должны передаваться от одного суверена другому на международной конференции или на основе взаимопонимания между соперниками и антагонистами, – утверждал Вильсон. – Национальные устремления должны уважаться; народы могут теперь доминировать и управляться только с их собственного согласия. „Самоопределение“ – это не просто фраза. Это императивный принцип действий, которые отныне государственные деятели будут игнорировать на свой страх и риск»[86].

В. Вильсон, будучи профессором политологии и профессиональным политиком, знал об ошеломляющей важности и силе концепции самоопределения. Формула, задуманная В.Вильсоном во время Первой мировой войны как метод для создания прочного мира, ближе к окончанию войны выявила неожиданные аспекты и проблемы, которые он не мог предусмотреть. С учетом ожесточенных споров между В.Вильсоном и союзниками в Париже и различных конкурирующих притязаний европейских политиков, вряд ли можно удивляться тому, что возникли антагонистические настроения, связанные с правом на самоопределение. В этом контексте выглядит весьма уместной знаменитая фраза премьер-министра Франции Жоржа Клемансо: «Какое незнание Европы и как трудно находить с [Вильсоном] общий язык! Он верит, что все можно решить по теоретическим

---

[85] См. *Крылов С. Б.* История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава Организации Объединенных Наций (1944–1945). М., 1960. С. 17.

[86] *Link A.* The Papers of Woodrow Wilson. Vol. 46 (January 16 – March 12, 1918). Princeton, 1984. P. 321.

формулам и его четырнадцати пунктам. Сам Господь Бог удовлетворился десятью заповедями. Вильсон милостиво одарил нас сразу четырнадцатью пунктами… четырнадцатью заповедями самой пустой теории»[87].

Заявление Вильсона о том, что он понимает под самоопределением, оставалось расплывчатым и подлежащим обсуждению с союзниками на крупной мирной конференции. Во многом Вильсон подходил к принципу не как юрист, а как историк и политик. Он понимал право на самоопределение как явление политической философии – связывал принцип самоопределения с политической системой и демократией.

Вопреки распространенному мнению Вильсон вообще не использовал этот термин в своих знаменитых «Четырнадцати пунктах» и его замечания о балансе интересов колонизированных и колониальных держав или максимальной автономии для народов Европы (за сохранение которых он выступал) не содержат положений о принципе самоопределения. В будущем мирном порядке, по мнению президента, следует уважать «национальные устремления», народы должны управляться только с их согласия. На основании этих утверждений Вильсон выдвинул требование о том, что любое территориальное урегулирование, связанное с войной, может осуществляться только в интересах и на благо соответствующего населения. В своем выступлении в конгрессе он говорил об основополагающих условиях, которые имеют для него значение в применении принципа самоопределения. Под «правительством по согласию» он понимает демократию; его ссылка на государственных деятелей, которые могут игнорировать право на самоопределение только на свой страх и риск, означает стандарт международного сообщества, который еще предстоит установить; нерешенные территориальные вопросы были для него проблемой европейского, а не глобального порядка. Кроме того, Вильсон считал, что демократии не будут воевать друг с другом, потому что информированное общественное мнение и

[87] *MacMillan M.* Paris 1919: Six Months That Changed the World: [англ.] / foreword by R. Holbrooke. 1st US ed. Random House, 2003. 624 p.

преобладающий интерес к мирному обмену и торговле не позволяют этого[88]. В этой связи, как представляется, проявляется то значение, которое Вильсон придает принципу самоопределения. Это было политическое видение, которое он почерпнул из истории, особенно англо-американской, опирающейся на три принципа: расширение прав и возможностей США, управление и влияние, а также формирование новой политической правовой системы, ориентированной на западную демократию. Вильсон противопоставил радикальной программе Ленина всеобъемлющее видение новой дипломатии, установление свободного доступа к морям и создание Лиги Наций.

Акцент на «автономное развитие» народов, а не на их отделение от существующих государственных структур полностью соответствовал политическим взглядам Вильсона. Его главным образом интересовала демократическая реформа авторитарных многоэтнических империй, а не их расчленение в соответствии с национально-этническими критериями. Поэтому упор делается на сообщество граждан, состоящее из самостоятельных индивидуумов, с целью обеспечения достоинства личности и удовлетворения его стремления к свободе. Вильсон представлял себе новый международный порядок, поддерживаемый альянсом свободных наций, отвергающим тайную дипломатию, гонку вооружений и военные союзы.

Идеи Вильсона были тесно связаны с его представлениями и предрассудками о личности, народах и нациях. Он был первым южным демократом, переехавшим в Белый дом после гражданской войны, *убежденным в иерархии этнических групп и культур.* Как и многие его современники, он находился под влиянием социальной дарвинистской мысли, хотя и пронизан идеями американского прогрессивизма. Он постулировал общее развитие всех людей через образование, науку и технологию. Вильсон был убежден, что у афроамериканского населения США нет базовых образовательных, моральных и политических предпосылок для самоуправления. Как президент, он выступал за развитие расовой сегрегации среди федеральных

[88] *Link A.* The Papers of Woodrow Wilson. Vol. 46 (January 16 – March 12, 1918). Princeton, 1984. P. 321.

служащих. Тем самым он способствовал институционализации расистской, глубоко несправедливой и дискриминационной сегрегации[89]. Отсталые народы нуждаются в руководстве, а их элита и лидеры должны следовать определенным нормам и практике. В своей книге 1893 г. «Старый мастер и другие политические эссе» Вильсон писал, что суверенитет осуществляется не народом, а их лидерами[90].

Для Вильсона право на самоопределение было не просто морально-теоретическим требованием, а элементом обоснования притязаний в отношении Мексики и Центральной Америки, которую он взял за основу своей внешней политики. Ни один другой президент так часто не вмешивался в дела своих южных соседей, как Вильсон. Вооруженные конфликты в Мексике (1913–1916 гг.), Гаити (1915 г.) и Доминиканской Республике (1916 г.) были карательными экспедициями. Вильсон хотел заменить лидеров – наказать их за то, что они правят коррумпированными и неэффективными методами, нарушают рыночные принципы, игнорируют неприкосновенность частной собственности, не заботятся о сбалансированности бюджетов и не используют кредиты. Взяв за основу идею самоопределения, он ввел широкую автономию на Филиппинах. Однако это самоуправление осуществлялось под американским контролем и руководством, что должно было помочь филиппинцам усвоить демократические нормы, которые, в свою очередь, позволили им обрести независимость. Филиппинский эксперимент, по мнению президента, также может быть перенесен в другие колониальные территории и таким образом интернационализироваться. Принцип доверия и мандат Лиги Наций, который президент пропагандировал на Парижской мирной конференции, соответствовали его идее благого колониального управления, но никак не предоставления независимости народам, проживающим на этих территориях. Таким образом, Вильсон в первые годы своего срока рассматривал вмешательство как проверенное средство смены режимов с целью установления американского порядка в соседних государствах[91]. Его аргументами

---

[89] *Bowden B.* In the Name of Progress and Peace: The Standard of Civilization and the Universalizing Project. Alternatives 29, 2014. P. 43–68.
[90] *Wilson W.* An Old Master and Other Political Essays. New York, 1893. P. 80.
[91] *Clements K., Cheezum E.* Woodrow Wilson. Washington, 2003. P. 130–134.

были освобождение и демократизация, с которыми он оправдывал интервенцию в Мексику, а затем и вступление в войну Соединенных Штатов в качестве ассоциированной силы союзников в войне против автократических империй. В конечном счете только демократии могут гарантировать «благое управление» в США и за его пределами. Интересно, что эти идеи предвосхищают основные положения «Теории демократического мира», которая была разработана американскими политологами после Второй мировой войны и предполагает, что глобальный мир будет наилучшим образом гарантирован всемирной установкой демократических принципов по образцу США[92].

«Четырнадцать пунктов» затрагивали различные аспекты будущего мирового порядка и были сгруппированы следующим образом: первая группа целей, провозглашенных Вильсоном, касалась общих принципов послевоенного порядка, таких как свободная торговля, свободное судоходство, «новая дипломатия», разоружение и скорейшая деколонизация; вторая – создание Лиги Наций, которая должна гарантировать политическую независимость и территориальную целостность как больших, так и малых государств; наконец, третья группа вопросов касается конкретных территориальных договоренностей. Они были в значительной степени сформированы группой экспертов Вильсона, а также британскими союзниками и сформулированы на фоне существующих силовых отношений между альянсами. На парижских мирных конференциях осуществление права на самоопределение носило в достаточной степени условный и случайный характер. Тем не менее Вильсону удалось пролоббировать интересы США в Чехословакии, повлиять на территориальные споры в Европе (Южный Тироль, Судет, Эльзас-Лотарингия, Королевство Сербов, хорватов и словенцев, Польша, территории Османской империи) и занять сдержанную позицию в

[92] См. подробнее: *Gowa J.* Ballots and Bullets: The Elusive Democratic Peace. Princeton, 1999; *Reiter D., Stam A.* Democracies at War. Princeton, 2012; *Snyder J.* From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. New York, 2000; *Walt S.* Revolution and War. Ithaca, 1996; *Weart S.* Never at War: Why Democracies Will Not Fight one Another. New Haven, 1998.

отношении охваченной гражданской войной России, которая не была представлена на конференции[93].

Таким образом, как мы видим, основой концепции самоопределения по Вильсону было навязывание интересов США в Европе и американском континенте. По сути, Вильсон был первым американским президентом, начавшим процесс экспансионизма интересов США в другие страны и континенты. Он мало думал об универсальном действии принципа и позиционировал себя как стойкого защитника «благого управления» в соответствии со стандартами, которые определил он сам, и как президента, который в первые годы своего пребывания в должности считал вмешательство эффективным средством смены режима.

Концепция самоопределения Ленина. Отстаивание Вильсоном принципа самоопределения было связано как с обоснованием войны, так и с идеей Ленина и большевиков использовать право на самоопределение в качестве «боевого клича» для угнетенных народов (и классов), освобождения от оков самодержавия, мировой революции пролетариата, а также воссоединения национальных окраин бывшей Российской империи с СССР, отколовшихся от нее в результате Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны[94].

На протяжении длительного времени в литературе (досоветского периода) доминировала концепция «принципа национальностей», основанная на требованиях воссоединения каждой нации в отдельное государство независимо от исторических и других условий[95]. Между тем в «Декрете о мире», одном из первых документов советской власти, обращалось внимание на необходимость предоставить народам «право свободным голосованием при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования». Ленин

---

[93] Vgl. *Gelfland L.* The Inquiry: American Preparations for Peace 1917–1919. New Haven, 1963; *Riga L.*, *Kennedy J.* Mitteleuropa as Middle America? The Inquiry and the Mapping of East Central Europe in 1919. Ab Imperio, 2006. P. 271–300.

[94] См.: Каграманов А.К. Самоопределение народов и наций в современном международном праве. Издательство «Проспект», 2025. С.127.

[95] См. *Старушенко Г. Б.* Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике Советского государства. М., 1960. Гл. I.

выдвинул требование о том, чтобы мировая война прекратилась путем справедливого демократического мира на основе трех принципов: «никакого военного возмещения, никаких аннексий и регулирование территориальных отношений, и исключительно на основе права народов на самоопределение»[96]. Нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин писал В. И. Ленину: «Наша международная программа должна вводить в международную схему все угнетенные колониальные народы. За всеми народами должно признаваться право на отделение или гомрули…»[97] Эти принципиальные положения неукоснительно проводились на практике при заключении договора с Персией (26 февраля 1921 г.), Турцией (16 марта 1921 г.), Китаем (31 мая 1924 г.) и другими странами.

Суть подхода В. И. Ленина вкратце состояла в следующем:

а) право на самоопределение наций не является самоцелью, а должно служить жизненным потребностям ее социально-экономического и культурного развития;

б) право на самоопределение, вплоть до отделения, не предопределяет, в противовес концепции «принципа национальностей», обязательного возникновения отдельного государства независимо от конкретных исторических и других условий и рассматривается как «исключение из нашей общей посылки централизма»;

в) право на самоопределение признается за большими и малыми нациями независимо от уровня развития («все нации суверенны и все нации равны»), но степень развитости в экономике и культуре, территориальное расположение и компактность проживания, исторические условия оказывают влияние на формы национально-государственного устройства[98].

Как видится, подход Ленина, в отличие от концепции Вильсона, носил более социальный характер, был свободен от предрассудков, расовых и дискриминационных предубеждений, давал право выбора и действий. «Хочешь

---

[96] Документы внешней политики СССР. Т. I.
[97] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 36.
[98] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 255, 271; Т. 30. С. 9; Т. 31. С. 439; Т. 48. С. 235.

отделиться, – писал В. И. Ленин, – проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь или, вернее, если гнет и трение „сожительства“ таковы, что они портят и губят дело экономической связи. Не хочешь отделяться? Тогда извини, за меня не решай, не думай, что ты имеешь „право“ на федерацию»[99]. Любая нация может обратиться с просьбой о приеме в федерацию, но право на просьбу об объединении отнюдь не равнозначно праву на объединение. Выступая против расширительного толкования права на самоопределение, В. И. Ленин заявлял: «Ничего, абсолютно ничего, кроме права на отделение, здесь нет и быть не должно»[100]. Разумеется, такая постановка вопроса, явно в полемическом плане, не исключала и не может исключать выбор других (помимо сецессии) форм самоопределения, но в границах одного («родительского») государства, в соответствии с его конституцией и другими законами.

Советское государство с первых дней существования провозгласило право народов России на самоопределение (Декларация прав народов России), чем, в частности, сразу же воспользовались Польша и Финляндия, отделившись и образовав самостоятельные государства. Федеративный характер Российской Республики был установлен Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 г) и получил развитие в последующих документах – Конституции РСФСР 1918 г., Договоре об образовании Союза ССР 1922 г. и Конституции СССР 1924 г., ставшей фундаментом всех последующих конституций советского периода.

Согласно плану В. И. Ленина, необходимо было устранить неравноправие по отношению к РСФСР республик, входивших в новый союз, предоставив им всем одинаковые права. Не вполне корректную интерпретацию событий того времени можно встретить как в современной научной литературе, так подчас и в публичных выступлениях политиков. В последние годы стало своего рода модой упрекать В. И. Ленина за предоставление равных прав всем советским республикам, объединявшимся в СССР. При этом приоритет отдается принципу автономизации,

---

[99] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 235.
[100] *Ленин В. И.* Там же.

предлагавшемуся И. В. Сталиным, который оставался на тот период сторонником выдвинутой им еще в 1913 г. идеи областной автономии. Именно исходя из конкретно-исторической ситуации, В. И. Ленин считал необходимым переломить складывавшуюся веками тенденцию доминирования одной нации над другими и основанного на этом национального угнетения, преследовал цель привлечь на добровольной основе к строительству основ социализма бывшие национальные окраины Российской Империи, отколовшиеся от нее в ходе Первой мировой войны, Октябрьской революции и последовавшей затем Гражданской войны. Будучи последовательным марксистом, В. И. Ленин исходил из желательности унитарного государства при победе социалистической революции. Однако реальная ситуация подвела к необходимости пересмотра этого, казалось бы, устоявшего положения.

Как было отмечено ранее, идея самоопределения, задуманная Вильсоном, была направлена и ограничена европейским континентом. Вильсон был первым президентом США, который с официальным визитом посетил Европу (для участия в работе Парижской мирной конференции) и поддержал возникновение национальных государств в Европе после распада Австро-Венгрии, Российской и Османской империй. В связи с этим многие националисты в колониях и странах, чьи суверенные права были ограничены европейцами, изначально ассоциировали принцип самоопределения не столько с Вильсоном, сколько с Лениным, который трактовал принцип шире и адаптировал под конкретно-исторические условия. Обращаясь к истории, Ленин подчеркивал, что борьба за национальное освобождение всегда была частью борьбы за социальное освобождение. Он ссылался на пример Ирландии, которая боролась за свое освобождение от британской колониальной власти, и утверждал, что только через борьбу за национальное освобождение можно добиться социальной справедливости. Позиция Ленина вызвала большой резонанс в мировой политике и стала одним из важнейших документов в истории борьбы за национальное освобождение. Она оказала влияние на многих лидеров национально-освободительных движений, в том числе на Ганди в Индии, Мао Цзэдуна в Китае и Хо Ши Мина во Вьетнаме.

Повестка Вильсона в большей степени носила либеральный характер, призывала к развитию национального языка и культуры в рамках существующих границ. Акцент на «автономное развитие» народов, а не на их отделение от существующих государственных структур полностью соответствовал политическим взглядам Вильсона. Его главным образом интересовала демократическая реформа авторитарных многоэтнических империй, а не их расчленение в соответствии с национально-этническими критериями. Поэтому упор делается на сообщество граждан, состоящее из самостоятельных индивидуумов, с целью обеспечения достоинства личности и удовлетворения его стремления к свободе. Несмотря на устремления Вильсона, его проект не был принят в Соединенных Штатах. Сенат отказал в ратификации соглашения о Лиге Наций, и США не присоединились к ней. Главное противоречие заключалось в ограничении объявления войны конгрессом в случае вступления в Лигу. Это событие стало одним из главных фиаско в карьере Вильсона. В конечном итоге задуманная им организация не справилась со своими миротворческими функциями и была распущена.

Ленинская идея заключалась в фундаментальных социальных, политических и экономических изменениях с созданием независимых национальных государств. Более того, отсутствие у США к началу XX века серьезного опыта в международных отношениях и незнание особенностей регионов в Европе и Азии делали предложения Вильсона абсолютно бесперспективными с точки зрения их практической реализации. После утверждения власти большевиков и укрепления позиций Ленина стало очевидным, что либеральный (вильсоновский) вариант принципа самоопределения не получает признания. Таким образом в международной системе появился универсальный инструмент достижения государственной независимости и суверенитета по ленинскому образцу, получивший распространение по всему миру и продолжавшийся вплоть до 60-х гг. XX века.

По своей модели и базовым правам, предоставленным субъектам Федерации, образованный в 1922 г. СССР опережал все иные федеративные государства. Стоит

отметить, что декларация о создании СССР также была основана на принципе самоопределения. В современной интерпретации принято осуждать Ленина за широкие права, предоставленные присоединявшимся сторонам. Однако, как показывает жизнь, современная федеративная Россия и бывшие республики СССР сохранили тесные политические, экономические и добрососедские отношения (за некоторыми исключениями) именно благодаря тем процессам, которые были заложены Лениным и продолжены его последователями вплоть до распада Союза. Более того, начатая Лениным и доведенная до логического завершения Сталиным работа над определением административных границ республик, входящих в состав Советского государства, послужила основой для образования суверенных государств.

Ленин подчеркивал, что только признание права наций на самоопределение может привести к настоящей свободе и равенству. Он был убежден, что нации имеют право на создание независимых государств и должны иметь возможность самостоятельно определять свою политическую, экономическую и культурную жизнь, что нашло отражение в ст. 1 Устава ООН.

§1.3. Деколонизация как ключевой фактор закрепления права на самоопределение в международном праве

Право народов на самоопределение принадлежит к числу тех фундаментальных принципов международного права, чья эволюция неразрывно связана с наиболее драматическими поворотами политической истории. Однако если идея самоопределения уходит корнями в философию Просвещения и либеральные революции XVIII–XIX веков, то его превращение из политического лозунга в полноценный юридический императив стало возможным лишь благодаря феномену деколонизации. Именно деколонизация, развернувшаяся в середине XX века как глобальный исторический процесс крушения колониальных империй, выступила тем катализатором, который придал абстрактной концепции самоопределения конкретное нормативное содержание, запустив механизмы ее конституционализации. Речь идет о фундаментальном переходе: право распоряжаться своей судьбой перестало быть лишь моральным требованием или предметом философских трактатов, войдя в позитивное международное право в качестве общепризнанного принципа, цели Организации Объединенных Наций и, в конечном счете, императивной нормы jus cogens[101].

Сосуществование региональных цивилизаций. До формирования глобального международного права европейского типа существовали региональные нормативные системы: китайско-центристская в Восточной Азии, исламское международное право (сийар), обычное право индийского субконтинента и др. Европейская экспансия привела к навязыванию евроцентричной модели международного права, основанной на доктрине «стандарта цивилизации», которая использовалась для правового оправдания колониализма[102]. Глобализация

---

[101] См.: Каграманов А.К.*Право на самоопределение народов и формирующийся миропорядок. Актуальные проблемы российского права*. 2023;18(4). С.156. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.149.4.154-163

[102] См.: The Standard of 'Civilization' in International Society by Gerrit W. Gong Review by: John C. Campbell Foreign Affairs, Vol. 62, No. 5 (Summer, 1984), p. 1248; Kampourakis, I. (2023). The standard of civilisation: between legal indeterminacy and political economy. *Transnational Legal Theory*, *14*(1), 90–99. https://doi.org/10.1080/20414005.2023.2203539; Perry Anderson, 丁雄飞/译.

европейского порядка в мире возникла в конце XIX века, в том, что касается его географического охвата. Раздел Африки европейскими колониальными державами, символизируемый Берлинской конференцией и ее Заключительным актом 1885 г.[103], и крах китайско-ориентированной системы мирового порядка, символизируемого статьей 1 Китайско-японского мирного договора 1895 г.[104], являются наиболее заметными вехами в процессе глобализации евроцентристского мирового порядка в географическом смысле.

В своей вступительной речи на Берлинской конференции О. Бисмарк заявил, что «имперское правительство руководствовалось убежденностью в том, что все приглашенные правительства разделяют стремление вовлечь коренные народы Африки в цивилизацию, открыв внутренние районы континента для торговли». Этот тезис Бисмарка получил название «принцип эффективной оккупации», согласно которому право на территорию возникало у державы, установившей на ней реальный контроль[105]. Статья 6 Акта обязывала колониальные державы «обеспечить сохранение коренных народов и улучшение их моральных и материальных условий», что демонстрирует патерналистскую идеологию «миссии цивилизации», служившую правовым оправданием колониализма.

Крах китайско-центричной системы в Восточной Азии и глобализация евроцентричного мироустройства. С 1860-х гг. Япония перехватила лидерство в Восточной Азии и начала распространять в регионе «европейский подход». Она стремилась реорганизовать свои отношения с соседями в соответствии с европейским миропорядком[106]. В ходе этого процесса Япония пережила ряд

The Standard of Civilization and International Law：A Lecture at East China Normal University[J]. J. East China Norm. Univ. Philos. Soc. Sci, 2025, 57(2): 1-6.

[103] См. Заключительный акт Берлинской «Африканской» конференции. Берлин, 14–26 февраля 1885 г. Режим доступа: https://istmat.org/node/27251 (дата обращения: 16.03.2023).

[104] См. Симоносекский мирный договор. Подписан 17 апреля 1895 года. Режим доступа: https://www.taiwanbasic.com/treaties/Shimonoseki.htm (дата обращения: 16.03.2023); подробно: Симоносекский договор 1895 г. // Историческая энциклопедия / Жуков Е. М.; Науч. совет изд-ва «Сов. энциклопедия». Отд. истории АН СССР. Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 874.

[105] *Hopf J.* (éd.) Nouveau Recueil Général de Traités, 2ème série, X, 2ème livraison. Gottingue, 1885. P. 201.

[106] Это стало новым витком в истории современной Японии, характеризующейся быстрым экономическим развитием и империалистической политикой в период до 1945 г., а также политикой после 1945 года. См. подробнее: *Onuma Yasuaki* Japanese International Law in the Prewar

конфликтов с Китаем, который стремился сохранить китайско-ориентированный миропорядок среди восточноазиатских государств. В 1894 г. Япония и Китай вели войну за Корею. Япония одержала победу и навязала мирный договор Китаю в 1895 г. (Симоносекский договор). Статья 1 договора предусматривала международный статус Кореи. Она гласила следующее:

«Китай определенно признает полную независимость и автономию Кореи, и, как следствие, выплата Кореей налогов и выполнение Китаем церемоний и формальностей в отступление от такой независимости и автономии полностью прекратится в будущем»[107]. Это положение имело огромное значение и последствия. Китай не только проиграл войну Японии – что более важно, Китай должен был признать, что Восточная Азия больше не привязана к системе налогообложения и подати, функционирующей в этом регионе мира на протяжении нескольких столетий. Этот факт имел решающее значение для глобализации европейского порядка в восточноазиатском регионе.

Это обстоятельство, как представляется, придало европейцам большую уверенность, а возможно, и высокомерность во взаимоотношении с азиатскими цивилизациями. Британия уже уничтожила к этому времени некогда могущественную и процветающую империю Моголов в Индии (просуществовала с 1526 по 1858 г.), европейские державы ослабили Османскую империю, некогда непобедимого врага, и победили династию Цинь, чьим мировым правилам европейцы должны были подчиняться для поддержания торговых отношений. Все эти державы больше не были европейскими соперниками, не говоря уже о превосходстве.

Колониализм и национализм стали подлинными и законными идеологиями европейских держав. Даже когда Япония, азиатская страна, стала одной из ведущих мировых держав после Первой мировой войны, ситуация не изменилась. Предложение Японии включить положение о расовом равенстве в пакт Лиги Наций

Period // Japanese Annual of International Law XXIX. 1986. P. 23–24; *Parry C.* (ed.) Consolidated Treaty Series, CVLXXXI. New York, 1979. P. 217.

[107] *Parry C.* (ed.) Consolidated Treaty Series, CVLXXXI. New York, 1979. P. 217.

было категорически отвергнуто западными державами. Сама Япония не отрицала идеологию колониализма и расизма. Она последовала примеру западных держав и стремилась приобрести мощную колониальную империю, в чем значительно преуспела, хотя и в течение короткого периода времени, с 1895 по 1945 г.[108] Таким образом, мир, в котором евроцентристский порядок стал глобальным, можно охарактеризовать как «мир колониализма и национальной исключительности».

Роль и функция права на самоопределение в упадке колониализма. Деколонизация закрепила понимание права на самоопределение как неотъемлемого права. Это означало, что государства-метрополии не могли «даровать» или «отозвать» это право по своему усмотрению. Оно существует объективно в силу самого факта колониального подчинения.

А.Кассезе в работе «Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal», рассматривает деколонизацию как период, в который право на самоопределение приобрело свою окончательную нормативную структуру. А.Кассезе выделяет «деколонизационную модель» самоопределения как наиболее четкую и бесспорную[109]. Дж.Кроуфорд также подчеркивает, что именно практика деколонизации трансформировала международное право, создав презумпцию в пользу обретения независимости колониальными территориями и наделив население этих территорий качественно новым международно-правовым статусом[110]. С.Мойн и М.Терретта обращают внимание на неразрешимое напряжение, возникшее в эпоху деколонизации между самоопределением и универсальными правами человека. Это напряжение сохраняется и сегодня. С одной стороны, право на самоопределение предполагает коллективный суверенитет и невмешательство во внутренние дела. С другой стороны, международное право прав человека требует защиты индивидов от произвола

---

[108] *Onuma Yasuak.* Japanese International Law in the Prewar Period // Japanese Annual of International Law XXIX. 1986. P. 23–24.

[109] Cassese, A. *Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal*. Cambridge University Press, 1995. (Hersch Lauterpacht Memorial Lectures, 12). 375 p.

[110] Crawford, J. *The Creation of States in International Law*. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press; Oxford University Press, 2006. 870 p.

любого суверена[111]. У.М.Райсман исследует деколонизационную трансформацию самоопределения в контексте соотношения суверенитета и прав человека. Он показывает, как право на самоопределение эволюционирует от основания для создания новых государств к инструменту изменения внутреннего устройства существующих государств под влиянием международных стандартов прав человека. У.М.Райсман также акцентирует внимание на роли индивида и негосударственных акторов, которых «теория игнорировала», в современных процессах самоопределения[112].

Эти доктринальные позиции, в определенной степени, были подтверждены Международным Судом ООН в его историческом Консультативном заключении по Намибии. Суд постановил, что продолжение присутствия ЮАР в Намибии является незаконным, и призвал государства воздерживаться от любых действий, подразумевающих признание законности такой оккупации. Суд, по сути, признал, что право народа Намибии на самоопределение имеет приоритет над территориальными претензиями ЮАР[113]. Таким образом, деколонизация выступила не просто как применение, а как конституирующий фактор. Она:

1. Придала нормативность праву на самоопределение (из политического принципа в норму *jus cogens*);
2. Формализовала критерий субъекта (через связь с территорией);
3. Институционализировала механизмы реализации (под эгидой ООН);
4. Конкретизировала его через судебное толкование (признание erga omnes характера).
5. Без опыта деколонизации право на самоопределение оставалось бы абстрактной философской категорией; именно этот исторический процесс придал

---

[111] Özsu U. Human Rights and Self-Determination. In: Moyn S, Terretta M, eds. *The Cambridge History of Rights*. The Cambridge History of Rights. Cambridge University Press; 2025:188-210.

[112] Reisman, W. Michael, and Hague Academy of International Law. *The Quest for World Order and Human Dignity in the Twenty-first Century: Constitutive Process and Individual Commitment: General Course on Public International Law*. Hague Academy of International Law, 2013. P.221.

[113] См.: Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970). Advisory Opinion // ICJ Reports. 1971. P. 16. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

ему ту правовую плоть и кровь, которая позволяет говорить о нем сегодня как о фундаментальном принципе конституционного порядка международного сообщества.

Идея национального самоопределения касалась не только народов, страдающих от колониального господства. Народы колониальных государств постепенно стали считать идею национального самоопределения справедливой. Этому способствовало несколько факторов:

Во-первых, национальные движения за независимость в Азии и Африке были уже слишком сильны, чтобы европейские державы могли их подавить. Европейские колониальные державы должны были пойти на большие жертвы, связанные с военными действиями, направленными на подавление движений за независимость, и экономическими издержками, связанными с осуществлением такой военной деятельности. Сначала народы европейских колониальных держав, казалось, были готовы к таким жертвам. Однако по мере продолжения вооруженных конфликтов с движениями за независимость и увеличения числа жертв колониальных держав последние постепенно поменяли свою позицию.

Во-вторых, и США, и Советский Союз, две сверхдержавы, после войны были в целом против подавления движений за независимость. Советский Союз, в частности, решительно поддержал движение за национальное самоопределение афро-азиатских и латиноамериканских стран, тем самым стремясь заручиться их поддержкой социалистического лагеря в ответ. США оказали давление на западноевропейских союзников, чтобы те признали независимость своих колоний, чтобы не потерять поддержку со стороны афро-азиатских стран в борьбе за мировую гегемонию.

В-третьих, военные действия во время Второй мировой войны нанесли ущерб западным колониальным державам. Великобритания, Франция и Нидерланды серьезно пострадали во время войны. У них больше не было достаточно власти для подавления движений за национальное самоопределение после окончания войны. Как упоминалось ранее, у афро-азиатских стран не только было достаточно власти и морального духа для борьбы с колониальными державами, они также обладали

легитимностью, которая привлекала не только свой собственный народ, но и народы колониальных государств. Западноевропейские государства, наконец, сочли невозможным сохранить свои колонии.

После окончания Второй мировой войны народы, находящиеся в колониальной зависимости, начали последовательно добиваться независимости. Мир стал свидетелем упадка колониального правления в глобальном масштабе. В 1955 г. в Бандунге, Индонезия, состоялась конференция (Азиатская африканская конференция) и была принята декларация о содействии миру и сотрудничеству во всем мире[114]. Лидеры новых независимых государств, таких как Сукарно из Индонезии, Неру из Индии и Насер из Египта, были одними из самых заметных фигур того времени.

С конца 1950-х до 1960-х гг. деколонизация характеризовалась духом времени. Международное сообщество стремилось принимать резолюции на всех форумах, особенно в Генеральной Ассамблее ООН, которые поощряли бы и легитимировали движение за независимость в колониях. Самым значительным событием в истории деколонизации стало принятие в 1960 г. Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам (Резолюция ГА ООН 1514 (XV) 1960 г.). В этом году в ООН вступили 17 новых независимых государств. Декларация имеет как существенное, так и символическое значение в истории человечества, отвергая глобальную колониальную систему, которая длилась почти пять столетий.

В сущности, декларация стала практическим инструментом для ускорения независимости колоний посредством организационного участия ООН. Это был Специальный комитет по колониализму, который ООН создала в 1961 г. для осуществления положений резолюции 1514. Специальный комитет играет важную роль в поощрении и ускорении процесса деколонизации.

Принципиальное значение Декларации 1960 г. для трансформации принципа самоопределения заключается в трех аспектах:

---

[114]См. Бандунгская конференция 1955 г. Режим доступа: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1849807 (дата обращения: 01.12.2024).

Во-первых, она отвергла доктрину «стандарта цивилизации», прямо указав (п. 3), что «недостаточная политическая, экономическая и социальная подготовленность или недостаточная подготовленность в области образования никогда не должны использоваться как предлог для задержки достижения независимости». Это положение разрушило правовую основу колониализма, базировавшуюся на утверждении о «неспособности» неевропейских народов к самоуправлению.

Во-вторых, Декларация имплементировала принцип uti possidetis juris в деколонизационный процесс, установив (п. 6), что любые действия, «направленные на частичный или полный подрыв национального единства и территориальной целостности страны, несовместимы с целями и принципами Устава ООН». Это означало, что независимость предоставлялась в границах бывших колониальных административных единиц, что предотвратило территориальный хаос, но создало проблему «искусственных границ», не учитывающих этнический состав населения.

В-третьих, Декларация установила обязательства erga omnes для всех государств (п. 5): «Немедленные шаги должны быть приняты... по передаче всей власти народам этих территорий». Это превратило деколонизацию из «внутреннего дела» метрополий в предмет международно-правовой ответственности.

Таким образом, четко оговаривая, что «недостаточная политическая, экономическая и социальная подготовленность или недостаточная подготовленность в области образования никогда не должны использоваться как предлог для задержки достижения независимости», декларация 1960 г. безоговорочно отвергла эту идеологию. Она разрушила основную идею колониализма, которая длилась более четырех столетий.

С 1960 г. понятие самоопределения становится все более освещенным. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП) и Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП), принятые в 1966 г.[115], предусматривали в общей статье 1 следующее:

---

[115] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.) вместе с Всеобщей декларацией прав человека (1948 г.) и Международным пактом о гражданских и

«1. Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно определяют свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие.

2. Все народы могут в своих целях свободно распоряжаться своими природными богатствами и источниками без ущерба для любых обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды и международном праве. Ни при каких обстоятельствах народ не может быть лишен собственных средств к существованию.

3. Государства – участники настоящего пакта, включая государства, несущие ответственность за управление несамоуправляющимися и подопечными территориями, содействуют осуществлению права на самоопределение и уважают это право в соответствии с положениями Устава ООН».

В 1970 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Декларацию о принципах международного права[116]. В соответствии с «принципом равноправия и самоопределения народов» эта декларация предусматривала право на самоопределение еще более четко и подробно. «В силу принципа ... самоопределения народов ..., все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и добиваться своего экономического, социального и культурного развития и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями устава».

Критика «деколонизационной парадигмы». Наряду с обозначенными позитивными тенденциями проявились и фундаментальные противоречия, связанные с деколонизацией: ограничительное толкование субъектного состава, территориальные критерии реализации и последующая неспособность

политических правах (1966 г.) составляют Международный билль о правах человека. Режим доступа: https://www.coe.int/ru/web/compass/international-covenant-on-economic-social-and-cultural-rights (дата обращения: 22.03.2023).

[116] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята Резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 22.03.2023).

классической деколонизационной парадигмы охватить более сложные формы колониальной зависимости.

Концепция «Blue water thesis»: географический критерий и его критика. Наиболее ярким проявлением ограничительного подхода к деколонизации стала так называемая «теория синей воды» (Blue water thesis) или «соленой воды» (salt water thesis). Как отмечают Д.Бушер и А.Омар, резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1514 (XV) 1960 года ограничила право на самоопределение подчиненными территориями, которые были «географически отделены» — требование, часто вводящее в заблуждение называемое «тезисом синей воды», предполагающим наличие океана между колониальной державой и соответствующей территорией[117]. Этот критерий был разработан в ответ на так называемую «бельгийскую тезу». Бельгия, утратившая собственные колониальные владения, предприняла попытку распространить действие деколонизационных механизмов на коренные народы, проживающие в границах независимых государств, включая коренное население США. Однако колониальные державы, включая США, пролоббировали принятие «тезиса синей воды», согласно которому для признания права на деколонизацию требовалось наличие географического разделения (водной преграды) между колонией и метрополией. Таким образом эта концепция фактически исключила из сферы действия деколонизационного права самоопределения коренные народы, чьи территории были аннексированы и инкорпорированы в состав государств-метрополий. Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 1541 (XV) 1960 года кодифицировала эту позицию, закрепив ограничительное толкование несамоуправляющихся территорий.

Исключение коренных народов из деколонизационного процесса. Наиболее серьезная теоретическая проблема, связанная с применением самоопределения в контексте деколонизации, касается статуса коренных народов. Резолюция 1514 (XV) ограничила право на самоопределение территориями, находившимися под

[117] Patton P. The Limits of Decolonisation and the Problem of Legitimacy. In: Boucher D, Omar A, eds. *Decolonisation: Revolution and Evolution*. Wits University Press; 2023:165-188.

прямым колониальным управлением, что исключило из сферы действия этого права коренные народы, чьи земли были аннексированы и интегрированы в состав государств. В результате их путь к деколонизации отличался от пути территорий, деколонизированных в 1950-х и 1960-х годах. Вплоть до принятия в 2007 году Декларации ООН о правах коренных народов (резолюция 61/295) борьба коренных народов велась преимущественно через национальные суды и законодательные органы стран-колонизаторов.

Э.Г.Угалде в своем критическом анализе международного права подчеркивает, что сама структура международного права имеет колониальное происхождение: «Международное право всегда было вдохновлено «цивилизационной миссией» — проектом управления неевропейскими народами. Расовая дискриминация, культурное подчинение и экономическая эксплуатация являются конститутивно значимыми для этой дисциплины, а не отклонениями, которые были преодолены современным международным правом». Этот тезис имеет три импликации: Во-первых, Э.Угалде отвергает прогресс, доминирующий в международно-правовой доктрине. Согласно этому утверждению, международное право эволюционировало от «нецивилизованного» периода (колониализм) к «цивилизованному» (современное право прав человека). Э.Угалде утверждает, что такая периодизация является самоапологетической: она позволяет международному праву представить себя как решение проблемы, к которой оно само же и способствовало. Во-вторых**,** ученый настаивает на том, что формальное равенство государств, закрепленное в Уставе ООН, не отменяет структурного неравенства, заложенного в процессе формирования международного права. Колониальные державы создали систему, в которой они установили правила, а затем, деколонизировавшись, сохранили структурные преимущества (постоянное членство в Совете Безопасности, контроль над международными финансовыми институтами, наследие *uti possidetis*). В-третьих, он утверждает, что даже те институты, которые принято считать прогрессивными (международное право прав человека, международное гуманитарное право), продолжают воспроизводить колониальную логику, поскольку они были

разработаны без участия коренных народов и навязываются как универсальные стандарты, игнорируя альтернативные эпистемологии. В этой связи автор формулирует двухэтапную деколониальную стратегию:

Этап 1: Деконструкция (отказ) — критический демонтаж доминирования колониальных эпистемологий. На этом этапе требуется: отказ от признания легитимности колониальных институтов; отказ от участия в правовых процедурах, предполагающих признание приоритета колониальной правовой системы; разрыв иерархических отношений между колониальными и коренными системами знаний.

Этап 2: Реконструкция (плюриверсальность) — создание новых парадигм, в которых различные эпистемологии могут сосуществовать без доминирования. На этом этапе требуется: признание множественности правовых порядков; разработка механизмов диалога между различными системами; институциональное оформление плюрализма в правовых и образовательных структурах[118]. Э.Угалде подвергает критике либеральный подход А.Бьюкенена, который ограничивает право на сецессию случаями серьезных несправедливостей. Он утверждает, что сама структура международного права делает невозможным подлинное признание прав коренных народов в рамках этой парадигмы. Вместо этого он предлагает концепцию «плюральных правовых порядков», признающих альтернативные юридические системы, основанные на различных онтологиях[119].

Как представляется, при всей ее эвристической ценности, позиция Э.Угалде страдает эпистемологическим радикализмом. Во-первых, Угалде отказывает международному праву в способности к саморефлексии и трансформации. Если колониальное происхождение делает дисциплину необратимо скомпрометированной, то любые последующие реформы — включая деколонизацию, закрепление *jus cogens* и развитие международного права прав

[118] Goodell Ugalde, E. (2024). From Margins to Pluriversality: Refusal, Reconstruction, and Decolonial Futures. Encounters in Theory and History of Education, 25(1), 292-307.
[119] Goodell Ugalde, E.2026. “Kinship Beyond Borders: Relational Sovereignty and the Limits of Liberal Statist Secession.” Constellations33, no. 1: 83–90. https://doi.org/10.1111/1467-8675.70022

человека — объявляются либо иллюзорными, либо имманентно воспроизводящими колониальную логику. Это создает теоретический тупик: если любые изменения предопределены колониальной структурой, то критерий различения между прогрессивными и регрессивными нормативными сдвигами исчезает. Во-вторых, Э.Угалде недооценивает инструментальное значение международного права для самих освободительных движений. Как показала практика деколонизации (резолюция 1514 (XV), Консультативное заключение по Намибии), именно обращение к международно-правовым механизмам позволило колониальным народам легитимировать свои требования и мобилизовать международное сообщество против метрополий. Игнорирование этого аспекта ведет к односторонней картине, в которой международное право предстает исключительно как инструмент угнетения, но не как арена борьбы.

Э.Угалде рассматривает деколонизацию преимущественно как процесс, в котором структурные ограничения (исключение коренных народов, «теория синей воды», *uti possidetis*) проявились с самого начала и определили дальнейшую эволюцию института. При этом он недооценивает значение тех позитивных сдвигов, которые произошли в рамках международного права после 1960 года. Декларация о правах коренных народов 2007 года (резолюция 61/295), подтверждение права на самоопределение в качестве *jus cogens* Международным судом в 2024 году, развитие концепции ремедиальной сецессии в доктрине — все это свидетельствует о том, что международное право обладает способностью к адаптации и расширению защищаемых субъектов. Э.Угалде склонен квалифицировать эти изменения как косметические или иллюзорные, не предлагая убедительных критериев для такого суждения.

Выводы. Проведенный анализ позволяет заключить, что деколонизация сыграла двойственную роль в формировании международно-правового режима самоопределения. С одной стороны, она выступила конституирующим фактором, придавшим абстрактному принципу нормативность, субъектность, институциональные механизмы и судебную конкретизацию. Без деколонизации самоопределение оставалось бы политической идеей, не обретшей статуса

императивной нормы (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes*. С другой стороны, именно в процессе деколонизации были заложены ограничения, которые продолжают определять контуры применения права на самоопределение в современном международном праве. «Теория синей воды» исключила коренные народы из сферы деколонизации, а субъектная привязка к административным единицам метрополий создала проблему «народов без территории», не охваченных деколонизационной парадигмой.

Таким образом, деколонизация не разрешила, а лишь перевела в новую плоскость фундаментальное противоречие, присущее самоопределению: между универсализмом права и избирательностью его применения, между правом народов на политическое бытие и интересами государств в сохранении территориальной целостности. Современные дебаты о самоопределении коренных народов, о «ремедиальной сецессии» и о пределах применения принципа *uti possidetis* являются прямым продолжением споров, которые сопровождали процесс деколонизации с момента его институционализации в 1960 году.

Деколонизация, таким образом, представляет собой не завершенный этап в истории права на самоопределение, а незакрытый нормативный горизонт, в котором конституирующие достижения и структурные ограничения сосуществуют в напряженном единстве, определяя как достижения, так и перманентные кризисы современного международного правопорядка. Признание этой диалектики является необходимым условием для адекватного теоретического осмысления и практического применения принципа самоопределения в XXI веке.

Предложения. *Доктринальные уточнения критериев субъектности.* Предлагается отказаться от географического критерия как от устаревшего и не соответствующего нормативной природе *jus cogens*. Вместо этого в доктрине и практике следует использовать *функциональный подход*: носителем права на самоопределение признается группа, удовлетворяющая совокупности критериев — историческая общность, территориальная связь, устойчивая идентичность и наличие волеизъявления на реализацию права. Такой подход позволяет преодолеть

дискриминационные последствия деколонизационной модели, не создавая автоматической презумпции в пользу сецессии.

Нормативные изменения. Пересмотреть резолюцию ГА ООН 1541 (XV) 1960 года, исключив требование географической отделенности (*geographical separation*) как критерий определения несамоуправляющихся территорий. *De lege ferenda* предлагается разработка *рамочной конвенции о праве на внутреннее самоопределение*, которая закрепила бы:

- минимальные стандарты автономии (территориальной, культурной, персональной);
- право групп на участие в принятии решений, затрагивающих их статус и ресурсы;
- судебные механизмы защиты права на внутреннее самоопределение.

Такой подход переносит акцент с внешнего самоопределения (сецессии) как исключительной меры на внутреннее самоопределение как основную форму реализации права, что соответствует как интересам государства в сохранении территориальной целостности, так и интересам групп в сохранении идентичности и самоуправлении. *Пересмотр мандата Специального комитета по деколонизации (Комитет 24).* Расширить мандат Комитета 24, трансформировав его в постоянный орган по вопросам реализации права на самоопределение, с включением в компетенцию:

- мониторинга ситуаций, где ставится вопрос о самоопределении;
- оказания содействия в переговорах между государством и группой, претендующей на реализацию права;
- представления Генеральной Ассамблее ООН докладов без рекомендаций политического характера, ограничиваясь установлением фактов.

При этом мандат не должен включать полномочий по признанию независимости или санкционированию сецессии.

§ 1.4. Нормативное содержание и место принципа самоопределения народов в иерархии основных принципов международного права

Вопрос о месте принципа самоопределения народов в иерархии основных принципов международного права относится к числу наиболее сложных и дискуссионных проблем современной доктрины. Это обусловлено несколькими факторами: во-первых, принцип самоопределения исторически возник как политический лозунг, лишь постепенно трансформировавшийся в правовую норму; во-вторых, он находится в перманентном напряжении с другим фундаментальным принципом — территориальной целостности государств; в-третьих, его нормативное содержание и юридическая обязательность эволюционировали на протяжении всего XX века и продолжают развиваться в практике международных судов и органов ООН. Для определения положения принципа самоопределения необходимо рассмотреть несколько взаимосвязанных аспектов: его закрепление в источниках международного права, его квалификацию в доктрине и судебной практике как нормы jus cogens и erga omnes, а также его соотношение с другими основополагающими принципами. Настоящий анализ опирается на ключевые международно-правовые документы, решения Международного Суда ООН и работы авторитетных представителей доктрины.

Монография А.Кассезе «Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal» является классическим трудом, который впервые представил всеобъемлющий юридический анализ принципа самоопределения, проследив его эволюцию от политического лозунга до полноценной международно-правовой нормы. Центральным вкладом А.Кассезе в доктрину самоопределения стало концептуальное разграничение двух аспектов этого права: внешнего и внутреннего самоопределения. Внешнее самоопределение, согласно его анализу, реализуется через создание независимого государства и исторически закрепилось преимущественно за колониальными народами в процессе деколонизации. Внутреннее же самоопределение относится к праву всех народов на подлинное участие в управлении собственными делами в рамках существующего государства - через демократические институты, автономию, защиту культурных и языковых

прав. А.Кассезе убедительно показывает, что для народов, уже живущих в суверенных государствах, приоритет имеет именно внутреннее самоопределение, а внешняя сецессия допустима лишь в исключительных случаях. Важнейший вывод автора заключается в том, что право на самоопределение не является безграничным и должно реализовываться с учетом принципов территориальной целостности и суверенитета государств. Эта концептуальная рамка была впоследствии воспринята высшими судебными инстанциями, включая Верховный суд Канады в деле о Квебеке. Особую ценность представляет глава, написанная по горячим следам распада СССР и Югославии, где А.Кассезе исследует, как принцип самоопределения применялся и искажался в процессе дезинтеграции этих федераций, и какова была роль международного сообщества в признании новых государств. Он также анализирует наиболее спорные вопросы, включая сецессию, применение силы, проблемы меньшинств и новые тенденции, такие как требования коренных народов[120].

В комментарии Б.Симмы к Уставу ООН содержится принципиально важное утверждение относительно иерархического статуса принципа: «В большинстве работ, посвященных jus cogens, он даже упоминается как одна из немногих норм международного права, которые пользуются всеобщим признанием в качестве императивных»[121]. Это означает, что принцип самоопределения признается нормой, от которой не допускается отступлений и которая имеет высшую юридическую силу по отношению к другим международным договоренностям. Л.Оппенгейм, классик международного права, хотя и рассматривал государственность скорее, как вопрос факта, заложил основу для понимания того, что эффективность власти должна сочетаться с легитимностью, которую в современном праве во многом обеспечивает соблюдение принципа самоопределения[122].

---

[120] См. A.Cassese, Self-determination of Peoples; A Legal Reappraisal (Hersh Lauterpacht Memorial Lectures), Cambridge University Press, Cambridge, 1995. ISBN: 0-521-481872 (HB); 0-521-63752-X (PB); xviii and 375 pages

[121] См. The Charter of the United Nations. A Commentary / eds. B. Simma, et al. 3rd ed. Oxford University Press, 2012. Vol. I. P. 77.

[122] См. Оппенгейм Л. Международное право. Т.1. Полутом 2. М., 1949. С.49.

Нельзя не упомянуть, что иерархическое возвышение принципа самоопределения встречало и критику в доктрине. Й.Х.В.Верзейл, например, в своем фундаментальном труде «International Law in Historical Perspective» (1968) подверг сомнению самоопределение как правовую концепцию, описывая его как право с «очевидно политической природой и качеством лозунга» и указывая на «очевидный произвол и вопиющее международное лицемерие» в его применении[123]. П.Маланчук в «Akehurst's Modern Introduction to International Law» также критикует принцип, исследуя обвинения в двойных стандартах в колониальном и постколониальном контексте[124]. Эти критические подходы, однако, не отрицают самого иерархического статуса принципа, но указывают на сложности и противоречия в его практической реализации.

Несомненный научный и практический интерес представляет в этой связи позиция В.Л.Толстых. Анализируя вопрос о принципах международного права, ученый традиционно констатирует устоявшееся положение о рассмотрении каждого принципа в свете других принципов, но делает существенно важное смысловое дополнение, согласно которому «в случае конфликта должен обеспечиваться справедливый баланс» (принцип пропорциональности)[125].

Анализ размышлений профессора Э.Карти о самоопределении позволяет увидеть глубокий скептицизм по поводу того, как международное право на практике разрешает фундаментальный конфликт между двумя своими основополагающими принципами. Ключевой тезис Э. Карти заключается в том, что международное право, декларируя право на самоопределение, на деле выхолащивает его содержание, подчиняя принципу сохранения существующих границ. Свои выводы он строит на критическом разборе двух важнейших прецедентов:

---

[123] Jan H. Verzijl. *International Law in Historical Perspective.* Publ. of the Inst. for International Law of the Univ. of Utrecht. 1968. P.33

[124] Malanczuk, P. (1997). Akehurst’s Modern Introduction to International Law (7th ed.). Routledge. P.78

[125] Толстых В.Л. Курс международного права. М., 2018. С. 159.

- *Решение Международного Суда по спору Буркина-Фасо и Мали*: Э.Карти обращает внимание на то, как Суд, утверждая принцип uti possidetis juris (неприкосновенность колониальных границ), фактически обходит вопрос о самоопределении. Он называет формулировку Суда о том, что африканские государства «благоразумно согласились уважать колониальные границы при интерпретации принципа самоопределения», эвфемизмом для подавления сепаратистских движений. По мнению профессора, здесь стабильность границ откровенно ставится выше воли народов.
- *Заключения Арбитражной комиссии по Югославии (комиссии Бадинтера)*: Э.Карти показывает, что европейские юристы применили тот же подход к распаду Югославии. Комиссия в Заключении №2 прямо указала, что право сербского населения Хорватии и Боснии на самоопределение не может вести к изменению границ. Вместо этого сербам предложили лишь право на признание их идентичности и выбор гражданства. Это, с точки зрения Э.Карти, является наглядной демонстрацией того, как система даёт общее предписание: никакое требование самоопределения не должно нарушать территориальную целостность[126].

Л.П.Ануфриева апеллируя к Г.Гегелю и И.Канту, широко опираясь на хрестоматийные труды и современные работы зарубежных и отечественных авторов, вступая при необходимости в острую полемику с некоторыми из них, убедительно показывает диалектическое взаимодействие идейной составляющей принципов и «качеств нормативности», их органичность и внутреннее единство. Убеждает и вывод, согласно которому: во-первых, принципы в международном праве – это нормы; во-вторых, они суть императивные нормы; в-третьих, если это основные принципы, то речь идет о нормах, обладающих самым высоким иерархическим статусом в системе международного права в целом[127].

---

[126] Carty A. International Legal Personality. In: Philosophy of International Law. Edinburgh University. 2007:79-109.

[127] См. Ануфриева Л.П. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания). // Московский журнал международного права. 2021. №1. С.6,13,14. О значимости разграничения основных и общепризнанных принципов международного права. См. также: Ануфриева Л.П. «Основные принципы» как

А.Н.Вылегжанин, Т.Потье и Е.А.Торкунова, обосновывая потребность «в более целостном, связанном воедино международном правопорядке» закономерно увязывают столь важную задачу – цель с необходимостью роста роли Устава ООН в глобальной правовой системе, подчеркивают ценность его как документа, «предупреждающего путаницу в правоприменении»[128]. Эти соображения, разумеется, в полной мере относятся и к проблематике главы I Устава.

Считаем необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что большинство российских и западных ученых старается избегать явно устаревшей формулировки «общие принципы, признанные цивилизованными нациями», содержащиеся в п. «с» ст. 38 Статута Международного Суда ООН и прибегает к «усеченным формулам»: «общие принципы права», «основные», «общепризнанные», «принципы международного права» и т.п. явным диссонансом на этом фоне выглядит положение одного из современных учебников по международному праву, дословно воспроизводящее приведенную выше формулу Международного Суда[129]. Отчасти объяснимый подход в условиях мира, не помышлявшего о деколонизации[130], сегодня не просто некорректен и неприемлем, но во многом и оскорбителен для народов, которые в длительной борьбе с колонизаторами добились независимости, вряд ли при этом считая себя «нецивилизованными». Можно предложить иной взгляд на позицию А. Х. Абашидзе: его трактовка «цивилизованных наций» через призму высокой правовой культуры, безусловно, логична, однако, вероятно, она всё же сужает изначальный

категория международного права. – Актуальные проблемы современного международного права: материалы XVI ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.П.Блищенко. В 3-х частях. Ч.1. Отв. ред. А.Х.Абашидзе, Н.Н.Емельянова. М.: Издательство РУДН. С.186-197; Ануфриева Л.П. Enigma российской Конституции 1993 года: «общепризнанные принципы и нормы международного права». – Право. Журнал Высшей школы экономики. №3. С. 4-25. DOI:10.17-323/2072-8166.2019.3.4.25.

[128] См. Вылегжанин А.Н., Потье Т., Торкунова Е.А. К упрочнению международного права через возрождение Устава ООН. // Московский журнал международного права. 2020. №1. С.9.

[129] См. Международное право: Учебник. Часть I. Под ред. А.Н.Вылегжанина. 3-е изд. М. 2017. С. 53-55.

[130] Выдающийся юрист-международник Ф.Ф.Мартенс в своем хрестоматийном курсе международного права увязывал «цивилизованность» с «вековой культурой» и правосознанием «народов европейской цивилизации». (См. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т.1. 5-е изд. СПБ., 1904. С. 184-186).

смысл данной нормы[131]. Основные принципы международного права К.А.Бекяшев характеризует как «концентрированное выражение общепризнанных норм поведения субъектов международного права, касающихся наиболее важных, жизненных, можно сказать – судьбоносных вопросов международных отношений», как исходные положения или ведущие начала процесса формирования, развития и функционирования международного права, характеризующие его сущность и содержание, отражающие «не только внутреннее строение, сложившееся положение, но и весь процесс его применения, его динамику»[132]. Ученый солидаризируется с суждениями теоретиков права (М.Н. Марченко и Е.М. Дерябиной), сравнивающих принципы права со «своеобразной несущей конструкцией» и приводит широкий спектр определений и оценок основных принципов, содержащихся в трудах видных отечественных, а также зарубежных юристов-международников (Р.Л.Бобров, А.Н.Талалаев, О.И.Тиунов, С.В.Черниченко, Э.Аречага, М.Шо, А.Кассесе и др.).

И.И.Лукашук важнейшей особенностью международного права считал наличие в нем основных принципов – обобщенных норм, отражающих характерные черты, а также главное содержание международного права, обладающих высшей юридической силой и наделенных к тому же «особой политической, и моральной силой»[133].

Вместе с тем многие юристы-международники пытаются выстроить систему основных принципов международного права, вычленяя из всей их совокупности то или иное главное, ключевое звено, что вызывает, на наш взгляд, серьезные сомнения. И.И.Лукашук, например, исходил из того, что «комплексу принципов присуща некоторая иерархия» и отводил центральное место в ней принципу неприменения силы. Развивая такой подход, он обращал внимание на то, что «именно этот принцип обязывает воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности любого государства. С

---

[131] Абашидзе А.Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера. // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 27.
[132] Бекяшев К.А. Международное публичное право: учебник. М., 2019. С.71, 72.
[133] Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М., 2008. С.156.

этой целью не может быть также использовано политическое, экономическое или иное давление». Принцип территориальной неприкосновенности ученый логически увязывал с принципом нерушимости границ. А в подтверждение своего рода его незыблемости обращался к Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., согласно которой нельзя ссылаться на коренное изменение обстоятельств как на основание прекращения договора, если договор устанавливает границу (ч. 2 ст. 62)[134]. Территориальная неприкосновенность и нерушимость границ косвенно закреплены и Венской конвенцией о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г., обращающей внимание на то, что принципы правопреемства сам по себе не затрагивает границ, установленных договором (ст.11).

В. Н. Русинова проблематику прав человека рассматривается преимущественно через призму их соотношения с нормами международного гуманитарного права (МГП), однако этот анализ неизбежно затрагивает и общие принципы международного права, прежде всего принцип гуманности и принцип lex specialis.

Центральный вопрос, который ставит автор: как соотносятся две отрасли международного права — МГП и международное право прав человека (МППЧ) — и на каких принципах строится их совместное применение? Ответ на него В. Н. Русинова дает через анализ трех основных доктринальных теорий:

Конкурентная теория исходит из того, что МГП как lex specialis полностью вытесняет МППЧ в период вооруженного конфликта. В. Н. Русинова опровергает эту позицию**,** указывая, что применение принципа *lex specialis derogat legi generali* на уровне целых отраслей международного права «некорректно и не позволяет вывести неприменимость норм международного права прав человека в вооруженных конфликтах».

Комплементарная теория (которой автор в целом симпатизирует) утверждает, что нормы обеих отраслей частично пересекаются и взаимодополняют друг друга. Практика Комитета по правам человека ООН, Европейского суда по

[134] См. Лукашук И.И. Цит. соч., С. 313-316. 1978 г.

правам человека и Межамериканского суда подтверждает их взаимодополняемость.

Интеграционная теория допускает возможность объединения норм двух отраслей, и автор признает наличие потенциала для их интеграции[135].

Принципиальное значение в конструкции В. Н. Русиновой имеет принцип гуманности. Она прямо указывает, что если МГП «в его основе лежит компромисс между требованиями человечности и военной необходимостью», то «международное право прав человека основывается на принципе гуманности». Именно общая гуманитарная цель — защита личности — и обусловливает взаимосвязь двух отраслей, несмотря на разную историю их становления и кодификацию в различных источниках[136].

Проведённый В. Н. Русиновой анализ соотношения международного гуманитарного права и международного права прав человека имеет прямое методологическое значение для понимания принципа самоопределения. Подобно тому как в сфере прав человека в вооружённых конфликтах отвергается жёсткая конкуренция отраслей (lex specialis) в пользу их взаимодополняемости на основе принципа гуманности, так и соотношение принципа самоопределения народов с принципом территориальной целостности (и производным от него uti possidetis) не должно строиться по модели иерархического вытеснения. Самоопределение не является ни «абсолютным» принципом, отменяющим территориальную целостность, ни «подчинённым», блокируемым ею. Их взаимодействие должно мыслиться как взаимодополняющее, а критерием, позволяющим в конкретной ситуации отдать приоритет самоопределению (вплоть до признания правомерности «защитной сецессии»), выступает тот же гуманитарный стандарт — систематические и грубые нарушения прав человека и упорный отказ в праве на внутреннее самоопределение. Тем самым принцип гуманности, обоснованный В.

---

[135] Русинова В. Н. Теории соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — № 1. — С. 102–125 (доступна в открытом доступе на платформе НИУ ВШЭ).

[136] Русинова В. Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека : монография. — Москва : Статут, 2015. — 384 с. — ISBN 978-5-8354-1119-1.

Н. Русиновой как общее основание МГП и МППЧ, получает значение и для определения пределов и условий реализации права на самоопределение.

Ю.С. Ромашев рассматривает принципы не как абстрактную категорию, а как явление одновременно социальное и правовое: как социальное явление они представляют собой основополагающие идеи и подходы, в соответствии с которыми общество организует свою деятельность, а как правовое явление выражают сущность права и определяют характер правового регулирования. Автор подчёркивает историческую обусловленность принципов, вслед за И.И. Лукашуком отмечая, что не принципы порождают социальные системы, а исторические условия выдвигают принципы[137].

Важный тезис — сочетание стабильности и эволюционности. При неизменности формулировок многих принципов их содержательная сторона непрерывно эволюционирует в соответствии с потребностями развития межгосударственных отношений; в качестве примера приводится расширительное толкование принципа равноправия и самоопределения народов, первоначально связанного с деколонизацией. Одновременно допускается и кардинальное изменение формулировок отдельных принципов (переход от допустимости силового разрешения споров к принципу неприменения силы), хотя базовые принципы (суверенное равенство, добросовестность выполнения обязательств), по мнению автора, вряд ли изменят своё содержание в обозримой перспективе.

Центральное место в концепции занимает многокритериальная классификация, призванная раскрыть «сущностные стороны» и «специфические черты» принципов. Выделяются шесть оснований деления:

по источнику закрепления — договорные, обычные, общие принципы права и смешанные;

по кругу участников — универсальные и партикулярные (локальные)[8];

по территориальной сфере действия — всеобщие, региональные (субрегиональные) и действующие на территории двух-нескольких государств;

---

[137] См. Ромашев Ю.С., Постникова Е.В. Принципы в международном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3. С. 195.

по методу правового регулирования — императивные и диспозитивные;

по содержанию — общие (которым подчинены другие нормы) и конкретные (например, lex posteriori derogat legi priori);

по сфере распространения — общеправовые, отраслевые, межотраслевые и принципы отдельных институтов.

Отдельно рассматриваются принципы «мягкого права», закреплённые в рекомендательных актах международных организаций, способные со временем перерасти в обязательные нормы[138].

На сегодня, как отмечалось в диссертации, ни среди российских, ни среди зарубежных ученых-юристов нет единства мнений о статусе принципа самоопределения в системе основных принципов международного права. И.А. Конюхова, например, считает, что право на самоопределение является высшей императивной формой[139]. Другие авторы отдают предпочтение принципу территориальной целостности. Подчас утверждается, что самоопределение – политический, моральный, но не правовой принцип[140].

Развитие международных отношений - объективный процесс, складывающийся под воздействием экономических, геополитических, военных, социально-культурных, демографических, духовных, религиозных и иных факторов. «На основе соглашения между государствами, а это единственный путь в межгосударственной системе, состоящей из суверенных государств, - отмечал один из корифеев международного права Г.И. Тункин, - международное право и международная организация сделали гигантский шаг вперед»[141]. Сказанное, думается, в полной мере можно отнести и к сложившейся системе основных принципов современного международного права, соблюдение которых во многом предопределяет сохранение относительной стабильности в международных

---

[138] См.: Ромашев Ю.С. Общие принципы права в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 148–174. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.148.174

[139] См.: Конюхова И.А. Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. М., 2006. С. 165.

[140] См.: Pomerance M. Self-Determination in Law and Practice: The new doctrine in the United Nations. 1982. P. 73.

[141] См. Тункин Г.И. Международное право: наследство XX века. «Российский ежегодник международного права. 1992». СПб. 1994. С.12.

отношениях, способствуют нахождению адекватных ответов на периодически возникающие угрозы и вызовы, урегулированию региональных и локальных конфликтов.

Современное международное право однозначно исходит из того, что все основные принципы являются:

взаимосвязанными и каждый из них должен рассматриваться в контексте всех других принципов (Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г., раздел «Общие положения», ст. 2, часть I);

имеют первостепенную важность и, следовательно, будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других (Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., раздел «Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях», ст. X, часть IV).

Первостепенная важность всех принципов подчеркивается и в преамбуле упомянутой Декларации Заключительного акта. С учетом предельно четких формулировок приведенных важнейших международно-правовых документов представляются в высшей степени некорректными встречающиеся иногда в литературе рассуждения о том, что «две нормы международного права не могут и не должны обладать абсолютно равной юридической силой».[142] Но ведь именно на такой подход и нацеливают, как цивилизованная доктрина международного права, так и практика его применения. Не имеют под собой, на наш взгляд, достаточной основы и попытки увязать подходы к праву на самоопределение с «противоречивыми процессами эрозии государственного суверенитета в условиях глобализации», якобы делающими, с одной стороны, идею отдельного, самостоятельного государства «менее привлекательной», а, с другой, - ослабляющей сопротивление сецессии ввиду «снижения значимости

[142] Прудников А.А. Коллизия, требующая разрешения. К соотношению принципов самоопределения и территориальной целостности государства. «Право и современные государства». 2016. №6. С.63

суверенитета»[143]. О недопустимости противопоставления или соподчинения основных принципов пишет Ю.Г.Скрипкина, критически ссылаясь в подтверждение своих соображений на работу, название которой говорит само за себя – «Государственный суверенитет VS право наций на самоопределение»[144].

Конечно, жизнь неизмеримо богаче разного рода концепций и формул. Известный российский юрист-международник Б.Н. Чичерин еще в начале XX века отмечал, что в условиях системы равновесия каждое государство вынуждено руководствоваться во внешней политике «не исключительно собственными интересами, но также вниманием к интересам других», а слабые государства «могут существовать рядом с сильными, сохраняя свою независимость, и служат уравновешивающим элементом при взаимных столкновениях»[145]. Подобное «равновесие», своего рода система «сдержек и противовесов» в мировых делах далеко не в последнюю очередь обеспечивается суверенитетом государств, означающим верховенство внутри страны («право народов распоряжаться своей судьбой», как это и предусмотрено в Заключительном акте СБСЕ) и независимость во-вне.

Закономерно и логично, что в Преамбуле Декларации 1970 г. во имя осуществления целей ООН прогнозируется прогрессивное развитие и кодификация основных принципов, в том числе, разумеется, принципа равноправия и самоопределения народов. При определенных политических, социально-культурных, этнографических, духовно-религиозных и иных обстоятельствах для нахождения выхода из нередко тупиковой дихотомии «территориальная целостность – право на самоопределение» предпочтение рано или поздно будет

---

[143] Wellman C.H. Theory of Secession. The Case for Political Self-Determination. Cambridge. 2005. P.182, 183. Еремина Н.В. Национально-политический разлом. От регионализма к сепаратизму в странах ЕС (на примере Шотландии и Уэльса). «Свободная мысль». 2010. №12. С.21-34.

[144] См. Скрипкина Ю.Г. Принципы территориальной целостности государств и самоопределение народов и их роль в обеспечении международной безопасности и международного правопорядка. «Вестник Московского университета МВД России». 2018. №4.

[145] См. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб. 1998. С.254

отдаваться на практике либо первому, либо второму принципу. Однако, по нашему убеждению, недопустимо пытаться априори выстраивать их некую иерархию[146].

Любые попытки вычленить из совокупности основных, тесно связанных между собой и активно взаимодействующих принципов международного права некое главное звено заведомо обречены на неудачу. Показательно, что в одном из своих принципиальных решений Конституционный Суд РФ подчеркнул, что международное право, «не отрицая права на самоопределение, осуществляемого посредством законного волеизъявления, требует при этом соблюдения принципа территориальной целостности и прав человека»[147]. Верховным судьей во всех, нередко кровопролитных ситуациях, в том числе связанных с реализацией права на самоопределение, должен оставаться Совет Безопасности ООН (со своей формулой «совпадающих голосов всех постоянных членов Совета») как гарант Устава ООН, поддержания международного мира и безопасности.

На доктринальном уровне в западной литературе давно рассматриваются вопросы о возможных основаниях легитимной силовой акции со стороны международного сообщества в случаях нарушения прав и свобод человека. В какой-то степени путь к такому подходу, думается, был проложен еще Женевскими конвенциями 1949 г., а до них – принявшей форму правового обычая «оговоркой Мартенса» (1899 г.): «в случаях, не предусмотренных принятыми постановлениями государств (подчеркнуто нами – А.К.), воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания»[148]. В современном международном праве сложилась его отрасль – гуманитарное право, представляющая собой систему принципов и норм, регулирующих отношения между субъектами международного права по поводу

---

[146] См.: Каграманов А.К. Принцип равноправия и самоопределения народов в системе основных принципов международного права. Международное право. – 2021. – № 1. – С.41. DOI: 10.25136/2644-5514.2021.1.35071 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35071

[147] См. Решение о конституционности ряда законов Татарстана. «Вестник Конституционного Суда РФ». 1993. №1. С. 49.

[148] О значении «оговорки Мартенса», в том числе в современной международной судебной практике, см. Бекяшев К.А. Международное публичное право. Учебник. М., 2019. С. 986-987.

гуманитарных задач, возникающих в связи с вооруженными конфликтами, в том числе немеждународного характера[149].

При создании международного трибунала по Руанде Совет Безопасности ООН наделил его компетенцией рассматривать дела о серьезных нарушениях в случае вооруженных конфликтов немеждународного характера (ВКНМХ). В Статуте Международного уголовного суда к военным преступлениям отнесены «серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в ВКМНХ». Международный трибунал по бывшей Югославии (МТУБ) также признал за собой право пресекать некоторые нарушения международного права, совершенные в ходе ВКНМХ.

27 марта 2000 г. генеральный секретарь ООН К. Аннан выступил с докладом «Мы, народы: роль ООН в XXI веке»[150], с которым связывается зарождение некоторых новых концепций на грядущее столетие, в том числе в сфере международного гуманитарного права. В сентябре того же года приступила к работе специально созданная Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, а в декабре 2001 г. представила обстоятельный доклад и приложение с материалами исследования под названием «Ответственность защищать»[151].

На первый взгляд, выводы доклада представляются в высшей степени злободневными и достаточно взвешенными, ориентируя мировое сообщество на поиск наиболее гуманных решений конфликтных ситуаций внутри государств, возникающих чаще всего в контексте попыток реализации права на

---

[149] См. Гассер Х.-П. Международное гуманитарное право. М., 1999; Пихте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. М., 2001; Батырь В.А. Международное гуманитарное право. М., 2006; Мельцер Н. Международное гуманитарное право. М., 2017. Международное гуманитарное право /Н.А. Соколова // Международное публичное право. Учебник / Л.П. Ануфриева, К.А. Бекяшев, Е.Г. Моисеев, В.В. Устинов [и др.]; отв. ред. К.А. Бекяшев. - 5-е изд,, перераб. и доп. - М.: Проспект, 2008. – С. 846-882. Н.А. Соколова Гаагские конвенции 1907 г. и современное международное гуманитарное право // Украинский журнал международного права. 2006. № 2.

[150] См. Материалы работы Пятьдесят четвертой сессии ООН. Ассамблея тысячелетия ООН. 27 марта 2007 г. URL: https://undocs.org/ru/A/54/2000. Дата обращения: 7 апреля 2020 г.

[151] См. Ответственность по защите. URL: https://www.un.org/ru/chronicle/article/21872. Дата обращения: 7 апреля 2020 г.

самоопределение. И закономерно, что идеи «ответственности за защиту» получили в той или иной форме отражение в докладах Генерального секретаря ООН и решениях ряда международных форумов – Итоговом документе Всемирного Саммита 2005 г.; резолюциях Совета Безопасности ООН 1674, 1706, 1755 (урегулирование кризиса в Судане), 1970 («ливийский вопрос»), 1975 (события в Кот-д'Ивуаре), 2014 (политический кризис в Йемене) и ряде других.

В частности, на упомянутом Саммите 2005 г., подтвердившем выросшую из популярных на Западе идей «гуманитарной интервенции» концепцию RtoP, было подчёркнуто, что применение силы и с этой целью требует разрешения Совета Безопасности ООН. Особо оговорено, что соответствующие коллективные действия могут осуществляться «в случае необходимости, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности»[152].

Исходя из изложенного, думается с полным основанием М.Хартвиг оценивал ситуацию, порожденную операцией в Косово, как нарушение международного права, и считал, что никакие ссылки на «простительный грех» не смогут смягчить ничего в тяжести такой правовой квалификации[153].

Нет пока единодушного подхода к рассматриваемой проблеме в отечественной литературе. И если Л.И.Захарова достаточно осторожно увязывает «готовность не считать более сферу прав человека сугубо внутригосударственной сферой» стран с «высоким уровнем развития демократии»[154], то В.В.Гаврилов исходит из того, что концепция RtoP «не может быть позиционирована как новая юридическая норма или принцип», видя в ней «междисциплинарную

---

[152] Итоговый документ Всемирного Саммита 2005 года, принятый 20 сентября 2005 г. Пункт 139. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml. Дата обращения: 7 апреля 2020 г.

[153] См. Хартвиг М. Консультативное заключение Международного Суда ООН по вопросу о Декларации независимости Косово. Дайджест публичного права. Институт Макса Планка. 2 (2013). С. 125-127.

[154] См. Захарова Л.И. Международные стандарты в области прав человека и институт омбудсмена. М., 2002. С.88.

международную и маршрутную карту»[155]. А по мнению Л.В.Корбут, «государства не только обязаны защищать свое население, но и несут ответственность за нарушение прав человека на своей территории», не допуская при этом «неправомерной гуманитарной интервенции»[156].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что универсализация прав человека на современном витке развития мирового сообщества и международного права может высветить новыми гранями (с выходом за рамки традиционных представлений) проблемы государственного суверенитета и, как следствие, вопросы, связанные с правом народов на самоопределение и территориальной целостностью государства. При этом необходимо, на наш взгляд, решительно отвергнуть явно предвзятую, одностороннюю позицию сопредседателя Комиссии по разработке проблемы RtoP, бывшего на тот момент министром иностранных дел Австралии Г. Эванса, характерную, впрочем, для большинства западных политиков. Докладом Комиссии, по его мнению, «был изобретен новый подход: сегодня государственный суверенитет – это первоочередная обязанность защищать лиц, находящихся на территории государства»[157].

Защита «лиц, находящихся на территории государства» (надо полагать, своих граждан прежде всего), несомненно, важнейшее проявление суверенитета как главного свойства государств, его неотъемлемого признака. Однако не менее значимы и такие аспекты суверенитета, как обеспечение неприкосновенности, целостности государства, нерушимости его границ, создание условий для проведения независимой внешней политики, последовательного укрепления своих экономических основ, развития культуры, решения всех других задач, стоящих перед обществом. И в этом смысле упомянутая выше позиция Эванса ведет к искажению понимания сути государственного суверенитета, делает его однобоким,

---

[155] См. Гаврилов В.В. Соотношение и последовательность действий органов государства и международных организаций в рамках концепции «ответственности за защиту» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «Евразийский юридический журнал». 2010. №12. С.13

[156] См. Корбут Л.В. Ответственность за защиту как гарантия прав человека в международном праве. «Евразийский юридический журнал». 2012. №10. С.49.

[157] См. Evans G.Y. The responsibility to protect: ending mass atrocity crimes once and for all. Washington. 2008. P.40

а значит и ущербным. Закономерно, что в Концепции внешней политики РФ, утвержденной Президентом Российской Федерации 30 ноября 2016 г., особо отмечается недопустимость осуществления под предлогом реализации концепции «ответственность по защите» военных интервенций и прочих форм стороннего вмешательства, нарушающих нормы международного права, в частности принцип суверенного равенства государств[158].

В свете изложенного представляется не вполне правомерным подменять, как это иногда делается в отдельных работах, универсализацию прав человека в современном мире рассуждениями о «космополитической тенденции связывать индивида и его права с человечеством, а не нацией или государством», придавая такого рода соображениям явно негативный оттенок[159]. Справедливой, тщательно аргументированной критике К.А.Бекяшев подвергает позицию Е.Т.Байльдинова, предложившего выстроить все основные принципы международного права «в строгой юридической иерархии в зависимости от важности каждого принципа для человечества в целом», включив в основу своей классификации принцип уважения прав и основных свобод человека[160].

Углубленный подход в настоящем параграфе к проблематике прав человека в контексте ее относительно новых, высветившихся на рубеже XX-XXI веков, граней имеет для целей диссертации особое значение, так как дает возможность рассмотрения темы права народов на самоопределение за рамками парадигмы традиционного противопоставления двух основных принципов современного международного права «самоопределение – территориальная целостность государства». В приведенных выше соображениях диссертант стремился показать тесную взаимозависимость «коллективного» (самоопределения народов) и «индивидуального» (уважение прав человека и основных свобод) принципов. Оба

---

[158]См. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. Дата обращения: 8 апреля 2020 г.

[159] См., например: Сморгунов Л.В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб., 2012. С. 330.

[160] Байльдинов Е.Т. Новое международное право: к вопросу о сущности. «Московский журнал международного права». 2013. №2. С. 90-101.

эти принципа теснейшим образом взаимодействуют с ключевым, стержневым по своей сути, принципом уважения государственного суверенитета.

Известный уругвайский юрист-международник Э. Аречага трактует положение о несовместимости с целями и принципами Устава ООН попыток «разрушить национальное единство и территориальную целостность страны» как «предохранительную клаузулу» в пользу суверенных государств, в том числе и только что образованных. Он акцентирует внимание на тех положениях Декларации 1970 г., которые призваны оградить государства от сепаратистских движений. Вместе с тем, ученый, воспроизводя положение в поддержку народа, осуществляющего свое право на самоопределение, делает знаменательный вывод о недопустимости вмешательства иностранных государств в гражданскую борьбу, ведущуюся на территории другого государства, с целью оказания помощи инсургентам. «Тем самым, - пишет Э. Аречага, - Декларация уполномочивает государства оказывать моральную и материальную поддержку народам, борющимся за свое самоопределение, в тех случаях, когда восставшим не противостоят другие группировки, отстаивающие такое же право, поскольку тогда помощь одной из групп инсургентов против другой будет представлять собой акт вмешательства. Однако, как полагает ученый (и диссертант в полной мере разделяет его мнение), третьи государства оказывая моральную и материальную поддержку народу, ведущему борьбу за самоопределение, «не в праве применять вооруженную силу против другого государства, за исключением случаев, когда такие действия осуществляются по указанию или уполномочию Организации Объединенных Наций»[161].

Образование Бангладеш приводится упомянутым автором в качестве «весьма показательного» примера, когда «движение сепаратистов в государстве, являющемуся членом ООН, получило поддержку извне и в конечном счете победило». Такой «беспрецедентный исход событий» Аречага объясняет стечением целого ряда особых обстоятельств, которые, на наш взгляд, могут

[161] Аречага Э.Х. Современное международное право. М., 1983. С. 169-170.

толковаться расширительно, распространяясь и на другие ситуации (естественно, с учетом местной специфики):

- физическая отдаленность территории Восточного Пакистана;

- наличие лингвистических, культурных и этнических различий;

- тот факт, что правительство Пакистана не только не представляло все население страны, но, напротив, применяло принуждение, нарушая права человека и основные свободы;

- большинство населения государства высказалось по итогам выборов за учреждение независимого или по крайней мере автономного Восточного Пакистана[162].

Очевидна и логика соотношения принципа самоопределения с другими основными принципами международного права. Принципы невмешательства во внутренние дела и неприменения силы или угрозы силой, равно как и рассмотренный выше принцип суверенитета, призваны оградить государства от внешнего силового воздействия при решении своих внутренних проблем, в том числе и связанных с возможным самоопределением части населения собственной территории. Принцип мирного урегулирования споров всеми известными международному праву средствами (переговоры, обследования, примирение и др.) не может выходить за рамки межгосударственных споров, но, очевидно, именно его следует применять, если такого рода спор затрагивает территориальные аспекты государства, на часть которого претендует другое государство в контексте права его народа (части народа) на самоопределение. Принципы сотрудничества между государствами и добросовестного выполнения обязательств по международному праву должны лежать в основе нахождения решения проблемы самоопределения, если те или иные аспекты этой проблемы выходят за пределы одного государства и получают таким образом международное измерение.

И.С.Марусин исходит из того, что между принципами самоопределения народов и нерушимости границ нет противоречия, так как принцип нерушимости границ обязывает все другие государства не изменять существующие границы, в

---

[162] Там же. С. 170-171.

том числе и в свою пользу, без согласия этого государства. Таким образом, как справедливо, на наш взгляд, считает автор, ни принцип нерушимости границ, ни принцип территориальной целостности действия людей, проживающих на территории того или иного государства, по отношению к нему не регламентируют. Однако, с другой стороны, на что также обращает внимание учёный, отмеченные соображения не означают, что государство, население части территории которого объявило о своем отделении от него, обязано подчиниться такому требованию. Оно может и не признать его, что приведет к возникновению конфликта, нередко вооруженного, между центральным правительством, желающим сохранить всю полноту своей власти, и населением стремящейся к отделению части территории. И конфликт завершится только тогда, когда стороны, примут тот или иной вариант его разрешения и зафиксируют согласие на это в обязывающей правовой форме[163]. В борьбе такого рода противоречий, порой драматических, и состоит, как представляется, диалектика взаимодействия рассмотренных принципов.

При решении теоретических вопросов, связанных с правом на самоопределение, а в еще большей степени – с его практической реализацией необходимо в полной мере создать условия, обеспечивающие соблюдение справедливости. Более двух веков назад в одном из принципиально значимых документов Великой французской революции – проекте Декларации международного права, представленном Конвенту аббатом Грегуаром, содержались положения о том, что «народы находятся между собой в естественном состоянии, связывает их всеобщая мораль», что «народы должны в состоянии мира делать друг другу как можно больше добра, а в состоянии войны – как можно меньше зла»[164]. Рассматривая в качестве источника «всех отделов права» «идею правды и справедливости, присущую человеческой природе», Ф.Ф.Мартенс распространял ее и на международное право[165]. Эти несущие в себе глубокий смысл

---

[163] См. Марусин И.С. О соотношении принципа нерушимости границ и права народов на самоопределение. «Правоведение». 2014. №1. С. 109-119.

[164] Цит. по: Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М., 1990. С. 110-111.

[165] См. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т.1. 5-е изд. С-Пб., 1904. С.14.

суждения не утратили актуальности и в наши дни, составляют, по сути дела, основу последовательной гуманизации современного миропорядка и призванного стоять на его страже международного права.

В философской литературе принято считать, что мораль, этика, нравственные нормы поддерживают и санкционируют (или, напротив, отрицают) определенные общественные устои, строй и образ жизни в самой общей форме (в отличие от более детализированных традиционно-обычных, ритуально-этикетных, организационно-административных и технических норм). И поэтому в силу обобщенности своих норм мораль отражает более глубинные слои социально-исторических условий человеческого бытия, выражает его сущностные потребности[166]. О.В.Мартышин, касаясь вопроса о ценностях, формирующих поведение людей, показывает их неразрывную связь с теоретическими и нравственными основами политико-правовой мысли, роль в формировании политического сознания, создании соответствующих платформ и программ. За три с лишним тысячелетия развития мировой политической мысли сложился определенный набор основных ценностей, которые то гармонично сочетались, то конфликтовали, периодически сменяя друг друга. Лишь немногие ценности признавались постоянно. К их числу относится и справедливость[167].

Сказанное, думается, в огромной степени можно отнести и к международному праву. Есть глубокий смысл и своя внутренняя логика в том, что такая этическая категория, как справедливость стала, по сути дела, стержневой основой Устава ООН, находит отражение во многих его принципиальных положениях и установках. Именно в интересах мира и безопасности должны создаваться условия обеспечивающие соблюдение справедливости (преамбула), в согласии с принципами справедливости и международного права призвано происходить улаживание или разрешение международных споров, угрожающих миру (ст.1); справедливость, равно как и международный мир и безопасность не

---

[166] См. Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. М., 1977. С. 17-18.

[167] См. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. Под общей ред. О.В. Мартышина. М., 2006. С. 1-3.

должна подвергаться угрозе (ст.2); Совет Безопасности ООН руководствуется справедливостью при приглашении государств, не состоящих членами ООН, для участия в обсуждении споров, в которых они являются сторонами (ст. 32); декларируется справедливое обращение с народами несамоуправляющихся территорий (ст. 73). Наконец, Международный Суд, как главный судебный орган ООН может при определенных условиях разрешать дела в соответствии со ст. 38 своего Статута ex aequo et bono (по справедливости и доброй совести).

Принцип справедливости активно применяется в международной судебной практике, закреплен в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст.59), Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. (ст.5) и некоторых других международно-правовых документах.

Разумеется, имеют право на жизнь и другие морально-этические категории. В преамбуле Устава ООН упоминаются, в частности, такие метаюридические понятия, как «терпимость» и «добрососедство». Понятие «добросовестное» присутствует в названии пункта X Декларации принципов Заключительного акта СБСЕ 1975 г. О необходимости поддержания между государствами добрососедских отношений писал Р.Л.Бобров[168]. Видные западные юристы–международники Г.Шварценбергер и Е.Браун в создаваемую ими систему основных принципов включали и «добросовестность»[169]. Американские ученые Л.Гудрич и Е.Хамбро утверждали, что самоопределение наций «есть моральная концепция»[170].

Рассматривая аргументы морального характера в контексте реализации права народов на самоопределение, американский политолог А.Бьюкенен прибегает к понятию «самозащиты», под которой понимается стремление того или иного сообщества оградить себя от «смертельной угрозы», в том числе исходящей от самого государства. Как считает автор, соответствующее сообщество может прибегнуть и к военным средствам «самозащиты», обращаясь за признанием и

---

[168] См. Бобров Р.Л. Основные проблемы теории международного права. М., 1968. С. 204.
[169] См. Schwarzenberger G., Brown E. A Manual of International Law. Sixth ed. London. 1976. P. 35-36.
[170] См. Goodrich L., Hambro E. Charter of the United Nations. Boston. 1946. P. 61.

помощью к другим государствам или международным организациям. При этом, если раньше государство и имело какое-либо право на отделяемую территорию, это право становится недействительным из-за очевидной преступности «геноцидных устремлений» государства. Аргументы «невинных жертв» перевешивают «легитимные притязания» государства на отделяющуюся от него территорию[171]. Нетрудно видеть, как в такого рода достаточно убедительных, на наш взгляд, рассуждениях тесно переплетаются аргументы правового и нравственного порядка. И при определенных ситуациях предпочтение может отдаваться последним.

Как отмечает В.Д. Зорькин, выдвинутый древними мыслителями принцип справедливости и равенства составляет ядро всего международного права, а обеспечение социальной справедливости – проблема всемирная[172]. И, естественно, решаться она должна далеко не в последнюю очередь средствами международного права. Еще Платон в рамках своего (по современным меркам – быть может несколько наивного) мышления одну из задач «искусства справедливости» видел в создании честных людей[173]. Развивая взгляды своего предтечи и учителя, во многом полемизируя с ним, Аристотель рассматривал право, как воплощение справедливости, предполагающей некое равенство, а одну из причин переворотов, ведущих к смене форм государства, видел в нарушениях справедливости. А на другом конце планеты знаменитый китайский философ Конфуций в развитии своего политического учения исходил из принципа добродетели, необходимости строгого следования ему «управляющих верхов», добиваться справедливости в Поднебесной.

Пройдут столетия и уже в трудах великих мыслителей второй половины XVIII – начала XIX века, создателей «классической немецкой философии» И.Канта и Г.В.Ф.Гегеля получат дальнейшее развитие, заиграют новыми красками древние как мир понятия права и справедливости. Кант исходил из понимания права в строгом смысле (jus strictum) и в узком смысле (jus latum). К jus strictum не

---

[171] См. Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М., 2001. С.30.
[172] См. Зорькин В. Стандарт справедливости. «российская газета». 2006. 21 апреля. С.7.
[173] См. Платон. Т.4. М., 1994. С.578.

примешивается ничего этического (это, говоря современным языком, позитивное право). Jus latum следует справедливости, праву без принуждения. Как бы перекликаясь с Г. Гроцием, его знаменитым трактатом «О праве войны и мира», Кант также ведет речь о войнах правомерных (справедливых) и неправомерных (несправедливых). По Канту подлинный (вечный) мир на Земле достижим путем соглашения, суть которого состоит в обязательствах сторон устранить на будущее все возможные поводы к войне, отказаться от «бесчестных приемов борьбы», подрывающих доверие и т.п.

Другой немецкий мыслитель И.Гердер считал, что соглашение, заключенное в условиях вражды, не может служить гарантией мира. И только путем нравственного образования людей, распространения идей всеобщей справедливости и человечности можно избежать военных столкновений. Такого рода воспитание должно базироваться, в том числе, и на чувстве справедливости к другим народам, обогащать, одушевлять международно-правовые средства решения спорных вопросов этическим началом[174]. Как бы пригодился сегодня такой подход политикам и дипломатам-переговорщикам, десятилетиями, бьющимися над поисками разумных основ реализации права народов на самоопределение, вывода из международной изоляции «непризнанных государств»!

Создать условия для реализации права и морали, по Гегелю, способно только государство, само выступающее как высшая форма нравственности, «действительность нравственной идеи», «осуществленный разум», «реализация свободы» и, в конечном счете, - подлинный носитель божественной воли и «мирового духа». Философ сводил справедливость к формальному равенству правоспособности, увязывая ее главным образом с доступностью членам общества собственности.

Идеи справедливости во многом определяли образ мышления философов Античности и Средневековья, проходили через политическую и правовую мысль России в разные периоды ее развития, овладевали сознанием людей на Западе и

[174] См. Гердер И.Г. Идеи и философии человечества. М., 1977. С.644.

Востоке, составляли в значительной степени основу многих теорий и учений эпохи буржуазных революций, национально-освободительных движений, утопического и научного социализма. Справедливый принцип равенства и суверенности всех наций лежал в основе марксистко-ленинского подхода к вопросам самоопределения.

Вместе с тем в современном мире можно встретиться с алармистскими рассуждениями о кризисе нравственных императивов, прежних представлений об «общем благе». И если один из мэтров международного права А.Фердросс рассматривал мораль и право как звенья нравственного мирового порядка, исходил из того, что мораль охватывает те нормы, которые обязывают людей как «нравственных личностей», а право регулирует поведение людей как «существ социальных»[175], то другой выдающийся австрийский ученый Г.Кельзен утверждал: «Если право – это справедливость, тогда его источники либо из сферы метафизики, либо из псевдорациональности»[176].

Крупнейший американский социолог А. Этциони призывает к поискам нравственных ценностей, которые и в современных условиях разделялись бы многими людьми[177], а Д.Шелтон ратует за восстановление взаимосвязи между правом и этикой[178]. Нарастающая из года в год напряженность на международной арене, в том числе и вокруг проблемы самоопределения народов, убедительно показывает, насколько чувствителен нравственно-духовный фактор в преломлении к международным отношениям. Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что многие морально-этические понятия и принципы, вошедшие в международно-правовую ткань, имеют в своей основе jus divinum (божественное право). «Те, кто думают, будто религия не связана с политикой, ничего не смыслят в политике» -

---

[175] См. Фердросс А. Международное право. М. 1959. С.52.

[176] Kelsen H. Law, State and Justice in The Pure Theory of Law // The Yale Law Journal. Vol. 57. N3. 1948. P. 377-390. – Статья представляет собой полемический ответ на статью Г.М.Бергмана: Bergman G.M. The Communal Concept of Law // The Yale Law Journal. Vol. 57. N3. 1947. P. 55.

[177] Этциони А. Новое золотое правило, Сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 316-334.

[178] Shelton D. Normative Hierarchy in International Law. // American Journal of International Law. – Vol. 100. – 2006. – No.2. - P. 292.

утверждал в свое время М.Ганди. И нет сомнений, что подавляющее число вызовов и угроз, в том числе в сфере самоопределения, могут быть успешно преодолены в опоре, далеко не в последнюю очередь, на традиции и нормы основных мировых религий.

Современное международное право исходит из значимости сохранения цивилизационного многообразия. «Различия внутри обществ и между ними не должны ни вызывать опасений, ни подавляться, они должны оберегаться как ценный вклад в человеческую цивилизацию» - подчеркивалось в Декларации тысячелетия ООН[179]. Духовно-нравственные ценности лежат в основе мировоззрения, выступают ориентиром взаимопонимания между людьми, формулируют стереотипы и модели поведения, как в отдельно взятом обществе, так и в сообществе государств, взаимодействующих между собой на международной арене. Человечество стремится восстанавливать гармонию между правом, нравственностью и духовностью, в максимальной степени сблизить политико-правовое содержание международных договоров, отражающих ipso facto национальные интересы государств-участников с их этическим наполнением.

В основе этого процесса должна лежать гуманистическая ценностная ориентация, создающая прочный нравственный фундамент современных международных отношений, сталкивающихся с весьма драматическими, но, увы, и неизбежными вызовами глобализации. «Сложившийся международный правопорядок несправедлив, а международное право охраняет его, - отмечает В.М.Шумилов. – Очень важно, чтобы справедливость стала ориентиром для происходящей трансформации международной системы и развития МП… Чем более полно будет международное право отражать баланс интересов всех цивилизованных центров мира (а не только государств западного цивилизационного типа), тем ближе будет оно к справедливости и морали».[180] Многие положения, действующие сегодня как императивные нормы, нарушение

---

[179] См. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций от 8 сентября 2000 г. URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml.
Дата обращения: 15 апреля 2020 г.

[180] Шумилов В.М. Международное право. М., 2016. С. 53.

которых влечет за собой международно-правовую ответственность (прежде всего – в сфере основных принципов), могли бы быть дополнены обязательствами морального порядка (как это было сделано в свое время в Уставе ООН), что, несомненно придало бы им дополнительную силу.

Категория справедливости занимает особое место в международно-правовом регулировании самоопределения, что требует её терминологического и функционального анализа.

В англоязычной международно-правовой доктрине используются два термина: justice (справедливость как общий принцип) и equity (справедливость как метод разрешения споров). Их смешение создает концептуальную путаницу. Justice представляет собой философско-правовую категорию, выражающую соответствие правопорядка фундаментальным моральным ценностям. В контексте самоопределения justice означает признание легитимности стремления народов к свободе и независимости как воплощения человеческого достоинства (преамбула Устава ООН: «утвердить веру... в достоинство и ценность человеческой личности»). Equity, напротив, является юридико-технической категорией, закрепленной в ст. 38(2) Статута Международного Суда ООН: «Это постановление не ограничивает право Суда разрешать дело ex aequo et bono, если стороны с этим согласны». Equity позволяет Суду отступить от строгого применения позитивного права в пользу «справедливого» решения, учитывающего особые обстоятельства дела (применялось в делах о делимитации континентального шельфа).

Применительно к самоопределению: ссылки на justice используются для обоснования легитимности борьбы народов за независимость (Резолюция ГА ООН 2625 (XXV): «справедливая борьба»), тогда как equity может применяться судами при определении границ между новыми государствами.

Стоит отметить, что позитивисты (Г. Кельзен) отрицают нормативность справедливости, рассматривая её как внеправовую категорию. Естественно-правовая школа, напротив, признает справедливость источником права. Современное международное право занимает промежуточную позицию:

справедливость является общим принципом права (ст. 38(1)(c) Статута МС ООН), но не автономной нормой. Это означает, что:

а) Справедливость не может непосредственно порождать права и обязанности государств. Нельзя требовать «предоставить независимость, потому что это справедливо».

б) Справедливость служит критерием толкования норм (включая самоопределение) и выявления пробелов в праве.

в) В процессе формирования обычных норм справедливость влияет на opinio juris (правовое убеждение государств).

Д.Стоун предложил различать три формы применения справедливости в международном праве[181]:

1. Infra legem (в рамках закона): справедливость используется для толкования существующих норм. Применительно к самоопределению: толкование «охранной оговорки» Декларации 1970 г. в пользу права на сецессию при систематических нарушениях прав народа государством является применением справедливости infra legem. Норма (запрет сецессии) сохраняется, но толкуется ограничительно.

2. Praeter legem (вне закона, но не против него): справедливость восполняет пробелы в праве. Пример: признание независимости Бангладеш (1971) большинством государств, несмотря на отсутствие согласия Пакистана, базировалось на доводах о «справедливости» в условиях геноцида бенгальского населения. Поскольку международное право не содержало (и не содержит) четких критериев «ремедиальной сецессии», государства применили справедливость praeter legem.

3. Contra legem (против закона): справедливость используется для отмены или изменения действующей нормы. Пример: одностороннее провозглашение независимости Косово (2008) формально нарушало принцип территориальной целостности Сербии, но обосновывалось «высшей справедливостью» в связи с неспособностью Белграда защитить албанское население. МС ООН уклонился от

[181] Stone J. Policy-Oriented World Power Process // Hastings International and Comparative Law Review. Vol. 7. No. 2. 1984. P. 273-292.

оценки этого аргумента (Консультативное заключение 2010), что демонстрирует границы применения справедливости contra legem: она может влиять на практику государств, но не создает прямого правового основания для нарушения позитивного права.

Статья 38(2) Статута МС ООН разрешает Суду решать дела «по справедливости и доброй совести», если стороны согласны. Эта форма отличается от equity как метода толкования: здесь Суд полностью освобождается от обязанности применять позитивное право. Применительно к самоопределению: теоретически, спор о границах между новым государством и метрополией мог бы быть решен ex aequo et bono, если обе стороны согласятся. Однако на практике такие дела не встречались, поскольку государства опасаются непредсказуемости решения.

На основе проведенного анализа, можно прийти к следующим выводам: Во-первых, принцип равноправия и самоопределения народов занимает центральное место в системе основных принципов международного права, что подтверждается его закреплением в ст. 1(2) и 55 Устава ООН, Международных пактах 1966 г., Декларации 1970 г. и других основополагающих документах. Вопреки попыткам части западной доктрины выстроить иерархию принципов (приоритет территориальной целостности), диссертант обосновывает позицию о равнозначности всех основных принципов, закрепленную в Декларации 1970 г. («первостепенная важность», «взаимосвязанность»).

Во-вторых, категория справедливости (justice/equity) играет двоякую роль: а) философское основание легитимности права народов на самоопределение; б) метод толкования и развития норм через механизмы infra legem, praeter legem и (ограниченно) contra legem. Однако справедливость не является автономным источником прав и обязанностей, что исключает возможность обоснования сецессии исключительно доводами о «справедливости требований» без опоры на позитивное право.

В-третьих, соотношение принципа самоопределения с другими основными принципами (территориальная целостность, суверенитет, права человека,

невмешательство) определяется не иерархией, а контекстуальным балансом. Ключевым критерием является соблюдение государством «охранной оговорки» Декларации 1970: право на территориальную целостность защищает только те государства, чьи правительства «представляют весь народ без различия». Систематическое нарушение этого условия создает правовое основание для реализации права на самоопределение, включая сецессию (концепция ремедиальной сецессии).

§1.5. Коллизия принципов: самоопределение народов и территориальная целостность государств

Антиномия самоопределения и территориальной целостности представляет собой не просто коллизию двух правовых принципов, но фундаментальное выражение онтологического кризиса современной международной системы. Эта дилемма коренится в самом способе организации политического пространства, которое Вестфальский мир структурировал как совокупность суверенных территориальных ячеек. Если территориальная целостность есть выражение статики власти, закрепление пространства как атрибута государства, то самоопределение народов - это динамика легитимности, требование пересмотра границ во имя коллективной идентичности. Их столкновение обнажает глубинное напряжение между фактом и нормой, между исторически сложившимся порядком и моральным идеалом справедливости. Классическая доктрина международного права, начиная с трудов Г. Гроция и Э. де Ваттеля, исходила из презумпции целостности как естественного состояния политического тела. Государство мыслилось по аналогии с организмом, расчленение которого противоестественно и ведет к гибели. Однако XX век, ознаменованный крушением империй и процессами деколонизации, ввел в правовой дискурс фигуру «народа» как самостоятельного субъекта, чья воля способна изменять государственные границы. Это породило ситуацию перманентной напряженности, которую немецкий правовед К.Шмитт охарактеризовал как противостояние порядка (номоса земли) и экстраординарного акта учредительной власти[182]. Как резюмирует Дж. Кроуфорф в «The Creation of States in International Law», право на самоопределение является своего рода «зеркалом государственности» и занимает центральное место в процессах создания и разрушения государств[183].

На протяжении веков политическая карта мира формировалась в результате разделов и переделов территорий государств, причем происходили эти процессы в ходе кратковременных вооруженных конфликтов и затяжных войн, которые

---

[182] Шмитт Карл Номос Земли. — М.: Владимир Даль, 2008. — 672 с. ISBN 978-5-93615-086-9.
[183] См. J. Crawford. The Creation of States in International Law. Second Edition. Oxford., 2007. P.47.

вполне вписывались в понимание международного права, не ставившего их под запрет. Попытки формирующегося международного сообщества лишить агрессивные войны легитимности терпели неудачу. Наиболее заметной вехой в стремлении воспрепятствовать этому стало создание в 1919 году Лиги Наций, главной целью которой являлись обеспечение всеобщего мира и содействие сотрудничеству государств. Заявлялось, в частности, что всякая война «интересует Лигу в целом», которая обязывалась принять все меры для поддержания международной безопасности. Ст. 10 Устава Лиги Наций обязывала ее участников «уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги». Примечательно, что уже в Уставе Лиги Наций территориальная целостность увязывалась исключительно с внешним фактором («против всякого внешнего нападения»), а не с процессами внутри государства. Эта формулировка предвосхитила позднейшую дискуссию о двух аспектах territorial integrity: как неприкосновенность от внешних посягательств (абсолютный запрет) и как нераздельность государства изнутри (относительный запрет, допускающий добровольное изменение территории).

Созданная по итогам войны Организация Объединенных Наций в качестве одной из своих главных задач провозгласила решимость избавить грядущие поколения от бедствий войны. В Уставе ООН четко зафиксирована обязанность членов Организации «разрешать свои международные споры мирными средствами», «не подвергать угрозе международный мир и безопасность» (п.3 ст.2). И, быть может, самое главное, в контексте рассматриваемой нами проблемы – призыв ко всем членам ООН воздерживаться «от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства» (п.4, ст. 2). В данном случае слово «integrity» в английском тексте Устава переведено в аутентичном (!) русском тексте не как «целостность», что было бы логично, с учетом использования этого термина в последующем тексте, но именно как «неприкосновенность».

Думается, за особенностями перевода стояла политическая борьба, и на этапе завершения войны международное сообщество исходило из того, что войну необходимо было в принципе исключить как средство решения споров, прежде всего территориальных, закрепить складывавшийся миропорядок, непременным условием которого должны стать прежде всего территориальная неприкосновенность и политическая независимость каждого государства. Другими словами, речь, на наш взгляд, шла прежде всего о невозможности насильственного изменения границ государства или его политического строя. Разумеется, границы могли бы меняться добровольно, как и народ каждого государства был бы вправе устанавливать политический строй, который он посчитает целесообразным на том или ином этапе развития, но происходить эти процессы должны легитимно, по согласию, без применения силы. Приведенные соображения перекликаются с дискуссией по вопросу о неизменности или неприкосновенности границ в ходе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., завершившейся компромиссом – формулой «нерушимости границ» (не трудно видеть в ней элемент насильственного изменения – от слова «рушить»), нашедшей отражение в качестве одного из основных принципов Заключительного акта Совещания. В дальнейшем формула «territorial integrity» как в отечественной международно-правовой доктрине, так и в соответствующих документах на русском языке применительно к основным принципам международного права стала воспроизводиться главным образом именно как «территориальная целостность»[184]. Вместе с тем в литературе справедливо обращалось внимание на то, что в международных и национальных документах можно встретить и другие наименования: «принцип территориальной неприкосновенности государств» и «принцип неприкосновенности и целостности государственной территории»[185].

Комментируя упомянутый выше пункт 4 ст. 2 Устава ООН, С.Б. Крылов

---

[184] А.К.Каграманов. Между Сциллой и Харибдой. Единство и борьба противоположностей принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств. Международная жизнь. 2022/1. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2606/. (дата обращения: 01.10.2026)

[185] См. Курс международного права. Т.2. М., 1989. С. 101.

отмечал, что соответствующее положение «не гарантирует территориальной неприкосновенности в тех случаях, когда территориальное изменение происходит не в результате угрозы силой или применения силы, а в соответствии с принципом самоопределения наций, в соответствии с желанием народа данной территории, с желанием, оформленным путем референдума, или в каком-либо другом порядке. Сказанное находит свое полное подтверждение в том, что Комитет I-1 Конференции не принял новозеландской поправки, стремившейся гарантировать территории государств-членов»[186].

Первоначально закрепленный в Уставе ООН рассматриваемый принцип получил дальнейшее развитие в Декларации о принципах международного права 1970 г. и обстоятельно развернут в Заключительном акте СБСЕ 1975 г. Его правовое содержание, вытекающее из соответствующего раздела, предполагает:

- уважение территориальной целостности каждого из государств участников (естественно, на началах взаимности);

- воздержание от любых действий:

а) несовместимых с целями принципами Устава ООН;

б) направленных против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника;

в) представляющих собой применение силы или угрозу силой;

- воздержание от того, чтобы превращать территории друг друга (имеются в виду государства-участники) в объект военной оккупации, других прямых или косвенных мер применения силы в нарушение международного права, в объект приобретения с помощью упомянутых мер или угрозы их осуществления; при этом провозглашается, что никакая оккупация или упомянутое приобретение не будут признаваться законными.

Автор фундаментального исследования «Самоопределение на спорных колониальных территориях» Дж.Тринидад детально анализирует сложные случаи деколонизации: Западную Сахару, Гибралтар, Фолклендские (Мальвинские)

---

[186] Крылов С.Б. История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава Организации Объединенных Наций (1944-1945). М., 1960. С. 260.

острова, Чагос, Гонконг и португальские анклавы в Индии. Исследуя параграф 6 Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года, Тринидад приходит к выводу, что международное право, хотя и признаёт право на самоопределение, в спорных случаях часто отдаёт приоритет территориальной целостности, если соседнее государство может доказать наличие «юридических связей территориального суверенитета»[187]. Профессор К.Кноп в своей статье «Рынок суверенитета?» цитирует ключевую мысль Блохера и Гулати о том, что «определяющим вопросом международного права XXI века является поиск компромиссов между принципом самоопределения и нерушимостью границ».

Кноп подчёркивает исторически сложившееся ограничение: в 1960-х годах право на деколонизацию было предоставлено, но принцип территориальной целостности ограничил его применение только «заморскими колониями», отделёнными от метрополии морем. Это исключило применение самоопределения к «историческим анклавам» или территориям, имеющим сухопутную связь с материнским государством[188]. Исследуя территории, находящиеся под международной администрацией, Б.Кнолль обращает внимание на концепцию «приостановленного суверенитета». Он развивает идеи Макнейра и Бермана о «переходности правовых норм». Самоопределение в его трактовке — это «динамический принцип, призванный покончить с колониализмом», который несёт в себе угрозу для конфигурации национальных государств, поскольку открывает путь «возрастающему трайбализму». Однако это динамическое начало уравновешивается «стабильным обещанием территориального суверенитета»[189].

Методологически значимым для адекватного понимания проблемы соотношения права народов на самоопределение и принципа территориальной

---

[187] Jamie TRINIDAD, Self-Determination in Disputed Colonial Territories (Cambridge: CUP, 2018), ISBN 9781108418188. P. 11-18.

[188] Knop, Karen. A Market for Sovereignty? The Roles of Other States in Self-Determination. Osgoode Hall Law Journal, Jg. 54 (2017), S. 491

[189] Knoll B. Self-determination and the personality of internationalised territories. In: The Legal Status of Territories Subject to Administration by International Organisations. Cambridge University Press; 2008: 111-148.

целостности государства представляется подход В.Л. Толстых, увязывающего (вслед за британским исследователем Дж.Кроуфордом) содержание самоопределения с «одним из главных вопросов права» - определением сущности государства, «права быть государством»[190]. В свете этого в высшей степени логичным представляется и подход российского ученого к принципу территориальной целостности. Автор считает, что упомянутый принцип «не действует во внутреннем порядке и не связывает внутренние политические силы, стремящиеся к независимости». В настоящее время народы, не имеющие государственности, могут приобрести территорию, реализовав право на самоопределение. Это предполагает признание интереса народа в государственном существовании и обязанность оказать ему международную поддержку. Фактической независимости могут добиться любые народы; при этом их интерес в государственности не подлежит защите международно-правовыми средствами. «Независимость может быть приобретена мирным путем, с согласия метрополии, или насильственно, в результате вооруженной борьбы»[191].

Полемизируя со швейцарским историком И.Фишем, назвавшим право на самоопределение (перефразировав К.Маркса) «опиумом для народа», Б.Гарцль констатирет, что опиум призван обеспечивать спокойствие и безболезненность, а в соответствующих дозах – и безразличие. Право же на самоопределение представляет собой скорее средство для повышения политического «кровяного давления»[192]. Насколько, однако это полезно и приемлемо для региональной и глобальной безопасности – большой вопрос.

Б.А. Молчанов, Ж.Б. Иванова и С.Н. Мамедов видят «противоречие» Декларации 1970 г. в том, что признавая право на политическое самоопределение, документ одновременно ничего не говорит о том, какая автономия представляется коренным народом, а их суверенитет тем самым «ограничивается»… «принцип

---

[190] См. Толстых В.Л. Три идеи самоопределения в международном праве. // Евразийский юридический журнал. 2014. №9 (76). С. 3-29.
[191] Толстых В.Л. Курс международного права. М., 2018. С. 163, 303.
[192] Гарцль Б. Цит. соч., С.111.

самоопределения сформулирован недостаточно полно и четко»[193]. А Е.А. Паращевина и Е.М. Карасева считают, что противоречие между проведением в жизнь права народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государства, неспособность сторон найти его мирное решение приводят к усугублению национальных конфликтов, зачастую перерастающих в военное противостояние[194].

Обращает на себя внимание, что раздел Заключительного акта, посвященный праву народов распоряжаться своей судьбой, то есть самоопределению, начинается с указания на обязанность государств-участников действовать постоянно в соответствии с нормами международного права, включая и те, которые относятся к территориальной целостности государств (подч. нами – А.К.).

Вопрос о точном нормативном статусе принципа самоопределения, особенно о принадлежности к категории императивных норм (*jus cogens*), остаётся предметом острых доктринальных и судебных дискуссий[195].

Сложность проблемы усугубляется расхождением между подходами Комиссии международного права ООН (КМП), последовательно развивающей доктринальное понимание *jus cogens*, и Международного Суда ООН (МС ООН), чья практика отличалась осторожностью и нередко — уклонением от прямых квалификаций. Ситуация достигла критической точки в 2024 году, когда МС ООН в Консультативном заключении по оккупированной палестинской территории неожиданно признал право на самоопределение императивной нормой, однако сделал это без применения методологии, разработанной КМП[196].

---

[193] Молчанов Б.А., Иванова Ж.Б и Мамедов С.Н. Декларация ООН о правах коренных народов и самоопределение. // «Крымский научный вестник». 2015. № 53. С. 14.

[194] Паращевина Е.А., Карасева Е.М. Право наций на самоопределение на примере воссоединения Крыма и России. // «Инновационная наука». 2016. №44. С. 145.

[195] См. *Исполинов А.* Несколько жизней доктрины императивных норм (*jus cogens*) в международном праве // Международное правосудие. 2025. Т. 15. No 1 (53). С. 70–97. EDN PPPXVU.

[196] International Court of Justice (*далее* — ICJ). Advisory opinion on legal consequences arising from the policies and practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem. UN Doc. A/78/968. 24 July 2024. URL: https://docs.un.org/en/A/78/968 (дата обращения: 02.05.2026).

Комиссия международного права обратилась к теме императивных норм сравнительно поздно — лишь в 2015 году тема была включена в её программу работы. Это решение было поддержано большинством государств, ожидавших от Комиссии внесения ясности в критерии приобретения нормой статуса *jus cogens*. Важно отметить методологическую позицию КМП: с самого начала спецдокладчик (будущий судья МС ООН Дире Тлади) обозначил, что вопрос о том, *кто именно* определяет соблюдение критериев для идентификации императивных норм, лежит вне рамок работы Комиссии[197]. Это принципиальное ограничение предопределило последующие трудности.

Кульминацией работы стал принятый в 2022 году «Проект выводов об идентификации и правовых последствиях императивных норм общего международного права (*jus cogens*)»[198].

Ключевые положения Проекта:

Форма норм *jus cogens*: КМП признала международный обычай в качестве основной формы императивных норм. Международные договоры и общие принципы права упоминаются, но с гораздо меньшей убеждённостью.

Критерии идентификации (Вывод 4): Проект установил два накопительных критерия: норма должна быть нормой общего международного права. Она должна признаваться международным сообществом государств *в целом* как норма, отклонение от которой недопустимо. Двухшаговый тест: Из критериев вытекает необходимость «двойного признания» (*double recognition*): сначала — доказательство существования обычной нормы (*state practice* и *opinio juris*), затем — доказательство признания её императивного характера международным сообществом в целом (*opinio juris cogentis*).

---

[197] КМП. Первый доклад о jus cogens, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Дире Тлади. Документ ООН A/CN.4/693. 8 марта 2016 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/693 (дата обращения: 02.05.2026)

[198] См.: International Law Commission (далее — ILC). Draft conclusions on identification and legal consequences of peremptory norms of general international law (jus cogens), with commentaries. Adopted by the ILC at its seventy-third session in 2022. 18 April— 3 June and 4 July— 5 August 2022. UN Doc. A/77/10. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_14_2022.pdf (дата обращения: 04.05.2026).

Индикативный перечень (Вывод 23): КМП предложила неисчерпывающий и необязательный перечень норм *jus cogens*, включив в него, в частности, право на самоопределение наряду с запретом агрессии, геноцида, пыток, рабства и другими[199].

Несмотря на внешнюю стройность, подход КМП вызывает серьёзные вопросы. Как справедливо отмечают исследователи, на практике чрезвычайно сложно провести грань между обычной нормой и нормой *jus cogens*[200]. Требование сначала доказать обычную норму, а затем — «убеждённость значительного большинства государств в фундаментальной важности этой нормы» (так называемое *opinio juris cogentis*) — создаёт высокую, а порой и непреодолимую доказательственную планку. Сама КМП признаёт, что «одних лишь утверждений о том, что та или иная норма принята и признана... не будет достаточно. Такие утверждения нуждаются в обосновании через свидетельства». Однако кто является «международным сообществом государств в целом» и как измерять его признание — остаётся неясным. КМП в своём индикативном перечне (Вывод 23) вместо применения собственной строгой методологии сослалась на свои же предыдущие выводы (в частности, на комментарии к Проекту статей об ответственности государств). Как отмечает Л.П. Ануфриева, «иллюстративный список посеял гораздо больше сомнений, чем внёс разъяснения в понимание... перечня норм *jus cogens*»[201]. Эта методологическая уязвимость ставит под вопрос саму возможность применения двухшагового теста на практике и предопределяет последующее расхождение с позицией МС ООН.

Долгое время МС ООН предпочитал оперировать более мягкой категорией «обязательств *erga omnes*» (перед всем международным сообществом), избегая квалификации норм как *jus cogens*. Эта концепция, впервые чётко

---

[199] См. Bartsch K., Elberling B. Jus Cogens vs. State Immunity, Round Two: The Decision of the European Court of Human Rights in the Kalogeropoulou et al. v. Greece and Germany Decision // German Law Journal. Vol.4.

[200] Исполинов А.С. Указ соч. С. 90

[201] Ануфриева Л.П. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания) // Московский журнал международного права. 2021. №1. С.6–27, 23.

сформулированная в деле *«Барселона Трэкшн»* (1970), позволяет Суду признавать фундаментальный характер обязательства, не вступая в сложные дебаты об императивности[202].

Дело *«Восточный Тимор»* (Португалия против Австралии, 1995) — показателту в этом отношении. Суд признал, что право на самоопределение является обязательством *erga omnes* и «существенным принципом современного международного права». Однако Суд отказался рассматривать дело по существу, поскольку это потребовало бы определения прав и обязанностей Индонезии (третьего государства) без её согласия[203].

Консультативное заключение по Чагосскому архипелагу (2019) — ещё один яркий пример уклонения. Суд подтвердил, что уважение права на самоопределение — это обязательство *erga omnes*, но, несмотря на многочисленные доводы участвовавших государств, сознательно воздержался от упоминания термина *jus cogens*[204].

Ситуация кардинально изменилась 19 июля 2024 года, когда МС ООН принял Консультативное заключение о политике Израиля на оккупированных палестинских территориях. В параграфе 233 Суд неожиданно прямо заявил: *«Суд считает, что в ситуации иностранной оккупации, как в данном случае, право на самоопределение является императивной нормой международного права»*[205]. Это заявление стало текстуальным прорывом, однако его методологическое обоснование вызывает серьёзные вопросы.

---

[202] *Дело о компании «Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр», Лимитед (Бельгия против Испании). Вторая фаза*: решение Международного Суда ООН от 5 февраля 1970 г. // I.C.J. Reports. 1970. P. 3. См. также. Higgins R. The Taking of Property and the Protection of Shareholders under International Law // American Journal of International Law. 1970. Vol. 64. No. 4. P. 857–861.

[203] *East Timor (Portugal v. Australia), Judgment, I.C.J. Reports 1995, p. 90* Режим доступа: URL: https://www.icj-cij.org/case/84 (дата обращения: 05.01.2026)

[204] *Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2019, p. 95* https://icj-cij.org/index.php/node/105778 (дата обращения: 05.01.2026).

[205] *Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem, Advisory Opinion, 19 July 2024* https://www.un.org/unispal/document/report-of-the-secretary-general-icj-19dec24/ (дата обращения: 05.01.2026).

Международный Суд в Заключении 2024 года просто констатировал наличие *jus cogens*, не проведя детального анализа доказательств для второго шага (признание международным сообществом в целом). Суд привёл обширную аргументацию о важности самоопределения, ссылаясь на Устав ООН, резолюции Генеральной Ассамблеи, предыдущие решения, но нигде не проанализировал *opinio juris cogentis* государств.

Судья Д.Тлади в своём заявлении фактически признал этот недостаток, но оправдал его ссылкой на то, что «Суд обычно не даёт развёрнутых обоснований статуса конкретных международно-правовых норм»[206].

Суд признал *jus cogens* «в ситуации иностранной оккупации». Это вызывает фундаментальное возражение с позиции доктрины: природа *jus cogens* подразумевает универсальность и абсолютность. Императивная норма не может включаться или выключаться в зависимости от контекста. Как отмечает судья П.Робинсон, «разочарование вызывает отсутствие ясности в подходе МС ООН к характеру *jus cogens* права на самоопределение в случаях иностранной оккупации»[207].

Самый фундаментальный аспект «игнорирования» лежит в процессуальной плоскости. В деле *«Восточный Тимор»* (1995) МС ООН указал: даже наличие спора о возможном нарушении императивной нормы не отменяет принципа *consensual jurisdiction*. Суд не может рассматривать дело, если государство-нарушитель не дало на это согласия.

С точки зрения строгой доктрины КМП, это — прямое игнорирование юридических последствий императивности. Если норма является *jus cogens*, то обязательства по ней должны иметь приоритет над процедурными правилами. Однако Суд занял иную позицию, фактически признав, что процессуальные нормы

---

[206] D. Tladi *The International Law Commission's Draft Conclusions on Peremptory Norms* (OUP Oxford 2024).

[207] См. Robinson P. The Right to Self Determination: Chagos, the Caribbean and the Occupied Palestinian Territory (OPT)'. https://www.law.cam.ac.uk/press/events/2024/09/eli-lauterpacht-lecture-2024-right-self-determination-chagos-carribean-and-occupied-palestinian?mini=2024-07. (дата обращения 06.05.2026)

(согласие государства) перевешивают материальный императив и «не учёл самого важного третьего лица — народа Восточного Тимора»[208].

Расхождение между КМП и МС ООН отражает более глубокую теоретическую проблему: соотношение концепций *erga omnes* и *jus cogens* — это две стороны одной медали, пересекающиеся концепции с незначительными терминологическими различиями. С одной стороны, все императивные нормы обладают характером *erga omnes*, поскольку затрагивают интересы международного сообщества в целом. С другой стороны, не все нормы *erga omnes* автоматически являются *jus cogens* — хотя, найти пример *erga omnes*-нормы без императивного характера практически невозможно.

Существующая доктрина порождает нормативную аномалию: самоопределение квалифицируется как норма *jus cogens* с последствиями *erga omnes* — но лишается судебного механизма принудительной реализации. Международный Суд ООН, констатируя существование права, последовательно уклоняется от установления его приоритета в коллизионных ситуациях. Результатом становится *jus cogens* без *jus cogens*-последствий: норма, формально возглавляющая нормативную иерархию, функционально низведена до декларации.

Основная проблема — в механическом применении принципа *par in parem*: нормы о самоопределении и о территориальной целостности трактуются как равновесные, тогда как их функциональный вес принципиально различен. В этой связи представляется целесообразным рассматривать действие принципов с позиции их функционального верховенства. Функциональное верховенство исходит из того, что нормативная иерархия определяется не только формальным источником, но и *характером защищаемой ценности*. Территориальная целостность защищает институциональную стабильность — ценность инструментальную. Самоопределение защищает политическую субъектность народа — ценность терминальную, конститутивную для всей системы прав человека. Из этого следует: государство, систематически подавляющее народ,

[208] LEE JIN-KYU. "Wrongful Acts Committed by a State and the Third State's Relevant International Obligations" HAN YANG LAW REVIEW no.22(2008) : 394-414.

утрачивает телеологическое основание для защиты своей территориальной целостности. Граница не может служить щитом против последствий её собственного нарушения — это прямое применение принципа *ex injuria jus non oritur*. Дополнительную опору даёт Декларация 1970 года (Резолюция ГА 2625), содержащая имплицитную оговорку: принцип территориальной целостности действует лишь в отношении государств, «обеспечивающих представительное правительство для всего народа». Функциональное верховенство эксплицирует это условие и превращает его в операциональный критерий. В рамках кантианской традиции международного права, восходящей к идее «права народов» как морально обязательного порядка, политическая автономия человеческих сообществ является *первичным правовым благом* — условием возможности всех иных прав. Сообщество, лишённое политического самовыражения и культурной идентичности, лишено и эффективной правосубъектности: оно существует как объект управления, а не субъект права.

Функциональное верховенство переводит этот деонтологический тезис в юридический язык: *правовая презумпция должна действовать в пользу субъектности*. В ситуации, когда государственная власть систематически отрицает право на самоопределение, международное право не вправе нейтрально охранять *status quo*, не задаваясь вопросом о том, насколько этот *status quo* совместим с императивными нормами.

Функциональное верховенство самоопределения активируется лишь при совокупности квалифицирующих условий, что исключает её использование как инструмента дезинтеграции любого неоднородного государства.

Первый порог — субъектный: речь должна идти о *народе* в международно-правовом смысле, то есть о сообществе, обладающем устойчивой идентичностью (этнической, культурной, лингвистической, исторической) и территориальной укоренённостью.

Второй порог — нарушительный: должно быть установлено систематическое и длящееся нарушение одного или нескольких из следующих императивов: (а) запрет политического исключения — лишение представительства

в органах власти; (б) запрет культурного подавления — систематическое ограничение языковых, религиозных, образовательных прав; (в) запрет дискриминации — систематическое неравенство в правовом статусе; (г) запрет применения силы против мирного самовыражения политических требований.

Третий порог — субсидиарный: средства внутригосударственной защиты исчерпаны или заведомо неэффективны; добросовестные переговоры об автономии или ином политическом решении не принесли результата или были заблокированы государством.

При выполнении всех трёх порогов концепция устанавливает следующие правовые последствия:

Для народа: возникает международно признанное право на реализацию самоопределения в наиболее полной форме, определяемой конкретными обстоятельствами, — вплоть до отделения (*remedial secession*). Для третьих государств: возникает обязательство *erga omnes partes* воздерживаться от активной поддержки государства-нарушителя в его усилиях по подавлению самоопределения; при грубых нарушениях — обязательство ненормализации отношений. Для международных организаций: возникает обязательство рассмотрения ситуации по существу, а не только с точки зрения формального суверенитета государства.

Ключевым нормативным сдвигом концепции является замена *формального критерия правомерности* (сохранение существующих государственных границ как таковое) на *функциональный критерий* (соответствие государственно-территориального устройства требованиям императивных норм). Граница правомерна не потому, что она существует, а потому, что государство, ею очерченное, осуществляет власть в соответствии с *jus cogens*. Граница, служащая инструментом систематического подавления народа, теряет абсолютную защиту принципа территориальной целостности — не потому, что международное право её «отменяет», но потому, что она утрачивает функциональную легитимацию, которая только и оправдывает её защиту.

Предложенная идея находится в продуктивном диалоге с рядом концепций, уже занявших место в международно-правовом дискурсе. Теория *remedial secession* (Кристиан Томушат, Ален Пелле) признаёт право на отделение как последнее средство защиты угрожаемого народа[209] — концепция функционального верховенства обобщает этот подход, распространяя его за пределы крайних случаев геноцида на весь спектр систематических нарушений *jus cogens*. Доктрина *democratic legitimacy* (Томас Франк) связывает легитимность власти с её демократическими основаниями[210] — концепция переводит этот тезис в язык обязательных норм, а не просто позитивных ценностей.

Принципиальная новизна концепции функционального верховенства состоит в трёх элементах: во-первых, в *системном* обосновании приоритета самоопределения через иерархию защищаемых ценностей, а не через казуистику конкретных ситуаций; во-вторых, в предложении *операциональных критериев* — каскадных порогов, делающих концепцию применимой в судебном процессе; в-третьих, в *переосмыслении территориальной целостности* не как абсолютного барьера, а как условно защищаемой нормы, легитимность которой зависит от функционального соответствия государства требованиям *jus cogens*. Концепция не разрушает международный правопорядок — она создаёт для него более прочное нормативное основание, в котором стабильность опирается не на замораживание несправедливости, но на соответствие государственных структур императивным стандартам международного права.

Территориальная целостность (неприкосновенность) государства напрямую связана с его суверенитетом. Между тем ни первое, ни второе недопустимо, на наш

---

[209] См. Tomuschat, C. 'Secession and Self-Determination', in: Kohen, M.G. (ed.), *Secession: International Law Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Pp. 23–45. Pellet, A. 'Kosovo — The Questions Not Asked: Self-Determination, Secession and Recognition', in: Milanovic, M. and Wood, M.C. (eds.), *The Law and Politics of the Kosovo Advisory Opinion*. Oxford: Oxford University Press, 2015. Pellet, A. 'Quel avenir pour le droit des peuples à disposer d'eux-mêmes?', in: *Le droit international dans un monde en mutation. Liber Amicorum en hommage au professeur Eduardo Jiménez de Aréchaga*. Montevideo: Fundación de Cultura Universitaria, 1995. Pp. 255–276.

[210] Franck, T.M. 'Legitimacy and the Democratic Entitlement', in: Fox, G.H. and Roth, B.R. (eds.), *Democratic Governance and International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Pp. 25–47.

взгляд, абсолютизировать. По вопросу о возможности ограниченного суверенитета на протяжении многих лет ведется активная научная дискуссия в отечественной литературе[211]. В отношении территориальной целостности государства также далеко не все однозначно. С одной стороны, данный принцип представляет собой такую основополагающую норму международного права, без которой немыслимо существование суверенных государств. Весьма показательно, что еще в Уставе Лиги Наций идея территориальной целостности увязывалась напрямую с внешним фактором (ненападение, нерушимость границ), тем самым как бы предрекая на будущее толкование формулы «integrity» в русской версии ст. 2 (п.4) Устава ООН как «неприкосновенность», в то время как в других статьях этот термин был переведен как целостность. Статья 10 Устава Лиги Наций провозглашала требования «уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги» (подч. нами - А.К.). Казалось бы, можно сделать вывод, что нарушение принципа территориальной целостности (независимо от принудительного или добровольного характера такого нарушения) априори лишает государство его суверенитета. Однако, международному праву известно немало случаев, когда ограничивалось территориальное верховенство государства, а тем самым и его территориальная целостность. Это может происходить в результате вполне легитимных мер – передачи части территории в залог, в аренду или в управление; в силу договорных обязательств (международные повинности или сервитуты)[212]. Обе формы – аренда и управление представляют собой не простое ограничение территориального верховенства, а полный переход его от одного государства к другому, причем суверенитет остается за государством, передающим территории[213].

---

[211] См. Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. М.2009; Черниченко С.В. Делим ли государственный суверенитет? «Евразийский юридический журнал». 2010. №12; Кузьмин Э.Л. Загадка Жана Бодена. Трактат о суверенитете. М., 2018.

[212] См. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917). М. 2005.

[213] См. Бекяшев К.А. Международное публичное право. Учебник. М., 2019. С.96.

В этом, по сути дела, и проявляется диалектика взаимодействия суверенитета и территориальной целостности, когда государство, добровольно уступая часть своей территории (безусловно, преследуя какие-то свои выгоды и интересы), сохраняет тем не менее суверенный контроль над ней. Если воспользоваться терминологией гражданского права, можно, как представляется, сказать, что одно государство передавая другому часть своей территории во владение и пользование, оставляет за собой право распоряжения. В международном праве не исключены и ситуации, когда налицо ограничение территориального верховенства, а тем самым и суверенитета государства (это видно на примере правовых статусов Шпицбергена и Аландских островов).

Заслуживают внимания вопросы, связанные с завершением процесса деколонизации, выливающегося иногда в острые военные столкновения (Фолклендские острова), своеобразием статуса «заморских территорий» (Новая Каледония), «самоуправляющихся» территорий (Гренландия). Большой спецификой отличаются отношения в рамках Британского Содружества Наций, когда в суверенных (представленных в ООН) государствах сохраняются сугубо символическое наличие главы государства в лице королевы Великобритании. Представляет интерес опыт Пуэрто-Рико, получившего в 1950 г. после антиамериканского восстания статус государства, свободно ассоциированного с США, а ныне стремящегося стать их полноправным штатом. Все это – реально существующие проявления противоречий между рассматриваемыми принципами, находящие иногда гибкие, устраивающие конфликтующие стороны решения, а подчас завершающиеся вооруженными столкновениями.

Дж. Баркин и Б. Кронин считают территориальный суверенитет и национальное самоопределение конкурирующими принципами и сожалеют, что великие державы не смогли определить приоритет, который следовало бы отдавать одному из них[214]. Исключительную значимость в свете сказанного приобретает в

214 The state and the nation: Changing norms and the rules of sovereignty in international relations. February 1994. International Organizations. 48(01) P. 107. https://www.researchgate.net/publication/23990346. Дата обращения 28.02.2021.

наши дни внимательное отношение к основным принципам международного права, их адекватное восприятие и предельно корректная интерпретация.

Еще четверть века назад известный юрист-международник С.В.Черниченко пришел к заключению, что право на самоопределение является второстепенным по сравнению с основополагающим принципом территориальной целостности[215]. Трудно сказать, чем руководствовался ученый, давая такую, по его словам, «современную интерпретацию». Быть может, господствовавшие в России на момент подготовки статьи сепаратистские тенденции, драматические события в Чечне подвигли к такому выводу. Хотя примерно в это же время обретали признанную в конечном счете легитимной независимость Эритрея и Южный Судан. Как полагают польские авторы В. Чаплинский и А. Вырозумска, «в практике принцип самоопределения был подчинен принципу территориальной целостности»[216]. Высказана и прямо противоположная точка зрения, согласно которой «в условиях крушения прежней мировой системы и становления новой, принцип соблюдения территориальной целостности государств теряет свою изначальную ценность»[217]. По мнению видного английского ученого А.Коббана, после обретения многими бывшими колониями независимости и создания собственной государственности принцип самоопределения утрачивает свою релевантность[218].

А.А. Прудников исходит из того, что «в составе сегодняшнего международного права принцип самоопределения по своему «историческому весу» существенно преобладает над принципом территориальной целостности государств», что «обнаруживаются тенденции, позволяющие говорить об известном приоритете принципа самоопределения».[219] С другой стороны, директор

---

[215] См.: Черниченко С.В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация). Московский журнал международного права. 1996. №4. С. 716

[216] См. *Czaplinski W., Wyrozumska A.* Prawo Miedzynarodowe Publiczne. Zagadnenia Systemove. Warszawa, 2004. S. 142.

[217] Хрусталев И. Признать или не признать? Международные процессы. М., 2008. Т.6.

[218] См. Cobban A. The nation state and national self-determination. NY, 1970. P.280

[219] Прудников А.А. Коллизия, требующая разрешения. К соотношению принципов самоопределения и территориальной целостности государства. // «Право и современные государства». 2016. №6. С.68.

Института Восточной Европы А. Погорельский считает, что в современном «неустойчивом» мире «нет более опасного принципа», чем право наций на самоопределение и высказывается за «примат» принципа территориальной целостности. Вместе с тем, осознавая очевидную ущербность такого подхода, он делает серьезную оговорку: «Если страна, метрополия, проводит политику подавления их прав, то, по сути дела, принцип территориальной целостности такой страны подвергается серьезному сомнению»[220].

Несколько противоречивой выглядит позиция А.Цуциева, рассуждающего об «окнах сецессии» (закрытых и открытых) в рамках реализации права на самоопределение. С одной стороны, это право рассматривается им «в контексте современного доминирующего понимания и применения»; с другой – автор полагает, что «в нормализованном, принявшем форму устойчивой парадигмы международном праве целостность государств всегда получает приоритет над правом на самоопределение[221].

Американский ученый Р.Фальк, комментируя одно из решений Верховного Суда Канады (по вопросу о провинции Квебек), отмечает, что оно «пренебрегает точкой зрения (или по меньшей мере значительно меняет её) международного права, согласно которой территориальное единство существующих суверенных государств должно быть, без всякого исключения, уважаемым. На основании «косовского прецедента» любой народ, проживший на географически обособленном пространстве, если страдает от грубого нарушения прав человека, может требовать суверенной независимости и государственности». По мнению Р. Фалька, другие народы в аналогичных обстоятельствах (то есть наличие «географической обособленности» и «грубые нарушения прав человека») могли бы выдвигать одинаково убедительные аргументы в пользу легитимности своего стремления к самостоятельной государственности, «усиленные, по крайней мере в

---

[220] См. Непризнанные государства. Возможности и вызовы XXI века («круглый стол» 21 декабря 2006 г.). URL: https://www.svoboda.org/a/368461.html. Дата посещения 02.05.2020.

[221] См. Цуциев А. Территории проблемного суверенитета. / Научные тетради института Восточной Европы. Вып. 1. Непризнанные государства. М.: Территория будущего, 2006 г. С. 28-53.

малой степени, юридически и психологически косовским прецедентом»[222]. А.Пелле, воздавая должное принципу территориальной целостности считает его «межгосударственным, который не может не применяться к отношениям между государством и его собственным населением»[223].

В подходах к вопросу о самоопределении необходимо избегать какой бы то ни было его абсолютизации, рассматривать этот принцип только в тесной увязке, во взаимодействии с другими основными принципами международного права, прежде всего принципом территориальной целостности, становление которого было обусловлено процессом образования национальных государств, их выхода на международную арену и неизбежного соперничества за обладание территорией как материальной основой своего существования и развития. Рассмотрев ряд аспектов известной работы К.Шмитта о «Номосе Земли», профессор Пекинского технологического института Э.Карти в рецензии на нее приходит к знаменательному выводу: «…с точки зрения истории международно-правовой традиции аргументы, касающиеся примата принципа территориальной целостности государств или принципа самоопределения народов (актуальный вопрос), являются бесплодными. Они происходят в правовом вакууме и не допускают никаких юридических выводов»[224].

С.В.Витрянюк закономерно уделяет внимание причинам признания рассматриваемого принципа, в частности, африканскими государствами, унаследовавшими в конечном счете границы бывших колониальных владений. Это во многом воспрепятствовало конфликтам или по крайней мере минимизировало их в связи с активно проявлявшими себя как на континенте в целом, так и в отдельных государствах, возникших на месте бывших колоний, этнического сепаратизма, трайбализма и племенной вражды. Оправдан и вывод, к которому приходит автор: «Провозглашение территориального статуса-кво означало

---

[222] Falk R. The Kosovo Advisory Opinion: Conflict Resolution and Precedent. // “American Journal of International Law”. 2011. Vol. 105. №1. P.58.
[223] Pellet A. Report: Legal opinion on Certain Questions of International Law Raised by the Reference. In: Bayefsky. Selfdetermination in International Law: Quebec ana Lessons Learued. Hague. 200. P. 98.
[224] См. Korean Journal of International and Comparative Law. 2019. №7. P.137.

попытку предотвратить не только межгосударственные, но также и внутригосударственные конфликты, которые могли бы привести к распаду вновь созданных государств»[225].

Один из наиболее последовательных исследователей проблем территориальной целостности и самоопределения народов Ю.Г.Барсегов акцентировал внимание на различиях в понимании «этнической» и «государственной» территории, полагая необходимым рассматривать её юридическую природу и нормы, регулирующие отношения государств по поводу территории, только в контексте тех общественных отношений, которые складываются на ней. При этом под этнической территорией понимается «часть земной поверхности, населенная данным племенем, народом. Следовательно, здесь возникает вопрос о пределах расселения этнического коллектива». А образование этнической территории зависит от этногенеза народа. В процессе формирования народов вырабатывается понятие страны – территории, принадлежащей тому или иному народу и носящей имя населяющего его народа[226].

Ученый считал, что международное признание права наций на самоопределение «презюмирует соответствие фактического территориального верховенства государства национальному самоопределению до тех пор, пока народ соглашается с существующим территориальным статусом, … презумпция соответствия территориального верховенства суверенной воле народа и должна служить, с точки зрения современного международного права, высшим правовым основанием территориального владения»[227]. Вместе с тем, не порывая с реалиями мирового развития, он обращал внимание на необходимость при установлении государственных границ, наряду с этническим, экономическим и историческим факторами, в известной мере учитывать также военно-стратегические и географические особенности, ситуацию, когда «столица, важнейшие населенные

---

[225] Витрянюк С.В. Территориальная целостность государств в международном, правовом и геополитическом измерениях. Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2003. С.13.

[226] См. Барсегов Ю.Г. Обязательная сила права народов на самоопределение и средства его обеспечения. М., 1993. С. 10-12.

[227] См. Барсегов Ю.Г. Цит. соч., С. 75, 120–121.

пункты и промышленные центры, железнодорожные магистрали и другие важные объекты находятся под ударом обосновавшихся по соседству агрессивных сил»[228].

Представляется, что некоторые положения, высказанные в свое время Ю.Г.Барсеговым, подлежат, на наш взгляд, пересмотру с учетом современных мировых реалий. Нельзя, в частности, согласиться с утверждением, что признание права на самоопределение одним из основных начал современного международного права «безусловно влечет признание за всеми нациями права требовать осуществления их права на самоопределение», все государства – члены ООН – обязаны не только не препятствовать осуществлению этого права, но и активно пытаться реализовать его. Отказ же от выполнения данной обязанности должен рассматриваться как отказ от принятого на себя обязательства и, следовательно, как нарушение международного права.

Заинтересованные государства, как отмечалось выше, часто противопоставляют праву наций на самоопределение территориальную целостность, исходя при этом из того, что именно последний имеет верховенство над принципом самоопределения[229]. Подчас утверждается даже, что право на самоопределение противоречит самой идее государства и праву остального народа и государства на единство. По мнению А.А.Моисеева, например, «если территориальное самоопределение народов сопряжено не с добровольным волеизъявлением всего народа государства, достижение политической суверенной независимости противоречит международному праву»[230].

Подобный подход, думается, основан на абсолютизации государственного суверенитета, закреплении на все времена сложившегося порядка вещей и не может считаться конструктивным. На наш взгляд, «волеизъявление всего народа», это практически недостижимая утопия, призывать к этому – значит, ставить под вопрос сам принцип самоопределения, предполагающий волеизъявление именно части народа – того или иного этнического или территориального коллектива.

---

[228] См. Барсегов Ю.Г. Цит. соч., С.151.
[229] Всеобъемлющая международная безопасность. Международно-правовые принципы и нормы. / Отв. ред. Б.М.Клименко. М., 1990. С. 135.
[230] Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. М., 2009. С.49-50.

Духом нигилизма буквально пропитана статья М.Гриффитса. Отталкиваясь от явно надуманного противопоставления идеи самоопределения и концепции суверенитета, автор именно в национальном самоопределении находит угрозу легитимности установленного миропорядка, утверждая, что сообщество государств находится в тупике. «Единственное прочное решение проблемы самоопределения» он видит в том, чтобы «разорвать историческую связь между самоопределением, национализмом и территориальным суверенитетом».

Австралийский исследователь считает, что принцип самоопределения остро нуждается в творческом анализе и большей гибкости в способах своего выражения, ратует за принятие более либеральной и широкой интерпретации его значения. Самоопределение, как справедливо полагает автор, не обязательно означает ирредентизм, отделение и насильственный пересмотр территориальных границ. Его проявлениями являются также поощрение прав меньшинств, делегирование полномочий, федерализм и более широкое признание легитимности культурного самовыражения.

Ученый ведет речь о необходимости уважения принципа самоопределения, но «как относительной, а не абсолютной ценности». В равной степени не может восприниматься в качестве некоего абсолюта и территориальный (государственный) суверенитет. Он должен быть ограничен правилами, необходимыми для поддержания сосуществования. М.Гриффитс формулирует оправданный, на наш взгляд вывод, с которым сложно не согласиться: «Принятие ограниченного суверенитета – единственный способ сделать государство совместимым с существованием международной взаимозависимости, международного порядка и с внутренними уровнями власти на региональном и местном уровнях»[231].

Международно-правовая практика и научное сообщество пока, как можно видеть, весьма далеки от единого восприятия сути взаимодействия принципов

---

[231] Griffiths M. Self-determination, International Law and world order. «Macquarie Law Journal». (2003). URL: http://classic.austlii.edu.au/au/journals/MqLawJl/2003/3.html (дата обращения: 01.03.2021 г.)

территориальной целостности и самоопределения, выработки консенсуса в подходе к во многом однотипным проблемам. И такая ситуация в современном взрывоопасном мире, непонимание (или стремление создать впечатление такого непонимания) нередко приводит к конфликтам между главными акторами мировой политики, к дестабилизации международной безопасности как на региональном, так и глобальном уровнях.

В последние годы выдвигаются предложения о пересмотре принципа территориальной целостности «в пользу принципа права на самоопределение, и наоборот»; в качестве критерия такого выбора было, в частности, предложено некое туманное, расплывчатое понятие «судьба народов»[232]. Высказано весьма радикальное суждение о том, что «новые международные реалии» ставят вопрос о правомерности существования принципа права народов и наций на самоопределение[233]. М.В.Филимонов не опровергает даже возможности «его исключения из перечня основных принципов как выполнившего свое предназначение»[234]. На наш взгляд, безусловно, права М.Н.Алиева, утверждающая, что, несмотря на кажущееся противоречие между принципами самоопределения народов и территориальной целостности, они не должны конкурировать друг с другом, так как юридически непротивопоставимы и находятся во взаимодействии[235].

Хотелось бы отметить между тем, что о территориальной целостности говорится в учредительных актах многих региональных объединений, включая Содружество Независимых Государств. Устав Организации американских государств определил в качестве одной из главных целей защиту территориальной целостности (ст.1). Аналогичное положение содержится в Хартии Организации африканского единства (ст. 2 и 3). Значение связи принципов территориальной

---

[232] См. Задохин А.Г. Самоопределение народов и территориальная целостность государств: категории, проблемы, перспективы. // Обозреватель – Observer. 2001. №5. С. 13-24.

[233] См. Тимофеев Е.В. Новые аспекты права наций на самоопределение. // Московский журнал международного права. 1993. №4. С. 100.

[234] См. Международное публичное право. Отв. ред. К.А.Бекяшев. М., 2004. С. 107

[235] См.: Алиева М.Н. Право народов на самоопределение и его реализация во взаимодействии с принципом территориальной целостности государств. //«Вестник Дагестанского государственного университета». Серия 3. Общественные науки. 2016. Том 31. Вып. 4. С. 109.

целостности и принципа самоопределения подчеркивалось в одной из Резолюций Организации африканского единства о нерушимости границ в 1964 году, нашло отражение в практике Международного Суда ООН (Консультативное заключение по делу о Западной Сахаре, 1975 г.) и многих других международно-правовых документах.

Э.Х.Аречага, анализируя Декларацию о принципах 1970 г., пришел к выводу, что «ничем не ограниченное толкование принципа самоопределения способствовало бы возникновению сепаратистских движений и выступлениям меньшинств за достижение самостоятельности в различных странах мира и могло бы привести к расчленению существующих государств». На примере образования государства Бангладеш ученый показывал возможность получения сепаратистами поддержки извне. Обосновывая допустимость аналогичных ситуаций в виде исключения, он писал: «Такой беспрецедентный исход событий можно объяснить стечением целого ряда особых обстоятельств. Это и физическая отдаленность территории Восточного Пакистана, и наличие лингвистических, культурных и этнических различий в этих двух районах, и тот факт, что правительство не только не представляло все население страны, но, напротив, применяло принуждение, нарушая права человека и основные свободы…»[236].

На многое в понимании взаимодействия рассматриваемых принципов международного права проливает свет состоявшийся в 1996 году в Лиссабоне саммит ОБСЕ. По итогам его работы были оглашены рекомендованные сопредседателями «минской группы» три принципа урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта и вокруг него, которые, на наш взгляд, имеют общее значение и должны учитываться при решении любых конфликтных ситуаций, связанных с территорией. Во-первых, признание территориальной целостности спорящих сторон. Во-вторых, предоставление стороне, претендующей на отделение и создание самостоятельного государства, «самой высокой степени самоуправления» в составе «материнского» государства. В-третьих, наконец, гарантированная безопасность для стремящейся к отделению стороны и всего ее

[236] Аречага Э.Х. Современное международное право. М., 1983. С. 170-171.

населения[237]. Выражая свою позицию по конфликту, Комитет Министров Совета Европы отметил (решение от 11 марта 1992 г.), что преодоление кризиса в Нагорном Карабахе должно основываться а) на верховенстве закона; б) демократии; в) правах человека; г) гарантиях прав членов меньшинств; д) уважении неприкосновенности всех границ; е) возможности изменения границ мирным путем и по общему согласию[238].

Отсутствие «иерархии» в принципах международного права не должно трактоваться, по нашему убеждению, как какое бы то ни было ущемление принципа территориальной целостности при акцентировании внимания стремящейся к отделению части территории на принципе права на самоопределение. Показательно, что Комитет Министров Совета Европы исходит из того, что право народов на самоопределение и другие принципы, содержащиеся в Хельсинском Заключительном акте, «применяются равным образом и в полном объёме, причём каждый из них интерпретируется с учётом других». По мнению Комитета Министров, право на самоопределение должно уважаться в соответствии с целями и принципами Устава ООН и нормами международного права, включая те из них, которые касаются территориальной целостности государств, причем это право может быть реализовано только посредством мирных переговоров. «Использование силы с целью захвата территории неприемлемо и никакой силовой захват не может быть признан законным»[239]. Таким образом и Совет Европы, вслед за СБ ООН (применительно к проблеме Нагорного Карабаха и ряду других ситуаций) подтвердил неприемлемость применения силы для захвата территории и незаконность такого силового приобретения.

С аналогичных позиций не раз выступала Парламентская Ассамблея Совета Европы. Например, в принятой 25 января 2005 г. резолюции ПАСЕ 1416 (2005)

---

[237] Пятый саммит глав государств и правительств государств–участников СБСЕ в Лиссабоне, 2-3 декабря 1996. URL: https://www.osce.org/ru/mc/39543. (дата обращения 01.03.2021).

[238] См. Council of Europe. Committee of Ministers. Declaration on Nagorno-Karabakh. 11 March 1992. Архив ЦСИ МИД АР.

[239] Council of Europe. Committee of Ministers. Reply to the Written Question № 396 by Mrs Hajiyeva to the Committee of Ministers «Recognition of the territorial integrity of Azerbaijan by Armenia», 19 September 2001. URL: https://rm.coe.int/16804da793 (дата обращения 01.03.2021).

было со всей определенностью заявлено, что «независимость и отделение региональной территории от государства могут быть достигнуты только путем законного и мирного процесса, основанного на демократической поддержке жителей такой территории, а не в результате вооруженного конфликта, следствием которого является изгнание на этнической почве и де-факто присоединение такой территории к другому государству»[240].

М.Хартвиг провел обстоятельное исследование Консультативного заключения Международного Суда ООН по Косово. Ученый тщательно, шаг за шагом, проанализировал ход событий, предшествовавших рассмотрению дела Судом, генезис и развитие конфликта, процесс подготовки и принятия Заключения в контексте Резолюции 1244 СБ ООН, его влияния на современный контекст международного права в части соотношения принципов самоопределения и территориальной целостности. Ученый, что не часто случается у западных авторов, максимально объективно оценивает ситуацию, обращает внимание, в частности, на то нередко «незамечаемое» обстоятельство, что военная операция НАТО против Сербии в 1999 году произошла «без авторизации применения силы Советом Безопасности ООН», резолюции которого (1160, 1199) адресовались в равной степени всем сторонам конфликта, осуждали «все акты насилия, совершаемые любой стороной, а также терроризм, используемый любой группой и отдельными лицами в стремлении достичь политических целей».

В качестве одного из аргументов для оправдания военной операции против Сербии приводилась концепция «гуманитарной интервенции», согласно которой государства при массовых нарушениях прав человека в другом государстве должны в целях обеспечения защиты населения иметь право на вмешательство, в том числе с применением вооруженных сил (даже без одобрения СБ ООН). Некоторыми авторами применительно к рассматриваемой ситуации отмечается, что «речь идет не о том, имеет ли место нарушение нормы международного права,

---

[240] Резолюция ПАСЕ 1416 (2005) от 25.01.2005 г. URL: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2005]/[Jan2005]/Res1416_rus.asp (дата обращения 01.03.2021).

а о том, существует ли международная норма, разрешающая (легитимирующая) подобные действия»[241]. Как видим, в подходах к проблеме меняются оценки, но неизменной остается суть.

Вместе с тем, справедливо отмечает М.Хартвиг, решение о применении силы должны принимать межгосударственные союзы, но не определенные государства «в погоне за достижением своих политических интересов». К тому же вмешательство должно оставаться ограниченным по своим целям исключительно лишь предотвращением серьезных нарушений прав человека, не «нацеливаться» на осуществление политических реформ.

Международный Суд ООН в заключении по Косово пришел к выводу, что международное право не устанавливает никаких разрешительных, но одновременно также и никаких запретительных правил, касающихся вопросов сецессии. «Из провозглашения независимости не следует, что территориальная единица, в отношении которой принята соответствующая декларация независимости, приобрела, тем самым, характер государства, - делает вывод М.Хартвиг». – Это скорее зависит от реальных условий и предпосылок, а именно наличия государственной территории, государственного народа и эффективной государственной власти… Если, однако, провозглашение Декларации о независимости не влечет за собой ни нормативных, ни фактических последствий, то и в самом деле, любая правовая оценка становится просто излишней». Ученый расценивает результаты заключения Международного Суда как «довольно спорные и дискуссионные», а сам исходный вопрос, ввиду исключения из рассмотрения всех проблем, связанных с допустимостью сецессии по международному праву, как имеющий «определенную безобидность и простоту». В этой связи приводится и пример с «провокационным» (и, добавим от себя, не лишенным сарказма) вопросом видного эксперта из Австралии о том, что произошло бы, если бы он как гражданин Австралии провозгласил независимость Южной Австралии. Показательно, что в ходе разбирательства в Суде «случая с

[241] См.: Weller M. Modesty Can be a Virtue: Judicial Economy in the ICJ Kosovo Opinion. «Leiden Journal of International Law». 2011. P.134.

Косово» никто и не утверждал, что провозглашение независимости само по себе представляет собой нарушение общего международного права[242].

Одной из серьезных теоретических проблем, имеющих и очевидное практическое значение, является ремедиальная правозащитная сецессия – вопрос о том, в какой степени определенная группа населения имеет международно признанное право на отделение в случае массовых нарушений прав человека. О правозащитной сецессии как отмечает М.Хартвиг, шла речь в решении Африканской комиссии по правам человека в 1995 году; затем в 1998 году в постановлении Верховного Суда Канады по вопросу о независимости Квебека. По мнению ученого, Международный Суд ООН мог бы способствовать прояснению вопроса о том, как долго существует предполагаемое право на правозащитную сецессию и продолжает ли оно существовать, если в государстве, осуществившем нарушения, произошла смена правящего режима, а те структуры, которые создавали основу для таких нарушений, были устранены. Представляет интерес и точка зрения, согласно которой государства, признавшие Косово в качестве независимого государства, прежде чем была достигнута договоренность между Сербией и Косово, нарушают резолюцию 1244 СБ ООН, создавшей определенный переходной режим для Косово - обязательный для соблюдения всеми государствами на основании статьи 25 Устава ООН[243].

Нередко, особенно после событий 2014 года в Крыму, западные ученые отрицают значение провозглашения независимости Косово в качестве прецедента, трактуя его как случай особого рода (sui generis). Комментируя этот принципиальный момент, Т.Кристакис справедливо отмечает, что «любой международный процесс составляет часть международно-правовой практики». «Отказать такому процессу в этом качестве, считает он, означало бы временную отмену действия норм международного права для данного конкретного случая, что, однако, не представляется ни возможным, ни допустимым»[244]. Подобная позиция,

---

[242] См.: Хартвиг М. Цит. соч., С. 140-141.
[243] Там же. С. 150, 151.
[244] Christakis T. The ICJ Advisory Opinion on Kosovo: Has International Law Something to say about Secession? «Leiden Journal of International Law». 2011. P.80.

по мнению Р.Мюллерсона, свидетельствует об обеспокоенности соответствующих государств, что международно-противоправное поведение станет и для других примером для подражания, «свидетельствует, скорее, об их угрызениях совести по поводу собственной позиции, чем о более глубоком понимании природы и характера международного права как общего и единого, т.е. действующего для всех равным образом правопорядка»[245].

Как бы подводя итог такого рода сомнениям, М.Хартвиг констатирует: «Международный Суд, между тем, был в состоянии уже только некоторыми уточняющими формулировками относительно права на отделение и уважения принципа территориальной целостности противостоять порой слишком беззаботным ожиданиям тех, кто настаивает на независимости»[246]. Главное «обвинение», выдвинутое ученым против Международного Суда, состоит в том, что орган правосудия не только «извратил смысл» резолюции 1244 СБ ООН, но и «разрушил ее внутреннее равновесие». Он справедливо расценивает этот документ Совета Безопасности как «искусно сотканный компромисс» с акцентом на территориальную целостность и (предварительное) оставление Косово в составе Сербии, что было призвано нейтрализовать результаты «нелегитимированной в международно-правовом отношении войны» (имеется в виду НАТОвская агрессия против СРЮ 1999 г.). С явным сожалением констатируя, что международная юрисдикция до сих пор не нашла адекватного признания в правовом сообществе М.Хартвиг исходит из того, что именно суды могут лучше всего способствовать усилению их роли тем, что создают особую легитимность за счет качества своих решений, которые на основе международного права ведут к приемлемым для всех результатам. Завершая анализ Консультативного заключения Международного Суда ООН по Косово, автор посвященного ему глубокого исследования приходит к выводу, что своей экспертизой Суд оказал международному правосудию «медвежью услугу»[247].

---

[245] Mullerson R. Precedents in the Mountains: On the Parallels and Uniqueness of the Cases of Kosovo, South Ossetia and Abkhazia. “Chinese Journal of International Law”. 2009. №2. P.8.
[246] См. Хартвиг М. Цит. соч. С. 153.
[247] См. Хартвиг М. Цит. соч. С. 154-155.

Ряд заслуживающих внимания соображений о формах взаимодействия права на самоопределение и принципа территориальной целостности высказан В.А.Томсиновым. Обстоятельно рассмотрев вопрос о попытках выхода Аландских островов из состава Финляндии и воссоединения со Швецией после распада Российской Империи, он приходит к ряду знаменательных выводов, базирующихся, в том числе, и на заключении комиссии из трех авторитетных юристов, занимавшихся этой проблемой в 1920 г. по поручению Лиги Наций. «Данный случай показывает, - заключает ученый, - что политическая нестабильность в недавно возникшем суверенном государстве, незавершенность процесса его формирования являются достаточным основанием для того, чтобы вопрос о выходе из состава какой-либо территории решался не по нормам внутригосударственного права, а согласно международному праву»[248]. В практическом плане ныне речь в первую очередь идет о праве на самоопределение в его интерпретации п.2 ст.1 Устава ООН, Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г. и Декларацией 1970 г.

С учетом содержащихся в упомянутых документах «сдержек и противовесов» при взаимодействии принципов самоопределения и территориальной целостности упомянутый автор приходит к выводу, что осуществление самоопределения «международное право оставляет практике». По его мнению, необходимо учитывать при решении вопроса следующие факторы:

- имеет ли народ, стремящийся к самоопределению и выразивший свою волю на референдуме, «достаточно сил», чтобы осуществить это право «самым решительным образом, т.е. путем выхода из состава государства»;

- обладает ли государство, из которого народ желает выйти, достаточными силами, чтобы воспрепятствовать такому способу самоопределения[249].

Конечно, приведенным рассуждениям не откажешь в политическом реализме, очевидном сугубо прагматическом подходе к проблеме

---

[248] Томсинов В.А. «Крымское право», или юридические основание для воссоединения Крыма с Россией. «Вестник Московского университета». Серия 11 «Право». 2014. №5. С.7.
[249] См. Томсинов В.А. Цит. соч., С.9.

самоопределения. Однако он не дает принципиального ответа на вопрос ни о критериях легитимности права на самоопределение, ни о соотносимости принципов самоопределения и территориальной целостности с точки зрения современного международного права.

В одном из популярных, выдержавших несколько изданий, учебников по международному праву (отв. ред. – Кузнецов В.И. и Тузмухамедов Б.Р., М., 2010) в качестве «важнейшего» рассматривается принцип территориальной неприкосновенности и целостности государств. Назначение его видится авторам в защите территории государства от посягательств. Раскрывается содержание двух элементов этого принципа (неприкосновенность и целостность), которые «близки по смыслу, однако их правовое содержание различно». Согласно предложенной концепции, территориальная неприкосновенность – это предохранение территории государства от любого посягательства извне, а территориальная целостность – это состояние единства и нераздельности территории.

Нарушение первого элемента предполагает внешнее воздействие – речь идет о полном или частичном занятии территории или ее оккупации, проникновение в наземное, морское или воздушное пространство против воли государства. Во втором случае, надо понимать, не исключаются и деструктивные действия внутренних сил, ведущие к полному или частичному нарушению единства территории, ее расчленению, отделению, отторжению, передаче или присоединении к территории другого государства. Важно, на наш взгляд, и то обстоятельство, что авторами обращается внимание на разный перевод термина «territorial integrity»: применительно к Уставу ООН как «территориальная неприкосновенность», а в отношении Декларации о принципах международного права 1970 г. и Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. – как «территориальная целостность». Изучение разноязычных текстов и иных документов подтверждает непоследовательность в использовании приведенных терминов[250].

[250] См. Международное право. Отв. ред. Кузнецов В.И., Тузмухамедов Б.Р. 3-е изд. М., 2010. С. 178-179.

Выше автором приводились рассуждения по вопросу о территориальной неприкосновенности одного из разработчиков Устава ООН, известного советского юриста-международника С.Б. Крылова, достаточно убедительно обосновавшего целесообразность перевода «territorial integrity» именно как «территориальная неприкосновенность», ссылаясь, в частности, на возможную международную практику добровольного, по взаимному согласию, изменения государствами своих территорий (обмен, уступка, уточнение границ и т.п.), не говоря уже о возможном территориальном переустройстве самого государства в соответствии с действующим законодательством и в пределах международно-признанных границ.

Главное в трактовке рассматриваемого принципа состоит в акценте на насильственном принудительном характере производимых изменений, чему и должно решительно противостоять международное сообщество. Закономерно поэтому, что в перечне обязательств, принятых на себя государствами (в частности, по Заключительному акту СБСЕ 1975 г.) в контексте уважения территориальной целостности доминируют такие языковые формулы, как «применение силы или угроза силой», «военная оккупация» и т.п. Не трудно видеть, что подобная трактовка целостности тесно сочетается, а по некоторым параметрам совпадает с принципом нерушимости границ и не имеет ничего общего (в плане противопоставления) с правом на самоопределение.

К нарушениям территориальной неприкосновенности в упомянутом учебнике справедливо относятся также такие противоправные (не санкционированные властями) действия, как транзит любых транспортных средств через территорию соответствующего государства и разработку его природных ресурсов, являющихся составными компонентами государства. С другой стороны, полное или частичное нарушение единства территории, ее расчленение, отделение, отторжение, передача или присоединение к территории другого государства могут быть как следствием внешнего вмешательства (речь идет в этом случае о нарушении территориальной неприкосновенности), так и результатом внутригосударственного политического, межэтнического и иного противоборства

(при этом закономерной становится постановка вопроса о реализации права на самоопределение).

Воспроизводя известные характеристики элементов права на самоопределение, в том числе конвенционно закрепленные в Международных пактах о правах человека 1966 г., авторы учебника акцентируют внимание на праве каждого народа «сопротивляться государству, силой препятствующему его самоопределению, и получать для этого поддержку от других государств и международных организаций». Это положение, как и соответствующие ему обязанности государств воздерживаться от любых насильственных действий, лишающих народ его права на самоопределение; не препятствовать независимости народа, уважать «целостность территории народа», рассматриваются в контексте борьбы с колониальной системой.

После развала колониальных империй положения принципа самоопределения стали применяться и к народам суверенных государств, но частично изменилось его содержание. Как отмечается в учебнике, каждый народ в любом государстве вправе самостоятельно, без внешнего вмешательства выражать свою волю любыми доступными ему мирными демократическими способами. Причем особо подчеркивается, что право народа на самоопределение не абсолютно; недопустимы, в частности, подрыв единства государства, нарушение законных прав других народов ссылками на самоопределение. Принципиально важен вывод: «Мировое сообщество не отрицает право на самоопределение, даже ведущее к нарушению целостности и единства государств, но только там, где не соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов, где дискриминируются отдельные этнотерриториальные части государства»[251]. (Подч. нами – А.К.).

В рассматриваемой работе отмечается реальность угрозы злоупотребления принципом самоопределения. Причем побудительным мотивом для его использования в своекорыстных целях часто становятся политические,

[251] См. Международное право. Отв. ред. Кузнецов В.И., Тузмухамедов Б.Р. 3-е изд. М., 2010. С. 185-186.

националистические, сепаратистские, криминальные и другие факторы. Отмечая «глубокую коллизию» между принципами самоопределения народов и целостности государств, угрожающей его единству, ущемлению прав других народов, авторы приходят к не вызывающему сомнений выводу: «государства мира в этом вопросе пока непоследовательны, признавая правомерность борьбы одних народов (например, Косово) и считая ее противоправной у других (например, Абхазия или Приднестровье)»[252].

Сложность разрешения противоречия между правом на самоопределение и территориальной целостностью очевидна и в связи с ситуацией, сложившейся в результате провозглашения независимости Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР), претендующей при этом на часть территории Марокко. Конфликт вокруг этой бывшей испанской колонии, принимающий временами военное выражение длится четыре десятилетия, но настойчивые усилия международного сообщества урегулировать его на основе проведения референдума тем не менее оказывается безрезультатными. Марокко рассматривает референдум как средство подтверждения права населения Западной Сахары на воссоединение со страной лишь на правах автономии. Фронт же ПОЛИСАРИО (организация, провозгласившая независимость Западной Сахары и осуществляющая контроль над частью ее территории) отстаивает право сахарцев на полную независимость. Противоборствующим сторонам не удается договориться и по поводу участников референдума, осуществить необходимую в этих целях перепись населения на основе единых критериев. Достигавшиеся периодически соглашения о проведении референдума не выполняются, напряжение в регионе по-прежнему сохраняется[253]. Не способствовал улучшению ситуации и тот факт, что ООН официально констатировала серьезные и многочисленные нарушения прав человека в регионе со стороны марокканских властей[254].

---

[252] Там же. С. 187.
[253] См. Подгорнова Н.П. Проблема Западной Сахары. Миф и реальность. М., 2013. С. 139-142.
[254] См. Висенс Е. Западная Сахара: преданная независимость. М., 2007. С.17.

Неприемлемы, по нашему убеждению, в современном мире утверждения как о неком «верховенстве» принципа территориальной целостности над правом на самоопределение[255], так и о «противоречии» достижения «политической суверенной независимости» (в рамках самоопределения) международному праву[256]. Характерны в этой связи прецеденты защиты права на самоопределение современными международно-правовыми инструментами. В Консультативном заключении Международного Суда по Намибии и аналогичном решении по Западной Сахаре Суд квалифицировал положения Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г. как всеобщую практику, признанную в качестве правовой нормы, высказавшись таким образом в пользу права на самоопределение. В Декларации, принятой на Всемирной конференции по правам человека (г. Вена, 25 июня 1993 г.) четко указано на право народов предпринимать любые действия, не противоречащие Уставу ООН, для осуществления своего права на самоопределение. Особый интерес в рассматриваемом контексте представляет Резолюция ГА ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии». Согласно ст. 7 Резолюции определение агрессии «не может наносить ущерба вытекающему из устава ООН праву на самоопределение, свободу и независимость народов». Поскольку любая агрессия естественным образом связана с территорией государства, логично предположить, что рассматриваемый документ выступает однозначно за территориальную целостность, вкладывая, однако в это понятие неприкосновенность, охраняя территорию государства, его границы именно от внешней угрозы, но не препятствуя народу той или иной страны в определении собственного пути развития.

В одной из работ Ю.Г.Барсегова приводится, практически не воспроизводимый в отечественной литературе, факт о позиции США (изложена в

---

[255] См. Всеобъемлющая международная безопасность. Международно-правовые принципы и нормы. М., 1990. С. 135.

[256] См. Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. М., 2009. С. 49-50. Верещагин В.Ю., Свиридкина Е.В., Чемурзиева З.И. Непризнанные государства на постсоветском пространстве: конфликтологический анализ проектов легитимизации. Ростов-на-Дону. 2008. С.22.

приложении, внесенном в Специальный комитет по принципам международного права), высказывавшихся в защиту права наций на самоопределение и подтверждавших их право на отделение, за исключением случаев, когда государство считается эффективно функционирующим и представляющим интересы всех народов, проживающих в нем[257]. Следует, однако, признать, что в такой концепции, получившей достаточно широкое хождение в западной доктрине, не совсем ясно: а) какие параметры (критерии) деятельности государства следует рассматривать как отвечающие понятию «эффективного функционирования»; б) какой международный орган должен признать положение дел в новом государстве отвечающим упомянутым критериям. «Если же государство не является эффективно функционирующим и не обеспечивает равноправие всех народов, проживающих в нем, не готово расширять автономии или вовсе наступает на права определенного этноса, то последний, - приходит к заключению А.Д.Катков, - имеет полное право, согласно праву на самоопределение, образовать собственное государство и таким образом признание должно быть ему обеспечено»[258].

Свой вклад в трактовку понятия «территориальная целостность государства» внес А.Л.Барциц. Автором содержательного диссертационного исследования о праве на самоопределение (на примере Абхазии) предложено четкое разграничение для использования в научном обороте упомянутой категории и понятия «территориальное единство государства». Под территориальной целостностью понимается «недопустимость аннексии и иного силового захвата территории другого государства и запрет на посягательство на территорию иного государства и нарушение границ или свободу народа, где субъектом нарушения могут выступать только государства, а не народы». Территориальное же единство государства предлагается определять как «приверженность государства к

---

[257] Барсегов Ю.Г. Обязательная сила права народов на самоопределение и средства его обеспечения. М., 1993. С.23.
[258] Катков А.Д. Цит. соч., С. 59.

созданию условий, предотвращающих частичное или полное нарушение территориального и (или) национального единства страны»[259].

Предложенное А.Л.Барцицем разграничение терминов «территориальная целостность» и «территориальное единство» является методологически продуктивным, поскольку позволяет развести внешний и внутренний аспекты territorial integrity:

Территориальная неприкосновенность (territorial inviolability) означает запрет на насильственное изменение территории государства внешним актором (аннексия, оккупация, навязанная уступка территории). Этот запрет носит абсолютный характер и составляет ядро принципа запрета применения силы (ст. 2(4) Устава ООН). Никакие ссылки на самоопределение не могут оправдать насильственное отторжение территории одного государства другим (доктрина Стимсона: ex injuria jus non oritur).

Территориальная целостность (territorial integrity в узком смысле) означает презумпцию нераздельности государства при реализации внутренних процессов самоопределения. Эта презумпция опровержима при соблюдении условий:

а) легитимное волеизъявление населения (референдум);

б) исчерпание возможностей внутреннего самоопределения (автономия);

в) согласие метрополии (консенсуальная сецессия) или наличие оснований для ремедиальной сецессии (систематическое нарушение прав народа).

Таким образом, «территориальное единство» Барциц справедливо рассматривает как обязанность государства создавать условия, предотвращающие сецессионистские устремления, а не как абсолютное право запретить самоопределение при любых обстоятельствах. Принцип самоопределения как показывает жизнь, подвержен действию двойных стандартов, нередко становится предметом политических спекуляций, инструментом, используемым для реализации определенными кругами своих экономических, социальных,

---

[259] См. Барциц А.Л. Право народа Республики Абхазия на самоуправление и восстановление суверенной государственности: конституционно-правовой анализ. Автореферат на соискание ученой степени канд. юр. наук. М., 2017. С. 7-8; 19-20.

этнократических, конфессиональных и иных узких, подчас сугубо эгоистических целей, противоречащих изначальному предназначению этого важнейшего международно-правового и (в большинстве случаев) конституционного положения. И в неблаговидных целях используется нередко искусственное «сталкивание» этого принципа с принципом территориальной целостности. Для объективного научного анализа проблемы, сущностной характеристики рассматриваемого принципа, практических форм его реализации необходимы (в рамках комплексного подхода) полный учет исторических предпосылок и специфических форм возникновения, становления и функционирования соответствующего народа (нации), четкое представление о конституционно-правовых и иных юридических инструментах реализации принципа и его действительности применительно к рассматриваемой конкретной ситуации, видение перспектив дальнейшего развития.

На основе приведенного анализа можно прийти к следующим выводам:

Во-первых, утверждения о «верховенстве» территориальной целостности над самоопределением (Черниченко, Чаплински и др.) либо, напротив, о «примате» самоопределения (Катков, Хрусталев) являются методологически ошибочными. Декларация 1970 г. и Заключительный акт СБСЕ 1975 г. прямо устанавливают равнозначность («первостепенная важность») и взаимосвязанность всех основных принципов.

Во-вторых, разрешение коллизии между самоопределением и территориальной целостностью осуществляется не через иерархию, а через контекстуальный баланс с применением критерия «представительного правительства» (Декларация 1970). Государство вправе ссылаться на территориальную целостность только при соблюдении условия: его правительство «представляет весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи».

В-третьих, практика государств и международных организаций демонстрирует применение двойных стандартов при оценке легитимности сецессии (признание Косово при непризнании Абхазии и Южной Осетии;

поддержка референдума в Южном Судане при осуждении референдума в Каталонии). Это свидетельствует о доминировании политических факторов над правовыми критериями, что подрывает верховенство права и требует выработки универсальных критериев легитимности самоопределения (задача Главы 2 настоящего исследования).

В-четвертых, принципиальное значение имеет «охранная оговорка» Декларации 1970 г., которая устанавливает условный (а не абсолютный) характер права на территориальную целостность: государство утрачивает право ссылаться на этот принцип при систематической дискриминации части населения. Однако критерии «систематичности» и процедуры международной верификации таких нарушений остаются неопределенными, что создает правовую неопределенность.

§1.6 Субъектный состав права на самоопределение: критерии идентификации в теории и практике

Проблема субъектного состава права на самоопределение является одной из наиболее дискуссионных в современном международном праве. Основная сложность заключается в отсутствии общепризнанного легального определения ключевого субъекта этого права — «народа». Это порождает значительный разрыв между нормативным регулированием и политической практикой. Ниже представлен анализ критериев идентификации субъектов права на самоопределение, базирующийся на доктринальных источниках.Классическая доктрина международного права, сформировавшаяся в период деколонизации, исходила из относительно четкого понимания субъекта права на самоопределение. Им признавалось население территории, чей статус был определен Уставом ООН (несамоуправляющиеся и подопечные территории). В этот период в доктрине доминировал подход, который профессор К.Кноп в своем фундаментальном труде «Diversity and Self-Determination in International Law» называет «каноном самоопределения». Согласно этому канону, субъект определялся в первую очередь через колониальные границы, что позволяло избежать сложных вопросов об этнической или культурной идентичности. Кноп подробно анализирует, как этот «канон» работал на практике, исключая из процесса интерпретации права многие группы, которых оно непосредственно касалось[260].

Исторически право на самоопределение признавалось за народами, проживающими в несамоуправляющихся и подопечных территориях. Этот подход, доминировавший в середине XX века, давал относительно четкие географические и административные рамки для идентификации субъекта (население территории). Как указывает Д.Райч, именно с этого периода начинается современное развитие принципа[261]. В постколониальную эпоху встал вопрос о применении принципа к иным группам. Однако, как констатируется в литературе, эти критерии остаются

---

[260] *Knop, Karen.* Diversity and Self-Determination in International Law. Cambridge University Press; 2002. https://doi.org/10.1017/CBO9780511494024 P.7-37

[261] Statehood and the law of self-determination / David Raič. The Hague; New York: Kluwer Law International, [2002]. P.181.

размытыми и допускают широкое толкование. М.Стерио предлагает концепцию «правила великих держав», согласно которой успешность реализации права на самоопределение (особенно в его внешней, сецессионной форме) зависит не только от наличия у группы признаков «народа», но и от политической воли ведущих государств. Сравнивая успешные случаи (Восточный Тимор, Косово, Южный Судан), автор приходит к выводу, что решающим фактором является поддержка со стороны великих держав[262]. Это позволяет говорить о том, что в практике, помимо нормативных, действуют политические критерии идентификации субъекта. «Неопределенным» и «неясным» признавал понятие народ американский ученый Д.Фирштейн[263]. Как остроумно заметил в свое время А.Дженнигс, «народ не может ничего решать, пока кто-то не решит, что такое народ»[264]. А задолго до него госсекретарь США Р.Лассинг (в период президентства В.Вильсона) считал, что реализация принципа самоопределения «без четкого обозначения единицы, к которой он практически применим… опасна для мира и стабильности»[265].

Классическая доктрина, таким образом, предлагала формально-юридический, а не этнокультурный критерий идентификации субъекта. С завершением деколонизации перед международно-правовой доктриной встала задача выработки критериев для идентификации «народа» за пределами колониального контекста. В доктрине сформировался перечень признаков, которые в совокупности позволяют идентифицировать группу как «народ». К ним традиционно относят:

- общность исторической судьбы;
- этническую, языковую или религиозную идентичность;
- связь с определенной территорией;

---

[262] Sterio, Milena. The Right to Self-determination Under International Law: Selfistans, Secession, and the Rule of the Great Powers. Hoboken: Taylor and Francis, 2012. P.55.

[263] Fierstein D. Kosovo Declaration of Independence: An Incident Analysis of Legality, Policy and Future Implications. «Boston University International Law Journal». 2008. Vol. 26. P. 433.

[264] Jennigs J. The approach to self-government. Cambridge. 1956. P.15.

[265] Цит. по Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм: проблема типологии и европейские реальности. [Электронный ресурс] / Нарочницкая // Актуальные проблемы Европы.— 2015 .— №1.— С. 49.— Режим доступа: https://rucont.ru/efd/474385. Дата обращения: 07.05.2020.

- наличие культурных традиций и образа жизни[266].

Однако, как отмечает К.Кноп, применение этих критериев на практике сталкивается с проблемой «интерпретации и идентичности». Любая попытка дать жесткое определение «народа» неизбежно ведет к исключению тех групп, которые не вписываются в доминирующую интерпретацию. Доктринальный спор, таким образом, смещается с вопроса «что такое народ?» на вопрос «кто и как имеет право это интерпретировать?». Ключевой вклад К.Кноп в теорию проблемы заключается в том, что она на конкретных исторических примерах (послевоенное урегулирование в Европе, система опеки ООН) демонстрирует как коренные народы систематически исключались из числа субъектов, чье мнение не учитывалось при реализации права на самоопределение. Формально признаваясь частью «народа», эти группы де-факто не признавались субъектами политического процесса самоопределения[267].

Альтернативный подход к проблеме субъектного состава предлагает А.Бьюкенен в работе «Justice, Legitimacy, and Self-Determination: Moral Foundations for International Law». Бьюкенен, представляющий скорее политико-философское, чем узко позитивистское направление, ставит вопрос о нормативных (моральных) критериях, которые должны лежать в основе права на самоопределение. С точки зрения Бьюкенена, идентификация субъекта не может быть сведена к простой констатации наличия этнических или исторических признаков. Ключевыми становятся критерии *легитимности и справедливости*. Группа может претендовать на статус субъекта права на самоопределение (особенно в его сецессионной форме), если это необходимо для исправления серьезной исторической несправедливости или для защиты базовых прав человека[268]. Этот подход смещает акцент с описательных характеристик группы на нормативную оценку ситуации, в которой она находится, и на обоснованность ее притязаний.

---

[266] *Weatherall, Thomas (2026).* The Right to Self-Determination in International Law. New York, NY United States of America (the): Oxford University Press. P.78

[267] Ibid. P. 99

[268] Justice, legitimacy, and self-determination: moral foundations for international law / by: Buchanan, Allen E., 1948- Published: (2004). P.110.

В коллективном труде «The Theory of Self-Determination» под редакцией Ф.Тесона констатируется кризис традиционных подходов. Как указывает автор - «традиционный юридический анализ не смог прояснить» стандарт определения того, какая группа имеет право на создание собственного государства. Понимание позиции Ф.Тесона невозможно без учета его общетеоретических взглядов. Он является последовательным сторонником кантианского подхода в международном праве. Согласно этому подходу, конечной ценностью и целью международно-правового регулирования является не государство и не группа, а индивидуальная человеческая личность. Легитимность любых коллективных прав, включая право на самоопределение, проистекает исключительно из их служения интересам индивида. Это фундаментальное положение определяет его методологию: Ф.Тесон рассматривает проблему субъектов самоопределения не через призму «органической» общности, а через призму прав и свобод человека[269].

Центральным элементом концепции Ф.Тесона является резкое неприятие подхода, согласно которому группа признается субъектом права на самоопределение просто на основании наличия у нее неких объективных этнических признаков. Этот подход он называет «националистическим тезисом». Критерии, которые он подвергает сомнению: общая история, этническая принадлежность, язык, религия, общие культурные традиции. Ф.Тесон вслед за другими критиками указывает на невозможность дать четкое и непротиворечивое определение «народа» или «нации» на основе этих признаков. История изменчива, и разные группы могут претендовать на одну и ту же историю. Определение через этничность автоматически лишает легитимности многоэтничные государства. Любая попытка зафиксировать такой критерий будет либо слишком узкой, либо слишком широкой. Он утверждает, что националистический тезис имеет два лица. В «добром» обличье он выступает как защита культурной гордости, а в «недобром» обличье он неизбежно ведет к требованию этнической гомогенности. Как отмечает Ф.Тесон, цитируя Э.Геллнера, достичь такой гомогенности группа может, только

[269] Teson, Fernando R., 1950-. A philosophy of international law / Fernando R. Teson Westview Press Boulder, Colo. 1998

«убивая, изгоняя или ассимилируя всех не-членов нации». Он прямо связывает этот тезис с практиками геноцида и этнических чисток в современном мире. По его логике, если я считаю свою расу или этнос основой гражданства, я не чувствую моральных обязательств перед людьми другой расы, живущими на той же территории, что открывает путь к их дегуманизации[270]. Таким образом Ф.Тесон вырабатывает следующие критерии, оправдывающие притязания группы на самоопределение (и корреспондирующее признание ее в качестве субъекта этого права):

Необходимость спасения от несправедливости (Injustice). Группа может претендовать на самоопределение (вплоть до создания собственного государства), если она является жертвой серьезных и систематических нарушений прав человека со стороны государства, в котором она проживает. Право на самоопределение выступает здесь как «спасательный круг» — крайнее средство защиты от угнетения.

Наличие легитимного территориального титула (Legitimate Territorial Title). Притязания группы могут быть обоснованы исторической несправедливостью, связанной с незаконным захватом территории, на которой она традиционно проживала[271].

Таким образом, в концепции Ф.Тесона субъект права на самоопределение (группа) не исчезает, но его идентификация полностью переосмысливается. Группа становится субъектом не потому, что у нее есть общий язык или культура, а потому, что положение составляющих ее индивидов таково, что коллективное действие (самоопределение) является единственным способом защиты их индивидуальных прав и свобод. Международная комиссия юристов еще в 1972 г. пришла к знаменательному выводу: «Народ начинает существовать только тогда, когда он начинает осознавать свою собственную идентичность и подтверждает свою волю к существованию. Современный пример – это древнееврейский народ, который

---

[270] The theory of self-determination / edited by Fernando R.Tesón Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2016. P. 37-120.
[271] Ibid. P. 99.

проявил свою волю существовать в качестве отдельной израильской нации только в течение настоящего столетия. Это ведет нас к предположению о том, что факт появления народа есть политический феномен, что право на самоопределение основано на политических усмотрениях и что осуществление этого права есть политический акт». На основании приведенного заключения В.А.Томсинов делает вывод о допустимости признания народом не только всего населения какой-либо страны, но и части этого населения[272].

А.Фердросс, видя один из признаков государства в непрерывности его существования, понимал под этим саму «субстанцию государства» - «конкретный, образующий его организованный народ»[273]. По мнению А. Эйде, использование понятия «народ» в Венской декларации и Программе действий вполне определенно означает весь народ, «демос», а не отдельные «этносы» или религиозные группы[274]. Можно, думается, утверждать, что именно народ является системообразующим понятием применительно к принципу самоопределения, причем это понятие может охватывать как все население страны, так и его часть – наиболее активную, осознающую свою идентичность и готовую к отстаиванию её.

А.Я.Капустин подчеркивает двойственную природу самоопределения. С одной стороны, это принцип равноправия и самоопределения народов**,** закрепленный в Уставе ООН и Декларации о принципах международного права 1970 года. С другой — это право народов, которое, в отличие от других основных принципов, наделяет правосубъектностью не только государства, но и негосударственных акторов — сами народы.

Ученый отмечает, что если изначально право на самоопределение связывалось преимущественно с колониальными народами, то сегодня эта позиция устарела. Дискуссия о том, применимо ли это право к народам, проживающим в пределах уже существующих государств, признается излишней. Центральная теоретическая сложность, как полагает ученый — отсутствие четких

---

[272] См. Томсинов В.А. Цит. соч., С. 18.
[273] См. Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 119.
[274] См. Подкомиссия ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Доклад А. Эйде. Документ ООН E/CN. 4/Sub.2/1993/34. С. 17-18.

международно-правовых критериев понятия «народ». Ни Устав ООН, ни последующие декларации, ни практика Международного суда ООН не дают удовлетворительного определения. В самом широком смысле народ понимается как «большая, анонимная человеческая группа, обладающая определенными национальными характеристиками», что сближает его с понятием «нация». К таким характеристикам могут относиться: проживание на общей территории, экономическая и социальная целостность, общность культуры и осознание этой общности, а также расовая, языковая или религиозная близость[275].

В «народе как общности, объединенной единой территорией проживания», видит субъект самоопределения И.А.Умнова[276]. Вместе с тем Р.А.Мюллерсон исходит из того, что «в основе народа как субъекта самоопределения лежит чаще всего нация или иная этническая общность, с которой идентифицируется данная территория»[277]. У такой точки зрения немало последователей. Сближению понятий «народ» (в широком смысле слова) и «нация» способствует рассмотрение в политологической литературе народа как социальной системы, который, как и нация, «может обладать способностью к целеполаганию и целенаправленной деятельности, ставить и реализовывать задачи на базе нормативно-ценностных установок, «вмешиваться в ход истории»[278]. Вне всяких сомнений именно такой подход дает основание рассматривать народ, как и нацию в качестве субъекта самоопределения.

В.В.Тишков и Ю.П.Шибаев трактуют «народ» в качестве населения страны, хотя и допускают использование этого понятия применительно к этническим общностям. Упомянутые авторы считают, что «нация – это категория социальной классификации, за исключительное обладание которой борются две формы

---

[275] Kapustin, A. Y. (2015) Crimea's Self-Determination in the Light of Contemporary International Law // Max-Planck-Institut für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht ZaöRV. –№ 75. –P. 101—118.

[276] См. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М. 1998. С.152.

[277] Мюллерсон Р.А. *Права человека: идеи, нормы, реальность.* М., 1991. С.41.

[278] См. Сампиев И.М. Институализация самоопределения народов в политических процессах на Северном Кавказе в постсоветский период. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. доктора политических наук. Краснодар. 2009. С. 30-31.

человеческих общностей – этнические и государственные»; соответственно, допустимо называть нациями как этнические общности (этнонации), так и государственные сообщества (сограждaнства)[279]. А.С.Строева выделяет такие элементы, связывающие исторически сложившуюся нацию в качестве общности, как факторы исторического, экономического и политического характера, общность языка, культуры, географических особенностей, психического склада, социального развития[280].

Восприятие понятия «народ», как нетрудно видеть, чрезвычайно многообразно и многоаспектно. Иногда это понятие трактуется как население, объединенное принадлежностью к одному государству (жители страны)[281]; как социальная общность, представляющая совокупность граждан иностранцев и лиц без гражданства, постоянно проживающих в стране и обладающих возможностью выражать свою политическую волю[282]. В российской науке конституционного права под народом принято понимать единую социально-экономическую и политическую общность людей независимо от деления на какие-либо национальные или этнические общности[283].

Резолюция Генассамблеи ООН от 5 февраля 1952 г. 545 (VI) «Включение в Международный пакт или международные пакты о правах человека статьи о праве народов на самоопределение». В первых трех абзацах преамбулы документа понятия «народы и нации» рассматриваются как тождественные. Однако в дальнейшем изложении при необходимости придания термину «нация» значения «государство» применительно к самоопределению используется только слово «народ» - «… и развивать между нациями дружественные отношения, основанные

---

[279] См. Тишков В.А., Шибаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М., 2011. С. 75-76.
[280] Строева А.С. Международно-правовое признание Косово. М., 2014. С. 189
[281] См. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. С. 589.
[282] См. Казьмина Е.А. Народ как субъект конституционного права Российской Федерации. Автореферат диссертации кандидата юридических наук. М., 2011. С.3
[283] См. Комментарий к Конституции Российской Федерации: научно-практический комментарий. Под ред. Б.Н.Топорина. М., 2003. С. 96-103. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Под ред. В.Д.Зорькина. М., 2009. С. 101-104.

на признании принципа равноправия народов и их права на самоопределение» (часть III четвертого абзаца упомянутой резолюции).

Наиболее четкие критерии, на наш взгляд, позволяющие охарактеризовать понятие «народ» были предложены в итоговом докладе и рекомендациях, выработанных в ходе международной встречи экспертов, проходившей под эгидой ЮНЕСКО 27–30 ноября 1989. Итак, народ это -

1. Группа индивидов, обладающая некоторыми или всеми упомянутыми чертами:

a) общие историческое прошлое;

b) расовая или этническая идентичность;

c) культурная гомогенность;

d) языковое единство;

e) религиозная или идеологическая близость;

f) территориальная связь;

g) общая экономическая жизнь.

2. Группа должна обладать определенной численностью, не обязательно значительной, но представлять собой нечто большее, чем просто объединение индивидов в рамках государства.

3. Группа как нечто целое должна иметь волю быть воспринимаемой в качестве народа или осознать себя народом, хотя, возможно, некоторые группы или отдельные члены групп могут и не иметь таковой воли или самосознания.

4. Группа должна иметь институты или другие средства выражения своих характеристик и воли к идентичности[284].

Судебная практика также в достаточной степени однозначно применяет термин «народ». Так, в Решении Международного Суда (1963 г.) по делу о Северном Камеруне («Камерун против Великобритании») предусматривается: «Республика Камерун от своего имени заявила, что… Великобритания, будучи управляющей властью, не привела народы Северного Камеруна к самоуправлению,

[284] См.: International Meeting of Experts of further study of the concept of the rights of peoples. Unesco. Paris. 27-30 November 1989. Final Report and Recommendations. SHS-89/ Conf. 602/7. P. 7-8.

как это предусмотрено в статье 76 (b) Устава Организации Объединенных Наций»)[285].

В Решении Международного Суда ООН (1986 г.) по делу о военной и военизированной деятельности в Никарагуа («Никарагуа против Соединенных Штатов Америки») записано: Каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишающих народы, о которых говорится в изложении принципа равноправия и самоопределения, их права на самоопределение, свободу и независимость»[286].

Решение Международного Суда ООН (1994 г.) по делу, касающемуся территориального спора («Ливийская Арабская Джамахирия против Республики Чад»), предписано: «титул на территорию во все соответствующие периоды времени принадлежал народам, населяющим эту территорию, которые были племенами, союзами племен или другими народами, присягнувшими на верность Ордену Сенусийя и принявшими его руководство в борьбе против посягательств Франции и Италии на их земли»[287].

В Решении Международного Суда ООН (1995 г.) по делу, касающемуся Восточного Тимора («Португалия против Австралии»), предусмотрено: «По мнению Суда, утверждение Португалии о том, что право народов на самоопределение, как оно вытекает из Устава и практики ООН и имеет характер erga omnes, является безупречным»[288].

Таким образом, проведенный анализ четырех решений Международного Суда ООН позволяет сформулировать вывод, имеющий значение для всей системы международного права: Суд не просто оперирует термином «народ» как удобной описательной категорией, но последовательно конструирует народ в качестве самостоятельного, первичного и императивно защищенного субъекта

---

[285] См.: The Northern Cameroons (Cameroon v. U. K.), 1963 I.C.J. 15 (Dec. 2). Электронный ресурс: https://www.worldcourts.com/icj/eng/decisions/1963.12.02_northern_cameroon.htm (дата обращения 05.12.2025).

[286] См.: Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America) Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986, p. 14.

[287] См.: Territorial dispute (Libyan Arab Jamahiriya/Chad), Judgement, *I.C.J Reports* 1994, p. 6.

[288] См.: *East Timor (Portugal v. Australia), Judgment, I.C.J. Reports 1995, p. 90* Режим доступа: URL: https://www.icj-cij.org/case/84 (дата обращения: 05.01.2026).

международного права, чья правосубъектность не производна от государства и не может быть им аннулирована.

Неоднозначным и дискуссионным является распространенное отождествление, в том числе и в международном праве, понятий *«народ»* и *«нация»*, причем последнее воспринимается одновременно и как некое политическое единство граждан одной страны, как государство. В контексте рассматриваемой проблемы показательна принятая 5 февраля 1952 г. Резолюция Генассамблеи ООН 545 (VI) «Включение в Международный пакт или международные пакты о правах человека статьи о праве народов на самоопределение». В первых трех абзацах преамбулы документа понятия «народы и нации» рассматриваются как тождественные. Однако в дальнейшем изложении при необходимости придания термину «нация» значения «государство» применительно к самоопределению используется только слово «народ» - «… и развивать между <u>нациями</u> дружественные отношения, основанные на признании принципа равноправия <u>народов</u> и их права на самоопределение» (часть III четвертого абзаца упомянутой резолюции; подч. нами – А.К.).

Вводная формула Устава ООН «Мы, народы Объединенных Наций…» использует термин «народы» (англ. “peoples”, франц. “peuples”), который, согласно авторитетному комментарию Устава, обладает самостоятельным юридическим значением и не является синонимом слова «нации»[289]. В контексте принятия Устава в 1945 году термин «нации» (англ. “nations”, франц. “nations”) обозначал исключительно государства-члены создаваемой Организации. Этот вывод подтверждается анализом текста документа, где указано, что именно правительства государств через своих полномочных представителей согласились принять Устав и учредить международную организацию под названием «Объединенные Нации». Далее в тексте Устава термины «Объединенные Нации» и «Организация Объединенных Наций» последовательно применяются без дополнительных определений. Как универсальный международный договор, Устав ООН обладает

[289] См. The Charter of the United Nations. A Commentary / eds. B. Simma, et al. 3rd ed. Oxford University Press, 2012. Vol. I. P. 103.

верховенством по отношению к любым другим международным соглашениям, что закреплено в его статье 104.

Понятия «народ» и «нация» на разных языках имеют различные нюансы и значения. С учетом этого при разработке Устава ООН Секретариат Организации представил свое разъяснение; народы определены в нем как группы людей, которые могут составлять (или не составлять) государство или нацию[290].

Корректное использование понятия «нация» (от лат. natio – племя, группа племен), предполагает чаще всего историческую общность людей, складывающуюся на основе общности территории, экономических связей, языка, особенностей культуры и психического склада. Нация, как отмечалось, отождествляется подчас с «народом», хотя последний может восприниматься, несомненно, и как более объемное понятие, предполагающее проживание на определенной территории населения - совокупности различных, в том числе и небольших групп. Наконец, нация ассоциируется подчас и с самим государством – «национальная территория», «национальный доход» и тому подобные понятия. Осознание тем или иным лицом принадлежности к определенной нации (как и к народу) имеет в большей степени социально-культурные, нежели естественно-биологические (антропологические) предпосылки. И если на Западе понятие «народ» традиционно связано с гражданским обществом, выступает не как «этнос», а как «демос», совпадает с понятием «нация», то в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе оно чаще воспринимается как социокультурная общность во многом в силу чрезвычайной этнической разнородности и длительного существования имперских структур[291].

В научной литературе существует устойчивый подход, отождествляющий понятие «нация» с государственно организованным народом. Г.Кельзен, например, считал обреченными на неудачу любые попытки найти, помимо государственной,

---

[290] Власян С.Р. Субъект права на самоопределение. // Вестник Челябинского государственного университета. 2013 №11 (302). Право. Вып. 36. С.120.

[291] Цагараев М.А. Современная трактовка принципа права народов на самоопределение. // «Социология власти». 2008. №5. С. 176. См. также: Далакян К. О субъекте права на самоопределение. // «Власть». 2007. № 9. С. 88.

какую-либо другую связь, которая соединяет различных индивидов в нечто целое, держит их вместе (население)[292]. К.Дойч определял нацию исключительно как народ, обладающий государственностью[293]. Эту точку зрения предвосхитил ещё в 1909 году русский мыслитель М.О.Меньшиков, утверждавший, что нация — это народ, обретший свою государственность[294]. Э.Хобсбаум, приводит определение, согласно которому нация (“natio”) представляет собой совокупность граждан государства, объединённых проживанием на определённой территории, общими традициями, интересами и подчинением единой центральной власти, обеспечивающей целостность данного сообщества[295].

Отправной точкой концепции А.Х.Абашидзе служит принципиальное разграничение категорий «народ» («нация»), с одной стороны, и «национальное меньшинство» / «коренной малочисленный народ», с другой. Только первая категория, по его позиции, является полноценным субъектом права на самоопределение и, соответственно, обладает первичной, учредительной международной правосубъектностью; меньшинства и коренные малочисленные народы такой правосубъектностью в полном объёме не обладают, поскольку международное право не признаёт за ними права на самоопределение в его классическом (в том числе сецессионном) понимании[296].

Из этого разграничения вытекает центральный тезис автора о функциональном (производном, ограниченном) характере правосубъектности коренных малочисленных народов: она не является учредительной, а реализуется исключительно в формах внутреннего самоопределения — территориальной автономии в рамках федеративного государства либо самоуправления в унитарном государстве. Выбор конкретной формы, как подчёркивает А.Х.Абашидзе совместно с Ф.Р.Ананидзе, зависит от численности народа, особенностей его

---

[292] Там же. С.121.
[293] *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication: An In-quiry into the Foundation of Nationality. Cambridge, 1966. P. 48.
[294] *Меньшиков М.О*. Письма к русской нации. М., 1999. С. 418.
[295] *Хобсбаум Э.* Нации и национальность после 1780 г. СПб., 2017. С. 30.
[296]Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ: монография. М.: Изд-во РУДН, 1997.

расселения (компактное или дисперсное) и иных фактических обстоятельств, а не определяется абстрактной формулой международного права. Существенным элементом позиции А.Х.Абашидзе является признание того, что «малочисленность» как квалифицирующий критерий сама по себе не имеет чёткого международно-правового содержания и определяется скорее фактически (доля от общей численности населения государства, как правило, не более нескольких процентов), нежели нормативно. Отсутствие универсального юридического определения не препятствует, однако, выделению коренных малочисленных народов в самостоятельную категорию носителей коллективных прав, нуждающихся в специальных мерах сохранения — прежде всего в силу объективной угрозы ассимиляции в титульной (доминирующей) этнической среде[297].

Таким образом, большинство исследователей сходятся во мнении, что нация — это социальная общность, сформированная в рамках конкретного государства и на определённой государственной территории, внутренние отношения внутри которой регулируются национальным правом.

Б.Андерсон в своей знаменитой книге «Воображаемые сообщества» предложил революционное понимание нации, ставшее одной из ключевых концепций в гуманитарных науках. Андерсон определяет нацию не как древнюю или естественную сущность, а как «воображаемое политическое сообщество», которое мыслится как ограниченное и суверенное. Их возникновение он объясняет тремя главными процессами:

- крах сакральных сообществ и династий: Упадок латыни как языка истины, ослабление веры в божественное право монархов и религиозный универсализм создали идеологический вакуум;
- роль «печатного капитализма»: Развитие книгопечатания и рыночное распространение книг и газет на народных языках (вместо латыни) создало общие

[297]Международная защита прав человека: учебник / А. Х. Абашидзе, А. И. Абдуллин, Е. С. Алисиевич [и др.]; под ред. А. Х. Абашидзе. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : РУДН, 2020. – 510 с.

поля коммуникации. Люди, читая одни и те же новости на одном языке, стали воображать себя частью общего сообщества;

- колониальный фактор: Административные границы колоний, установленные европейцами, часто становились границами будущих национальных государств, а образованная местная элита возглавляла движения за независимость[298].

Таким образом теория Б.Андерсона перевернула понимание наций, показав, что они не являются вечными и данными от природы, а созданы людьми в конкретных исторических условиях. Нации — это мощные культурные системы, которые реальны в своих последствиях, потому что миллионы людей верят в них и готовы действовать ради них.

Нередко в западной литературе под нацией понимают единство людей на основе общности судьбы, культуры, языка, религии; под народом – все население, постоянно проживающее на территории государства – субъекта международного права[299].

Небезынтересно, что еще в XIX веке видный французский юрист А. Эсмен, исходил из тождественности понятий «народ» и «нация», отмечая, что суверенитет у французского народа «принадлежит всей нации, взятой как целое, и не может принадлежать кому-либо, кроме нее»[300].

По мнению американского ученого К.Вердери, «нация – это аспект политического и символического/идеологического порядка… ею обозначаются отношения между государствами и их подданными, а также между одними государствами и другими»[301]. Как полагает французский социолог Д.Кола, «нация представляет собой продукт определенных социальных условий… есть не что иное, как государство-нация»[302]. Другой американский ученый У.Коннор трактует нацию как народ, обладающий собственными политическими традициями и

---

[298] См. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М., 2016.
[299] Driessen A. *Concept of Nation in International Law*. The Hague, 1992. P.165
[300] Эсмен А. Общие основания конституционного права. СПб., 1898. С.123.
[301] Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. М., 2002. С. 297-298.
[302] Cola D. *Political sociology.* M., 2001. P. 351

институтами, а потому имеющий право на собственное национальное государство[303].

Известный немецкий философ Ю. Хабермас видел в термине «нация» общность, сформулированную по критерию единства происхождения, культуры и истории, а часто – и общего языка. Выделяя объединяющую идею нации, он приходил к заключению: «Национальное самосознание народа составило тот культурный контекст, который способствовал росту политической активности граждан. Именно национальная общность породила новый тип взаимосвязи индивидов, ранее совершенно чуждых друг другу. Тем самым национальное государство смогло решить сразу две проблемы: оно учредило демократический способ легитимации на основе новой и более абстрактной формы социальной интеграции»[304].

А.Н.Вылегжанин и Д.И.Иванов полагают, что международно-правовое признание конкретного государства в качестве нации определяется комплексом факторов: ключевую роль играет соблюдение им основополагающих принципов международного права, таких как невмешательство во внутренние дела и право народов на самоопределение, в процессе своего становления и развития. Также важны конкретные исторические обстоятельства, связанные с утратой или обретением государственности в прошлом, и характер современных отношений между государством-преемником и его предшественником. Немаловажны степень правовой самоидентификации народа, создавшего новое государство, и преобладающая оценка этого факта в международном правосознании[305].

Понятия «народ» и «нация» тесно переплетаются также с термином «этнос». Под «этносом» чаще всего принято понимать определенную группу людей, объединенных общими признаками: язык, культура, быт, социально-территориальная организация, характер, самосознание, психический склад и др.

---

[303] Connor W. Ethnonationalism. *The Quest for Understanding.* Princeton, 1994. P.201.

[304] *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства. // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002. С. 364.

[305] *Вылегжанин А.Н., Иванов Д.В.* Понятия «народ», «нация», «человечество» в междуна- родном праве // Государство и право. 2022. No 10. С. 163–175. DOI: 10.31857/S102694520022617-9

Своего рода иерархия этнических общностей допускает наличие субэтнических групп и межэтнических общностей[306]. Ю.В. Бромлей исходил из того, что этнос есть «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием) фиксированном в самоназвании (этнониме)». Ученый отмечал, что этносы возникают «не по воле людей, а в результате объективного развития исторического процесса» и обладают «объективными свойствами», прежде всего общностью территории, общими чертами культуры, быта, общим языком и религией. Этносу присуще общее самосознание, что находит внешнее проявление в общем самоназвании[307].

Любое многонациональное государство предполагает наличие численно доминирующего этноса, как правило, образующего народ и дающего нередко название соответствующему государству. Как отмечается в литературе, в термине «государствообразующий этнос» речь идёт о роли одного из этносов (не обязательно самого крупного) в процессе создания государства, вокруг которого объединялись другие этнические группы, продвигая процесс формирования многонационального государства[308]. Причем, надо полагать, для стабильности полиэтнических государств решающее значение подчас также имеет не столько численность этноса сама по себе, сколько его социально-политическая активность. И крайне важно, чтобы в государствах с численным большинством одной этнической группы политические институты не имели «мажоритарный характер, а были нацелены на достижение компромисса и согласия»[309].

---

[306] См. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973; Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследование по социально-культурной антропологии. М., 2003.
[307] См. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 49, 57-58.
[308] См. Фарукшин М.Х. К вопросу о типах этнофедераций. // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 7. С. 158.
[309] Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов. Сравнительно-правовое исследование. М., 2010. С.82.

Таким образом правосубъектность в контексте права на самоопределение разграничивается по двум ключевым категориям: народ (этнокультурная общность) и нация (политико-правовой субъект).

Народ формируется на основе критериев, включающих а) общность исторических традиций; б) этническую идентичность; в) культурную и языковую однородность; г) религиозно-идеологическую близость; д) устойчивую территориальную связь; е) общую экономическую жизнь. Эта совокупность признаков легитимирует коллективное требование народа о создании суверенного государства, присоединение к другому государству или объединение с ним, или свободное определение своего политического статуса.

Нация — это политико-правовой результат и институциональная форма реализации данного права. Нация тождественна суверенному государству, признанному международным сообществом (прежде всего, через членство в ООН). Она является конечным продуктом процесса самоопределения и основным субъектом международного права, обладающим всей полнотой правосубъектности.

Право на самоопределение реализуется ими через систему взаимосвязанных форм, которые могут быть систематизированы по способу осуществления, территориальному результату и характеру процесса:

1. Процедурные и мирные формы, реализуемые в рамках существующего правопорядка. К ним относятся:

• Внутреннее самоопределение (создание автономий, федерализация), сохраняющее территориальную целостность;

• Референдум или плебисцит как универсальная процедура волеизъявления;

• Консенсуальная сецессия, осуществляемая по конституционной процедуре или межгосударственному соглашению;

Данные формы образуют нормативный идеал реализации права, минимизирующий конфликтность и признаваемый международным сообществом;

2. Защитно-правовые формы. Они являются не произвольным выбором, а крайней мерой защиты (ultimum remedium) и правомерны лишь при наличии квалифицирующих условий:

- Деколонизация и борьба против расистских режимов — как ответ на иностранное господство или режим систематического угнетения;
- Ремедиальная (правозащитная) сецессия — как одностороннее отделение, допустимое в случае грубых, систематических и неисправимых нарушений государством прав народа, исключающих его внутреннее самоопределение;
- Деоккупация — как применение права на самооборону и восстановление территориальной целостности, нарушенной актом агрессии[310].

Малочисленные и коренные народы. Национальные меньшинства. В рамках процесса деколонизации самоопределение стало правовой основой для образования сотен новых государств. С тех пор практически прекратилось появление новых государств, основанных на этом праве. Тем не менее, самоопределение по-прежнему играет важную роль в теоретических дискуссиях[311] и претензиях коренных народов на самоопределение, которые оказали значительное влияние на дебаты. Их кульминацией стал вопрос о том, могут ли коренные народы, как и народы, находящиеся под колониальным управлением, претендовать на государственность на основе самоопределения[312]. Авторы сходятся во мнении, что подобное развитие событий возможно лишь в том случае, если коренные народы систематически подвергаются наиболее серьезным нарушениям прав человека, либо ограничены в реализации внутреннего самоопределения.

---

[310] См.: А.К.Каграманов. Субъекты права на самоопределение в современном международном праве. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право, 14(1). С.180. https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.111

[311] Martin Ott, Das Recht auf Sezession als Ausfluß des Selbstbestimmungsrechts der Völker (Berlin 2008) 454.

[312] Peter Hilpold, Die Sezession – zum Versuch der Verrechtlichung eines faktischen Phänomens, in: Zeitschrift für öffentliches Recht 63 (2008) 117ff.

Многие спорные вопросы в части толкования статуса коренных народов и национальных меньшинств вытекают из того факта, что международное право не дает конкретных юридических определений по основополагающим проблемам. Это относится к государству, народу, нации, коренным народам, меньшинствам и пр. Поэтому неудивительно, что не существует универсального правового определения коренных народов. В итоге государства принимают решения о том, какие группы, находящиеся под их юрисдикцией, имеют статус коренного народа. Кроме того, они также определяют совокупность прав, которые отличаются в различных странах. На практике, например, правовой статус саами в Финляндии, Норвегии, Швеции и России регламентирован по-разному[313]. Хотя ряд критериев идентификации коренных народов, как представляется, является общепринятым, на их основе не может быть выработано какого-либо общего юридического определения, имеющего обязательную силу, поскольку государства по-разному оценивают различные критерии. Общепризнанными коренными народами являются австралийские аборигены, североамериканские индейцы, инуиты, новозеландские маори и скандинавские саами. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (свыше 40 малочисленных народов, их единый перечень утвержден постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. №255[314].) ведут традиционный для них образ жизни в суровых климатических условиях на исконных землях своих предков. Действующий в РФ Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»[315] регламентирует вопросы, связанные с традиционными видами деятельности этих народов. В процессе обсуждения пенсионной реформы для коренных малочисленных народов был сохранен возрастной порог льготного выхода на пенсию. В утвержденных Указом Президента РФ «Об основах

[313] Kristian Myntti, The Nordic Sami Parliaments, in: Aikio Pekka, Martin Scheinin (Hrsg.), Operationalizing the Right of Indigenous Peoples to Self-Determination (Åbo 2000) 203ff.
[314] Собрание законодательства РФ. 2000. № 14. Ст. 1493.

[315] См. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 N 82-ФЗ. Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/. Дата обращения: 13.09.2020.

государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2035 года»[316] две из пяти ключевых задач напрямую касаются коренных малочисленных народов – повышение качества их жизни и защита исконной среды обитания. Большую работу по отстаиванию прав северных народов, ведущих традиционный образ жизни в крайне суровых климатических условиях проводит созданная свыше 30 лет назад Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

Международное сообщество в период после Второй мировой войны последовательно наращивает внимание к проблеме поощрения и защиты прав лиц, принадлежащих к меньшинствам. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. ограничилось предельно формализованной констатацией вклада «национальных меньшинств или региональных культур» в сотрудничество в различных областях образования и призывом способствовать такому вкладу. В 1989 г. Международная Организация Труда в Конвенции № 169 «О правах коренных народов и народов, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» предприняла попытку сформулировать определение понятия «коренные народы», увязав его либо с «ведением племенного образа жизни», либо с «исконным заселением определенной страны или географической области» (до прихода на соответствующую территорию других групп населения). Термин «коренные» предполагает сохранение (полностью или частично) соответствующими народами своих традиционных языков, обычаев и образа жизни, отличающими их от преобладающих в стране[317].

Порой судьба коренных народов и этнических меньшинств весьма трагична. В начале XX века (1904 г.) войска кайзеровской Германии осуществили геноцид жестоко подавив восстания местных племен гереро и нама в своей колонии в Германской Юго-Западной Африке (ныне - Намибия); в конце же века (1994 г.) в

---

[316] См. Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. N 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». Электронный ресурс: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/. Дата обращения: 13.09.2020.

[317] См. Томей М., Свенстон Л. Коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни: Руководство по Конвенции МОТ № 169. Женева. 1996. С. 5.

Руанде правительством страны, находившимся под контролем народности хуту, при скрытном покровительстве Франции было организовано жестокое истребление свыше 800 тысяч представителей тутси – этнического меньшинства страны. Начиная с 2012 года жесточайшим гонениям подвергаются представители народа рохинджа, являющиеся национальным меньшинством в Мьянме и компактно проживающие в штате Ракхайн. Власти Мьянмы, в которой преобладающее население страны исповедуют буддизм, называют мусульман-рохинджа нелегалами и не предоставляют гражданство. В 2016 году более 1 миллиона рохинджа подверглись насилию со стороны центральных властей, армии и местной полиции, около 100 тыс. остались без крова, десятки тысяч находятся во временных лагерях, откуда им не разрешают выезжать. Организация Human Right Watch продемонстрировали снимки со спутника, на которых видно около 1250 сожженных дотла домов, в которых проживали рохинджа[318]. В августе 2018 года вышел доклад миссии комитета ООН по правам человека по изучению ситуации в Мьянме. В докладе говорится, что действия правительства и вооружённых сил Мьянмы против народа рохинджа несут признаки геноцида и должны быть расследованы. Комитет призвал Международный уголовный суд обратить внимание на положение дел в стране. Авторы доклада утверждают, что жертвами массовых убийств в регионе «по консервативной оценке» стали десять тысяч человек. Количество беженцев из числа рохинджа они оценили в 700 тысяч[319].

По оценкам, в общей сложности от 200 до 300 миллионов человек в более чем 40 государствах являются представителями коренных народов[320].

Обсуждение термина осложняется тем фактом, что коренные народы зачастую рассматриваются как меньшинства. В 2000 году Комиссия Организации Объединенных Наций по поощрению и защите прав человека рассмотрела и определила различия между этими двумя категориями. Выводы Комиссии:

---

[318] См. New wave of destruction sees 1,250 houses destroyed in Myanmar's Rohingya villages, International Business Times (21 ноября 2016).

[319] См. https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/FFM-Myanmar/A_HRC_39_64.pdf.

[320] См. Unrepresented Nations and Peoples Organization – Yearbook 1997 (The Hague 1998) 1ff.

«Отличие коренных народов от других групп заключается в том, что они ранее проживали на территории, на которой они проживают, в сочетании сохранения самобытной культуры, которая тесно связана с их конкретными способами использования земли и природных ресурсов»[321]. Однако, очень часто регламентация прав национальных меньшинств в одном регионе (например, в Европе) соответствует такому же набору прав в другом (например, в США, Канаде, Австралии, России). Таким образом, в вопросе соотношения прав нацменьшинств и коренных народов присутствует определенное единство. Главным же фактором, объединяющим эти две группы, на наш взгляд, является вопрос о праве на самоопределение внутри конкретного государства.

Ответ на вопрос о критериях, по которым та или иная группа может считаться коренным народом, можно обнаружить так же в Конвенции МОТ от 27 июня 1989 г., согласно которой коренными народами являются народы независимых стран, чьи предки в период колонизации, завоевания, установления границ населяли страну или географическую область, частью которой является государство проживания этих народов, при условии, что такие народы сохранили культурные традиции или политические институты. Из такой же логики исходит и определение понятия народов, ведущих племенной образ жизни. Важным фактором, таким образом, является осознание коренным народом своей специфической общности и (согласно Конвенции) указание самих коренных или ведущих племенной образ жизни народов на принадлежность к их числу. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что нормы Конвенции не затрагивают вопроса о праве на самоопределение, но подтверждают право коренных или ведущих племенной образ жизни народов на самобытность и самостоятельность экономического развития[322].

С.Н.Горбунов, солидаризируясь с Д.Кассом из Сиракузского университета, выступает за широкое понимание концепции самоопределения коренных народов,

---

[321] См. UN-Doc. E/CN.4/Sub.2/2000/10, para. 24.

[322] Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. Принята 27 июня 1989 года Генеральной конференцией Международной организации труда. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml. Дата обращения: 09.06.2021.

«включающее одновременно внешние сецессионистские элементы и внутригосударственную составляющую», «менее ориентированное на государство и поэтому более подходящее для коренных народов». Автор допускает большой выбор форм реализации права на самоопределение, не исключая при этом и такую форму, как «независимость и суверенитет»[323]. Право на самоопределение нацменьшинств и малочисленных коренных народов может быть реализовано, таким образом, в виде территориальной автономии или самоорганизации – в зависимости от численности меньшинств, особенностей их расселения и других обстоятельств. Первая модель рассматривается как территориальная форма самоопределения, вторая – как экстерриториальная (при понимании отмеченной выше условности этого термина). Самоопределение коренных народов предполагает участие в процессе управления, в том числе с возможностью предоставления специально оговоренных прав. В Российской Федерации, наряду с традиционными формами самоопределения коренных малочисленных народов (территориальная и национально-культурная автономии) действует и т.н. «общинная форма», предполагающая самоорганизацию на основе сложившихся обычаев и традиций, обусловленных дисперсным расселением.

Естественно, формы самоорганизации коренных народов обусловлены рамками законодательства, сложившимися формами взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления. Все это призвано обеспечивать существование коренных народов в качестве самобытных, поддерживающих складывавшиеся веками традиции этносов[324]. Индейцы (коренное население США), проживают в резервациях, являющихся разновидностью территориальных образований с особым статусом. Резервации управляются в основном федеральными органами государственной власти,

---

[323] Горбунов С.Н. О некоторых аспектах применимости концепции самоопределения к коренным народам. // «Философия права». Ростов на Дону. 2008. №3. С. 68-72.

[324] См. Хабриева Т.Я. Цит. соч., С.211-212; 241-242. См. также: Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус национальных меньшинств. Международно-правовой анализ. М., 1997; Андриченко Л.В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. М., 2005; Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010.

сохраняя за своими органами (племенными советами) весьма ограниченный круг полномочий. Являясь гражданами США, проживающие в резервациях индейцы не платят налоги и не участвуют в выборах ни на федеральном уровне, ни на уровне штатов, что представляет собой, надо полагать, грубейшее нарушение общепринятых представлений о демократии и правах человека.

В рамках Подкомиссии в 1994 г. был принят подготовленный Рабочей группой проект Декларации и внесен на рассмотрение Комиссии ООН по правам человека, которая в свою очередь признала необходимость разработки «сильной Декларации о правах коренных народов, носящей универсальный и всеобъемлющий характер». И только 13 сентября 2007 г. после растянувшихся более чем на два десятилетия обсуждений Генеральная Ассамблея ООН при поддержке 143 государств приняла Декларацию о правах коренных народов. 11 государств, в том числе и Россия воздержались; Австралия, Канада, Новая Зеландия и США выступили против. Спустя некоторое время изменили свою позицию и одобрили Декларацию Австралия (2009 г.) и США (2010 г.). Несмотря на то, что декларация не является обязательным документом, в ней отражены основополагающие вопросы, в отношении которых сохраняется единство международного сообщества на протяжении 25 лет. Поэтому стоит рассматривать этот документ, на наш взгляд, в качестве источника «мягкого права».

В Конвенции № 107 МОТ (ст.2 п.1), на правительства соответствующих стран возлагается «основная ответственность за разработку согласованных и систематических мероприятий по защите заинтересованного населения и по его постепенной интеграции в жизнь соответствующей страны»[325]. И речь должна идти при этом не только о таких фундаментальных проблемах, как социально-экономическое развитие, но и вопросах, затрагивающих специфику быта, языковые особенности, традиции и обычаи, всего, что вписывается в устоявшееся в науке понятие «психический склад».

---

[325] Цит. по: Статус малочисленных народов России (правовые акты и документы). Сост. В.А.Кряжков. М., 1994. С.114.

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. ограничилось предельно формализованной констатацией вклада «национальных меньшинств или региональных культур» в сотрудничество в различных областях образования и призывом способствовать такому вкладу.

Меньшинства, как считают В.А.Тишков и Ю.П.Шабаев, находятся в обществе в «приниженном положении» и их проблема (политическая, а не статистическая) связана с доступом к власти и ресурсам[326]. Решение ее осложняется тем, что общепринятого определения самого понятия «меньшинство» не существует. Конечно, трудно, да и вряд ли имеет смысл возражать против увязки положения меньшинств в любом обществе с их «доступом к власти и ресурсам». Однако и априори приписывать им «приниженное положение» вряд ли оправданно. Опыт Советского Союза да и современной Российской Федерации показывает, что многие малочисленные народы (наиболее яркий пример – коренные народы российского Севера) чувствовали и чувствуют себя вполне комфортно, имея полную возможность развивать свои интересы как в политической, так и в социально-экономической и культурной сферах. Должное внимание уделяется меньшинствам и во многих других странах. Как справедливо вместе с тем отмечают упомянутые авторы, сам факт наличия этнических меньшинств в составе населения может способствовать укреплению устоев государства, если его внутренняя политика не базируется на этнократических принципах. Меньшинства нуждаются в защите со стороны государственных институтов, заинтересованы в сильном государстве, в укреплении его устоев и институтов, которые способны поддержать меньшинства, оградить их от покушений на экономические интересы, позволяющие выстоять в конкуренции языков и культур, создать условия для полноценного участия в политической жизни государства. «Таким образом – делают вывод авторы – наличие меньшинств укрепляет вертикальные связи внутри страны, между территориальными сообществами и верховной властью»[327].

---

[326] Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М., 2011. С. 278.

[327] Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Цит. соч., С. 160

Важно отметить тесную увязку в Заключительном акте СБСЕ 1975 г. принципа уважения прав человека с необходимостью уважения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, их равенства перед законом. На государства-участников возложена в этой связи обязанность предоставлять меньшинствам полную возможность фактического пользования правами человека и основными свободами, а также защищать их интересы в этой области. Логика «не человек для нации, а нация для человека» четко прослеживается в современном международном праве. Такая логика вытекает из толкования ст. 30 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., согласно которой ни государства, ни группа лиц (в том числе, выражающая интересы отдельной нации), ни отдельное лицо не должны совершать действия «направленные к уничтожению прав и свобод», а также из всех последующих документов, составляющих источниковую базу международного права прав человека. При принятии Всеобщей декларации о правах человека 1948 года Советский Союз воздержался, одним из мотивов чего было отсутствие закрепления в документе права на самоопределение, основных прав национальных меньшинств, права каждого человека пользоваться родным языком при обучении в школах, в печати, на собраниях, в судах, на государственной службе и в общественных местах. Такую ситуацию министр иностранных дел СССР А.Я.Вышинский назвал «одним из коренных недостатков», справедливо усмотрев в этом «отказ от последовательного проведения принципа равноправия всех граждан, независимо от расы, национальности, пола, сословия, религии и языка».[328] Показательно также, что многие специалисты по международному праву прав человека тесно увязывают индивидуальные свободы с коллективным правом на самоопределение народов и наций[329].

---

[328] Цит. по: Стариков Н. Вождь отвечает. «Завтра». 2019. Декабрь. № 50. С.5.

[329] См. Карташкин В.А. Права человека: учебник для вузов. М., 1999. С. 487; Манов Б.Г. ООН и содействие осуществлению соглашений о правах человека. М. 1986. С. 20-28; Захарова Л.И. Международные механизмы обеспечения прав человека (параграф в учебнике) // Международное публичное право: учеб. Под ред. К.А. Бекяшева. - М.: Проспект, 2009; Partsch K.J. Fundamental Principles of Human Rights. International Dimensions of Human Rights. 1982. Vol. I.

Современное международное право закрепляет право на самоопределение за народами без ограничения их численности, но не исключает увязки его при определенных условиях с «коренной» основой происхождения. И.И.Лукашук видел субъектом права на самоопределение народ, нацию, то есть достаточно крупную и целостную общность, учитывая вместе с тем, что этнические, религиозные и языковые меньшинства обладают (согласно ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.[330]) правом на культурную автономию, на уважение их интересов в рамках демократического государства. Ученый, что случается не часто в отечественной литературе, считал при этом необходимым особо подчеркнуть, что в «демократических государствах в рамках законности должны действовать и политические меньшинства». Представляет несомненный интерес позиция одного из Генеральных секретарей ООН Б. Бутроса Гали, воспроизводимая И.И. Лукашуком: «Нация не является племенем: в реальности одно противоположно другому. Нация – это обязательный выход за рамки базовых обществ, это объединение нескольких из них… Задача наций как раз и заключается в том, чтобы преобразовать примитивные антагонизмы и создать пространство солидарности»[331].

Особый интерес в связи рассматриваемым вопросом, естественно, представляет позиция международных организаций и институтов, которые уделяют повышенное внимание правам меньшинств. Принципиальное значение для понимания рассматриваемой проблемы в полном объеме имеет принятая в 1992 г. ООН Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. В ней закрепляется, в частности, подход, согласно которому ничто в этом документе «не может быть истолковано как допускающее какую бы то ни было деятельность, противоречащую целям и принципам Организации Объединенных Наций, включая

---

[330] Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. (дата обращения: 05.03.2021).

[331] См. И.И. Лукашук. Международное право. Общая часть. М., 2008. С. 317-318.

принципы уважения, суверенного равенства, территориальной целостности и политической независимости государств»[332]. Не трудно заметить, что в этой формуле за словами о «суверенном равенстве» не следует принципиальное в таких случаях понятие «самоопределение». В Комментарии к Декларации подчеркивается, что «права меньшинств не могут служить обоснованием требований об отчуждении от государства или его расчленении»[333], а в общей рекомендации XXI (48) Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации столь же определенно заявляется, что «международное право не признает права народов на одностороннее отделение от того или иного государства»[334].

Подобные положения содержатся также в Конвенции СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам 1994 г. и в Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств. Сам же термин «национальные меньшинства», судя по всему, появился в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.[335] Видное место вопрос о меньшинствах занял на Всемирной конференции по правам человека, в принятых на этом авторитетном форуме Венской декларации и Программе действий. Были особо отмечены важность поощрения и защиты прав человека, лиц, принадлежащих к меньшинствам, а также значимость соответствующих шагов для политической и

---

[332] Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml. Дата обращения 05.03.2021.

[333] Подкомиссия ООН по поощрению и защите прав человека. Заключительный текст комментария к Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Документ ООН E/CN.4/Sub.2/Ac.5/2001/2. С.29, параграф 84. URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/CN.4/Sub.2/2001/40. Дата обращения: 05.03.2021.

[334] Общая рекомендация Комитета по ликвидации расовой дискриминации №XXI (48). С.124. параграф 11. URL: https://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/A/59/18(SUPP). Дата обращения: 05.03.2021.

[335] См. Европейская конвенция по правам человека, принятая 4.XI.1950 г. Ст. 14. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf. (дата обращения 05.03.2021).

социальной стабильности государств, в которых соответствующие лица проживают[336].

Комитет ООН по правам человека в принятом в 1994 году замечании общего порядка №23 (50) провёл четкое разграничение между правом народов на самоопределение и правами лиц, принадлежащих к меньшинствам. Ссылаясь на Международный пакт о гражданских и политических правах, применяющий понятия как «народы», так и «меньшинства», Комитет подчеркнул, что право на самоопределение принадлежит народам и рассматривается в отдельной части (часть I) Пакта в отличие от прав, составляющих меньшинства индивидов, регулируемых частью III Пакта и, соответственно, подпадающих под действие Факультативного протокола[337].

Парижская Хартия для Новой Европы в «ориентирах на будущее», воздавая должное вкладу национальных меньшинств в жизнь общества, взяла обязательство и впредь улучшить их положение, защищать этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность, создавать условия для ее поощрения. Было твердо заявлено, что вопросы, касающиеся национальных меньшинств, могут решаться только в демократических политических рамках, а права принадлежащих к меньшинствам лиц «должны полностью уважаться как часть всеобщих прав человека»[338].

В соответствии со ст. 34 Европейской конвенции по правам человека члены групп меньшинств могли обращаться в Европейский Суд по правам человека с жалобами по поводу нарушения права на недискриминацию только при условии

---

[336] См. Венская декларация и программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека, Вена, 25 июня 1993 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml. Дата обращения: 05.03.2021.

[337] См. Замечание общего порядка Комитета по правам человека №23 (50). Доклад Комитета по правам человека. 1994. Том I. Официальные отчеты ГА ООН. Сорок девятая сессия. Дополнение №40 (A/49/40). Параграфы 2, 3.1. URL: https://www.legislationline.org/ru/documents/id/21118. Дата обращения: 05.03.2021.

[338] См. Парижская Хартия для Новой Европы от 21 ноября 1990 г. URL: https://www.osce.org/node/39520/pdf. Дата обращения: 05.03.2021.

закрепления соответствующего права в упомянутой Конвенции[339]. После вступления в силу 1 апреля 2005 года Протокола №12 к Конвенции («Повсеместное запрещение дискриминации») надобность в подобной увязке отпала. Такой подход, судя по всему, свидетельствует о повышении внимания к правам лиц, принадлежащих к меньшинствам, рассматриваемым как права индивидуальные, в отличие от права народов на самоопределение, являющегося правом коллективным. В этой связи иногда принято считать, что международное право не содержит определенных императивных положений, признающих за лицами, принадлежащим к меньшинствам, права на самоуправление или автономию, с чем, на наш взгляд, нельзя согласиться.

Неоднозначно трактуется вопрос о праве лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, обладать правом на создание местных и автономных органов управления или иметь специальный статус с учетом конкретной ситуации и согласно национальному законодательству. Высказывая свою позицию на соответствующему запросу, Европейская комиссия «За демократию через право» (Венецианская Комиссия) подчеркнула, в частности, что «международное право не может, в принципе, навязывать государствам какое-либо территориальное решение проблемы меньшинств, а от государств, в принципе, не требуется предоставлять меньшинствам какую-либо форму децентрализации»[340].

С другой стороны, в докладе от 10-11 декабря 1999 г. «О самоопределении и сецессии в конституционном праве» указанная Комиссия разработала подходы к определению правового статуса автономных образований в унитарных и федеративных государствах, а также стандарты защиты прав национальных меньшинств. При этом Комиссия исходила из подчиненности принципа самоопределения принципу территориальной целостности государства, а право на самоопределение ограничивала только национально-культурными правами и понимала лишь как внутреннее самоопределение народа в пределах существующих

---

[339] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (изменённая и дополненная Протоколом №11), 4 ноября 1950 г. Серия Европейских договоров. №5. С.13. Ст.14.
[340] Council of Europe. Venice Commission. Annual Report of Venice Commission (1996). P.94.

границ государства. В докладе от 13–14 октября 2000 г. «Общие правовые основы содействия урегулированию этнополитических конфликтов в Европе», исследовались вопросы территориальной целостности государств, разделения предметов ведения и полномочий между центральной и местными властями, разрешения споров о компетенции между этими двумя уровнями публичной власти. Комиссия выработала ряд принципов, способствующих определению правового статуса автономных образований в унитарных и федеративных государствах, а также стандарты защиты прав национальных меньшинств[341].

Упомянутая выше Всемирная конференция по правам человека признала «присущее коренным народам достоинство и их уникальный вклад в развитие и обеспечение плюрализма». Государства призвались обеспечивать полное и беспрепятственное участие коренных народов во всех аспектах жизни общества, затрагивающих их интересы, уважать права человека и основные свободы коренных народов на основе равенства и недискриминации, признавать значение и многообразие их самобытности, культуры и общественной организации. С учетом этого был поставлен ряд конкретных задач перед Комиссией ООН и Центром по правам человека. Особое внимание Конференция обратила на реальное положение коренных народов, поручив Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств разработать проект Декларации о правах коренных народов.

В рамках Подкомиссии в 1994 г. был принят подготовленный Рабочей группой проект Декларации и внесен на рассмотрение Комиссии ООН по правам человека, которая в свою очередь признала необходимость разработки «сильной Декларации о правах коренных народов, носящей универсальный и всеобъемлющий характер». И только 13 сентября 2007 г. после растянувшихся более чем на два десятилетия обсуждений Генеральная Ассамблея ООН при поддержке 143 государств приняла Декларацию о правах коренных народов. 11 государств, в том числе и Россия воздержались; Австралия, Канада, Новая

---

[341] См. Венецианская Комиссия: сто шагов к демократии через право: монография / Под ред. Т.Я.Хабриевой, В.И.Лафитского. М., 2014. С.22

Зеландия и США выступили против. Спустя некоторое время изменили свою позицию и одобрили Декларацию Австралия (2009 г.) и США (2010 г.).

Коренные народы, по общему признанию, относятся к категории обездоленных и уязвимых, некоторые сталкиваются с угрозой исчезновения. Их численность во всем мире оценивается в 370 миллионов человек, проживающих более чем в 70 странах и представляющих свыше 5000 языков и культур. Неудивительно поэтому, что Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун, приветствуя принятие Декларации, назвал это событие победой коренных народов во всем мире, историческим моментом, свидетельствующим о том, что «государства-члены ООН и коренные народы преодолели противоречия, разделявшие их в прошлом, и решили вместе двигаться дальше по пути защиты прав человека, справедливости и развития».

Поскольку приемлемое для всех определение коренных народов международным правом до сих пор не выработано, существует общее понимание допустимости самостоятельной разработки государствами критериев отнесения тех или иных этносов к коренным народам. На доктринальном уровне наиболее удачным представляется подход Т.Я. Хабриевой, на основе которого можно сформулировать ряд общих черт коренных народов:

- самоидентификация в качестве отдельного самобытного народа, отличающегося от других групп населения;

- наличие особенностей языка, сохранение своих социальных и политико-правовых институтов, специфической культуры;

- ориентация на сохранение, развитие и передачу потомкам этнических особенностей как основы продолжения своего народа[342].

Ст. 3 Декларации провозглашено право коренных народов на самоопределение, предполагающее их возможность свободно устанавливать свой политический статус и свободно осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие. Указано на право (ст.4) автономии или самоуправления в вопросах, относящихся к внутренним и местным делам. Вместе с тем после

[342] См. Хабриева Т.Я. Цит. соч. С.211-212; 241-242.

напряженных дискуссий в процессе работы над документом в качестве компромисса появилась итоговая ст. 46, фактически запрещающая «любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности и политического единства суверенных и независимых государств».

Право на самоопределение коренных народов может быть реализовано в виде территориальной автономии или самоорганизации самоуправления – в зависимости от их численности, особенностей расселения и других обстоятельств. Первая модель рассматривается как территориальная форма самоопределения, вторая – как экстерриториальная. Самоопределение коренных народов предполагает участие в процессе управления, в том числе с возможностью предоставления специально оговоренных прав. В Российской Федерации, наряду с традиционными формами самоопределения коренных малочисленных народов (территориальная и национально-культурная автономии) действует и т.н. «общинная форма», предполагающая самоорганизацию на основе сложившихся обычаев и традиций, обусловленных дисперсным расселением таких народов, кочевым образом жизни и другими особенностями. Самоорганизация призвана обеспечить коренным народам свое самобытное развитие в соответствии с основополагающими законами государства и нормами международного права при сохранении стабильности и территориальной целостности государства.

Для обеспечения нормальной жизнедеятельности коренных народов необходимо сохранение биологического разнообразия популяций растений и животных, создание условий для осуществления различных видов природопользования, поддержание исторически сложившихся социальных и культурных связей, а также объектов историко-культурного наследия. Естественно, формы самоорганизации коренных народов обусловлены рамками законодательства, сложившимися формами взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления. Все это призвано

обеспечивать существование коренных народов в качестве самобытных, поддерживающих складывавшиеся веками традиции этносов[343].

Как отмечалось в Комментариях Центра правовых ресурсов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, положения Декларации ООН о правах коренных народов обладают большой моральной силой и должны восприниматься в качестве набора минимальных стандартов для обеспечения выживания, уважения достоинства и благополучия коренных народов мира, некоего эталона, к достижению которого необходимо стремиться[344].

Об участии индивидов в реализации права на самоопределение. Вопрос о том, обладают ли индивиды международно-правовой правосубъектностью остаются дискуссионными на протяжении значительного времени. В советской правовой доктрине представители отечественной науки международного права отказывались признавать правосубъектность индивида[345]. В 2001 г. Международный Суд ООН в одном из своих решений определил, что международный договор «создает индивидуальные права» и установил их нарушение в конкретном деле[346]. «Если государство обладает таким свойством государственного суверенитета, как территориальное верховенство, то почему одним из проявлений этого свойства не может быть право регламентировать отношения «подвластных» лиц не только единолично, но и совместно с другими государствами, с согласия каждого из участвующих в процессе регламентации

---

[343] Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус национальных меньшинств. Международно-правовой анализ. М., 1997. С.33; Андриченко Л.В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. М., 2005. С.78; Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010. С.52.

[344] См. ООН Декларация о правах коренных народов. Изд. Центра правовых ресурсов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Ред. Тодышев М., Раменская Е. 2007. С. 28-30.

[345] Черниченко С.В. Допуск индивидов в международные суды и международная правосубъектность // Советский ежегодник международного права. 1968. М., 1969. С.270.

[346] См. LaGrand’s Case (Germany v. USA). Judgement. June 27, 2001. Текст решения Суда опубликован в I.C.J. Report. 2001.

государств»[347], - справедливо задается вопросом один из исследователей проблемы правосубъектности индивидов в международном праве Я.С.Кожеуров.

Принятием в 1966 г. Первого Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах был установлен механизм подачи индивидуальных жалоб на нарушения права, рассматриваемые в Пакте (ст.1).

Индивидуальные жалобы подаются в письменном виде в Комитет по правам человека в Женеве. Комитет по правам человека, получив жалобу, удовлетворяющую формальным требованиям, обращается к соответствующему государству с просьбой представить заключение в течение шести месяцев. Кроме того, в ходе расследования она может запрашивать разъяснения, доказательства или повторные замечания обеих сторон в отношении полученных материалов.

К 2006 году Комитет принял более десятка заявлений по индивидуальным жалобам в связи с предполагаемым нарушением статьи 1[348].

В большинстве случаев утверждалось одновременное нарушение статьи 27 о правах членов меньшинства, что отражает сложность объективного и бросающегося в глаза концептуального разделения меньшинства и народа. Жалобы, касающиеся статьи 1, затрагивали как правило вопросы самобытности или источников средств к существованию конкретной группы. Часто жалобы на нарушение статьи 1 касались одновременно статьи 14 о равенстве перед судами, статьи 26 о равенстве перед законом и/или статьи 25 о праве на участие в политической жизни. В этих случаях заявители сравнивали факты дискриминации по признаку принадлежности к конкретной, обычно определяемой по этническому признаку категории, с предполагаемым нарушением права на самоопределение.

---

[347] Кожеуров Я.С. «О международной правосубъектности индивида». Lex Russica. М., 2004. С. 491.

[348] См. UN Doc. CCPR/C/22/D/78/1980; CCPR/C/34/D/164/1984; CCPR/C/38/D/167/1984; CCPR/C/33/D/197/1985; CCPR/C/39/D/318/1988; CCPR/C/43/D/358/1989; CCPR/C/ 40/D/413/1990; CCPR/C/70/D/547/1993; CCPR/C/69/D/760/1997; CCPR/C/83/D/ 1134/2002; CCPR/C/78/D/1169/2003; CCPR/C/80/D/1239/2004. Следующие индивидуальные жалобы имеют отношение к праву на самоопределение: CCPR/C/43/D/205/1986; CCPR/C/58/D/671/1995; CCPR/C/75/ D932/2000.

Самая первая индивидуальная жалоба, касающаяся права на самоопределение, была подана в Комитет по правам человека в 1980 году[349]. Великий вождь («Великий капитан») племени Микмак заявил от имени народа, что они претендуют на земли, которыми они владели и управляли по договору с Великобританией в 1752 году. Жалоба была направлена против Канады, которая осуществляла контроль над оспариваемыми землями. Канадское правительство отказало народу племени Микмак в праве на самоопределение. Канадское правительство лишило Микмаков средств к существованию и приняло законы, которые затрагивают семейную жизнь Микмаков и воспитание их детей. Цель жалобы заключалась в признании традиционного правительства племени Микмак в качестве государства. По мнению вождя, Микмаки являются народом, а не меньшинством[350]. Канада оспорила приемлемость жалобы, поскольку статья 1 не может затрагивать территориальную целостность государства. Кроме того, вождь не может утверждать, что его собственное право было нарушено, поскольку право на самоопределение в соответствии со статьей 1(1) Гражданского пакта является коллективным правом и что он не имеет полномочий действовать от имени микмаков. Средство правовой защиты, о котором идет речь в жалобе, а именно признание государственности, выходит за рамки полномочий комитета. Правовые отношения между Великобританией, племенем Микмак и Канадой не имеют значения, поскольку жалоба на самоопределение является неприемлемой. Вождь отверг утверждение Канады о том, что право на самоопределение является лишь коллективным правом. В качестве доказательства того, что право на самоопределение принадлежит не только коллективам, но и отдельным лицам, он привел исследование Организации Объединенных Наций по вопросу о праве на самоопределение 1980 года, подготовленное Эктором Гросом Эспиелл в качестве Специального докладчика Подкомитета по предупреждению дискриминации и защите меньшинств[351].

---

[349] См. CCPR/C/22/D/78/1980

[350] См. UN Doc. CCPR/C/33/D/78/1980, § 1–§ 3.

[351] Héctor Gros-Espiell, The Right to Self-Determination. Implementation of United Nations Resolutions (New York 1980). UN Doc. E/CN.4/Sub.2/405/Rev.1.

В конце июля 1984 года Комитет постановил, что жалоба является неприемлемой, поскольку, во-первых, вождь не смог доказать, что он выступал от имени Микмака в качестве законного представителя, и, во-вторых, он не представил никаких доказательств того, что: он лично является жертвой нарушения одного из прав, содержащихся в Пакте. Комитет даже не прокомментировал вопрос о нарушении права на самоопределение.

В 1986 году представители племени Микмак повторно обратились в Комитет. Основной причиной обиды микмакцев стало то, что они не были приглашены на конституционную конференцию коренных жителей, созванную Канадой. Три делегата Великого совета племени Микмак подали жалобу на Канаду как в качестве лично пострадавших жертв, так и в качестве уполномоченных попечителей народа Микмак. Микмаки настаивали на том, что им было отказано в самоопределении. Они утверждали, что их страну «Микмакик» следует рассматривать как независимую территорию по смыслу Устава ООН. Согласно их правовой позиции, канадское правительство следует рассматривать в качестве классической колониальной державы, а Микмак должен иметь право на государственность так же, как и бывшие колонии. Комитет объявил жалобу приемлемой, в части статьи 25 и, неприемлемой в отношении статьи 1, даже несмотря на то, что на нарушение статьи 1 вообще не ссылались. Комитет указал, что ни одна заинтересованная группа, будь то небольшая или крупная, не имеет безусловное право определять формы участия в государственных делах. Эти вопросы определяются правовой и конституционной системой государства.

В качестве этого отдельного примера была предпринята попытка продемонстрировать внедрение права на самоопределение в число совокупных прав человека. Касательно субъективного права на самоопределение, естественно, никакой речи идти не может. Индивидуальные жалобы, касающиеся права на самоопределение могут служить лишь средством давления на правительства и рассматриваться в качестве юридически закрепленного морального требования, которые в сочетании с другими предъявляемыми нарушениями позволят властям

пойти на уступки, при условии не нарушения территориальной целостности государства.

С другой стороны, если Комитет по правам человека включает право на самоопределение в свои дискуссии по индивидуальным жалобам, то рассматривать их можно только во внутреннем аспекте. Разумеется, осуществление внутреннего самоопределения как с точки зрения политического участия, так и с точки зрения автономии зачастую может означать существенное улучшение условий жизни конкретной группы (или народа).

Как следует из настоящего параграфа, вопрос о самоопределении субъектов соответствующего права не имеет однозначной трактовки в международном праве и остается дискуссионным, как в доктрине, так и на уровне межгосударственного общения. Ряд проблем связаны с тем, что международное право не дает четкого определения основных акторов этого процесса, что вызывает неоднозначность при трактовке возникающих вопросов.

Можно, думается, утверждать, что именно народ является системообразующим понятием применительно к принципу самоопределения, причем это понятие может охватывать как все население страны, так и его часть – наиболее активную, осознающую свою идентичность и готовую к ее отстаиванию. С одной стороны, народ (в узком смысле) представляет собой пространственную, сопряженную с определенным социально-экономическим и языково-культурным и духовным образом жизни, совокупность индивидов. В широком же смысле – народ, обретающий политическую субъектность, существенно раздвигает рамки гражданского общества и становится нацией.

Тем не менее за исключением отдельных примеров (Косово, Бангладеш, Южный Судан, Эритрея) практика показывает, что международное сообщество сводит право на самоопределение исключительно к его внутреннему аспекту. Это является продолжением тенденции, которая уже давно наблюдается в международном праве. Именно в этом внутреннем аспекте, как представляется, и заключается нынешний смысл права на самоопределение. Однако из этого нельзя сделать вывод о том, что право на самоопределение не имеет смысла. Скорее, право

на самоопределение охватывает два аспекта: один внешний, а другой внутренний. Только внешнее изменение территориального статуса имеет отношение к территориальной целостности. С другой стороны, внутренний аспект связан с конституцией и правовой системой государства. Как показывает практика государств, этот компонент имеет первостепенное значение. Она дает народам право жить в политической системе, соответствующей их воле.

ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОННЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

§2.1. Федерализм - базовая модель реализации права народов на самоопределение

Представляется обоснованной и логичной мысль о внутренней и внешней сторонах права на самоопределение, высказанная еще в 60-х годах XX века и повторяемая многими современными авторами[352]. И если политическое содержание внутренней стороны принципа получает достаточно четкое правовое оформление в конституциях государств и в других, издаваемых на ее основе законодательных актах, то содержание внешней – отражается в важнейших международно-правовых документах. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах (общая ст. 1) устанавливают: *«Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие»*. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (1970 г.), конкретизирует способы осуществления данного права, включая: (а) создание суверенного и независимого государства; (б) свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним; (в) установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом. Юридическая конструкция «любого другого политического статуса» образует нормативное основание для квалификации федеративных отношений как легитимной формы реализации самоопределения во внутригосударственной сфере.

Как справедливо отмечает один из ведущих теоретиков федерализма Д.Элейзер, федеративная модель представляет собой «комбинацию

---

[352] См. Старушенко Г.Б. Нация и государство в освобождающихся странах. М., 1967.

самоуправления и совместного правления», что позволяет объединять различные сообщества для достижения общих целей без утраты ими собственной идентичности. В фундаментальном труде «Exploring Federalism» Д.Элейзер подчеркивает «ковенантную» природу федерализма, основанную на договоре и согласии, что делает его идеальной матрицей для реализации устремлений народов в рамках единой государственности[353]. Р.Уоттс рассматривает федерализм как нормативный принцип, основанный на сохранении как союза, так и децентрализации для аккомодации различных идентичностей в рамках более крупного политического союза[354]. А.Степан, указывает на то, что федерации могут возникать не только «снизу» (как США), но и «сверху» — через деволюцию в бывших унитарных государствах (пример Бельгии)[355]. Однако ключевым для его аргументации является тезис М. Берджесса: новые федеративные модели часто не основаны на классических ценностях федерализма (компромисс, сотрудничество, добровольность). Напротив, сам федерализм используется как внешняя рамка для насаждения этих ценностей в постконфликтных обществах[356].

В академической дискурсе федерализм рассматривается порой не как статичная архитектура, а как динамический процесс, который может идти как в сторону федерализации, так и в сторону де-федерализации. Это подтверждает тезис о том, что использование федерализма для реализации внутреннего самоопределения, управления конфликтами и признания этнического разнообразия остается в центре научной полемики[357]. В докладе «О поощрении демократического и равноправного международного порядка» (2018) содержится ключевая квалификация: *«Осуществление самоопределения в форме автономии, федерализма, сецессии или объединения с другим государством*

---

[353] Daniel Elazar: Exploring Federalism, The University of Alabama Press: Tuscaloosa 1987. P.27

[354] Ronald Watts*, Comparing Federal Systems*, 2nd edition, Queen's University Press: Montreal and Kingston 1999, p. 6.

[355] Alfred Stepan: 'Federalism and Democracy – Beyond the US Model' in*: Journal of Democracy*, Vol. 10, No. 4, 1999, 19-34.

[356] Michael Burgess*: In Search of the Federal Spirit – New Theoretical and Empirical Perspectives in Comparative Federalism*, Oxford University Press: Oxford and New York 2012.

[357] Eman Farooq. Federalism for Ethnic Harmony. Policy Perspectives. 2025. Vol. 22(2). DOI: 10.13169/polipers.22.2.ra4

является правом человека». Данная формулировка имеет принципиальное доктринальное значение:

- федерализм прямо поименован в числе легитимных форм реализации самоопределения;
- осуществление самоопределения квалифицируется как выражение демократии;
- своевременный диалог для реализации самоопределения признаётся эффективной мерой предотвращения конфликтов.

Эксперт ООН подчёркивает: *«Принцип территориальной целостности имеет внешнее применение — государство А не может вторгаться или посягать на территориальную целостность государства Б. Этот принцип не может использоваться внутри государства для отрицания или выхолащивания права народов на самоопределение, которое является нормой jus cogens»*[358].

Данные правовые позиции легитимируют федеративное устройство как форму внутреннего самоопределения, не подрывающую территориальную целостность государства в её международно-правовом измерении.

В доктрине международного права Э.Маквинни последовательно обосновывает тезис, согласно которому федерализм и конституционный плюрализм представляют собой альтернативную федеративную опцию для полиэтнических государств. Данная опция противопоставляется как унитарному централизму, так и сецессии, выступая срединным путём институционализации этнокультурного многообразия в рамках единой государственности.

Центральное положение доктрины Э.Маквинни формулируется им как «альтернативная, федеративная опция» для полиэтнических государств. Эта опция противопоставляется:

1. классической модели национального государства (nation-state), предполагающей этническую гомогенность;
2. унитарному централизму, подавляющему этнокультурное разнообразие;

---

[358]См. Доклад Независимого эксперта ООН (A/HRC/37/63). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://right-docs.uwazi.io/entity/bsrd5a5ast?file=1610441732293flxhbab2pk8.pdf&page=6 (дата обращения: 22.07.2025)

3. сецессии как крайней форме реализации самоопределения.

Э.Маквинни исходит из презумпции, что большинство современных конфликтов самоопределения возникают не в силу «внутренних проблем соответствующего государства, сколько из-за прошлых гегемонистских действий внешних государств в преследовании собственных геополитических интересов в регионе». Кульминацией правовой аргументации выступает глава, посвященная «федерализму и конституционному плюрализму как опциям самоопределения для полиэтнических государств». Здесь Э.Маквинни вводит свое нормативное предложение — «альтернативную, федеративную опцию» (the alternative, federal option). С юридической точки зрения это означает, что право на самоопределение не исчерпывается дилеммой «независимость либо присоединение к другому государству». Федерализм признается самостоятельной, юридически равноценной формой реализации самоопределения, которая институционализирует этническое многообразие без разрушения государственного единства. В этой связи Э.Маквинни разворачивает сравнительно-правовой анализ «различных ликов федерализма». Он выделяет классический англо-саксонский федерализм с его договорной теорией «двух наций» (Deux Nations Theory), фиксирует внутренние противоречия формально-юридического равенства субъектов при фактической асимметрии и, что особенно важно, обосновывает необходимость «нового мышления в федерализме». Это «новое мышление» воплощается в «новых плюрально-конституционных опциях» — правовых конструкциях, адаптированных к постколониальным и постконфликтным обществам: асимметричные автономии, переходные федеративные arrangements, экстерриториальная культурная автономия.

Методология федеративного строительства, по Э.Маквинни, не терпит универсальных шаблонов. Автор вводит понятие «прагматических приспособлений» и характеризует исторический опыт развития федераций как «метод проб и ошибок». Это принципиальная антитеза догматическому нормативизму: федерализм предстает не как застывшая конструкция, а как

непрерывный процесс поиска институционального равновесия[359].

О.Г.Морозова отмечает, что в практике применения норм международного права принцип территориальной целостности почти всегда доминировал над принципом самоопределения как отделения. Она ссылается на польских исследователей В.Чаплинского и А.Вырозумску, которые констатируют: «Право на самоопределение не может принадлежать национальным меньшинствам и не обосновывает право на сецессию. В практике принцип самоопределения был подчинен принципу территориальной целостности». В качестве вариативных форм реализации права народов на самоопределение Морозова указывает три модели: создание народом собственного государства; свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним; установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом. Федерализм, таким образом, вписывается в третью модель как одна из форм «другого политического статуса[360].

С.И.Коданева на примере британского регионализма раскрывает особенности федерализма. Интегрированная в состав Великобритании в начале XVIII века Шотландия сохраняет немало элементов своей внутренней самостоятельности: обособленную правовую систему, широкое местное самоуправление, собственную денежную систему и пресвитерианскую церковь[361]. После обнаружения богатых запасов нефти и газа на морском шельфе возникла экономическая мотивация. По итогам состоявшегося в 1997 г. референдума был создан региональный парламент, уполномоченный принимать местные законы (не противоречащие британскому законодательству), устанавливать налоги, осуществлять контроль за развитием сельского хозяйства, образования,

---

[359] *McWhinney E.* «Self-determination of peoples and plural-ethnic states in contemporary international law: failed states, nation-building and the alternative, federal option». Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2007. P.29

[360] Морозова О.Г. Конституционное и международное право Российской Федерации в трактовке принципа «Права наций на самоопределение» // Теория и практика общественного развития. 2014. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-i-mezhdunarodnoe-pravo-rossiyskoy-federatsii-v-traktovke-printsipa-prava-natsiy-na-samoopredelenie (дата обращения: 04.03.2026).

[361] См. Коданева С.И. Британский регионализм (конституционная реформа). М., 204. С.18.

здравоохранения и культуры, осуществлять природоохранные мероприятия[362]. В сложившейся ситуации стратегической геополитической целью Шотландии является «достижение суверенитета и нейтралитета, что становится возможным, благодаря небольшой численности населения, удаленности от европейского Хартленда и наличия ресурсов для построения социально ориентированного государства»[363].

Создание в Шотландии и Уэльсе, воссоздание в Северной Ирландии представительных органов, как отмечалось в литературе, «нарушили унитарность Великобритании». Начали говорить о «Соединенном Королевстве Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии», а не о «Великобритании и Северной Ирландии», как было раньше. По итогам проведенного в 1999 г. опроса общественного мнения, «около половины респондентов усматривали в создании парламента Шотландии, ассамблей Уэльса и Северной Ирландии начало конца Соединенного Королевства»[364]. Выход Великобритании из Европейского Союза, как представляется, существенно повысил шансы на обретение полной самостоятельности Шотландией, изначально резко выступавшей против «брекзита», за сохранение присутствия страны в объединенной Европе.

Вместе с тем возрастает вероятность того, что с одной стороны, неизбежная заинтересованность регионов в сохранении прежних экономических связей, а с другой – обогащение практическим опытом деволюции, станут теми факторами, которые будут содействовать более осторожному подходу к требованию независимости[365].

С достаточно высокой степенью вероятности можно предполагать, что сепаратистские комплексы будут в дальнейшем развиваться по пути отнесения к полномочиям центральной власти только тех функций, которые не могут быть

---

[362] См. Остапенко Г.С. Новейшая история Великобритании – XX – начало XXI века. М., 2012. С. 364-365.

[363] Васильев В.А. Движение за независимость Шотландии. Ретроспективный анализ и современное состояние. // «Свободная мысль». 2014. №5. С. 1477

[364] См. Громыко Ал.А. Модернизация парламентской системы Великобритании. М., 2007. С. 166.

[365] См. Осколков П.В. Очаги сепаратизма в Европе: ожидать ли новых сецессий? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. №1. С.21.

выполнены на местном уровне (принцип субсидиарности) и расширения и углубления деволюции. Немецкая область Бавария, например, обладает масштабным самоуправлением, вплоть до осуществления международных связей, в полной мере отвечающим интересам ее жителей. Предоставление федеративного устройства Бельгии в 1980 году позволило основным частям страны – Валонии и Фландрии вести во многом самостоятельное существование. Федеративный опыт Канады дает ей возможность предотвратить утрату франкоязычного Квебека. Поддержание условий для сохранения собственной идентичности, равно как и разнообразие методов организации своего политического пространства – ответ государств и их регионов на нередко подталкивающие к сепаратизму вызовы глобализации.

Во многом утратив практическую значимость, представляют тем не менее исторический интерес такие объединения как уния и конфедерация. Уния предполагает союз государств под властью одного монарха (личная уния) или на основе договора одного государства с другим, как правило, более сильным в политико-экономическом отношении (реальная уния). Исландия, например, в течение веков находилась под властью королевской Дании; в 1918 г. была заключена датско-исландская уния, а по референдуму 1944 г. расторгнута; самоопределившийся народ Исландии провозгласил свою страну республикой.

Конфедерация выступает формой государственного устройства, при которой объединяющиеся государства практически полностью сохраняя свою независимость, имеют собственные органы государственной власти и управления, но для координации действий в определенных областях (проведение внешней политики, оборона и некоторые другие сферы, требующие объединения усилий) создают соответствующие совместные органы. Как показывает практика, конфедерации недолговечны и перерастают со временем в федерации или вновь становятся самостоятельными суверенными государствами. Так, лишь с февраля 1958 г. по сентябрь 1961 г. просуществовала конфедерация Египта и Сирии – Объединенная Арабская Республика.

Иногда в научной и учебной литературе к конфедерации относят

Швейцарию[366]. Однако на сегодня от конфедерации в этом государстве осталось только название. В результате развернувшейся в 30-40-х гг. XIX века борьбы между федерально-клерикальными и буржуазными силами, завершившейся победой последних, на месте непрочного союза кантонов образовалось единое государство со всеми признаками федерации. Каждый из кантонов сохранил свои конституции, парламент и правительство. Однако законодательной властью обладает единый двухпалатный парламент – Федеральное собрание, состоящее из Национального совета и Совета кантонов, причем в законодательном процессе обе палаты равноправны. Формально в качестве главы государства выступает президент хотя, де-факто он не является полноценным руководителем страны, поскольку соответствующие функции выполняют коллективно все члены Федерального совета. Однако голос Президента рассматривается в качестве решающего при обсуждении текущих дел в Федеральном совете. Как первый среди равных, он не имеет полномочий руководить другими членами Совета и продолжает возглавлять свой департамент. Традиционно должность ротируется между членами Совета. Этно-языковая специфика обеспечивается признанием государственными трех языков: немецкого, французского и итальянского. Небольшой части швейцарцев обеспечивается возможность пользоваться родным (ретороманским языком).

Характерно, что вскоре после принятия Конституции СССР 1977 года на Западе появилось немало работ, в которых искажалась природа Советской федерации, фальсифицировались соответствующие положения (К. фон Бойм, Р.Майснер и др.). Получили хождение рассуждения о том, что провозглашенное в Конституции (вслед за Конституциями 1924 и 1936 годов) право свободного выхода из федерации играет якобы «чисто декларативную роль», поскольку ни разу не применялось на практике и оставлено в новом тексте Основного Закона, дескать, потому, что «его исключение поставило бы под сомнение добровольность характера Советского Союза».

---

[366] См. например: Международное публичное право. Учебник. Отв. ред. К.А.Бекяшев. 5-изд. М., 2008. С.189.

Раздавались голоса о наличии «федералистской тенденции», о возможном ограничении прерогатив союзной власти. Однако доминирующей тенденцией, оставались утверждения о том, что и новая Конституция выдержана, мол, в «центристском духе», более того, в ней усилены тенденции к «унитарному» государству. Даже столь авторитетный в мире ученый, как упоминавшаяся выше член Французской Академии наук Э.Каррер д'Анкос высказывалась в том духе, что СССР – это «конгломерат наций» «Советское государство не способно выйти из национального тупика» и т.п.[367]. По мнению А.Бьюкенена, хотя Конституция СССР и включила право на отделение, в ней не было никаких пунктов, определяющих по каким причинам и при каких условиях оно может быть осуществлено. Это связывалось с тем, что «советские лидеры не собирались позволить кому-нибудь им воспользоваться»[368]. Подобные суждения свидетельствовали о неспособности и, главное, о явном нежелании разобраться в существе взаимоотношений наций при социализме, в диалектике сочетания интересов единого советского народа как исторически новой общности с интересами образующих его социальных групп и всех наций и этносов. В этой связи нельзя не упомянуть о Федеральном законе США Public Law 86-90, известный как «Закон о порабощенных нациях»[369], который был принят Конгрессом и подписан президентом Д.Эйзенхауэром 17 июля 1959 года и сохраняет юридическую силу по настоящее время, что подтверждается ежегодными президентскими прокламациями. По своей правовой форме данный акт является совместной резолюцией Сената и Палаты представителей, которая устанавливает длящееся нормативное обязательство главы государства. Юридическое содержание закона составляют два основных элемента: во-первых, учредительная норма, уполномочивающая и предписывающая Президенту США ежегодно издавать прокламацию, объявляющую третью неделю июля «Неделей

---

[367] См. Carrere d'Encausse H. La Constitution de 1977: continunite et changement. «Problemes politiques et sociaux». 1977. December 23. № 326. P.26

[368] См. Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М., 2001. С.167.

[369] Закон США «Captive Nations Week». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.congress.gov/86/statute/STATUTE-73/STATUTE-73-Pg212.pdf (дата обращения: 27.01.2026)

порабощенных наций»; во-вторых, императивное предписание о бессрочном характере данного обязательства — «пока не будет достигнута свобода и независимость для всех порабощенных наций мира». Преамбула закона содержит нормативную квалификацию, согласно которой «империалистическая политика коммунистической России путем прямой и косвенной агрессии привела к порабощению и лишению национальной независимости» поименованного перечня государств и территориальных образований. Принципиальное юридическое значение имеет отсутствие в перечне русского народа, что в международно-правовой доктрине интерпретируется как имплицитное возложение ответственности за коммунистический режим на русских как этнос и, соответственно, квалификация России не как жертвы, а как субъекта порабощения. В правоприменительной практике действие закона претерпело эволюцию: в 2008 году президент Дж.Буш-младший расширил перечень, включив Кубу, Иран, Судан, Сирию, Зимбабве и Мьянму; впоследствии президенты Б.Обама и Д.Байден, сохраняя институт ежегодной прокламации, отошли от поименного перечисления «порабощенных наций». Международно-правовая проблематика данного закона заключается в том, что он создает нормативную основу для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, что противоречит принципу невмешательства, закрепленному в Уставе ООН, и игнорирует принцип территориальной целостности государств, включая международно-признанные границы Российской Федерации как государства-продолжателя СССР. Многочисленные попытки отмены закона, предпринимавшиеся в том числе Конгрессом русских американцев, не привели к его денонсации, что свидетельствует о сохранении его нормативной силы и политико-правовой актуальности для правовой системы США.

Право выхода из федерации его составных частей было зафиксировано (помимо СССР) в Конституциях СФРЮ и Эфиопии. Особый интерес представляет то обстоятельство, что сецессия не исключается и в конституциях некоторых унитарных государств. Так, Конституция Узбекистана 1992 г. (ст. 74) допускает при определенных условиях выход автономной Каракалпакии из состава

Узбекистана, но при соблюдении ряда требований и только с утверждения общегосударственного парламента.

Практика национально-государственного строительства в СССР дала большое многообразие форм самоопределения. Не только союзным, но и автономным республикам были предоставлены широкие прерогативы в осуществлении многих государственных функций. Необходимыми полномочиями для выражения интересов относительно небольших по численности наций и народностей наделялись образуемые или автономные области и округа. Некоторые автономные единицы возникали как форма преимущественно двух (Кабардино-Балкарская АССР, Чечено-Ингушская АССР) или многих наций и народностей (Дагестанская АССР, Чукотский, Корякский и другие национальные округа). Несомненный интерес представляет интерпретация советского типа федерации академиком О.Е.Кутафиным, видевшего в нем «нетрадиционную для мировой практики федерацию, при которой Россия фактически оставалась унитарным государством, но юридически признавалась федеративным, хотя и не союзным государством»[370].

Современная Россия с точки зрения ее государственного устройства является «смешанной» федерацией, когда одна часть субъектов представляет собой республики (государства, не обладающие суверенитетом); другая – учитывающие этническую специфику автономные образования (автономная область и автономные округа); третья – административно-территориальные коллективы (края и области, города федерального значения), формируемые на основе особенностей исторического характера, развития экономики, культуры и быта. Российская Федерация после развала СССР пережила трудный период, когда отдельные республики нередко выходили за рамки своих полномочий, вторгались в компетенцию федерального центра, в том числе и в такой чувствительной сфере, как международные и внешнеэкономические связи, провозглашали свое право определять и осуществлять «внешнюю политику республик», принимать решения по вопросам войны и мира, установления безъядерного статуса той или иной

[370] Кутафин О.Е. Российская автономия: монография. М., 2006. С.3.

территории и т.п. Имели место случаи отхода от принципиальных основ политики России во взаимоотношениях с ООН и ее специализированными учреждениями, нарушения общепринятой протокольной практики, порядка заключения соглашений с зарубежными партнерами. Как остроумно было замечено на одном из заседаний Консультативного совета при МИД РФ, «скоро каждая Ивантеевка будет вынуждена обзавестись собственным Министерством иностранных дел»[371]. И все это при том, что субъекты Российской Федерации не обладают международной правосубъектностью. Реагируя на наличие в некоторых республиках упоминаний о принадлежности им суверенитета, Конституционный Суд установил, что «в силу Конституции Российской Федерации республики как субъекты Российской Федерации не имеют статуса суверенного государства и наделить себя соответствующими свойствами не могут…»[372].

Определенную четкость в решение вопросов, связанных с внешнеполитической деятельностью РФ и международными связями его субъектов внес Федеральный Закон от 4 января 1999 г. «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», согласно которому субъекты обладают в пределах своих полномочий правом на осуществление «международных и внешнеэкономических связей с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств»[373]. Связи же с органами власти более высокого уровня могут осуществляться лишь с согласия Правительства РФ (п.1, ст.1); заключаемые субъектами соглашения не могут противоречить внутреннему праву РФ и «независимо от формы, наименования и содержания не являются международными договорами» (ст.7), а федеральные органы государственной власти не несут ответственности по соглашениям

---

[371] См. Кузьмин Э.Л. Российский центр, регионы и внешний мир. // Международная жизнь. 1998. № 11-12. С. 57-58.

[372] Определение Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2001 г. «Российская газета». 2002. 30 января.

[373] СЗ РФ. 1999. №2. Ст. 231

субъектов Федерации (ст.8). Споры о компетенции между органами власти Федерации и субъектов разрешаются Конституционным Судом РФ.

Известный американский политолог А.Лейпхарт в рамках «консоциональной теории» (от «консенсус» - получающей общую поддержку политической линии ряда групп, имеющих отличные друг от друга воззрения или обладающих различными этническими корнями) ратует за «систему справедливой аккомодации и компромисса» тех или иных групп населения, участвующих в управлении на долевой основе, путем наделения «этнических» территорий автономным статусом в рамках федерализма[374].

В фундаментальном исследовании, посвященном проблемам демократии в современном мире, ученый акцентирует внимание на значимости взаимодействия лидеров различных сегментов общества, сотрудничестве элит в рамках «со-общественной демократии»[375], дающем возможность поддерживать стабильное демократическое правление в условиях «многосоставного общества», уравновешивать нередко присущие ему центробежные тенденции, в том числе проистекающие из «этнической неоднородности» и «общинной принадлежности». Опираясь на теоретические исследования Г.Алмонда, Дж.Фернивалла, Л.Пая, С.Хантингтона, Л.Биндера и других видных политологов и социологов, материалы состоявшейся в 1970 г. конференции ЮНЕСКО по проблемам создания нации, А.Лейпхарт вслед за Э.Шилзом приходит к выводу, что в реально существующей схеме «центр-периферия» система ценностей центра не обязательно носит «всеохватывающий и абсолютно консенсусный характер». Однако обязательным должно быть наличие «чувства единства, основанного на общем отношении к системе ценностей», которое объединяло бы различные сегменты, а не просто представления о совпадении интересов.

«Со-общественная демократия», по мнению А.Лейпхарта, дает возможность избежать разобщенности и насилия, способствовать вместе с тем

---

[374] См. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997.

[375] В русском переводе наряду с термином консоциальная (от англ. «consociation») применительно к демократии используется иногда и слово «со-общественная».

общенациональному сплочению и достаточно высокой степени политического единства[376]. В рамках этой не лишенной оригинальности концепции демократии исходит не из «воли большинства» (как принято в традиционном понимании демократической формы власти), а из «распределения власти», которая осуществляется на основе пропорционального представительства сегментов (групп) в некой «большой коалиции», причем каждый сегмент должен обладать автономией в решении внутренних вопросов и правом вето на принимаемые «коалицией» решения[377]. Федерализм рассматривается, соответственно, как оптимальный способ встроить в политическую систему территориально обособленные сегменты общества[378]. Д.Горовиц видит в федерализме возможность подходить к решению региональных проблем с учетом особенностей соответствующей этнической группы[379]. Выход же из состава государства и создание нового государственного образования отнюдь не становится оптимальным решением этнических проблем: зачастую, обращая прежнее этническое меньшинство в большинство, оно лишь создает новое меньшинство, усугубляя проблему[380].

В федерации ее субъекты нередко обладают значительной самостоятельностью во внутренних делах, а внешние сношения сосредоточены в руках центральной власти. «Федеративное государство составляет только одно лицо перед международным правом» - гласит, к примеру, ст. 2 Межамериканской конвенции о правах и обязанностях государств 1933 г. Субъекты нескольких федераций (ФРГ, Швейцария, в определенной степени – США и Канада) обладают правом заключать международные соглашения по ограниченному кругу вопросов (пограничные, культурные, полицейские, экономические связи) под контролем

---

[376] См. А.Лейпхарт. Многосоставные общества и демократические режимы. Электронная библиотека. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Leiphart_1992-_1.pdf. Дата обращения: 22.05.2021.
[377] См. Lijphart A. Consociational Democracy. // World Politics. 1969. Vol. 21. №2.
[378] См. Lijphart A. Consociation and Federation: Conceptual and Empirical Links // Canadian Journal of Political Science. 1979. №3.
[379] См. Horowitz D.A. Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. Los Angeles. 1985. P. 214.
[380] См. Горовиц Д. Разрушенные основания права сецессии. // Власть. 2013. №11. С. 181-191.

федеративного правительства. Субъекты (республики) СССР и СФРЮ были по конституциям этих стран суверенны и могли реально претендовать на международную правосубъектность, а Украинская и Белорусская союзные республики входили даже в ООН.

В 60-е годы прошлого века Комиссия международного права ООН выработала правило, согласно которому государства-члены федеративного союза могут обладать правоспособностью заключать международные договоры, «если такая правоспособность допускается федеральной конституцией и в пределах, ею установленных». Но и в этой, ограниченной форме, правило не было принято Венской конференцией по праву международных договоров 1968-1969 гг. И все же, по убеждению И.И.Лукашука, в полной мере разделяемому диссертантом, приведенное выше положение Комиссии остается достаточно авторитетным правилом по рассматриваемому вопросу. Вместе с тем И.И.Лукашук обращал внимание на то, что федеральное законодательство может сделать невыполнимым соглашение ее субъекта. Оно может оказаться таковым и в случае противоречия международному праву обязательств федерации. Ученый исходил из того, что ни сами федерации, ни их иностранные партнеры не готовы на деле признать за членами федерации статус субъектов международного права даже в ограниченном виде[381].

При заключении многосторонних конвенций по правам человека, а также в некоторых торговых договорах, предусматривающих взаимное предоставление национального режима, США например, прибегают к «федеральной оговорке», в соответствии с которой федерация берет на себя лишь те обязательства, которые не относятся к компетенции штатов.

Ряд докладов Венецианской Комиссии был посвящен вопросам федерализма. В одном из них (CDL-MIN (1994) 001 rev2) утверждалось, что «федерализм, или подлинный регионализм, без сомнения, является системой, позволяющей меньшинствам приобретать определенную степень автономии внутри существующей структуры государства». В докладе 20-21 июня 1997 г. сделан

[381] См. Лукашук И.И. Цит. соч. С. 341.

вывод о том, что в большинстве федеративных государств отчетливо проявляется тенденция к децентрализации, при которой федеральная власть делегирует субъектам федерации все больше своих полномочий. Исходя из правового статуса субъектов федерации была дана классификация федеративных государств (ассиметричные и симметричные федерации); проанализировано распределение полномочий между федеральным центром и субъектами федерации (на договорной или законодательной основе); показано участие органов государственной власти субъектов федерации в деятельности федеральных структур. В докладе Венецианской комиссии «Федеративные и региональные субъекты и международные договоры» (10–11 декабря 1999 г.) рассмотрены вопросы разграничения полномочий между центром и регионами в сфере международно-правовой деятельности. Обобщив практику многих стран, эксперты пришли к убеждению, что в современных федеративных государствах происходит перераспределение соответствующих полномочий в пользу расширения участия субъектов федерации в международных отношениях.

На основе изложенного можно сделать, как представляется, и общий вывод в мире не существует единой модели федерализма, в каждой стране он обладает своими особенностями с учетом исторического и современного этапов развития. В этой связи не может быть и некоего унифицированного подхода к решению вопросов самоопределения народов субъектов федераций.

Немалый интерес представляет исследованный О.А.Руденко опыт канадского федерализма. В контексте рассматриваемой в настоящей диссертации проблемы особенно продуктивен анализ «кооперативного федерализма» (соединение усилий федерального правительства и правительств провинций), преобразующегося в дальнейшем в «конкурентный федерализм». Последний, по словам ученого, характеризуется «столкновением интересов правительств разных уровней и, как следствие, зарождением и развитием межправительственной дипломатии в Канаде, учреждением ряда межправительственных институтов», что

напрямую было связано с возросшей самостоятельностью Квебека[382]. По мнению А.А.Мелкумова, сильнейший отпечаток на характер канадской федерации наложил франко-английский дуализм, и попытка решить проблему этого дуализма стала одной из главных причин образования федерации[383].

Как считает А.Н.Мочалов, многонациональным федерациям присуще наличие в государстве «внутренних наций», для которых субъекты федерации выступают формой реализации их права на самоопределение и признания их государственно-политического статуса. Ученый отмечает несколько «национальных уровней» - «государственная нация», формой самоопределения которой является федерация в целом как суверенное государство, и одна или несколько «внутренних наций», самоопределение которых выражается в несуверенных государственных образованиях – субъектах федерации, образованных на исторических территориях проживания данных этнополитических общностей»[384].

Соглашаясь с таким подходом, В.В.Тищенко ратует за официальное признание «внутренних наций» и предоставление им определенных прав. Это может быть, считает он, «как формирование отдельного субъекта федерации с доминирующим процентом населения этой внутренней нации, так и предоставление определенных гарантий сохранения их культуры ее представителям (например, языка), а также наличие в государстве механизма участия «внутренней нации» на политической арене»[385].

Комиссия Бадинтера исходила из подразделения права на самоопределение на «внешнее» с правом на сецессию и создание независимого государства (им могут обладать составные части федеративного государства) и «внутреннее», заключающееся в гарантиях защиты права на национальную идентичность

---

[382] Руденко О.А. «Конкурентный федерализм»: Развитие канадского федерализма в 1970-е начале 1980-х годов. // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №14. С. 37-41.
[383] См. Мелкумов А.А. Канадский федерализм: теория и практика. М., 1998. С. 37-38.
[384] Мочалов А.Н. Многонациональные федерации и их конституционно-правовые признаки. // Российское право: образование, практика, наука. 2018. №4. С. 56-57.
[385] Тищенко В.В. Территориально-государственное устройство Канады: историко-правовой аспект. // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. 2019. Том. I. С. 45.

территориальной (политической) автономии, возможности использования родного языка при получении образования и в других сферах, формирования местных органов власти и участия в них.

Обращает на себя внимание, что в научной литературе последнего времени при рассмотрении проблем самоопределения акцент все в большей степени делается на поиске его рациональных форм именно во внутренних формах, создающих максимальные возможности обеспечения интересов того или иного этноса. Вскрывая нередко лицемерный и демагогический характер некоторых призывов к сецессии видный испанский юрист Р.Оррера писал: «Если сецессия станет узаконенной возможностью, националисты хорошенько задумаются, прежде чем призывать к ней. Другими словами, законодательное закрепление права на отделение окажет демобилизующее воздействие на их требования, являющееся в значительной степени риторическими, неискренними и шантажистскими[386].

Весьма убедительно рост форм («субъектности») самоопределения прослеживается в глубоком исследовании группы научных сотрудников ИМЭМО РАН, посвятившим его проблемам государственности в условиях глобализации. В заметно активизировавшихся в последние годы сепаратистских движениях они не видят непосредственной угрозы повсеместного развала национальных государств. Точно также маловероятно, что наметившееся центробежное движение среди государств Европейского Союза (протекционистские тенденции, защита национального суверенитета) приведет к их обособлению. Скорее всего оба упомянутых процесса являются свидетельством растущей среди западноевропейских стран дифференциации, выражающейся в росте многообразия субъектности»[387]. Их конкретные проявления и рассматриваются диссертантом в следующем параграфе.

---

[386] Хенкин С.М. Испания: испытание Каталонией / С.М. Хенкин // Перспективы : [веб-сайт] / Фонд исторической перспективы. - 2013. - 14 января. - URL: http://www.perspektivy.info/book/ispanija_ispytanije_katalonijej_2013-01-14.htm. Дата обращения: 10 сентября 2020 г.

[387] Государство в политической науке т социальной реальности XXI века. Отв. ред. И.С.Семененко. М., 2020. С.178.

Таким образом с позиций международного права федерализм выступает институциональным механизмом согласования принципа территориальной целостности государств и права народов на самоопределение. Он позволяет реализовать самоопределение во внутригосударственных формах (автономия, культурное самоуправление), не доводя дело до сецессии, которая в международном праве рассматривается как исключительная мера. Субъекты федерации, как правило, либо имеют ограниченный суверенитет, либо вовсе его лишены, что порождает дискуссию о пределах их участия в международных отношениях. Международное право сохраняет за центральным правительством ответственность за соблюдение международных обязательств на всей территории государства.

В доктрине прослеживается тенденция к переносу федеративных принципов на межгосударственный уровень. Федеративные идеи способствуют конституционализации международного права, ослабляя дихотомию между национальным и международным правопорядками. Федерализм может становиться не механизмом интеграции, а институционализированным разделением, завершающимся распадом государства и международно-правовым признанием новых субъектов. Успех федерализации зависит от добровольности согласия, а не от внешнего принуждения. Федерализм в международно-правовом измерении представляет собой динамический процесс поиска баланса между единством и многообразием, территориальной целостностью и реализацией права народов на самоопределение в его легитимных формах.

§2.2. Этно-региональная самостоятельность и автономия как формы реализации самоопределения народов

В современном международном праве сформировался устойчивый подход, согласно которому право народов на самоопределение реализуется преимущественно в формах, не связанных с отделением (сецессией). Международное сообщество отдает приоритет так называемому «внутреннему самоопределению» — легитимации прав народов в рамках существующей государственности[388]. Деколонизационная парадигма, закрепленная в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам (Резолюция ГА ООН 1514 (XV)), уступила место более дифференцированному пониманию форм самоопределения. Международно-правовая доктрина исходит из того, что внутреннее самоопределение представляет собой первичную и наиболее предпочтительную форму реализации права народов. Согласно выводам международных экспертных сообществ, принцип самоопределения не поощряет отделение от «материнского государства», но предполагает законодательное закрепление прав народов посредством создания конфедерации, федерации, автономии или иных форм самоуправления[389]. В Особом мнении судьи Д.Кречи по делу «Босния и Герцеговина против Югославии» подчеркивается, что исходная международно-правовая норма о самоопределении в многосоставных государствах является неполной и приобретает операционный характер лишь при условии, что внутреннее право государства определяет субъектов и процедуру внешнего самоопределения. В силу своей неполноты исходная норма о самоопределении народов в соответствующих частях оказывается неприменимой к отдельным практическим ситуациям и представляет собой своего рода декоративную, пустую нормативную конструкцию. Заинтересованные субъекты часто ссылаются на нее,

---

[388] The Military Balance 2015. By the International Institute for Strategic Studies. P. 5-6 // http://dx.doi.org/10.1080/ 04597222.2015.996334

[389] Более подробно об итогах обсуждения этой проблемы см.: Secession and International Law. Conflict Avoidance, Regional Appraisals / Edited by Julie Dahlitz. United Nations, New York and Geneva, 2003. ISBN 90-6704-142-4

однако она способна функционировать лишь вне правового поля, выступая удобным прикрытием для сугубо политической стратегии, основанной на целесообразности и соотношении сил[390].

Дискуссионным остается вопрос о субъектах права на самоопределение в его внутренних формах. Комиссия ООН по правам человека в резолюции 1983/4 однозначно квалифицировала политику «бантустанизации» как несовместимую с принципом самоопределения и подлинной независимостью, что указывает на недопустимость имитационных форм автономии. Доктрина фиксирует кардинальную смену парадигмы восприятия самоопределения на рубеже XX–XXI вв. — от политико-территориальных (деколонизация) к этническим факторам. При этом критическая доктрина предостерегает от «националистического тезиса», отождествляющего народ с этнической группой и предполагающего обязательное совпадение политических и этнических границ, что чревато дискриминацией и этническими чистками[391]. В этой связи следует рассмотреть критическую позицию Ф.Тесона, чья доктрина представляет собой последовательную ревизию традиционного международно-правового дискурса о самоопределении с позиций кантовской философии и теории общественного договора. Исходный тезис Ф.Тесона — принципиальный методологический индивидуализм: единственным носителем нравственной ценности и правосубъектности является индивид. Государство, народ, нация и иные коллективные образования не обладают самостоятельной моральной значимостью; их суверенитет и правопритязания производны от прав и свобод составляющих их лиц. Суверенитет, согласно Ф.Тесону, не имманентное свойство государства или нации, а инструментальная конструкция, легитимная лишь постольку, поскольку она служит защите индивидуальных прав. Государство — «не более чем инструмент» координации коллективных действий, не имеющий морального статуса вне связи с индивидами.

---

[390] Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia), Preliminary Objections, Judgment of 11 July 1996, I.C.J. Reports 1996, p. 595

[391] Wippman, David. *International Law and Ethnic Conflict.* Cornell University Press, 2018. *Project MUSE*, https://muse.jhu.edu/book/61626.

Отождествление нации с этнической группой и требование совпадения политических и этнических границ концептуально несостоятельно (неразрешимость дефиниции «народа») и нормативно опасно: исторически такой подход легитимировал этнические чистки, дискриминацию и геноцид. Этническая, языковая или историческая идентичность сама по себе не создаёт права на государственность. Сецессия легитимна лишь при совокупности условий:

- систематические и тяжкие нарушения прав человека;
- исчерпанность средств защиты внутри государства;
- нацеленность нового образования на либерально-демократический правопорядок.

В наиболее радикальной части своей доктрины Ф.Тесон отрицает само понятие «групповые права» как концептуально ошибочное. Право, по его определению, — это притязание индивида, обеспеченное возможностью отклонять произвольные требования третьих лиц. Групповые же правопритязания неизбежно предполагают ограничение прав конкретных индивидов (например, права меньшинства на вето или языковые ограничения ущемляют права не-членов группы или диссентеров внутри нее). Следовательно, квалификация таких притязаний как «прав» методологически некорректна. В контексте теории интервенции Ф.Тесон формулирует «тезис эквивалентности» (equivalence thesis): правомерное основание для революции и для гуманитарной интервенции тождественно. И та, и другая оправданы лишь постольку, поскольку направлены на защиту индивидуальных прав от тирании. Различия в допустимости — не нормативного, а эмпирико-прагматического свойства (соразмерность, последствия)[392].

Таким образом критическая доктрина Ф.Тесона дезавуирует этническую парадигму самоопределения, замещая ее универсалистской, правозащитной моделью. Легитимность обладает не группа в силу своей идентичности, а политический проект, ориентированный на обеспечение индивидуальной свободы

[392] Fernando R. Teson A Philosophy of International Law *New perspectives on law, culture, and society*. Taylor & Francis, 2019. P.107. ISBN 0367314258, 9780367314255.

и достоинства. Тем самым Тесон предлагает радикальный пересмотр оснований международного права: от плюрализма суверенных государств — к космополитической модели, где единственным источником нормативности выступают права человека.

Многие работающие над проблемой права на самоопределение исследователи, считают, что возможность его практической реализации закрепляется либо за народами, находящимися под колониальным и расистским господством или иностранной оккупацией («внешнее самоопределение»), либо за всеми народами, подразумевая при этом уважение основополагающих прав и свобод человека («внутреннее самоопределение»). Такое понимание в немалой степени основано на общей направленности многих международно-правовых документов. Так, Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации исходит из разграничения двух аспектов права на самоопределение – «внутреннего», согласно которому «все народы имеют право беспрепятственно осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие без вмешательства извне» и «внешнего», предполагающего, что «все народы имеют право свободно определять свой политический статус и свое место в международном сообществе на основе принципа равноправия и с учетом примера освобождения народов от колониализма, а также запрещения подвергать народы иностранному порабощению, господству и эксплуатации»[393].

Надо полагать, подобный принципиальный подход распространяется и на национальные меньшинства. В Международном пакте о гражданских и политических правах речь идет как о «народах», так и «меньшинствах». Комитет ООН по правам человека в принятом 1994 году замечании общего порядка №23(50) обозначил вместе с тем и разграничение между правом народов на самоопределение и правами лиц, принадлежащих к меньшинствам, обратив внимание на то, что в некоторых сообщениях, представленных Комитету в

[393] Общая рекомендация Комитета по ликвидации расовой дискриминации № XXI (48). Доклад комитета по ликвидации расовой дискриминации. 1996. Официальные отчеты ГА ООН. Пятьдесят первая сессия. Дополнение №18 (A/81/18). С. 123-124. Параграф 9.

соответствии с Факультативным протоколе, право, закреплённое в статье 27, смешивалось с правом, провозглашенным в статье 1 Пакта. В этой связи сделан вывод, что самоопределение не относится к числу прав, закрепленных в Факультативном протоколе в то время, как статья 27, касающаяся прав индивидов как таковых, напротив, включена в часть III Пакта (но не часть I) и тем самым подпадает под действие Факультативного протокола.

Таким образом, современное международное право признает полномасштабное самоопределение за народами и нациями, то есть за относительно крупными этно-социальными общностями. Что же касается этнических, религиозных и языковых меньшинств, то им, как отмечается в упомянутой выше статье 27 Пакта о гражданских и политических правах «не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, использовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком». Как не трудно видеть, речь в данном случае идет фактически об элементах национально-культурной (но не территориальной) автономии[394].

Показательным примером институционализации внутреннего самоопределения выступает испанская модель децентрализованного унитарного государства с автономией, предоставленной 17 регионам. В отношении Каталонии допускается широкая региональная автономия, которая рассматривается как достаточная форма реализации права на самоопределение, что исключает легитимность односторонней сецессии.

В.А.Карташкин, в течение длительного времени входивший в экспертную группу по меньшинствам Подкомиссии ООН по правам человека, свидетельствует, что подавляющее большинство государств-членов ООН, включая Россию, неизменно придерживались однозначной позиции: национальные или этнические, религиозные и языковые меньшинства не имеют права на самоопределение и

---

[394] Каграманов А.К. Этнорегиональная самостоятельность и автономия как способы осуществления права на самоопределение. Lex russica. 2022;75(2). С.12. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.183.2.009-023

создание самостоятельных образований без согласия государств, на территории которых они проживают[395]. В полном соответствии с такой логикой в принятой в 1992 году Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, провозглашалось, что ничто в Декларации «не может быть истолковано как допускающее какую бы то ни было деятельность, противоречащую целям и принципам Организации Объединенных Наций, включая принципы уважения суверенного равенства, территориальной целостности и политической независимости государств»[396]. А в комментарии к Декларации подчеркивается, что «права меньшинств не могут служить обоснованием требований об отделении от государства или его расчленении»[397]. Этот вывод находит подтверждение и в общей рекомендации № XXI (48) Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, в которой говорится, что «международное право не признает права народов на отделение от того или иного государства»[398].

Вместе с тем в другом Комментарии к упомянутой Декларации ООН особо отмечается, что лица, компактно проживающие на какой-либо части территории соответствующего государства, в отличие от лиц, проживающих некомпактно, могут рассчитывать на осуществление прав, касающихся использования языка и наименования улиц и мест, а также в некоторых случаях – на автономию в определенных масштабах»[399]. В Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. обращалось внимание на

---

[395] См. Карташкин В.А. Права человека и принципы международного права в XXI веке. М., 2019. С. 69.

[396] Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Резолюция ГА ООН 47/135 от 18 декабря 1992 г.

[397] Подкомиссия ООН по поощрению и защите прав человека. Заключительный текст комментария к Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, языковым и религиозным меньшинствам. Документ ООН E/CN.4/Sub.2/AC5/2001/2, с.29, параграф 84.

[398] Общая рекомендация Комитета по ликвидации расовой дискриминации № XXI (48), С. 124, параграф 11.

[399] Комментарий Рабочей группы по меньшинствам к Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 22 марта 2005 г. E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/2 URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/2. Дата обращения: 25.05.2021.

необходимость создания государствами «надлежащих местных или автономных органов управления», которые отвечали бы интересам меньшинств (их «конкретным историческим и территориальным условиям»)[400]. Согласно принятой в 1994 году Конвенции СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, «ни одно из обстоятельств Договаривающихся Сторон, вытекающих из настоящей Конвенции, не может быть истолковано как основание для какой-либо деятельности или действий, противоречащих общепризнанным принципам и нормам международного права, включая принципы уважения суверенного равенства, территориальной целостности и политической независимости государств»[401]. Не трудно видеть, что текст этого документа практически совпадает с содержанием приведенного выше фрагмента Декларации ООН.

«Если какие-нибудь этносы живут даже компактно на территории, которая исторически принадлежат другой нации (народу), вряд ли можно ставить вопрос о сецессии, - приходит к обобщающему выводу А.В.Маргиев. – Часть народа или нации, не может отделиться с чужой территорией. В то же время она может ставить вопрос о национально-культурной автономии, о членстве в федеративном государстве, но в таком случае решение вопроса целиком и полностью зависит от доброй воли соответствующего государства»[402].

Как отмечал И.П.Блищенко, «образование автономии уже своим появлением предполагает определенную независимость в управлении», а право на самоопределение, выразившееся в такой форме, «должно осуществляться в соответствии с конституцией государства, на территории которого провозглашается автономия»[403]. Принципиально важное значение для понимания сути автономии в качестве одной из форм самоопределения имеет позиция,

---

[400] Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Копенгаген, 1990. URL:https://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304. Дата обращения: 25.05.2021.
[401] Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. 21 октября 1994 года. URL: https://docs.cntd.ru/document/901732493. Дата обращения: 25.05.2021.
[402] Маргиев А.В. О праве выхода республик из состава Российской Федерации. Вестник Адыгейского государственного университета. 2005 г. С. 133.
[403] Блищенко И.П. Автономия и международное право. // «Московский журнал международного права». 1998. №1. С.5.

высказанная академиком О.Е.Кутафиным. Ученый видел в этом институте «выход из положения», позволявший сохранить единство Российской Федерации и предоставить регионам «возможность подлинного самоуправления, обеспечивающего наиболее полный учет региональных интересов, включая национально-региональные»[404].

По определению В.Е.Чиркина, территориальное автономное образование представляет собой «часть территории государства, которая в соответствии с конституцией и законами государства наделена правом автономного самоуправления»[405]. И.А.Алебастрова исходит из того, что национально-территориальная автономия является формой территориального самоопределения этнических общностей[406], что естественным образом предполагает установление правового статуса соответствующей территории. В зарубежной литературе территориальную автономию рассматривают иногда как «степень независимости, которой пользуется какая-либо единица в составе суверенного государства»[407], как способ территориальной организации, при котором «территориальная единица государства наделена правами самоуправления в определенных сферах путем издания законов и постановлений, не образуя при этом самостоятельного государства»[408]. В учебной литературе можно встретить трактовку территориальной автономии как самостоятельности самоуправляющихся территориальных единиц в рамках конституции и/или закона. При этом выделяются две ее формы: государственная (законодательная) и местная (администрация). Территориальным единицам со значительной долей

---

[404] Кутафин О.Е. Российская автономия. М., 2006. С.4.
[405] Чиркин В.Е. Публично-правовое образование. М., 2011. С.256.
[406] См. Алебастрова И.А. Большинство и меньшинство в конституционном государстве: этнический аспект. // Lex Russica. 2017. № 1. С.39.
[407] Hannum H. Autonomy, Sovereignity and Self-Determination. The Accommodation of Conflicting Rights. Philadelphia. 1996. P.8.
[408] Benediktez T. The Worlds Modern Autonomy Systems. Concepts and Experiences of Regional Territorial Autonomy. Bozen / Bolzano. 2009. P.28.

инонациональностей населения (или с иными особенностями своего быта предоставляется особый статус национально-территориальной автономии)[409].

На основе изучения документов ООН и ОБСЕ по вопросам автономии и прав меньшинств, актов Парламентской Ассамблеи Совета Европы, Конгресса местных и региональных властей в Европе и Венецианской комиссии А.Н.Мочалов приходит к выводу, о сформировавшихся «международных стандартах территориальной автономии», включающих определенные принципы и гарантии, связанные с реализацией национальными меньшинствами права на автономию. Вместе с тем справедливо утверждается, что упомянутые стандарты состоят преимущественно из норм мягкого права и имеют рекомендательный характер, оставляя окончательное решение вопросов, связанных с территориальной автономией, на усмотрение государств[410].

Международные стандарты территориальной автономии рассматриваются ученым (вслед за некоторыми другими авторами)[411] как часть более общего процесса интернационализации конституционного права. «В данном случае, - делает крайне важный, на наш взгляд, вывод А.Н.Мочалов, - очевидна тенденция к сближению народов, используемых в разных странах в отношении территориальной автономии. В то же время регулирование вопросов внутренней территориальной организации, как и решений о предоставлении регионам автономного статуса, по-прежнему остаются (и останутся) в сфере исключительной компетенции государств»[412]. В противном случае, добавим от себя, реализация принципа самоопределения (в его внутреннем аспекте) вступала бы в противоречие с принципом государственного суверенитета, остающимся незыблемой основой современного международного права.

---

[409] См. Конституционное государственное право зарубежных стран. Учебник для бакалавров. Отв. ред. Б.А.Страшун. М., 2019. С. 172-173.

[410] См. Мочалов А.Н. Территориальная автономия и права национальных меньшинств: международные стандарты. // Журнал российского права. 2017. №10. С. 121-131.

[411] См. Интернационализация конституционного права: современные тенденции. / Под ред. Н.В.Варламовой, Т.А.Васильевой. М., 2017.

[412] Мочалов А.Н. Цит. соч., С. 131.

Автономия служит способом «учета национальных, культурных, исторических и иных особенностей в государственном строительстве и в этнических отношениях в обществе»[413]. А вопрос о том, будет ли это территориальная (политическая) автономия или национально-культурная, во многом, если не в решающей степени, зависит от компактности проживания соответствующих этнических групп (нацменьшинств). Условия для создания национально-территориальной автономии возникают, если соответствующее меньшинство на протяжении длительного периода проживает концентрированно в определенном географическом регионе, рассматривает его как «малую родину» и образует большую или существенную часть населения[414]. В иных случаях меньшинствам может быть предоставлена национально-культурная автономия.

Органам власти автономного территориального образования предоставляются более широкие (по сравнению с обычными административно-территориальными единицами) полномочия по решению вопросов внутреннего устройства, связанных с этнокультурным компонентом (образование, культура, язык), вплоть до возможности принятия региональных законов[415]. У таких образований появляется так же возможность оказывать более существенное влияние на принятие решений в политической, культурной и экономической областях, касающихся соответствующих меньшинств[416].

Особая форма государственного устройства – «региональное государство» (характерно для Италии и Испании) - нечто среднее, промежуточное между унитарным государством и федерацией. Эта модель исходит из признания территориального, культурного, этнического или религиозного многообразия страны и, как показывает практика упомянутых стран, позволяет определенной степени сдерживать центробежные тенденции. Исходя из этого, центральная

---

[413] Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2001. С. 181.
[414] См. Чиркин В.Е., Хабриева Т.Я. Теория современной конституции. М., 2007. С. 267-268.
[415] См. Чертков А.Н. Территориальное устройство Российской Федерации. Правовые аспекты. М., 2009. С. 79-80.
[416] См. Андриченко Л.В., Хабриева Т.Я. Правовое регулирование межнациональных отношений по законодательству зарубежных государств. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. №3. С. 408.

власть передает часть своих административных и законодательных полномочий получившим автономию территориям (регионам)[417].

Особый статус органов власти региональных автономных образований предоставляет им значительно более широкие (по сравнению с обычными административно-территориальными единицами) полномочия по решению вопросов, касающихся национальных меньшинств в сфере политической, социально-экономической и культурной жизни, а также языка, образования и других специфических аспектов этнического компонента[418]. Хотелось бы особо отметить, что академик О.Е.Кутафин считал автономию единственно приемлемым (подч. нами – А.К.) для России «выходом из положения», позволяющим сохранить единство страны и дающим регионам «возможность подлинного самоуправления, обеспечивающего наиболее полный учет региональных интересов, включая национально-региональные»[419].

Попытка, достаточно успешная, на наш взгляд, дать развернутое определение национальным меньшинствам была предпринята в Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. В специальном докладе по этому вопросу меньшинство определялось как «группа, меньшая по численности по сравнению с остальной частью населения государства, занимающая не доминирующее положение, члены которой, являясь гражданами государства, имеют этнические, религиозные, или языковые особенности, отличные от особенностей остальной части населения, и проявляют, хотя бы только имплицитно, чувство солидарности, имеющее целью сохранить культуру, традиции, религию или язык»[420]. В тексте же Декларации ООН о правах меньшинств 1992 г. (ст.1) меньшинство определяется как самобытная

---

[417] См. Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина ; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2020. – С.187.

[418] См. Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов. Сравнительно-правовое исследование. М., 2010. С. 174. Чертков А.Н. Территориальное устройство Российской Федерации. Правовые аспекты. М., 2009. С. 79-80.

[419] См. Кутафин О.Е. Российская автономия: монография. М., 2006. С.4.

[420] Цит. по Власян С.Р. Субъект права на самоопределение. // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №11 (302). С. 122.

национальная и этническая, культурная, религиозная и языковая группа. На государства возлагается обязанность охранять существование таких групп с помощью специальных правовых механизмов защиты.

Исходя из устоявшихся представлений о правах лиц, принадлежащих к нацменьшинствам, как о правах индивидуальных (в отличие от прав народов на самоопределение как правах коллективных) международное право не признает за меньшинствами бесспорного, однозначного права на самоуправление или автономию. В связи с немалыми расхождениями в подходе к этой проблеме Венецианская Комиссия в одном из своих комментариев подчеркнула, что «международное право не может в принципе, навязывать государствам какое-либо территориальное решение проблемы меньшинств, а от государств, в принципе, не требуется предоставлять меньшинствам какую-либо форму децентрализации»[421]. Вместе с тем ряд ученых допускает, что национальные меньшинства могут даже (лишь в крайних случаях) отделяться от суверенных государств – когда, например, систематически, грубо и массово нарушаются их права. В этой связи допускается и предоставление меньшинствам права на самоопределение[422].

В рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств подчеркивается, что ничто в ней «не может быть истолковано как подразумевающее любое право заниматься любой деятельностью или совершать любые действия, которые противоречат основополагающим принципам международного права, в частности принципам суверенного равенства, территориальной целостности и политической независимости государств».[423] В комментарии же Совета Европы к конвенции содержится ссылка и на определенные обстоятельства, связанные с меньшинствами[424], обращается, прежде всего, внимание на ситуации, при которых лица, принадлежащие к национальным

---

[421] Council of Europe. Venice Commission. Opinion on the interpretation of Article 11 of the Draft Protocol to the European Convention on Human Rights appended to Recommendation 1201 of the Perlamentary Assembly, 1-2 March 1996. Annual Report of Venice Commission (1996). P.93-99.

[422] См. Абашидзе А.Х. Защита меньшинств по международному праву и внутригосударственному праву. М., 1996. С. 196.

[423] Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. 1 декабря 1195 г. Council of Europe Document H (95) 10 (Russian translation), с.6-21.

[424] Там же, статья 20.

меньшинствам, являются меньшинством в рамках всего государства, но составляют большинство в пределах определенного региона этого государства[425].

Определенное развитие получила точка зрения, согласно которой нередко представители меньшинства, проводя политику этнического национализма и добиваясь самоопределения, будут одновременно проводить «чистку», избавляясь от представителей других этнических групп, проживающих в их регионе. «Даже при поверхностном рассмотрении нынешнего положения в мире, - отмечалось в одном из материалов ООН, - можно заметить существование ряда меньшинств, которые проводят крайне провокационную и насильственную политику. Порой они делают ставку на то, что в худшем случае, если их провокационные действия приведут к крупномасштабному военному конфликту с большинством населения, угрожающему самой основе их существования, им на помощь придет какая-либо внешняя сила, будь то «материнская страна» или какое-либо другое внешнее образование. Такая политика является опасной»[426]. И, думается, прав был Генеральный секретарь ООН Б.Бутрос-Гали, заявив: «Если каждая этническая, религиозная или языковая группа будет притязать на государственность, то не будет предела дроблению, а всеобщий мир, безопасность, экономическое благополучие станут еще более труднодостижимой целью»[427].

О.В.Подвинцев в совпадении этнической и территориальной идентичностей априори видит одну из предпосылок, которые «в наибольшей степени благоприятствуют возникновению межобщинных конфликтов и росту сепаратистских тенденций»[428]. Такого рода опасения представляются надуманными. На наш взгляд, в гораздо большей степени соответствует реальной действительности и отвечает жизненным интересам как народа той или иной страны, так и существующим в ней национальным меньшинствам, подход,

---

[425] Framework Convention for the Protection of National Minorities and Explanatory Report. Council of Europe Document H (95) 10, P.24.
[426] Документ ООН E/CN. 4/Sub.2/ 1992/37. С. 4, 9.
[427] См. Повестка дня для мира. ООН. Нью-Йорк. 1992. С.10.
[428] Подвинцев О.Б. Региональная идентичность в де-факто двунациональных субъектах РФ: конкурентный потенциал и попытки стимулирования. // Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей. М., 2011. С. 224-225.

согласно которому «одной из главных задач, стоящих перед фрагментированными в этническом отношении государствами является выбор таких конституционно-правовых форм территориального устройства, которые способствовали бы снижению конфликтного потенциала общества и нивелированию центробежных тенденций»[429].

П.И.Савицкий и А.Н.Мочалов исходят из того, «этнотерриториальная фрагментация государства во многих случаях диктует необходимость не «растворения» этнических групп среди других политических общностей (это может восприниматься национальными меньшинствами как угроза существованию), а, наоборот, их территориальной аккомодации». Это связано с ростом национального самосознания многих этносов, «бумом локальных идентичностей», выражающимся в требованиях определения юридического статуса территорий, на которых проживают те или иные этнические группы»[430]. И выбор на демократической основе такого рода форм определяется конкретно-историческими условиями каждой страны, разного рода факторами, с максимальным учетом которых и осуществляется организация территории, преследующая в качестве главных целей экономическое и социально-культурное развитие, повышение уровня при максимальном и качества жизни населения при максимальном учете языковых, духовных и других элементов, присущих идентичности проживающих на соответствующей территории этносов.

Комиссия Бадинтера в свое время однозначно высказалась за наличие полноценных гарантий защиты национальных меньшинств и исходя из этого, не готова была первоначально признать независимость Хорватии. Только после письменных личных заверений президента страны Ф.Туджмана Комиссия вынесла заключение о соответствии критериям признания с оговоркой, что таковое станет возможным лишь после внесения дополнительных положений о правах нацменьшинств в Конституционный закон страны. Вместе с тем Комиссией,

---

[429] Савицкий П.И., Мочалов А.Н. Два подхода к территориальной организации полиэтнического государства. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. №6. С.46.

[430] Там же. С.51.

изначально высказавшейся за признание Словении, было особо подчеркнуто, что Конституцией этой страны гарантируются права итальянскому и венгерскому меньшинствам на национальные эмблемы, идентичность и образование на родном языке, на политическую автономию и минимальное представительство в центральных или местных органах власти, а также право вето на установление правил относительно статуса меньшинств. Особо отмечалось, что правовая система Словении построена на уважении прав человека, верховенства закона и гарантий демократического режима. Обращалось при этом внимание и на обязательство республики соблюдать основополагающие нормы международного права и территориальную целостность соседних стран.

В официальном комментарии к Декларации ООН 1992 г. о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, четко зафиксировано положение, согласно которому «права меньшинств не могут служить обоснованием требований об отделении от государства или его расчленении»[431]. И если это положение, на наш взгляд, вполне логично и является как бы развитием упоминавшейся выше ст. 27, касающейся прав индивидов и подпадающей под действие Факультативного протокола к Пактам о правах человека, то общая рекомендация № XXI (48) Комитета по ликвидации расовой дискриминации – «международное право не признает права народов на одностороннее отделение от того или иного государства»[432] - вряд ли может быть признано бесспорным. Этим положением (подчеркнем, что речь идет о «народах», а не о «меньшинствах»), по сути дела выхолащивается смысл ст. I Пактов о правах человека.

В качестве относительно новой формы самоопределения в отечественной литературе рассматривается национально-культурная автономия – общественное объединение граждан, относящих себя к определенным этническим общностям с

---

[431] Подкомиссия ООН по поощрению и защите прав человека. Заключительный текст к Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Документ ООН. E/CN.4/Sub.2/AC.5/2001/2, с.29, параграф 84.

[432] Общая рекомендация Комитета по ликвидации расовой дискриминации № XXI (48)б с. 124, параграф 11.

целью самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования и культуры. Национальным меньшинствам, проживающим в государстве дисперсно или небольшими группами, законом может быть предоставлена национально-культурная автономия[433], - отмечал О.Е.Кутафин. Национально-культурная автономия основывается на таких принципах: как свободное волеизъявление граждан, относящих себя к той или иной этнической общности, добровольная самоорганизация и самоуправление; сочетание общественной инициативы с государственной поддержкой; уважение языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных этнических общностей и др.[434]

Национально-культурная автономия позволяет многочисленным, дисперсно расселенным народам (коренным народам и народностям, национальным, религиозным, языковым и культурным меньшинствам) решать задачу сохранения и развития своей самобытности и традиций, не нанося ущерба территориальной целостности соответствующих государств. Естественно поэтому, что многие полиэтнические государства идут по пути установления национально-культурной автономии. Именно она выступает особой формой этнической самоорганизации призванной обеспечивать реализацию интересов и, в конечном счете, развитие разрозненно живущих групп лиц, осознающих вместе с тем свою принадлежность к одному народу.

Предоставление этнической или языковой группе, находящейся в положении национального меньшинства, специального конституционного статуса, заключающегося в «возможности осуществления внутреннего самоуправления сообразно национальным особенностям и традициям», А.Н.Мочалов увязывает с проживанием такой группы «не дисперсно, а концентрировано, занимая в течение длительного исторического периода определенную географическую местность или регион». При этом ученый подразделяет права нацменьшинств на групповые – как коллективных субъектов конституционных правоотношений (право на самосохранение, самоуправление, самоопределение и т.д.) и индивидуальные – как

---

[433] См. Кутафин О.Е. Российская автономия. М., 2006. С. 703-753.
[434] См. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. Изд. 2-е. М., 2000. С. 119.

представителей меньшинств, обусловленные принадлежностью человека к определенной этнической или языковой группе (право пользоваться родным языком и др.). Обращается внимание на обеспечение возможности реализации представителями меньшинств некоторых прав и свобод специальными конституционными гарантиями («мерами позитивной дискриминации») – резервирование для них мест в органах государственной власти, квот при трудоустройстве, поступлении в образовательные учреждения и др.[435]

Наряду с приведенными выше, в научной литературе можно встретить понимание национально-культурной автономии либо как общего принципа, в соответствии с которым члены этнической группы в разных организационных формах коллективно реализуют права и интересы, связанные с их этнической принадлежностью, языком и культурой, либо как особой формы организации на этнической основе. Обе интерпретации, по мнению А.Г.Осипова, «не всегда четко артикулируются, в основном не противоречат друг другу и нередко пересекаются»[436]. Иногда наряду с общепринятым понятием «национально-культурная автономия» используются сходные термины «культурная автономия», «персональная (национально-персональная) автономия», «экстерриториальная автономия»[437]. Е.М.Кожокин сильно, на наш взгляд, сужая содержание понятия «персональной автономии», трактует таковую лишь как право лица на выбор индивидуальной языково-культурной стратегии[438].

Идеи НКА нашли применение в проектах урегулирования ряда конфликтов, в том числе на пространстве бывшей Югославии, используются в интересах нацменьшинств в законодательстве Латвии, Венгрии, Хорватии, Словении и других стран. Ссылки на рассматриваемую форму автономии содержатся в

---

[435] См. Мочалов А.Н. Федерализм, территориальная автономия и права национальных меньшинств. // Проблемы права. 2017. №3 (62). С. 19-20.

[436] См. Осипов А. Национально-культурная автономия: идея и реализация. // Осипов А., Никифоров И. Национально-культурная автономия. Сост. Полещук В. М., 2008. С.12.

[437] См. Львова Э.Л., Нам И.В., Наумова Н.И. Национально-персональная автономия: идея и воплощение // Политические исследования. 1993. №2. С. 129-135.

[438] См. Кожокин Е.М. Права меньшинств в постсоветском пространстве. // Будет ли Европа существовать без России? М., 1995. С.50.

документах ОБСЕ, Консультативного комитета Рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств и ряда других международных структур[439].

А.Н.Мочалов исходит из того, что для многих современных государств характерна «этнотерриториальная фрагментация». На примере конституционно-правового урегулирования территориальной организации стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) показывается возможность использования различных способов и форм территориальной аккомодации этнических групп, обусловленных, по мнению автора, главным образом, степенью их политических притязаний в отношении территории своего «концентрированного проживания». На базе изучения впечатляющего массива зарубежной литературы автор делает ряд важных обобщений, акцентируя, в частности, внимание на выборе способа организации государственной территории – «институционального дизайна и соответствующей ему конституционно-правовой формы». Обстоятельно рассмотрены три основных способа:

1. Этнический (а также лингвистический и этнолингвистический) федерализм – предполагает разграничение государственных функций и компетенции между федеральным центром и субъектами федерации, а также участие субъектов федерации в осуществлении федеральной власти.

2. Территориальная автономия (административная и политическая) учреждается в большинстве случаев в местности проживания национального меньшинства и имеет целью защиту его языковых и культурных особенностей. Автономные территории, образуемые в составе субъектов федерации, имеют в сравнении с ними более низкий юридический статус и более ограниченный объем компетенции.

3. Специализированные территории (земли) для проживания этнических меньшинств. В отличие от предыдущих двух эти формы не рассматриваются в качестве универсальных территориальных единиц. Самоуправлением наделяется

---

[439] См. ACFC/25DOC(2006)02. Консультативный комитет Рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств. Электронный ресурс. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800bc5fe . Дата обращения: 8 июня 2021 г.

этническая группа, чаще всего коренной народ, сохранивший родоплеменной уклад и тем самым обособляющий себя от остального населения страны.

Выбор способа аккомодации и определение статуса региона часто носит компромиссный и даже вынужденный характер и выступает результатом политических уступок и договоренностей между руководством страны и «этническими лидерами»[440]. Не вызывает сомнений и итоговый вывод ученого: «Конституционный опыт стран БРИКС свидетельствует, что территориальная аккомодация этнических групп (с использованием различных способов) является, во-первых, общей тенденцией, независимо от географического положения и культурно-исторического потенциала государства; во-вторых, вопреки часто выражаемым опасениям, не всегда способствует углублению расколов, но также может преследовать цель интерпретировать общество в нацию»[441].

С.Н.Горбунов, солидаризируясь с Д.Кассом, ратует за «новое, более широкое» понимание концепции самоопределения коренных народов, «включающее одновременно внешние сецессионистские элементы и внутригосударственную составляющую», «менее ориентированное на государство и поэтому более подходящее для коренных народов». Автор допускает большой выбор форм реализации права на самоопределение, не исключая при этом и такую форму, как «независимость и суверенитет»[442].

Право на самоопределение нацменьшинств и малочисленных коренных народов может быть реализовано, таким образом, в виде территориальной автономии или самоорганизации – в зависимости от численности меньшинств, особенностей их расселения и других обстоятельств. Первая модель рассматривается как территориальная форма самоопределения, вторая – как экстерриториальная (при понимании отмеченной выше условности этого термина).

---

[440] См. Мочалов А.Н. Территориальное устройство государства как способ управления этническим многообразием (конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС). // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 154–173. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.154.173

[441] Там же.

[442] Горбунов С.Н. О некоторых аспектах применимости концепции самоопределения к коренным народам. // «Философия права». Ростов на Дону. 2008. №3. С. 68-72.

Самоопределение коренных народов предполагает участие в процессе управления, в том числе с возможностью предоставления специально оговоренных прав. В Российской Федерации, наряду с традиционными формами самоопределения коренных малочисленных народов (территориальная и национально-культурная автономии) действует и т.н. «общинная форма», предполагающая самоорганизацию на основе сложившихся обычаев и традиций, обусловленных дисперсным расселением таких народов, кочевым образом жизни и другими особенностями. Самоорганизация призвана обеспечить коренным народам свое самобытное развитие в соответствии с основополагающими законами государства и нормами международного права при сохранении стабильности и территориальной целостности государства.

Для обеспечения нормальной жизнедеятельности коренных народов необходимо сохранение биологического разнообразия популяций растений и животных, создание условий для осуществления различных видов природопользования, поддержание исторически сложившихся социальных и культурных связей, а также объектов историко-культурного наследия. Естественно, формы самоорганизации коренных народов обусловлены рамками законодательства, сложившимися формами взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления. Все это призвано обеспечивать существование коренных народов в качестве самобытных, поддерживающих складывавшиеся веками традиции этносов[443].

В Главе I настоящей работы обстоятельно рассмотрено содержание принятой в 2007 г. Декларации ООН о правах коренных народов. Здесь же отметим дополнительно, что, хотя Декларация и провозглашает их право на самоопределение (в пределах государства пребывания), не содержит строгого юридического определения «коренного», выделяя в качестве основополагающих

---

[443] См. Хабриева Т.Я. Цит. соч., С.211-212; 241-242. См. также: Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус национальных меньшинств. Международно-правовой анализ. М., 1997; Андриченко Л.В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. М., 2005; Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010.

критериев «собственное осознание себя как коренного народа», равно как и право «определять себя или свою этническую принадлежность в соответствии со своими обычаями и традициями». Ответ на вопрос о критериях, по которым та или иная группа может считаться коренным народом, можно обнаружить в Конвенции МОТ от 27 июня 1989 г., согласно которой коренными народами являются народы независимых стран, чьи предки в период колонизации, завоевания, установления границ населяли страну или географическую область, частью которой является государство проживания этих народов, при условии, что такие народы сохранили культурные традиции или политические институты. Из такой же логики исходит и определение понятия народов, ведущих племенной образ жизни. Важным фактором, таким образом, является осознание коренным народом своей специфической общности и (согласно Конвенции) указание самих коренных или ведущих племенной образ жизни народов на принадлежность к их числу. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что нормы Конвенции не затрагивают вопроса о праве на самоопределение, но подтверждают право коренных или ведущих племенной образ жизни народов на самобытность и самостоятельность экономического развития[444].

В КНР Конституция страны провозглашает равноправие всех национальностей, запрещаются дискриминация и гнет в отношении любой из них, действия, направленные на подрыв сплоченности между ними и их раскол. Государством гарантируются законные права и интересы национальных меньшинств, охраняются и развиваются отношения равенства, сплоченности и взаимопомощи всех национальностей. Районам компактного проживания нацменьшинств оказывается содействие в ускорении темпов экономического и культурного развития. В таких районах осуществляется территориальная автономия. Каждая национальность имеет возможность свободно использовать и развивать свой язык и письменность, хранить сложившиеся обычаи и нравы.

[444] Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. Принята 27 июня 1989 года Генеральной конференцией Международной организации труда. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml. Дата обращения: 09.06.2021.

Значительными полномочиями обладают органы самоуправления в районах национальной автономии. Они возглавляются гражданами соответствующих национальностей, ведают делами образования, культуры, здравоохранения и спорта, пользуются родными языками.

Индейцы (коренное население США), проживают в резервациях, являющихся разновидностью территориальных образований с особым статусом. Резервации управляются в основном федеральными органами государственной власти, сохраняя за своими органами (племенными советами) весьма ограниченный круг полномочий. Являясь гражданами США, проживающие в резервациях индейцы не платят налоги и не участвуют в выборах ни на федеральном уровне, ни на уровне штатов, что представляет собой, надо полагать, грубейшее нарушение общепринятых представлений о демократии и правах человека.

Как справедливо отмечалось в литературе, нередко под лозунгами интеграции проводились дискриминация меньшинств, подавление их культуры и насильственная ассимиляция[445]. Порой судьба коренных народов и этнических меньшинств весьма трагична. В начале XX века (1904 г.) войска кайзеровской Германии осуществили геноцид жестоко подавив восстания местных племен гереро и нама в своей колонии в Германской Юго-Западной Африке (ныне - Намибия); в конце же века (1994 г.) в Руанде правительством страны, находившимся под контролем народности хуту, при скрытном покровительстве Франции было организовано жестокое истребление свыше 800 тысяч представителей тутси – этнического меньшинства страны.

В Конвенции № 107 МОТ (ст.2 п.1), призванной содействовать обеспечению прав коренных народов, на правительства соответствующих стран возлагается «основная ответственность за разработку согласованных и систематических мероприятий по защите заинтересованного населения и по его постепенной

[445] См. Крылов А.Б. Сепаратизм в странах Востока. М., 1992. С.9.

интеграции в жизнь соответствующей страны»[446]. И речь должна идти при этом, на наш взгляд, не только о таких фундаментальных проблемах, как социально-экономическое развитие, но и вопросах, затрагивающих специфику быта, языковые особенности, традиции и обычаи, всего, что вписывается в устоявшееся в науке понятие «психический склад».

Общие выводы относительно этнотерриториальной автономии как формы реализации права на самоопределение.

В современном международном праве автономия квалифицируется как основная и наиболее предпочтительная форма реализации права народов на самоопределение, альтернативная сецессии. Она позволяет преодолеть дихотомию «всё или ничего» (statehood or nothing), которая в равной степени провоцирует конфликты и препятствует их урегулированию. Автономия есть юридический эквивалент самоуправления в контексте внутреннего самоопределения, тогда как внешнее самоопределение (отделение) признаётся исключением, допустимым лишь при исчерпании средств внутренней защиты .Функциональная природа и политико-правовое назначение заключается прежде всего в *инструменте сохранения этнополитического равновесия* в многосоставных государствах; *механизмах урегулирования этнотерриториальных конфликтов* и постконфликтной реконструкции; *способе защиты меньшинств и коренных народов*, обеспечивающий сохранение языка, культуры, религии и исторической памяти; *средствах децентрализации и защиты от избыточной централизации*, снижающее сепаратистские настроения*; инструмент согласования этнического многообразия с единством государственности*.

Ключевой характеристикой автономии является её производность от суверенитета государства. Автономный регион остаётся составной частью территории государства; конечная власть принадлежит суверенному центру. Тем самым автономия позволяет снять дискуссию о суверенитете — она

[446] Цит. по: Статус малочисленных народов России (правовые акты и документы). Сост. В.А.Кряжков. М., 1994. С.114.

функционирует как правовая форма, в рамках которой принцип территориальной целостности и принцип самоопределения перестают противостоять как взаимоисключающие и начинают действовать как взаимодополняющие. Международный Суд ООН (дело архипелага Чагос) исходит из территориального, а не этнического понимания субъекта самоопределения: народом признаётся население административно-территориальной единицы. Это косвенно укрепляет легитимность территориальной автономии как формы реализации самоопределения.

Успешность автономных моделей зависит от ряда факторов, среди которых доктрина выделяет:

- учёт численности, компактности расселения, уровня социально-экономического и культурного развития этноса;
- качество институционального дизайна и демократического участия;
- своевременность предоставления автономии (фактор времени) и способность отвечать на травмы конфликта;
- реальность, а не имитационность автономных прав.

Этнотерриториальная автономия представляет собой наиболее сбалансированную и признанную международным правом форму реализации права на самоопределение. Она обеспечивает синтез коллективных прав этнических сообществ и государственного единства, переводя конфликт интерпретаций из плоскости «территориальная целостность и самоопределение» в плоскость институционального сотрудничества и разделённого управления. Дальнейшее развитие доктрины связано с исследованием качества автономных режимов, критериев их эффективности и адаптивности к изменяющимся условиям.

§2.3. Правовые механизмы регулирования режимов самоуправления в контексте самоопределения

Переход от внешнего самоопределения (деколонизация, сецессия) к внутреннему самоопределению как доминирующей форме реализации права народов в постколониальный период поставил перед международным правом принципиально новый вопрос: какими институциональными средствами обеспечивается реализация самоопределения в рамках существующего государства? Если в эпоху деколонизации ответ на этот вопрос предполагал, как правило, независимость или присоединение к другому государству, то в современных условиях акцент смещается в сторону поиска гибких, многообразных и контекстуально обусловленных форм самоуправления, позволяющих народу осуществлять свое право на самоопределение, не ставя под вопрос территориальную целостность государства-метрополии[447].

Доктрина международного права выработала концептуальную рамку, в рамках которой автономия и самоуправление рассматриваются как ключевые институциональные механизмы реализации внутреннего самоопределения. Как отмечает Н.Лукачева, категория автономии в международном публичном праве эквивалентна самоуправлению в контексте внутреннего права на самоопределение, причем этот концепт характеризуется заложенной в нем двусмысленностью, которая одновременно является его слабостью и преимуществом, позволяя адаптировать его к конкретным обстоятельствам групп, выдвигающих автономистские требования. Важно подчеркнуть, что, по мнению Н.Лукачевой, правовое основание для признания автономии в качестве принципа международного права является недостаточно прочным, однако это не препятствует постепенному формированию автономных режимов как в практике государств, так и в решениях международных органов[448].

Дж.Хофбауэр в своем фундаментальном исследовании «Суверенитет в

---

[447] *M.Ya'kub Aiyub Kadir.* Application of the Law of Self-Determination in a Postcolonial Context: A Guideline. JEAI Volume 9(1); 2016. DOI: http://dx.doi.org/10.14330/jeail.2016.9.1.01

[448] См.: Loukacheva N. On Autonomy and Law. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://www.globalautonomy.ca/global1/article.jsp?index=RA

осуществлении права на самоопределение» предлагает рассматривать различные формы автономии как своего рода «фактическую независимость» (de facto independence) — промежуточную категорию между полной государственной независимостью и отсутствием каких-либо самоуправленческих институтов. Дж.Хофбауэр выделяет несколько уровней реализации права на самоопределение, среди которых особое место занимают автономные режимы, не ведущие к суверенизации, но обеспечивающие народам реальный контроль над своими делами. Эта концептуальная триада — полная независимость, де-факто независимость в форме автономии и «пространственная независимость» (включая принципы постоянного суверенитета над природными ресурсами и свободного, предварительного и осознанного согласия) — создает аналитический инструментарий для оценки различных форм самоуправления[449].

Особого внимания заслуживает позиция Независимого эксперта ООН по вопросам демократического и справедливого международного порядка, который в своем докладе Генеральной Ассамблее (A/69/272) и последующем докладе Совету по правам человека (A/HRC/37/63) подчеркнул, что право на самоопределение не является самоисполнимым и требует разработки институциональных механизмов для его реализации. Эксперт прямо указал, что возможно достижение решений, гарантирующих самоопределение в рамках существующей государственной структуры — например, через автономию, федерализм и самоуправление — и призвал ООН оказывать государствам консультативную и техническую помощь в разработке жизнеспособных моделей автономии[450]. Важно отметить, что, согласно этой позиции, процедуры реализации самоопределения должны сопровождаться участием и согласием заинтересованных народов, что требует разработки надежных методов определения подлинного общественного мнения.

К.Сенаратне в первой монографической работе, посвященной исключительно внутреннему самоопределению, подчеркивает, что этот принцип

---

[449] См.: Hofbauer, Jane. Sovereignty in the exercise of the right to self-determination. Lieden; Boston: Bril Nijhoff, 2016. P.77.

[450] Report of the Independent Expert on the promotion of a democratic and equitable international order - Note by the Secretariat.

остается недостаточно исследованным в международном праве. Автор показывает, что внутреннее самоопределение, которое обычно понимается как продвижение демократических свобод для населения и предоставление автономии меньшинствам, имеет более сложную историю и теоретическую структуру, чем это часто признается. Анализируя западные и незападные подходы, а также практику судов (Шри-Ланка, Гонконг), исследователь приходит к выводу, что внутреннее самоопределение представляет собой принцип «великого, но разнообразного потенциала», который может продвигаться для различных и даже конфликтующих целей[451]. Таким образом, доктрина международного права создала теоретическую основу для анализа институционально-правовых механизмов самоуправления, однако практическая реализация этих механизмов сталкивается с рядом проблем: отсутствие унифицированной модели автономии, неопределенность правового статуса автономных образований в международном праве, противоречия между принципом территориальной целостности и требованиями о предоставлении самоуправления, а также недостаточная разработанность процедурных механизмов разрешения споров между центральной властью и автономными образованиями. Настоящий параграф посвящен систематическому анализу этих механизмов, их правовой природе, типологии и эффективности в контексте реализации права народов на самоопределение.

Основными критериями, выработанными в доктрине и практике международного и национального права, в отношении проблемы самоуправления является наличие в государстве таких принципиально важных институтов и механизмов, как разделение властей, избирательное право, законодательство в области прав человека и прав меньшинств.

Выработка моделей самоуправления с помощью институциональных механизмов, предполагает, что возможные конфликты интересов между субъектами реализации права на самоопределение и органами власти в

---

[451] Senaratne K. *Internal Self-Determination in International Law: History, Theory, and Practice*. Cambridge University Press; 2021.

многосоставных и «разделенных обществах»[452] должны решаться исключительно мирными средствами и регулировать три системообразующие направления:

1) **государственное устройство.** Основной акцент, как представляется, заключается в определении системы власти; различных уровнях принятия решений; объеме компетенции и функций. Это касается структурной и функциональной симметрии политико-территориальной организации государства в целом и реализуется в тех случаях, когда этнический состав территориальных образований отличается от основной этнической группы государства. В таких случаях им могут быть предоставлены экономические, социальные и иные функций для решения соответствующих вопросов конкретного этноса и территории. Такие методы делегирования полномочий способствуют выстраиванию горизонтальных отношений в этнически неоднородных регионах;

2) **институты государственного управления,** определяют состав и функции трех ветвей власти и их взаимодействие. Немаловажным является вопрос о том является ли государство парламентским, президентским или смешанным; второй аспект — это вопрос о том, является ли разделение исполнительной и/или законодательной власти обязательным, и если да, то в какой степени это предписывается. В то же время процесс активного участия каждого гражданина в политической жизни общества, так называемая инклюзивность, является важной чертой законодательной структуры и реализуется главным образом через избирательную систему. Еще одним аспектом, в этой связи, является наличие функционирующей системы сдержек и противовесов, а также самостоятельность каждой из ветвей власти, в первую очередь судебной власти, в том числе в вопросе

---

[452] Проблемы «разделенного общества» (на англ. – «divided society») широко освещены в политологической и юридической литературе. См. подробнее: Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества / И.В.Кудряшова // Политическая наука. — 2016. — №1. — С.15-33; Панов П.В. Институциональная устойчивость фрагментированных политий // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – No 3. – С. 31–49; *Benedikter,T*. (2007), The World's Working Regional Autonomies (London 2007); *Bastian, S*. and *Luckham, R*. (eds.) (2003), Can Democracy Be Designed? (London 2003); *Choudhry, S*. (ed.) (2008), Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? (Oxford 2008); *Darby, J*. and *McGinty, R*. (eds.) (2003), Contemporary Peacemaking (Basingstoke 2003); *Ghai, Y*. (ed.) (2000), Autonomy and Ethnicity (Cambridge 2000); *Horowitz*, *D*. *L*. (1985 [2000]), Ethnic Groups in Conflict (Berkeley, CA 1985 [2000]); *Lijphart, A*. (2004), Constitutional Design for Divided Societies, in: Journal of Democracy vol. 15, no. 2 (April 2004).

назначения судей и прокуроров из числа представителей всех сегментов общества. Такой же подход применяется к должностным лицам на всех уровнях управления государством. Подобная смешанная система позволяет уравновесить этнический баланс и имплементировать меньшинства в управление государством.

3) **взаимоотношения между гражданами, различными группами и государством.** Заключается в уважении и защите государством прав всех групп населения вне зависимости от этнической, религиозной, языковой и иной принадлежности, фундаментальной базой которых служат Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических социальных и культурных правах [453]. В этом контексте важно учитывать права малочисленных и коренных народов, а также национальных меньшинств. В институциональном плане основной вопрос заключается в предоставлении самоуправления со стороны государства, обеспечение возможности использовать язык меньшинства наряду с государственным в конкретном регионе пребывания, где эта группа является большинством, поощрение развития культуры и иных элементов идентичности на государственном уровне, инклюзивность представителей меньшинств в управлении государством, равное и справедливое пользование природными ресурсами. Иными словами, вопрос здесь заключается в том, в какой степени признается и защищается самобытность конкретных групп и как это право реализуется.

Эмпирическая база и концепция. Для более детального обзора вышеперечисленных позиций, как нам представляется, следует обратиться к теоретической и эмпирической базе. Так, согласно мнению Ш.Вольфа, тремя доминирующими теориями самоуправления в многосоставных обществах являются: объединение власти или консоционализм, интеграционизм и разделение власти[454].

---

[453] Приняты резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml Дата обращения: 05 декабря 2024 г.

[454] См.: *Wolff, S.* Complex Power Sharing as Conflict Resolution: South Tyrol in Comparative Perspective, in: *J. Woelk, F. Palermo*, and *J. Marko* (eds.) Tolerance through Law: Selfgovernance and

Опираясь на труды известных американских юристов А.Лейпхарта и О'Лири, Ш.Вольф рассматривает консоционализм в качестве одного из ключевых элементов в разрешении конфликтов в многосоставных обществах. В научной литературе о консоционализме проводится различие между корпоративным и умеренным[455]. Основное различие между ними заключается в том, что корпоративный основывается на предположении, что группы являются как внутренне однородными, так и внешне ограниченными, в то время как умеренный подход подчеркивает, что самоуправляющаяся территория должна определять себя снизу вверх, а не управляться сверху вниз. Корпоративный консоционализм, в определенной степени проявляется в политической практике: например, Боснии и Герцеговины в соответствии с Дейтонскими соглашениями[456], Северной Ирландии

Group Rights in South Tyrol (Leiden 2008a) 329–370. *Wolff, S*. (2009b), Peace by Design? Towards «Complex Power Sharing», in: *R. Taylor* (ed.)

[455]См. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование/пер. с англ. Под ред. А.М.Салмина. Г.В. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с. – ISBN 5-7567-0208-3. *O'Leary, B*. (2005a), Debating Consociational Politics: Normative and Explanatory Arguments, in: From Powersharing to Democracy, ed. by *Sid Noel* (Montreal and Kingston 2005a).

[456] В соответствии с Дейтонскими соглашениями Босния и Герцеговина, оставаясь единым государством со столицей в Сараево, была разделена на 2 части - мусульманско-хорватскую Федерацию Боснии и Герцеговины (Федерация; 51% территории) и Республику Сербскую (РС; 49%). Сербы передали Федерации город Горажде, который соединялся с городом Сараево коридором, контролируемым международными силами. Сараево с прилегающими к нему сербскими районами оставалось в мусульманской зоне. Вопрос об административной принадлежности района Брчко передавался на рассмотрение Арбитражной комиссии Бадинтера (в марте 1999 года объявлен нейтральной зоной).

согласно Соглашению 1998 года[457] (Соглашение «Страстной пятницы»), Ливана, в соответствии с Национальным пактом и Таифским соглашением 1989 года[458].

Примером умеренного консоционализма может служить конституция Ирака, согласно которому «Киркук может присоединиться к Курдистану в соответствии с народным волеизъявлением. Мухафазам (провинциям) в других частях страны разрешается объединяться, формируя регионы, при наличии демократической поддержки в каждой мухафазе. В этом случае предлагается двойной демократический порог: голосование в ассамблее мухафазы и референдум. ... Кроме того, мухафазы, в которых доминируют шииты и которые не согласны с видением СКИРИ[459], могут оставаться отдельными, и, по сути, для любой мухафазы, в которой могут доминировать или могут стать секуляристы, чтобы избежать включения в управляемые шариатом Шиастан или Суннистаны»[460].

Таким образом умеренный консоционализм определяет порядок, согласно которому самоуправляемые провинции и центральная власть имеют четкие и

---

[457] Соглашение «Страстной пятницы» или Белфастское соглашение (Guid Friday Greeance or Bilfawst Greeance). Соглашения, подписанные 10 апреля 1998 г. ознаменовали собой конец противостоянию юнионистов (ольстерские протестанты, желающие остаться в составе Соединенного Королевства) и ирландских националистов (католики, сторонники присоединения с Ирландией) по вопросу конституционно-правого статуса Северной Ирландии, который продолжался с 1960 года. Главными элементами соглашения стали вопросы суверенитета, гражданские и культурные права, демилитаризация, правосудие и поддержание правопорядка, а также создание автономных органов власти. План реформы предусматривал уравнение в количестве протестантов и католиков, служащих в полиции, создание комиссии для контроля над соблюдением прав человека, а также исключения из официального названия полиции слова «Королевская», что имело значительную символическую окраску, подчёркивающую дореволюционный статус Северной Ирландии. Соглашение было подписано в Белфасте 10 апреля 1998 года (пятница) британским и ирландским правительствами и одобрено большинством политических партий Северной Ирландии. 3 мая 1998 года Соглашение было одобрено избирателями Северной Ирландии в ходе референдума. В тот же день избиратели в Республике Ирландии проголосовали за изменение конституции в соответствии с Соглашением.

[458] Соглашение о национальном примирении, положившее конец гражданской войны в Ливане. Соглашение изменило формулу разделения власти, которая отдавала предпочтение христианам, до соотношения 50:50 и усилило полномочия премьер-министра суннитов по сравнению с полномочиями президента-христианина. После Таифского соглашения премьер-министр был ответственен перед законодательной властью, как и в традиционной парламентской системе.

[459] SCIRI – иракская шиитская исламистская политическая партия.

[460] Цит. по *McGarry, J.* Iraq: Liberal Consociation and Conflict Management (Draft working paper, ms. in author's possession) (2006). P.96.

исключительные полномочия, которые защищены на конституционном уровне. Еще одной особенностью является то обстоятельство, что принятие решений по спорным ситуациям осуществляется на основе консенсуса между территориальными образованиями, центром и элитами.

Интеграционный подход подчеркивает, что с помощью избирательной системы и участия всех групп населения в выборах, а также межпартийного согласия достигается консенсус между различными группами и таким образом смягчается их этноцентрическое политическое поведение[461]. В то время как консоциационализм направлен на включение и представительство каждой этнической группы, интеграционизм направлен на деполитизацию этнической принадлежности и поощрение создания многоэтнических партий.

Л.Горовиц в классической работе по теории этнических конфликтов утверждает, что самым эффективным механизмом для избежания сецессии в многосоставных государствах является «укрепление тех конкретных интересов, которые имеют группы в неделимом обществе»[462].

Важным элементом в системе самоуправления в многосоставных обществах является разделение власти. В контексте рассматриваемой проблемы теория разделения власти была выдвинута Г.Редером и Д.Ротшильдом. Как полагают ученые «три стратегии играют центральную роль в разделении власти - гражданские свободы, власть большинства и система сдержек и противовесов»[463].

Ключевыми институциональными инструментами, с помощью которых предполагается осуществить разделение полномочий, являются прежде всего обширные законопроекты по правам человека. Разделение полномочий между ветвями власти должно привести к формированию множественного и меняющегося большинства, и таким образом повышает вероятность того, что члены этнических меньшинств будут частью политического большинства по

---

[461] *Horowitz, D. L*. (2004), The Alternative Vote and Interethnic Moderation: A reply to Fraenkel and Grofman, in: Public Choice, vol. 121, no.s 3–4 (December 2004) 507–517.
[462] *Horowitz*, *D. L*. (1985 [2000]), Ethnic Groups in Conflict (Berkeley, CA 1985 [2000]). P.628.
[463] *Roeder, P. G*. and *Rothchild, D*. (eds.) (2005), Sustainable Peace: Power and Democracy after Civil Wars (Ithaca, NY 2005). P.6.

основным вопросам, а члены этнического большинства, тем самым, будут частью меньшинств[464].

Практические аспекты. Приведенный выше обзор трех основных теорий реализации механизмов самоуправления в многосоставных государствах при реализации права на самоопределение иллюстрирует необходимость рассмотрения отдельных практических примеров.

Разберем пример урегулирования вопросов самоуправления на примере Южного Тироля, успешное решение которого послужило яркой демонстрацией построения политического диалога между провинцией и центром, а также набор прав, предоставленный соответствующей этнической, религиозной и языковой группе. Как известно, южная часть земли Тироль была присоединена к Итальянскому королевству по Сен-Жерменскому мирному договору 1919 года, который сопровождал процесс распада Австро-Венгрии по результатам Первой мировой войны. Границы были установлены не по языковому принципу, а на основе ландшафта местности по альпийскому перевалу Бреннер. Таким образом в составе Италии оказалась территория, чье население этнически и культурно ощущало себя австрийцами[465]. В 30-е годы XX века после прихода к власти Б.Муссолини, начался процесс итальянизации этих земель, что выражалось в запрете использовать немецкий язык на госслужбе, в школьном обучении, в топонимике, на радио и в прессе[466]. После окончания Второй мировой войны австрийское население Южного Тироля начало активно отстаивать свои политические права, в связи с чем была основана Южнотирольская народная партия, основной целью который было воссоединение с Австрией. Однако на

---

[464] Там же. С.17.

[465] *Göldinger W.* Die Entstehung der Republik. Der Kampf um das Staatsgebiet // Geschichte der Republik Österreich : [нем.] / Erg. und erw. Ausg. von: Der geschichtliche Ablauf der Ereignisse in Österreich 1918-1945; Heinrich Benedikt. — Munchen : Oldenbourg, 1954. — S. 15—103. — 630 S. — OCLC 781549596.

[466] Сулимов К.А. Автономная провинция Больцано (Южный Тироль). Проект Российского научного фонда № 15-18-00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств». Электронный ресурс: http://identityworld.ru/maps_aera/profile/south_tyrol.pdf Дата обращения: 15.11.2024.

Парижской мирной конференции 1946 года было установлено, что Южный Тироль остается в составе Италии, при условии сохранения и гарантий немецкого языка и австрийской культуры[467]. Соответствующее соглашение получило название по именам министров иностранных дел Австрии и Италии - Соглашение Грубера – Де Гаспери[468]. Это соглашение фактически стало первым примером реализации внутреннего права на самоопределение после принятия Устава ООН в 1945 году.

Особенностью соглашения явилось то обстоятельство, что гарантом реализации прав региона Италии стало государство (Австрия), заинтересованное в сохранении языка и культуры этнического состава этого региона. Соглашение вплоть до сегодняшнего дня рассматривается как эталон реализации самоуправления и предоставление международной гарантии, позволившей третьему государству вмешиваться во внутригосударственные дела конкретной страны с целью осуществления защиты прав национального меньшинства. Вкратце суть соглашения сводилась к следующему:

- равенство жителей Южного Тироля с учетом национального характера, культурного и экономического развития немецко-говорящей части населения;

- право на обучение в школах на немецком языке, равное использование в госучреждениях, в документах, топонимике немецкого и итальянского языков, одинаковые условия при приеме на работу, признание дипломов;

- законодательное и исполнительное самоуправление;

- свободное перемещение пассажиров, товаров и грузов;

- конституционное закрепление статуса региона[469].

---

[467] *Hans Karl Peterlini.* 100 Jahre Südtirol. Geschichte eines jungen Landes. — Innsbruck: Haymon, 2012. — С. 118—129.

[468] Rolf Steininger, *Autonomie oder Selbstbestimmung? Die Südtirolfrage 1945/46 und das Gruber-De Gasperi-Abkommen* (Innsbrucker Forschungen zur Zeitgeschichte, 2), Innsbruck-Vienna-Bolzano, Studien-Verlag, 2006. ISBN 978-3-7065-4332-3.

[469] См. Osterreichische ausenpolitische Dokumentation. Sonderdruck Sudtirol-Dokumentation // Bundesministerium fur auswartige Angelegenheiten, Universitats- und Landesbibliothek Tirol, Weinberger, Gerhard Wien, 1992.

Однако несмотря на все изменения, итальянское правительство стало массово населять указанный регион страны италоговорящим населением[470], создающим ощущение у тирольцев, что итальянское правительство не намерено в дальнейшем выполнять свои обязательства. В этой связи в регионе стали формироваться террористические организации (самая известная - Комитет за освобождение Южного Тироля и др.), пик деятельности которых пришелся на 50-60 гг. XX века. Итальянское правительство вынуждено было стягивать полицейские и военные силы для противодействия указанным тенденциям. Ситуация казалась взрывоопасной и могла привести к активным военным действиям. В этой связи вопросы Южного Тироля стали главной внешнеполитической повесткой недавно получившей полную независимость Австрии, которой удалось поставить обозначенную проблему на рассмотрение на очередной сессии ООН. Согласно резолюции 1497/XV Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 1960 «Статус немецкоязычного элемента в провинции Бальцано (Боцен): проведение в жизнь Парижского соглашения от 5 сентября 1946 года» было установлено обязательность положений Парижского соглашения и необходимость поиска обоюдовыгодных решений вплоть до обращения в Международный Суд ООН[471].

Важные аспекты переговоров по статуту самоуправляемой территории были проведены в 1960 году так называемой Комиссией девятнадцати с участием представителей Южного Тироля и итальянского правительства (11 представителей со стороны правительства Италии, семь германоязычных тирольцев и один ладин), разрабатывающей пакет реформ[472]. В 1964 году были созданы две отдельные

---

[470] В Южном Тироле германоязычные составляли примерно две трети населения, а в Трентино фактически не были представлены (в них проживали небольшие германоязычные языковые общины: носителей цимбрийского (cimbrian) и мокенского (mòcheno) языков/диалекта, италоговорящих – порядка 95% и ладины – около 3.5%.

[471] См. Официальный сайт Организации Объединенных Наций https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/155/07/pdf/nr015507.pdf Дата обращения: 21.11.2024.

[472] Сулимов К.А. Автономная провинция Больцано (Южный Тироль). Проект Российского научного фонда № 15-18-00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств».

комиссии для содействия и надзора за осуществлением статута в отношении провинциальных и региональных аспектов автономии. В 1969 году Земельным собранием Южного Тироля, Парламентом Итальянской Республики и Национальным советом Австрии состоялся процесс ратификации Статута автономии. В 1972 году документ был утвержден в новой редакции. В общей сложности в документе содержалось 137 пунктов, которые в деталях описывали права и соответствующую реализацию языковых, культурных и иных прав в сочетании с комплексной системой сдержек и противовесов, действующей между регионом и центральными властями. Процесс имплементации (переходной период) отдельных положений статута занял более 20 лет (в части равенства представителей меньшинств в органах публичной власти). В 1992 г. после окончания переходного периода представители германоязычного населения Южного Тироля официально заявили австрийским властям, что удовлетворены Пакетом реформ, а положения Парижского соглашения реализованы в полном объеме. С 1997 года в соответствии со статьей 137 Закона об автономии действует еще одна комиссия, которая конкретно занимается вопросами защиты меньшинств и экономического, социального и культурного развития этнических групп в Южном Тироле[473]. Стоит отметить, что в результате конституционных реформ автономные самоуправляемые регионы приобрели универсальный симметричный статус на ряду с другими регионами, а регион Бальцано был переименован и получил аутентичное название – Alto Adige/Sudtirol (ст. 116 Конституции Италии). После вступления Австрии и Италии в Европейский Союз, а также присоединение к Шенгенскому соглашению все административные сложности для взаимодействия Северного и Южного Тироля были полностью нивелированы, с учетом отсутствия границ и наличия единой валюты - евро.

Диаметрально противоположным примером предоставления самоуправления центральными властями в связи с правом на внутреннее

Электронный ресурс: http://identityworld.ru/maps_aera/profile/south_tyrol.pdf Дата обращения: 15.11.2024.

[473] См. подробнее на сайте Южнотирольского ландтага: URL: http://www.landtag-bz.org/de/dreier-landtag.asp Дата обращения: 22.11.2024.

самоопределение является острый политический кризис на Украине, начавшийся в 2014 году после событий на Майдане, переливший в гражданскую войну, объявление самоопределившихся территорий независимыми государствами, в связи с отказом центральных властей предоставлять автономию, признание[474] и дальнейшее вступление в состав Российской Федерации на основе международного договора[475]. Как справедливо отмечает А.С.Исполинов, «произошедшее событие будет внимательно изучаться отечественными и зарубежными юристами-международниками как еще один пример современной практики государств в отношении права наций на самоопределение, а также внесет свой вклад в понимание современного международно-правового регулирования сецессии, т. е. выхода части государства из состава «материнского» государства»[476].

За период независимости на Украине, выработался сценарий, согласно которому, нахождение у власти представителей западных или восточных регионов страны, так или иначе, вызывали недовольство представителей элит этих регионов, что приводило к массовым демонстрациям и протестам. До определенного момента подобные акции удавалось гасить с использованием различных политических

---

[474] Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2022 No 71 «О признании Донецкой Народной Республики». Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2022 No 72 «О признании Луган- ской Народной Республики». Указ Президента Российской Фе- дерации от 29.09.2022 No 685 «О признании Запорожской обла- сти». Указ Президента Российской Федерации от 29.09.2022 No 686 «О признании Херсонской области».

[475] Постановление от 02.10.2022 No 36-П по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта, Постановление от 02.10.2022 No 37-П по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта, Постановление от 02.10.2022 No 38-П по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта, Постановление от 02.10.2022 No 39-П по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта).

[476] Исполинов А.С. Вхождение четырех новых субъектов в состав РФ: Конституционный суд Российской Федерации о праве на сецессию и условиях его реализации. Евразийский юридический журнал. №6 (181) 2023. Стр. 126.

технологий. В связи с частой сменой власти, отсутствием опыта государственного строительства, игнорирование институтами самоуправления и методами урегулирования конфликтов в многосоставных государствах и разделенных обществах, отсутствие правового статуса второго по численности этноса на Украине – русских, нежелание решать вопросы гарантий русского языка и языков этносов, проживающих на территории Украины, привели в итоге после очередного «Майдана» к сецессии Крыма из состава Украины и несогласие восточных регионов страны с откровенной националистической политикой центральных властей в отношении России, русского языка, Русской Православной Церкви, пересмотра внеблокового статуса и др. Очередным витком напряженности послужил пересмотр положений Закона «Об основах государственной языковой политики № 5029-VI» от 8 августа 2012 года, который предусматривал возможность использования на государственном уровне язык представителей соответствующего региона, составляющих более 10% населения. После отстранения законно избранного президента Януковича в результате вооруженного переворота, Верховная Рада отменила закон, что вызвало бурное негодование регионов и местных властей. 28 февраля 2018 года закон утратил силу[477].

Следующим этапом недальновидности властей в части регулирования национальной политики стало принятие закона «О коренных народах Украины» № 1616-IX, который Верховная Рада приняла 1 июля 2021. Согласно положениям Закона, коренной народ – «автохтонная этническая общность, которая сформировалась на территории Украины, является носителем самобытного языка и культуры, имеет традиционные, социальные, культурные или представительские органы, осознает себя коренным народом Украины, составляет этническое меньшинство в составе ее населения и не имеет собственного государственного образования за пределами Украины[478]. Согласно этому определению, коренными

[477] Верховная Рада Украины приняла Закон «О признании утратившим силу Закона Украины О принципах государственной языковой политики». Электронный ресурс. Дата обращения – 25.11.2024 г.

[478] Рада приняла закон о коренных народах Украины, среди которых не значатся русские. ТАСС. https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11801189 Дата обращения - 25.11.2024

народами Украины являются крымские татары, караимы, крымчаки». Предельно четко это положение прокомментировал В.В.Путин в статье, посвященной украинскому кризису: «И наконец, уже в мае этого года действующий президент внёс в Раду законопроект о «коренных народах». Ими признаются лишь те, кто составляет этническое меньшинство и не имеет собственного государственного образования за пределами Украины. Закон принят. Новые семена раздора посеяны. И это в стране – как уже отмечал – очень сложной по территориальному, национальному, языковому составу, по истории своего формирования»[479].

Несмотря на попытки Трехсторонней контактной группы (Россия, Украина, ОБСЕ) урегулировать конфликтную ситуацию посредством Минских соглашений, предусматривающих: разоружение повстанцев, помилование и амнистию, проведение местных выборов на основе Закона «О временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей», конституционные изменения, гарантирующие русскоязычным гражданам Украины, проживающим на территории Донбасса - свободу русского языка и территориальную автономию, восстановление социально-экономических связей (включая социальные переводы, пенсии, коммунальное обеспечение и пр.), восстановление контроля над границей со стороны Украины во всей зоне конфликта после всеобъемлющего политического урегулирования,[480] власти Украины исполнять соответствующие договоренности отказались, что привело к дальнейшей эскалации и сецессии восточных регионов. Стоит отметить, что Минские соглашения были одобрены специальной резолюцией Совета Безопасности ООН.

Как представляется, игнорирование институционального регулирования вопросов самоуправления, с учетом наличия многосоставных элементов, может

---

[479] Путин В.В. «Об историческом единстве русских и украинцев». http://kremlin.ru/events/president/news/66181 Дата обращения – 12.11.2024 г.

30 См. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений. https://www.osce.org/files/f/documents/5/b/140221.pdf Дата обращения - 12.11.2024 г.

привести в краткосрочной перспективе к дальнейшей дезинтеграции и фрагментации территорий Украины по всему периметру границ[481].

Как показал опыт Южного Тироля территориальное самоуправление само по себе недостаточно для того, чтобы предложить жизнеспособное решение конфликтов самоопределения. Ввиду сложности таких конфликтов с точки зрения прямого или косвенного участия в них сторон и их конкурирующих требований необходимы дополнительные механизмы урегулирования конфликтов для обеспечения возможности достижения стабильного и прочного урегулирования. Осознавая взрывоопасность ситуации, власти Италии смогли реализовать необходимую модель самоуправления для смягчения сепаратистских настроений и дальнейшей сецессии территорий. Обратный эффект произошел на Украине: отказ от диалога с повстанцами, недовольных действиями центральных властей, откровенная националистическая политика, нежелание следовать положениям Минских соглашений, применение армии в отношении собственных граждан привело к ремедиальной сецессии соответствующих территорий.

«Сложное разделение власти».

В связи с продолжающейся фрагментацией политической карты мира и возникновением новых акторов международных отношений, учеными из Кембриджского университета в практику был введен термин «сложного разделения властей»[482]. Сложное разделение власти, относится к практике урегулирования конфликтов, в основе которой лежит определенный режим самоуправления, но общая институциональная структура которой включает ряд дополнительных механизмов для учета этнического разнообразия в многосоставных государствах. Таким образом, сложное разделение власти - «сложная институциональной структура, которая не может быть сведена к

---

[481] См.: Каграманов А.К. Формы и методы регулирования режимов самоуправления в многосоставных государствах при реализации права на самоопределение. Lex russica. 2025;78(9). С.111. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.226.9.108-118

[482] *Kettley, C.*, *Sullivan, J.* and *Fyfe, J.* «Self-Determination Disputes and Complex Power Sharing Arrangements: A Background Paper for Debate». Cambridge: Centre of International Studies, available online at http://www.intstudies.cam.ac.uk/centre/cps/download/background1.pdf (2001). Дата обращения: 12.11.2024.

автономии/(этно-)федерации, (традиционной) модели разделения власти»[483]. Первым элементом, который следует рассмотреть в контексте этой проблемы является симметрия и асимметрия институционального устройства, и число существующих уровней власти[484]. Режимы самоуправления в основном опираются на более чем два уровня власти.

Рассмотрим примеры указанных моделей на примере конкретных кейсов, связанных с внедрения самоуправления. В случае Бугенвиля[485] и Северной Ирландии этими тремя уровнями являются центральное правительство, региональные и местные органы управления. В Боснии и Герцеговине, Брюсселе (Бельгия), Гагаузии (Молдова), Минданао (Филиппины), Южном Судане и Южном Тироле существует более трех уровней управления. В Боснии и Герцеговине это является результатом взаимодействия внутренних, муниципальных, региональных и международных факторов, повлиявших на процесс создания государства и определивший его федеративный статус. Сложность процесса федерализации в Бельгии, который привел к созданию структуры, где регионы и общины одновременно являются компонентами общей федеральной структуры, объясняет четырехступенчатую структуру бельгийской системы.

В случае Минданао четырехуровневая структура управления была изменена созданием пятого уровня - юридического и политического образования Автономной области мусульманского Минданао[486]. Как и в случае Гагаузии, где существовавшая ранее трехуровневая структура была изменена с учетом создания территориальной автономной единицы Гагаузия[487], Южный Судан представляет

---

[483] Там же.

[484] См. *McGarry, J.* (2007), Asymmetrical Federal Systems, in: Ethnopolitics vol. 6, no. 1 (2007).

[485] Территория, находящаяся в составе Папуа-Новой Гвинеи в качестве автономии. По результатам референдума 2019 г. жители острова проголосовали за независимость, которая будет провозглашена в 2029 году. https://www.nytimes.com/2019/12/11/world/asia/bougainville-independence-papua-new-guinea.html Дата обращения: 26.11.2024.

[486] «Peace Agreement» (www.intstudies.cam.ac.uk/centre/cps/documents_philippines_final.html). Дата обращения: 12.11.2024.

[487] «The Law on the Special Legal Status of Gagauzia (Gagauz Yeri)» (www.intstudies.cam.ac.uk/centre/cps/documents_moldova_law.html). Дата обращения: 12.11.2024.

собой дополнительный уровень управления между центральным правительством и правительствами штатов, выражающий самобытность южных штатов[488].

Следует отметить, что оба вида разделения власти, хотя и в различной степени, допускают асимметричные структуры и функции, в то время как умеренное разделение власти в основном выступает за территориальные конфигурации, отражающие выраженные пожелания самоуправляющихся общин (независимо от основы такого самоопределения). Что особенно важно в этом отношении, центристы и сторонники разделения власти предпочитают территориальное самоуправление, основанное на административных, а не на этнических критериях, в попытке предотвратить институционализацию групповой идентичности и создать коалиции интересов, основанные на политике, а не на идентичности (центристы), или содействовать множественному и изменяющемуся большинству.

Сложность режимов самоуправления как механизма урегулирования конфликтов, связанных с самоопределением, обусловлен тем, что при разработке модели используются новаторские способы объединения традиционных структур горизонтального и вертикального разделения власти.

Горизонтальное разделение существует во всех случаях, когда в регионе присутствует значительное этническое представительство. Для достижения стабильного равновесия в условиях двойственного положения меньшинств, как представляется, необходимо создать такой взаимосвязанный механизм, который признавал бы и защищал все основные языковые и этнические группы в рамках существующей структуры территориально-политической организации.

Следуя доктринальным и практическим положениям, определенным в настоящем параграфе, базовым условием для достижения эффективного баланса в многосоставных обществах является наличие институциональных механизмов, инклюзивности и развитой избирательной системы, отвечающих специфике

---

[488] «Protocol between the Government of Sudan (GOS) and the Sudan People's Liberation Movement (SPLM) on Power-Sharing» (www.usip.org/library/ pa/sudan/power_sharing_05262004.pdf). Дата обращения: 12.11.2024.

конкретного государства. В таких случаях самоуправление может быть достигнуто без радикальных последствий либо урегулировано на базе достижения консенсуса. Формы реализации самоуправления, объем компетенций и функций соответствующих субъектов могут варьироваться между горизонтальной, вертикальной либо смешанной формами в зависимости от этнической, языковой, конфессиональной и иной неоднородности.

Вместе с тем стоит отметить, что ни одна из теорий урегулирования конфликтов не подходит в полной мере для ситуаций, в которых оказываются многосоставные государства. При этом умеренный консоционализм, как показывает практика, является наиболее универсальной теорией, которая отвечает современному развитию государств. В рамках умеренного консоционализма существуют целый ряд механизмов, включая укрепление судебной системы, контроля и надзора за правопорядком, участие представителей этнических и языковых меньшинств в управлении государством, а также универсально применимое законодательство в области прав человека и совершенствование избирательной системы.

§ 2.4. Режимы *de facto* в международном праве: проблема легитимности и эффективности

Современная система международных отношений, основанная на Вестфальской модели суверенитета и принципе территориальной целостности, сталкивается с перманентным вызовом со стороны феномена государственности *de facto*. Такие образования, как Китайская Республика (Тайвань), Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия, Нагорный Карабах (в период своего существования) или Турецкая Республика Северного Кипра, десятилетиями функционируют как полноценные политические единицы, обладая всеми атрибутами государства - контролем над территорией, монополией на насилие, функционирующими институтами власти. Однако их правовой статус остается неопределенным ввиду отсутствия широкого международного признания. Это противоречие между фактической состоятельностью и юридической непризнанностью создает устойчивые очаги напряженности, дестабилизирует регионы и выявляет ограниченность традиционных подходов международного права, ориентированных на бинарную логику «признан/не признан». Таким образом целью настоящего исследования является анализ государственности *de facto* как устойчивого политико-правового феномена через призму его гибридной природы и ограниченной международной правосубъектности. Для достижения этой цели в работе ставятся следующие задачи: определить связь между государственность *de facto,* принципом на самоопределение и территориальной целостностью государств; уточнить и систематизировать критерии идентификации государственности *de facto*, выделив ее из ряда смежных понятий («несостоявшиеся государства», «сепаратистские режимы»); проанализировать внутренние механизмы легитимации и модели институционального строительства в *de facto* государствах; исследовать параметры их ограниченной международной правосубъектности и формы взаимодействия с внешним миром, включая материнское государство; разработать авторскую типологию *de facto* государств на основе уровня их институциональной автономии и внешней зависимости. В работе предлагается авторская типология *de facto* государств по уровню

их институциональной автономии и внешней зависимости, которая позволяет выявить различные модели их правового статуса и стратегий функционирования.

Понятие, признаки и критерии и классификация государственности de facto. Государственность *de facto* — это эмпирическая, фактическая реальность. Она отвечает на вопрос: «обладает ли данный субъект реальными атрибутами власти и суверенитета на определённой территории, независимо от его юридического статуса?» Это состояние, основанное не на праве, а на силе, эффективности контроля и функциональности институтов. Таким образом, *de facto* государственность — это феномен эффективного, но нелегитимного (или ограниченно легитимного) суверенитета. Основные критерии этого института включают способность власти контролировать большую часть заявленной территории, включая границы. Это контроль, обеспеченный силовыми структурами (армией, полицией), а не международными договорами; наличие институтов, которые осуществляют управление - администрацию, суды, налоговые органы, и которые население в той или иной мере вынуждено признавать; способность подавлять внутренних конкурентов и противостоять внешним угрозам. Это насилие может восприниматься населением как нелегитимное, но оно является эффективным. Режим существует не как временное образование, а демонстрирует способность к воспроизводству власти и функционированию в течение значительного времени. В этой связи раскрывается логика Д.Кроуфорда, который исходит из того, что эффективность формирующегося субъекта превалирует, и его незаконное происхождение не будет препятствовать признанию в качестве государства. Возможна, по мнению автора, ситуация, когда «незаконность происхождения» должна рассматриваться в качестве первостепенного фактора в соответствии с принципом ex injuria non oritus jus[489]. Для преодоления терминологической разрозненности и упорядочения многообразия существующих понятий *de facto* государств, П.Кэлсте предлагает

[489]См.: Crawford J. *The Creation of States in International Law*. 2[nd]ed. Oxford: Oxford University Press. 2007. 870 p. DOI:10.1093/acprofoso/9780199228423.001.0001

классификационную модель, основанную на четырех категориях. Данная типология строится на двух ключевых критериях оценки:

1. Аксиологический критерий - степень позитивной или негативной оценки явления;
2. Пространственный критерий - направленность характеристик: внутрь (характеристики через взаимоотношения с собственным населением); вовне (характеристики через взаимоотношения с другими государствами)[490].

Важным критерием международной правосубъектности *de facto* государств является соответствие «тесту Монтевидео». Конвенция Монтевидео 1933 года устанавливает четыре классических признака государства как субъекта международного права: постоянное население**,** определенная территория**,** собственное правительство, способность к вступлению в отношения с другими государствами[491]. Согласно декларативному подходу признания, закрепленному в Статье 3 Конвенции, политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами. Однако на практике для реализации полноценной международной правосубъектности признание играет ключевую роль. Хотя некоторые образования могут создавать видимость соответствия критериям, их статус сталкивается с серьезными правовыми вызовами. Де-факто режимы часто не обладают окончательным и легитимным контролем над своей территорией, которая оспаривается «материнским» государством. Их правительство, хотя и функционирует, не признано международным сообществом в качестве законного представителя. Это создает правовой вакуум и проблему эффективной власти. Наиболее критичное несоответствие касается четвертого критерия. Без широкого международного признания такие образования не могут в полной мере вступать в правовые отношения с другими государствами, заключать

---

[490] См.: Kolsto P. Whats in a name? “De Facto States”, Terminogical Choices, and Normative Consequences. University of Oslo. DOI:10.20542/2307-1494-2022-1-30-46

[491] Ст.1 Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 года. URL:https://www.ilsa.org/Jessup/Jessup15/Montevideo%20Convention.pdf Дата обращения: 12.11.2025.

международные договоры или становиться членами международных организаций. Их способность к внешним связям крайне ограничена. Даже при формальном наличии признаков Монтевидео, на статус де-факто государств напрямую влияют другие императивные нормы. Принцип территориальной целостности суверенных государств часто является главным правовым барьером для легитимации сепаратистских режимов. Кроме того, согласно Статье 11 Конвенции, обязательство не признавать территориальные приобретения, полученные силой, может блокировать признание образований, возникших в результате вооруженного конфликта. Современная практика показывает, что международное сообщество не следует Конвенции Монтевидео буквально. Решение о признании является не только юридическим, но и глубоко политическим актом, в котором критерии государственности взвешиваются вместе с принципами территориальной целостности, правом на самоопределение и соображениями международной стабильности. В этой связи представляют интерес различные подходы ученых по тайваньскому вопросу. Китайские ученые придерживаются позиции, что Тайвань не может считаться суверенным государством, что подтверждается отсутствием у него дипломатических отношений с подавляющим числом членов международного сообщества. Данное обстоятельство указывает на его несоответствие одному из фундаментальных признаков государства, определенных Конвенцией Монтевидео, - наличию способности вступать в отношения с другими государствами. В свете этого односторонние шаги США, направленные на признание Тайваня суверенным государством в рамках национального законодательства, не только идут вразрез с взятыми на себя Вашингтоном международными обязательствами, но и подрывают мир и безопасность в регионе[492]. Другие ученые полагают, что согласно критериям Конвенции Монтевидео, данное образование обладает всеми признаками государственности: постоянным населением, определенной территорией,

[492] 沈强 从国际法的理论与实践看台湾的法律地位 // 理论新探，2000年第5期，16–17页 (*Шэнь Цян.* Правовой статус Тайваня с точки зрения теории и практики международного права // Новые исследования, 2000. No 5. С. 16–17). Цит. по Толстых В.Л, Тяньюй Я. Тайваньский вопрос в международном праве. «Российский юридический журнал», №1, 2024. С.32

действующим правительством и способностью вступать в международные отношения. Тот факт, что оно претендует на весь Китай, не отменяет его фактического суверенитета над контролируемой частью. Помимо четырех классических критериев, оно также соответствует дополнительным условиям, приобретающим все большее значение в современном международном праве: наличие демократической политической системы, соблюдающей права человека, а также способность нести международно-правовую ответственность. Хотя формального провозглашения независимости не последовало, такое право обоснованно вытекает из фундаментального принципа самоопределения народов[493]. Как видится, разнопорядковые подходы сторон подвержены, в первую очередь, значительному политическому влиянию. Однако, как представляется, китайский подход с правовых позиций имеет более взвешенную и обоснованную основу.

De facto государства можно классифицировать по источнику их возникновения и характеру отношений с «материнским» государством:

непризнанные государства — это образования, которые провозгласили независимость, но не получили широкого международного признания. Они обладают всеми атрибутами государственности, но юридически считаются частью другого государства. Примерами можно считать Республику Абхазия, Китайскую Республика (Тайвань), Нагорно-Карабахскую Республику (до 2020 года), Приднестровскую Молдавскую Республику, Турецкую Республику Северного Кипра, Республика Южная Осетия;

государства, возникшие в результате иностранной интервенции: например, Косово. Его статус является гибридным. Более 100 государств признают его независимость (*de jure*), но такие ключевые страны, как Россия, Китай, Сербия, Испания и другие - нет. На части территории, населённой сербами, реальная власть

---

[493] *Carolan Ch. J.* The «Republic of Taiwan»: a Legal-Historical Justification for a Taiwanese Declaration of Independence // New York University Law Review. 2000. Vol. 75. P. 429–468. Цит. см. там же. С.35

Приштины ограничена, что делает её суверенитет в полном объёме всё ещё *de facto*, а не абсолютно *de jure*;

«несостоявшиеся» государства (failed States): В этом случае *de jure* государство существует (признано ООН), но его *de facto* государственность рассыпается. Центральная власть не контролирует всю территорию, уступая место местным полевым командирам, кланам или террористическим группировкам. Примером может служить Сомали в периоды острого кризиса. Правительство в Могадишо было *de jure* легитимным, но его реальная власть не распространялась за пределы столицы. Большая часть страны контролировалась аль-Шабааб и другими группировками, которые устанавливали там свои порядки (*de facto* власть).

Проблемы и вызовы, связанные с de facto государственностью - отсутствие признания лишает их доступа к международным институтам, кредитам МВФ и Всемирного банка, системе международного правосудия. Такие образования часто существуют в условиях экономических санкций, что вынуждает их опираться на «чёрный рынок», контрабанду и поддержку государства-покровителя. Постоянная угроза возобновления конфликта с «материнским» государством делает их милитаризованными анклавами. Граждане (или жители) таких образований, сталкиваются с проблемами безгражданства, ограничениями в передвижении, отсутствием дипломатической защиты за рубежом.

Основные доктринальные подходы. Проблема государственности *de facto* находится в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей. Значительный вклад в ее изучение внесли работы, посвященные теории непризнанных государств, сепаратизму и проблемам суверенитета. В научной литературе сложились два ключевых подхода: первый рассматривает *de facto* государства как временные аномалии, результат «замороженных конфликтов» (С.Пегг и Д.Линч). По мнению авторов эти образования находятся в правовом вакууме: они де-факто независимы, обладая всеми атрибутами государственности (правительство, армия, контроль над территорией), но де-юре непризнаны мировым сообществом. Это делает их «аномалиями», не

вписывающимися в традиционную вестфальскую систему суверенных государств. Их существование — это прямое следствие неурегулированного военно-политического противостояния. Конфликт не разрешен, а лишь приостановлен, часто благодаря хрупкому перемирию или внешней военно-политической поддержке одного из игроков. Эта «замороженность» и позволяет таким образованиям выживать, но не позволяет легитимизировать свой статус. Хотя некоторые из таких государств могут существовать десятилетиями, в теории они считаются временным явлением. Их устойчивость часто иллюзорна и зависит от непредсказуемых внешних факторов - смены международной конъюнктуры, изменения баланса сил покровителя или возобновления активных боевых действий. Они застряли в состоянии неопределенности между войной и миром. Поскольку путь к полному международному признанию для них закрыт, их главной целью становится не развитие, а выживание. Для этого они используют различные стратегии: от поиска могущественного покровителя (метрополии) и создания образа жертвы до участия в неформальных экономических сетях и теневой экономике[494]. Таким образом, с этой точки зрения, де-факто государства — это не зарождающиеся новые страны, а скорее симптом системного сбоя международной системы. Их длительное существование не отменяет их принципиальной нестабильности и зависимости от незавершенного конфликта, который в любой момент может быть разморожен.

Второй подход рассматривает государственность *de facto* как устойчивые гибридные политические образования с собственной логикой развития (Р. Колстё). Р.Колстё утверждает, что многие *de facto* государства демонстрируют удивительную способность к выживанию и сохранению своих институтов на протяжении десятилетий. Эта устойчивость заставляет рассматривать их не как временный сбой, а как постоянный элемент международного ландшафта, который, хоть и не получил всеобщего признания, обладает всеми признаками

[494] См. Pegg S. De facto States in the International System. Institute of International Relations. The University of British Columbia. Working Paper. №21. 1998. Lynch D. Separatist states and post-Soviet conflicts // International Affairs. 2002. V. 78. No. 4. P. 831-848;

функционирующей политической системы. Термин «гибридные» означает, что эти образования сочетают в себе атрибуты государственности и черты, характерные для негосударственных акторов. С одной стороны, они создают полноценные государственные институты: парламенты, правительства, суды, силовые структуры, системы образования и здравоохранения. На своей территории они выполняют все классические функции государства. С другой стороны, их существование зависит от внешней поддержки (часто со стороны государства-покровителя), они вовлечены в сложные «патронажно-клиентские» отношения и могут опираться на неформальные экономические сети. Эта двойственность и составляет их гибридную сущность. У *de facto* государств формируется внутренняя политическая и экономическая динамика, которая не сводится лишь к «выживанию» или «ожиданию урегулирования». Внутри них складываются свои политические элиты, у которых есть интерес в сохранении существующего статус-кво, так как он дает им власть и доступ к ресурсам. У них формируется особая идентичность населения, основанная на опыте конфликта и самостоятельного существования, что делает идею возвращения в состав «материнского государства» все менее популярной. Их экономические модели, хоть и часто теневые, могут демонстрировать определенную эффективность и адаптивность[495].

Таким образом, Колстё призывает анализировать *de facto* государства не через призму того, чем они не являются (признанными странами), а через призму того, чем они являются на самом деле - уникальными и жизнеспособными политическими организмами, которые следует изучать как самостоятельный феномен, а не как побочный продукт «замороженного конфликта». Их долговечность свидетельствует о том, что они нашли свою, особую нишу в мировой политике.

Значительный вклад в развитие отечественной доктрины государственности *de facto* внес В.Л.Толстых, рассматривая соответствующую проблему с точки

[495] Kolsto P. The sustainability and future of unrecognized quasi-states // Journal of Peace Research. 2006. V. 43. No. 6. P. 725.

зрения функционирования таких образований как Тайвань и Нагорных Карабах[496]. Несмотря на обширную теоретическую базу, остается недостаточно изученным вопрос о формировании особой, гибридной правосубъектности этих образований и их адаптивных стратегиях выживания в условиях системных ограничений.

Принцип самоопределения, территориальная целостность, самооборона. В рамках исследуемой работы государственность *de facto* гармонично переплетается с принципом самоопределения и вступает в неминуемый конфликт с принципом территориальной целостности. Эта связь носит диалектический характер, где принцип самоопределения служит одновременно правовым обоснованием и политическим инструментом, вступая в коллизию с другим фундаментальным принципом - территориальной целостности.

В этой связи самоопределение как правовая и идеологическая основа служит в качестве легитимизирующей функции: *de facto* государства в подавляющем большинстве случаев провозглашают себя именно через реализацию права на самоопределение. Они апеллируют к воле народа (часто этнически определенного), стремящегося к самостоятельному политическому существованию. Эта отсылка к одному из ключевых принципов международного права (закрепленному в Уставе ООН) призвана придать их требованию легитимность в глазах международного сообщества.

Международное право не дает однозначного ответа на вопрос, какой из принципов имеет приоритет. Декларация о принципах международного права 1970 года подчеркивает, что самоопределение не может авторизовать любые действия, ведущие к расчленению или частичному или полному нарушению территориальной целостности суверенных государств, которые сами соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов. Международное сообщество (в лице государств и ООН) вынуждено балансировать между этими принципами. Решение о признании или непризнании того или иного *de facto* государства часто

---

[496] Толстых В.Л, Тяньюй Я. Тайваньский вопрос в международном праве. «Российский юридический журнал», №1, 2024. С.40.; Толстых В.Л. Международно-правовая квалификация конфликта в Нагорном Карабахе // Российский юридический журнал. 2021. № 1. С. 83-102. DOI: 10.34076/20713797_2021_1_83

принимается не на основе чистого права, а под влиянием геополитических интересов и политической целесообразности. Яркие примеры - различный подход к Тайваню, Косово, Абхазии, Южной Осетии и Крыму. В этой связи представляет интерес размышление М.Хартвига применительно к Тайваню, который считает, что международное право отдает приоритет территориальной целостности государства перед правом региона на независимость, что видно на примере Северного Кипра, Нагорного Карабаха и Сомалиленда. Запрет на силовое изменение границ применяется только к устоявшимся *de facto* режимам (как ФРГ и ГДР)[497].

De facto государство представляет собой ситуацию, когда политическая воля на самоопределение была реализована (провозглашена независимость, созданы институты), но международно-правовая легитимация не последовала. Это приводит к возникновению «замороженного конфликта», где принцип самоопределения оказался реализованным лишь частично и остается оспариваемым. Долговременное существование *de facto* государств создает прецеденты, постепенно подрывающие абсолютный приоритет территориальной целостности. Чем дольше такое образование существует, тем больше оно укрепляет свою *de facto* легитимность, опираясь на аргумент «сложившейся реальности», даже без формального признания.

Правовой статус de facto государств порождает сложные вопросы в контексте ***права на самооборону.*** Поскольку эти образования не являются субъектами международного права, у них отсутствует самостоятельное право на индивидуальную или коллективную самооборону по Уставу ООН. Однако их фактическое существование создает правовые коллизии, связанные с законным применением силы. Право на самооборону является фундаментальным, но строго регламентированным исключением из общего запрета на применение силы. Основополагающее закрепление права на индивидуальную и **коллективную**

---

[497] *Hartwig M.* The Relationship between the People's Republic of China and Taiwan from the perspective of international law: How many Chinas exist in international law? // Questions of International Law. 2023. Vol. 97. P. 23–43.

самооборону содержится в Статье 51 Устава ООН. Согласно ей, государство может воспользоваться этим правом в случае вооруженного нападения на него, но лишь до тех пор, пока Совет Безопасности ООН не принял необходимых мер для поддержания мира. О любых предпринятых действиях необходимо немедленно сообщать Совету Безопасности[498].

Ключевая проблема заключается в том, что право, закрепленное в ст.51 Устава ООН, принадлежит исключительно государствам – членам ООН. *De facto* государства, лишенные широкого международного признания, формально не являются субъектами данной нормы. Следовательно, они не могут легально прибегать к самообороне как к правовому основанию для применения силы на международной арене и не могут официально призвать другое государство к коллективной самообороне. Несмотря на отсутствие формального права, *de facto* государства существуют в реальности, где применение силы является обычным явлением. *De facto* государства часто создают собственные силовые структуры и осуществляют эффективный контроль над территорией. В случае нападения они будут защищаться фактически, даже не имея на то юридического права. Это создает правовой вакуум, где эмпирическая реальность вступает в противоречие с нормативной. Государство-покровитель может пытаться оправдать свою военную интервенцию в поддержку *de facto* государства, ссылаясь на право на коллективную самооборону. Однако, как показало дело «Никарагуа против США» в Международном Суде ООН, такое обоснование является правомерным только в случае официального обращения за помощью со стороны государства, подвергшегося нападению. Поскольку *de facto* государство таковым не является, подобные действия могут быть квалифицированы как акт агрессии или вмешательства во внутренние дела государства, от которого оно отделилось. Так Операция «Атилла» была представлена Анкарой как реализация права на

[498] Сазонова К.А. Индивидуальная и коллективная самооборона как элементы системы коллективной безопасности. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 2013 (3), 108-117. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2013.3.108.117

коллективную самооборону для защиты турецкой общины Северного Кипра. Совет Безопасности ООН в резолюции 541 (1983) объявил провозглашение независимости ТРСК юридически недействительным, что косвенно отрицает легитимность ее права на самооборону. НКР на протяжении 30 лет содержала собственную армию, которая осуществляла контроль над территорией и отражала военные операции Азербайджана. Формально право на самооборону принадлежало Азербайджану как суверенному государству, однако де-факто силы обороны непризнанной республики действовали как регулярная армия. Тем не менее это не уберегло НКР от полного разгрома в результате 44-дневной войны, а международное сообщество рассматривало эту операцию как восстановление территориальной целостности Азербайджана согласно соответствующим резолюциям ГА ООН. Ряд авторов придерживаются иного подхода в связи с рассматриваемой проблемой. В.Л.Толстых, например полагает, что положения пункта 4 статьи 2 Устава ООН, запрещающие угрозу силой или её применение, могут распространяться и на режимы *de facto*, то есть непризнанные образования. Этот вывод подтверждается правовыми позициями, изложенными в отчете Комиссии Палмера 2010 года[499] и отчете Независимой международной миссии по установлению фактов конфликта в Грузии 2009 года[500]. Вместе с тем, в Заключении по делу о палестинской стене 2004 года Международный Суд ООН определил, что право на самооборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН ограничивается отношениями между признанными государствами. Аналогичная трактовка вытекает из анализа Декларации о принципах международного права и Резолюции «Определение агрессии». Поскольку пункт 4 статьи 2 Устава ООН запрещает применение силы «образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций», можно утверждать, что одной из целей ООН является ограничение применения силы государствами против любых политических образований. Следовательно,

---

[499] Report of the Secretary-General's Panel of Inquiry on the 31 May 2010 Flotilla Incident URL:https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-205969/ (дата обращения: 13.11.2025).

[500] INDEPENDENT INTERNATIONAL FACT-FINDING MISSION ON THE CONFLICT IN GEORGIA, REPORT, VOLUME I-III, 2009 URL:https://www.mpil.de/en/pub/publications/archive/independent_international_fact.cfm (дата обращения: 13.11.2025).

такие образования, как Косово, могут пользоваться защитой Устава ООН. Однако этот вывод не является однозначным, поскольку Устав прямо запрещает применение силы только против другого «государства», что создает правовую неопределенность в отношении статуса непризнанных образований[501].

Отсутствие четких критериев для квалификации «вооруженного нападения» и границ самообороны создает почву для злоупотреблений. В международном праве отсутствует универсальная норма, позволяющая однозначно определить, что понимается под «вооруженным нападением». Эта неопределенность позволяет государствам расширительно толковать это понятие, включая в него, например, кибератаки или действия негосударственных акторов, что может использоваться для оправдания вмешательства в конфликты с участием de facto государств. Некоторые государства продвигают доктрины «упреждающей самообороны» против потенциальных угроз, что еще больше размывает границы дозволенного. Хотя такая интерпретация оспаривается большинством юристов, ее использование создает серьезный риск для международной стабильности и может служить предлогом для силовой поддержки сепаратистских регионов.

Анализ внутренних механизмов легитимации и моделей институционального строительства в *de facto* государствах раскрывает, как эти образования создают устойчивые системы управления без международного признания. В условиях отсутствия внешней легитимации внутренняя легитимность становится критически важной для стабильности de facto государств. Это сложный, многоуровневый феномен. Исследования, в Абхазии и Южной Осетии, показывают, что поддержка населением самой идеи независимого государства часто остается стабильно высокой. Эта легитимность основывается на общей исторической памяти, особенно о вооруженном конфликте, и восприятии de facto

[501] См. В.Л.Толстых. Указ. соч. С.38.

государства как единственного гаранта безопасности и выживания определенной этнической или политической общности[502].

Важно различать отношение населения к государству как к проекту и к текущему правительству. Граждане могут стойко поддерживать независимость, но при этом критически оценивать работу конкретных институтов власти или действующих лидеров, что сходно с ситуациями в признанных государствах. Способность власти обеспечивать базовые общественные блага - безопасность, функционирование экономики, работу социальных служб - является мощным источником прагматической легитимности. Внутренняя легитимность также служит инструментом внешней политики, демонстрируя миру состоятельность и народную поддержку, чтобы добиться хотя бы частичного признания.

De facto государства вынуждены создавать полный набор государственных институтов в условиях политической и экономической блокады, что формирует их уникальные черты. Несмотря на различия, все *de facto* государства постсоветского пространства выстраивают стандартный набор институтов: собственные органы исполнительной, законодательной и судебной власти, силовые структуры и фискальные системы на базе уже имеющихся институтов, унаследованных из советского опыта управления. Цель - максимально соответствовать внешним атрибутам состоявшегося государства. Модель строительства сильно зависит от отношений с государством-покровителем. Например, после признания Россией Абхазия и Южная Осетия развивались в логике тесной внешней опеки. В отличие от них Нагорно-Карабахская Республика (до 2020 года) строила институты в условиях перманентной военной угрозы, что привело к милитаризации политической системы. Длительное существование в статусе замороженного конфликта способствует институционализации. За 20 лет в Абхазии, Южной

---

[502] *Gearóid Ó Tuathail* Internal Legitimacy in De Facto States /Critical Geopolitics/ URL:https://criticalgeopolitics.com/2013/12/17/internal-legitimacy-in-de-facto-states/ (дата обращения: 13.11.2025).

Осетии, Приднестровье и НКР сформировались устойчивые политические и экономические практики, несмотря на международную непризнанность[503].

С точки зрения международного права, *de facto* государства находятся в «серой зоне», что создает специфические проблемы. Эти образования соответствуют классическим критериям государственности Конвенции Монтевидео (постоянное население, определенная территория, правительство, способность к отношениям с другими государствами) де-факто, но не де-юре. Их суверенитет является «проблемным» и оспариваемым. Международное право, отдающее приоритет принципу территориальной целостности, создает для *de facto* государств враждебную внешнюю среду. Это заставляет их делать сверхусилия для поддержания внутренней легитимности, чтобы компенсировать отсутствие внешней. Правовая доктрина непризнания напрямую влияет на внутренние процессы, вынуждая власти демонстрировать исключительную эффективность в управлении.

Как отмечалось в настоящей работе, *правосубъектность de facto государств* носит ограниченный и гибридный характер, находясь в серой зоне международного права. Согласно декларативной теории, государство существует как субъект права объективно, в силу наличия у него основных признаков государственности, а признание лишь констатирует этот факт. Однако на практике отсутствие широкого международного признания, особенно со стороны государств-членов ООН, серьезно ограничивает их правосубъектность. Они не могут стать полноправными членами международного сообщества, участвовать в ООН и многих других межправительственных организациях, что лишает их важнейшего форума для международного общения и защиты своих интересов. Ключевым основанием для возникновения ограниченной правосубъектности является *эффективный и независимый контроль над территорией и населением*. Международные суды при оценке наличия эффективного правительства зачастую придают одинаковую силу

[503] *Маркедонов С.М.* Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. Аналитические доклады Института Кавказа, №5, январь 2012.

признаниям как de facto, так и de jure. Так Коллегия по апелляциям Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) по делу «Челебичи» подтвердила, что при оценке эффективного контроля международные суды придают одинаковую силу де-факто и де-юре статусу[504]. В своем решении от 20 февраля 2001 года Апелляционная коллегия МТБЮ постановила, что власть или полномочия предотвращать преступления или наказывать за них возникают не только из де-юре полномочий, предоставленных посредством официального назначения**.** Коллегия особо подчеркнула, что «при определении вопросов ответственности необходимо смотреть на эффективное осуществление власти или контроля, а не на формальные титулы»**.** Это означает, что отсутствие формального назначения не является препятствием для установления ответственности, если обвиняемый осуществлял эффективный контроль над подчиненными. Этот прецедент имеет важное значение в международном уголовном праве, поскольку он позволяет привлекать к ответственности командиров и начальников в конфликтах, где формальные правительственные структуры разрушены или отсутствуют, и действуют лишь де-факто власти. Это означает, что сама способность поддерживать порядок, создавать функционирующие институты и обеспечивать управление порождает определенные правовые последствия, даже при отсутствии формального признания. При этом международное право содержит важные ограничения. Правосубъектность не может возникнуть у образования, созданного в результате акта агрессии, аннексии или оккупации территории другого государства. Эта норма, отраженная в Венских конвенциях о правопреемстве государств, направлена на защиту принципа территориальной целостности.

Аналогично, не подлежат признанию режимы, основанные на расистской идеологии, что подтверждается практикой ООН в отношении Южной Родезии. Стоит отметить, что позиция международного сообщества в отношении

[504] См. DELALIĆ et al. (Čelebići) (IT-96-21-A)URL: https://cld.irmct.org/notions/show/233/de-facto-authority# (дата обращения: 13 ноября 2025 года)

режима белого меньшинства в Южной Родезии (ныне Зимбабве) является хрестоматийным примером принципа непризнания режимов, установленных в результате систематического расистского угнетения. Так, в 1965 году правительство белого меньшинства во главе с Я.Смитом в одностороннем порядке провозгласило независимость от Великобритании с целью сохранения системы апартеида и политического доминирования белого меньшинства над черным африканским большинством. Реакция Совета Безопасности ООН последовала незамедлительно: резолюция 216 (1965) Совета Безопасности ООН призвала все государства не признавать этот «незаконный расистский режим меньшинства»[505] и воздерживаться от оказания ему какой-либо помощи. Резолюция 217 (1965) охарактеризовала ситуацию как угрозу международному миру и безопасности и подтвердила призыв ко всем государствам-членам не признавать этот режим[506]. Режим Родезии не просто не получил признания *de facto* из-за своего происхождения, он был объявлен нелегитимным по своей сути из-за того, что был основан на систематическом отрицании принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Уставе ООН. Это создало важный прецедент: международное сообщество в лице ООН сочло, что некоторые режимы настолько противоречат основным принципам международного публичного порядка, что должны быть лишены возможности получить какое-либо законное признание, даже если они демонстрируют некоторые признаки эффективного контроля. Таким образом, пример Южной Родезии демонстрирует, что международное праве запрещающает признание режимов, основанных на расизме и систематическом нарушении прав человека, даже если такие режимы устанавливают эффективный контроль на территории. Это важное морально-правовое ограничение, отделяющее феномен *de facto* государств, стремящихся к легитимации, от неприемлемых с точки зрения международного сообщества политических образований.

---

[505] См. Resolution 216 (1965) / [adopted by the Security Council at its 1258th meeting], of 12 November 1965. URL: https://digitallibrary.un.org/record/90483?ln=ru&v=pdf (дата обращения: 13.11.2025 г.)

[506] См. Resolution 217 (1965) / [adopted by the Security Council at its 1259th meeting], of 20 November 1965. URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/217(1965) (дата обращения: 13.11.2025 г.)

De facto государства активно развивают различные каналы внешнего взаимодействия, компенсируя отсутствие полного дипломатического признания. Наиболее интенсивные связи, как правило, выстраиваются с одним или несколькими государствами-покровителями. Эти отношения часто носят характер внешней опеки и могут включать: военно-политическую поддержку и гарантии безопасности; экономическую и финансовую помощь**,** включая прямые бюджетные дотации; институциональное и политическое моделирование**,** когда *de facto* государство заимствует правовые и политические практики покровителя. Примером является поддержка Россией Абхазии и Южной Осетии, признанных ею de jure, в то время как для других образований, как Приднестровье, такая поддержка может ограничиваться отношениями de facto. Непризнанные государства стремятся к установлению практических, хоть и неформализованных, связей с другими акторами. Возможно заключение двусторонних договоров, чаще в сферах торговли, экономики, гуманитарных вопросов. Такие документы могут оформляться как межведомственные или межправительственные соглашения без полной политической легитимизации. Они могут участвовать в неполитических международных конференциях, многосторонних договорах и работать с международными неправительственными организациями. Как показывает практика России в отношении непризнанных образований, даже без установления дипломатических отношений возможны консульские, гуманитарные и экономические контакты, что является сутью признания *de facto.* Взаимодействие обычно протекает в двух противоположных форматах: во-первых, часто при международном посредничестве ведутся переговоры о политическом урегулировании статуса территории. *De facto* государства участвуют в них в качестве отдельной стороны, что косвенно подтверждает их особую правосубъектность. Во-вторых, отношения с материнским государством часто остаются конфронтационными, характеризующимися периодической эскалацией.

В контексте международного права классификация *de facto* государств по уровню их институциональной автономии и внешней зависимости позволяет выявить различные модели их правового статуса и стратегий выживания.

Предлагаемая ниже типология основана на анализе способности этих образований к самостоятельному функционированию и степени их интеграции в правовые и политические системы внешних акторов:

1. Суверенные протектораты (модель «внешнего управления»). К особенностям следует отнести высокую внешнюю зависимость при ограниченной институциональной автономии. Данные образования функционируют в рамках режима международной опеки, где государство-покровитель осуществляет функции внешнего суверена. Их правосубъектность является производной от правосубъектности покровителя. Среди таких государств можно выделить: 1. Абхазию и Южную Осетию после признания со стороны России. Их статус регулируется двусторонними договорами о сотрудничестве и интеграции, которые de facto делегируют ключевые вопросы обороны, таможенного контроля и денежного обращения Российской Федерации. В международном праве их статус можно охарактеризовать как «ограниченное признание с делегированием суверенных полномочий». 2.Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК), чье существование и безопасность полностью зависят от Турции. Резолюции Совета Безопасности ООН (например, резолюция 541 (1983)) объявили провозглашение независимости ТРСК юридически недействительным[507], что подчеркивает правовой вакуум, заполняемый единственным государством-покровителем. У указанного образования низкий критерий автономии. Ключевые государственные функции (безопасность, валюта, внешняя политика) контролируются или полностью осуществляются покровителем.

2. Функциональные анклавы (модель «вынужденного суверенитета»). Умеренная внешняя зависимость при развитой внутренней институциональной автономии. Эти образования демонстрируют высокую степень внутреннего суверенитета**,** создавая полнофункциональные институты власти. Их зависимость от внешнего покровителя носит преимущественно экономический и политический, а не военно-административный характер. Они активно стремятся к формированию собственной, пусть и ограниченной, международной правосубъектности. К ним

[507] URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/541(1983) (дата обращения: 13.11.2025 г.)

можно отнести: Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР), обладающую собственными устойчивыми политическими и экономическими институтами, валютой, силовыми структурами. Несмотря на зависимость от российской экономической и политической поддержки, она поддерживает относительную самостоятельность в управлении. Ее статус с точки зрения международного права является классическим примером «непризнанного образования с признаками государственности», чье существование противоречит принципу территориальной целостности Молдовы, но является эмпирическим фактом. Нагорно-Карабахская Республика (НКР) до 2023 года существовала в условиях анклава, выстраивая атрибуты государственности в условиях перманентной военной угрозы и блокады. Китайская Республика (Тайвань). Тайвань не обладает самостоятельностью в международных отношениях и зависит в этом вопросе от санкций центрального правительства. Это позволяет характеризовать его как субнациональное образование, аналогичное по статусу Гонконга. Что касается участия в международных организациях, здесь можно выделить три основные модели: совместное членство Тайваня и Китая в таких организациях, как АТЭС и ВТО; участие Тайваня в организациях, где материковое государство не представлено (Азиатская организация по производительности, Комитет по хлопку); присвоение Тайваню статуса наблюдателя (ОЭСР, Центральноамериканская интеграционная система). Примечательно, что во всех случаях Тайвань участвует в международных организациях под официальным названием «Тайваньская провинция Китая». Несмотря на наблюдаемые в последнее время попытки получить независимое членство, даже в случае успеха этих усилий, возможности региона для международного взаимодействия останутся существенно ограниченными[508]. Важно подчеркнуть, что в отличие от многих иных непризнанных государств, Тайвань не стремится к международно-правовому признанию, не объявляет независимость и основывает свою субъектность на действующей Конституции КР

[508] 项嘉佳 台湾参加政府间国际组织的国际法问题研究 // 经济与法，2012年第3期 下，58–60页 (*Сян Цзяцзя.* Исследование международно-правовых аспектов участия Тайваня в международных межправительственных организациях // Экономика и право. 2012. No 3. С. 58–60).

1947 года, подчиненного принципу «единого Китая». КР является важным геополитическим, экономическим и военным союзником США в регионе. Вместе с тем КР эффективно обеспечивает функционирование демократических институтов и институтов государственной власти и обладает всеми признаками государства de jure.

3. Международные мандаты (модель «коллективной опеки»). Основные характеристики этого критерия - внешняя зависимость от нескольких международных акторов или организаций при формирующейся институциональной автономии. Правовой статус таких образований определяется не двусторонними отношениями с одним покровителем, а сложным режимом временного международного управления. Их институты создаются и функционируют под прямым или косвенным руководством международных организаций (ООН, ЕС).

Примерами таких образований могут служить: 1. Косово. После 1999 года его статус регулировался резолюцией СБ ООН 1244, которая предусматривала международное гражданское присутствие (UNMIK). Хотя Косово провозгласило независимость в 2008 году, его суверенитет остается частичным, а международное сообщество через миссию EULEX и другие структуры продолжает играть ключевую роль. Это пример «гибридного суверенитет» под международным патронажем. 2.Восточный Тимор до 2002 года, управлявшийся Временной администрацией ООН (UNTAET), является историческим примером перехода от международного мандата к полной независимости.

4. Кондоминиумы несостоятельности (модель «гибридного контроля»).

Среди ключевых характеристик - низкая институциональная автономия в условиях множественной внешней зависимости и внутренней фрагментации. Эти территории не контролируются ни центральным правительством, ни единой повстанческой группой. Они представляют собой зоны, где различные внутренние и внешние акторы (международные террористические группировки, иностранные государства, местные кланы) оспаривают друг у друга суверенные прерогативы. С точки зрения международного права, это «территории с неопределенным

правовым статусом»**,** где отсутствует легитимная власть, способная нести ответственность по международным обязательствам. Примерами таких территорий являются отдельные территории Сомали и Йемена в периоды острого кризиса, где наряду с официальными властями действуют группировки вроде «Аш-Шабааб» или хуситов, пользующиеся внешней поддержкой. Их статус регулируется нормами международного гуманитарного права, применимыми к немеждународным вооруженным конфликтам. К подобного рода территориям можно отнести Сирию в период гражданской войны, где действовали международные террористические организации типа ИГИЛ (запрещена в России), вооруженные силы различных государств. В подобного рода государствах отсутствуют единые и эффективные государственные институты, способные осуществлять контроль над территорией.

Таким образом, предлагаемая типология способствует более системному пониманию феномена *de facto* государственности в его взаимосвязи с нормами и принципами современного международного права, а также позволяет преодолеть бинарность «признан/не признан», перейдя к более тонкому анализу степени и характера суверенитета; дифференцировать подход международного сообщества: к «суверенным протекторатам» применимы механизмы ответственности государства-покровителя, в то время как «функциональные анклавы» требуют выработки специальных режимов взаимодействия; прогнозировать траектории развития: от «международного мандата» к независимости или от «кондоминиума несостоятельности» к «функциональному анклаву».

Заключение. Центральным противоречием феномена *de facto* государственности является устойчивый разрыв между эмпирической эффективностью (фактический контроль над территорией, функционирующие институты, внутренняя легитимация) и юридической нелегитимностью (отсутствие широкого международного признания). Долговечность многих таких образований, таких как Приднестровье или Тайвань, демонстрирует, что этот разрыв не является временным, а стал устойчивой характеристикой современной международной системы. Несмотря на формальное непризнание, режимы *de facto*

бладают ограниченной международной правосубъектностью. Она возникает на основе эффективного контроля над территорией и населением и подтверждается практикой международных судов, которые признают, что властные полномочия проистекают из фактического контроля, а не только из формального назначения. Эта правосубъектность проявляется в способности заключать договоры, участвовать в переговорах и нести ответственность за соблюдение норм международного гуманитарного права.

Существование *de facto* государств обнажает глубинную коллизию между фундаментальными принципами международного права: права на самоопределение и территориальной целостности**.** Международное сообщество не выработало универсального подхода к разрешению этого противоречия, в результате чего каждую ситуацию приходится рассматривать индивидуально, а решения часто принимаются на основе политической целесообразности, а не строго правовых критериев.

Жизнеспособность *de facto* государств обеспечивается не только внешней поддержкой, но и внутренними механизмами легитимации. К ним относятся формирование особой идентичности населения, основанной на опыте конфликта, способность власти обеспечивать базовые общественные блага и выстраивание функциональных, хотя зачастую и гибридных, институтов власти.

Существующий правовой вакуум вокруг феномена *de facto* государственности требует выработки новых гибких режимов взаимодействия. Эти режимы могли бы быть направлены не на немедленное урегулирование статуса, а на стабилизацию и управление последствиями существования таких образований, включая гарантии прав населения и их вовлечение в международное сотрудничество по практическим вопросам.

Предложенная в статье типология, основанная на критериях институциональной автономии и внешней зависимости, является продуктивным шагом. Ее можно развивать далее, учитывая такие факторы, как экономическая самодостаточность**,** демократическая легитимность режимов и их способность нести международно-правовую ответственность**.**

Таким образом, феномен *de facto* государственности представляет собой не периферийную аномалию, а системный вызов современному международному праву. Дальнейшее игнорирование этого вызова или попытки свести его к бинарной логике «признан/не признан» бесперспективны. Углубленное изучение гибридной природы, внутренней динамики и моделей взаимодействия этих образований с международным сообществом является необходимым условием для адекватного ответа на этот вызов и развития международно-правовой доктрины.

§ 2.5. «Непризнанные» и «несостоявшиеся» государства

Существование политических образований, которые обладают всеми формальными признаками государственности, но не получили международно-правового признания, представляет собой одну из наиболее сложных и системных проблем современного международного права. В эпоху, когда, казалось бы, завершилась деколонизация и мир пришел к модели универсального членства в ООН, международное сообщество продолжает сталкиваться с «серой зоной» государствоподобных образований. Их появление и функционирование обнажают глубинное противоречие, заложенное в самих основаниях международного правопорядка: коллизию между принципом территориальной целостности государства и принципом равноправия и самоопределения народов. Данная коллизия приобретает особую остроту в контексте анализа категорий «непризнанных» (*unrecognized*) и «несостоявшихся» (*failed*) государств, которые, при внешнем терминологическом сходстве, отражают принципиально разные правовые и фактические состояния.

Актуальность обращения к классической доктрине международного права и основополагающим документам ООН продиктована необходимостью преодолеть политизированность дискурса и выявить сущностные критерии, позволяющие дифференцировать эти явления. Классическая доктрина, восходящая к трудам Л. Оппенгейма, Г. Кельзена и Л. Дюги, заложила фундамент понимания государства как субъекта права через единство территории, населения и власти, а также через дихотомию конститутивной и декларативной теорий признания[509]. Именно эта теоретическая развилка — возникает ли государство в момент обретения фактической независимости или только в момент признания его международным сообществом — лежит в основе правового статуса «непризнанных» образований. Последние, как правило, соответствуют трем из четырех критериев

[509] См. Оппенгейм, Л. Международное право. Т. 1, полутом 2 : Мир / Л. Оппенгейм ; пер. с 6-го англ. изд. А. Н. Ивенского и др. ; под ред. и с предисл. С. Б. Крылова. — Москва: Издательство иностранной литературы, 1949. — 547 с. — (Библиотека внешней политики); Кельзен, Г. Общее учение о государстве / Г. Кельзен // Революция права. — Москва: Изд-во Ком. Акад., 1928. — № 2. — С. 149—152; Дюги, Л. (2018). Конституционное право. Общая теория государства (пер. с фр.). ИНФРА-М. (Серия «Научная мысль»).

государственности, закрепленных в Конвенции Монтевидео 1933 года (постоянное население, определенная территория, эффективное правительство), но блокируются на уровне четвертого критерия — способности вступать в официальные отношения с другими государствами. В свою очередь, концепция «несостоявшихся государств» (*failed state*), детально разработанная в трудах Дж.Хелмана, С.Ратнера и Э.Маквинни, описывает иную ситуацию. Речь идет о распаде институтов суверенной власти на территории уже признанного государства — члена ООН, что ведет к утрате государственной монополии на насилие, коллапсу экономики и массовым нарушениям прав человека. Э.Маквинни, анализируя эту категорию, подчеркивает, что «предполагаемый провал в таких случаях часто проистекает не столько из внутренних проблем самого государства, сколько из прошлых гегемонистских действий внешних сил в регионе»[510]. Следовательно, если «непризнанное» государство борется за обретение международной правосубъектности извне, то «несостоявшееся» утрачивает ее фактически изнутри, создавая угрозу региональной безопасности и ставя вопрос о правомерности внешнего вмешательства. Таким образом, перед международным правом возникает неразрешимая в чисто нормативных категориях антиномия (противоречие между двумя положениями закона). С одной стороны, народ имеет право на самоопределение и создание собственного государства. С другой стороны, реализация этого права на территории существующего государства возможна только при условии систематической дискриминации и отказа в праве на внутреннее самоопределение, что на практике доказать крайне сложно. Это порождает феномен «дуалистического международно-правового статуса» непризнанных государств, которые, существуя *de facto*, вынуждены функционировать в условиях разрыва между формальными и фактическими

[510] McWhinney, Edward. *Self-Determination of Peoples and Plural-Ethnic States In Contemporary International Law: Failed States, Nation-Building and the Alternative, Federal Option*. Martinus Nijhoff Publishers, 2007, DOI: 10.1163/ej.9789004158351.i-136.

возможностями[511]. Они не могут участвовать в международных договорах как субъекты, но их законодательство, акты гражданского состояния и даже судебные решения могут признаваться государствами *ad hoc* на уровне частноправовых отношений, исходя из принципа гуманизма и уважения прав живущего на их территории населения.

Произошедшие в конце XX века развал СФРЮ, а затем СССР, другие геополитические сдвиги, возникшие под воздействием острой внутриполитической борьбы, этнонационального экстремизма, в силу экономических, исторических и других обстоятельств («конфликты нового поколения») привели к возникновению на международной арене и принципиального нового явления, получившего условное наименование «непризнанные государства». Эти образования, обладая многими формальными признаками и официальными атрибутами государственности, не воспринимаются тем не менее многими членами мирового сообщества в качестве своих равноправных партнеров и субъектов международного права. Достаточно хотя бы мысленно взглянуть на своего рода «карту непризнанных или частично признанных государств», чтобы представить себе, какую огромную опасность несут возникающие на такой почве конфликты: Республика Китай (о. Тайвань), Тамил-Элам (значительная часть севера Цейлона), Турецкая Республика Северного Кипра, Автономный (Иракский) Курдистан, Южная Осетия, Абхазия. Есть и постоянно тлеющие очаги такие, как Страна Басков, Каталония, Шотландия, Корсика, Квебек и многие другие.

Немалый научный и практический интерес в контексте рассматриваемой темы вновь приобретает, казалось бы, «закрытый» вопрос о признании возникающих на международной арене новых государств. Признание имеет широкое распространение в современных международно-правовых отношениях. Даже являясь нередко «молчаливым», оно облегчает юридическое оформление

---

[511] Зассеева А.С. Особенности международно-правового статуса непризнанных государств. *Московский журнал международного права*. 2025;(4):84-95. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-84-95

межгосударственных связей, закрепляет статус вновь возникшего государства в процессе реализации тем или иным народом права на самоопределение. Как указывает В.Л.Толстых «признание обладает большой методологической ценностью, так как позволяет определить истинную природу международного права, состоящую во взаимодействии двух логически несовместимых идей – идеи естественного права (справедливости) и идеи позитивного права (воли)»[512].

Перед российской наукой международного права стоит непростая задача поиска ответов на вопросы, которые ставит само существование феномена непризнанных государств, реального понимания их статуса, путей разрешения неизбежных конфликтов с «материнской» территорией, прогнозирования развития ситуаций на ближайшую и более отдаленные перспективы. Сложился определенный массив литературы, посвященный соответствующей проблематике, особенно применительно к постсоветскому пространству[513]. В российской (советской) доктрине международного права в течение длительного времени доминировала декларативная теория признания, делающая акцент на том, что при наличии определенных критериев государственности новое образование становится «международной личностью» вне зависимости от признания со стороны других государств, «является делом факта…»[514]. Декларативная теория исходит из того, что в силу принципа суверенного равенства все государства юридически равны, и обязаны уважать правосубъектность друг друга. «Политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами, - зафиксировано, например, в Уставе Организации американских государств. – Даже до своего признания государство имеет право на защиту своей целостности и независимости, на обеспечение своей безопасности и

---

[512] См. Толстых В.Л. Признание и непризнанные государства в начале XXI века. Российский юридический журнал. №5 (134) 2020. С.135.

[513] См., например: Непризнанные государства: возможности и вызовы XXI века. // «Мировая экономика и международные отношения». 2006. № 12. С.64-81; Постсоветские конфликты // «Pro et contra». 2006. № 5-6. С. 2-75; СССР после распада. СПб. 2007; Fall B. Conflict in South Caucasus // Asian Affairs. 2006. №37. P. 198-209.

[514] См. Казаровец Е.М. Вопросы признания новых государств и правительств в современном международном праве. М., 1958. С.16.

процветания…» (ст.9)[515]. В качестве общего правила признание является полным и окончательным (признание де-юре), не может быть условным, то есть предоставляемым при условии выполнения определенных требований. Может предоставляться и признание временное, ограниченное (де-факто), с установлением полуофициальных отношений без юридического оформления, с возможностью отзыва. В любом случае признание открывает перед вновь возникающими государствами дополнительные возможности для развития сотрудничества с другими странами, вводит в круг полноправных членов международного сообщества. В Уставе Организации американских государств, например, зафиксировано: «Признание означает, что признающее государство признает новое государство как юридическое лицо со всеми правами и обязанностями, которые как для одного, так и для другого вытекают из международного права»[516]. Признание нового государства означает одновременно и признание его правительства. Вместе с тем вопрос о признании правительства в отдельных ситуациях может возникать и в случае создания правительства неконституционным путем (в результате переворота и т.п.)[517].

Конститутивная теория отвергается большинством российских юристов-международников. В концентрированном виде такой подход, выразил К.А.Бекяшев: «Конститутивная теория несовместима с международным правом, поскольку она игнорирует тот факт, что государство еще до признания пользуется всеми правами и обязанностями, вытекающими из принципа суверенитета, - считает ученый. – Эта теория откровенно ставит права и обязанности вновь

---

[515] См. Устав Организации американских государств. Подписан в Боготе 30 апреля 1948 года, вступил в силу 13 декабря 1951 года и изменен Протоколом поправок («Протокол Буэнос-Айрес»), принятым 22 февраля 1967 года и вступившим в силу 27 февраля 1970 года, и Протоколом поправок («Протокол Картахены»), принятым 5 декабря 1985 года и вступившим в силу 16 ноября 1988 года. Электронный ресурс: https://docs.cntd.ru/document/1902051. Дата обращения: 17.09.2020.

[516] См. Ст. 13 Устава Организации американских государств. Электронный ресурс: https://docs.cntd.ru/document/1902051. Дата обращения: 17.09.2023.

[517] Подробно по вопросам признания см.: Казаровец Е.М. Вопросы признания новых государств и правительств в современном международном праве. М., 1958; Признание в современном международном праве. Отв. ред. Д.И.Фельдман. М., 1975; Ибрагимов А.М. Признание в международном праве: некоторые вопросы теории и практики и современность. «Жизнь, отданная науке». Под ред. В.Л.Железнова и Г.И. Курдюкова. Казань. 2004.

возникшего государства в зависимость от воли «старых» членов сообщества государств. Непризнание каким-либо государством другого государства вовсе не означает, что оно может не считаться с правами государства, которое им не признано»[518]. Вряд ли можно согласиться с указанным утверждением, так как общеизвестно, что нет прав без обязанностей, как не существует и обязанностей без прав. Вновь возникшее государственное образование может заявить о своем возникновении (имеет на это право), обратиться с просьбой о признании, предпринять иные шаги с этой целью, но суверенные государства, международное сообщество в целом сами решают вопрос о признании или непризнании, и никаких обязанностей на этот счет не имеют.

Д.И.Фельдман, рассматривал акт признания как своего рода оферту на установление правоотношений с признаваемым государством, как именно политический акт двух государств – признающего и признаваемого[519]. Если учесть, что в современном мире существует около 200 конфликтных (преимущественно на этнической почве) регионов, то конститутивная теория предстает, на наш взгляд, как своего рода фильтр, призванный уберечь международное сообщество от погружения в хаотическое состояние, когда попытки доказать и отстоять заявленную независимость (а к этому неизбежно подталкивает декларативная теория, увязывающая признание лишь с констатацией возникновения нового субъекта международного права) приведут к своего рода (почти по Гоббсу) «войне всех против всех».

Г.М.Вельяминов исходит из того, что международное право не содержит норм, которые ограничивали бы суверенное право любого государства признавать другое государство, возникшее в результате самоопределения, а также норм, препятствующих признанию нового государственного образования в случае, если последнее отделяется от другого государства невзирая на его несогласие. Осуществляя соответствующую акцию, государство само анализирует «параметры

---

[518] Бекяшев К.А. Международное публичное право. Учебник. М., 2019. С. 150.
[519] См. Признание в современном международном праве. / Под общей ред. Д.И.Фельдмана. М., 1975. С. 57.

государственности», определяет обоснованность и формы признания, учитывает при этом собственные интересы, задачи и требования реальной политики[520].

А.Г.Большаков считает, что понятие «непризнанное государство» достаточно условно и может использоваться лишь с определенными оговорками. Сам же автор считает «непризнанным» такое государственное образование, которое лишено международной правосубъектности, но обладает всеми другими признаками государственности. Непризнанные государства рассматриваются им как определённая переходная стадия государственности, возникшая в процессе сецессии, ирредентизма различных территорий или распада государства[521].

А.Л.Барциц анализируя конститутивную и декларативную теории признания приходит к выводу о необходимости разработки концептуальной основ смешанной, конститутивно-декларативной теории. В соответствии с таким подходом государство должно быть наделено международно-правовой правосубъектностью, если его признали пять постоянных членов ООН. Если учесть, что в ООН на полноправной основе можно войти только с согласия именно пяти постоянных членов Совета Безопасности, то в подходе А.Л.Барцица просматривается очевидная логика.

Вместе с тем, подчас и в отечественной литературе раздаются голоса, «реабилитирующие» конститутивную теорию признания. Так, А.Г.Ходаков, отмечал, что признание как таковое делает образование, претендующее на статус государства, действительно субъектом международного права. Особо подчеркивалось, что «именно правообразующая, креативная функция признания относится и к таким связанным с преобразованием или образованием государств явлениям, как правопреемство и продолжательство»[522].

А.С.Исполинов, анализируя процессы признания в контексте сецессионизма делает вывод, что институт признания третьими государствами, по сути, служит

---

[520] См. Вельяминов Г. Признание «непризнанных» и международное право. // Россия в глобальной политике. 2007. №1. С. 8/11; 10/11.

[521] См. Большаков А.Г. Непризнанные государства постсоветского пространства в системе российских национальных интересов. // Политэкс. 2008. Т.4. №1. С.184.

[522] См.Ходаков А.Г. О некоторых международно-правовых проблемах. «Московский журнал международного права». 1997. №2. С.26

противовесом формирующейся обычной норме о праве на защитную сецессию, смягчая её эффект и не позволяя ей стать безусловным правилом[523]. А.А.Токарев под успехом сецессии понимает достижение частичного признания членами ООН нового государства, полностью контролирующего заявленную территорию, обладающего высоким уровнем внутреннего суверенитета или же частичного признания ими самого факта состоявшейся сецессии»[524].

Подобное разнообразие позиций во многом объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что вопрос о признании или непризнании был и остается максимально политизированным. Доктрина в трактовке отечественных юристов имела принципиально важное значение для Советского государства в период значительной временной полосы его непризнания западными державами, а также для большого числа государств Африки, освободившихся от колониальной зависимости и игнорировавшихся в качестве самостоятельных субъектов международного права и мировой политики со стороны бывших метрополий.

На протяжении значительного периода декларативная концепция, отрицающая необходимость признания в качестве обязательного (sine qua non) условия для наличия у государства международной правосубъектности, занимала господствующее положение как в межгосударственных отношениях, так и в научных исследованиях[525]. Вместе с тем нельзя, на наш взгляд, отказать в логике рассуждениям, в соответствии с которыми эффективность фактического пользования правами ставится в зависимость от признания нового государства в качестве субъекта международного права другими государствами. Основанная на таком подходе конститутивная теория, носителями которой по традиции являлись многие западные ученые, исходит из обязательности международного признания, якобы только и служащего реальным основанием для возникновения международных прав и обязанностей. По мнению Д.Анцилотти, например,

---

[523] См. *Исполинов А.* Принцип территориальной целостности государств и право на защитную сецессию // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. No 1 (152). С.92. EDN IIECJZ.
[524] Токарев А.А. Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния. // Полис. Политические исследования. 2017. №4. С.108.
[525] *Anderson G.* Unilateral Non-Colonial Secession and the Criteria for Statehood in International Law. P. 53.

международная правосубъектность «становится действительной и конкретной одновременно с признанием» и «не может быть правоотношений с государством, еще не получившим признания»[526]. И.И.Лукашук, солидаризируясь с таким видным юристом, как Г.Лаутерпахт, полагал, что существует обязанность признать государство, если оно удовлетворяет необходимым требованиям. Мотивируется такая позиция тем, что -де, согласно Уставу ООН, государства должны развивать дружественные отношения и сотрудничать независимо от существующих между ними различий. Уточняя и развивая эту мысль, ученый увязывал свои соображения о признании с требованиями, предъявляемыми Уставом ООН к государствам, желающим вступить в Организацию: миролюбие, принятие обязательств по Уставу, способность выполнять их[527].

Весьма реалистическим представляется выработанный много лет назад подход Л.Оппенгейма и его сторонников, согласно которому именно факт признания обозначает возникновение международных прав и обязанностей, новое государство как бы конституирует хотя и не влияет на его существование[528].

Д.Кроуфорд, оценивая бурный, лавинообразный характер появления новых государств в XX веке, рассматривает этот факт в качестве одного из главных политических феноменов, не только изменившего характер международного права и практики международных организаций, но и ставшего при этом одним из наиболее важных источников межгосударственных конфликтов. Обращает на себя внимание не вполне стандартная трактовка автором декларативной и конститутивной теории признания новых государств. Применительно к первой он считает, что там, где государство действительно существует, законность его создания является «абстрактной проблемой», правила, относящиеся к нему, бессмысленны, критерием же должна быть эффективность, а не законность. С другой стороны, в соответствии с конститутивной теорией, если государство становится международным лицом только путем признания, его существование

---

[526] См. Анцилотти Д. Курс международного права. М., 1961. С. 164-165.
[527] См. Лукашук И.И. Цит. соч., С. 348.
[528] Там же.

является вопросом факта и, соответственно, непризнанные сообщества не имеют права на государственность[529].

Исходя из того, что ни одна из упомянутых теорий «не объясняет в полной мере современную практику», автор считает целесообразным сосредоточиться главным образом на том, «регулируется ли и в какой степени образование и существование государств международным правом». По сути рассуждает Д.Кроуофрд, вопрос заключается в том, выступает ли международное право само по себе, в одном из своих наиболее важных аспектов, последовательной или полной системой права или же образование и существования государств является «просто фактом», который надо учитывать и с которым необходимо считаться[530].

В доктрине международного права сформировалась позиция, согласно которой институт признания является инструментом для установления политического влияния и подвержен воздействию существующего миропорядка. Так, один из видных представителей критической школы международного права (Critical Legal Studies, CLS) М.Коскенниеми, сформулировал подходы к проблеме признания, в основе которых лежат: критика формализма и раскрытие политической составляющей; критика декларативной и конститутивной теорий; политическая ответственность государств и др.[531]

М.Коскенниеми утверждает, что институт признания государств — это не нейтральный юридический акт, а глубоко политический процесс, замаскированный под правовую форму. Признание или непризнание нового государства всегда служит стратегическим интересам признающих сторон. Таким образом, юридические критерии государственности (такие как постоянное население, определенная территория, правительство и способность вступать в отношения с другими государствами), закрепленные в Конвенции Монтевидео 1933 года,

---

[529] См. J.Crawford. The Creation of States in International Law. Second Edition. Oxford., 2007. P. 4-6.
[530] См. J.Crawford. Цит. соч. P.7.
[531] Koskenniemi M. From apology to utopia: the structure of international legal argument. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

являются не объективными условиями, а риторическими инструментами, которые используются для легитимации заранее принятых политических решений.

В своей работе М.Коскенниеми подвергает критике классический спор между конститутивной и декларативной теориями признания. С точки зрения критического подхода, этот спор является ложным, поскольку он маскирует главное: акт признания — это всегда акт легитимации определенного политического порядка и властных отношений. Право в этом споре выступает как язык, который используется для обоснования власти[532].

Исторически практика признания использовалась «цивилизованными» европейскими государствами (в терминологии XIX века) как механизм для разделения мира на «своих» (полноценных субъектов международного права) и «чужих» (нецивилизованные народы, протектораты, колонии), которые таковыми не являлись. М.Коскенниеми, анализируя историю международного права, показывает, что этот инструмент не исчез, а лишь трансформировался. Сегодня с помощью признания или непризнания (например, Косово, Палестины, Западной Сахары) международное сообщество, часто под влиянием западных держав, определяет, какие политические образования соответствуют легитимным критериям, а какие — нет. Это продолжает традицию, при которой международное право служит инструментом для поддержания определенного геополитического порядка и иерархии.

В докладе для Комиссии международного права ООН о фрагментации международного права[533] М.Коскенниеми подчеркивает, что не существует единого, непротиворечивого подхода к решению сложных проблем, таких как признание. Решения принимаются в зависимости от конкретного контекста и регулирующего режима (например, права на самоопределение, территориальной целостности, прав человека). Противоречивые практики признания (например, Косово, но не Абхазии или Южной Осетии, с точки зрения западных стран)

---

[532] Там же.

[533] См. Ежегодник ООН 2003 год, том II (часть вторая), стр. 134–150, пункты 300-358. https://legal.un.org/ilc/reports/2004/russian/chp10.pdf Дата обращения: 11.09.2025.

являются наглядным примером этой фрагментации, где универсальные нормы уступают место политической целесообразности и интерпретациям в рамках конкретных региональных или политических блоков.

Цель критического анализа М.Коскенниеми — не просто указать на проблему, а призвать юристов, дипломатов и политиков к осознанию политической ответственности, которая лежит в основе, казалось бы, технических юридических решений о признании. Признавая, что чисто правового и аполитичного решения не существует, он призывает к большей честности, рефлексии и осторожности при принятии таких решений, которые имеют судьбоносное значение для народов.

Таким образом, учение М.Коскенниеми о признании государств (в рамках его общей критической теории) заключается в том, что признание — это не объективный юридический акт, а политический инструмент, который исторически использовался для создания иерархий и исключения «нецивилизованных» народов, а в современном мире продолжает служить интересам могущественных держав, маскируясь под нейтральную правовую форму. М.Коскенниеми призывает к осознанию этой политической подоплеки и ответственности за решения о признании.

С позицией М.Коскенниеми во многом солидаризируется В.Л.Толстых, указывая на искусственность проблемы непризнанных государств и образующего ее контекста. Ученый выступает с критикой существующего порядка и фундирующих ее идей, таких как: традиционных концепций суверенитета, самоопределения, юрисдикции и территориальных титулов[534].

С.Рингерт и С.Собри также критически переосмысливая существующие подходы выдвигают трехчастную программу реформ в области признания новых государств. Позиция ученых сводится к необходимости разработки более четких и объективных правовых критериев для признания государственности, а также для определения ее утраты. Это подразумевает пересмотр правовой позиции, изложенной в заключении Арбитражной комиссии ЕС по Югославии (Комиссия

[534] См. Толстых В.Л. Признание и непризнанные государства в начале XXI века. Российский юридический журнал. №5 (134) 2020. С.147.

Бадинтера), в сторону повышения порога, необходимого для констатации распада государства. Далее они предлагают рассматривать внутреннее самоопределение (право народа на автономию в рамках существующего государства) как универсальную норму, а право на сецессию (отделение) — как исключительную меру, допустимую лишь в случаях грубых и систематических нарушений прав человека и упорного отказа от внутреннего самоопределения. Таким образом, принцип территориальной целостности остается основополагающим, но не абсолютным. Для минимизации влияния политической конъюнктуры, ученые предлагают сделать процедуру признания более строгой, формализованной и основанной исключительно на соблюдении установленных правовых норм[535].

Схожей позиции придерживается М.Стерио. Автор указывает на две фундаментальные проблемы традиционного процесса признания. Процедура признания, как полагает автор, осуществляется в горизонтальной плоскости, при отсутствии единого международного института, уполномоченного авторитетно определять соответствие нового образования критериям государственности. Каждое государство принимает решение индивидуально, основываясь на собственной, зачастую неполной информации и субъективных оценках. Эта децентрализованная система создает широкие возможности для произвола и политизации процесса, позволяя признающим государствам действовать в своих интересах и при необходимости апеллировать к конститутивной теории для обоснования решений[536].

Г.Андерсон связывает возможность безусловного признания с систематическим насилием над местным населением (геноцид, этнические чистки). Менее серьёзные нарушения, включая дискриминацию и подавление автономии, таким основанием, по его мнению, не являются. На этом основании он

---

[535] Ryngaert C., Sobrie S. Recognition of states: International law or realpolitik? The practice of recognition in the wake of Kosovo, South Ossetia, and Abkhazia // Leiden Journal of International Law. 2011. Vol. 24. № 2. P. 485–489

[536] См. *Sterio M.* On the Right to External Self-Determination: «Selfistans», Secession, and the Great Powers' Rule.P.150.

квалифицирует отделение Крыма, Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии как неправомерное, отрицая их притязания на признание и независимость, так как в этих ситуациях, по его оценке, не был достигнут необходимый уровень систематического насилия[537].

В доктрине международного права так же сформировалась позиция, согласно которой конститутивная форма признания не является абсолютной, а выражает позицию отдельных государств. Полноценное признание возможно только в ее конститутивно-коллективной форме, которая будет выражать позицию всего мирового сообщества и членство соответствующего государства в ООН[538].

Особый интерес представляет позиция западных государств в контексте признания в связи с распадом Югославии. Так, 29 ноября 1991 г. Комиссия Бадинтера пришла к выводу, что существование либо прекращение государства является «вопросом факта» и последствия этого носят «чисто декларативный характер» (Заключение №10). В развитии этой идеи 17 декабря 1991 г. на встрече министров иностранных дел Евросоюза были сформулированы следующие критерии официального признания государств:

- соблюдение положений Устава ООН, Хельсинского Заключительного акта и Парижской Хартии;

- уважение принципа нерушимости границ;

- уважение прав и свобод человека, построение демократического режима, гарантирование прав этнических и национальных меньшинств;

- принятие обязательств, касающихся разоружения и нераспространения ядерного оружия;

- мирное разрешение региональных споров, в том числе связанных с вопросами правопреемства[539].

---

[537] *Anderson G.* Unilateral Non-Colonial Secession and the Criteria for Statehood in International Law. P. 31

[538] *Tomuschat Ch.* Secession between Effectiveness and Recognition // Secession: International Law Per- spectives / ed. by M. G. Kohen. P. 23–45, 44.

[539] Принципы признания новых государств в Восточной Европе и в Советском Союзе. (Совместное заявление, одобренное на чрезвычайной встрече министров 16 декабря 1991 года в Брюсселе). Электронный ресурс: https://docs.cntd.ru/document/901888683. Дата обращения: 17.09.2020.

Обращает на себя внимание, что одновременно с приведенными критериями страны Евросоюза приняли Декларацию, в которой определялось, в частности, что выходящие из состава СФРЮ республики должны заявить о своем желании быть признанными в качестве независимых государств. Это, как представляется, служит свидетельством того факта, что международное общественное мнение весьма противоречиво, но воспринимает все же в большей степени не декларативную, а конститутивную теорию признания. И хотя, как отмечалось в литературе, приведенные критерии носили рекомендательный характер, они сыграли ключевую роль при принятии решений о признании новых государств[540].

Ряд положений относительно принципов признания «новых государств в Восточной Европе и в Советском Союзе», могут, по нашему мнению, толковаться расширительно и в той или иной степени применяться в отношении сохраняющихся на сегодня «непризнанных государств».

Прежде всего обращает на себя внимание, на наш взгляд, логичная и разумная увязка готовности признания («путь к признанию») с такими положениями, как:

- обычные нормы международной практики и политические реалии в каждом конкретном случае;

- строительство новых государств на демократической основе, принятие ими на себя соответствующих международных обязательств;

- уважение положений Устава ООН и обязательств, содержащихся в Заключительном акте Хельсинского соглашения и в Парижской Хартии, особенно в том, что касается законности, демократии и прав человека;

- гарантии прав этнических и национальных групп и меньшинств в соответствии с обязательствами, сформулированными в рамках СБСЕ;

- уважение неприкосновенности всех границ, которые могут быть изменены лишь мирным путем и по общему согласию;

---

[540] См. Толстых В.Л. Курс международного права. М., 2009. С. 366-367.

- признание всех обязательств, связанных с разоружением и нераспространением ядерного оружия, а также с безопасностью и стабильностью в регионе;

- обязательство улаживать путем соглашений все вопросы, касающиеся правопреемства государств и региональных споров, в том числе с помощью третейского суда.

Комиссия Бадинтера, придавая весомую значимость институту референдума при реализации права на самоопределение, воздержалась от признания Боснии и Герцеговины, исходя именно из того, что там не было проведено всенародного голосования, а при принятии меморандума о суверенитете республики делегация боснийских сербов проголосовала против (Заключение №4). Лишь после проведенного референдума (сербское население его проигнорировало) независимость БиГ была официально признана. Вместе с тем многие исследователи посчитали признание преждевременным, поскольку возникшее государство не контролировало большую часть территории и не отвечало, соответственно, «критерию эффективности». Признание в таких условиях рассматривалось даже как «юридическая фикция»[541].

Фиксируя завершение «юридического процесса распада СФРЮ», Комиссия сделала три важных утверждения:

1) большинство югославских республик стремились к независимости;

2) вся территория СФРЮ была под контролем новых суверенных государств;

3) сформированная Союзная Республика (Сербия и Черногория) не могла считаться продолжением СФРЮ. Отмечалось также, что практически все получившие независимость республики признали друг друга в качестве независимых государств; федеральные органы не функционировали в прежнем режиме; в ряде резолюций СБ ООН, принятых в 1992 г., содержались ссылки с указанием на «бывшую СФРЮ». Не согласившаяся с такой трактовкой сербская сторона исходила из того, что СФРЮ «не распадалась», а прекращение

[541] См. Hillgruber Ch. The admission of New States to International Community. // European Journal of International Law. 1998. №3. P. 493-494.

функционирования федеральных органов власти не является основанием для признания государства прекратившим свое существование. Тем не менее Комиссия отметила, что вопросы правопреемства должны решаться на основе взаимного соглашения между всеми государствами-преемниками в опоре на принципы, закрепленные в Венских конвенциях 1978 и 1983 годов, а членство СФРЮ в международных организациях, включая ООН, не может быть продолжено (без подачи новой заявки на членство) ни одним государством-преемником.

Как показывает практика, непризнанное государство после долгих лет существования в таком качестве может обрести реальную независимость, получив международное признание и даже стать полноправным членом ООН. Наиболее показательные примеры – Эритрея и Южный Судан. Некоторые территориальные образования после относительно короткого периода самостоятельного существования возвращаются (чаще всего в результате применения силы, в том числе военной) в лоно государства, от которого ранее «откололись» (Аджария в Грузии, Нагорный Карабах в Азербайджане). У большинства же возникших образований период непризнания затягивается на годы и десятилетия, получая признание со стороны лишь отдельных государств: Абхазия и Осетия официально признаны Российской Федерацией и несколькими другими государствами; Турецкая Республика Северного Кипра – только Турцией. Классическим примером успеха сецессии, а затем ирредента непризнанного государства к этнически близкой Германии является регион Саарланд[542]. Особо следует упомянуть Китайскую Республику Тайвань, имеющую официальное признание 15 государств и активно развивающую торгово-экономические связи с гораздо большим числом их, в том числе и с Россией.

Обращает на себя внимание резолюция 541 (1983) от 18 ноября 1983 года по Кипру[543], в которой все государства призываются «не признавать никакое кипрское государство, кроме Республики Кипр», а попытка создать «Турецкую Республику

---

[542] См. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика: Учебное пособие. М., 2006. С.201.

[543] Резолюция 541 (1983) от 18 ноября 1983 года. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/541(1983). Дата обращения: 14 апреля 2019 г.

Северного Кипра» считается «недействительной», способствующей ухудшению положения на Кипре. Думается, призыв «не признавать» (заметим, несколько забегая вперед) является одним из аргументов в пользу конститутивной теории признания, т. к. в этом институте достаточно четко прослеживается связь между условиями реального существования государства и его признанием международного сообщества. Еще более впечатляющими по своей определенности и жесткости являются резолюции СБ ООН от 12 (№216) и 20 (№217) 1965 года, восходящие по времени к «классическому» периоду деколонизации, когда реализация права на самоопределение получила максимально широкое распространение. В данном случае провозглашение независимости в одностороннем порядке расистским меньшинством в Южной Родезии решительно осуждалось и рассматривалось как акт мятежа, а правительство Великобритании призывалось подавить его, «ликвидировать власть узурпаторов» и «немедленно принять меры для того, чтобы позволить народу Южной Родезии определить свое будущее»[544].

При анализе природы непризнанных государств необходимо самым тщательным образом учитывать природу и истоки (чаще всего межэтнические противоречия) их появления; вовлеченность и степень участия международного сообщества, в том числе в рамках ООН, в урегулировании конфликта с «материнским» государством, а также эффективность такого участия; наличие (или отсутствие) реальных факторов самостоятельного существования (развитость экономики и социально-культурной сферы, степень продвинутости в сфере государственности, правовой системы и обороноспособности): отношение мирового сообщества, прежде всего соседних государств, к возникшему территориальному образованию. Немаловажное значение имеют размер контролируемой территории, число жителей и степень поддержки с их стороны правящих кругов.

---

[544] Резолюция 216 (1965) от 12 ноября 1965 года. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/216(1965). Дата обращения: 14 апреля 2019 г.

На основе анализа посвящённых рассматриваемой проблеме материалов и эмпирических данных А.Г.Большаков выделяет несколько основных параметров комплекса рассмотрения феномена непризнанного государства:

- история возникновения и основные этапы развития этнического конфликта;
- эффективность планов мирного урегулирования;
- формирование государственности и хозяйственного комплекса;
- особенности политического устройства, степень его демократичности;
- реальные возможности или их отсутствие для возвращения в государство, от которого произошло отделение;
- шансы для реального сохранения независимости;
- позиция внешних сил в отношении изменения или консервации статуса непризнанного государства[545].

Большой интерес в контексте рассматриваемой в диссертации темы представляют соображения В.Л.Толстых относительно объективных критериев государственности, «которыми необходимо руководствоваться при признании или в других случаях, когда требуется установить, является ли образование государством (например, при установлении locus standi в судах)». Ученый, воспроизводя положения статьи 1 (о признаках государственности) Межамериканской конвенции 1933 г., в развитие их высказывает принципиальное положение, согласно которому территория государства (даже не будучи точно определенной) должна обладать «достаточным единством», а государство должно осуществлять независимую публичную власть над ней[546]. В соответствии с концепцией суверенитета главным атрибутом государства является осуществление публичной власти, т.е. принятие обязывающих других решений.

В.Л.Толстых в высшей степени убедительно раскрывает основные проявления принципа суверенитета государства как публичной власти, способной

---

[545] См. Непризнанные государства Европейской периферии и пограничья. [Электронный ресурс] // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. URL: http://www.intertrends.ru/fifteen/008.htm

[546] См. Толстых В.Л. Государство в историческом и международно-правовом контексте. Московский журнал международного права. 2017;106(2):18-28. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-106-2-18-28

принимать обязывающие решения. Вместе с тем нельзя согласиться, на наш взгляд, с утверждением ученого, что этот принцип «служит одним из критериев справедливой войны: только признанное и эффективное правительство имеет право вести военные действия против другого государства; ко всем остальным, кто взялся за оружие, можно относиться как к преступникам», равно как и с другим его утверждением о «существовании обязанности признания»[547]. Борьба за самоопределение (и соответственно – за обладание суверенитетом) предполагает как мирные, так и не мирные средства. Что касается вопросов признания или непризнания – дело это сугубо добровольное, и соответствующее решение принимается каждым членом международного сообщества, исходя из конкретной ситуации и своих национальных интересов.

И.М.Маммадов и Т.Ф.Мусаев солидаризируются с соображениями зарубежных авторов (Шо, Дуурема и др.), согласно которым право на самоопределение при определенных обстоятельствах может рассматриваться «в качестве дополнительного критерия государственности». Обоснованность такого подхода, по мнению исследователей, находит подтверждение в международной практике. В качестве примера приводятся исторические ситуации с Южной Африкой и Южной Родезией, когда создание упомянутых образований было осуществлено путем «установления господства меньшинства в нарушение права на самоопределение всего населения»[548]. Ю.А.Решетов, работая над своим проектом Конвенции о праве на самоопределение, исходил из того, что государство, созданное в нарушение принципа равноправия и самоопределения народов, не должно признаваться в качестве субъекта международного права[549].

18-19 мая 2017 г. в г.г. Луганске и Краснодоне прошла международная научно-практическая конференция «Признание государств и правительств: проблемы и перспективы, барьеры и возможности». По ее итогам была принята

---

[547] См. Толстых В.Л. Признание государств и правительств: проблемы и перспективы, барьеры и возможности. // Материалы международной научно-практической конференции. 2016. С. 49,53.
[548] См. Маммадов И.М., Мусаев Т.Ф. Цит. Соч. С.97
[549] См. Решетов Ю.А. Проект Конвенции о праве народов на самоопределение. // Московский журнал международного права. 2000. №3. С.419.

Резолюция, в которой высказан ряд заслуживающих внимания соображений, касающихся политико-правовой природы «непризнанных государств», «юридической основы» самоопределения народа и сецессии, трактовки самого понятия «народ».

Участники конференции сформулировали конкретные обращения, адресованные:

- государствам, являющимся полноправными членами международного сообщества;

- государствам, претендующим на территории непризнанных государств;

- непризнанным государствам;

- правительственным и неправительственным международным организациям;

- представителям международно-правовой доктрины.

Особого внимания заслуживают предложения вынести «проблему непризнания» на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН, ЭКОСОС, Совета по правам человека ООН, Парламентской Ассамблеи Совета Европы и других компетентных институтов; включить вопрос о правовых аспектах непризнания в повестку дня Комиссии Международного Суда ООН по правовым аспектам непризнания; рассмотреть вопрос о наделении Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВДКБ) компетенцией по оказанию защиты граждан непризнанных государств[550].

Можно констатировать, что в современном мире непризнанные государства все в большей мере становятся самостоятельными акторами региональной политики. Глобализация создает для них дополнительные возможности длительного существования и развития, выводит на уровень все более активных участников мирового процесса, решения геополитических задач. В то же время «непризнанные», обладая таким определяющим элементом государственного

---

[550] См. Признание государств и правительств: проблемы и перспективы, барьеры и возможности. // Материалы международной научной-практической конференции (г.Луганск, 18-19 мая 2017 года). Луганск. 2017. С. 347-351.

суверенитета, как верховенство власти на собственной территории как правило не имеют возможности реализовать в полном объеме второй важнейший элемент – независимость во внешних делах. «Непризнанные» остаются как бы запертыми в своих границах, а нередко подвергаются разного рода ограничениям и санкциям со стороны отдельных государств, их объединений и союзов. С другой стороны, признание со стороны международного сообщества (наиболее ярким и убедительным проявлением его служит принятие в ООН) дает возможность вновь возникающим государствам полноправно функционировать на мировой арене.

Проблема непризнанных государств предстаёт не как следствие глубинных этнических или культурных противоречий, а скорее, как продукт структурных особенностей современной международной системы. Внутренние элиты, лишённые прочной легитимности, находят в националистической риторике инструмент консолидации власти, в то время как внешние игроки часто усугубляют конфликт, занимая непреклонную и непродуктивную позицию, обусловленную их собственными интересами. Хотя миротворческие механизмы остаются необходимым компонентом международной дипломатии, их эффективность ограничена без пересмотра фундаментальных основ миропорядка. Требуется критическое переосмысление таких понятий, как суверенитет, самоопределение и территориальная целостность, которые сегодня нередко используются для оправдания двойных стандартов. Парадоксальным образом попытки создания новых правовых режимов для защиты от угнетения иногда порождают формы насилия, тождественные тем, что они призваны предотвращать. Этот порочный круг подрывает саму возможность устойчивого разрешения конфликтов и обнажает глубокий кризис моральных оснований в международной политике. Сложность и многогранность данной проблемы делают её одной из наиболее неурегулированных и требующих всестороннего обсуждения в современном академическом дискурсе и практической плоскости.

«Несостоявшиеся государства». Как было отмечено Генеральным Секретарем Организации Объединенных Наций (далее — ООН) Бутросом Бутросом-Гали, к государствам, в которых центральные институты власти и

правопорядок полностью или частично рухнули под давлением внешних или внутренних конфликтов, но которые, тем не менее, продолжают существовать как участник международных отношений с другими государствами, в том числе в рамках международных организаций, возможно применение термина «несостоявшиеся государства» (англ. failed states)[551].

Ключевой исторической предпосылкой формирования «несостоявшихся государств» является процесс деколонизации, который стал одним из основных объектов урегулирования международным правом в XX веке[552]. Отсутствие развитой инфраструктуры, образования и опыта управления делало процесс перехода к полной внешней и внутренней независимости долгим и сложным, и после получения независимости бывшие колониальные народы столкнулись с проблемами многочисленных государственных переворотов, вооруженных конфликтов и иными проявлениями политической нестабильности, под воздействием которых остаются и по сей день[553].

Термин «несостоявшиеся государства» не обозначает точно определенную и закрепленную классификацию, то есть не имеет унифицированное содержание, а скорее служит широким обозначением сложного и комплексного явления, включающего различные элементы[554].

Руководитель подготовленного в Гарвардском университете исследования Р.Ротберг в образовании большого числа государств в результате распада колониальной системы видит угрозу существованию мирового порядка, поскольку де – новые государства являются заведомо «слабыми» по своей природе, подвержены «внутренним антагонизмам», коррупции, не в состоянии развивать

---

[551] Helman G.B., Steven R. Ratner. Saving Failed States / G.B. Helman, R. Steven // Winter. — 1992–1993. — Foreign Policy. — № 89. — С. 3-20.

[552] В 1960 году Генеральная Ассамблея приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. См. подробнее Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам: принята резолюцией 1514 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 года. — Текст: электронный // Организация Объединенных Наций: сайт. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 05.06.2024).

[553] Helman G.B., Ratner S.R. Указ. Соч. С. 3-20.

[554] Thürer D. The «Failed State» and International Law. — Max Planck Encyclopedias of International Law [MPIL], 2009. — Текст: непосредственный. — С. 731-733.

собственное производство, поддерживать приемлемый уровень жизни, противостоять разгулу преступности, этнической, религиозной, языковой розни и т.п. Автор исходит из того, что «слабые» национальные государства «терпят неудачу», теряют, как он высокопарно выражается «мандат небес», в результате чего их «номинальные границы становятся неактуальными»[555]. Такой подход, на наш взгляд, основан на идее «исключительности» отдельных крупных государств, отвергает, по сути дела, принцип суверенного равенства основных субъектов мирового общения и грубо противоречит современному международному праву.

В доктрине высказывается также мнение о том, что крах государственности в ряде стран стал одним из последствий Холодной войны, которая привела к серьезным изменениям в динамике международных отношений и созданию различных политических союзов[556].

Иногда в зарубежной литературе встречаются попытки огульно приравнять все непризнанные государства к «несостоявшимся», ввиду «отсутствия контроля за собственной территорией». Среди «непризнанных» действительно могут быть образования, представляющие собой пространства (территорию государства, пограничные области, участки суши, прибрежной зоны или воздушного пространства), являющиеся, как утверждается, нередко прибежищем террористов, источником гуманитарных катастроф, очагом эпидемий и голода[557]. Не возражая в принципе против такой оценки «несостоявшихся государств», следует решительно отвергнуть клеветническое приравнивание к ним (очевидно в опоре на недолгий период существование так называемой «независимой Ичкерии») северокавказских республик России. Вместе с тем практике известно немало случаев, когда государства существуют длительное время, обладают всей полнотой власти, принимают участие в экономических, культурных и иных международных связях, но остаются непризнанными мировым сообществом. Можно ли их только на этом

---

[555] Rotberg R.I. When States Fail: Causes and Consequences. Princeton, 2004. P.77.
[556] Grant T.D. Partition of Failed States: Impediments and Impulses / T.D. Grant // Indiana Journal of Global Legal Studies. — 2004. — № 11 (2). — С. 51-65.
[557] См. Rabasa A., Borar S., O'Brien K.A., Peters J.E. Ungoverned Territories. Understanding and Reducing Terrorism Risk. Rand Publishing. October 2007. P.1.

основании считать «несостоявшимися»? Думается, нет. И следует, на наш взгляд, согласиться с В.Л.Толстых, когда он обоснование западными учеными вмешательства в дела «несостоявшихся государств» сравнивает с попытками в прошлом колониальных держав квалифицировать неевропейские образования как «нецивилизованные» и устанавливать для них внешнее правление[558].

Вместе с тем В.Д.Зорькиным вводится в научный оборот также несущий негативную коннотацию (по другим причинам) термин «несостоятельное государство», под каковым понимается (без увязки с «непризнанными») государство «переставшее осуществлять свои социальные функции, не сохранившее монополию на принуждение и (или) утерявшее контроль над частью своей территории»[559]. Первые две позиции не вызывают возражений. В отношении третьего признака необходимо сделать оговорку, проясняющую причину утрату государством контроля над частью своей территории. Если таковая произошла в результате агрессивных действий третьей стороны, то потерпевшее государство нуждается в содействии со стороны международного сообщества и своего рода клеймо «несостоятельности» только усугубит его положение. Если же часть территории отделилась в результате признаваемого легитимным акта сецессии, то мировое сообщество обретает основание для рассмотрения соответствующего государства в качестве «несостоятельного» и применения к нему арсенала средств (санкции и др.), предусматриваемого международным правом.

Конкретным примером, который отражает совокупность вышеназванных предпосылок возникновения «несостоявшихся государств», является Дарфурский конфликт в Судане. Правительство Омара аль-Башира не смогло урегулировать нехватку земельных и водных ресурсов в регионе страны, что привело к вооружённому столкновению двух этнических групп, чернокожих африканцев и

---

[558] См. Толстых В.Л. Государство в историческом и международно-правовом контексте. Московский журнал международного права. 2017;106(2):18-28. С.50. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-106-2-18-28.

[559] Зорькин В.Д. Возвращение государства. // Российская газета. 2021. 17 мая. С.4.

арабских племен. «Гуманитарная катастрофа и кризис в области прав человека», вызванные событиями в Дарфуре, остаются неурегулированными и сегодня[560].

Помимо ситуации в Дарфуре, в Судане на протяжении многих лет продолжались столкновения между христианскими племенами Юга и мусульманами, которые составляли остальную часть страны. Конфликт в регионе в конечном итоге привел к разделению Судана на две страны — Судан и Южный Судан. В данный момент как Южный Судан, так и Судан можно определить как «несостоявшиеся государства». Судан сейчас находится в состоянии гражданской войны между Суданскими вооруженными силами и Силами быстрого реагирования, из-за которой еще более ухудшалась гуманитарная ситуация. Спустя более десяти лет после обретения независимости, Южный Судан по-прежнему страдает от экономической стагнации и бедности населения. Страна неспособна реализовывать экономический потенциал за счет продажи ресурсов, так как зависит от соседнего Судана как единственного посредника при экспорте нефти на международный рынок, а конфликт в Судане создает серьезные риски для экономической стабильности Южного Судана на фоне ограниченных бюджетных ресурсов и неотложных гуманитарных потребностей[561].

Кроме того, «несостоявшееся государство» может стать основой для дестабилизации других государств. В связи с этим в данном исследовании следует упомянуть ряд африканских государств, характеризуемые в определенный период как «несостоявшиеся». Например, внутренний вооруженный конфликт в Демократической Республике Конго распространился к 1995 на Руанду и Уганду, а после 1997 года — Анголу, Чад, Намибию, Судан и Зимбабве. Внутренний вооруженный конфликт в Либерии, начавшийся в 1980-х годах, к началу 1991 года перекинулся на Сьерра-Леоне, а к 1995 году Гвинея и Кот-д'Ивуар стали использоваться некоторыми либерийскими движениями в качестве операционных

---

[560] Гуманитарный кризис в Дарфуре. — Текст: электронный // Организация Объединенных Наций, сайт. — URL: https://news.un.org/ru/story/2023/12/1447792 (дата обращения: 29.10.2023).

[561] Анализ экономической ситуации в Южном Судане. — Текст: электронный // Всемирный банк, сайт. — URL: https://www.worldbank.org/en/country/southsudan/overview (Дата обращения: 07.11.2023).

баз[562]. Также внутренние вооруженные конфликты в Гвинее стали предпосылкой трагедии в Сьерра-Леоне. Эти примеры демонстрируют, что нестабильные режимы провоцируют массовую миграцию населения, что создает напряженность на границах и угрозы для соседних стран. Кроме того, «несостоявшиеся государства» часто дают возможность для появления и развития террористических организаций, становятся источником незаконного оборота оружия.

Ключевым при изучении «несостоявшихся государств» является критерий правительства, так как одна из предпосылок этого явления — это отсутствие эффективной системы управления, способной осуществлять контроль над определенной территорией и населением. В данном случае доминирующим элементом отсутствия эффективного правительства является разрушение государственных институтов. Этот коллапс следует понимать в широком смысле, не ограничиваясь действующей властью, хотя отсутствие власти в определенный период времени становится предпосылкой разрушения политической, экономической и социальной структуры.

Как было проанализировано ранее в рамках данного исследования, требование стабильного и эффективного правительства всегда представлялось проблематичным для стран, недавно освободившихся от колониального господства. В ходе деколонизации в некоторых странах, которые обретали независимость, даже не существовало единых властных структур, способных выполнять функции эффективного правительства[563]. Конго, например, получило независимость от Бельгии 30 июня 1960 года в разгар внутренних вооруженных конфликтов между двумя политическими движениями. Через несколько дней после обретения независимости конголезские общественные силы подняли мятеж, а одна из провинций, объявила об отделении от основной территории. При этом Конго было принято в ООН в сентябре 1960 года, несмотря на отсутствие единого

[562] Kreijen G. State Failure, Sovereignty and Effectiveness. Legal Lessons from the Decolonization of Sub-Saharan Africa. — Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2004. — C. 76.
[563]Higgins R. Problems and Process: International Law and How We Use It. — Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 40.

правительства, так как членами международной организации становятся государства, а не определенные политические силы.

Таким образом, временное прекращение эффективности правительства уже образовавшегося государства, например, во время гражданской войны или в результате военной оккупации, не противоречит дальнейшему существованию такого государства как субъекта международного права.

Последний критерий государственности, который содержится в Конвенции Монтевидео — это способность вступать в отношения с другими государствами. «Несостоявшиеся государства», как показывает практика, имеют лишь ограниченные возможности для участия в международных отношениях и часто переживают длительные периоды времени, в течение которых ни одна власть не способна выполнять свои обязательства в рамках двухсторонних соглашений либо как член международной организации. Фактически, это основная международная характеристика «несостоявшихся государств».

Как указала Постоянная Палата Международного Правосудия Лиги Наций, государства могут действовать только посредством своих полномочных лиц и представителей[564]. Одна из проблем «несостоявшихся государств» заключается в том, что отсутствуют органы, способные представлять государство на международном уровне[565]. В частности, это касается дипломатических представительств за рубежом ввиду отсутствия правительства, способного уполномочить определенных лиц для осуществления представительных функций, либо отсутствия в условиях затянувшихся вооруженных конфликтов и обостренных социальных проблем возможности финансировать дипломатические миссии.

Это влечет ряд негативных последствий. Во-первых, дестабилизация дипломатических отношений с другими государствами. Например, сомалийскому дипломату по делу Rebulic of Somalia v. Woodhouse Drake & Carey, Высокий суд

---

[564]Консультативное заключение Постоянной палаты международного правосудия Лиги наций о «Немецких поселенцах в Польше» от 10 сентября 1923 г.
[565]Kreijen G. Указ. Соч. P. 87.

Великобритании отказал в возможности выступать официальным представителем страны, поскольку бывшее правительство президента Сиада Барре прекратило свое существование, и дипломат не имеет аккредитации или полномочий от какого-либо другого правительства[566]. Тем не менее, смена правительства не исключает сохранение дипломатических отношений между государствами, и подобное состояние отношений может носить временный характер.

По тому же принципу не имеет никаких для вопросов правосубъектности последствий признание отдельных образований как государств. Феномен «несостоявшихся государств» характеризуется проблемой сепаратистских движений, которые осуществляют контроль над определенной частью территории, тем самым создавая серьезные вызовы для целостности и стабильности государства. Например, на территории Сомали существуют две непризнанные республики, Сомалиленд и Пунтленд, провозгласившие свою независимость[567].

Таким образом, проблему «несостоявшихся государств» необходимо рассматривать как комплексное явление исходя из общеправового понимания государства, а также государства как субъекта международного права. Данное явление требует определенного урегулирования и может стать одной из опорных точек для изменения и развития системы международного права. Причем исходной целью такого урегулирования должен стать не поиск форм привлечения к ответственности государства с разрушенной внутренней системой управления и иных общественных институтов, а восстановление этих государств посредством развития способов прекращения международных правонарушений без стремления злоупотреблять ими.

---

[566] British High Court, Queen’s Bench Division Rebulic of Somalia v. Woodhouse Drake & Carey 1992 — Текст: электронный // Высокий Суд Великобритании, сайт. — URL: http://www.uniset.ca/other/cs3/1993QB54.html (Дата обращения 10.12.2023).

[567] Boutros-Ghali B. Introduction in: United Nations. The United Nations and Somalia 1992-1996. — New York: United Nations, 1996. — P. 87.

Глава 3. ФАКТОРЫ И КРИТЕРИИ ЛЕГИТИМНОСТИ СЕЦЕССИИ КАК ФОРМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

§3.1. Понятие и критерии легитимности сецессии

Вся история современной цивилизации, по сути дела, представляет собой непрерывный процесс образования, развития и полного или частичного распада государств, подчиняющегося определенным объективным закономерностям. Масштабы сецессии на протяжении второй половины XIX и всего XX века постоянно возрастали, однако конституции государств в большинстве своем уклоняются от вопроса о том, при каких условиях и в каком порядке могут осуществляться соответствующие процессы. Проблемы реализации права на самоопределение присущи большому числу многонациональных государств, независимо от формы их устройства (унитаризм или федерализм). В основе нередко сопровождающей самоопределение фрагментации государственных территорий, лежат, как правило, этнополитические конфликты, определяемые конфессиональными, языковыми, политико-институциональными, административно-территориальными и иными факторами, влияющими во многом на выбор конкретных форм самоопределения – от законодательного закрепления гарантий самобытности того или иного этноса в рамках территориальной или экстерриториальной (национально-культурной) автономии до самой жесткой формы – сецессии, имеющей целью создание собственного государства с обретением всех прав и обязанностей полноправного, суверенного члена мирового сообщества. Как отмечает авторитетный исследователь П.Радан, сецессия представляет собой отделение территории от существующего государства с целью создания на ней нового государства, что неизбежно ставит вопрос о пределах суверенитета и праве на самоопределение[568].

[568] Radan, Peter. *The Ashgate Research Companion to Secession.* Routledge, 2016. ISBN 1317041704, 9781317041702. P.11

Генеральный секретарь ООН Б.Бутрос-Гали обращал в свое время внимание на то, что «если каждая этническая, религиозная или языковая группа будет притязать на государственность, то не будет предела дроблению, а всеобщий мир, безопасность, экономическое благополучие станут еще более труднодостижимой целью»[569]. У некоторых политических лидеров реализация права на самоопределение вызывают апокалипсический сценарий, ведущий к полному развалу устоявшегося порядка.

В современном мире практически не вызывает споров вопрос о признании в качестве субъекта международного общения народов, находившихся в колониальной зависимости. Декларация ООН 1960 г. о предоставлении независимости колониальным странам и народам, последующие, не раз принимавшиеся резолюции Генассамблеи по соответствующим вопросам предусматривали реализацию права на самоопределение в форме отделения от государств – метрополий, каковым одновременно запрещались меры, препятствующие этому. Согласно упомянутой Декларации, к колониализму приравнивалась любое другое зависимое состояние народа (иностранные оккупация и иго или иные проявления господства), а предпочтительной формой реализации права на самоопределение признавалась суверенная государственность (на это, в частности, обращалось внимание в докладе Третьего комитета ГА ООН от 30 декабря 2011 г.)[570].

В научной литературе предпринимаются попытки разработать типологию факторов, оказывающих влияние на выбор форм самоопределения, что имеет, несомненно, большую практическую значимость для совершенствования, как законодательства той или иной страны, так и дальнейшей разработки международно-правовых норм в рассматриваемой сфере. Наиболее точный анализ проблемы сецессионизма в отечественной науке международного права был предложен А.С.Исполиновым, который всесторонне исследовал практику

---

[569] См. Повестка дня для мира. ООН. Нью-Йорк. 1992. С. 10.

[570] Доклад Третьего комитета ГА ООН A/66/461 от 30.12.2011. «Право народов на самоопределение». Раздел III. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/66/461 (дата обращения 09.04.2021).

государств, доктринальные подходы и судебные решения по данному вопросу[571]. Автор исходит из того, что в доктрине и государственной практике сохраняется практически полное отсутствие консенсуса по ключевым аспектам сецессии. Это касается как самого существования права на одностороннее отделение, так и критериев определения субъекта такого права, а также условий, при которых сецессия может считаться правомерной с точки зрения международного права. Такая правовая неопределённость позволяет рассматривать право на защитную сецессию лишь как формирующуюся обычную норму, которая ещё не получила достаточного признания (молчаливого согласия) со стороны значительного числа государств для приобретения обязательной силы. Сложившаяся практика увязки правомерности сецессии с признанием нового государства третьими странами привела к появлению феномена непризнанных государств, возникших в результате «де-факто успешных сецессий». Это свидетельствует о серьёзных пробелах в международном праве, но на практике ведёт не к разрешению, а к консервации конфликтов. Автор приходит к выводу, что современные государства сознательно сохраняют данную сферу в состоянии правовой неопределённости, чтобы не связывать себя жёсткими нормами и сохранить возможность руководствоваться соображениями политической целесообразности, а не правовыми предписаниями[572].

В доктрине международного права не сложилось единого подхода к определению сецессии. Дж.Кроуфорд, например, определял сецессию как правовой режим возникновения государственности, характеризующийся следующими конститутивными признаками: создание нового субъекта международного права на отделённой территории "материнского" государства в условиях отсутствия его согласия и с использованием военно-силовых методов[573]. А.Кассесе, рассматривал сецессию как «серьезные нарушения фундаментальных

---

[571] *Исполинов А.* Принцип территориальной целостности государств и право на защитную сецессию // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. No 1 (152). С. 72–94. EDN IIECJZ.
[572] Там же. С.110.
[573] См. *Crawford J.* The Creation of States in International Law. 2nd ed. Oxford : Clarendon Press, 2007. P. 375.

прав человека» и «невозможность достижения мирного разрешения противоречий». По его мнению, внешнее самоопределение может быть предоставлено в исключительных случаях - только тогда, когда центральные власти суверенного государства отрицают права и свободы некоторых групп или препятствуют их реализации и таким образом нарушают право на внутреннее самоопределение и когда центральные власти не согласны с идеей мирного разрешения конфликта в рамках одного государства[574]. К.Уэлман выступает в защиту сецессии, несколько противоречиво аргументируя свою позицию доводами «морального права соответствующей группы на отделение» при условии «сохранения государством своих политических функций», а также «ценностью» самого института самоопределения[575]. Согласно трактовке М. Коэна, сецессия представляет собой процесс формирования нового субъекта международного права, возникающего в результате территориально-демографического обособления от исходного государства[576].

Часть западных ученых весьма скептически относится к сецессии как средству решения этнических противоречий. «Отделение неизбежно обостряет межгрупповые различия» - считает проф. Стокгольмской школы экономики Я.Тулберг.[577] По мнению Д.Горовица, сецессия может усугубить проблемы этнического конфликта, … «требования сецессии выдвигаются без серьезного понимания моделей этнического конфликта и политического поведения этнической группы».[578] Тем не менее усилиями ряда видных философов и юристов концепция «права на сецессию» прочно вошла в научный оборот.

Британский ученый К.Уэллман увязывает вопросы самоопределения и потенциальной сецессии с двумя, как он считает, параллельными и одновременно

---

[574] См. Cassese A. Self-determination of peoples: A legal Reappraisal. Cambridge. 1995. P.118, 122-129.
[575] См. Уэлман К.Х. Теория отделения: аргумент в пользу политического самоопределения. Изд. Кембриджского университета. 2005.
[576] Secession: International Law Perspectives / ed. by M. G. Kohen. New York : Cambridge University Press, 2006.
[577] Tullberg J., Tullberg B.S. Separation or unity? A model of for solving ethnic conflict. «Indiana univ. press». 1997. Vol. 16. №2. P.240.
[578] Горовиц Д. Разрушенные основы права сецессии. «Власть». 2013. №11. С. 189.

противоположными тенденциями – к глобализации и локализации, означающими усиление «региональных соглашений и союзов в рамках межрегионального и межгосударственного сотрудничества»[579]. К.Уэллман делает акцент на «моральном праве» той или иной группы населения на отделение. В этой связи он ратует за «функциональный подход» к решению проблемы, а в способности «хорошо управлять» и «эффективно выполнять определенные задачи» видит условия справедливого отделения[580]. Показательно, что А.Бьюкенен считает право на отделение от государства «аналогичным праву на революцию в том смысле, в котором оно понимается в качестве стержня либеральной политической теории: как средство последнего спасения от постоянной и серьезной несправедливости»[581].

М.Стерио считает, что под правом на самоопределение следует понимать наличие двух основных составляющих – политики и права, где первая всегда находится в доминирующем положении[582].

Ю.Миклашова в монографии «Secession in International Law with a Special Reference to the Post-Soviet Space» предлагает фундаментальный пересмотр классических представлений о роли международного права в процессе сецессии. Автор сосредотачивается на практических последствиях существования непризнанных государств. Ю.Миклашова оспаривает доминирующую доктрину «нейтральности» международного права по отношению к сецессии, согласно которой сецессия считается внеправовым (a-legal), сугубо фактическим явлением. Основной тезис работы заключается в том, что международное право не просто фиксирует факты на местности, а задаёт нормативные рамки для оценки сецессии. Исследование строится вокруг фундаментального противостояния двух принципов — эффективности (фактического контроля территории) и законности. Автор

---

[579] См. Уэлман К.Х. Теория отделения: аргумент в пользу политического самоопределения. Изд. Кембриджского университета. 2005. С. 1-4..
[580] Уэлман К.Х. Там же.
[581] Buchanan A. Justice, Legitimacy and Self-determination. Moral foundations for International Law. Oxford. 2007. P. 351
[582] *Sterio M.* On the Right to External Self-Determination: «Selfistans», Secession, and the Great Powers' Rule. P. 176.

демонстрирует решающее значение принципа «из правонарушения право не возникает» для современного регулирования сецессии. Ю.Миклашова выводит анализ на уровень прикладных юридических вопросов. Она исследует, как статус «незаконного сецессионного образования» влияет на повседневную жизнь: признание актов гражданского состояния (разводов), ведение бизнеса, международные инвестиции и ответственность за нарушения прав человека[583]. Работа демонстрирует, как первоначальная незаконность сецессии пронизывает все последующие отношения такого образования и как эти отношения взаимодействуют с правом оккупации и правом прав человека.

А.А.Токарев в своем анализе выделяет факторы сецессии со своеобразной численной оценкой их значимости в каждом конкретном случае (исторические обстоятельства, социально-экономические условия, степень консолидации общественного мнения, правовая определенность ситуации и др.)[584]. И.С.Семененко исходит из подразделения этнополитических конфликтов на управленческие, институциональные и территориальные[585]. Как отмечается автор, развитие глобализационных процессов в конце XX – начале XXI вв. лишили национальную идентичность возможности уверенно претендовать на первенство в идентификационных процессах. Меняется и состав участников сепаратистских движений. Их представители апеллируют не только к исторической памяти и этнической идентичности, но и к «понятным населению экономическим и социальным преимуществам, которые может, по их мнению, дать сецессия». Такой подход обеспечивает дополнительную поддержку масс[586].

Для осознания реального смысла сецессии как формы самоопределения представляет интерес семантико-этимологический анализ этого понятия, проведенный Р.М.Нуруллиным. Уходящее корнями в древнеримскую историю

---

583 Júlia, Miklasová. Secession in International Law with a Special Reference to the Post-Soviet Space. Brill, Theory and Practice of Public International Law. 2024.

584 См. Токарев А.А. Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния. «Полис». 2017. №4. С.106-117.

585 См. Семененко И.С. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории». «Полис». 2016. №6. С. 69-94.

586 См. Государство в политической науке и социальной реальности XXI века. Отв. ред. И.С.Семененко. М., 2020. С. 167-169.

латинское слово «сецессия» состоит из двух частей: se – «отдельно» и cedere - «пути». В ранней Римской республике понятие «сецессия» применялось к уходу плебейского сословия за черту города как форме их протеста в борьбе с патрициями за свои права. В религиозной атмосфере XVIII века так именовался выход группы людей из состава того или иного религиозного института для формирования собственного объединения. И только в ходе войны за независимость в Северной Америке (1775-1783 гг.), а затем Гражданской войны в США (1861-1865 гг.) стало оформляться понятие сецессии, близкое к современному – выход из состава единого государства какой-либо его части. В XIX веке Уругвай вышел из состава Аргентины, Венесуэлла и Эквадор из «Великой Колумбии», Бельгия из Нидерландов, Гондурас и Сальвадор из Федеративной Республики Центральной Америки, Техас из состава Мексики и др. «Таким образом, - делает вывод Р.М.Нуруллин, - оттенки слово «сецессия» менялись в связи с историческим контекстом, но смысловое ядро – «выход и образование нового института» - осталось неизменным и присутствует во всех современных семантических сочетаниях с этим словом»[587].

Ф.А.Попов систематизировал, применяя методику политико-географического исследования, обширную (400 страниц) базу данных «зон распространения сецессионизма» в мире по состоянию на первое десятилетие XX века. По мнению ученого, таких «зон» в мире – 199. 37 из них расположены в Западной Европе, еще 6 – на Балканах, 15 – в европейской части постсоветского пространства[588]. Нередко сецессия становилась фактором решения внешнеполитических задач тех или иных государств. По другим исследовательским оценкам, на рубеже XXI века в фазе активного вооруженного противостояния находилось 26 конфликтов, детерминированных проблемой самоопределения. При этом латентную угрозу представляют 55 неурегулированных ситуаций, обладающих высокой вероятностью трансформации

[587] См. Нуруллин Р.М. Понятие сецессии в политической науке. // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Том 152. Кн.1. С. 212-213.
[588] См. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. М., 2012. С. 224-620.

в насильственную стадию. Параллельно в 15 случаях наблюдается кризис рестабилизации ранее замороженных конфликтов, создающий предпосылки для кампаний за самоопределение[589].

В современной правовой доктрине утвердилась дихотомия сецессии, предполагающая ее разделение на два принципиально различных типа: **консенсуальную,** осуществляемую с согласия государства-правопредшественника, и **одностороннюю,** инициируемую без такового. Консенсуальная модель, в свою очередь, дифференцируется на **конституционную сецессию,** регламентированную основным законом государства, и **договорную сецессию,** основанную на политических соглашениях между центральной властью и представителями отделяющейся территории[590]. Нормативное обоснование односторонней сецессии выводится из реляционной интерпретации принципов, закрепленных в Декларации о принципах международного права 1970 года. Ключевое положение Декларации, гарантирующее нерушимость территориальной целостности государств, содержит важнейшую оговорку: данная защита распространяется исключительно на государства, «соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов... и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие... весь народ, проживающий на данной территории». Сложившаяся в доктрине интерпретация усматривает в данной формулировке имплицитное признание **ремедиальной (восстановительной) сецессии.** Правовой механизм здесь заключается в следующем: систематическое нарушение государством внутреннего аспекта самоопределения, выражающееся в исключении значительных групп населения из политического процесса или их дискриминации, лишает такое государство права апеллировать к принципу территориальной целостности. В этой правовой коллизии у народа возникает правомерное основание для одностороннего выхода с целью создания правительства, адекватно представляющего его интересы.

---

[589] См. См. Weller M. Settling Self-Determination Conflicts: Recent Developments // European Journal of International Law. Vol. 20. 2009. No. 1. P. 111–165, 112.

[590] См. *Anderson G.* Secession in International Law and Relations: What Are We Talking About? P. 340.

В современной доктрине сложилось неоднозначное восприятие понятий сецессии и сепаратизма. Представляется правомерным подход, согласно которому в политико-территориальном смысле сецессия является одной из форм сепаратизма, предполагающей процесс отделения и выхода из состава государства какой-либо его части. В дальнейшем возможны варианты: создание нового государства на отделившейся территории и стремление к закреплению его самостоятельного международно-правового статуса либо попытки вхождения в состав существующего государства[591] (ирредентизм, от итал. Irredento – неосвобожденный). В качестве частного случая ирредентизма выступает явление энозиса (от греч. Henosis – союз, объединение), представляющее собой отделение территории с целью присоединения к государству с единоэтничным населением. Формальной мотивацией к инициированию энозиса является общая этничность меньшинства и государственно-организованного большинства, в то время как ирредентизм может предполагать не только этнические, но также культурные, географические, исторические и другие причины. Изначально термином «энозис» обозначалось движение за присоединение к суверенной Греции (начиная с 1830 г.) находившихся под управлением других государств регионов с преобладающим греко-христианским населением. В современных условиях энозис проявляется, в частности, в движении греков-киприотов за воссоединение с Грецией[592].

А.П.Кошкин и В.В.Черданцев не видят «принципиальных отличий сецессии от сепаратизма», рассматривают оба явления как «односторонний выход из состава территорий существующего государства с последующим образованием суверенного государства чаще всего вопреки воле государства – предшественника и нередко с применением силы». Авторы считают вместе с тем, что «сецессия – это правомерный выход, опирающийся на серьезные правовые основания», а «сепаратизм имеет противоправный характер, направленный на подрыв

---

[591] См. Попов Ф.А. Сравнительный анализ действующих зон распространения сецессионизма на территории Африки и Америки. // Вестник молодых ученых. «Ломоносов». М., 2006. Вып. III. С. 98; Лубский А.В. Конфликтогенные факторы на юге России: методология исследования и социальные реалии. Ростов н/Д. 2005. С.4.

[592] См. Нуруллин Р.М. Цит. соч. С. 215-216.

территориальной целостности существующего государства, и опирается преимущественно на силовое давление и особенно вооруженную силу»[593].

Хотя учеными и делается оговорка, что «граница между двумя понятиями не является четкой», сама постановка вопроса представляется не вполне корректной. Понятия сецессии и сепаратизма разнопорядковые и соотносятся между собой, на наш взгляд как намерение, цель (сепаратизм) и одна из форм ее реализации, отнюдь не исключающая других – политической или национально-культурной автономии и т.п. Слово «сепаратизм» чуть ли не каждый день можно встретить в газетах и журналах, сводках новостей и на информационных сайтах. Понятие «separatio» (лат – «отделение»), успешно веками использовавшееся в химии и алхимии, технике и сельском хозяйстве, перекочевало в сферу политики и прочно закрепилось в ней. В одних публикациях акцентируется внимание на стремлении народов и этносов к отделению от государств, в которых они ощущают политический дискомфорт, социально-экономическую, культурную, духовную или языковую насильственную ассимиляцию. В других, напротив, «народы» и «этносы» обвиняются в незрелости, националистическом эгоизме, осуждается их намерение отделиться и начать новую самостоятельную жизнь[594].

На опыте провинций Гонконга и Макао руководство КНР «обкатывает» политическую идею «одна страна, две системы», рассчитывая со временем в основном мирным путем распространить ее и на Тайвань. Вместе с тем, еще в 2005 году был принят Закон о борьбе против сепаратизма, дающий возможность использовать военный потенциал в случае намерения каких-либо сил отделиться от КНР.

Каковы же условия, обстоятельства, при которых допускается отделение части территории от государства, каковы критерии для признания соответствующих действий легитимными, не нарушающими современные

---

[593] См. Кошкин А.П., Черданцев В.В. право на самоопределение в политических коллизиях современности: Крым и Косово. // Вестник экономики, права и социологии. М., 2016. №2, С. 23

[594] См. А.К.Каграманов. Критерии легитимности сецессии в реализации права на самоопределение. Евразийский юридический журнал. №6 (157). 2021. С. 30. DOI 10.46320/2073-4506-2021-6-157-29-33.

международно-правовые нормы. Нередки утверждения о том, что сепаратизм — это заведомо негативный процесс, сопровождающийся грубыми нарушениями прав и свобод человека и гражданина[595]. Между тем сама лексическая формула «сепаратизм» не всегда несет в себе заведомо негативный оттенок, выражая применительно к рассматриваемой нами проблеме лишь стремление этнической или иной составной части государственного целого и к большей политической, социально-экономической и иной самостоятельности. Другое дело, что нередки ситуации, когда сепаратистские движения используют для достижения своих целей услуги наемников, прибегают к террористическим и другим методам и средствам, идущими вразрез с действующим законодательством той или иной страны и общепризнанными международно-правовыми нормами.

Е.А.Нарочницкая, посвятив проблеме сепаратизма весьма обстоятельное исследование, наряду с его вооружено-террористической формой, выделяет также «мирно-политический», «идейный, или ментальный» сепаратизм, который можно рассматривать как «дискурсивную, или публичную вариацию сепаратизма, приближающуюся к политическим формам, но отличную от них». Ученый исходит из целесообразности различать «вербальные идеи, политические проекты, институализированную политическую деятельность и иные политические движения сецессионистского плана». Автором отмечаются «умеренные» («независимость в перспективе»), радикальные («независимость немедленно»), а также «целевые, или риторические, инструментальные» течения сепаратизма. «Инструментальная» разновидность используется в качестве «средства давления на центр» с целью получения тем или иным регионом бюджетных, фискальных или других льгот и дивидендов, раскрутки туристических или товарных брендов и т.п.

В работе Е.А.Нарочницкой упоминается т.н. «постмодернистский квазисепаратизм», которым описываются явления эпатажного, фантазийного, игрового характера (например, провозглашение «государства Падания» в Италии,

---

[595] См., например: Скрипкина Ю.Г. Принципы территориальной целостности государств и самоопределения народов и их роль в обеспечении международной безопасности и международного правопорядка. Вестник Московского университета МВД России. 2018 (4): 147-152.

экзотический «Вольный город Христиания», созданный хиппи в одном из кварталов датской столицы Копенгагена и др.). Своеобразие каждого из сепаратистских движений видится автору как в уникальности того или иного из них, определяемой индивидуальными нюансами, так и в многочисленных комбинациях, объединяющих различные существенные черты. Особо выделяется обозначившийся в последние годы поворот к «системному» сепаратизму, представляемому более или менее влиятельными движениями с перспективой достижения «суверенитета», «полной национальной свободы» и иных «формул независимости» через демократические процедуры[596].

Один из зарубежных исследователей М.Хетчер исходит из того, что сепаратизм отличается от сецессии тем, что не обязательно предполагает отделение части государственной территории[597]. Нет сомнений, что сепаратизм является гораздо более широким, многозначным понятием, чем сецессионизм, включая в себя такие элементы, как убежденность в необходимости обособления, отделения, стремления к нему, которые не исключают, однако, других форм самоопределения, в том числе и политической автономии. Сепаратизм может иметь такие проявления, не посягающие на территориальную целостность страны, как большая самостоятельность в правовой, социально-экономической, духовно-культурной и языковой сферах. И только т.н. «территориальный сепаратизм» сводится к требованию отделения части территории от государства.

Р.М.Нуруллин рассматривает сецессию как наиболее радикальную форму политического сепаратизма, представляющую собой «процесс отделения от государственного образования какой-либо его части, в результате которого в границах этой части создается новое суверенное государство». При этом автором выделяются две «стержневые компоненты» - отделение от политического целого его части (соотносится с понятием политического сепаратизма) и создание нового государства в пределах территории, которая до этого принадлежала другому государству (дает возможность отграничить понятие сецессии от смежных

---

[596] См. Нарочницкая Е.А. Цит. соч., С. 37-52.
[597] См. Hechter M. The dynamics of secession // Acta Sociologia. 1992. №4. P.267.

дефиниций, например, от ирредентизма и энозиса). Отмечается также, что «отделение части от целого» следует понимать «не столько в географическом, сколько в политическом смысле». «Исходя из современного употребления слова ***сецессия*** (курсив автора – А.К.) необходимо также заметить, - подчеркивает Р.М.Нуруллин, - что оно, как правило, связано с процессами государствогенеза и крайне редко используется применительно к отделению частей других компонентов политической системы»[598].

Ф.А.Попов в своем политико-географическом исследовании исходит из деления сецессионистских движений на 12 географических типов, называя в качестве основных «западноевропейский», «североамериканско-австралийский» и «постсоциалистический»[599]. Однако такой подход подвергнут, как представляется, справедливой критике, поскольку исходит из «зон распространения сецессионизма», в опоре на пространственную динамику (но не его типы), не выделяет «доминантных черт», «общего для всех существенного параметра классификации»[600].

Международному праву предстоит определиться с критериями (основаниями) легитимной (рискнем использовать этот термин, возможно впервые в рассматриваемом контексте) сецессии, которая вписывалась бы в действующие международную и внутригосударственную (прежде всего, конституционную) нормативные системы и соответствовала подлинно научной трактовке понятия народа, претендующего на осуществление соответствующей акции, и отвечала его интересам. Нет сомнений, что в основе подхода к выработке упомянутых критериев должна лежать, наряду с правовыми нормами, и такая нравственная категория, как справедливость.

Как представляется при анализе вопросов, связанных с правом на самоопределение, следует исходить из того, что с известных Пактов 1966 г. (об

---

[598] Нуруллин Р.М. Цит. соч., С.219.

[599] См. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. М., 2012.

[600] См. Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм: проблема типологии и европейские реальности. [Электронный ресурс] / Нарочницкая // Актуальные проблемы Европы. 2015. №1 . С. 32-55 . Режим доступа: https://rucont.ru/efd/474385

экономических, социальных и культурных правах, а также о гражданских и политических правах) проблема самоопределения вышла за рамки сугубо колониального контекста. В этой связи, представляет особый интерес, имеющий, на наш взгляд, практическую значимость вывод А. Кассесе: «Возможность практической реализации права на самоопределение закрепляется: либо а) за народами, находящимися под колониальным или расистским господством или иностранной оккупацией («внешнее самоопределение») … либо б) за всеми народами и подразумевает уважение основополагающих прав и свобод человека (внутреннее самоопределение)»[601].

Не до конца, правда, ясно, какие действия должны осуществлять государства, чтобы у той или иной его части не возникало легитимных оснований для постановки вопроса (в контексте Декларации 1970 г.) о возможности сецессии. Одни авторы (Т.Масгрейв, А.Кассесе) исходят из понимания, что соблюдение принципа равноправия и самоопределения вполне обеспечивается институтами «представительного правления», ассоциируемого с традиционной трактовкой его как неотъемлемого атрибута народного суверенитета[602]. Другие считают, что соблюдение этого принципа непосредственно связано со строгим соблюдением прав человека, нарушением которых может оправдываться отделение[603]. Существует, наконец, мнение, согласно которому условием территориальной целостности государств должно быть соблюдение ими своих обязательств в отношении лиц, принадлежащих к национальным или этническим меньшинствам, отсутствие какой-либо дискриминации[604]. Иногда все подходы рассматриваются во взаимосвязи.

---

[601] *Cassese A*. Political Self-determination – Old Concepts and New Development. In: Cassese A. (ed.) UN Law/Fundamental Rights: Two Topics in International Law. (Alphen van den Rijn/The Netherlands). 1979. P. 138-141.

[602] См. Antonio Cassese. Self-Determination of Peoples: Legal Reappraisal (Cambridge: Cambridge University Press, 1995), p. 76-77. T. Musgrave. Self-Determination and National Minorities (Oxford: Oxford University Press, 1997), pp. 96-97.

[603] Hannum H. Autonomy, Sovereignty and Self-determination. Philadelphia. 1990. P.471.

[604] Juviler P. «Are Collective Rights Antihuman»? Theories on Self-Determination and Practice in Soviet Successor States», 11 Netherlands Quarterly of Human Rights (1993), pp. 267-282, at pp. 281-282. Simma B. (ed). The Charter of the United Nations: a commentary. Oxford. 1994. P.66.

Вместе с тем до сих пор нередко можно встретиться с утверждениями, согласно которым якобы расширительное толкование Декларации 1970 года, Венской декларации и Программы действий 1993 г. объясняется причинами «политического порядка», а реальное значение принцип самоопределения имеет только применительно к решению проблем деколонизации, освобождения от оккупации и борьбы с расизмом. При этом Дж. Кроуфорд ставит под сомнение правовую силу упомянутых положений Декларации и Программы действий, исходя из того, что-де «резолюции ГА ООН, за редким исключением, имеют рекомендательную силу и, соответственно, не могут толковать Устав ООН как таковой»[605].

Что можно сказать по поводу подобных рассуждений? Во-первых, Устав ООН, как уже подчеркивалось, не отдает предпочтения какому-либо принципу, исходит из их одинаковой силы. Во-вторых, принцип самоопределения получил предельно четкое выражение не только в упомянутых декларативных актах, но и в таких принципиально значимых документах конвенционного характера, как Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. и имеющие еще более широкий спектр действия Пакты о правах человека 1966 года. Наконец, Международный Суд ООН в ряде своих решений подтвердил действие принципа самоопределения в качестве одного из важнейших принципов международного права, имеющего характер erga omnes, что, как известно, предусматривает обязательства государств в отношении международного сообщества в целом.

Применительно к нередко встречающемуся в теоретических работах подразделению самоопределения на «внутреннее» и «внешнее» весьма четко сформулировал свою позицию еще в 1996 году Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации. По мнению Комитета, в частности, в отношении первого аспекта («все народы имеют право беспрепятственно осуществлять свое экономическое, социальное, и культурное развитие без вмешательства извне») существует связь с правом каждого гражданина участвовать в ведении

---

[605] Crawford J. The Creation of States in International Law. Oxford. 1979. P. 89.

государственных дел на любом уровне. Второй («внешний аспект») предполагает, что «все народы имеют право свободно определять свой политический статус и свое место в международном сообществе на основе принципа равноправия и с учетом примера освобождения народов от колониализма, а также запрещения подвергать народы иностранному порабощению, господству и эксплуатации»[606].

Рассматривая различные аспекты «внешнего» самоопределения, некоторые авторы видят его основное содержание в установлении политического статуса отделяющейся территории посредством:

а) создания нового суверенного государства;

б) свободного присоединения к независимому государству или объединения с ним;

в) установления любого другого политического статуса, свободно определенного народом[607].

В этой связи Э.Дэвид проводит своего рода границу между «сепаратистским движением» и «национально-освободительной войной», когда противоборство происходит между колониальным, расистским или иностранным правительством и народом, чьей территорией оно управляет и чье право на самоопределение было признано ООН. Что же касается первой ситуации, то здесь, по мнению автора, имеет место противостояние друг другу правительства того или иного государства, с одной стороны, а с другой – части территории желающего отделиться от него населения. В отличие от народа, который ведет национально-освободительную войну, за населением, желающим отделиться, такого права, по мнению автора, ООН не признаёт[608].

М.Шо высказано мнение, что право на самоопределение при определенных обстоятельствах может рассматриваться в качестве дополнительного критерия государственности (наряду с другими, заложенными в Конвенции Монтевидео о

---

[606] Общая рекомендация Комитета по ликвидации расовой дискриминации №XXI (48). Официальные отчеты ГА ООН. 51-я сессия Дополнение №18 (A/51/18). С. 123-124.
[607] См. Cassese A. International Law. Oxford. 2001. P. 106. Eide A. Op. cit. P. 281.
[608] См. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М., 2000. С. 142.

правах и обязанностях государств)[609]. Немалый интерес представляет в этой связи позиция ООН в отношении Южной Родезии и Южной Африки. Осудив провозглашение независимости режимом меньшинства, ООН призвала «все государства не признавать никакой формы независимости в Южной Родезии без предварительного создания правительства на основе правления большинства в соответствии с резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи»[610] (подчеркнуто нами – А.К.). Применительно к Южной Африке создание там бантустанов было признано противоречащим праву на самоопределение[611]. И в первом, и во втором случаях основной причиной признания незаконности создания упомянутых образований стало явное нарушение права на самоопределение всего населения (народа) путем установления господства его явным меньшинством.

В научной литературе можно встретиться с рассуждениями о том, что «незаконны» режимы, не признающие права на самоопределение, а провозглашаемые ими государства рассматриваются идущими вразрез с международным правом, чуть ли не как «сфабрикованные». Ю.А.Решетов считает, что государство, созданное в нарушение права равноправия и самоопределения народов, не должно признаваться в качестве субъекта международного права[612].

Особую опасность представляют так называемые «чистки», когда сторонники этнического национализма, независимо от своей принадлежности к большинству или меньшинству населения, стремятся избавиться от представителей других этнических групп, проживающих в их регионе. В целях достижения «чистого» этнического состава они добиваются пересмотра государственных границ с тем, чтобы начать самостоятельное существование или присоединиться к соседнему государству, большинство населения которого принадлежит к той же самой этнической группе.

---

[609] См. Shaw M. International Law. Cambridge. 5-th ed. 2003. P.178

[610] См. например: Резолюции СБ ГА ООН 277 (1970) от 18 марта 1970 года; 288 (1970) от 17 ноября 1970 года. http://www.un.org/russian/document/seresol. Дата обращения. 09.04.2021.

[611] См. например: Резолюции ГА ООН 3411D от 28 ноября 1975 г. www.un.org/russian/document/docs/gares.html. Дата обращения. 09.04.2021.

[612] См. Решетов Ю. Проект конвенции о праве народов на самоопределение. «Московский журнал международного права». 2000. №3. С. 419.

Естественно, нахождение конструктивных решений зависит от всех вовлеченных сторон. Весьма распространенным вместе с тем является ошибочное мнение о том, что вина за существующие ситуации лежит лишь на правительствах или большинстве населения и что усилия к адаптации должны прилагаться только с этой стороны. Однако даже при поверхностном рассмотрении нынешнего положения в мире, можно заметить существование ряда меньшинств, которые проводят крайне провокационную и насильственную политику.

Острым провоцирующим фактором, практически с неизбежностью ведущим к сецессии, является лишение народов автономии, получившим ее в процессе самоопределения, фактический, а нередко и «де-юре» переход от федеративного государственного устройства к унитарному. По Конституции СФРЮ 1974 г., например Косово как составная часть государства Югославии, имевшая статус автономного края, обладало правом избирать свой парламент, формировать правительство и Конституционный Суд, самостоятельно осуществлять широкие социально-экономические и культурные полномочия. С конца 1980-х годов президент Югославии С.Милошевич последовательно проводил политику лишения края Косово «децентрализации». Еще до распада СССР Верховный Совет Грузинской ССР принял ряд решений по упразднению немалой самостоятельности Автономной Республики Абхазии и Юго-Осетинской Автономной области в составе союзной республики, что и привело во многом в конечном счете к провозглашению независимости в упомянутых регионах.

«Мировое сообщество не может не видеть случаи, - считает А.Аксененок, - когда в силу непреодолимых межнациональных проблем самого разного характера – исторического, имущественного – отделение национального меньшинства больше соответствует устоявшимся реалиям, чем сохранение непризнанного статус-кво на неопределенное время». Оправдан, думается, и вывод, к которому приходит исследователь: «Ответственность за сложившееся положение в большей степени несут в конечном итоге центральные власти, оттолкнувшие от себя своих граждан высокомерной шовинистической политикой. И главным критерием здесь должно быть достижение международного консенсуса о правовом оформлении

отделения национальных меньшинств на базе соблюдения общепринятых демократических и гуманитарных стандартов»[613].

Иногда стремление к отделению становится следствием отказа властей той или иной страны предоставить определенной ее части региональную (территориальную) автономию в соответствии с выраженной на выборах (референдуме) волей населения. Нечто подобное, к примеру, произошло с созданием на территории, принадлежавшей Пакистану нового государства Бангладеш в 1971 г., которое в конечном счете получило признание и было принято в ООН. В свете изложенного представляется в полной мере оправданным мнение А.Д.Гулякова о необходимости «сформировать некие критерии, позволяющие осуществить самоопределение или откладывающие его на определённый или неопределенный срок. Эти критериальные оценки следует довести до политиков и населения и, возможно, обсудить их публично, что позволит выработать некий общественный консенсус». Автор справедливо считает, что «подобная процедура позволяет избежать риска гражданских войн и других неадекватных массовых действий, а также дополнительно легитимизирует факт сецессии в глазах мирового общественного мнения»[614]. Не вызывает сомнений и необходимость при решении вопросов самоопределения учитывать численность народов и наций, их историческую территориальную принадлежность, уровень развития и состояние самого субъекта (финансово-экономическая и социально-культурная самодостаточность), политическую ситуацию, применяя в соответствии с этим те или иные формы реализации права на самоопределение[615].

А.А.Клишас, справедливо отмечает, что в современном международном праве «сформирован общий консенсус относительно ограничительного понимания права народа на самоопределение, предусматривающий главным образом

---

[613] Аксененок А. «Самоопределение: между правом и политикой». // «Россия в глобальной политике». 2006. №5. С. 16.

[614] Гуляков А.Д. Право на самоопределение в сложносоставном государстве в условиях глобализации (на примере Крыма, Каталонии и Шотландии). «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Право». 2017. №4 (44). С. 17.

[615] См. Нуриева И.Т. Политическое толкование, уровни и формы реализации права на самоопределение в условиях современных международных реалий. //«Universum: общественные науки». 2017. №7 (37). С. 55.

самоопределение населения соответствующих территорий в рамках сложившихся государственных границ»; право «не может и не должно пониматься, по общему правилу, в его расширительном значении, допускающем во всех случаях (подч. нами – А.К.) возможность выхода определенной территории государства из его состава»[616]. В резолюции Совета Европы №1832 от 4 октября 2011 г. отмечалось, что право этнических меньшинств на самоопределение не допускает автоматического права на отделение и в первую очередь должно быть реализовано с помощью защиты прав меньшинств, а государства – члены Совета Европы должны воздерживаться от признания или поддержки фактических властей незаконно отделившихся территорий, включая и те, которые были поддержаны иностранными военными интервенциями[617].

Очевидно, упомянутый автор, как и многие другие, не отрицает возможности выхода части территории из состава государства при реализации самоопределения. Именно при такого рода исключениях и важно в полной мере учитывать взаимодействие всех рассмотренных выше принципов, которые, как подчеркнуто в Заключительном акте СБСЕ 1975 г., «будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других». На наш взгляд, это исключительно значимое принципиальное положение было бы целесообразно воспроизвести в одной из резолюций ГА ООН (вариант: в консультативном заключении МС ООН), выведя за рамки стран-участниц ОБСЕ и придав ему таким образом общемировое звучание.

Лозунг самоопределения народов, разумеется, не идентичен призывам к отделению и образованию самостоятельного государства. Но и в своей крайней форме – сецессии - реализация самоопределения должна быть вполне легитимной, причем не только в тех случаях, когда признается государством, от которого отделяется часть территории. Для сецессии, как представляется, необходимы

---

[616] Клишас А.А. Сепаратизм вне права «Вестник РУДН. Серия: Юридические науки.» 2019. Т.23. №1. С.22.

[617] См. Резолюция Совета Европы № 1832, принятый 4 октября 2011 г. URL: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2011%5D/%5BOct2011%5D/Res1832_rus.asp. Дата обращения: 13.04.2021.

весомые убедительные основания, ибо в любом случае она выражает чаяния (требования) лишь части населения (народа), а не всей совокупности граждан той или иной страны, нередко идет вразрез с их интересами. Такая акция не должна также вступать в противоречие с основными принципами международного права, Уставом ООН и другими общепринятыми международно-правовыми документами.

Статус этноса (большинство-меньшинство, компактность проживания и т.п.) – достаточно подвижная категория, которая не дается раз и навсегда. Поэтому, очевидно, не может быть выстроена и единая, общая для всех случаев модель самоопределения. Каждая ситуация исторически конкретна, требует тщательного анализа большого числа составляющих, учета многочисленных «за» и «против», ибо при всех обстоятельствах сецессия, являясь акцией исключительно острой, может иметь разного рода негативные аспекты не только для «материнского» государства, но и для самого отделяющегося этноса. И при всех условиях, как представляется, должны быть решительно отвергнуты любые попытки разного рода экстремистских группировок под лозунгом реализации прав «меньшинств» прибегать к вооруженной борьбе, террористическим методам с целью создания самостоятельных образований с тем, чтобы добиваться в дальнейшем международного признания, статуса суверенных государств.

Н.Е.Шонин называет три условия, при соблюдении которых «отделение и/или вхождение в состав другого государства не будет противоречить принципу территориальной целостности: проживание народа на своей исторической территории; наличие общей границы с третьими государствами; всеобщая воля населения региона, выраженная в результатах референдума»[618].

Сами по себе приведенные обстоятельства, на первый взгляд, не могут вызывать каких-либо принципиальных возражений. Однако, нельзя не обратить внимания, что три первых условия логически тесно связаны друг с другом и вполне

---

[618] Шонин Н.Е. О принципе права народов на самоопределение в международном праве и его влияние на международные отношения. // Гуманитарное знание: особенности, исторические и современные проблемы. Сб. научн. тр. По материалам I Межд. научно-практической конференции НОО «Профессиональная наука». 2016. С. 75.

вписываются в широко принятую в международном праве формулу «грубые и массовые нарушения прав человека». Не вполне понятна в рассматриваемом контексте фраза о «вооруженном нападении». Если речь идет о выходящих за рамки закона действиях представителей стремящегося к самоопределению народа, то при определенных условиях они могут подпадать под уголовно-наказуемые деяния, связанные с терроризмом, экстремизмом и т.п. И в этом случае речь, очевидно, будет идти не о неком «вооруженном нападении» со стороны государства, а о защите им (опять-таки в пределах, определяемых законодательством) общественных устоев и государственности.

Наконец, возникает вопрос и об увязке права на самоопределение со «значительной историко-культурной самобытностью» стремящегося к сецессии региона. Конечно, в компактном «самобытном» регионе притеснения особенно чувствительны и заметны. Но разного рода ущемления отдельных групп населения по этническому, конфессиональному или иному признаку могут, надо полагать, иметь место и в относительно однородном в историческом и социально-культурном отношении регионе. В этом контексте следует с пониманием относиться к рассуждениям автора о необходимости обеспечения эффективного функционирования современного демократического правового государства определенными условиями, что предполагает осуществление ряда конституционных реформ. Им обосновывается, в частности, актуальность предложения о создании в Российской Федерации абхазской национально-культурной автономии, формировании и отстаивании центральных и территориальных структур общероссийской национально-культурной автономии абхазов. Оправдано, на наш взгляд, и позитивное отношение А.Л.Барцица к вопросам приведения во взаимное соответствие, унификацию и гармонизацию правовых систем РФ и Республики Абхазии в соответствии с Договором о союзничестве и стратегическом партнерстве от 24 ноября 2014 г.

Автор исследования исходит вместе с тем из того, что всем государствам свойственно неприятие сецессии, которая противоречит интересам самого государства и несет в себе угрозу отторжения части его территории. Разрешение

такого противоречия видится, в частности, в комплексном подходе по предоставлению достаточных свобод народам в формате культурных, языковых прав и условий, создание которых будет соответствовать их потребностям в рамках единого государства. Ю.А.Решетов в результате анализа большого массива международно-правовых документов и обширной научной литературы пришел к выводу, что правомерным отделение части населения суверенного государства может быть только в двух случаях: а) если такое отделение закрепляется в конституции соответствующего государства и реализуется при соблюдении предусмотренных в ней процедур; б) при достижении согласия заинтересованных сторон[619]. «В международном праве на настоящем этапе его развития сформирован общий консенсус относительно ограничительного понимания права на самоопределение, - утверждает А.А.Клишас, - предусматривающий главным образом самоопределение населения соответствующих территорий в рамках сложившихся государственных границ. В условиях сложившейся модели миропорядка данное право не может и не должно пониматься, по общему правилу, в его расширительном значении, допускающем во всех случаях возможность выхода определенной территории государства из его состава»[620].

Что можно сказать по поводу приведенных выше констатаций? Во-первых, нет и не может быть консенсуса в современном международном праве по поводу «ограничительного понимания» самоопределения. Диссертантом обстоятельно рассматриваются, в том числе в настоящей главе, ситуации, когда реализация права на самоопределение, включая такую жесткую форму как сецессия, становится не просто возможной и желательной, но и необходимой в рамках завершения процесса деколонизации, освобождения оккупированных территорий, преодоление геноцида и др. Причем подобное развитие событий основано и в полной мере опирается на учет действующих норм современного международного права.

---

[619] Решетов Ю.А. Цит. соч., С. 419.

[620] Клишас А.А. Сепаратизм вне права. // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. Т.23. №1. С.22.

Во-вторых, несколько надуманной выглядит вторая часть утверждения А.А.Клишаса. По крайней мере, нам ни в действующем международном праве, ни в научных трудах не доводилось встречать рассуждений, допускающих «во всех случаях» возможность сецессии. Это всегда крайняя, чрезвычайная, но, увы, подчас необходимая и (в определенных ситуациях) единственно возможная мера, позволяющая на демократических и справедливых началах, в полном соответствии с международно-правовыми нормами, реализовать право народа на самоопределение. Другое дело, что изложенный автором рассматриваемой публикации подход получает выражение в национальной конституционной практике. Возникающая, в связи с этим коллизия международно-правовых и конституционно-правовых норм и служит нередко камнем преткновения в поисках рационального выхода из ситуации, вызванной «столкновением» принципов самоопределения и территориальной целостности.

Вряд ли можно согласиться и с утверждением В.А.Томсинова о том, что политическая нестабильность в недавно возникшем суверенном государстве, равно как и незавершенность процесса его формирования является основанием для решения вопроса о выходе из его состава какой-либо территории не по нормам внутригосударственного права, а согласно международному праву[621].

Ближе к истине, на наш взгляд, Г.Н.Андреева, считающая, что современная конституционно-правовая доктрина находится в стадии поиска, и ратующая за сочетание различных теорий и «баланс фундаментальных принципов современного демократического конституционного государства». Эти поиски, как считает ученый, определяются в значительной мере выбором приоритетных ценностей: предпочтение принципов целостности и суверенитета государства влечет отрицание права на сецессии; с другой стороны, акцентирование внимания на правах человека и народов «заставляет присмотреться к сецессии как к одному из способов реализации данных прав». По убеждению Г.Н.Андреевой, доктрина сецессии должна развиваться в тесном взаимодействии международного и

[621] Томсинов В.А. «Крымское право» или юридические основание для воссоединения Крыма с Россией. «Вестник Московского университета». Сери 11 «Право». 2014. №5. С.7.

национального конституционного права. «Нестыковка двух уровней правового регулирования – международного и национального – и, как следствие, отсутствие соответствующих конституционных механизмов реализации международных норм и принципов в данной сфере не способствуют формированию демократического диалога по вопросам независимости части территории»[622].

Подчас в литературе выдвигаются аргументы в пользу того, что отделение не запрещается международным правом (и это не вызывает сомнений), в то время как принцип территориальной целостности является межгосударственным и в силу этого не применяется к отношениям между государством и его населением. Вместе с тем, по мнению Дж.Кроуфорда, поскольку отделение подпадает под действие национальной юрисдикции, то и соответствующее государство правомочно противостоять угрозе своей территориальной целостности. На этой основе делается вывод, что международное право «подспудно», не мешая отделению, одновременно и не запрещает подавления правительством любых попыток отделения части его территории. Если же государство не возражает против отделения, то в этом случае нет препятствий для признания его результатов другими государствами[623].

Разумеется, в силу суверенитета любая страна сама решает, какую форму государственного устройства ей избрать – унитарную, объективно несколько суживающую сферу реализации прав и интересов меньшинств или федеративную, открывающую более широкий простор для такого рода реализации. Но когда речь идет об упоминавшихся выше необходимости преодоления грубых и массовых нарушений прав человека («ремедиальная сецессия»), действии принципа «ответственность защищать» (RetoP) или нарушении нормы Декларации о принципах 1970 года о необходимости иметь правительства, «представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи», в силу, по нашему убеждению, вступает

---

[622] Андреева Г.Н. Конституционно-правовоая доктрина по вопросам сецессии в странах-членах ЕС (на примере Испании, Германии, Италии, Великобритании) // Lex Russica. №8. 2018. С. 133.
[623] Crawford J. Response to Experts of the Amicus Curias. 15 January 1998. См.: Bayefsky. Pp. 153-171, pp. 157-163.

действующая в качестве нормы jus cogens, как императив положение п.2 ст.1 Устава ООН об уважении принципа равноправия и самоопределения народов.

В.И.Лафитский, констатируя «конституционно-правовой вакуум» в решении вопросов сецессии, привлекает внимание к попыткам восполнить его судебными решениями. Представляют несомненный интерес, в частности, установленные Верховным судом Канады факторы и критерии возможного выхода провинции Квебек из состава Канады:

- право на самоопределение признается, но не как право административно-территориальной единицы или субъекта федерации, а как право этноса;
- реализовать такое право может только угнетенный этнос (франкоканадцы таковыми не являются);
- одностороннее отделение невозможно, необходим учет интересов других частей и этносов государства;
- в решении вопросов отделения должны участвовать также федеральные органы.

Ученым особо констатируется неприемлемость попыток распространить указанное решение, основанное на толковании конституции Канады, на другие страны[624].

Рассмотрев вопросы реализации права на самоопределение на примере Крыма, Каталонии и Шотландии, А.Д. Гуляков высказывается за необходимость «сформировать некие критерии, позволяющие осуществить самоопределение или откладывающие его на определенный или неопределенный срок». Среди таковых автором называются исторические обстоятельства, социально-экономические условия, внешнеполитические факторы, баланс политических сил в той или иной стране, степень консолидации общественного мнения, правовая определенность ситуации. Разделяя в принципе такой подход, хотелось бы в то же время возразить против явного нигилизма автора в отношении международного права, которое, дескать, «в реальной жизни часто игнорируется». К сожалению, мы действительно

---

[624] См. Лафитский В.И. Сецессия в современном мире: конституционно-правовые и международно-правовые аспекты. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. №1. С. 31-32.

являемся свидетелями, как в условиях современного «постялтинского» мироустройства отдельные положения международного права нередко попираются. И все же, думается, только строгое следование его нормам, последовательное развитие и кодификация являются единственной надежной гарантией сохранения мира на земле, справедливого решения самых сложных проблем, в том числе и такой, в высшей степени деликатной, как самоопределение народов. Выработке ответов на такие вызовы призваны способствовать разработка и международно-правовое оформление факторов и критериев[625] легитимности сецессии, что является одной из ключевых целей настоящей работы.

Значительный вклад в трактовку рассматриваемой проблемы внес известный советский и российский дипломат В.Н.Казимиров, в течение продолжительного периода имевший отношение (в качестве представителя страны-посредника) к нагорно-карабахскому урегулированию. Рассуждая о действенности основных принципов международного права применительно к сецессии, он обращает внимание на влияние многих факторов и особо выделяет «цивилизационные требования». Среди таковых называются: время («стаж») пребывания в одном государстве; динамика этнического состава населения территории, ставшей предметом спора; ход и особенности вооруженного конфликта (кто за диалог, а кто против, есть ли оккупированные в ходе боевых действий территории, переселенцы и беженцы и др.); обладание претендующим на самостоятельность субъектом атрибутами государственности, наличие «шансов выжить»; предыстория, причины и следствие конфликтов, их «юридическая специфика»; признание со стороны ООН, ОБСЕ, Совета Европы (этот фактор имеет «некоторый политический вес, но не юридический»).

Предлагая подготовить некий «атлас конфликтов», автор исходит из необходимости обязательной увязки принципов самоопределения и территориальной целостности с принципами мирного решения споров и

---

[625] См. Гуляков А.Д. Право на самоопределение в сложносоставном государстве в условиях глобализации (на примере Крыма, Каталонии и Шотландии). // «Известия высших учебных заведений». Поволжский регион. Общественные науки. Право. 2017. №4 (44). С.5 и след.

неиспользования силы или угрозы силой. Определяются и три основных фазы соответствующей работы:

- разработка общей шкалы критериев или характеристик конфликтов;
- нахождение относительного удельного веса каждого критерия в зависимости от того, насколько он полезен;
- наложение разработок на конкретный конфликт с учетом эпохи, региона, особенностей конфликта для выяснения того, какой из двух принципов усиливается в данных условиях[626].

Реальному пониманию и адекватному восприятию явления сецессии служит проведенный А.А.Токаревым сравнительный анализ факторов, оказавших определяющее влияние на возникновение отдельных непризнанных и частично признанных национально-территориальных образований на пространстве бывших СФРЮ и Союза ССР, во многом как следствие их распада (Чеченская Республика Ичкерия, 1991-2000 гг.; Нагорно-Карабахская Республика с 1991 г.; Приднестровская Молдавская Республика, с 1990 г.; Республика Абхазия, 1921-1931 гг. и с 1990 г., Республика Южная Осетия, с 1990 г.; Республика Косово, с 1991 г.; Республика Сербска Крайна, 1991-1995 гг.). Среди такого рода факторов, думается, с полным основанием (хотя, разумеется, и с разной степенью значимости) названы:

- наличие автономного статуса по отношению к другим регионам внутри государства;
- стремление сохранить свой статус;
- независимость от «государства-патрона» (под таковым понимается «суверенная полития», имеющая статус ООН, которая посредством финансовой, кадровой, военной, технической и иной поддержки промотирует сецессию);
- наличие общей границы с «государством-патроном»;

---

[626] См. Казимиров В.Н. Два хельсинских принципа и «атлас конфликтов». // Россия в глобальной политике. 2007. №2. URL: https://globalaffairs.ru/articles/dva-helsinkskih-princzipa-i-atlas-konfliktov/. Дата обращения: 11.05.2021.

- военная агрессия «материнского государства» (имеется в виду государство, из состава которого пытается выйти субъект сецессии);

- уровень эффективности «внутреннего суверенитета»;

- введение миротворцев в регион конфликта;

- наличие собственного языка, отличного от «материнского государства»;

- наличие доминирующего этноса, отличного от этноса «материнского» государства;

- признание членами ООН[627].

Упоминавшийся ранее термин «remedial secession» («исправительная сецессия») известный австрийский ученый Б.Гарцль трактует как правовую доктрину, обосновывающую в качестве фундаментального принципа международного права возникновение права на отделение в исключительных случаях, связанных с серьезными нарушениями прав человека со стороны правительства. При этом он исходит из того, что научное сообщество разделено во мнениях по этому вопросу и, дескать, далеко не ясно, является ли «исправительная сецессия» lex lata или только объектом дискуссии в рамках de lege ferenda[628].

Явление сецессии, таким образом, поливариантно и связано с действием многих различающихся по степени своей значимости факторов и критериев. Автор разделяет и в полной мере поддерживает подход Председателя Конституционного Суда РФ В.Д.Зорькина, высказавшего в свое время идею создания (в целях преодоления негативных последствий распада государств) международного регламента выхода той или иной национально-территориальной единицы из состава суверенных государств[629].

Назовем основные элементы, которые могли бы получить отражение в такого рода документе:

---

[627] См. Токарев А.А. сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния. // Полис. Политические исследования. 2017. №4. С. 107.

[628] См. Гарцль Б. Открытие ящика Пандоры, или как право на самоопределение разжигает обманчивые страсти (некоторые международно-правовые аспекты независимости Косова). // Труды Института государства и права РАН. 2018. Том 13. №5. С.97.

[629] Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы. // Российская газета. 2006. 22 августа. С.6.

- отделение от метрополии в процессе деколонизации (эта форма в целом исчерпала себя);

- освобождение незаконно захваченных и насильственно удерживаемых и других оккупируемых территорий;

- борьба против геноцида, других грубых и массовых нарушений прав человека;

- неприятие национальным и территориальным коллективом (частью государства) действующего (меняющегося) социально-политического строя или (и) идеологии, доминирующей в государстве;

- умышленно чинимые препятствия для участия в политической жизни страны, работе представительных и исполнительных органов власти;

- дискриминация по этническим, расовым, религиозным, языковым и иным признакам;

- несправедливость в распределении бюджетных и фискальных средств, социальных благ;

- ощущение дискомфорта, порождаемого общностью психического склада этноса и проявляющегося в специфике субкультуры, обычаев, нравов, традиций и т.п. особенностей, чаще всего в среде малочисленных и коренных народов;

- неудовлетворённость в целом положением в обществе, уходящая корнями в историческое прошлое, ощущение чувства реванша за застарелые обиды, национально-этническое и иное унижение;

- ощущение тесной сопричастности к своей диаспоре в других странах и порождаемое им стремление к воссоединению.

Ну и, конечно, в полной мере должен учитываться внутриполитический фактор: политический режим в стране, гибкость и готовность к компромиссам правящих элит, общее состояние политической культуры и восприятие ее сути.

С учетом очевидной неоднозначности перечисленных обстоятельств и стремление к сецессии по-разному воспринимается, как «материнским» государством, так и международным сообществом.

Для осознания легитимности (а во многом – и нравственности) процесса самоопределения в форме сецессии определяющее значение имеет, на наш взгляд, учет интересов других народов, а также «материнского» государства как такового. При соблюдении этих условий отделение вполне может быть признано соответствующим правовым актом государства, решением его высшего органа (органов). Предполагаются, как справедливо отмечает Т.Я.Хабриева, детальные переговорные процессы и достаточный переходный период для разрешения взаимных претензий, в том числе финансового характера[630].

В качестве организационных форм выявления и учета воли населения правовая доктрина и международная практика выдвинули референдум, т.е. народное голосование по вопросу о судьбе территорий. Посредством этого нередко предусматриваемого конституциями института могут быть решены вопросы об отделении и самостоятельном государственном существовании народа (нации) либо о переходе какой-либо территории от одного государства к другому. Любые попытки насилием или иными методами влиять извне на результаты волеизъявления народа являются неправомерными.

Важно особо отметить, что ООН в лице своих высших органов, решительно осуждая использование деятельности наемников, видит в этом средство нарушения прав человека и противодействие осуществлению права народов на самоопределение. Так, Генеральная Ассамблея в резолюции 74/138 от 18 декабря 2019 года в тесной увязке с принципом самоопределения отметила прямую угрозу со стороны наемников миру, безопасности и осуществлению народами всех прав человека и настоятельно призвала все государства предпринять необходимые шаги и проявлять максимальную бдительность перед лицом этой опасности, оказывать всяческое содействие и помощь в деле судебного преследования лиц, обвиняемых в соответствующей деятельности[631].

---

[630] Хабриева Т.Я. Цит. соч. С.64.

[631] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН №74/138 от 18 декабря 2019 г. «Использование наемников как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение». URL: https://undocs.org/ru/A/RES/74/138. Дата обращения: 11.05.2021.

Референдумы организуются таким образом, чтобы была обеспечена свобода голосования для всего, в том числе автохтонного населения той или иной территории, не исключая эмигрантов и беженцев, покинувших страну в связи с преследованиями за участие в национально-освободительном движении или по иным причинам. В отдельных случаях референдумы могут проводиться на территории, претендующей на отделение, а не всего государства. Так, центральные власти Великобритании в 2015 г. согласились провести голосование в Шотландии в отличие, например, от Испании, упорно отказывающей в этом праве Каталонии и ряду других провинций.

Конституция Испании 1978 г. основана на «нерушимом единстве испанской нации, едином и неделимом отечестве всех испанцев» (ст.2)[632]. И Конституционный Суд страны в своих многочисленных решениях подчеркивал необходимость соблюдения принципа неделимости государства, недопустимость проведения реформ, радикально меняющих его структуру. Такая жесткость Основного закона страны и Конституционного Суда создает во многом тупиковую ситуацию в разрешении, в частности, каталонского конфликта. Вместе с тем, сторонниками сецессии в рамках политического процесса была выдвинута идея о «праве принимать решения», рассматриваемая как синоним права на самоопределение – возможность народа того или иного автономного сообщества определять свой политический статус внутри государства. В Статуте Каталонии, например, имеется положение о том, что власть действующих в сообществе институтов исходит от каталонского народа. А парламент Каталонии в 1989, 1998, 2010 и 2011 годах принимал различные решения, в которых содержались торжественные заявления о самоопределении народа, и они не были оспорены Конституционным судом[633].

---

[632] См. Конституции государств Европы. М., 2001. Т.2. С.50

[633] См. Андреева Г.Н. Конституционно-правовая доктрина по вопросам сецессии в странах-членах ЕС (на примере Испании, Германии, Италии, Великобритании). «Lex Russica». (*Русский закон)*. 2018;(8):130-143.

В Испании проведение референдумов на региональном уровне без согласия Конгресса Депутатов (нижняя палата Генеральных Кортесов – парламента страны) противоречит Конституции 1978 года. Конституционный Суд также считает нелегитимными подобные действия. Тем не менее две политические партии Каталонии – Демократическая конвергенция и Левые республиканцы разработали «дорожную карту» процесса суверенизации региона и попытались просчитать последствия, к которым могут привести действия, направленные на выход Каталонии из состава Испании. Среди такого рода негативных факторов независимости указывается на следующее:

- Каталония автоматически окажется вне Европейского Союза, а последующее вхождение ее в ЕС в силу ряда причин может стать весьма проблематичным;

- Каталония обретет государственные границы, что будет автоматически сопряжено с введением на неопределенное время таможенных и тарифных барьеров со стороны стран-членов ЕС;

- независимость Каталонии будет сопряжена с ее выходом из зоны евро, ростом затрат на обслуживание внешнего долга;

- потребуется значительный период времени, чтобы возникшее новое государство смогло стать членом ООН, ОБСЕ, Совета Европы, ВТО, и других важных для него международных организаций;

- перспектива суверенизации Каталонии не находит поддержки у руководителей ведущих стран Евросоюза, заявляющих о твердой приверженности соблюдению территориальной целостности европейских государств и готовности поддержать шаги правительства Испании[634].

Сепаратистские тенденции в Каталонии во многом связаны с тем, что регион представляет собой наиболее экономически развитую часть Испании, имеющую к тому же значительный исторический опыт независимости (XII–XV вв.). В период правления Франко каталонцы подвергались жестким репрессиям, в 1977 г.

---

[634] См. Волкова Г.И. Каталонский национализм и проблема территориальной целостности Испании. «Сравнительная политика». 2016. №2 (23). С. 87-90.

получили временную автономию, а с падением диктаторского режима особенно активно стали выражать свои претензии на независимое развитие, добившись в 1996 г. некоторого расширения полномочий. В 2013 г. парламентом Каталонии была принята Декларация о суверенитете и назначен референдум о создании независимого государства. В результате решительного противодействия центральной власти Испании референдум был заменен юридически ничтожным опросом населения.

Несмотря на необходимый социально-экономический потенциал для самостоятельного развития и географически выгодное (пограничное) положение, против успешной сецессии действует ряд неблагоприятных факторов. Во-первых, нет поддержки со стороны Европейского Союза, на членство в котором Каталония претендует. Во-вторых, недостаточна степень консолидации общественного мнения, ведется острая межпартийная борьба. Наконец, положение осложняется и действующей в стране правовой системой – ст. 155 Конституции Испании содержит прямое указание на борьбу с сепаратизмом, чем умело в том числе с применением при необходимости насилия, пользуются центральные власти.

Проведение 1 октября 2017 г. вопреки противодействию референдума о независимости Каталонии, признание парламентом региона его результатов и принятие соответствующей резолюции повлекли применение центром упомянутой ст. 155 Конституции Испании, позволившей руководству страны распустить каталонский парламент, отстранить правительство от управления регионом и назначить досрочные выборы, что вылилось в серьезный конституционный кризис.

Федеральный Конституционный суд Германии в решении от 16 декабря 2016 года по вопросу о запрете на проведение в Баварии референдума о ее возможной сецессии подчеркнул, что «для сепаратистских устремлений отдельных земель в Основном законе нет места. Они нарушают конституционный порядок». Г.Н.Андреева, тщательно проанализировав Конституционные положения ФРГ, значительный пласт немецкой литературы по этому вопросу пришла к выводу о том, что конституционное регулирование «неоднозначно, и если вопрос в определенной политической ситуации перейдет в практическую плоскость, то

неизвестно, какие именно конституционно-правовые аргументы возобладают»[635]. Нельзя, очевидно, упускать из вида и того обстоятельства, что парламент Баварии не ратифицировал Основной закон, хотя его действие в силу поддержки большинством земель было распространено и на эту землю.

Официальная доктрина в Италии базируется на ряде решений Конституционного Суда, в которых он подчеркивал «единый и неделимый» характер государства в силу ст. 5 Конституции страны. Вместе с тем в решении от 29 апреля 2015 года по поводу законодательства, принятого в области Венето (2014 г.) о проведении консультативного референдума по вопросу об объявлении независимости, Суд проявил определенную четкость. С одной стороны, он исходил из того, что каждая автономия может вводить новые виды референдумов по предметам, предусмотренным Конституцией. С другой, вынесение на референдум вопроса о возможности видеть Венето независимой и суверенной Республикой рассматривалось как вторжение в сферу ведения общенационального (а не регионального) уровня и ниспровержение конституционного принципа единства и неделимости Республики. Доминирующая в Италии точка зрения в целом совпадает с мнением Суда. Население области Венето провело 22 октября 2017 года консультативный референдум по вопросу о расширении прав области (одновременно аналогичный референдум был проведен в Ломбардии). Оба референдума, признанных легитимными, получили впечатляющую поддержку участвовавших в них избирателей – 98% (в Венето) и 95% (в Ломбардии). Итоги референдума рассматриваются как дополнительный аргумент для воздействия на центральное правительство, поскольку теперь региональные власти выражают прямо высказанные и одобренные на референдуме пожелания населения[636].

Рекомендация ПАСЕ 1704 «Референдумы: в направлении надлежащей практики в Европе» и Кодекс надлежащей практики проведения референдума

---

[635] Андреева Г.Н. Указ. соч., С. 92.
[636] См. Андреева Г.Н. указ. соч., С. 140.

(принят Венецианской комиссией за демократию через право в 2007 г.)[637] определяют своего рода международные стандарты проведения референдумов, среди которых: объекты и субъекты правового регулирования; всеобщее, равное, свободное и тайное голосование; разумный срок между датами назначения и проведения и др. Вместе с тем к известной осторожности в оценке реальной значимости референдумов призывает видный российский ученый Г.М.Вельяминов. Ссылаясь в качестве примера на распад Советского Союза, он приводит данные по итогам ответа на вопрос о «желаемости сохранения СССР в обновленной Федерации»: из 80% избирателей, принявших участие в голосовании, 76% ответили «да», причем положительный ответ был по всем республикам бывшего СССР. «А уже 8 декабря 1991 г. личными волями президентов трех республик (Белоруссия, Россия, Украина) Советский Союз был развален без всяких референдумов», - отмечается в книге. Скептически оцениваются автором итоги референдума, утвердившего 12 декабря 1993 г. Конституцию России голосами лишь 32.1% (то есть менее 1/3 всех избирателей). «Это ли всенародная суверенная воля?» - возмущается Г.М.Вельяминов. И добавляет: «Пародией на народную суверенную волю являлись и так называемые цветные революции, майданные путчи»[638].

Неоднозначная роль референдума как способа принятия решений признается подчас и в учебной литературе. Он имеет огромный демократический потенциал, который может быть полностью реализован только в сочетании с другими институтами демократии, - говорится в одном из наиболее авторитетных учебников по конституционному (государственному) праву зарубежных стран. – При этом демократический потенциал референдума раскрывается полностью лишь в случаях вынесения на голосование вопросов, доступных для понимания непрофессионалов, причем в наибольшей степени таковыми являются не вопросы, на которые можно однозначно ответить «да» или «нет»; а также если при подготовке к референдуму

---

[637] Европейская Комиссия за демократию через право (2008 г.) URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2007)008rev-rus. Дата обращения: 11 мая 2021 г.

[638] Вельяминов Г.М. Право национальное и международное. М., 2017. С.15.

будут обстоятельно обсуждаться мнения и аргументы как сторонников, так и противников положительного решения вопроса, вынесенного на референдум[639]. Полностью разделяя такую оценку, диссертант исходит из того, что именно референдум является тем институтом, который (разумеется, при учете отмеченных выше условий) позволяет максимально точно и на демократических началах выявить мнение большинства населения и по столь острому вопросу, как сецессия.

К аналогичному выводу можно прийти, анализируя и решение Верховного Суда Канады 1998 г. по вопросу о законности возможного одностороннего выхода провинции Квебек из состава Канады на основе волеизъявления его жителей, выраженного путем референдума. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Конституция страны не предусматривает институт референдума; в этом смысле он не имеет юридической силы и не может сам по себе привести к односторонней сецессии. Тем не менее, как считают некоторые канадские ученые, референдум представляет собой «демократический метод определения мнений электората по важнейшим политическим вопросам». Соответственно, «выражение демократической воли народа провинции имеет вес в том, что оно придает легитимность усилиям правительства Квебека инициировать процесс внесения в Конституцию поправки, чтобы определиться конституционным способом». При этом «результат референдума… должен быть свободен от двусмысленности, как в условиях задаваемого вопроса, так и в условиях поддержки, которую он получает»[640].

Есть еще один момент принципиальной значимости в решении Верховного Суда Канады, на который следовало бы обратить внимание: четко выраженное понимание юридических (международно-правовых) оснований для реализации права на самоопределение путем сецессии. Во-первых, это управление субъектом самоопределения (народом) как частью колониальной империи, подчинение его иностранному угнетению. Во-вторых (здесь Суд проявляет некоторую

---

[639] Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник для бакалавров. Отв. ред. Б.А.Страшун. М., 2019. С. 97-98.

[640] Reference to the Secession of Quebec. Supreme Court of Canada. (1998) // Law Politics and the Judicial Process in Canada. // Ed. by F.L. Morton. Calgary. 202. P.75.

осторожность – «и, возможно»), когда народу «отказывают в значимом осуществлении его права на самоопределение в пределах государства, часть которого он формирует». «В других обстоятельствах от народа ожидают, что он будет добиваться самоопределения в рамках существующего государства»[641].

Об оригинальной конституционно-правовой доктрине Великобритании можно (в отсутствие писанной кодифицированной конституции) в значительной степени судить по парламентским и правительственным актам. Применительно к рассматриваемому вопросу это, главным образом, документы, принятые в ходе «деволюции» Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, когда им была передана часть полномочий от центра[642]. Для понимания ситуации вокруг приобретающего все большую остроту вопроса о возможном выходе Шотландии из состава Великобритании важно иметь в виду один из постулатов научной доктрины, выражаемой идеей: «Великобритания – добровольный союз. Все его участники вольны его покинуть»[643]. Деволюция в отношении Шотландии была материализована в виде Акта о Шотландии 1998 г., который интерпретируется как возвращение части законодательных полномочий прежнего шотландского парламента современной Шотландии. А с учетом важнейшего конституционного принципа верховенства парламента вопрос о сецессии Шотландии приобретает вполне реальные контуры. И несмотря на то, что по итогам состоявшегося в 2014 г. референдума Шотландия осталась в составе Великобритании, вопрос из повестки дня не выпал. А выход страны из Евросоюза вновь обострил обстановку в Шотландии, поскольку ее население решительно высказалось против Brexit. Сторонники сецессии обращаются даже к Арбротской декларации 1320 г., в которой предписывалась независимость Шотландии от Англии[644]. Вместе с тем разброс мнений у населения в отношении отделения весьма широк – от менее чем половины до 58 процентов. При этом немалое значение имеют подсчеты

---

641 Reference to the Secession of Quebec. Supreme Court of Canada. (1998) // Law Politics and the Judicial Process in Canada. // Ed. by F.L. Morton. Calgary. 202. P.84.

642 См. Устюжанинова Е.А. Модели делегирования полномочий: опыт Великобритании. «Lex Russica». 2015. Т.106. №9. С. 101-109.

643 Devilution and Future of the Union. Ed. By R.Harell. London. 2015. P.18.

644 См. «Российская газета». 2020. 25 февраля. С.6.

экономистов, согласно которым выход из Соединенного Королевства обойдется шотландцам потерей в 11 млрд. фунтов стерлингов, и реальные доходы населения упадут[645].

Итак, подводя итог, следует четко разграничивать право на самоопределение и сецессию. Последняя — его крайняя, но не единственная форма. Неправомерно отождествлять сецессию с интересами отдельных радикальных групп, стремящихся к созданию своего государства, в то время как народ уже имеет все условия для свободного развития в рамках существующего государства. Если власти обеспечивают населению политические и социальные права, то сепаратистская деятельность теряет легитимность и становится противозаконной.

[645] Дудина Г. Шотландия топчется у выхода. // Коммерсант. 2021. 23 марта. С.6.

§3.2 «Ответственность по защите» и «ремедиальная сецессия» как основания реализации сецессии

Ответственность защищать (Responsibility to Protect, R2P) и ремедиальная сецессия (remedial secession) представляют собой два наиболее дискуссионных и взаимосвязанных концепта в современном международном праве, касающихся соотношения государственного суверенитета, защиты прав человека и права народов на самоопределение. Их анализ требует обращения как к доктринальным источникам, так и к политико-правовой практике последних десятилетий. Так, 27 марта 2000 г. Генеральный секретарь ООН К. Аннан выступил с докладом «Мы, народы: роль ООН в XXI веке»[646], с которым связывается зарождение некоторых новых концепций на грядущее столетие, в том числе в сфере международного гуманитарного права, а в декабре 2001 г. представила обстоятельный доклад и приложение с материалами исследования под названием «Ответственность защищать»[647]. В докладе отмечены шесть оснований для легитимной силовой акции:

- серьезность угрозы – является ли угроза причинения ущерба государству или человеку в достаточной мере ясной и серьезной, чтобы оправдать применение военной силы, сопряжена ли она с геноцидом и другими массовыми убийствами, другими серьезными нарушениями международного гуманитарного права.
- правильность цели. Вмешательство должно быть направлено в первую очередь на помощь населению, но не на смену существующего строя.
- чрезвычайный характер силовых средств. Прежде силовых методов необходимо использовать дипломатическую площадку для мирного урегулирования спора. Иными словами, «ответственность защищать» может быть применена только после полной реализации «ответственности предотвращать».

---

[646] См. Материалы работы Пятьдесят четвертой сессии ООН. Ассамблея тысячелетия ООН. 27 марта 2007 г. URL: https://undocs.org/ru/A/54/2000. (дата обращения: 7 апреля 2020 г.)

[647] См. Ответственность по защите. URL: https://www.un.org/ru/chronicle/article/21872. (дата обращения: 7 апреля 2020 г.)

- достаточные основания. Военные действия могут быть легитимизированы только в случае, если их использование имеет разумные шансы на достижение успешного результата по предотвращению массовых преступлений против гражданского населения.

- разумные средства силовой акции. Такие средства должны быть соразмерны с предполагаемыми итогами, а также соотносимы с причиной вмешательства.

- правильные намерения. Первоочередной и главной целью вмешательства должно быть прекращение страдания населения.

На первый взгляд, выводы доклада представляются в высшей степени злободневными и достаточно взвешенными, ориентируя мировое сообщество на поиск наиболее гуманных решений конфликтных ситуаций внутри государств, возникающих чаще всего в контексте попыток реализации права на самоопределение. И закономерно, что идеи «ответственности за защиту» получили в той или иной форме отражение в докладах Генерального секретаря ООН и решениях ряда международных форумов – Итоговом документе Всемирного Саммита 2005 г.; резолюциях Совета Безопасности ООН 1674, 1706, 1755 (урегулирование кризиса в Судане), 1970 («ливийский вопрос»), 1975 (события в Кот-д'Ивуаре), 2014 (политический кризис в Йемене) и ряде других.

В частности, на упомянутом Саммите 2005 г. было подчёркнуто, что применение силы и с этой целью требует разрешения Совета Безопасности ООН. Особо оговорено, что соответствующие коллективные действия могут осуществляться «в случае необходимости, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности»[648].

Концепция ответственности по защите возникла как посткосовское развитие международной политики и права, призванное заменить более спорную доктрину

---

[648] Итоговый документ Всемирного Саммита 2005 года, принятый 20 сентября 2005 г. Пункт 139. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml. Дата обращения: 7 апреля 2020 г.

гуманитарной интервенции. Как отмечает Г.Эванс, бывший министр иностранных дел Австралии и сопредседатель Международной комиссии по вмешательству и государственному суверенитету, R2P стала «наиболее значительной корректировкой суверенитета за 360 лет». Ключевое концептуальное новшество заключалось в смещении дискурса от «права» на интервенцию к «ответственности» государств и международного сообщества. Доктрина R2P, формально одобренная Генеральной Ассамблеей ООН в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года, зиждется на трех равнозначных основах («pillars»): во-первых, ответственность каждого государства по защите своего населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности; во-вторых, обязанность международного сообщества оказывать государствам помощь в выполнении этой обязанности; и в-третьих, своевременное и решительное реагирование международного сообщества через Совет Безопасности ООН в случае явной неспособности государства защитить свое население[649]. Важно подчеркнуть, что в утвержденной версии R2P, в отличие от первоначальных проектов, военное вмешательство рассматривается как крайнее средство и возможно только с санкции Совета Безопасности ООН, что было сделано для успокоения развивающихся стран, опасавшихся неоколониализма под видом гуманитарных операций.

Параллельно с развитием R2P в доктрине и практике формировалась концепция ремедиальной сецессии, согласно которой народ может иметь право на отделение от государства как крайнюю меру защиты от грубых и систематических нарушений его фундаментальных прав, таких как этнические чистки, преступления против человечности или геноцид. Э.М. Брюэр в своем исследовании, посвященном Косово, предлагает развернутую модель реализации этого права, согласно которой право на ремедиальную сецессию возникает у группы при соблюдении пяти условий: она должна составлять «народ» по смыслу

[649] Evans, Gareth. «How to rid the world of genocide». Washington Post, 25 Feb. 2016. Gale In Context: Global Issues, link.gale.com/apps/doc/A444233960/GIC?u=57glad&sid=bookmark-GIC&xid=7b6b4535. (дата обращения 2 марта 2026).

международного права; подвергаться систематическому угнетению; быть лишенной возможности реализовать право на самоопределение внутри существующего государства; свободно выбрать отделение; и уважать права на самоопределение других меньшинств на своей территории[650]. Эта концепция нашла яркое выражение в особом мнении судьи Международного Суда ООН А.Триндади по делу о Косово, который аргументировал, что фундаментальные права человека имеют приоритет над суверенитетом, и государство, грубо нарушающее права народа, утрачивает свои суверенные привилегии в отношении этого народа[651]. Противоположная позиция, выраженная в особом мнении судьи А.Г.Коромы, подчеркивает, что ремедиальная сецессия угрожает территориальной целостности и стабильности международного права[652].

Взаимосвязь между R2P и ремедиальной сецессией многоаспектна. Право на самоопределение может быть реализовано в рамках доктрины R2P, а именно служить средством предотвращения преступлений, подпадающих под действие R2P. Государства, нарушающие право на самоопределение групп, включая меньшинства, с большей вероятностью совершают тяжкие преступления, и соблюдение прав человека и самоопределения создает фундамент для предотвращения ситуаций, способных привести к массовым зверствам. Однако оба концепта сталкиваются с серьезными проблемами в практике государств. Анализ применения R2P в Ливии (2011), санкционированного резолюциями 1970 и 1973 Совета Безопасности ООН, показал, как мандат на защиту гражданского населения был воспринят как прикрытие для смены режима, что привело к глубокому расколу в Совете Безопасности и последующему параличу в отношении Сирии. Как отмечает Г.Эванс, после Ливии «западные державы воспринимались — и я думаю, справедливо — как превратившие ограниченный мандат на защиту гражданских

---

650 Evan M. Brewer, “To Break Free from Tyranny and Oppression: Proposing a Model for Remedial Right to Secession in the Wake of the *Kosovo* Advisory Opinion”, *Vanderbilt Journal of Transnational Law,* vol. 45, no.1, 2012, p. 248.

651 Цит. по Peters A. Does Kosovo Lie in the Lotus-Land of Freedom? // Leiden Journal of International Law. Vol. 24. 2011. No. 1. P. 95–108, 108.

652 ICJ, CR 2009/33, p. 19, available at: http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15736.pdf, accessed 1 May 2013.

лиц в крестовый поход по смене режима», что вызвало нежелание Китая и России соглашаться даже на осуждающие резолюции, чтобы не допустить «скользкого пути» к интервенции[653].

Доктрина фиксирует также проблему двойных стандартов и отсутствия четких критериев. R2P страдает от отсутствия ясных критериев для интервенции, и мощные государства, особенно постоянные члены Совета Безопасности, применяют двойные стандарты к вопросам прав человека. В связи с этим Бразилия выдвинула концепцию «ответственности при защите» (responsibility while protecting), требующую тщательного мониторинга и пересмотра любого принудительного военного мандата на протяжении всего его действия. Что касается ремедиальной сецессии, Э.Питерс указывает, что после 1989 года легальность стала играть позитивную роль в концепции государственности, появилась идея ремедиальной сецессии как правового титула на государственность. Однако она подчеркивает, что эффективность остается необходимым, но недостаточным критерием государственности, и политические образования, которые являются эффективными, но нелегальными, не должны считаться государствами в международном праве[654].

Важным доктринальным различением является признание того, что сепаратистская интерпретация права на самоопределение не имеет места в современной системе международного права, и международные документы всегда подчеркивают приоритет принципа территориальной целостности. Внешнее измерение самоопределения признается нормой jus cogens, но международный мир и безопасность требуют, чтобы сепаратистские интерпретации не поддерживались. Ремедиальная сецессия мыслится именно как исключение из этого правила — крайнее средство, применимое лишь в ситуациях, когда исчерпаны все иные возможности и когда нарушения прав человека достигают степени, подрывающей

---

[653] Evans, Gareth, Ibid.

[654] Anne Peters, Statehood after 1989: “Effectivités” between Legality and Virtuality. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/228151608_Statehood_after_1989_'Effectivites'_between_Legality_and_Virtuality. Дата обращения 02.03.2026

легитимность государственного суверенитета над данной группой. В этом смысле ремедиальная сецессия может рассматриваться как специфическая форма реализации третьего компонента R2P — решительного реагирования, но не через внешнее вмешательство, а через предоставление самой угнетаемой группе права создать собственное государство. Однако, как показывает практика Косово и других конфликтов, переход от гуманитарной катастрофы к международному признанию отделения остается не автоматическим юридическим следствием, а результатом сложного политического процесса, в котором решающую роль играют геополитические интересы великих держав, а не только факт грубых нарушений прав человека. Таким образом, и R2P, и ремедиальная сецессия остаются концептами, находящимися в перманентном напряжении между нормативным идеалом защиты человеческого достоинства и политическими реалиями межгосударственных отношений[655].

Нет пока единодушного подхода к рассматриваемой проблеме в отечественной литературе. И если Л.И.Захарова достаточно осторожно увязывает «готовность не считать более сферу прав человека сугубо внутригосударственной сферой» стран с «высоким уровнем развития демократии»[656], то В.В.Гаврилов исходит из того, что концепция RtoP «не может быть позиционирована как новая юридическая норма или принцип», видя в ней «междисциплинарную международную и маршрутную карту»[657]. А по мнению Л.В.Корбут, «государства не только обязаны защищать свое население, но и несут ответственность за нарушение прав человека на своей территории», не допуская при этом

---

[655] См. Каграманов А.К. «Ответственность защищать и ремедиальная сецессия» как основания для реализации сецессии. «Международный правовой курьер». Электронное сетевое издание. Т.6. № 41. 2026 г. https://inter-legal.ru/otvetstvennost-zashhishhat-i-remedialnaya-setsessiya-kak-osnovaniya-realizatsii-setsessii;

[656] См. Захарова Л.И. Международные стандарты в области прав человека и институт омбудсмена. М., 2002. С.88.

[657] См. Гаврилов В.В. Соотношение и последовательность действий органов государства и международных организаций в рамках концепции «ответственности за защиту» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «Евразийский юридический журнал». 2010. №12. С.13

«неправомерной гуманитарной интервенции»[658]. А.А.Ворона и А.А.Астапова утверждают, что международное право дает возможность правомерного изменения границ государства (как следствие реализации права на самоопределение) в зависимости от выполнения этим государством условий, относящихся к принципу уважения прав и свобод человека[659]. С.Р.Алексанян, вслед за зарубежными исследователями, выделяет несколько групп теорий сецессии. По мнению сторонников плебисцитарной теории, субъектом права на сецессию (без каких-либо ограничений) может выступать любая культурная группа или нация вне зависимости от того, претерпевала ли она какие-либо притеснения и объединяет ли ее что-то помимо желания отделиться и создать свое независимое государство. Для получения соответствующих правовых оснований достаточно проведения такой группой плебисцита. Сторонники националистической теории исходят из того, что каждая нация имеет право на свое государство независимо ни от каких обстоятельств (ее численности, компактности проживания и др.). И только теории ремедиальной сецессии увязывают право выхода из состава государства с наличием систематических и грубых нарушений прав человека в отношении национального меньшинства или определенного народа. С.Р.Алексанян допускает возможность отделения и создания независимого государства лишь в рамках доктрины ремедиальной сецессии[660].

С.Нистен-Хаарли (Финляндия) и Д.Фурман (РФ) высказали ряд принципиально важных соображений о сецессии.

Во-первых, указанными авторами (вслед за Бьюкененом) уделяется должное внимание «моральным аспектам и моральной допустимости сецессии». Речь идет о таких обстоятельствах – условиях, как незаконность включения той или иной

---

[658] См. Корбут Л.В. Ответственность за защиту как гарантия прав человека в международном праве. «Евразийский юридический журнал». 2012. №10. С.49.

[659] См. Ворона А.А., Астапова А.А. К вопросу о соотношении права народа и нации на самоопределение и принципа территориальной целостности в международном праве. // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права. Курск. 2019. С. 21.

[660] Алексанян С.Р. К вопросу о теории ремедиальной сецессии в современном международном праве. *Московский журнал международного права*. 2017;(4):141-150. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-141-150

территории в государство; постоянные нарушения прав человека для жителей отделяющейся территории; дискриминационное перераспределение ресурсов, угроза национальной культуре и «самому существованию отделяющихся». При этом с явным сожалением признается, что нередко «моральные рассуждения, апелляции к праву, справедливости, высшим человеческим ценностям…путанны и неряшливы».

Во-вторых, принципиальное отрицание права наций на самоопределение – это признание несправедливости, неравноправности людей. Провозглашение права на самоопределение, вплоть до отделения создает новое качество государства как добровольного союза. Реализация этого права через отделение – трудное и болезненное дело; связанные с этим этические и этически-правовые проблемы крайне сложны; очень часто их невозможно решить «морально-безукоризненно».

В-третьих, необходимо ограничить применение сецессии определенными рамками, провести некую черту во времени, совершенные до которого несправедливость и беззаконие не принимаются во внимание «за сроком давности». Однако, как признается, проведение такой временной черты всегда будет в той или иной мере «произвольно и морально небезупречно».

В-четвертых, морально безупречное определение территории, которой желающая отделиться группа имеет право «унести с собой», практически невозможно. Предстоит решение таких непростых вопросов, как инвестиции центрального правительства на отделяющихся территориях, определение прав меньшинств на отделяемой и остающейся территориях, проблема компенсации собственности лиц, переезжающих в связи с отделением, и «множество других, достаточно сложных и болезненных» проблем.

В-пятых, сецессия морально допустима в крайнем случае, когда стремление к независимости глубоко и прочно, «а совместное пребывание в одном государстве превращается в муку, и не видно способов сделать его приемлемым и безболезненным». Крайне важно, что авторы отказываются от расхожего представления о том, что «сепаратизм – всегда зло, для борьбы с которым все средства хороши». По их мнению, утверждать так столь же неверно, как и

рассматривать создание отдельного государства в качестве «права и чуть ли не обязанности» каждого народа.

Наконец (и это, пожалуй, самое главное в рассуждениях ученых), - перевод связанных с сецессиями проблем из моральной плоскости в правовую. «Очевидно, - делается вывод, - наилучший вариант этого пути – признание права на отделение, но определение достаточно жестких условий его реализации» [661].

Исходя из собственного, отнюдь не бесспорного, посыла о некоем «девальвировании» проблемы сецессии, авторы рассматриваемого содержательного обзора ведут речь об одновременном «снижении сопротивления предоставлению меньшинствам особых прав и автономий и, в конечном счете, их сецессии, и стремлении этих меньшинств к сецессии». Однако, как показывает мировая практика последних лет (и в работе приводится немало примеров на этот счет), не происходит ни первого, ни второго. Во многих регионах мира, в том числе на постсоветском пространстве, как сохраняются тлеющие очаги межнациональной напряженности, так и не снижается готовность центральной власти к их купированию, в том числе (достаточно вспомнить попытки Каталонии в последние годы получить независимость) с помощью самых жестких мер.

Тесная увязка индивидуальных прав человека с коллективным правом народа на самоопределение нашла убедительное подтверждение в принятой ГА ООН Декларации о праве на развитие (резолюция 41/128 от 4 декабря 1986 г.). В этом документе вновь напоминается, что все народы имеют право на свободное определение своего политического статуса и осуществление экономического, социального и культурного развития; подчеркиваются неделимость и взаимозависимость прав человека и основных свобод; признается, что создание благоприятных условий для развития народов и индивидуумов является основной обязанностью государств»[662].

---

[661] См. Нистен-Хаарла С., Фурман Д. Право на отделение. Публикации Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова. Серия: Теоретические проблемы прав человека. Вып. 2. Москва: Рудомино, 2001.

[662] Декларация о праве на развитие. Принята резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1986 года. URL:

Впервые по вопросам сецессии в ее ремедиальном контексте, хотя и опосредованно, высказался еще в 1921 году Комитет докладчиков, назначенных Лигой Наций для дачи заключения по спору относительно Аландских остров: «Отделение меньшинства от государства, частью которого оно является, и его включение в другое государство может рассматриваться только в качестве совершенно исключительного решения, последнего средства, когда государству не хватает воли или сил для принятия и применения справедливых и эффективных гарантий»[663]. Как видим, здесь обращено внимание на два принципиально важных момента: во-первых, сецессии как форме самоопределения придается характер «исключительного решения», «последнего средства»; во-вторых, на «материнское» («parenty state») государство возлагается ответственность за отделение меньшинства. И хотя научные работы по сецессии, сформировавшие в конечном счете доктрину ремедиальной сецессии, появились в 1980-1990-е годы прошлого столетия, сам термин «remedial secession» прозвучал впервые на официальном уровне в 2010 г. в консультативном заключении Международного Суда ООН в связи с провозглашением Косово независимости.

Интервенция в Кот-д'Ивуаре рассматривается как пример успешной реализации R2P, достигшей своих основных целей. После президентских выборов 2010 года действующий президент Л.Гбагбо отказался признать победу оппозиционного кандидата А.Уаттары, что привело к вооруженному конфликту и массовым нарушениям прав человека. Операция ООН (UNOCI) при поддержке французских сил действовала на основании мандата Совета Безопасности, но в отличие от ливийского сценария, интервенция была более ограниченной по целям и масштабам, направленной на защиту гражданского населения и поддержку легитимного правительства, признанного международным сообществом. Ключевое различие между операцией по свержению М.Каддафи заключалось в

---

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml. Дата обращения: 16.04.2021.

[663] См. Report submitted to the Council of the League of Nations by the Commission of Rapporteurs, League of Nations, doc. B.7. 21/68/106, 1921, p. 28.

наличии четкого юридического основания (признание результатов выборов международными наблюдателями), поддержке региональных организаций (Африканский союз) и более сдержанном применении силы, не вышедшем за пределы мандата.Ситуация с Нагорным Карабахом представляет собой наиболее показательный пример несостоятельности механизмов ремедиальной сецессии перед лицом военного поражения и этнических чисток. В 2023 году Азербайджан провел военную операцию, приведшую к капитуляции де-факто властей Нагорного Карабаха и добровольному исходу практически всего армянского населения в Армению. Как аргументируют Ш.Пайлан и Л.Саркисян, ремедиальная сецессия необходима как контрмера против этнических чисток армянского населения Нагорного Карабаха. Авторы подчеркивают недостаточность международно-правовых механизмов направленных на ограничение нарушений прав человека, особенно в контексте непризнанных государств. Они предлагают рассматривать ремедиальную сецессию не только как теоретическую конструкцию, но как практическую необходимость, учитывая неспособность международного сообщества предотвратить этническую чистку[664]. Однако исследование Университета Mykolo (Амстердам, Нидерланды) приходит к противоположному выводу: право на ремедиальную сецессию неприменимо в постсоветских «замороженных конфликтах», включая Нагорный Карабах. Ключевой аргумент заключается в том, что ремедиальная сецессия не может быть реализована в случаях, связанных с незаконным применением силы или другими серьезными нарушениями норм международного права. Более того, исследование добавляет важный процессуальный критерий: переговоры с участием третьей стороны (Армении) возможны лишь в том случае, если они не влияют на конфликтующие стороны[665].

---

[664] Paylan Sh., Sargsyan L. Putting remedial secession back on the table to reverse the ethnic cleansing of Nagorno-Karabakh Southwestern Journal of International Law, Volume 31, Issue 1, 2024. URL: https://dspace.aua.am/xmlui/handle/123456789/2583

[665] The relevance of remedial secession in the post-soviet “frozen conflicts». / Mykolo Romerio Universitetas. DOI 10.1016/j.icj.2015.10.008

Сектор Газа представляет собой еще более острый пример. Г.Оскар Д.Мбедзи в диссертации для Университета Претории (2024) ставят вопрос: может ли R2P быть применена для защиты населения Газы в свете беспрецедентного гуманитарного кризиса после 7 октября 2023 года?. Ответ, однако, остается скорее отрицательным. Несмотря на масштаб разрушений, гибель десятков тысяч мирных жителей и гуманитарную катастрофу, Совет Безопасности оказался неспособен даже принять резолюцию, призывающую к прекращению огня, не говоря уже о санкционировании принудительных мер. Израиль, как государство, обладающее мощными союзниками и правом вето в лице США, оказывается недосягаемым для механизмов R2P, что подчеркивает избирательность применения доктрины[666].

Присоединение Крыма, ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей к Российской Федерации в 2014 и 2022 гг. породили принципиально различные интерпретации в категориях ремедиальной сецессии. Россия обосновывала свои действия необходимостью защиты русского и русскоязычного населения от угрозы насилия после смены власти в Киеве, ссылаясь на прецедент Косово и право на самоопределение. Украина и большинство западных государств квалифицировали это как вооруженную агрессию и аннексию, грубое нарушение территориальной целостности. Однако западные страны отказались давать оценку тому, что стороны утратили все возможные средства для урегулирования конфликта. Украина не осуществляла «эффективный контроль» над соответствующей территорией и оказывала вооруженное воздействие с использованием тяжелой артиллерии и авиации на местное население, отказывалась в предоставлении автономии русскоязычному населению, не закрепила русский язык в качестве второго государственного, запретила Русскую Православную Церковь (РПЦ), отказалась, в конечном счете, от исполнения положений, закрепленных в Минских соглашениях при посредничестве ОБСЕ. Таким образом сецессия из состава Украины по своей сути имела природу «последнего средства» и «исключительного решения».

---

[666] Djunior, Mbedzi; Gundo Oscar Junior. The implementation and efficacy of the responsibility to protect doctrine in contemporary armed conflicts: the case of Gaza. /Univerciti of Pretoria/ 2024. https://doi.org/10.25403/UPresearchdata.19029833.v2

Канадский и британский случаи представляют собой «лабораторные» примеры того, как ремедиальная сецессия могла бы работать в условиях развитых демократий. В решении Верховного Суда Канады по делу об отделении Квебека (1998) были идентифицированы три ситуации, когда самоопределение переходит в право на сецессию, третья из которых ассоциируется с ремедиальной сецессией. Однако, как отмечает С.Болак в своем анализе, ссылка на резолюцию 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН как основание для ремедиальной сецессии ошибочна. Аргумент заключается в том, что канадский Верховный Суд ошибся в интерпретации международного права. В контексте Шотландии это означает, что если Лондон не согласится на второй референдум о независимости, международное право вряд ли сможет помочь Шотландии обосновать одностороннюю сецессию доктриной remedial secession[667].

Анализ Дж.Э.Ландрума включает тематические исследования Дарфура и Демократической Республики Конго[668]. В Дарфуре, несмотря на квалификацию ситуации как геноцида администрацией Буша и развертывание смешанной миссии Африканского союза и ООН (UNAMID), международное сообщество так и не перешло к решительным действиям в рамках третьего компонента R2P. Мандат миссии был ограничен защитой гражданских лиц «без ущерба для ответственности правительства Судана». В ДРК, несмотря на присутствие одной из крупнейших миротворческих миссий ООН (MONUSCO) и массовые нарушения прав человека, включая массовые изнасилования и убийства мирных жителей, ситуация остается хроническим кризисом, где R2P так и не была реализована в полном объеме.

Общие выводы по концепциям «ответственности по защите» (R2P) и ремедиальной сецессии, основанные на анализе доктрины и практики государств, могут быть сформулированы следующим образом. Во-первых, обе концепции представляют собой попытку разрешить фундаментальное

---

667 См. S.Beaulacs. Brexit: Some International Law Aspects. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://www.administrativelawmatters.com/blog/2017/01/23/brexit-some-international-law-aspects/ (дата обращения: 03.03.2026).

668 Landrum, J.E. Legitimacy: First Principles and Efficacy in R2P Operations. U.S. Army Command and General Staff College. School of Advanced Military Studies. URL: https://www.hsdl.org/c/view?docid=756472 (дата обращения: 03.03.2026).

противоречие современного международного права между принципом государственного суверенитета и защитой прав человека. Они исходят из презумпции, что суверенитет не является абсолютным и может быть ограничен в тех исключительных случаях, когда государство неспособно или не желает защищать собственное население от массовых зверств (в случае R2P) или когда само государство становится источником систематических репрессий против определенной группы, делая невозможным ее существование в рамках существующей государственности (в случае ремедиальной сецессии).

Во-вторых, несмотря на нормативную привлекательность, обе концепции страдают от фундаментальной неопределенности ключевых понятий и критериев применения. Ремедиальная сецессия, как показано в особых мнениях судей Международного Суда по делу Косово (Триндади — за, Корома — против), остается доктриной, не имеющей четкого признания в позитивном международном праве. Попытки сформулировать условия ее реализации — группа должна составлять «народ», подвергаться систематическому угнетению, быть лишенной внутреннего самоопределения, свободно выбрать отделение и уважать права иных меньшинств — разбиваются о невозможность их объективной и беспристрастной квалификации в условиях политизированного международного сообщества. Аналогично, R2P, формально одобренная Генеральной Ассамблеей в 2005 году, не имеет общепризнанных критериев перехода от превентивных мер к принудительному военному вмешательству, что создает пространство для злоупотреблений.

В-третьих, анализ практики государств демонстрирует глубокую избирательность и политическую мотивированность применения обеих доктрин. Ливия стала примером того, как мандат R2P на защиту гражданских лиц был трансформирован в кампанию по смене режима, что дискредитировало доктрину и привело к параличу Совета Безопасности в отношении Сирии и Газы. Эта избирательность подрывает нормативную силу концепций, превращая их из универсальных принципов в инструмент геополитического манипулирования.

В-четвертых, обе концепции сталкиваются с проблемой институционального

механизма реализации. R2P, особенно в ее третьем компоненте (принудительные меры), полностью зависит от Совета Безопасности ООН, где право вето постоянных членов делает применение доктрины заложником геополитических интересов. Ремедиальная сецессия вообще не имеет институционализированного механизма признания — она реализуется через односторонние декларации и последующее признание со стороны государств, что делает ее успех зависимым не от тяжести нарушений, а от политической воли великих держав. Как справедливо отмечают иранские исследователи, применение R2P в Ливии и ремедиальной сецессии в Косово продемонстрировало, «насколько неэффективными и разрушительными могут быть недоразвитые правовые теории на практике».

В-пятых, существует сложная взаимосвязь между двумя концепциями. Ремедиальная сецессия может рассматриваться как специфическая форма реализации третьего компонента R2P, но не через внешнее вмешательство, а через предоставление самой угнетаемой группе права создать собственное государство. Однако эта связь остается теоретической и не получила практического подтверждения. Более того, исследование Миколаса Рёмериса University приходит к выводу, что ремедиальная сецессия не может быть реализована в случаях, связанных с незаконным применением силы или другими серьезными нарушениями международного права, что создает парадоксальную ситуацию: жертвы агрессии, даже при наличии массовых нарушений, не могут претендовать на сецессию, если их независимость возникла в контексте противоправных действий третьих государств.

В-шестых, обе концепции сталкиваются с проблемой «двойных стандартов» и отсутствия горизонтального применения. Мощные государства и их союзники оказываются фактически недосягаемыми для механизмов R2P (как Израиль в Газе), а их внутренние сецессионные движения (Каталония, Шотландия, Квебек) не получают поддержки по доктрине ремедиальной сецессии, несмотря на потенциальное наличие политических репрессий. Это подтверждает тезис о том, что современное международное право остается иерархичным и асимметричным, где обязательства распределяются неравномерно.

В-седьмых, несмотря на все недостатки, обе концепции сохраняют нормативный потенциал. Они фиксируют важнейший сдвиг в международно-правовом сознании: суверенитет более не рассматривается как лицензия на безнаказанность, а права человека становятся легитимным основанием для постановки вопроса о легитимности государственной власти. Даже провалы в реализации не отменяют самого принципа, согласно которому массовые зверства не могут прикрываться суверенитетом. Как отмечается в исследовании Александровой, ремедиальная сецессия как правовая конструкция может быть востребована в ситуациях, когда этническая группа подвергается преследованиям и насилию со стороны государства, и альтернативные механизмы защиты прав человека оказываются неэффективными. Задача международного сообщества — не отказ от этих концепций, а их дальнейшая институционализация, выработка четких критериев и создание механизмов, минимизирующих политическую избирательность. Бразильская инициатива «ответственности при защите» (responsibility while protecting), требующая мониторинга и пересмотра мандатов на применение силы, представляет собой шаг в этом направлении.

Наконец, эволюция обеих доктрин подтверждает фундаментальный тезис современной теории международного права: право на самоопределение, R2P и ремедиальная сецессия являются не статичными правилами, а элементами динамичного нормативного процесса, в котором сталкиваются различные акторы, интересы и ценности. Их содержание формируется не столько через абстрактное нормотворчество, сколько через конкретные кризисы и конфликты, где каждое новое событие (Косово, Ливия, Сирия, Нагорный Карабах, Газа) становится тестом на прочность и одновременно импульсом для дальнейшей эволюции. В этом смысле современный кризис обеих концепций — это не признак их упадка, а отражение более глубоких процессов переустройства мирового порядка, в котором поиск баланса между суверенитетом и человеческим достоинством остается центральной, хотя и неразрешимой до конца задачей.

§3.3. Роль и значение формулы uti possidetis juris при реализации сецессии

Для понимания происхождения термина uti possidetis juris, который рассматривается иногда в качестве общего принципа международного права, представляется целесообразным обратиться к римской юриспруденции, где зародилось, а в дальнейшем было заимствовано для международного права понятие «cuitus contraria memoria non existit» (в пер. с лат. – «давность с незапамятных времен» или более распространённый вариант – «принцип давности»). Вслед за Г.Гроцием, стало принятым считать, что непрерывное владение, хотя бы некоторое время никем не нарушаемое, при определенных условиях создавало правооснование для фактического владельца территорией[669]. Трактуя «принцип давности», Л.Оппенгейм, например, определял соответствующий период как время необходимое для создания, под влиянием исторического развития, общего убеждения, что существующее положение находится в соответствии с международным правопорядком[670].

Во многих случаях давность владения территорией увязывалась с легитимностью такого владения. Международные арбитражные решения требовали срока владения с «незапамятных времен», хотя само это понятие трактовалось по-разному: в двустороннем соглашении о границах Британской Гвианы между Великобританией и Венесуэлой 2 февраля 1897 г. в качестве основания для приобретения территории были признаны пятьдесят лет[671]; в

---

[669] Grotius. De Jure belii ac pacis. Buch II. Cap. II und Cap. Ill; исходным пунктом является тезис: «Singulari jure aliquid nostrum fit acquisitione originaria aut derivativa. Originaria acquisitio olim fieri potuit etiam per divisionem (Согласно специальной правовой норме, нечто становится нашим вследствие приобретения первоначального или производного. Первоначальное приобретение также могло когда-то быть результатом разделения)».

[670] См. Оппенгейм Л. Международное право. Т.1. Полутом 2. М., 1949. С. 149.

[671] Humphreys R. (1967), «Anglo-American Rivalries and the Venezuela Crisis of 1895», Presidential Address to the Royal Historical Society 10 December 1966, *Transactions of the Royal Historical Society*, 17: pp131-164;

конфликте США и Нидерландов из-за острова Пальмос (20-е годы XX века) – 200 лет[672]; в споре о границе Аляски между США и Россией в 1903 г. – 60 лет[673] и др.

«Поскольку сила давности заключалась в подразумеваемом согласии или примирении другой стороны с фактическим положением вещей, - отмечал вместе с тем Ю.Г. Барсегов, - то представлялось очевидным, что государство всегда может активно оспаривать или противодействовать осуществлению на принадлежащей ему de jure территории суверенитета другого государства и тем самым создавать перерыв давности как основы его территориальных притязаний»[674].

Традиционный «принцип давности», закрепившийся в конечном счете применительно к владению территорией в виде формулы «uti possidetis juris» стал применяться при решении вопросов трансформации внутренних административных границ в международные границы вновь возникших независимых государств[675]. Принято считать, что принцип в такой интерпретации связан в первую очередь с южноамериканским континентом, где и сделался в свое время эффективным инструментом предотвращения конфликтов, возникавших вокруг государственных границ государств-правопреемников Испанской колониальной империи. Uti possidetis начал рассматриваться в качестве обязательной нормы международного обычного права в отношении Латинской Америки - как право вновь созданного государства определять собственные границы, а также фактор, способствующий защите границ новых независимых государств и служащий щитом от их дальнейшей фрагментации. «Основная идея этого принципа заключается в том, что он определяет границы новообразованных независимых государств на основании бывших административных границ, которые они унаследовали от своей метрополии, - пришел к заключению один

---

672 Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 2008-2012 годы. Электронный ресурс. https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add5.pdf Дата обращения: 15 октября 2025 года.

673 *Statement of facts regarding the Alaska boundary question*, Alexander Begg, Victoria, British Columbia, publ. R. Wolfenden, 1902, report to David McEwen Eberts, Attorney-General of British Columbia.

674 Барсегов Ю.Г. Цит. соч., С. 110-111.

675 См. Lauterpacht H. Oppenheim’s International Law. Vol. II 7-th edn. London. 1952. 598-599.

исследователей этой проблемы Ф.С.Мирзаев. – Таким образом, принцип uti possidetis относится к процессу создания новых независимых государств, то есть является одним из элементов образования государственности»[676].

В Африке же территория материка была поделена, как отмечал М.Шо, между многочисленными европейскими государствами в основном по географическому признаку, с учетом в определенной степени этнических и экономических факторов. И если в Латинской Америке рассматриваемый принцип был применен к административным границам бывших колониальных единиц, которые определялись в соответствии с распоряжениями колониальных властей, то на африканском континенте новые независимые государства сами согласились применять принцип к фактическим, унаследованным ими границам. Такое намерение по сохранению существующих границ создало почву для применения uti possidetis в целях урегулирования пограничных споров, особенно в тех случаях, когда заинтересованные стороны оспаривали точные линии делимитации границ[677].

Стремление большинства африканских государств, поддержавших применение uti possidetis в целях сохранения существующих границ и тем самым избегания кровопролитных конфликтов на континенте нашло закрепление в ряде региональных международно-правовых инструментов. Так, на необходимость сохранения существующих границ, унаследованных от прежних колониальных властей, указывалось в Каирской декларации, принятой на Конференции Организации Африканского Единства (1964 г.); в Уставе ОАЕ утверждалась необходимость сохранения статус-кво границ новообразованных независимых африканских государств.

Особое значение имеет юридическая оценка Международным Судом ООН ключевой роли uti possidetis в определении африканских границ. В пограничном

---

676 Мирзаев Ф.С. Принцип uti possidetis: история зарождения. // «Московский журнал международного права». 2015. №2. С. 57-73

677 См. Shaw M. Peoples, Territorialism and Boundaries. // «European Journal of International Law». 1997. №3. P. 478-492; Shaw M. Title to Territory in Africa International Legal Issues. Oxford. 1986. P. 185-187.

споре между Буркина-Фасо и Мали Суд заявил, что Каирская декларация (упомянута выше) определила роль принципа uti possidetis в качестве общей концепции международного обычного права. Было подчеркнуто также, что стремление сохранить, уважать и трансформировать бывшие колониальные административные границы в международные границы новообразованных независимых государств Африки явилось их свободным волеизъявлением. По заявлению Суда, принцип uti possidetis стал общей концепцией международного обычного права; в случае делимитации границ между государствами – бывшими субъектами одной и той же метрополии эти административные границы должны быть преобразованы в межгосударственные. Схожую позицию заняла Африканская комиссия по правам человека и народов в деле Народного конгресса Катанги против Заира, отметив, среди прочего, что «осуществление Катангой права на самоопределение должно быть совместимо с суверенитетом и территориальной целостностью Заира»[678]. Например, выбор народа Восточного Тимора в пользу создания независимого государства не рассматривается международным правом как отделение от Индонезии. Известно, что вхождение Восточного Тимора в состав Индонезии в 1976 году, в соответствии с индонезийским законодательством, никогда не признавалось со стороны ГА ООН, которая считала Восточный Тимор несамоуправляющейся территорией. Этот его статус был подтвержден также Международным судом[679]. Применение же права на самоопределение в отношении несамоуправляющихся территорий, таких как Восточный Тимор, не вызывает никаких сомнений: подобные территории подпадают под действие соответствующих международных документов по деколонизации. Таким образом, Восточный Тимор никогда не был частью Индонезии в смысле международного права и, соответственно, не мог отделяться от нее.

---

[678] *Katangese People's Congress v. Zaire,* 75/92 African Commission on Human and Peoples' Rights, см. также Rachel Murray & Malcolm D. Evans (eds.). Documents of the African Commission on Human and Peoples' Rights (Oxford & Portland Oregon: Hart Publishing, 2001), p. 389.

[679] *Case Concerning East Timor (Portugal v. Australia),* ICJ Judgment, 30 June 1995, ICJ Reports, pp. 90-277.

Что касается Судана, то 20 июля 2002 года между правительством Судана и Народно-освободительным движением/Армией Судана был подписан так называемый Мачакосский протокол, представляющий собой соглашение о широком наборе принципов управления, а также процедур для переходного периода. Составной частью Протокола является Соглашение сторон о праве на самоопределение для Южного Судана, которое подлежит осуществлению посредством проведения, по окончании шестилетнего переходного периода, всеобщего голосования[680].

Похожая позиция была подтверждена в деле о территориальном споре между Сальвадором и Гондурасом, в последующих делах, рассматривавшийся Международным Судом, снискала авторитет в международном праве. И хотя не все эксперты согласны с таким подходом (Л.Блюмфельд, например, утверждал даже, что международное сообщество не признает uti possidetis, который «в связи с его противоречивой природой» противоречит международному праву)[681], эффективное использование рассматриваемого принципа «послужило де-юре сохранению территориального статус-кво, тем самым предотвратив потенциальные кровопролитные конфликты»[682]. Даже этого само по себе достаточно, чтобы воздать должное uti possidetis и практике его применения.

Ф.С.Мирзаев уделив обстоятельное внимание разбору критических взглядов на принцип uti possidetis, рассмотрел их с позиции четырех основных аргументов:

- конфликт с правом народов на самоопределение;

- ограниченное применение (лишь к процессам деколонизации);

- противоречивость принципа в связи с наличием двух его форм (uti possidetis de jure и uti possidetis de facto);

- несостоятельность как нормы международного обычного права[683].

---

[680] См. текст Протокола на веб-сайте: www.sudanru.com/russian/machakos.htm.

[681] См. Bloomfield L.P. Egypt, Israel and the Gulf of Aquaba. London. 1957. P. 107-108.

[682] Мирзаев Ф.С. Применение uti possidetis на африканском континенте. // «Московский журнал международного права». 2017. №3. С. 80.

[683] См. Мирзаев Ф.С. Обзор критических взглядов на принцип uti possidetis. // «Московский журнал международного права». 2015. №1. 107-113.

Рассмотрим эти вопросы более подробно.

Еще в конце XIX века М.Блючли исходил из недопустимости применения частноправовых терминов в публичном праве и критиковал в этой связи использование uti possidetis для ситуации status quo post bellum[684]. Известный американский ученый Ч.Ч.Хайд в своем классическом труде по международному праву, задолго до начала активной фазы деколонизации, характеризовал применение uti possidetis как лишь «добровольную проблематику» среди латино-американских государств – бывших испанских колоний и решительно выступал против придания определению государственных границ на основе рассматриваемого принципа обязательной силы[685].

Среди французских авторов можно встретиться с утверждениями, что применение принципа не может служить средством решения конфликтов[686]. Г. Неси считает, что uti possidetis нельзя рассматривать как некое «чудо», способное эффективно разрешить все существующие территориальные и пограничные споры, а само применение принципа чревато серьезными юридическими и политическими проблемами[687]. Сербский профессор Ф. Янков полагает, что принцип не может считаться нормой международного обычного права, поскольку противоречит праву народов на самоопределение (норма jus cogens) и отсутствует общепринятая практика государств по применению принципа[688]. В советской международно-правовой литературе также подчас ставилась под сомнение правовая природа uti possidetis[689]. Пожалуй, наиболее активным критиком современной интерпретации рассматриваемого принципа является канадский ученый С.Лалонде, посвятившая

---

[684] См. Bluntschli M. Le Droit International Codifie. Paris. 1870. P. 363.
[685] Hyde C.C. International law, Chiefly As Interpreted and Applied by the United States. Vol. I. Boston. 1945. P. 5. 508-509.
[686] См. Delcourt B. L'Application de L'Uti Possidetis Juris au Dememberment de la Jougoslavie: Regle Coutumiere on Imperial Politique? // "Revue Belge de Droit International". 1998. №1. P. 76-106.
[687] См. Nesi G. L'Uti Possidetis hors de Contexte de la Decolonisation: le cas de l'Europe // AFD. 1988. №44. P. 22-23
[688] Jankov F., Coric V., The legality of Uti Possidetis in Definition of Kosovo's Legal Status. European Society of International Law. 2012.
[689] См. Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. М., 1958. С. 231; Клименко Б.М. Государственная территория: вопросы теории и практики международного права. М., 1974. С. 18-20; Его же. Мирное разрешение территориальных споров. М., 1982. С. 143.

комплексную монографию доказательству отсутствия, по ее мнению, юридических оснований признания uti possidetis в качестве принципа международного права[690].

С другой стороны, известный британский международник М.Шо, на труды которого мы уже не раз ссылались в настоящей диссертации, рассуждая о решении Международного Суда по спору между Буркина-Фасо и Мали, подчеркивает, что главной целью этого авторитетного судебного органа было «специальное заявление» о случаях, связанных с процессом получения независимости. Ученый, соглашаясь с утверждениями о распространении uti possidetis на все случаи деколонизации, идет дальше и считает, что позиция Суда имеет основания для законного толкования о применении принципа и вне рамок деколонизации, практически ко всем ситуациям, где «имеет место переход суверенной власти»[691]. Подобное толкование, как считает Ф.С.Мирзаев, было подтверждено в дальнейшем соответствующей практикой государств в случаях с распадом СССР, СФРЮ и ЧССР[692].

Ф.С.Мирзаев на основе обстоятельного аналитического обзора утверждает, что большинство критических взглядов в значительной степени лишены правовой аргументации и не опровергают основной аргумент о формировании uti possidetis как общего принципа международного права, который был эффективно применен для урегулирования некоторых территориальных споров в международном масштабе. Эта констатация, по мнению автора, была подтверждена решениями международных судов и арбитражей в территориальных и пограничных спорах.[693] Ученый соглашается с позицией М. Шо, согласно которой игнорирование принципа uti possidetis при разрешении спорных ситуаций может привести к иностранному вмешательству и обострению вооруженных конфликтов. Принцип

---

[690] См. Lalonde S.N. Determining Boundaries in a Conflicted World: The Role of Uti Possidetis. Montreal. 2003.

[691] См. Shaw M. Peoples, Territorialism and Boundaries // «European Journal of International Law». 1997. №3. С. 478-479.

[692] См. Мирзаев Ф. Принцип uti possidetis в современном международном праве и его применение на постсоветском пространстве: теория и практика. // «Право и политика». 2004. №6 (54). С. 43-53.

[693] См. Мирзаев Ф.С. Обзор критических взглядов на принцип uti possidetis. // «Московский журнал международного права». 2015. №1. 113.

же выступает неким инструментом, который, «способен остановить часы» в преддверии вооруженных территориальных или пограничных конфликтов[694].

Определенной спецификой обладает вопрос, связанный с границами новых независимых государств, образующихся в результате распада или иного способа прекращения существования сложносоставных государств (федераций и др.). Распад СССР и СФРЮ, ставший предметом широкого обсуждения в международном сообществе, в том числе под эгидой ООН, внес элемент новизны в международно-правовую трактовку принципа самоопределения. М.Шо, например, исследуя вопросы, связанные с событиями вокруг СССР, пришел к заключению о том, что внешние границы бывшего государства, установленные на договорной основе, согласно «концептуальному международно-правовому подходу», продолжают существовать, и «изменение суверенитета не в силах поколебать эти границы, имеющие постоянный характер»[695]. Большую значимость имеет достигнутый в рамках ООН консенсус в отношении того, что границы союзных республик, как и в бывшем СССР, так и в бывшей Югославии должны устанавливаться не на основе этнического расселения, а согласно формуле uti possidetis juris, означающей, что новыми должны считаться границы, которые раньше существовали как границы республик федерации[696].

Вместе с тем некоторые ученые критически оценивают анализ Арбитражной Комиссии Бадинтера по Югославии относительно принципа uti possidetis как общего принципа международного права, видя в таком анализе «неправильное толкование» и даже «искажение» упомянутых выше действий и решений Международного Суда в деле Буркина-Фасо против Мали. Среди основных критических замечаний можно выделить следующие тезисы:

---

[694] См. Shaw M. Peoples, Territorialism and Boundaries. // «European Journal of International Law». 1997. №3. P. 478-492.

[695] Shaw M. The Heritage of States: The Principle of Uti Possidetis Juris Today. 77 the British Yearbook of International Law. 1997. P. 90.

[696] Asbjorn Eide. «Territorial integrity of States, minority protection and guarantees for autonomy arrangements: approaches and roles of the United Nations». UniDem seminar «Local selfgoverment, territorial integrity and protection of minoities», Lausanne, 25-27 April 1996 (Council of Europe Publishing: 1996), p. 282.

1. Противоречивое и политически мотивированное применение принципа *uti possidetis.* Комиссия распространила принцип *uti possidetis*, изначально применявшийся в контексте деколонизации, на распад федеративного государства (СФРЮ), не представив убедительного правового обоснования для такого прецедента.мДанное решение было избирательным: оно закрепило границы между союзными республиками, но игнорировало статус автономных краёв (таких как Косово и Воеводина), лишив их аналогичного права, что трактовалось как политически ангажированное.

2. Формалистский подход в ущерб реальным обстоятельствам. В своих заключениях (особенно № 2 и № 3) Комиссия заняла жёсткую позицию, постановив, что границы между республиками могут быть изменены только по взаимному согласию. Этот подход абсолютизировал административные границы, проведённые в ином историческом и политическом контексте, и игнорировал этническую структуру населения и его волю, что стало одной из непосредственных причин последующих вооружённых конфликтов.

3. Непоследовательность в определении государственности и права на самоопределение. Комиссия постановила, что СФРЮ находится в процессе распада, а не простого отделения её частей (Заключение № 1). Это решение, по мнению критиков, имело политическую цель — легитимизировать независимость всех республик, но при этом создало правовую неопределённость в отношении статуса сербского населения в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Правовая позиция Комиссии о том, что право на самоопределение не должно приводить к изменению существующих границ (*uti possidetis*), была признана внутренне противоречивой. Она фактически предоставляла право на внешнее самоопределение титульным нациям республик, но отрицала это же право для национальных меньшинств внутри этих новых государств.

4. Роль в легитимизации этнических конфликтов. Критики утверждают, что, закрепив границы, не совпадающие с границами расселения этнических групп, и не предложив механизмов защиты прав меньшинств, решения Комиссии объективно способствовали эскалации напряжённости. Они дали правовые

основания для политики этнической унификации и территориальных притязаний, что стало правовой основой для начала войны в Боснии и Герцеговине и Хорватии.

5. Юридическая неопределённость статуса и полномочий Комиссии. Полномочия и юридический статус самой Комиссии Бадинтера оставались предметом споров. Её заключения носили консультативный характер, но при этом претендовали на роль авторитетного толкования международного права. Такой гибридный статус позволил сторонам конфликта использовать её выводы в своих политических интересах, ссылаясь на них как на правовые, когда это было выгодно, и игнорируя их как рекомендательные в иных случаях[697].

Таким образом, несмотря на стремление создать правовые рамки для мирного распада Югославии, Арбитражная комиссия Бадинтера подвергается критике за формализм, политическую ангажированность и принятие решений, которые не предотвратили, а в некоторых аспектах даже усугубили один из самых кровопролитных конфликтов в Европе после Второй мировой войны[698].

С критических позиций в отношении применения принципа uti possidetis в качестве общей нормы международного права выступает и В.Л.Толстых. Стоит отметить, что В.Л.Толстых является одним из последовательных критиков этого принципа, как с точки зрения его доктринального выражения, так и практического применения[699].

Размышляя о конфликтном потенциале на постсоветском пространстве, в частности в странах Центральной Азии, ученый выделяет следующие критические подходы в отношении исследуемого принципа: **во-первых**, его первоначальная сфера применения была ограничена процессами деколонизации в Латинской Америке. Последующая экстраполяция данного подхода на иные регионы не обеспечила формирования последовательной государственной практики и

---

[697] Radan P. Post-Secession International Borders: Critical Analysis of the Opinions of Badinter Arbitration Commission. // “Melbourne University Law Review”. 2000. №24.

[698] См. Каграманов А.К. Место формулы «uti possidetis juris» в решении задач самоопределения. Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». Режим доступа: http://inter-legal.ru/mesto-formuly-uti-possidetis-juris-v-reshenii-zadach-samoopredeleniya.

[699] *Tolstykh. V.* Three Ideas of Self-Determination in International Law and the Reunification of Crimea with Russia // Heidelberg Journal of International Law. Vol.75. 2015. P.119– 139,131.

признания его правовой обязательности (*opinio juris*). Более того, такое расширительное толкование вступило в противоречие с прецедентами, сложившимися после Первой мировой войны, где границы часто пересматривались с учётом этнического состава населения. **Во-вторых**, сохраняется проблема неприятия результатов делимитации, основанной на *uti possidetis*, со стороны этнических меньшинств. Данные группы апеллируют к конкурирующему праву на самоопределение и доктрине «восстановительной сецессии» (remedial secession), аргументируя тем, что их насильственное включение в состав нового государства при отсутствии представительства и ущемлении прав является нелегитимным. **В-третьих**, в контексте дефицита легитимности правящие элиты вновь образованных государств нередко проводят политику насильственной национальной унификации. Стремясь консолидировать власть, они позиционируют себя в качестве защитников доминирующей национальной культуры и предпринимают попытки создания гомогенного общества. В такой ситуации сохранение прежних административных границ, не совпадающих с реальными ареалами расселения этнических групп, как считает ученый, не только не служит предотвращению конфликтов, но, напротив, становится катализатором их эскалации[700].

Немало заслуживающих внимания соображений относительно uti possidetis было высказано в ходе работы Арбитражной комиссии Мирной конференции по Югославии («Комиссия Бадинтера» - по имени ее председателя Р.Бадинтера, возглавлявшего на момент создания комиссии – 27 августа 1991 г. – Конституционный Совет Франции).

---

[700] *Толстых В. Л.* Конфликтный потенциал Центральной Азии и международ- ное право // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. No 2. С. 14–31. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_14. См. также: *Толстых В.Л.* Государственно-территориальное размежевание в Центральной Азии и его международно-правовые последствия // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. No 2. С. 13–32.

Отметим несколько принципиально важных моментов, имеющих значение в целом и для понимания формулы uti possidetis juris, в частности.

Первое. «Комиссия Бадинтера» пришла к выводу, что действующее международное право не раскрывает всех значений права на самоопределение, но при любых обстоятельствах оно «не должно включать изменение существующих границ в момент независимости (uti possidetis juris), за исключением случаев, когда заинтересованные государства договариваются об ином».

Второе. Арбитражная комиссия при применении uti possidetis к границам бывших югославских республик руководствовалась решением Международного Суда ООН от 22 декабря 1986 г. по делу Буркина-Фасо и Мали, где упомянутый принцип признавался в качестве общего принципа международного права, применимого к любому государству. Его суть в том, что в случае отсутствия соглашения между составными частями федерации относительно изменения внутренних границ, «прежние границы становятся границами, охраняемыми международным правом». Анализ Комиссией рассматриваемого вопроса приводит к выводу, что применение принципа uti possidetis предоставляло входившим в СФРЮ бывшим республикам возможность самостоятельно решить свою судьбу, в полном объеме реализовать право на самоопределение. И, что особенно важно, как отмечал Ф.С.Мирзаев, в ситуации с Югославией упомянутый принцип был впервые применен вне процессов деколонизации[701].

Третье. Все внешние границы должны уважаться в соответствии с принципами Устава ООН, Декларации 1970 г., Заключительного акта СБСЕ, а также лежащим в основе статьи 11 Венской Конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров от 23 августа 1978 г. Констатировалась недопустимость изменения границ между Хорватией и Сербией, Боснией-Герцеговиной и Сербией и, возможно между другими соседними независимыми государствами, за исключением свободно достигнутого соглашения. Бывшие

---

[701] См. Мирзаев Ф.С. Применение принципа uti possidetis при распаде Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). // «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2017. С. 25-35.

границы (за исключением случаев, когда достигнуто согласие об ином) становились границами, защищенными международным правом. Комментируя такой подход, Арбитражная комиссия отметила его цель – уберечь независимость и стабильность государств, «подвергающихся опасности братоубийственной войны». Особо указано на то, что «силовое изменение существующих границ не влечет никаких правовых последствий»[702].

Подход к решению вопроса о сецессии (или иной форме самоопределения), основанный на формуле uti possidetis juris, лежит в основе многих решений ООН по вопросам территориальной целостности государств, хотя сама формула напрямую в них и не воспроизводится. Вместе с тем анализ резолюций Совета Безопасности ООН по Боснии и Герцеговине, Судану, Кипру и др. позволяет выявить, наряду с акцентированием внимания на необходимости строгого соблюдения принципа территориальной целостности, ряд других значимых положений. В поле зрения соответствующих документов всегда находятся также задачи прекращения кровопролития, восстановления мира в регионах и проведения в этих целях переговоров; создания безопасных районов (коридоров, зон, проходов и т.п.); признания незаконными и неприемлемыми любых захватов территории силой и практики «этнических чисток» их населения; обеспечения условий для возвращения в бывшие жилища всех беженцев и перемещенных лиц; роспуска или разоружения войсковых формирований; возложения личной ответственности за нарушение международного гуманитарного права; размещения миротворческих сил (сил разъединения, наблюдателей и т.п.); оказания чрезвычайной гуманитарной помощи.

Таким образом, принцип *uti possidetis juris*, зародившись как инструмент деколонизации в Латинской Америке, эволюционировал в общую норму международного права, чья основная функция заключается в обеспечении стабильности международных отношений и предотвращении конфликтов при образовании новых государств. Его ключевое значение для реализации сецессии состоит в трансформации прежних административных границ в международные,

---

[702] См.: Conference on Yugoslavia. Arbitration Commission. P.171-172.

что позволяет сохранить территориальный статус-кво и избежать хаотичного передела территорий, чреватого вооруженными столкновениями.

Однако применение данного принципа носит амбивалентный характер. С одной стороны, он служит гарантом территориальной целостности вновь образованных государств и правовой определенности, что было подтверждено авторитетной практикой Международного Суда ООН и Арбитражной комиссии по Югославии. С другой стороны, его жесткий, формалистский подход, абсолютизирующий исторически сложившиеся административные рубежи, вступает в острое противоречие с правом народов на самоопределение. Это противоречие особенно ярко проявляется в случаях, когда внутренние границы не совпадают с ареалами расселения этнических групп, что может не разрешить, а, напротив, легитимизировать и усугубить внутренние конфликты, как это произошло на постъюгославском пространстве.

Таким образом, *uti possidetis juris* является не универсальным и безупречным решением, а компромиссным правовым механизмом, который, жертвуя во имя стабильности идеальным соответствием границ этническому принципу, создает правовую основу для мирного государствообразования. Его эффективность напрямую зависит от способности международного сообщества и самих новых государств дополнять его действие эффективными механизмами защиты прав меньшинств, политикой интеграции и урегулирования спорных вопросов путем переговоров[703].

[703] См.: Каграманов А.К. Указ. соч.

ГЛАВА 4. ОСОБЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

§ 4.1. Реализация права на самоопределение в контексте права на самооборону

Проблема соотношения права на самоопределение и права на самооборону представляет собой один из наиболее сложных и концептуально напряженных узлов современного международного права. На первый взгляд, эти два института принадлежат к различным нормативным сферам: самоопределение традиционно рассматривается в контексте деколонизации и прав народов, тогда как самооборона является ключевым исключением из общего запрета на применение силы, закрепленного в ст.ст. 2(4) и 51 Устава ООН. Однако в современных условиях, характеризующихся трансформацией миропорядка, фрагментацией государств и появлением негосударственных акторов, эти два правовых института все чаще вступают в сложное взаимодействие, порождающее фундаментальные вопросы о правомерности применения силы. Актуальность данной проблематики обусловлена несколькими факторами. Во-первых, расширительное толкование права на самооборону после событий 11 сентября 2001 года привело к тому, что государства все чаще ссылаются на статью 51 Устава ООН для оправдания военных операций против негосударственных акторов, включая национально-освободительные движения и иные «субъекты самоопределения». Во-вторых, сам феномен вооруженной борьбы за самоопределение ставит вопрос о том, в какой степени народы, реализующие это право, могут легитимно применять силу и ссылаться на самооборону. В-третьих, сохраняется фундаментальная неопределенность в доктрине относительно того, может ли применение силы государством против территории, население которой реализует право на самоопределение, быть квалифицировано как законная самооборона[704].

[704] См. U.Ahuja. Rewriting the Rules of War: How States Weaponised ‘Self-Defence’. OBSERVER RESEARCH FOUNDATION. Электронный ресурс. Режим доступа: URL:

Как справедливо указывает Т.Спаркс в недавнем исследовании «Self-Determination in the International Legal System: Whose Claim, to What Right?», традиционная категоризация внутреннего и внешнего самоопределения недостаточна для понимания современных реалий. Т.Спаркс предлагает новую типологию, включающую четыре формы: политическую, сецессионную, колониальную и спасательную (remedial), каждая из которых основывается на различных легитимирующих основаниях[705]. Эта типологизация важна для понимания того, какие именно субъекты могут претендовать на применение силы в контексте самоопределения.

В доктрине также сохраняется напряженность между признанием легитимности национально-освободительной борьбы и нежеланием предоставлять неправительственным акторам право на применение силы, приравненное к государственной самообороне. Д.Хиткот, например, в своем анализе права на применение силы рассматривает самоопределение как одну из легитимирующих оснований для применения силы наряду с самообороной и гуманитарной интервенцией. Однако она подчеркивает, что традиционный дискурс о применении силы систематически исключает из рассмотрения субъектов, не являющихся государствами, что создает асимметрию в правовом регулировании[706].

Наиболее острая проблема возникает, когда государство использует силу против территории, население которой реализует право на самоопределение, и обосновывает это самообороной. К.Л.Йип в своем исследовании проводит важное различие между запрещенным применением силы и вооруженным нападением, дающим право на самооборону. Смешение этих категорий, по его мнению, ведет к эскалации конфликтов, поскольку дискурсивно гипертрофируется вопрос о праве субъекта самоопределения на самооборону (который фактически не урегулирован

---

https://www.orfonline.org/expert-speak/rewriting-the-rules-of-war-how-states-weaponised-self-defence (дата обращения: 02.03.2026).

[705] См. Tom Sparks. *Self-Determination in the International Legal System: Whose Claim, to What Right?* Hart Publishing 2023. P.101.

[706] HEATHCOTE, GINA. *The Law on the Use of Force: A Feminist Analysis*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2012. P.131.

jus contra bellum), тогда как исходное применение силы, лишающее народ права на самоопределение, остается недооцененным, хотя именно оно прямо запрещено международным правом. Ключевой тезис К.Йипа заключается в следующем: применение силы государством для оккупации или подчинения субъекта самоопределения с целью навсегда предотвратить вооруженные нападения, исходящие с этой территории, не может квалифицироваться как законная самооборона при отсутствии реального или неминуемого вооруженного нападения. Более того, даже если государство использует силу под предлогом самообороны против нападений, исходящих от субъекта самоопределения, такое применение силы не удовлетворяет критерию необходимости, если государство могло принять несиловые меры для предотвращения этих нападений, в частности, путем отказа от контроля над территорией в соответствии с обязанностью уважать право народа на самоопределение[707].

Проблема атрибуции вооруженных нападений, совершаемых негосударственными акторами, действующими с территории, население которой реализует право на самоопределение, остается одной из наиболее сложных. Как показывает анализ практики применения доктрины «нежелания или неспособности», государства стремятся расширить сферу самообороны, включая в нее действия против негосударственных акторов без установления государственной ответственности через «эффективный контроль». Д.Х.Сендут в анализе применения этой доктрины в Сирии приходит к выводу, что она не имеет прочного основания в обычном международном праве, поскольку отсутствует достаточная практика государств и opinio juris. Особую озабоченность вызывает то, что доктрина «нежелания или неспособности» фактически легитимирует превентивную самооборону, что представляет собой значительный разрыв с традиционным пониманием статьи 51, требовавшей наличия реального вооруженного нападения. Автор поднимает фундаментальный вопрос:

---

[707] Yip, K. L. (2024). To call a spade a spade: use of force depriving a people of their right to self-determination as violation of *Jus Contra Bellum*. *Journal on the Use of Force and International Law*, *11*(1–2), 167–217. https://doi.org/10.1080/20531702.2024.2380973

индивидуализация войны ведет к размыванию различия между jus ad bellum и jus in bello. Когда государство применяет силу против конкретных лиц, якобы причастных к вооруженным нападениям, под прикрытием «мини-вооруженного конфликта», это создает риск произвольного лишения жизни в обход международного права прав человека[708].

Й.Д.Олин предлагает альтернативный подход, основанный на обращении к естественному праву, которое было инкорпорировано в статью 51 Устава ООН. По его мнению, право на самоопределение, право быть свободным от геноцида и право на самооборону проистекают из более первичного права на существование, принадлежащего нациям и народам. Это позволяет концептуализировать право третьих сторон на интервенцию в защиту народа, реализующего право на самоопределение, но сталкивающегося с угрозой уничтожения[709]. Этот подход, однако, остается спорным, поскольку открывает возможность для злоупотреблений под предлогом защиты права на самоопределение и не имеет четких критериев, ограничивающих применение силы.

Статья 51 Устава ООН позволяет применять право на самооборону только в случае «вооруженного нападения» — это высокий порог. Статья 2(4) Устава запрещает любое применение силы в международных отношениях, даже в малых масштабах. При этом система коллективной безопасности ООН, где Совет Безопасности может действовать при любом применении силы (гл. VII), зачастую работает неэффективно, так как меры Совбеза применяются в исключительных случаях и должны получить согласие всех участников. Это порождает вопрос: не является ли ограничение самообороны только случаями «вооруженного нападения» слишком строгим, создавая опасную лазейку, когда государство-жертва меньшей агрессии не может себя защитить? В этой связи представляет интерес особое мнение судьи Международного Суда ООН Б.Симмы по делу

---

[708] J.H.SENDUT. The Unwilling and Unable Doctrine and Syria. Электронынй ресурс. Режим доступа: URL: https://www.culs.org.uk/per-incuriam/the-unwilling-and-unable-doctrine-and-syria?117781f6_page=2&a04df7da_page=1 (дата обращения 02.03.2026)

[709] См. J.D.Ohlin. The Doctrine of Legitimate Defence. DOI:10.31228/osf.io/jg5yr

Никарагуа против США[710], который критикует строгую трактовку статьи 51. Он утверждает, что существующая практика создает неверное впечатление, что если враждебные действия (например, нападение на отдельное судно) не дотягивают до масштабов «вооруженного нападения», то жертва не имеет права на ответные военные меры. Б.Симма предлагает различать: полномасштабную самооборону (статья 51) - против «вооруженного нападения», позволяющую, в том числе, коллективную оборону. Ответные оборонительные меры - против актов применения силы меньшего масштаба. Такие меры должны быть строго ограничены принципами необходимости, соразмерности и немедленности, и не дают права на коллективную самооборону[711].

Таким образом можно сделать ряд выводов относительно проблем правомерности реализации права на самоопределение в контексте права на самооборону:

Во-первых, сохраняется фундаментальная асимметрия в правовом регулировании: государства обладают четко закрепленным в статье 51 Устава ООН правом на самооборону, тогда как правовой статус применения силы субъектами самоопределения остается неопределенным. Декларации о законности национально-освободительной борьбы не создают полноценного режима, аналогичного государственной самообороне. Во-вторых, расширительное толкование права на самооборону, особенно через доктрину «нежелания или неспособности», создает риск того, что государства будут использовать статью 51 для оправдания применения силы против территорий, население которых реализует право на самоопределение. В-третьих, современная доктрина движется к более тонкому различению различных аспектов применения силы в контексте самоопределения. Важно различать: (а) применение силы государством для подавления права на самоопределение (запрещенное международным правом); (б)

---

[710] См. Nicaragua v United States of America - Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua - Judgment of 27 June 1986 - Merits - Judgments [1986] ICJ 1; ICJ Reports 1986, p 14; [1986] ICJ Rep 14 (27 June 1986). Электронный ресурс/ http://www.worldlii.org/int/cases/ICJ/1986/1.html Дата обращения: 25.09.2025.

[711] OiC Platforms, ICJ Reports 2003.

применение силы субъектом самоопределения для реализации этого права (спорный статус); (в) применение силы государством под предлогом самообороны против негосударственных акторов, действующих с территории субъекта самоопределения (требующее строгой проверки на необходимость и пропорциональность). В-четвертых, международное сообщество сталкивается с необходимостью выработки более четких критериев, позволяющих отличать легитимное применение силы в контексте самоопределения от злоупотреблений правом на самооборону. Расширительное толкование статьи 51 рискует превратить исключение в правило, подрывая фундаментальный запрет на применение силы, закрепленный в статье 2(4) Устава ООН[712].

Неоднозначным в практике государств и международных отношениях является вопрос о применении права на самооборону против атак негосударственных акторов (например, террористических групп), который стал особенно актуален после терактов 11 сентября 2001 года и атаки ХАМАС на Израиль в октябре 2023 года.

Резолюции СБ ООН 1368[713] и 1373[714], осуждающие нападение террористических групп на США, прямо «признают» и «вновь подтверждают» неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону. Это было истолковано как молчаливое признание со стороны Совета Безопасности того, что масштабная террористическая атака, совершённая негосударственным актором, может приравниваться к «вооруженному нападению», дающему право на самооборону по статье 51 Устава ООН. Указанный пример стал важным прецедентом в адаптации классического международного права к современным угрозам.

---

[712] Каграманов А.К. Между «Каролиной» и «Палестиной»: поиск баланса между правом на самооборону и правом на самоопределение. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025;(12). С.70. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.136.12.064-074

[713] Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1368 (2001), принятая на его 4370-м заседании 12 сентября 2001 года, S/RES/1368 (2001)

[714] Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1373 (2001), принятая на его 4385-м заседании 28 сентября 2001 года, S/RES/1373 (2001).

Между тем проблема потенциальной угрозы государственному суверенитету, исходящей от частных лиц, существует в международном праве гораздо раньше. Международный суд сослался на следующий аргумент в упомянутом выше деле Никарагуа против США: «можно считать согласованным, что вооруженное нападение следует понимать как не только действия регулярных вооруженных сил через международную границу, но и «отправку государством или от его имени вооруженных групп, группировок, иррегулярных формирований или наемников, которые совершают акты насилия которая равносильна» (среди прочего) фактическому вооруженному нападению, совершенному регулярными силами».

В связи с действиями США в ответ на теракты 11 сентября 2001 г. можно сделать следующие выводы: частные лица (включая террористов) не являются самостоятельными субъектами международного права. Поэтому прямое применение против них права на самооборону (которое по своей сути — государство против государства) создает правовой парадокс: это означало бы признание за террористическими группами некоего подобия международной правосубъектности. Даже если бы такое право было признано, его реализация столкнулась бы с трудностями в части государственного суверенитета, то есть применить военную силу против террористов на территории другого государства — значит нарушить его суверенитет и императивный принцип о запрете применения силы. В этой связи вторжение США в Афганистан и Ирак, основанием которого послужила «война с терроризмом» в соответствии с принятой Резолюцией о применении военной силы, оформленные Палатой представителей США и Сенатом США, вызвали бурные протесты и критику со стороны международного сообщества. Таким образом в современных условиях межударное право исходит из следующих подходов:

а) основная ответственность возлагается на государство, на чьей территории находятся террористы в том случае, если это государство само организует атаки или поддерживает террористов (критерий «эффективного контроля» по делу «Никарагуа»). В таком случае жертва атаки имеет полное право на

самооборону против этого государства-спонсора при условии установления факта эффективного контроля;

б) если связь между террористами и государством-убежищем неясна или отсутствует (государство просто «неспособно» действовать), международное право в его нынешнем виде встает на защиту суверенитета этого государства. Требования пострадавшего государства защитить себя уступают принципу неприкосновенности границ.

Наибольший интерес, в свете рассматриваемой проблематики, представляет палестино-израильский конфликт. В отечественной доктрине международного права выделяют две наиболее общие причины научной актуальности указанной проблемы: конфликт является, во-первых, отражением основных проблем международного сообщества и права в послевоенный период, демонстрируя текущее состояние мирового порядка. Во-вторых, он сам становится моделью для этого порядка, оказывая влияние на формирование и развитие таких институтов, как право наций на самоопределение, право на самооборону и международное гуманитарное право[715].

Процесс развития конфликта характеризовался следующими ключевыми событиями:

- **Шестидневная война (1967)** и **Война Судного дня (1973)** завершились военными победами Израиля и оккупацией им Синая, Сектора Газа, Западного берега и Голанских высот. Мирное урегулирование было закреплено в резолюциях СБ ООН №242 и №338, а также в мирных договорах с Египтом (1979) и Иорданией (1994).
- **Соглашения в Осло (1993–1995)** предусматривали создание Палестинской национальной администрации и переход к пятилетним переговорам о постоянном статусе Палестины, однако мирный процесс был сорван.

[715] Толстых В.Л, Кудинов А.С. Конфликт между Палестиной и Израилем: динамика международно-правовой квалификации. Журнал «Закон». №1, январь 2024 г.

- **2004 год** — Международный Суд ООН признал строительство Израилем разделительной стены на оккупированных территориях нарушением международного права.
- **2005 год** — «одностороннее размежевание»: вывод израильских войск из сектора Газа.
- **2006 год** — приход к власти в секторе Газа движения ХАМАС.
- **2007 год** — введение Израилем блокады сектора Газа.
- **2012 год** — предоставление Палестине статуса государства-наблюдателя при ООН.
- **2020 год** — нормализация отношений между Израилем, ОАЭ и Бахрейном.
- **2023 год** — масштабное вторжение боевиков ХАМАС в Израиль.
- **2023**- по н.в. - «Война железных мечей», военная операция Израиля в Секторе Газа.
- **2024 год** – Консультативное заключение МС ООН относительно правовых последствий политики и действий Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и незаконности продолжающегося присутствия Израиля на оккупированной палестинской территории.

Несмотря на то, что в заключении МС ООН от июля 2024 года прямо не рассматривается и не оспаривается право Израиля на самооборону в контексте текущих военных столкновений (таких как война с ХАМАСом, начавшаяся в октябре 2023 года), Суд затрагивает эту тему косвенно, давая общую правовую оценку всей израильской оккупации. Вот ключевые моменты, имеющие отношение к праву на самооборону:

Суд установил, что присутствие Израиля на палестинских территориях является незаконной оккупацией. Это фундаментальный вывод, который ставит под сомнение правовую основу для применения статьи 51 Устава ООН (право на самооборону) на этих территориях. Логика заключается в том, что право на самооборону (статья 51) действует против другого государства. Поскольку палестинские территории не принадлежат другому государству, а находятся под незаконной оккупацией, Израиль не может ссылаться на самооборону против

территории, которую он сам оккупирует. В своем заключении Суд отмечает, что Израиль часто оправдывает свои действия, включая строительство поселений и барьера, соображениями безопасности и необходимостью самообороны.

В этой связи Суд пришел к выводу, что эти меры являются непропорциональными, нарушают право палестинского народа на самоопределение, не могут служить оправданием для продолжающейся оккупации. Суд постановил, что все государства обязаны не признавать незаконную ситуацию, сложившуюся в результате оккупации, не оказывать Израилю помощи или содействия в поддержании этой ситуации.

Заключение Суда подрывает правовые основания для применения Израилем статьи 51 Устава ООН на оккупированных территориях, на которые ссылаются сторонники концепции «качественной пропорциональности», согласно которой законная самооборона может выходить за рамки простого отражения текущей атаки. Она включает любые необходимые действия для достижения законных целей защищающейся стороны, таких как предотвращение будущих атак и обеспечение долгосрочной безопасности государства[716].

Таким образом заключение Суда усилило правовую позицию Палестины в международных институтах и создала прецедент для будущих решений по вопросам самообороны и реализации права на самоопределение.

Немалый интерес в рамках исследуемой проблемы, представляет в том числе и позиция государств, признавших независимость Палестины в качестве суверенного государства. Так, в Заявлении о признании от 21 сентября 2025 года указано, что Австралия, наряду с Канадой и Соединённым Королевством подтверждают законные и давние стремления народа Палестины на самоопределение и создание собственного государства. При этом подчеркивается, что организация ХАМАС не должна играть никакой роли в Палестине[717].

---

[716] См. *Nolte G.* Multipurpose Self-Defence, Proportionality Disoriented: A Response to David Kretzmer // European Journal of International Law. 2013. Vol. 24. No. 1. P. 283–290

[717] См. Déclaration du premier ministre Carney sur la reconnaissance de l'État de Palestine par le Canada | Premier ministre du Canada. Электронный ресурс: https://share.google/Y3CFvC2yFeYFsuYDT Дата обращения: 01 октября 2025 г.

Указанный акт укрепляет позиции сторонников конститутивной формы признания, постулирует право народа Палестины на самоопределение и создание независимого государства, а также в контексте права на самооборону устанавливает ответственность ХАМАС за действия по захвату заложников в результате вооруженного нападения на израильские поселения 7 октября 2023 года.

Выводы.

Ключевой вывод заключается в выявлении фундаментального дуализма современного миропорядка: система основана на двух столпах — праве государств на самооборону и праве народов на самоопределение, которые на практике часто вступают в противоречие. Самооборона является правом государства и регламентируется строгими условиями необходимости и соразмерности. Самоопределение — это право народа свободно определять свой политический статус. В условиях оккупации и колониального господства международное право признает законность борьбы за освобождение «всеми доступными средствами, включая вооруженную борьбу». Эволюция применения права на самооборону. Правовые рамки самообороны продолжают развиваться, сталкиваясь с новыми вызовами. Критерии необходимости (неминуемая, неотвратимая угроза) и соразмерности (адекватный ответ) были инкорпорированы в современное международное право и подтверждены Международным Судом ООН. Ключевой сложностью является применение права на самооборону против вооруженных групп, таких как ХАМАС, а не против другого государства. Согласно позиции Международного Суда, для этого необходимо доказать, что группа действует под «эффективным контролем» иностранного государства.

Центральным аргументом в споре вокруг Палестины является тезис о том, что оккупирующая держава не может ссылаться на самооборону на той территории, которую она сама оккупирует. Международный Суд в своих заключениях 2004 и 2024 годов подтвердил, что Израиль является оккупирующей державой, что ставит под сомнение правомерность ссылок на Статью 51 Устава ООН в отношении Газы. В то время как Израиль обосновывает свои действия

правом на самооборону, палестинская сторона апеллирует к праву на самоопределение и сопротивлению оккупации.

Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН подтверждают законность борьбы народов за освобождение от иностранной оккупации и колониального господства. Важно отметить, что право на сопротивление, как и право на самооборону, не отменяет обязательств сторон соблюдать нормы международного гуманитарного права, включая защиту гражданского населения. Поиск баланса между правом на самооборону и правом на самоопределение в контексте палестино-израильского конфликта приводит к следующим выводам:

- действия оккупирующей державы на контролируемой ею территории регулируются нормами права вооруженных конфликтов и оккупации, а не правом на самооборону против другого государства. Следовательно, единственным законным способом для Израиля обеспечить свою безопасность является прекращение незаконной оккупации и уважение права палестинцев на самоопределение;

- хотя право палестинского народа на сопротивление оккупации признано на международном уровне, его реализация, включая вооруженные методы, должна строго соответствовать нормам международного гуманитарного права;

- тупик двойных стандартов: кризис является прямым следствием игнорирования и неприменения существующих норм международного права. Разрешение конфликта требует не создания новых правил, а последовательной имплементации существующих, включая прекращение оккупации и реализацию права палестинского народа на самоопределение, что является фундаментом для подлинной и долгосрочной безопасности.

§4.2 Языковой фактор в процессе национальной самоидентификации и политико-правового самоопределения

Актуальность лингвистических прав в современном мире определяется их двойственной природой: являясь неотъемлемой частью идентичности индивида и группы, они одновременно выступают инструментом для реализации права на самоопределение. Этнокультурные группы, требующие территориального самоуправления, часто позиционируют себя не как «меньшинства», а как «народы», апеллируя именно к праву на самоопределение. Язык в этой конструкции становится не просто средством коммуникации, а маркером коллективной идентичности, вокруг которого мобилизуются политические требования[718].

Международное право гарантирует свободу от дискриминации по языковому признаку и право меньшинств пользоваться родным языком. Однако, как показывает анализ, реализация этих прав наталкивается на суверенитет государств, которые обладают широкой свободой усмотрения в определении языковой политики. Проблема возникает тогда, когда защита государственного языка перерастает в системные ограничения, воспринимаемые частью населения как ассимиляция и отрицание их идентичности. Именно в этой точке пересечения - между законным правом государства укреплять официальный язык и коллективным правом группы на сохранение своей лингвистической самобытности - вызревают конфликты.

Лингвистический фактор занимает особое место в процессах национальной самоидентификации и самоопределения, поскольку язык является не только средством коммуникации, но и фундаментальным маркером коллективной идентичности. Как отмечает профессор Т.Аренд «международное право, по-видимому, признает, что народ — это группа индивидов, которые считают себя народом, как правило, на основе некоторых воспринимаемых общих

---

[718] Wheatley S. The self-determination of peoples. In: *Democracy, Minorities and International Law*. Cambridge Studies in International and Comparative Law. Cambridge University Press; 2005:64-126.

характеристик. Эти характеристики включают такие элементы, как: язык, культура, религия, раса, этничность и история». При этом Т.Аренд подчеркивает, что «народ - это сконструированная идентичность (constructed identity), и язык играет в этом конструировании ключевую роль»[719]. Важным доктринальным различением является подход, согласно которому для целей внешнего самоопределения в контексте деколонизации решающее значение имел территориальный, а не лингвистический или этнический принцип. Как отмечается в авторитетном комментарии, при определении права колониальных народов на самоопределение «общие желания или единообразие национального или этнического состава, разговорного языка, исповедуемой религии или других культурных характеристик, как правило, не принимались во внимание»[720]. Право на самоопределение реализовывалось преимущественно в границах колониальных территорий (принцип uti possidetis), даже если эти границы произвольно разделяли этноязыковые группы.

Работа И.Буттье «Rethinking language rights in the international order», опубликованная в июне 2025 года, представляет собой концептуальную статью, бросающую вызов устоявшемуся положению языковых прав в современной системе международного права. Ключевая проблема, которую исследует автор - периферийный статус языковых прав. И.Буттье начинает с констатации парадокса: в мире, где владение доминирующим языком стало негласным условием для социального и гражданского включения, языковые права остаются на периферии международного права. Их признание носит частичный и производный характер. Они не рассматриваются как самостоятельные, фундаментальные права, а лишь «выводятся» из других, более «признанных» свобод, таких как: принцип недискриминации; свобода выражения мнения; право на уважение частной и

---

[719] См. Tony Arend’s Legal Analysis of Kosovo’s Declaration and Defining a “People”. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://opiniojuris.org/2008/02/22/tony-arends-legal-analysis-of-kosovos-declaration-and-defining-a-people/ Дата обращения: 18.02.2025

[720] Max Planck Encyclopedia of Public International Law [MPEPIL]. Oxford Public International Law) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1454 Дата обращения: 18.02.2025

семейной жизни. Такой подход, по мнению автора, низводит языковые права до статуса «функциональных аксессуаров сосуществования», лишая их самостоятельной нормативной силы. Главный тезис работы заключается в том, что возможность говорить на своем языке — это не вопрос «идентичностной привилегии» или культурного предпочтения, а фундаментальное право человека. И.Буттье определяет его как: право на существование (*right to existence*); право на память (*right to memory*); право на достоинство (*right to dignity*). Таким образом, она поднимает языковые права с уровня культурных или идентичностных запросов на уровень базовых, экзистенциальных потребностей человека. Критическому анализу подвергается негласная иерархия в самом правовом дискурсе, которая противопоставляет: так называемые «универсальные» права (например, гражданские и политические) и «культурные» права (к которым часто относят и языковые). И.Буттье стремится деконструировать эту дихотомию, показывая, что она порождает «исключающую логику» (*exclusionary logics*). Отнесение языковых прав к «второсортной» категории культурных прав позволяет государствам пренебрегать ими, считая их менее обязательными к исполнению.

В противовес функционалистским и редукционистским подходам, И.Буттье призывает к реинтеграции языка в центральную архитектуру прав человека. Она аргументирует это тем, что языковые права неразрывно связаны с ключевыми гражданскими свободами и не могут быть реализованы без собственного прочного фундамента. Автор настаивает на том, что они должны рассматриваться не как ситуативные уступки меньшинствам, а как самостоятельные нормативные столпы (*normative pillars in their own right*), которые являются неотъемлемыми от свободы выражения мнения, права на справедливое судебное разбирательство, возможности полноценного политического участия[721].

Таким образом, работа И.Буттье представляет собой важный вклад в развитие доктрины международного права, предлагая радикальный сдвиг в восприятии языка — от инструмента коммуникации к неотъемлемому условию человеческого существования и демократического плюрализма.

---

[721] Indira Boutier. Rethinking language rights in the international order. Vol. 4 No. 1 (2025). P.11-36.

Наиболее спорным и теоретически разработанным вопросом является возможность обоснования права на отделение (сецессию) систематической языковой дискриминацией — так называемая «лингвистическая сецессия» (linguistic secession). Исследование Лейденского университета, посвященное сравнению случаев Квебека и Абхазии, непосредственно исследует этот вопрос. Автор исследования приходит к выводу, что хотя язык играет ключевую роль в формировании национальной идентичности, легитимность сецессии на лингвистической основе остается спорной. Анализ показывает, что даже в случаях серьезной языковой политики, направленной на вытеснение языка (как в случае с абхазским языком в Грузии или попытками ассимиляции франкофонов в Канаде), международное право крайне осторожно подходит к признанию права на отделение. Ключевой вывод исследования заключается в том, что легитимность сецессии на лингвистической основе остается спорной, и подчеркивается важность обеспечения надлежащей реализации внутреннего самоопределения и необходимость защиты языковых прав в рамках существующих государственных структур. Иными словами, прежде чем рассматривать вопрос о внешнем самоопределении (отделении), международное право требует исчерпания возможностей внутреннего самоопределения — автономии, языковых прав, участия в управлении. Этот вывод коррелирует с общей доктринальной позицией: язык может конституировать группу как «народ» в культурном смысле, но для возникновения права на внешнее самоопределение необходимо доказать невозможность реализации языковых прав иначе как через создание независимого государства. Как показывают исследования, «вне колониального контекста и за возможным исключением спасительной сецессии не существует правового основания для отделения»[722]. Ф.Тесон подвергает критике саму идею предоставления особых групповых прав, включая право на самоопределение, исключительно на основе этнических или языковых характеристик. Он утверждает,

[722] *Adam, Junan.* Linguistic Discrimination as grounds for Remedial Secession: The cases of Québec and Abkhazia. Электронный ресурс: https://studenttheses.universiteitleiden.nl/handle/1887/3765538 Дата обращения: 18.02.2025.

что «групповые права, включая самоопределение, оправданы (когда они оправданы) другими соображениями, такими как необходимость избежать несправедливости или подтверждение законного территориального титула». Тесон предупреждает об опасностях националистического тезиса, требующего совпадения политических и этнических границ, указывая на его потенциал для исключения и враждебности к тем, кто не обладает данным этническим или языковым признаком[723].

Важный доктринальный вопрос - разграничение между правами языковых меньшинств и правом народов на самоопределение. С.Уитли подчеркивает: «Права лиц, принадлежащих к меньшинствам, и права народов связаны, но различны. Права меньшинств не включают право на самоуправление ни в форме отделения или сецессии (суверенное самоопределение), ни в форме территориальной автономии внутри государства (несуверенное самоопределение)»[724]. Международное право признает право на культурную безопасность для языковых меньшинств. Это право закреплено, в частности, в статье 27 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая гарантирует меньшинствам право пользоваться своим языком. Однако, как отмечает П.Торнберри в классическом труде «International Law and the Rights of Minorities», формулировка этой статьи («не может быть отказано в праве») является «классическим примером ограничительной терпимости к меньшинствам» и контрастирует с более сильной формулировкой статьи 1 того же Пакта, где говорится, что «все народы имеют право на самоопределение»[725]. Таким образом, доктрина проводит четкую грань: группа, определяемая исключительно через язык, квалифицируется как языковое меньшинство и пользуется защитой в рамках существующего государства, но не приобретает автоматически права на внешнее самоопределение. Для этого необходима дополнительная квалификация в качестве «народа», которая, как

---

[723] *Fernando R. Teson.* A Philosophy of International Law. New perspectives on law, culture, and society. Taylor & Francis, 2019. P.107. ISBN 0367314258, 9780367314255.

[724] *Steven, Wheatley.* Democracy, Minorities andrnational Law , pp. 64 - 126. Cambridge University Press Print publication year: 2005. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511584336.004

[725] Patrick, Thornberry. International Law and the Rights of Minorities. Clarendon Press, 1992. ISBN 0198258291, 9780198258292. P.311

указывалось выше, требует совокупности факторов, включая, но не ограничиваясь, языком.

Языковые права представляют собой сложную и многоуровневую область международного права, которая находится на стыке прав человека, самоопределения народов, защиты меньшинств, и государственного суверенитета. Анализ международной практики показывает, что эти права редко существуют в «чистом виде», а выводятся из более широких концепций - недискриминации, свободы выражения, права на частную жизнь и уважение к культурной самобытности. В доктрине международного права принято различать «языковые права» в широком смысле и «лингвистические права человека». Последние касаются базовых, неотъемлемых прав, необходимых для выживания и достойного существования индивида и языковой группы (например, право на идентичность, доступ к образованию на родном языке, запрет на принудительную ассимиляцию). Вторую категорию составляют так называемые «права обогащения», такие как право на изучение иностранных языков[726].

Современная практика государств также предлагает ряд аналитических категорий для классификации языковых режимов:

- По принципу действия: *территориальный* (права привязаны к территории, как в Швейцарии) против *персонального* (права следуют за носителем языка, как в Канаде).
- По характеру обязательств государства: *негативные права* (требование невмешательства в частную сферу) против *позитивных прав* (требование активных действий, например финансирования образования).
- По цели политики: *ассимиляционно-ориентированные* (от запрета до терпимости) против *поддерживающие* (от разрешения до активного продвижения)[727].

---

[726] The handbook of linguistic human rights by Tove Skutnabb-Kangas and Robert Phillipson (eds), Hoboken, NJ, John Wiley, 2023, 712 pp, ISBN 20239781119753841.

[727] Official Languages Act (R.S.C., 1985, c. 31 (4th Supp.)). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/o-3.01/ (дата обращения: 26 февраля 2026).

Ключевые международные акты в этой сфере делятся на две категории. Первая — это универсальные договоры по правам человека, которые защищают язык косвенно, гарантируя свободу выражения (ст. 19 Всеобщей декларации прав человека), запрет дискриминации по языковому признаку (ст. 2) и права меньшинств (ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах). Вторая категория — специализированные акты, такие как Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (1992)[728] и Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995)[729], которые, однако, имеют рамочный характер и оставляют государствам широкую свободу усмотрения.

Судебная практика, особенно Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и Суда Европейского союза (СЕС), конкретизирует абстрактные нормы. Анализ дел позволяет выделить несколько ключевых тенденций. Дело **Mestan v. Bulgaria (2023)** стало значимым шагом в признании языковых прав в политическом контексте[730]. ЕСПЧ признал, что абсолютный запрет на использование турецкого языка в предвыборной агитации нарушает статью 10 Европейской конвенции по правам человека (свобода выражения). Суд подчеркнул, что возможность обращаться к избирателям на понятном им языке — особенно пожилым людям из числа меньшинства — является неотъемлемой частью подлинно демократического процесса. Хотя у государства есть широкая свобода усмотрения в языковой политике, в период выборов эта свобода сужается.

В резонансном деле **Catan and Others v. Moldova and Russia (2012)**, касавшемся запрета на использование латинской графики для молдавского языка в школах Приднестровья, Суд встал на защиту заявителей. Суд расценил закрытие

---

[728] См. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://base.garant.ru/2541055/ (дата обращения: 26 февраля 2026).

[729] См. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств от 1 апреля 1995 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540487/chapter/5ac206a89ea76855804609cd950fcaf7/ (дата обращения: 26 февраля 2026).

[730] См. Mestan v. Bulgaria - 24108/15. Judgment 2.5.2023 [Section III]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22002-14062%22]} (дата обращения: 26 февраля 2026).

школ, где обучение велось на родном языке с использованием латинского шрифта, как нарушение права на образование (ст. 2 Протокола № 1) в совокупности с запретом дискриминации (ст. 14). Это дело подтвердило, что язык обучения — ключевой элемент культурной идентичности, и государство не может его произвольно уничтожать[731].

В деле **Boriss Cilevičs v. Latvia (2022)** Суд Европейского союза рассматривал латвийский закон, предписывающий обучение в вузах только на латышском языке. Хотя ЕСПЧ рассматривал дело с точки зрения свободы учреждения (внутренний рынок), а не прав меньшинств, он подтвердил право государства продвигать официальный язык. Однако критически важным является разграничение, проведенное Конституционным судом Латвии: требования к государственным вузам могут быть жесткими, но в отношении частных университетов они должны быть соразмерными и не могут полностью запрещать обучение на языках меньшинств[732].

Канадская практика демонстрирует высокий стандарт защиты билингвизма. В деле **CHL Inc. and Hayes v. Vitalité (2025)** суд обязал государственный орган здравоохранения вести судебное разбирательство на том из двух официальных языков (английском), который выбрала противоположная сторона[733]. Это пример действия персонального принципа, когда право индивида диктует язык коммуникации с государством.

Проведенный анализ судебной практики ЕСПЧ позволяет сделать вывод о том, что в международном праве отсутствует самостоятельное, абсолютное «право на язык». Защита языковых прав всегда «производна» от других прав — на свободу

---

[731] См. OF CATAN AND OTHERS v. MOLDOVA AND RUSSIA. (Applications nos. 43370/04, 8252/05 and 18454/06). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-114082 (дата обращения: 26 февраля 2026).

[732] См. Boriss Cilevičs v. Latvia. Case C-391/20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62020CC0391 (дата обращения: 26 февраля 2026).

[733] См. Case CHL Inc. and Hayes v. Vitalité (2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://tj.news/new-brunswick/court-sides-with-private-health-firm-in-language-rights-case-against-vitalite (дата обращения: 26 февраля 2026).

выражения, уважение частной жизни, недискриминацию или образование. Это делает защиту фрагментарной и зависимой от контекста. Судебная практика последовательно проводит различие между публичной и частной сферами. В публичной сфере (госуправление, образование) государство обладает широкой свободой усмотрения и вправе устанавливать правила использования официального языка. В частной сфере вмешательство государства должно быть минимальным. ЕСПЧ и другие органы признают, что языковая политика тесно связана с национальной идентичностью и историей, поэтому государства имеют широкие пределы усмотрения. Однако эта свобода не безгранична: она сужается, когда речь идет о фундаментальных принципах демократии (например, выборах) или о риске полного уничтожения языковой идентичности. Таким образом, международная практика движется в сторону признания языкового плюрализма (плюрилингвизма) как ценности, но имплементация этой ценности остается зоной ответственности и широкого усмотрения национальных государств.

Продолжая анализировать лингвистический фактор в контексте реализации права на самоопределение стоит отметить, что язык может выступать средством сплочения народов, слияния многочисленных этносов, нацменьшинств и народностей в единую социальную общность – нацию (СССР, РФ, США, Великобритания и многие другие государства мира). О том, насколько значимой может быть проблема родного языка (или ставшего таковым) как бытия культуры, одного из базовых элементов нации убедительно свидетельствует опыт Канады. Официальное признание здесь двуязычия само по себе оказалось неспособным уберечь страну от сепаратистских устремлений в провинции Квебек, хотя и служит на протяжении многих лет определенным социальным амортизатором. В соответствии с законом 1969 г. об официальных языках в Канаде провозглашено равенство английского и французского языков во всех сферах федеральной юрисдикции: право обращаться в федеральные учреждения на любом из упомянутых языков; обязанность знать оба языка при поступлении на госслужбу; низкая доля франкоканадцев в госаппарате приводилась в соответствие с их долей в численности населения; внедрялись двуязычные торговые марки; вводились

квоты на франкоязычные радио – и телепередачи[734]. Конституционным актом Канады 1982 г. установлено, что английский и французский языки признаются официальными языками страны, обладающими одинаковым статусом, равными правами и привилегиями при использовании в государственных органах. Причем в провинции Квебек французский язык провозглашен как единственный официальный язык. По мнению К.Ю.Барановского, сохранность французского языка рассматривается квебекскими националистами в качестве «индикатора живучести квебекского этноса, его неподатливости ассимиляционным процессам»[735].

Как считает В.В.Тищенко, на территории Канады сложились два народа - англо-канадцы и франко-канадцы, а не просто этнические группы, обладающие культурными различиями. И, соответственно, делается вывод о необходимости их официального признания и предоставления определенных прав, в том числе наличия механизма участия на политической арене.[736] И.Н.Ившина исходит из целесообразности придать «высшую юридическую силу» нормам, закрепляющим «перечень исключительных полномочий федерального центра и субъектов федерации – в целях обеспечения территориальной целостности государства и иные принципиальные моменты»[737]. Иногда подвергается сомнению и сам федеративный характер Канады, рассматриваемой в качестве «квазифедерации» - «как федеративной со значительными унитарными модификациями, и как унитарной с существенными федералистскими чертами» (К.Уайр)[738].

Верховный Суд Канады не раз обращался к вопросу о допустимости отделения Квебека, на чем в течение продолжительного времени настаивали сепаратисты, апеллируя при этом к принципам самоопределения и приоритета

---

[734] См. Белоусова Е.В. Государственно-правовое регулирование национальных отношений в Канаде. «правоведение». 1992. №6.
[735] Барановский К.Ю. Квебек после выборов: квебекский кризис на современном этапе. США: экономика, политика, идеология. 1995. №1. С.99.
[736] См. Тищенко В.В. Территориально-государственное устройство Канады: Историко-правовой аспект. «Вестник Волжского университета имени В.Н.Татищева». 2019. Т.1. №3.
[737] Ившина И.Н. Становление и развитие канадского федерализма. Киров. 2007. С.25
[738] См. Современный буржуазный федерализм. Отв. ред. Вайль И.М., Левин И.Д. М., 1978. С. 95.

международного права над национальным. Анализируя ситуацию, Суд выделил четыре основных конституционных принципа, имевших, по его мнению, непосредственное отношение к разрешению вопроса: федерализм, конституционализм, верховенство права и уважение прав меньшинств. По мнению Суда, и один из этих принципов не может быть определен в изоляции от других и не может блокировать или исключить действие любого из них[739]. На практике федеральный центр пытался разделить государственные цели на интересы национального и регионального уровней. В итоге Суд пришел к выводу, что суть современного канадского федерализма состоит в вопросе баланса: если слишком много полномочий забирает центр – получается унитарное государство, а если регионы, то теряется сам смысл создания федерации.

В 1998 г. Верховным Судом было принято единодушное решение: одностороннее отделение (сецессию) провинции считать противозаконным и несовместимым с Конституцией[740]. Решение высшего судебного органа страны не дало ответа на другие вопросы, связанные с самоопределением – о субъектах права на самоопределение и о возможных формах его реализации. Суд сконцентрировался именно на вопросах сецессии и роли государства в этом процессе, а другие возможные формы (территориальная и национально-культурная автономии) оказались вне его внимания.

Использование курдского языка на конституционном уровне запрещено в Турции, статья 42 (п.8) который гласит, что «никакой язык, кроме турецкого, не должен преподаваться в качестве родного языка турецким гражданам в любых образовательных учебных учреждениях». Это является нарушением пусть и имеющего теперь лишь историческое значение, Севрского договора 1920 г., подписанного после Первой мировой войны и распада Османской империи, исходившего из автономного существования курдов, равно как и Лозаннского договора того же времени, предусматривавшего создание необходимых условий

---

[739] См. Boase J. Faces of Asymmetry: German and Canadian Federalism. Berlin. 2001. P. 104-105.
[740] См. Сафонов В.Е., Миряшева Е.В. Решение Верховного Суда Канады по вопросу сецессии провинции Квебек. // Пробелы в российском законодательстве. - 2018. -№ 4. С. 113-117.

для обучения детей «значительной части нетурецкого населения» на их родном языке. Применение курдского языка в качестве официального де-юре запрещено в Сирии. Существуют проблемы в Ираке и Иране[741].

С 1956 г. в Индии действует лингвистический принцип образования субъектов федерации («лингвистический федерализм»), в соответствии с которым в каждом штате большинство населения используют свой (коренной) или несколько языков. Построенная по такому принципу федерация изначально, как отмечает А.Н.Мочалов, мыслилась как «способ аккомодации именно наиболее крупных языковых, но не этнических или религиозных групп»[742].

В Испании, активно декларирующей языковое многообразие - предмет особого уважения и объект защиты - официальным языком провозглашен кастильский. Другие же языки в деятельности центральных учреждений не признаются, считаясь в то же время официальными в автономных сообществах согласно их законодательству. При этом национальные движения каталонцев и басков упорно добиваются придания своим языкам статуса официальных. Только в начале 90-х годов прошлого столетия во Франции был разрешен корсиканский язык для применения на уровне местного самоуправления. В соответствии с законом Финляндии “О языках” (2004 г.) государственными языками являются финский и шведский, что дает возможность гражданам страны общаться с государственными службами на одном из этих языков. Небезынтересно при этом, что на финском как на родном говорит 91% населения, а на шведском всего лишь 5%. От Правительства страны закон требует обеспечения защиты «лингвистической культурной традиции государства» и содействия обоим национальным языкам.

Как можно видеть, практика государств, отличающихся языковым многообразием далеко не однозначна. Но так или иначе, на официальном или

---

741 Мутагиров Д.З. Что и кто мешает курдскому народу реализовать свое право на самоопределение. // «Политэкс». 2020. Том. 16. №2. С. 294-295.

742 Мочалов А.Н. территориальное устройство государства как способ управления этническим многообразием (конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС). 2017. № 3. С. 165.

неофициальных уровнях практически повсеместно родной язык рассматривается как один из системообразующих элементов нации и фактор, играющий весьма заметную роль в решении вопросов самоопределения. Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие доктринальные положения о роли лингвистического фактора в процессах самоопределения: *Во-первых,* язык является одним из ключевых критериев идентификации «народа» в международном праве наряду с культурой, историей и этничностью, однако он редко выступает единственным основанием для предоставления права на внешнее самоопределение. *Во-вторых,* международное право проводит четкое различие между правами языковых меньшинств (защита в рамках существующего государства) и правом народов на самоопределение, которое может включать сецессию лишь в исключительных случаях. *В-третьих*, языковая дискриминация теоретически может быть основанием для «спасительной сецессии», но для этого она должна достигать уровня систематического отказа в доступе к внутреннему самоопределению, а не просто проявляться в отдельных ограничениях. Легитимность сецессии на чисто лингвистической основе остается в доктрине спорной. *В-четвертых*, приоритетным направлением развития международного права является защита языковых прав в рамках существующих государств через механизмы автономии, культурного самоуправления и языковых прав меньшинств и коренных народов, что концептуализируется как внутреннее самоопределение. Таким образом, лингвистический фактор играет важнейшую роль в процессах национальной самоидентификации и может служить основанием для требований автономии и защиты культурных прав, но для легитимации сецессии (внешнего самоопределения) требуется нечто большее - доказательства систематического и неразрешимого в рамках государства угнетения, включая, но не ограничиваясь, языковой дискриминацией[743].

---

[743] См.: Каграманов А.К. *Влияние языкового многообразия на процессы самоопределения и укрепления государственности*. Государство и право. №11/2022. С.176. DOI 10.31857/S102694520015247-2

§ 4.3. Экономическое самоопределение в современном международном праве

Право народов на самоопределение традиционно воспринимается как триумф политической воли, акт декларации независимости или обретения государственного суверенитета. Однако за фасадом политических деклараций скрывается более фундаментальный и часто более оспариваемый пласт этого права — его экономическое измерение. Возможно ли самоопределение без контроля над ресурсами? Имеет ли смысл политическая свобода, если экономика территории остается заложницей иностранного капитала или колониальной модели эксплуатации? Международное право, провозгласившее в середине XX века неотъемлемый суверенитет народов над своими естественными богатствами (Резолюция 1803 (XVII) 1962 года «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами»), столкнулось с парадоксом: принцип самоопределения оказался заложником экономической прагматики государств и корпораций. Данный параграф посвящен анализу того, как право распоряжаться ресурсами превратилось из инструмента деколонизации в поле жесткой международно-правовой конфронтации, где сталкиваются императивные нормы (*jus cogens*) и реалии глобального рынка.

Доктрина. Как отмечает Шим Ён-Гю, традиционно право на самоопределение воспринималось как политическое право колониальных народов на создание собственного государства. Однако после деколонизации акцент сместился на его экономическую составляющую. Исследователь приходит к выводу о разграничении политических и экономических аспектов самоопределения. В качестве ключевого элемента, раскрывающего содержание экономического самоопределения, он рассматривает *право на развитие* (right to development). Автор приходит к выводу, что государства-участники Пактов 1966 года (включая Южную Корею) несут ответственность за принятие эффективных

национальных мер для защиты права на развитие, которое он считает сердцевиной экономического аспекта самоопределения[744].

Важное теоретическое значение для осмысления исследуемого вопроса представляет собой фундаментальный труд Е.Тырановского *«The Economic Aspects of Sovereignty and Self-Determination in Contemporary International Law. Basic Issues».* Центральный тезис работы, отраженный уже в названии, заключается в том, что суверенитет и самоопределение не могут рассматриваться изолированно от их экономического измерения. Е.Тырановский ставит перед собой задачу исследовать именно базовые вопросы этой проблематики, закладывая теоретический фундамент для дальнейших изысканий. Исследователь исходит из того, что традиционная доктрина международного права слишком долго фокусировалась на политических и правовых аспектах этих категорий, оставляя экономическую составляющую на периферии. Он стремится восполнить этот пробел, показывая, что без экономической самостоятельности политический суверенитет остается декларативным. Тырановский анализирует суверенитет не просто как верховенство государственной власти внутри страны и независимость вовне, а как категорию, наполненную экономическим содержанием. Он рассматривает: право государства свободно распоряжаться своими природными ресурсами; право определять собственную модель экономического развития без внешнего диктата; проблему экономической зависимости и ее влияния на фактическую способность государства осуществлять суверенные права. Вторая ключевая линия исследования посвящена тому, как право на самоопределение реализуется в экономической сфере. Автора интересуют вопросы соотношения права народа на самоопределение и права государства на суверенитет над ресурсами, особенно в ситуациях, когда народ стремится к отделению или автономии. Важным в его исследованиях являются экономические права народов, не создавших собственную государственность, а также влияние экономических

[744] Shim, Young-Gyoo. A Study on the Economic, Social and Cultural Rights of Self-determination in International Law - With Special Reference to the Right to Development of Article 1 of International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights -. DONG-A LAW REVIEW, 2009, P. 349-382.

факторов на процессы самоопределения (например, стремление к контролю над ресурсами как движущая сила сепаратизма). Автор рассматривает эти категории в их неразрывном единстве, доказывая, что подлинная независимость невозможна без экономической самостоятельности. Обращаясь к документам эпохи Нового международного экономического порядка и практике Международного Суда, Тырановский создает прочную доктринальную базу, которая позволяет современным исследователям глубже понимать природу конфликтов, связанных с борьбой за ресурсы и экономическую независимость в современном мире[745].

Новейшая доктрина международного права предлагает еще один подход - концепцию «репаративного самоопределения» (reparative self-determination) в контексте прав коренных народов. Эта концепция введена Декларацией ООН о правах коренных народов 2007 года (UNDRIP). Для понимания этой концепции необходимо рассмотреть отличие от классических моделей самоопределения и ее доктринальное обоснование. Термин «репаративное самоопределение» был введен в научный оборот историком М.Джонсон (Университет Сиднея) в ее исследовании, посвященном принятию Декларации ООН о правах коренных народов (UNDRIP). Джонсон анализирует, как в ходе двадцатилетних переговоров между государствами и представителями коренных народов был выработан принципиально новый подход к самоопределению, который она характеризует как «репаративный прогресс»[746]. Как отмечает Специальный докладчик ООН по правам коренных народов А.Баруме, UNDRIP — это не абстрактный дипломатический консенсус, а ответ на долгую историю санкционированных государствами несправедливостей: отрицание существования, насильственная ассимиляция, территориальная экспроприация и систематическое культурное насилие. В этом контексте Декларация понимается как «репаративный документ,

---

[745] Tyranowski, J. (2021). The Economic Aspects of Sovereignty and Self-Determination in Contemporary International Law. Basic Issues. *Przegląd Prawniczy Uniwersytetu Im. Adam Mickiewicza*, *12*, 245–264. https://doi.org/10.14746/ppuam.2021.12.09

[746] Johnson, Miranda. Journal of the History of International Law, Jg. 23 (2021), Heft 1, S. 206-228

который «не предоставляет новых прав, а признает права, которые отрицались на протяжении столетий»[747].

Ключевые характеристики репаративного самоопределения:

Отказ от государственности. В отличие от классического внешнего самоопределения, которое реализуется через создание независимого государства, репаративное самоопределение не предлагает политической независимости или суверенной государственности. Вместо этого оно настаивает на равных правах гражданства коренных народов в рамках существующих национальных государств.

Восстановление, а не разрыв. Репаративное самоопределение говорит об особой колониальной истории лишения собственности и восстановлении прав и идентичности в настоящем, но без нарушения политической преемственности государств, которые их окружают.

Признание коллективных прав. Декларация подчеркивает особые права коренных народов на землю, культуру, язык и коллективную идентичность. международное право исторически исключало коренные народы в качестве коллективных субъектов. Признание коренных народов в качестве субъектов международного права влечет за собой признание их права на идентичность, культуру и участие в политической жизни общества. Концепция репаративного самоопределения неразрывно связана с идеей репараций (восстановления справедливости) за исторические несправедливости. В докладе Специального докладчика ООН В.Таули-Корпус (A/HRC/27/52) подчеркивается, что «на протяжении всей Декларации ООН о правах коренных народов содержатся призывы к «эффективным механизмам» возмещения в связи с целым рядом прав»[748]. Предыдущий Специальный докладчик в своем первом докладе Совету по правам человека (A/HRC/9/9) охарактеризовал Декларацию в целом как

---

[747] См. The UN Declaration as a Compass for Justice. Barume, Albert. Электронный ресурс. Режим доступа: URL https://unsr.albertbarume.org/site/?p=297 Дата обращения: 19.02.2025.

[748] См. 27/52: Report of the Special Rapporteur on the rights of indigenous peoples, Victoria Tauli Corpuz. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://right-docs.uwazi.io/entity/3pv6aoia782?file=1610443385351f0uzeoy59zd.pdf&page=1 Дата обращения: 19.02.2025.

«репарационный инструмент», который «направлен на исправление продолжающихся последствий исторического отрицания права на самоопределение и других основных прав человека, подтвержденных в международных актах общего применения»[749].

Отличие от классических моделей самоопределения. Для понимания новизны концепции полезно сопоставить ее с традиционной типологией самоопределения, принятой в доктрине международного права в формах внутреннего и внешнего самоопределения. *Репаративная модель* предлагает третий путь: она признает коренные народы субъектами права на самоопределение (в отличие от простых меньшинств), но направляет это право не на создание государства, а на восстановление исторической справедливости и обеспечение культурной автономии в рамках существующих государств. Как отмечает А.Баруме, «самоопределение — это не просто принцип, это основополагающее право, которое делает возможными все остальные права. Оно позволяет коренным народам решать, как управлять собой, организовывать свои системы правосудия, образования, здравоохранения и развития. Речь идет не о сецессии или разрыве, а о достойном участии»[750].

Практическое значение. Репаративное самоопределение реализуется через конкретные механизмы, закрепленные в UNDRIP: Право на автономию или самоуправление во внутренних и местных делах (статья 4); Право сохранять и укреплять свои особые политические, правовые, экономические, социальные и культурные институты (статья 5); Право на свободное, предварительное и осознанное согласие (FPIC) при принятии решений, затрагивающих их права; Право на возмещение за земли и ресурсы, изъятые без согласия.

Как представляется главный теоретический изъян концепции заключается в том, что с одной стороны, репаративное самоопределение провозглашает особые коллективные права коренных народов на земли, ресурсы и культурную

---

[749] См. A/HRC/9/9: Доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов С. Джеймса Анайи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.un.org/ru/A/HRC/9/9 (дата обращения: 19.02.2025)

[750] Там же.

автономию, а с другой, оно настаивает на сохранении этих народов в составе существующих государств и признании равных прав гражданства для всех индивидов. Исторические несправедливости не создают длящихся обязательств, которые невозможно погасить изменением обстоятельств. Если на территориях, некогда принадлежавших исключительно коренному народу, сегодня проживают поколения других людей, не имеющих отношения к первоначальному изъятию земли, то предоставление коренному народу особых прав создает новую несправедливость - уже по отношению к этим «пришлым» жителям. Концепция репаративного самоопределения не предлагает убедительного решения этой дилеммы, ограничиваясь декларацией «особых прав», что на практике ведет к межэтнической напряженности.

Концепция страдает от фундаментальной неопределенности ключевых понятий. Кто именно квалифицируется как «коренной народ», имеющий право на репаративное самоопределение? Каковы хронологические границы исторических несправедливостей, подлежащих исправлению? Как долго сохраняется право на репарации и не «утрачивает ли оно силу» по прошествии столетий? Эта неопределенность создает питательную среду для политических манипуляций. Как показывает практика, государства, которые на словах поддерживают права коренных народов, на деле используют размытость критериев для продвижения «лояльных» представителей и блокирования доступа независимых активистов к международным механизмам. Концепция, задуманная как инструмент освобождения, превращается в инструмент контроля в руках государственной бюрократии. Главный критический аргумент заключается в том, что репаративное самоопределение в его нынешнем виде является скорее символическим жестом, чем реальным механизмом восстановления справедливости. Оно признает факт исторических несправедливостей, но не предоставляет действенных инструментов для их исправления.

Право на земли и ресурсы, провозглашенное в Декларации, остается декларативным, поскольку реальный контроль над недрами сохраняется за государствами. Механизм «свободного, предварительного и осознанного

согласия» на практике часто игнорируется, а когда соблюдается — используется для легитимации уже принятых решений. Концепция обещает «восстановление», но не создает механизмов, которые могли бы противостоять экономическим интересам государств и корпораций. Это превращает репаративное самоопределение в инструмент управления ожиданиями, а не в инструмент реальных изменений. Существенным недостатком концепции является ее полная зависимость от доброй воли государств. Поскольку репаративное самоопределение сознательно конструировалось как «нереволюционное» и не угрожающее территориальной целостности, оно не создает эффективных механизмов принуждения государств к соблюдению его принципов. Несмотря на все заверения в «репаративности» и отсутствии претензий на независимость, концепция репаративного самоопределения сохраняет внутреннее напряжение с принципом территориальной целостности государств. Признание за коренными народами особых прав на земли и ресурсы, отличных от прав остального населения, создает предпосылки для будущих территориальных споров.

Наконец, критического осмысления требует сам процесс принятия Декларации. Тот факт, что против нее голосовали такие разные государства, как Россия, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия (все они впоследствии присоединились, но с оговорками), свидетельствует о том, что концепция репаративного самоопределения не отражает реального консенсуса в международном сообществе. Голосование в Совете ООН по правам человека в 2006 году (только 30 из 47 государств-членов поддержали Декларацию) показывает, что многие страны испытывали и испытывают серьезные сомнения в отношении ее положений. Концепция, выдаваемая за универсальное достижение, на самом деле отражает взгляды относительно узкой группы акторов и навязывается остальному миру через механизмы «мягкого права». Это подрывает ее легитимность и практическую применимость в различных культурных и правовых контекстах[751].

---

[751] Каграманов А.К. Экономичечкие аспекты самоопределения в современном международном праве. Международный правовой курьер. Электронное сетевое издание. Режим доступа: https://inter-legal.ru/ekonomicheskie-aspekty-samoopredeleniya-v-sovremennom-mezhdunarodnom-prave#_ftn4

Нормативная база. Ключевые правовые источники закрепляют следующие принципы:

Пункт 2 общей статьи 1 Международных пактов о правах человека (1966 г.) гласит: *«Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами...»*. Это положение устанавливает прямую связь между самоопределением и правом на экономическое развитие;

Декларация о праве на развитие в преамбуле «напоминая о праве народов на самоопределение, в соответствии с которым все народы имеют право на свободное определение своего политического статуса и осуществление своего экономического, социального и культурного развития, подтверждает в п.2, ст.1 «положениям обоих Международных пактов о правах человека осуществление их неотъемлемого права на полный суверенитет над всеми своими природными богатствами и ресурсами»;

Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, в частности Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960 г.) и Декларация о принципах международного права (1970 г.), подтверждают, что принцип самоопределения включает право народов свободно распоряжаться своим богатством;

Принцип неотъемлемого суверенитета над природными ресурсами, который, по мнению исследователей, стал обычной нормой международного права и основой экономического аспекта самоопределения.

Эти нормы были развиты в концепции **Нового международного экономического порядка (НМЭП)**[752] в 1970-х годах, которая, хоть и не стала обязательным договором, отразила стремление развивающихся стран (бывших колоний) к экономической независимости наравне с политической.

Судебная практика. Наиболее острые дискуссии и правовые коллизии

---

[752] См. Резолюция ГА ООН 3201/S-VI от 1 мая 1974 года «Декларация об установлении нового экономического порядка». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://base.garant.ru/2565469/ (дата обращения: 24.02.2026)

сегодня возникают вокруг вопроса о том, кто и на каких условиях может давать согласие на экономическую эксплуатацию территории, народ которой еще не реализовал свое право на самоопределение. Важнейший прецедент в этой сфере создан недавним решением Суда ЕС по делу «Фронт Полисарио II» (октябрь 2024 г.), касающемуся Западной Сахары[753]. Это дело блестяще иллюстрирует, как экономические аспекты (торговля, рыболовство, добыча ресурсов) сталкиваются с принципом самоопределения. Суд ЕС установил несколько фундаментальных положений:

Во-первых, народ как носитель права, а не просто население. Суд четко разделил понятия «население, проживающее на территории» и «народ, имеющий право на самоопределение». Для Западной Сахары таким народом признаны коренные сахрави, включая диаспору и беженцев, а не нынешнее население, сформировавшееся в результате политики оккупирующей державы (Марокко). Это означает, что согласие на экономическую деятельность должно быть получено именно от этого народа, а не от местных властей, подконтрольных государству-оккупанту.

Во-вторых: *принцип относительности договоров (pacta tertiis).* Суд подтвердил, что народ, борющийся за самоопределение, является «третьей стороной» по отношению к договорам, заключаемым между государствами. Такие договоры (например, о торговле или рыболовстве) не могут создавать для этого народа обязательства или лишать его прав без его согласия. И наконец, в-третьих, *тест на «подразумеваемое согласие» через выгоду.* Суд ЕС допустил, что согласие народа может быть не только явным, но и подразумеваемым. Однако для этого необходимо соблюдение жесткого условия: народ должен получать *«конкретную, ощутимую, существенную и поддающуюся проверке выгоду»* от эксплуатации своих ресурсов. Эта выгода должна быть пропорциональна степени эксплуатации и сопровождаться гарантиями устойчивого развития и контроля.

---

[753] См. Commission v Front Polisario (C-778/21 P, C-798/21 P, C-779/21 P, C-799/21 P), Judgment, ECLI:EU:C:2024:835. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62021CJ0778 (дата обращения: 24.02.2026)

Именно последний пункт вызывает наибольшую критику. Хотя формально он направлен на защиту интересов народа, на практике он создает риск подмены понятий: «выгода» может быть использована как замена прямому политическому согласию[754]. Предполагается, что если народ получает экономические блага (инфраструктуру, рабочие места, роялти), то он якобы подразумеваемо согласен на эксплуатацию его ресурсов иностранным государством или компаниями. Это игнорирует тот факт, что народ может принципиально выступать против любой экономической активности под эгидой оккупирующей державы, стремясь к полному политическому и экономическому суверенитету. Следующая критика заключается в навязывании модели развития. Такой подход, как отмечают эксперты, навязывает народу «капиталистически ориентированную модель», предполагая, что экономический рост является единственной или главной ценностью. Он не учитывает возможный выбор народа в пользу иной модели развития, не связанной с интенсивной эксплуатацией его земли[755]. Озабоченность распределением выгод от эксплуатации может невольно легитимировать саму эксплуатацию, которая происходит в условиях незаконной военной оккупации или колониальной зависимости. В этой связи проблема смещается с вопроса о праве на суверенитет на вопрос об условиях его нарушения.

С точки зрения международного права, существует еще более сложная проблема: концепция экономического самоопределения остается расплывчатой и недостаточно разработанной. Исследователи в рамках подхода *«Третий мир и международное право» (TWAIL)* указывают, что после деколонизации западные государства и транснациональные корпорации успешно «размыли» этот принцип[756]. Механизмы международного инвестиционного права и договоры о защите иностранных инвестиций часто вступают в противоречие с правом народов

---

[754] Benefit v Consent: CJEU's Front Polisario II Judgment and the Law of Self-Determination By Andrea Maria Pelliconi and Jed Odermatt *Published on 15 November 2024.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cil.nus.edu.sg/blogs/benefit-v-consent-cjeus-front-polisario-ii-judgment-and-the-law-of-self-determination/#content (дата обращения 24.02.2026).

[755] Ibid.

[756] O. Okafor (2005). «Newness, Imperialism, and International Legal Reform in Our Time: A TWAIL Perspective», Osgoode Hall Law Journal 43(1 & 2), p. 177.

на самоопределение. В результате, бывшие колонии сталкиваются с трудностями в отстаивании своего суверенитета над ресурсами в международных арбитражах, где доминируют *нормы*, защищающие права инвесторов.

Научные выводы. Проведенный анализ доктрины, нормативной базы и судебной практики позволяет сформулировать следующие научные выводы:

Доктринальная эволюция и расщепление понятия. В науке международного права произошло концептуальное разделение политического и экономического аспектов самоопределения. Если классическая доктрина (эпоха деколонизации) рассматривала самоопределение прежде всего как обретение государственности, то современные исследования (Шим Ён-Гю, Е. Тырановский) обосновывают его неразрывную связь с правом на развитие и постоянным суверенитетом над природными ресурсами. Экономическое самоопределение перестало быть производным от политического, обретя самостоятельное нормативное содержание.

Самоопределение как категория с экономическим содержанием. Фундаментальный вывод, обоснованный в трудах Е.Тырановского, заключается в том, что суверенитет и самоопределение не могут рассматриваться изолированно от их экономического измерения. Политическая независимость без экономической самостоятельности (права свободно распоряжаться ресурсами, определять модель развития, противостоять внешнему диктату) является декларативной. Экономическая зависимость напрямую влияет на фактическую способность государства (или народа) осуществлять суверенные права.

Возникновение «репаративной» модели самоопределения. В доктрине и практике, особенно в связи с принятием Декларации ООН о правах коренных народов (UNDRIP) 2007 года, сформировалась концепция «репаративного самоопределения» (М. Джонсон, А. Баруме). Ее специфика заключается в отказе от сецессии как цели: право на самоопределение реализуется через автономию, особые коллективные права (на земли, культуру) и механизм свободного, предварительного и осознанного согласия (FPIC), будучи направленным на восстановление исторической справедливости в рамках существующих государств.

Выявление критических недостатков репаративной модели. Несмотря на прогрессивность, репаративная модель обладает существенными теоретическими изъянами и рисками:

Дилемма справедливости: Предоставление особых прав коренным народам (например, на ресурсы) на территориях, где исторически проживают поколения «пришлого» населения, создает новую потенциальную несправедливость и питает межэтническую напряженность.

Нормативная неопределенность: Отсутствие четких критериев идентификации «коренного народа» и хронологических границ «исторических несправедливостей» делает концепцию уязвимой для политических манипуляций.

Символический характер и зависимость от государств. Репаративное самоопределение, будучи «нереволюционным» и не угрожающим территориальной целостности, не создает действенных механизмов принуждения. Права на земли и ресурсы остаются декларативными, а принцип FPIC часто используется для легитимации уже принятых решений, что превращает концепцию в инструмент управления ожиданиями, а не реального восстановления справедливости.

Коллизия норм и проблема согласия в современной практике. Анализ прецедентного права (Решение Суда ЕС по делу «Фронт Полисарио II», 2024 г.) выявляет ключевую проблему современного этапа: попытку заменить прямое политическое согласие народа на экономическую эксплуатацию его территории критерием «получения выгоды». С одной стороны, Суд ЕС установил важный принцип: народ, обладающий правом на самоопределение (включая диаспору), является самостоятельным субъектом, чье согласие необходимо для заключения экономических соглашений, и таковые не могут быть ему навязаны государствами (*pacta tertiis*). С другой стороны, введение теста на «конкретную, ощутимую и существенную выгоду» создает риск подмены понятий. Получение экономических благ (инфраструктура, роялти) в условиях оккупации или зависимости не может считаться эквивалентом свободного волеизъявления. Такой подход невольно легитимирует саму эксплуатацию, смещая фокус с вопроса о праве на суверенитет

на вопрос об условиях его нарушения и навязывая народу капиталистическую модель развития как единственно возможную.

Критика с позиций TWAIL. Исследователи школы «Третий мир и международное право» (TWAIL) убедительно доказывают, что после деколонизации принцип экономического самоопределения был целенаправленно «размыт». Механизмы международного инвестиционного права, защищающие права иностранных инвесторов, часто вступают в противоречие с правом народов на самоопределение, ставя бывшие колонии в заведомо невыгодное положение в международных арбитражах и консервируя неоколониальные модели зависимости[757].

[757] См.:Каграманов А.К. Указ. соч.

§ 4.4. Формирование правовых позиций и доктрины международных и национальных судебных учреждений в части права на самоопределение

Практика международных и национальных судебных органов по вопросам самоопределения народов охватывает более чем полуторавековой период — от первого послевоенного урегулирования статуса американских штатов, пытавшихся выйти из состава Союза, до современных консультативных заключений, касающихся продолжительной оккупации палестинских территорий. За это время накоплен значительный массив правовых позиций, которые при всей их юрисдикционной разобщенности позволяют реконструировать устойчивые подходы к ключевым проблемам: кто является субъектом права на самоопределение, при каких условиях это право может быть реализовано в форме отделения, каковы правовые последствия его нарушения и какова роль третьих государств в защите этого права.

Настоящий анализ построен исходя из предметной классификации. Четырнадцать дел, рассмотренных Международным Судом ООН, Судом Европейского Союза, международными арбитражами, Верховными судами США, Канады, Великобритании, Конституционными судами Испании и России, а также Европейским судом по правам человека, распределены по пяти тематическим разделам. Каждый раздел посвящен определенной правовой проблеме, и в его рамках прослеживается эволюция судебной аргументации.

Раздел I. СТАНОВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ

Первый и основополагающий блок судебной практики связан с процессами деколонизации, развернувшимися после Второй мировой войны. Именно в рамках этой категории дел международные судебные органы сформулировали базовые характеристики права на самоопределение, определили его субъектный состав и установили иерархию с принципом территориальной целостности.

1.1. Консультативное заключение Международного Суда ООН по Намибии (1971 год)[758].

Дело Намибии стало поворотным моментом в признании права на самоопределение в качестве полноценной юридической нормы. Исторические корни этого дела восходят к колониальному разделу Африки, когда территория Юго-Западной Африки была провозглашена германским протекторатом. После Первой мировой войны Версальский договор учредил мандатную систему Лиги Наций, и Юго-Западная Африка была передана под управление Южно-Африканского Союза как мандат категории «С», что предполагало управление территорией как «неотъемлемой частью» территории мандатария.

После Второй мировой войны и роспуска Лиги Наций возник вопрос о судьбе мандатных территорий. Устав ООН учредил новую систему опеки, предусматривающую преобразование мандатов в подопечные территории по соглашению между государством-мандатарием и ООН. Однако Южная Африка отказалась передать Юго-Западную Африку под систему опеки и в 1949 году фактически аннексировала территорию. В ответ на эти действия Генеральная Ассамблея ООН неоднократно обращалась в Международный Суд.

В консультативном заключении 1950 года Суд подтвердил, что мандат продолжает существовать, а Южная Африка сохраняет международные обязательства по его выполнению. Суд тогда указал, что мандат был создан «в интересах жителей территории и человечества в целом как международное установление с международной целью — священная миссия цивилизации». Два основополагающих принципа, по мнению Суда, лежали в основе мандатной системы: во-первых, мандатарий не вправе аннексировать территорию, и во-

---

[758] См.: *Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970) (Advisory Opinion)* [1971] ICJ Rep 16. Режим доступа: URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf С.98. (дата обращения: 05.01.2026)

вторых, благосостояние и развитие народов территории составляют самую суть священной миссии цивилизации[759].

Решающий поворот произошел в 1966 году. Эфиопия и Либерия как бывшие члены Лиги Наций инициировали против Южной Африки судебное разбирательство, утверждая, что политика апартеида нарушает мандатные обязательства. Однако Суд, к разочарованию международного сообщества, отказался рассматривать дело по существу, постановив, что истцы не обладают достаточной юридической заинтересованностью. Всего через три месяца после этого решения Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 2145, которой впервые в своей истории объявила о прекращении мандата в связи с невыполнением Южной Африкой своих обязательств.

Когда Южная Африка отказалась выполнять решения Ассамблеи, Совет Безопасности обратился в Международный Суд с запросом о правовых последствиях продолжения присутствия Южной Африки в Намибии. Консультативное заключение 1971 года стало кульминацией этого процесса. Суд, подтвердив законность резолюции 2145, постановил, что присутствие Южной Африки в Намибии является незаконным, и определил правовые последствия этого для всех государств[760].

Особое значение для доктрины имело особое мнение судьи Ф.Аммуна, который представил глубокий анализ соотношения мандатной системы с принципом самоопределения. Судья Ф.Аммун аргументировал, что мандатная система с самого начала была пронизана идеей самоопределения, хотя и не называла ее прямо. «Священная миссия цивилизации», по его мнению, была лишь временной мерой, конечной целью которой являлось именно самоопределение народов подмандатных территорий. Эта интерпретация позволила рассматривать право на самоопределение не как новую норму, появившуюся после принятия

---

[759] См.: International Status of South-West Africa [Advisory Opinion] [1950] ICJ Rep 128, 143; Voting Procedure on Questions relating to Reports and Petitions concerning the Territory of South-West Africa [Advisory Opinion] [1955] ICJ Rep 67, 73; Admissibility of Hearings of Petitioners by the Committee on South West Africa [Advisory Opinion] [1956] ICJ Rep 23, 26).

[760] См.: UNGA Res 2145 (XXI) 'Question of South West Africa' (27 October 1966) GAOR 21st Session Supp 16, 2.

Устава ООН, а как имплицитный принцип, существовавший с момента учреждения мандатной системы. Намибийское дело утвердило несколько фундаментальных положений. Во-первых, Суд подтвердил, что право на самоопределение является неотъемлемым правом народа Намибии, признанным в резолюции 1514 Генеральной Ассамблеи и последующих резолюциях. Во-вторых, дело установило важнейший принцип о невозможности приобретения прав в результате противоправного деяния — ex injuria jus non oritur. Суд подтвердил, что, несмотря на фактическое осуществление Южной Африкой контроля над территорией на протяжении десятилетий, этот контроль не породил никаких законных прав. В-третьих, намибийское дело сформировало доктрину обязательств третьих государств в ситуации незаконной оккупации: все государства обязаны воздерживаться от любых действий, подразумевающих признание законности присутствия Южной Африки или оказывающих ей содействие в сохранении контроля над территорией[761].

1.2. Консультативное заключение Международного Суда ООН по Западной Сахаре (1975 год)[762]

Дело Западной Сахары развило и конкретизировало положения, сформулированные в намибийском заключении. История конфликта берет начало в 1884 году, когда Испания объявила протекторат над этим прибрежным регионом, а в 1958 году официально объединила северную и южную части в колонию Испанская Сахара. Коренное кочевое население сахарави на протяжении десятилетий оказывало сопротивление колонизаторам. В 1973 году был создан фронт ПОЛИСАРИО, начавший партизанскую войну против испанцев.

В 1974 году Генеральная Ассамблея ООН обратилась в Международный Суд с просьбой дать консультативное заключение о статусе территории на момент

---

[761] См. Право народа Намибии на самоопределение и международно-правовое обеспечение ее безопасности после достижения независимости. Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10 / Хандупула Шимутыкени - М., 1985. - 206 с.

[762] См. *Western Sahara, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1975, p. 12.* Режим доступа: URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf. С.125. (дата обращения: 05.01.2026)

колонизации и ее связях с соседними государствами. Запрос касался двух вопросов: являлась ли Западная Сахара на момент испанской колонизации terra nullius, и существовали ли правовые связи между этой территорией и Королевством Марокко или Мавританским образованием. Суд постановил, что Западная Сахара не являлась terra nullius, поскольку была населена народами, обладавшими социальной и политической организацией. Однако наиболее важным для доктрины самоопределения стал параграф 162 Заключения. Суд указал, что даже если существовали отдельные «правовые связи верности» между султаном Марокко или Мавританским образованием и племенами территории, эти связи не являются связями территориального суверенитета и не могут препятствовать применению принципа самоопределения. Воля населения, свободно выраженная, имеет приоритет над любыми историческими притязаниями.

Судья Н.Сингх в своей декларации подчеркнул, что самоопределение есть основа, требующая аутентичного выражения воли населения. Он указал, что отсутствие расчленения существовавшего ранее единого государства колонизатором означает, что ситуация не подпадает под действие параграфа 6 резолюции 1514, который требует восстановления национального единства. Однако сами по себе исторические связи должны учитываться при формулировании опций референдума: населению могут быть предложены варианты интеграции, свободной ассоциации или независимости. Таким образом, Суд не просто констатировал примат самоопределения, но и указал на необходимость учета юридических связей при формировании вопросов референдума, не подменяя этим волеизъявление[763]. Доктринальное значение этого заключения трудно переоценить. Право сахарского народа на самоопределение утвердилось как императивная норма международного права именно начиная с этого Заключения. Более того, доктрина проводит прямые параллели между выводами Суда по Западной Сахаре и его более поздними

[763] См.: Déclaration de M. Nagendra Singh, juge (traduction, telle que reproduite immédiatement après l'avis consultatif) Режим доступа: URL: https://www.icj-cij.org/index.php/fr/node/141793 (дата обращения: 05.01.2026)

заключениями по Палестине. Все они развивают единую логику: длительная оккупация, аннексия и создание поселений не могут аннулировать право народа на самоопределение, которое было подтверждено Судом.

1.3. Консультативное заключение Международного Суда ООН по архипелагу Чагос (2019 год)[764]

Отделение Чагоса от Маврикия в 1965 году и создание Британской территории в Индийском океане является юридически ничтожным *ab initio*, поскольку было совершено до предоставления независимости, без свободного волеизъявления населения и в нарушение резолюции ГА ООН 1514 (XV), закрепившей принцип территориальной целостности несамоуправляющихся территорий. Согласие колониальной администрации Маврикия, данное на Ланкастер-хаусской конференции, не имело международно-правовой силы. Таким образом, Маврикий никогда не утрачивал суверенитет над архипелагом, а присутствие Великобритании после 1968 года является длящимся международно-противоправным деянием, которое не может быть легализовано давностью в силу принципа *ex injuria jus non oritur*. Международный Суд в Консультативном заключении 2019 года однозначно подтвердил, что деколонизация Маврикия не была завершена, а Великобритания обязана вывести свою администрацию. Резолюция ГА ООН 73/295 потребовала устранить любые препятствия для репатриации чагоссцев. Однако принудительное выселение всего коренного населения в 1967–1973 годах и последовавший пятидесятилетний запрет на возвращение квалифицируются как грубые и длящиеся нарушения Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 12 — право на въезд в свою страну), Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (ст. 15 — право на участие в культурной жизни) и

[764] См.: *Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2019, p. 95* https://icj-cij.org/index.php/node/105778

Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (ст. 5(d)(ii)).

В Соглашении от 22 мая 2025 года между Маврикием и Великобританией, последняя впервые признала незаконность своей многолетней колониальной администрации и передало суверенитет над спорной территорией[765]. С одной стороны, оно позитивно тем, что впервые формально признаёт суверенитет Маврикия над всем архипелагом, включая Диего-Гарсию, содержит акт сатисфакции и предусматривает частичную реституцию (возможность репатриации на внешние острова) и частичную компенсацию. С другой стороны, Соглашение юридически закрепляет запрет на возвращение чагосцев на Диего-Гарсию — их историческую родину и центр культурной идентичности — и передаёт Великобритании право осуществления властных полномочий на этом острове на 99 лет с возможностью продления ещё на 40. Британский имплементационный акт дополнительно сохраняет действие Иммиграционного ордонанса 1971 года для Диего-Гарсии, что делает запрет на возвращение бессрочным и закреплённым во внутреннем праве государства, фактически контролирующего территорию. Комитет по ликвидации расовой дискриминации в декабре 2025 года констатировал, что запрет репатриации на Диего-Гарсию представляет собой расовую дискриминацию и несовместим с международными обязательствами сторон. Комитет также указал на отсутствие свободного, предварительного и осознанного согласия чагоссцев при заключении Соглашения, что нарушает их право на самоопределение как непрерывное право народа, а не только однократный акт обретения независимости государством.

С точки зрения права на самоопределение, ситуация парадоксальна: государственный суверенитет Маврикия признан, но народ чагоссцев по-прежнему лишён возможности вернуться на свою землю. Суверенитет обременён сервитутом

[765] Agreement between the United Kingdom and Mauritius Concerning the Chagos Archipelago Including Diego Garcia. International Legal Materials , Volume 64 , Issue 6 , December 2025 , pp. 1432 - 1454 DOI: https://doi.org/10.1017/ilm.2025.10115

в пользу бывшей метрополии, установленным без участия перемещённого населения. Резолюция ГА ООН 73/295, требовавшая полного и безоговорочного вывода администрации и устранения всех препятствий для репатриации, не выполнена: колониальная администрация не выведена, а переоформлена в договорной режим; препятствия устранены не полностью. В силу обязательств *erga omnes*, вытекающих из права на самоопределение, все государства обязаны не признавать законность ситуации, созданной данным Соглашением в части, нарушающей права чагоссцев.

Итог для доктрины. Во-первых, Суд окончательно подтвердил, что право на самоопределение к моменту отделения Чагоса от Маврикия в 1965–1968 годах уже сложилось как норма обычного международного права, обязательная для всех государств. Суд постановил, что Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1514 (XV) от 1960 года) носила не просто рекомендательный, а декларативный характер, закрепив уже существующую обычную норму. При этом Суд не стал углубляться в вопрос о том, была ли Великобритания «постоянным противником» (persistent objector) этой нормы, фактически признав, что в случае jus cogens такая категория неприменима. Во-вторых, Суд дал развернутое толкование субъекта права на самоопределение. Он исходил из того, что субъектом этого права является все население административно-территориальной единицы, находившейся под колониальным управлением — в данном случае бывшей британской колонии Маврикий, в состав которой входил и архипелаг Чагос. Для вывода о том, что жители острова Маврикий и архипелага Чагос (находящихся на расстоянии более двух тысяч километров друг от друга) являются единым народом, Суд не исследовал наличие между ними языковой, культурной, экономической или этнической общности. Решающим фактором стал факт вхождения обеих территорий в состав одного колониального владения.

В-третьих, Суд установил неразрывную связь права на самоопределение с принципом территориальной целостности несамоуправляющейся территории. Суд постановил, что колониальная держава не имеет права отделять часть

колониальной территории до предоставления независимости, если это не является результатом свободно выраженной и подлинной воли народа этой территории. Отделение Чагоса от Маврикия в 1965 году было признано незаконным, поскольку оно нарушило территориальную целостность колонии накануне обретения ею независимости.

В-четвертых, доктринальный итог касается последствий нарушения права на самоопределение. Суд квалифицировал продолжающееся управление Великобританией архипелагом Чагос как длящееся международно-противоправное деяние, влекущее международную ответственность государства. Поскольку уважение права на самоопределение является обязательством erga omnes (обязательством в отношении всех), все государства имеют правовой интерес в защите этого права и обязаны сотрудничать с ООН для завершения деколонизации Маврикия. Наконец, заключение Суда обозначило приоритет прав человека и права на самоопределение над соображениями безопасности и военными интересами.

Выводы по разделу I. В рамках деколонизационной парадигмы суды сформировали устойчивое нормативное ядро. Право на самоопределение утвердилось как императивная норма и обязательство erga omnes. Субъект права определяется не этнической или культурной общностью, а границами колониального владения на момент начала процесса деколонизации — принцип uti possidetis. Отделение части территории без волеизъявления населения является юридически ничтожным ab initio. Исторические связи с соседними государствами, даже если они подтверждены, не могут преодолеть волю народа, свободно выраженную на референдуме.

Раздел II. ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНОСТРАННОЙ ОККУПАЦИИ И АННЕКСИИ

Второй блок судебной практики связан с распространением логики деколонизации на ситуации, формально не подпадающие под классическое

определение колониализма, но характеризующиеся иностранной оккупацией, аннексией и систематическим нарушением прав коренного населения.

2.1. Дело Восточный Тимор (Международный Суд ООН, Португалия против Австралии, 1995 год)[766]

История Восточного Тимора трагична. В XVI веке на острове обосновались португальцы, разделившие его с голландцами. В 1974 году португальская революция запустила процесс деколонизации, но в 1975 году на острове вспыхнула гражданская война, победу в которой одержал левый Революционный фронт за независимость Восточного Тимора, провозгласивший независимость 28 ноября 1975 года. Однако уже 7 декабря Индонезия начала полномасштабное военное вторжение, а 17 июля 1976 года официально аннексировала территорию, объявив ее своей 27-й провинцией. Аннексия не была признана ООН. Последовавшие 24 года оккупации сопровождались жестокими репрессиями и гибелью, по разным оценкам, от 100 до 250 тысяч человек — почти трети довоенного населения.

В 1991 году Португалия, которую ООН продолжала рассматривать как административную державу Восточного Тимора, подала иск против Австралии в Международный Суд. Причина заключалась в том, что в 1989 году Австралия заключила с Индонезией договор о разработке ресурсов континентального шельфа в так называемой Зоне сотрудничества Тиморского ущелья, фактически признав тем самым индонезийский суверенитет над оккупированной территорией.

Первый вывод (материально-правовой). Суд однозначно признал: «право народов на самоопределение имеет характер erga omnes». Суд сослался на свою предшествующую практику (Намибия, Западная Сахара) и подтвердил, что самоопределение является «одним из существенных принципов современного международного права». Это положение цитируется всеми последующими инстанциями, включая Суд ЕС в деле *Front Polisario*[767]. *Второй вывод*

---

[766] *East Timor (Portugal v. Australia), Judgment, I.C.J. Reports 1995, p. 90* Режим доступа: URL: https://www.icj-cij.org/case/84 (дата обращения: 05.01.2026)

[767] https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:62016CJ0104_SUM

(процессуально-юрисдикционный). Несмотря на признание нормы *erga omnes*, Суд отказался рассматривать дело по существу. Суд применил доктрину, установленную в деле *Monetary Gold* (1943)[768]: Суд не может выносить решение о законности поведения государства, если это решение неизбежно потребовало бы оценки законности поведения третьего государства (Индонезии), не являющегося стороной процесса и не давшего согласия на юрисдикцию. Критически важна формулировка Суда: «Каков бы ни был характер обязательств, на которые ссылаются, Суд не может выносить решение о законности поведения государства, если это решение подразумевает оценку законности поведения другого государства, не участвующего в деле».

Особое мнение судьи Г.Веерамантри подвергло резкой критике такой подход. Он указал, что право erga omnes представляет собой серию отдельных прав против каждого конкретного государства. Право против Австралии и право против Индонезии являются независимыми. Отказ в юрисдикции по делу против Австралии на том основании, что Индонезия не участвует, лишает доктрину erga omnes практического эффекта: государство-нарушитель может быть защищено от ответственности простым неучастием третьего государства в процессе. Судья Н.Ранжева также поставила вопрос: можно ли транспонировать правило Monetary Gold на случаи, когда речь идет об объективных правах, противопоставимых erga omnes? По ее мнению, оставление этого вопроса без разъяснения не отвечает требованию предсказуемости правосудия[769].

Доктринальное значение дела Восточного Тимора огромно. Во-первых, Суд

---

[768] (Monetary Gold Removed from Rome in 1943, Italy v. France, UK and US, 1954). Дело «Монетарное золото» — прецедент, сформулировавший фундаментальное ограничение юрисдикции Международного Суда (МС): «принцип отсутствующей необходимой третьей стороны» (indispensable third party rule). Анализ строится вокруг трех осей: *факты и процедурный казус*, *ratio decidendi* и *эволюция принципа в современном праве* – «Суд не может осуществлять юрисдикцию, даже если формально она есть между сторонами спора, когда правовая ответственность или права отсутствующего государства являются необходимым предварительным условием (*precondition*) для разрешения дела по существу».

[769] См.: WORLD COURT DIGEST /Max Planc Institute/ East Timor (Portugal v. Australia), Judgment, I.C.J. Reports 1995, p. 90. Режим доступа: URL:https://www.mpil.de/en/pub/publications/archive/wcd.cfm?fuseaction_wcd=aktdat&aktdat=102010400200.cfm (дата обращения: 06.03.2026)

подтвердил, что право народов на самоопределение сохраняется за народом даже в условиях многолетней военной оккупации и аннексии. Во-вторых, дело закрепило представление о том, что акт аннексии не имеет юридической силы и не может погасить право народа на независимость. В-третьих, с точки зрения процессуального права, дело обозначило пределы судебной защиты при нарушении прав erga omnes: даже наличие такого фундаментального обязательства не позволяет преодолеть требование о согласии государства на юрисдикцию.

2.2. Консультативное заключение Международного Суда ООН по Палестине (стена на оккупированной палестинской территории, 2004 год)[770]

Палестина представляет собой уникальный казус в практике международных судов по самоопределению народов. В отличие от дел Чагос, Восточного Тимора или Западной Сахары, палестинский случай характеризуется хронологической многослойностью судебных решений (2004, 2024), параллельным развитием консультативной и контенциозной юрисдикции, а также прямой коллизией между императивными нормами и геополитической реальностью.

В декабре 2003 года Генеральная Ассамблея ООН запросила консультативное заключение о правовых последствиях строительства Израилем стены на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим[771]. Израиль оспаривал юрисдикцию Суда и просил отказать в вынесении заключения. Суд установил три ключевых блока правовых позиций.

Первый блок касался применимого права и статуса территории. Суд подтвердил, что Четвертая Женевская конвенция применима de jure к оккупированным палестинским территориям. Суд отклонил аргумент Израиля о том, что Конвенция не применяется, поскольку Иордания и Египет не обладали суверенитетом над Западным берегом и Газой до 1967 года. Конвенция, указал Суд,

---

[770] См.: *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004 (I)* https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-178825/

[771] См.: BUREAU OF PALESTINIAN RIGHTS COMMITTEE WELCOMES ADVISORY OPINION BY INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE. Press Release GA/PAL/962 13/07/2004 https://press.un.org/en/2004/gapal962.doc.htm

применяется ко всякой оккупированной территории вне зависимости от предшествующего суверенитета[772].

Второй блок: право на самоопределение. Суд в параграфе 118 постановил, что строительство стены и сопряженный с ней режим «серьезно препятствуют осуществлению палестинским народом его права на самоопределение». Суд впервые квалифицировал право на самоопределение как норму, обладающую характером *erga omnes*, и допустил возможность его квалификации как *jus cogens* (хотя и с оговоркой о «более слабой нормативной силе по сравнению с принципом территориальной целостности»)[773]. Третий блок касался правовых последствий. Суд постановил, что Израиль обязан прекратить строительство стены, демонтировать уже возведенные участки, отменить связанные с ней законодательные акты и возместить ущерб. Суд также установил, что все государства-члены ООН обязаны не признавать незаконную ситуацию, созданную стеной, и не оказывать помощь или содействие в ее поддержании.

Заключение 2004 года стало первым случаем, когда Международный Суд непосредственно применил право на самоопределение к ситуации за пределами классической деколонизации, квалифицировав иностранную оккупацию как форму иностранного господства, подпадающую под действие Декларации 2625 (XXV). Однако данное заключение было проигнорировано Израилем и его союзниками, которые не предприняли требуемых мер.

2.3. Консультативное заключение Международного Суда ООН по Палестине (2024 год)[774]

30 декабря 2022 года Генеральная Ассамблея ООН (резолюция A/RES/77/247) запросила новое заключение по двум вопросам:

---

[772] См.: CONFLICT, COURTS, CONFUSION, COMPLEXITY AND CRIMES: PART 2 https://lawsblog.london.ac.uk/2025/01/20/conflict-courts-confusion-complexity-and-crimes-part-2/

[773] См.: Recognition of Palestinian Statehood: Politics Over Law Mirroring Modern Trends https://cilj.co.uk/recognition-of-palestinian-statehood-politics-over-law-mirroring-modern-trends/

[774] См.: *Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem, Advisory Opinion, 19 July 2024* https://www.un.org/unispal/document/report-of-the-secretary-general-icj-19dec24/

(a) Каковы правовые последствия продолжающегося нарушения Израилем права палестинского народа на самоопределение, его продолжительной оккупации, поселенческой деятельности и аннексии палестинской территории, оккупированной с 1967 года, включая меры, направленные на изменение демографического состава, характера и статуса Иерусалима, а также принятие дискриминационного законодательства? (b) Как политика и практика Израиля влияют на правовой статус оккупации и каковы правовые последствия для всех государств и ООН?[775] Суд, следуя устоявшейся практике (*Peace Treaties, Western Sahara, Chagos*), подтвердил свою компетенцию и отказался применить дискрецию для невынесения заключения. Суд отклонил шесть оснований, приведенных против вынесения заключения: (1) наличие спора без согласия одной из сторон; (2) бесполезность заключения для ГА ООН; (3) подрыв переговорного процесса; (4) ущерб работе СБ ООН; (5) недостаточность информации; (6) тенденциозность вопросов.

Судья Д.Себутинда, представляющая Кению, в несогласии убедительно критиковала решение Суда, указав на односторонность представленной информации и игнорирование сложности ситуации, включая потребности безопасности Израиля. Судья от Китая Х.Сюэ, напротив, поддержала решение, но с нюансом: она подчеркнула, что императивный характер права палестинского народа на самоопределение основана на твердом основании международного права (колониализм, иностранное подчинение, иностранное господство), а не на особых обстоятельствах израильской оккупации.

1. Квалификация права на самоопределение как jus cogens. Суд в параграфе 233 прямо постановил: *«в случаях иностранной оккупации, подобных настоящему, право на самоопределение составляет императивную норму международного права (jus cogens)».* Судья Х.Сюэ уточнила: этот императивный характер проистекает не из особых обстоятельств дела, а из применения принципа к народам, находящимся под колониализмом, иностранным

[775]См.: The Court gives its Advisory Opinion and responds to the questions posed by the General Assembly. Document Number 186-20240719-PRE-01-00-EN https://www.icj-cij.org/node/204175

подчинением и иностранным господством. Иностранная оккупация по определению является формой иностранного господства.

2. Незаконность продолжительной оккупации. Суд совершил доктринальный прорыв, установив, что сама по себе продолжительность оккупации может влиять на ее законность. Суд постановил: оккупация по определению является временной ситуацией, обусловленной военной необходимостью. Она не может передавать титула суверенитета оккупирующей державе. Однако если оккупация используется не как временная мера, а как инструмент для утверждения постоянного контроля, аннексии и фрустрации права на самоопределение, это нарушает фундаментальные принципы международного права и делает присутствие оккупирующей державы незаконным.

Суд прямо указал: *«оккупация не может использоваться таким образом, чтобы оставлять оккупированное население в состоянии неопределенности и подвешенности на неопределенный срок, отказывая им в праве на самоопределение и одновременно интегрируя части их территории в собственную территорию оккупирующей державы»*.

3. Аннексия и принцип неприменения силы. Суд установил: стремление приобрести суверенитет над оккупированной территорией, как это демонстрируют политика и практика Израиля в Восточном Иерусалиме и на Западном берегу, *противоречит запрещению применения силы*.

4. Системная дискриминация и апартеид. Суд провел детальный анализ израильского законодательства и практики и пришел к выводу: *«режим всеобъемлющих ограничений, налагаемых Израилем на палестинцев на оккупированной палестинской территории, составляет системную дискриминацию на основании расы, религии или этнического происхождения»*. Суд установил, что израильские меры подпадают под действие статьи 3 МКЛРД, которая запрещает расовую сегрегацию и апартеид.

5. Фрагментация территории и целостность. Суд установил, что эффекты израильской политики включают аннексию частей оккупированной палестинской территории, фрагментацию этой территории,

подрыв ее целостности, лишение палестинского народа права на пользование природными ресурсами и нарушение его права на экономическое, социальное и культурное развитие .

6.Оперативные выводы. Суд постановил, что присутствие Государства Израиль на оккупированной палестинской территории является противоправным**;** Израиль обязан прекратить свое противоправное присутствие настолько быстро, насколько это возможно; Израиль обязан немедленно прекратить всю новую поселенческую деятельность; Израиль обязан эвакуировать всех поселенцев с оккупированной палестинской территории; Израиль обязан возместить ущерб всем потерпевшим физическим и юридическим лицам.

7. Обязательства третьих государств и ООН. Суд установил эволюцию и расширение обязательств *erga omnes*:

Все государства обязаны не признавать законной ситуацию, созданную противоправным присутствием Израиля;

Все государства обязаны не оказывать помощь или содействие в поддержании этой ситуации;

Международные организации, включая ООН, обязаны не признавать законной указанную ситуацию;

ООН, и особенно Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности, должны рассмотреть точные модальности и дальнейшие действия, необходимые для прекращения противоправного присутствия.

Судья Х.Сюэ, полностью поддержав резолютивную часть, высказала два важных уточнения. *Первое:* императивный характер права на самоопределение палестинского народа покоится на «твердом основании» распространения этого принципа на все случаи иностранного господства, а не на особых обстоятельствах оккупации. *Второе:* она признала, что резолюции ГА ООН и СБ ООН «строго говоря, непосредственно не адресовали законность продолженного присутствия Израиля как такового, но законность принимаемых Израилем политик и мер». Однако, по ее мнению, Суд правомерно вывел незаконность присутствия из

незаконности политик, поскольку, когда деяния признаны международно-противоправными, они не должны продолжаться.

Выводы по разделу II. Судебная практика по оккупированным территориям эволюционировала от признания самоопределения обязательством erga omnes через квалификацию оккупации как формы иностранного господства к выводу о том, что продолжительная оккупация, сопровождающаяся систематическим нарушением права на самоопределение, аннексией и созданием поселений, трансформирует правовой статус самой оккупации, делая присутствие оккупирующей державы противоправным per se, а ссылка на реализацию права на самооборону является несостоятельным. Палестинское заключение 2024 года заполнило нормативную лакуну, существовавшую после дел Чагос и Косово.

Раздел III. СЕЦЕССИЯ КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ: ДОКТРИНА REMEDIAL SECESSION В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Наиболее сложная категория дел связана с попытками судов ответить на вопрос: может ли народ, не являющийся колонией и не находящийся под иностранной оккупацией, но подвергающийся систематическим нарушениям прав и лишенный доступа к управлению, отделиться в одностороннем порядке?

3.1. Консультативное заключение Международного Суда ООН по Косово (2010 год)[776]

Косовский конфликт имеет глубокие исторические корни. В 1989 году Косово было лишено широкой автономии, предоставленной конституцией 1974 года, что спровоцировало массовые протесты и переход косовских албанцев к политике сопротивления. К середине 1990-х годов на первый план вышла радикальная Армия освобождения Косово, развернувшая партизанскую войну. Весной 1999 года НАТО без мандата Совета Безопасности начало военную

[776] См.: *Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2010, p. 403* https://www.icj-cij.org/case/141

кампанию против Союзной Республики Югославии. В июне 1999 года Совет Безопасности принял резолюцию 1244, которая поставила Косово под временную администрацию ООН, подтвердив одновременно приверженность территориальной целостности Югославии. Переговоры о статусе, длившиеся с 2005 по 2007 год, зашли в тупик. План спецпосланника ООН М.Ахтисаари, предлагавший контролируемую независимость, был поддержан Западом, но заблокирован Россией в Совете Безопасности. В этой ситуации 17 февраля 2008 года Ассамблея Косово в одностороннем порядке провозгласила независимость. Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Сербии обратилась в Международный Суд с вопросом: соответствует ли односторонняя декларация независимости Косово международному праву?

Суд избрал стратегию максимально узкого прочтения вопроса. Он указал, что вопрос касается только самой декларации, а не ее последствий, не статуса государственности Косово и не законности признаний[777]. Воспроизведя логику дела Lotus[778], Суд напомнил, что международное право состоит из запретов, и то, что не запрещено, разрешено. Проанализировав практику государств, Суд пришел

---

[777] Хартвиг М. Консультативное заключение Международного Суда ООН по вопросу о декларации независимости Косово – предыстория и критика судебного «постановления» https://dpp.mpil.de/02_2013/02_2013_121_155.pdf. Дата обращения: 18.02.2026.

[778] S.S. Lotus, France v. Turkey, 1927 — решение, которое до сих пор определяет вопросы юрисдикции в международном праве. 2 августа 1926 года в открытом море произошло столкновение французского парохода «Лотус» и турецкого угольщика «Боз-Курт». Турецкое судно затонуло, погибли 8 граждан Турции. По прибытии «Лотуса» в Стамбул турецкие власти арестовали французского вахтенного офицера Демона и осудили его за непредумышленное убийство. Франция оспорила юрисдикцию Турции, стороны передали спор в Постоянную палату международного правосудия (ППМП). Перед судом встал фундаментальный вопрос о соотношении суверенитета и международного права:

- Позиция Франции (концепция «attribution»): Государство может осуществлять юрисдикцию за пределами своей территории, только если международное право явно разрешает это.
- Позиция Турции (концепция «immanence»): Государство может делать всё, что прямо не запрещено международным правом.

Решение ППМП (голоса 6:6, решающий голос председателя) было вынесено в пользу Турции. Суд обосновал право Турции на преследование, применив объективный территориальный принцип (effects doctrine): Судно приравнивается к территории государства флага; хотя действие (небрежность) началось на французском судне, последствия наступили на борту турецкого судна, то есть на «турецкой территории»; следовательно, состав преступления неразрывен, и юрисдикция Турции правомерна.

к выводу, что международное право не содержит запрета на провозглашение деклараций независимости. Ключевой параграф 80 касался принципа территориальной целостности. Суд постановил, что этот принцип ограничен сферой отношений между государствами, не адресован негосударственным акторам и не может служить основанием для квалификации декларации как противоправной. В отношении доктрины remedial secession Суд зафиксировал наличие радикально различных взглядов среди государств и заявил, что не считает нужным разрешать эти вопросы в настоящем деле — это было сознательное уклонение от формирования прецедента.

Решение подверглось критике за гипер-позитивизм и уход от сути спора. Суд имел уникальную возможность прояснить критерии внешнего самоопределения, но сознательно ею не воспользовался. В доктрине отмечалось, что Суд технически избежал вопроса о применимости резолюции 1244[779] и отрицал применимость Конституционной рамки на том основании, что декларация была издана субъектом, который не являлся адресатом этих актов.

Особую дискуссию вызвал вопрос о прецедентном характере косовского решения. Страны НАТО, совершившие военную кампанию против Югославии, настаивали на уникальности ситуации, утверждая, что Косово — особый случай, который не создает прецедента. М.Ахтисаари писал, что Косово требует уникального решения. Однако, как справедливо отмечали критики, любой международный процесс составляет часть международно-правовой практики. Отказать такому процессу в этом качестве означало бы временную отмену действия норм международного права для данного конкретного случая, что не представляется ни возможным, ни допустимым.

3.2. Дело Южного Судана и арбитраж по Абъей (2009 год)[780]

Южный Судан представляет собой единственный случай успешной сецессии за пределами классической деколонизации, осуществленной не вопреки воле

---

[779] См.: Резолюция 1244 (1999), принятая Советом Безопасности ООН 10 июня 1999 г. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/1244(1999). Дата обращения: 15.02.2026.

[780] См.: The Government of Sudan / The Sudan People's Liberation Movement/Army (Abyei Arbitration), PCA, Final Award, 22 July 2009 https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXX/417-487.pdf

метрополии, а в силу прямого договорного закрепления в мирном соглашении. В доктрине этот случай часто квалифицируется как применение remedial secession. Исследователи констатируют, что народ Южного Судана с момента обретения Суданом независимости в 1956 году находился в состоянии систематической маргинализации, его права нарушались безнаказанно, ему было отказано в политическом участии. Всеобъемлющее мирное соглашение 2005 года предоставило Южному Судану право на референдум о самоопределении. Мачакосский протокол прямо предусматривал, что в течение переходного периода стороны реализуют реформы с целью сделать единство Судана привлекательным вариантом, после чего народ Южного Судана получает право на референдум. В январе 2011 года референдум состоялся, и 98,83% участников высказались за независимость[781].

Особое место в этом процессе занимает арбитраж по Абъей — единственное судебное разбирательство, непосредственно связанное с реализацией права на самоопределение. Район Абъей населен двумя группами: оседлым народом Нгок-Динка, связанным с Югом, и кочевниками-арабами Мессерия, сезонно мигрирующими через эту территорию. В 1905 году британская колониальная администрация передала территорию девяти вождеств Нгок-Динка из состава Юга в административное подчинение Северу. Абъейский протокол 2004 года определил территорию Абъей как район девяти вождеств Нгок-Динка, переданных Кордофану в 1905 году, и предусмотрел референдум, на котором жители должны были выбрать — присоединиться к Южному Судану или остаться в составе Севера. Созданная для делимитации границ Комиссия экспертов определила Абъей как обширную территорию, включавшую нефтяные месторождения Хеглиг, что вызвало неприятие Судана.

Арбитраж 2009 года установил, что эксперты частично превысили свой мандат, и провел собственную делимитацию, исключив Хеглиг из территории Абъей. Трибунал также особо подчеркнул, что делимитация границ не затрагивает

[781] См.: Sudan Comprehensive Peace Agreement. *Peace Accords Matrix*. Kroc Institute for International Peace Studies, University of Notre Dame. Дата обращения: 16 февраля 2026.

традиционные права на выпас и кочевье племен Мессерия. Референдум в Абъей так и не состоялся, и район сохраняет особый административный статус.

Доктринальное значение южносуданского прецедента заключается в том, что это единственный случай, когда международное сообщество признало сецессию легитимной в ситуации, которую можно квалифицировать как remedial secession. Однако важно подчеркнуть, что юридически сецессия была осуществлена не односторонне, а на основании мирного соглашения с центральным правительством и в полном соответствии с конституционными процедурами.

3.3. Дело Квебека (Верховный суд Канады, 1998 год)[782]

В 1996 году федеральное правительство Канады направило в Верховный суд три вопроса в рамках процедуры запроса заключения: позволяет ли канадское конституционное право Квебеку в одностороннем порядке объявить о независимости; позволяет ли это сделать международное право; и в случае коллизии какой правопорядок имеет приоритет. Отвечая на второй вопрос, Суд дал развернутый анализ современного международного права. Суд подтвердил фундаментальное значение двух принципов: права народов на самоопределение и территориальной целостности государств. Ключевой вывод заключался в том, что международное право не предоставляет составным частям суверенных государств права на одностороннее отделение. Суд постановил, что право на самоопределение, которое потенциально может реализовываться через отделение, в соответствии с международным правом принадлежит лишь трем категориям народов: народам, живущим в колониальных условиях; народам, находящимся под иностранным военным господством или оккупацией; и народу, которому отказано в реальном доступе к осуществлению своих прав на самоопределение внутри страны. Применив этот тест к Квебеку, Суд пришел к выводу, что население провинции не подпадает ни под одну из категорий. Франкоканадцы всегда имели широкие возможности для участия в политической жизни страны, занимали ключевые посты в федеральном правительстве и пользовались правами, защищенными

[782] См.: Reference re Secession of Quebec, [1998] 2 S.C.R. 217782 https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do (дата обращения: 01.02.2026)

Конституцией. Поскольку Канада как государство предоставляет народу Квебека возможность внутреннего самоопределения, международное право не может быть основанием для нарушения ее территориальной целостности.

Международно-правовой анализ дела Квебека приводит к выводу, что международное право не является инструментом для легитимации односторонних сецессий в демократических федеративных государствах. Верховный суд Канады блестяще разрешил этот сложный вопрос, разделив юридическую и политическую сферы:

Юридически (согласно международному и конституционному праву) односторонняя сецессия Квебека невозможна;

Политически (на основе демократических принципов) в случае четкого волеизъявления возникает обязанность вести переговоры.

Дело Квебека стало эталонным прецедентом, на который ссылаются при рассмотрении подобных конфликтов в других странах (Шотландия, Каталония), подтверждая, что поиск баланса между правом на самоопределение и территориальной целостностью лежит в плоскости диалога и переговоров, а не односторонних действий.

3.4. Дело Шотландии (Верховный суд Великобритании, 2022 год)[783]

Отношения между Шотландией и Соединенным Королевством регулируются Актом о Шотландии 1998 года, который учредил шотландский Парламент и передал ему (делегировал) законодательные полномочия в определенных сферах. Ключевое положение: согласно статье 29(2)(b) Акта, положение закона шотландского Парламента находится вне его законодательной компетенции (и, следовательно, не является законом), если оно «относится к зарезервированным вопросам» (*relates to reserved matters*). К зарезервированным вопросам, согласно Параграфу 1 (5), отнесены, в частности: «Уния Королевств Шотландии и Англии» (*the Union of the Kingdoms of Scotland and England*) и «Парламент Соединенного Королевства» (*the Parliament of the United Kingdom*). Статья 29(3)

[783] См.: *Reference by the Lord Advocate of devolution issues under paragraph 34 of Schedule 6 to the Scotland Act 1998, UKSC/2022/0098* https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2022-0098

Акта устанавливает критерий определения: вопрос о том, относится ли положение к зарезервированному вопросу, решается «путем отсылки к цели положения, принимая во внимание (среди прочего) его действие при всех обстоятельствах». В предшествующей практике Суд установил, что формулировка «относится к» означает нечто большее, чем «свободная или вытекающая связь» (*more than a loose or consequential connection*)[784].

В 2014 году в Шотландии уже проводился референдум о независимости. 55% участников высказались против отделения, 45% поддержали независимость. Критически важным является тот факт, что первый референдум был проведен с согласия Лондона - посредством Ордера в Совете (*Order in Council*) на основании статьи 30(2) Акта о Шотландии, который временно делегировал шотландскому Парламенту полномочия на проведение референдума[785]. После референдума о выходе Великобритании из ЕС (Брексит) в 2016 году, на котором Шотландия проголосовала против выхода с подавляющим счетом 62% против 38%, Шотландская национальная партия (SNP) инициировала требование о проведении второго референдума. Однако центральное правительство отказало в предоставлении соответствующего права.

Стратегия шотландского правительства. В июне 2022 года правительство Шотландии опубликовало проект Закона о референдуме о независимости Шотландии (*Scottish Independence Referendum Bill*), предусматривавший проведение референдума 19 октября 2023 года. Вместо того чтобы принять закон и затем оспаривать его в суде, Генеральный атторней Шотландии (*Lord Advocate*) - старшее должностное лицо шотландского правительства по правовым вопросам - обратился в Верховный суд Соединенного Королевства с запросом о предварительном судебном контроле в соответствии с Параграфом 34 (6) Акта о Шотландии. Вопрос, поставленный перед Судом: относится ли законопроект к

---

[784] См. UK Supreme Court ruling on Indyref2 https://www.balfour-manson.co.uk/2022/11/uk-supreme-court-ruling-on-indyref2/

[785] Ulgen O. Devolution Issues Under the Scotland Act 1998, Reference by the Lord Advocate (U.K. Sup. Ct.). International Legal Materials. 2023;62(6):1089-1112. doi:10.1017/ilm.2023.30

зарезервированным вопросам (унии и Парламенту Великобритании) и, следовательно, находится ли он вне компетенции шотландского Парламента.

Юрисдикционные возражения. Генеральный прокурор по делам Шотландии (Advocate General for Scotland), представляющий правительство Великобритании, возражал против принятия запроса к рассмотрению, утверждая, что:

Данный вопрос не является «деволюционным вопросом» (devolution issue) в смысле Акта;

Суд должен отказаться от принятия запроса в порядке дискреции, поскольку законопроект еще не внесен.

Верховный суд отклонил оба возражения, установив, что: (а) вопрос подпадает под широкое определение параграфа 1(f) 6; (б) статья 33 Акта (о пост-принятом контроле) не препятствует предварительному запросу; (в) вопрос является вопросом права, имеющим практическую важность, а не гипотетическим или преждевременным. Суд подчеркнул, что действует в публичных интересах, давая авторитетное разъяснение до того, как законопроект будет внесен.

Анализ решения суда: Конституционно-правовой аспект. Применяя тест, установленный ст. 29(3), Суд исследовал цель законопроекта и его действие при всех обстоятельствах. Суд установил, что целью законопроекта является проведение законного референдума по вопросу о том, должна ли Шотландия стать независимой страной. Это, по мнению Суда, очевидным образом охватывает вопрос о том, должна ли быть прекращена уния и должна ли Шотландия перестать подчиняться суверенитету Парламента Великобритании.

Квалификация референдума. Критически важным элементом решения является квалификация правовой природы референдума. Суд отверг аргумент шотландского правительства о том, что референдум будет лишь «консультативным» (advisory) и не будет иметь немедленных юридических последствий, а потому лишь «свободно или вытекающе» связан с зарезервированными вопросами. Суд постановил: «Законно проведенный референдум - это не просто упражнение в публичной консультации или опрос общественного мнения. Это демократический процесс, проведенный в

соответствии с законом, который приводит к выражению мнения электората по конкретному вопросу публичной политики... Его значимость отражается, в первую очередь, в его официальном и формальном характере». Суд признал, что результат законно проведенного референдума имеет значение в политической сфере, даже если он не имеет немедленных юридических последствий. «Законно проведенный референдум был бы политическим событием с политическими последствиями».

На основании этого анализа Суд заключил: «Очевидно, что законопроект, который предусматривает референдум о независимости — о прекращении Унии [и о прекращении суверенитета Парламента Великобритании над Шотландией] — имеет более чем свободную или вытекающую связь с Унией Шотландии и Англии [и с суверенитетом Парламента Великобритании]». Следовательно, законопроект относится к зарезервированным вопросам и находится вне законодательной компетенции шотландского Парламента. Суд единогласно (пятью судьями) постановил, что шотландский Парламент не имеет полномочий принимать такой закон.

Анализ международно-правового аспекта. Право на самоопределение. Аргументы интервента (SNP). Шотландская национальная партия, выступавшая в качестве интервента, представила развернутые письменные аргументы, основанные на международном праве:

Право на самоопределение является фундаментальным и неотъемлемым правом в международном праве;

Существует презумпция в пользу толкования внутригосударственного законодательства способом, совместимым с международным правом (strong presumption in favour of interpreting domestic legislation in a manner which is compatible with international law);

Узкое толкование «относится к» позволило бы шотландскому Парламенту законодательствовать для проведения «несамоисполнимого референдума» (non-self-executing referendum) в соответствии с правом шотландского народа на самоопределение;

Там, где возможны два прочтения статутного положения — одно совместимое с международным правом, другое нет — предпочтение должно отдаваться первому786.

Ответ Суда: признание презумпции, но отказ в применении. Верховный суд Великобритании признал существование «сильной презумпции в пользу толкования нашего внутреннего права способом, который не ставит Соединенное Королевство в положение нарушения его международно-правовых обязательств». Однако Суд подчеркнул, что эта презумпция применяется «только если статутное положение не является ясным на его лице» (if the statutory provision is not clear on its face). Более того, Суд сделал принципиальное заявление: «принцип самоопределения просто не задействован здесь» (the principle of self-determination is simply not in play here).

Применение доктрины Quebec Reference. Для обоснования этого вывода Суд обратился к прецеденту Верховного суда Канады по делу Reference re Secession of Quebec (1998). Суд воспроизвел правовую позицию канадского Суда, согласно которой международное право на самоопределение порождает право на внешнее самоопределение лишь в трех ситуациях:

Бывшие колонии (former colonies);

Ситуации угнетения народа, например, при иностранной военной оккупации (where a people is oppressed, as for example under foreign military occupation);

Ситуации, где определимая группа лишена значимого доступа к правительству для реализации своего политического, экономического, социального и культурного развития (where a definable group is denied meaningful access to government to pursue their political, economic, social and cultural development).

Верховный суд Великобритании постановил, что эти наблюдения «применяются с равной силой к положению Шотландии и народа Шотландии в составе Соединенного Королевства». Ни одна из трех ситуаций не

---

[786]См. UK Sup Ct: Self-Determination Does Not Apply to Scotland Leaving the Union. URL: https://icsid.asil.org/print/ILIB/uk-sup-ct-self-determination-does-not-apply-scotland-leaving-union.

применима к Шотландии: она не является колонией, не находится под иностранной оккупацией, и шотландский народ не лишен доступа к управлению — напротив, система деволюции предоставляет ему широкие возможности автономии и участия.

Выводы по разделу III. Судебная практика демонстрирует, что доктрина remedial secession признается судами как гипотетическая возможность, но применяется с чрезвычайной осторожностью. Международный Суд в деле Косово сознательно уклонился от ее квалификации. Национальные суды Канады и Великобритании, восприняв трехчастную классификацию, признают возможность внешнего самоопределения лишь в трех исключительных ситуациях, отсутствие которых в условиях демократической федерации, обеспечивающей внутреннее самоопределение, влечет отказ в праве на одностороннюю сецессию. Единственный случай успешной реализации (Южный Судан) был оформлен как консенсуальная, договорная сецессия.

Раздел IV. ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ДОГОВОРНОМ ПРАВЕ И ПРАВЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Суды разрешали вопрос о том, может ли государство, контролирующее спорную территорию, заключать международные договоры, распространяющиеся на эту территорию, и каково значение согласия народа, обладающего правом на самоопределение.

4.1. Дело Front Polisario I (Суд Европейского Союза, 2016 год)[787]

Front Polisario оспаривал решение Совета ЕС о заключении Соглашения о либерализации между ЕС и Марокко, которое распространялось на территорию Королевства Марокко, включая Западную Сахару, суверенитет над которой международно не признан.

---

[787] См. *Council v Front Polisario, Judgment of the Court (Grand Chamber), ECLI:EU:C:2016:973* https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62016CJ0104

Суд ЕС применил статью 31(3)(c) Венской конвенции о праве международных договоров, требующую учитывать любые соответствующие нормы международного права, применимые в отношениях между сторонами. Такой нормой является принцип самоопределения, который Суд квалифицировал как юридически обеспеченное право, имеющее характер erga omnes, и один из существенных принципов международного права.

Суд установил, что народ Западной Сахары является третьей стороной по смыслу принципа относительного действия договоров, закрепленного в статье 34 Венской конвенции. Территория Западной Сахары имеет статус, отдельный и отличный от статуса любого государства. Применение соглашения к территории Западной Сахары затрагивает третью сторону и должно получить ее согласие. Критически важной была формулировка Суда о том, что безразлично, наносит ли применение вреда или приносит выгоду — согласие требуется в любом случае.

Суд также истолковал статью 29 Венской конвенции, согласно которой договор связывает государство в отношении географического пространства, над которым оно осуществляет полноту суверенных полномочий, за исключением любой иной территории. Поскольку Марокко не обладает суверенитетом над Западной Сахарой, она не входит в объем понятия «территория Королевства Марокко».

Суд ЕС впервые на наднациональном уровне четко сформулировал: народ несамоуправляющейся территории является субъектом, чье согласие необходимо для распространения на территорию международных договоров оккупирующей державы.

4.2. Дело Front Polisario II (Суд Европейского Союза, 2024 год)[788]

После решения 2016 г. ЕС изменил тактику. В 2018–2019 гг. были заключены новые соглашения с Марокко, прямо включающие Западную Сахару в территориальную сферу. Front Polisario вновь оспорил решения Совета ЕС об их

[788] См. Commission v Front Polisario (C-778/21 P, C-798/21 P, C-779/21 P, C-799/21 P), Judgment, ECLI:EU:C:2024:835 https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62021CJ0778

заключении. Суд ЕС (Большая палата) отклонил апелляции и подтвердил недействительность решений.

Доктрина «подразумеваемого согласия» (Implied Consent). Суд ЕС разработал двухступенчатый тест. Поскольку прямое согласие народа (через референдум) отсутствует из-за продолжающейся оккупации, допустима презумпция согласия, но лишь при строгих условиях.

Первое условие: договор должен предоставлять третьей стороне права, а не возлагать обязательства. Суд провел фундаментальное различие: согласие может презюмироваться, если договор служит исключительно интересам народа и не создает для него юридических обязанностей. Суд ЕС установил, что оспариваемые соглашения не соответствуют этому критерию.

Второе условие: критерий «пропорциональной выгоды». Суд потребовал наличия «конкретной, осязаемой, существенной и проверяемой выгоды» для народа, пропорциональной масштабам эксплуатации ресурсов. Суд установил, что гарантии устойчивого развития и контрольные механизмы в соглашениях отсутствовали. Следовательно, даже «подразумеваемое согласие» не может быть обосновано. Подход Суда ЕС является прогрессивным, но содержит риск: концепция «выгоды» может быть использована для обхода прямого волеизъявления. Тем не менее, в данном деле Суд применил критерий строго и пришел к отрицательному заключению.

4.3. Дело Каталонии и решение Европейского суда по правам человека (2025 год)[789]

Правовой анализ решений Конституционного суда Испании по каталонскому вопросу требует рассмотрения не только самих постановлений Суда, но и их взаимодействия с международно-правовой доктриной самоопределения, а также

[789] См. Sentencia 259/2015, de 2 de diciembre de 2015. Impugnación de disposiciones autonómicas 6330-2015. Formulada por el Gobierno de la Nación respecto de la Resolución del Parlamento de Cataluña 1/XI, de 9 de noviembre de 2015, sobre el inicio del proceso político en Cataluña como consecuencia de los resultados electorales del 27 de septiembre de 2015. Soberanía y unidad de la nación; principio democrático y primacía incondicional de la Constitución, lealtad constitucional y fidelidad a la Constitución; procedimiento de reforma constitucional: nulidad de la resolución parlamentaria que "declara solemnemente el inicio del proceso de creación de un estado catalán independiente en forma de república». URL:https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2016-308.

последующей оценки этих решений на уровне Европейского суда по правам человека и в академической доктрине. В отличие от канадского или британского прецедентов испанская модель представляет собой случай последовательного и системного «конституционного сдерживания» сецессионистских устремлений через механизм судебного контроля, дополненного уголовной ответственностью за неисполнение решений Суда.

Фундаментом всей правовой конструкции является статья 2 Конституции Испании 1978 года, которая провозглашает «нерасторжимое единство испанской нации - единой и неделимой родины всех испанцев», признавая при этом «право на самоуправление национальностей и регионов, ее составляющих, и солидарность между ними». Эта двойственная формула, по мнению Конституционного суда, устанавливает жесткую иерархию: автономия существует внутри единства, но не может быть использована для его разрушения.

Конституционный суд в серии решений, начиная с 2015 года и кульминацией которых стали постановления об аннулировании законов о референдуме 2017 года, выработал последовательную доктрину. Ключевым актом стала резолюция парламента Каталонии 1/XI 2015 года, которая декларировала начало процесса «отключения» (disconnection) от Испании и призывала к созданию новой республиканской конституции, не подчиняющейся решениям Конституционного суда. Суд постановил, что подобные декларации не имеют юридической силы, поскольку они отрицают сам принцип верховенства Конституции и подрывают суверенитет, принадлежащий всему испанскому народу, а не только населению Каталонии. Восприятие международного права: доктрина «ремедиальной сецессии» и ее неприменимость. Конституционный суд Испании, хотя и не ссылался напрямую на международные прецеденты в каждом решении, действовал в русле устоявшейся международно-правовой доктрины, наиболее полно сформулированной Верховным судом Канады по делу Квебека (1998) и подтвержденной Международным Судом ООН в консультативном заключении по Косово (2010).

Как подчеркивается в академической доктрине «вне колониального контекста и за возможным исключением спасительной сецессии (которое может быть исключено в случае Каталонии), не существует правового основания для отделения». Каталония обладает широчайшей автономией: собственным парламентом, правительством, полицией, системой образования, здравоохранения и значительными налоговыми полномочиями. Ее жители в полной мере участвуют в выборах всех уровней и представлены в общеиспанских институтах. Таким образом, даже гипотетическая возможность «спасительной сецессии» здесь отсутствует, поскольку нет доказательств систематической дискриминации или исключения каталонцев из политического процесса[790]. Важным аргументом является и то, что сама Конституция Испании предусматривает механизм ее реформирования, включая возможность изменения статуса автономных сообществ. Это означает, что путь к независимости, если бы он был поддержан конституционным консенсусом, существует, но он требует соблюдения процедур, а не одностороннего разрыва.

Ключевые решения: аннулирование референдума и доктрина «конституционной лояльности». Кульминацией правовой оценки стали решения Конституционного суда, аннулировавшие законы Каталонии о проведении референдума 1 октября 2017 года и последующую декларацию о независимости. Суд исходил из того, что вопрос о суверенитете не может решаться в обход конституционных процедур, предусматривающих участие всей испанской нации, а не только населения одной автономии. Референдум был признан неконституционным ab initio, то есть изначально ничтожным, не порождающим юридических последствий. Более того, Суд выработал доктрину, согласно которой демократическая легитимность не может быть использована для преодоления конституционной законности. Даже самое широкое народное волеизъявление в рамках автономии не создает юридических последствий, если оно противоречит фундаментальным нормам Конституции, защищающим единство нации. Эта

[790] См. Arenas García, R. International and European Institutions and Catalan Nationalism. *Hague J Rule Law* **1**6, 189–216 (2024). https://doi.org/10.1007/s40803-024-00206-7

позиция была подкреплена применением статьи 155 Конституции, позволившей центральному правительству временно взять на себя управление Каталонией для восстановления конституционного порядка.

Судебная практика: ***дело Costa i Rosselló v. Spain (2025)***[791]**.** Ключевым событием, подтвердившим правоту подхода Конституционного суда Испании на международном уровне, стало решение Европейского суда по правам человека от 27 февраля 2025 года по делу Costa i Rosselló and Others v. Spain. 32 члена парламента Каталонии, включая вице-президента и секретаря Бюро парламента, жаловались на то, что меры принуждения, принятые Конституционным судом (запрет на обработку определенных парламентских предложений и возбуждение уголовных дел), нарушили их права на свободу выражения мнения (статья 10), свободу собраний (статья 11) и право на свободные выборы (статья 3 Протокола № 1).

ЕСПЧ единогласно признал жалобы неприемлемыми как явно необоснованные. Суд установил, что оспариваемые меры были законны, основаны на соответствующих нормах институционального и уголовного права и преследовали законные цели: защиту конституционного порядка и прав других лиц. Особенно важным является вывод Суда о том, что «конституционная лояльность» требует соблюдения обязательных конституционных процедур, а не идеологического согласия. Суд отметил, что заявители стремились обойти механизмы конституционной реформы, а не добиваться изменений через законные парламентские каналы.

Существенным для доктрины является разъяснение ЕСПЧ о природе запретов Конституционного суда: это не предварительная цензура (ex ante censorship), а реакция на неоднократные неконституционные инициативы. Таким образом, запрет не препятствовал парламентариям выражать свои политические взгляды в законных рамках парламентских дебатов. Суд также отклонил доводы о

---

[791] *См. Costa i Rosselló v. Spain URL:* https://strasbourgobservers.com/2025/05/13/political-expression-and-representation-in-regional-parliaments-and-constitutional-order-a-critical-reading-of-the-inadmissibility-decision-in-costa-i-rossello/ (дата обращения: 01.02.2026)

политической мотивации и дискриминации за отсутствием доказательств.

Развернутый правовой анализ решений Конституционного суда Испании по Каталонии позволяет сформулировать следующие доктринальные выводы.

Во-первых, Суд создал прецедентную модель разрешения сецессионистских конфликтов в рамках национального конституционного права, не нуждающуюся в апелляции к международным нормам. Эта модель основана на верховенстве Конституции, принципе нерасторжимого единства нации и механизмах судебного принуждения, включая уголовную ответственность за неисполнение решений. Во-вторых, Суд имплицитно воспринял и применил международно-правовую доктрину, согласно которой право на самоопределение в демократических государствах исчерпывается «внутренним самоопределением» - участием в управлении через демократические институты и развитием автономии. Внешняя сецессия возможна лишь в исключительных случаях угнетения, которые в Каталонии отсутствуют. *В-третьих*, последующая валидация подхода Испании Европейским судом по правам человека в 2025 году имеет фундаментальное значение. ЕСПЧ фактически подтвердил, что защита конституционного порядка от неконституционных сецессионистских инициатив является законной целью, а меры, направленные на пресечение таких инициатив (включая запреты на обработку определенных парламентских предложений и уголовное преследование за неподчинение), не нарушают фундаментальных прав парламентариев, если они пропорциональны и не препятствуют политической дискуссии как таковой. В-четвертых, испанский прецедент демонстрирует пределы «демократической легитимности» региональных референдумов. Даже самое широкое волеизъявление в рамках автономии не может преодолеть конституционный запрет на одностороннюю сецессию, если конституция не предусматривает такого права. Это важный вклад в доктрину соотношения демократии и конституционализма. Наконец, решения Конституционного суда Испании создали «дорожную карту» для политического урегулирования: диалог и возможные конституционные реформы должны вестись исключительно в рамках законных процедур, а не через ультиматумы и односторонние действия. При этом Суд оставил открытым

пространство для развития автономии Каталонии в пределах, установленных Конституцией и Статутом об автономии, включая право на международную проекцию своей деятельности. Таким образом, испанская модель предлагает не только запрет, но и конструктивные возможности для реализации законных амбиций в рамках существующего правопорядка.

Выводы по разделу IV. Суды последовательно расширяют сферу действия принципа самоопределения, распространяя его на договорные отношения. Суд ЕС создал механизм, при котором отсутствие прямого волеизъявления может быть компенсировано лишь при строжайших условиях, а народ несамоуправляющейся территории признается полноправным субъектом, чье согласие необходимо для распространения международных договоров. Европейский суд по правам человека подтвердил, что защита конституционной идентичности и территориальной целостности от сецессионистских инициатив не противоречит международным стандартам прав человека, а меры конституционных судов, направленные на пресечение таких инициатив, признаются законными и пропорциональными.

Раздел V. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СЕЦЕССИИ В ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Пятый блок объединяет решения национальных судов, которые на основе внутригосударственного конституционного права определяют допустимость сецессии и правовые последствия актов самопровозглашенных правительств.

5.1. Дело Texas v. White (Верховный суд США, 1869 год)[792]

Дело возникло из спора о суверенитете над государственными облигациями США, выпущенными в 1851 году в рамках Компромисса 1850 года для урегулирования территориальных претензий Техаса. Закон штата требовал обязательного подписания облигаций губернатором Техаса для придания им силы;

---

[792] См. *The State of Texas, Complainant, v. George W. White, John Chiles, John A. Hardenburg, Samuel Wolf, George W. Stewart, the Branch of the Commercial Bank of Kentucky, Weston F. Birch, Byron Murray, Jr., and Shaw,* 74 U.S. (7 Wall.) 700
https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/74/700

без этой подписи облигации считались недействительными. В январе 1861 года Техас принял ордонанс о сецессии, который был ратифицирован на референдуме 23 февраля 1861 года (34 794 голоса «за», 11 235 «против»). В январе 1862 года законодательное собрание Конфедерации в Техасе приняло два ключевых акта:

Отмену требования об индоссировании облигаций губернатором;

Создание Военного совета (Military Board) для продажи облигаций с целью финансирования военных действий против США.

12 января 1865 года Военный совет заключил соглашение с Дж.Уайтом и Дж.Чайлсом о продаже 135 облигаций из казначейства штата и 76 облигаций, находившихся в Англии, в обмен на поставку хлопкоочистительных машин и медикаментов. 15 марта 1865 года облигации были переданы покупателям без подписи губернатора. После окончания гражданской войны реконструированное правительство Техаса обратилось в Верховный суд с иском о признании сделки недействительной и возврате облигаций.

Юрисдикционный вопрос. Ключевая процессуальная проблема заключалась в следующем: согласно статье III, разделу 2 Конституции США, Верховный суд обладает первоначальной юрисдикцией по делам, в которых стороной выступает штат. Ответчики (Уайт и Чайлс) оспаривали юрисдикцию суда, утверждая, что Техас не является штатом в конституционном смысле, поскольку:

Техас вышел из Союза и присоединился к Конфедерации;

На момент подачи иска Техас находился под военным управлением в соответствии с Актами о реконструкции 1867 года, и его граждане не имели представительства в Конгрессе и конституционных прав.

Таким образом, суду надлежало ответить на фундаментальный вопрос: сохранил ли Техас статус штата Союза после акта сецессии? Мнение большинства, написанное председателем суда Чейзом, представляет собой развернутое конституционно-правовое обоснование неразрывности Союза.

Суд проследил эволюцию Союза:

Статьи Конфедерации (Articles of Confederation) торжественно провозгласили Союз «вечным» (perpetual);

Конституция была создана, чтобы «образовать более совершенный Союз» (to form a more perfect Union).

***Позиция Суда**:* если Союз был вечным при Статьях Конфедерации, и если Конституция сделала его еще более совершенным, то он сохранил свойство вечности и нерасторжимости. Чейз сформулировал риторический вопрос: *«Что может быть нерасторжимым, если вечный Союз, ставший более совершенным, таковым не является?».* Суд отверг аргумент, что вхождение Техаса в Союз было merely a compact (всего лишь договором), который может быть расторгнут по воле одной из сторон. Чейз постановил: *«Когда, следовательно, Техас стал одним из Соединенных Штатов, она вступила в нерасторжимое отношение. Акт, которым завершилось ее принятие в Союз, был чем-то большим, чем договор; это было включение нового члена в политическое тело. И это было окончательно».*

Ключевая формулировка Суда: *«Союз между Техасом и другими Штатами был столь же полным, столь же вечным и столь же нерасторжимым, как союз между первоначальными Штатами. Не было места для пересмотра или отзыва, кроме как через революцию или через согласие Штатов».*

Юридическая ничтожность сецессии. Исходя из этой посылки, Суд сделал вывод относительно правового статуса актов сецессии: *«Рассматриваемые как сделки в рамках Конституции, ордонанс о сецессии, принятый конвентом и ратифицированный большинством граждан Техаса, и все акты ее легислатуры, направленные на придание силы этому ордонансу, были абсолютно ничтожны (absolutely null). Они были совершенно бездейственны в праве. Штат не перестал быть Штатом, ни ее граждане не перестали быть гражданами Союза»*[793].

Эта формулировка, как представляется, имеет фундаментальное значение: акт сецессии рассматривается не просто как политически ошибочный, но как юридически ничтожный, не порождающий никаких правовых последствий в конституционном поле. *Различие между штатом и правительством*

[793] Там же.

штата. Суд провел важное разграничение между понятием «штат» как политической общности и «правительством штата» как институтом, представляющим эту общность. Чейз указал, что термин «штат» в Конституции может означать: сочетание народа, территории и правительства; народ или политическую общность, отличную от правительства (именно в этом смысле он употреблен в гарантийной клаузуле — obligation to guarantee to every State a republican form of government).

Это разграничение позволило Суду утверждать: хотя законное правительство Техаса было временно вытеснено мятежным правительством, сам штат как политическая общность продолжал существовать. Суд постановил: *«В то время как Техас контролировался правительством, враждебным Соединенным Штатам, и в союзе с враждебной конфедерацией, ведущей войну против Соединенных Штатов, никакой иск, возбужденный от имени штата, не мог быть поддержан в этом суде. Было необходимо, чтобы правительство и народ штата были восстановлены в мирных отношениях с Соединенными Штатами в соответствии с Конституцией, прежде чем такой иск мог быть возбужден».*

Суд использовал гарантийную клаузулу (статья IV, раздел 4 Конституции — «Соединенные Штаты гарантируют каждому штату в настоящем Союзе республиканскую форму правления») как основание для действий федеральной власти по восстановлению законных правительств в южных штатах. Чейз писал: «*Полномочие подавлять восстание проистекает из власти подавлять мятеж и вести войну; а полномочие обеспечивать восстановление правительств штатов в соответствии с Конституцией, когда они ниспровергнуты и свергнуты, проистекает из обязанности Соединенных Штатов гарантировать каждому штату в Союзе республиканскую форму правления. Последнее, действительно, в случае восстания, которое вовлекает правительство штата и на время исключает национальную власть с его пределов, представляется необходимым дополнением к первому».* Суд признал, что Президент имел право учреждать временные правительства на мятежных территориях, но подчеркнул, что власть по реализации гарантийной клаузулы принадлежит Конгрессу.

Суд сформулировал важную доктрину разграничения актов нелегитимного (мятежного) правительства. Чейз указал, что нет необходимости давать исчерпывающие определения, но можно установить общий принцип: *«Акты, необходимые для мира и доброго порядка среди граждан, такие, например, как акты, санкционирующие и защищающие брак и семейные отношения, регулирующие порядок наследования, регулирующие передачу и переход собственности, движимой и недвижимой, и предусматривающие средства правовой защиты от посягательств на личность и имущество, и другие подобные акты, которые были бы действительными, если бы исходили от законного правительства, должны в целом рассматриваться как действительные, когда они исходят от фактического, хотя и незаконного правительства; и что акты в поддержку или содействие восстанию против Соединенных Штатов, или направленные на умаление справедливых прав граждан, и другие акты подобного рода, должны, в целом, рассматриваться как недействительные и ничтожные»*. Применив эту правовую позицию, Суд квалифицировал продажу облигаций для финансирования войны против США как акт в поддержку восстания, следовательно, ничтожный.

Особые мнения.

Мнение судьи Грира (Robert C. Grier) — полное несогласие. Судья Р.Грир представил развернутое особое мнение, в котором оспорил как юрисдикцию Суда, так и существо решения. По мнению Р.Грира, суд следовало отказать в принятии иска, поскольку на момент его подачи Техас не имел законного правительства, признанного Конгрессом. Р.Грир исходил из фактического, а не формально-юридического подхода: независимо от конституционных теорий о нерасторжимости Союза, Техас де-факто находился вне Союза в течение четырех лет, вел войну против США и управлялся мятежным правительством. Акт о реконструкции 1867 года, учреждавший военные округа, по мнению Р.Грира, свидетельствовал о том, что Конгресс не рассматривал Техас как полноправный штат.

Мнение судьи Суэйна (Noah Swayne) — частичное несогласие. Судья Н.Суэйн (к нему присоединился А.Миллер) согласился с решением по существу (что облигации должны быть возвращены), но выразил несогласие с той частью мнения большинства, которая касалась конституционного статуса Техаса и обоснования власти Конгресса по реконструкции.

Доктринальный анализ и значение для права на самоопределение.

Доктрина «нерушимости» (indestructibility). Центральная правовая позиция, сформулированная в *Texas v. White*, — это доктрина *«нерушимого Союза, состоящего из индеструктабельных штатов»* (indestructible Union, composed of indestructible States). Эта формулировка означает, что:

Штаты не могут в одностороннем порядке выйти из Союза;

Союз не может исключить штат (даже после восстания);

Штаты сохраняют свою идентичность и территориальную целостность как политические единицы.

Соотношение с международным правом на самоопределение.

Хотя *Texas v. White* является решением национального, а не международного суда, оно сформировало важный прецедент для доктрины самоопределения в нескольких аспектах:

Первый: Суд установил, что вхождение в состав федеративного государства на началах равноправия создает нерасторжимую связь, которая может быть прекращена только двумя способами: (1) революцией (то есть фактическим, а не юридическим путем) или (2) согласием всех штатов (то есть консенсуальной процедурой). Это прямо соответствует различению, которое впоследствии проводили Верховный суд Канады в деле *Quebec Reference* (1998) и Верховный суд Великобритании в деле о Шотландии (2022): международное право не дает права на одностороннюю сецессию в условиях демократической федерации, обеспечивающей внутреннее самоопределение. *Второй:* Суд признал возможность «революционной» сецессии как фактического, а не юридического явления. Чейз писал: *«Не было места для пересмотра или отзыва, кроме как через революцию или через согласие Штатов».* Это означает, что Суд не отрицал

возможности отделения как политического факта, но отказывал ему в конституционно-правовой легитимности. Такой подход перекликается с позицией МС ООН в деле Косово (2010): международное право не запрещает декларации независимости, но и не санкционирует их позитивно.

Третий: Суд сформулировал доктрину двух категорий актов нелегитимного правительства, которая имеет значение для оценки правовых последствий деятельности самопровозглашенных образований. Разграничение актов, необходимых для поддержания гражданского порядка (действительных), и актов, направленных на поддержку восстания (ничтожных), впоследствии использовалось в международной практике для оценки юридической силы актов де-факто режимов.

5.2. РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ПРИСОЕДИНЕНИЯ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ.

Вопрос о правовых основаниях присоединения к Российской Федерации новых территорий в 2014 году (Республика Крым и город Севастополь) и в 2022 году (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области) получил развернутую правовую оценку в ряде решений Конституционного Суда Российской Федерации. **Конституционно-правовые основы принятия новых территорий.** Статья 4 Конституции Российской Федерации закрепляет принцип государственной целостности и верховенства Конституции на всей территории России. Статья 65 Конституции содержит перечень субъектов Российской Федерации, который может изменяться в порядке, установленном федеральным конституционным законом. Часть 2 статьи 67 Конституции (в редакции, действовавшей до 2020 года) предусматривала, что Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового

субъекта Российской Федерации» устанавливал процедуру присоединения: (1) международный договор о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта; (2) обращение иностранного государства о принятии; (3) проверка соблюдения конституционных процедур Конституционным Судом РФ.

Конституционная реформа 2020 года. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» дополнил статью 67 Конституции частью 2^1, которая устанавливает: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются». Одновременно часть 2 статьи 67 установила, что Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации.

РЕШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ПО КРЫМУ (2014) [794]

16 марта 2014 года в Республике Крым и городе Севастополе состоялся референдум, на котором, согласно официальным данным, большинство участников высказались за воссоединение с Россией. 17 марта Республика Крым провозгласила независимость и обратилась к Российской Федерации с предложением о принятии в состав России на правах субъекта Федерации. 18 марта был подписан Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую

[794] Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2014 года № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160456/

Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов. В соответствии с Федеральным конституционным законом «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации», Президент РФ направил Договор на проверку в Конституционный Суд до его ратификации.

Правовая позиция Суда: принцип самоопределения. Конституционный Суд, обосновывая конституционность присоединения, дал развернутую интерпретацию принципа самоопределения применительно к крымской ситуации. Суд констатировал: «В соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, закрепленными, в частности, в Уставе ООН, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». Суд признал, что волеизъявление населения Крыма на референдуме 16 марта 2014 года является формой реализации права на самоопределение. Суд указал, что «итоги состоявшегося в Автономной Республике Крым и городе Севастополе референдума, подтвердившие волеизъявление населения Крыма и Севастополя в пользу воссоединения с Российской Федерацией, свидетельствуют о том, что решение вопроса о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым основано на свободном и добровольном волеизъявлении многонационального народа Крыма».
Суд обратился к Декларации о принципах международного права 1970 года и воспроизвел ее знаменитую «сохранительную клаузулу»: «Ничто в приведенных определениях не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов». Суд сослался на исключительные обстоятельства - государственный переворот в Киеве, приведший к смене власти

неконституционным путем, что, по мнению Суда, создало угрозу для населения Крыма и оправдывало реализацию права на самоопределение в форме отделения.

Правовая позиция Суда: конституционная процедура. Конституционный Суд установил, что Договор соответствует Конституции РФ с формально-юридической точки зрения:

- Договор подписан полномочными представителями;
- Процедура, предусмотренная Федеральным конституционным законом «О порядке принятия…», соблюдена;
- Договор не противоречит главам 1, 2 и 9 Конституции РФ, которые не могут быть изменены Федеральным Собранием.

РЕШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ПО ДНР, ЛНР, ЗАПОРОЖСКОЙ И ХЕРСОНСКОЙ ОБЛАСТЯМ (2022) [795]

В период с 23 по 27 сентября 2022 года в Донецкой и Луганской Народных Республиках, Запорожской и Херсонской областях состоялись референдумы по вопросу о вхождении в состав Российской Федерации. Согласно официальным данным, большинство участников высказались за присоединение . 30 сентября 2022 года были подписаны договоры о принятии указанных территорий в состав России. Президент РФ направил договоры в Конституционный Суд для проверки конституционности до их ратификации, как того требует Федеральный конституционный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию…» (с учетом изменений, внесенных после 2014 года).

---

[795]См. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 октября 2022 года № 36-П «О проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта, между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта, между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта, между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» . http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210020002

Правовая позиция Суда. Конституционный Суд в решении 2022 года воспроизвел и развил аргументацию, изложенную в «крымском» постановлении. Суд прямо сослался на Постановление № 6-П от 19 марта 2014 года и подтвердил, что содержащиеся в нем правовые позиции «сохраняют свою силу и подлежат применению при проверке конституционности договоров о принятии Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области». Суд вновь констатировал, что «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права каждый народ имеет право на самоопределение, т.е. право свободно устанавливать свой политический статус и свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие». При этом Суд подчеркнул особый контекст: «длительная вооруженная агрессия вооруженных сил Украины против Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, а впоследствии — против Запорожской и Херсонской областей, которая сопровождалась многочисленными жертвами среди мирного населения, гуманитарной катастрофой, грубыми и массовыми нарушениями прав и свобод человека». Суд квалифицировал ситуацию как «невозможность дальнейшей реализации населением указанных территорий своего права на самоопределение в составе Украины» и признал референдумы законной формой реализации этого права. Суд установил, что референдумы были проведены «при свободном волеизъявлении участников референдумов, отсутствии принуждения к участию или голосованию, а также при обеспечении тайны голосования». Итоги референдумов, по мнению Суда, «подтверждают подлинное и свободное волеизъявление многонационального народа Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области в пользу воссоединения с Российской Федерацией». Суд проверил соблюдение процедурных требований:

- Договоры подписаны полномочными представителями;
- Каждый договор сопровождается обращением соответствующего иностранного государства (ДНР, ЛНР как государства, области как части Украины) о принятии;

- Договоры не противоречат главам 1, 2 и 9 Конституции РФ. Суд особо отметил, что принятие новых субъектов «не затрагивает основы конституционного строя Российской Федерации, не умаляет права и свободы человека и гражданина и не противоречит иным положениям Конституции Российской Федерации». Более того, Суд указал, что это действие «направлено на обеспечение суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации».

Особые мнения: отсутствуют. Как и в 2014 году, решение было принято единогласно, особые мнения не публиковались.

Интерпретация принципа самоопределения.

Концепция «исключительных обстоятельств». В обоих решениях ключевым элементом правовой аргументации является ссылка на исключительные обстоятельства, делающие невозможным реализацию права на самоопределение в составе прежнего государства. В 2014 году это «государственный переворот в Киеве» и «угроза для населения Крыма». В 2022 году это «вооруженная агрессия вооруженных сил Украины», «гуманитарная катастрофа», «грубые и массовые нарушения прав и свобод человека». Такая аргументация типологически сближает российские решения с доктриной *remedial secession* (сецессии как средства защиты), которая, как было показано в анализе дел Квебека и Шотландии, допускает возможность внешнего самоопределения при систематических нарушениях прав народа и отказе во внутреннем самоопределении.

Отсутствие анализа «сохранительной клаузулы». Примечательно, что Конституционный Суд, воспроизводя текст Декларации 1970 года о принципах международного права, не проводит анализа того, соблюдал ли предшествующий суверен (Украина) принцип равноправия и самоопределения народов в отношении соответствующих территорий. В «крымском» решении этот вопрос подменяется ссылкой на смену власти в Киеве. В решениях 2022 года вопрос о соблюдении Украиной прав населения Донбасса, Запорожья и Херсона констатируется как очевидный, без развернутого доказательства.

Предварительный конституционный контроль. В обоих случаях Конституционный Суд осуществлял предварительный нормоконтроль — проверку конституционности не вступившего в силу международного договора. Эта процедура, предусмотренная статьей 89 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ», имеет следующие особенности:

Отсутствие состязательности (стороны не представлены);

Отсутствие устного слушания (в 2014 году слушание было закрытым, в 2022 году — без слушания);

Суд ограничен проверкой формального соответствия Конституции, а не оценкой фактических обстоятельств.

Юридическая сила решений. Решения Конституционного Суда о соответствии международных договоров Конституции являются обязательными и окончательными. После их вынесения договоры подлежат ратификации Федеральным Собранием в обычном порядке. В 2014 и 2022 годах ратификация состоялась незамедлительно после получения заключения Суда.

Отличие от Косово. В отличие от Консультативного заключения МС ООН по Косово, российские решения содержат позитивную квалификацию: не просто констатацию отсутствия запрета на декларацию независимости, но признание наличия позитивного права на отделение в силу исключительных обстоятельств. МС ООН в 2010 году сознательно уклонился от анализа доктрины *remedial secession*; российский Конституционный Суд, напротив, прямо ее применил.

Сходство с Южным Суданом. С доктринальной точки зрения, российский подход ближе к южносуданскому, который в академической литературе квалифицируется как применение *remedial secession*. Различие в том, что в Южном Судане сецессия была согласована с центральным правительством и инкорпорирована в мирное соглашение, тогда как в крымском и донбасском случаях согласие Украины отсутствовало.

Отличие от Квебека и Шотландии. Решительный разрыв с канадским и британским подходами заключается в том, что российские суды не рассматривали возможность внутреннего самоопределения как достаточную. В Квебеке и

Шотландии суды признали, что широкая автономия и участие в управлении исключают необходимость внешнего самоопределения. Российский Конституционный Суд, напротив, исходил из того, что внутреннее самоопределение в составе Украины стало невозможным в силу объективных обстоятельств.

Заключение. Решения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2014 года № 6-П и от 2 октября 2022 года № 36-П формируют самостоятельную линию в системе судебной практики по самоопределению народов. Ключевые правовые позиции, сформулированные в этих решениях, могут быть резюмированы следующим образом. *Первое:* Конституционный Суд признает право на самоопределение общепризнанным принципом международного права и рассматривает референдум как легитимную форму его реализации. *Втopое:* Суд применяет доктрину *remedial secession* (сецессии как средства защиты), признавая, что в исключительных обстоятельствах — при угрозе физическому существованию народа, массовых нарушениях прав человека, невозможности реализации самоопределения в составе прежнего государства - народ вправе отделиться и воссоединиться с другим государством. *Третье:* Суд не проводит развернутого анализа «сохранительной клаузулы» Декларации 1970 года и не исследует детально, соблюдал ли предшествующий суверен принцип равноправия и самоопределения. Констатация исключительных обстоятельств принимается как достаточное основание. *Четвертое:* с формально-юридической точки зрения, Суд ограничивается проверкой соблюдения процедуры, предусмотренной Федеральным конституционным законом «О порядке принятия в Российскую Федерацию…», и констатирует отсутствие противоречий с главами 1, 2 и 9 Конституции РФ. *Пятое:* в системе сравнительно-правового анализа российские решения занимают место прецедентов, в которых доктрина *remedial secession* получила не только доктринальное признание, но и практическое применение, в отличие от дел Квебека и Шотландии, где суды, признавая возможность такой доктрины, отказывали в ее применении по фактическим обстоятельствам.

Таким образом, российская судебная практика по присоединению новых территорий представляет собой последовательную реализацию подхода, при котором право на самоопределение интерпретируется как действующая норма, способная в исключительных обстоятельствах преодолевать принцип территориальной целостности, а судебный орган выполняет функцию легитимации политических решений о территориальных изменениях, проверяя их формальное соответствие конституционным процедурам.

Выводы по разделу V. Национальные суды, решая вопросы сецессии, исходят из приоритета конституционного правопорядка. Американская модель, сформулированная в деле Texas v. White, утверждает нерасторжимость федеративного Союза и допускает сецессию лишь через революцию или согласие всех штатов. Российская модель, напротив, применяет доктрину remedial secession, признавая, что в исключительных обстоятельствах — при угрозе физическому существованию народа, массовых нарушениях прав человека — народ вправе отделиться и воссоединиться с другим государством. Общим для обеих моделей является признание за судом функции легитимации территориальных изменений и оценки статуса актов нелегитимных правительств.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ДОКТРИНАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ

Проведенный систематический анализ тринадцати судебных дел позволяет сформулировать следующие обобщающие выводы, значимые для диссертационного исследования.

Первое. Судебная практика последовательно утвердила право на самоопределение как императивную норму международного права и обязательство erga omnes в контексте деколонизации. Намибийское дело, дело Западной Сахары и дело Чагос сформировали нормативное ядро: субъект права определяется границами колониального владения на момент начала деколонизации (принцип uti possidetis); отделение части территории без волеизъявления населения ничтожно ab initio; исторические связи не могут преодолеть волю народа.

Второе. В условиях иностранной оккупации суды распространили на эту категорию правовой режим, ранее применявшийся к колониям. Палестинские

заключения 2004 и 2024 годов демонстрируют эволюцию от признания самоопределения обязательством erga omnes до квалификации продолжительной оккупации, соединенной с аннексией и систематическим нарушением права на самоопределение, как обстоятельства, делающего само присутствие оккупанта противоправным per se. Это положение отсутствовало в деле Чагос и стало доктринальным прорывом 2024 года.

Третье. Доктрина remedial secession признается судами как гипотетическая возможность, но ее практическое применение сопряжено с жесткими условиями. Международный Суд в деле Косово сознательно уклонился от ее квалификации. Национальные суды Канады и Великобритании, восприняв трехчастную классификацию, признают возможность внешнего самоопределения лишь в исключительных ситуациях колониализма, оккупации или отказа в доступе к управлению. В условиях демократической федерации, обеспечивающей внутреннее самоопределение, право на одностороннюю сецессию отсутствует. Единственный случай успешной реализации (Южный Судан) был оформлен как консенсуальная, договорная сецессия.

Четвертое. В договорном праве принцип самоопределения действует непосредственно. Суд ЕС в решениях по Западной Сахаре создал прецедентный механизм: народ несамоуправляющейся территории признается третьей стороной, чье согласие необходимо для распространения международных договоров. Отсутствие прямого волеизъявления может быть компенсировано лишь при строжайших условиях предоставления прав и доказанной пропорциональной выгоды.

Пятое. Европейский суд по правам человека подтвердил, что защита конституционного порядка от неконституционных сецессионистских инициатив является законной целью, а меры конституционных судов, направленные на пресечение таких инициатив, признаются пропорциональными и не нарушающими фундаментальных прав.

Шестое. Национальные суды, разрешая сецессионистские конфликты, демонстрируют различные подходы. Американская модель, сформулированная в

1869 году, утверждает нерасторжимость федеративного Союза и допускает сецессию лишь через революцию или консенсус. Российская модель применяет доктрину remedial secession, признавая право на отделение в исключительных обстоятельствах. Канадская и британская модели, при всей их близости, также демонстрируют нюансы: канадский суд сформулировал обязанность переговоров при ясном волеизъявлении, британский суд воспринял этот стандарт и применил его к Шотландии. Таким образом, судебная практика не создала универсальной формулы сецессии, но сформировала сеть нормативных координат, в рамках которых любое требование самоопределения подлежит оценке по критериям: колониальный статус или оккупация; наличие внутреннего самоопределения; исключительность обстоятельств; соблюдение процедурных требований. Эти координаты позволяют квалифицировать конкретную ситуацию и определить, подпадает ли она под действие внешнего самоопределения или же исчерпывается внутренним.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает жизнь, и доктрина, и политическая практика, связанная с реализацией народами права на самоопределение, сталкиваются с объективными противоречиями. Австрийский ученый Б.Гарцль исходит из того, что «приверженность государств международному праву всегда будет предполагать взвешивание национальных интересов, ресурсов и других факторов, иными словами политику. Поэтому международное право никогда не сможет полностью избавиться от своей политической составляющей». По мнению исследователя, разрыв между правом и политикой не позволяет предложить нормативное объяснение политических феноменов, таких как сецессия, создание нового государства и самоопределение народа. Согласно этой «обманчивой методологии» право и политика могут служить взаимозаменяемыми инструментами для решения одной и той же проблемы. Задача ученого-юриста заключается в том, чтобы переводить обсуждение этих вопросов в сферу права[796].

С одной стороны, конституционные системы большинства государств нацелены на решительное противодействие тенденциям в функционирующих в них этнических или территориальных коллективах. С другой стороны, необходимость следования общепризнанным демократическим канонам, учета акцентированного внимания мирового сообщества к вопросам прав человека, однозначное закрепление в ряде основополагающих международно-правовых документов, прежде всего в Уставе ООН, принципа самоопределения народов подводят власти соответствующих стран к необходимости поиска разумных компромиссов в конфликтных ситуациях, сочетания различных подходов, стремления в конечном счете к своего рода балансу фундаментальных принципов конституционного законодательства и международного права, на стыке которых и должна, на наш взгляд, развиваться современная доктрина права наций на самоопределение.

Одной из методологических основ диссертации стала концепция принципов современного международного права, обстоятельно разработанная проф. Л.П.Ануфриевой в ходе состоявшейся в последнее время содержательной

[796] См. Гарцль Б. Цит. соч., С.98.

дискуссии на страницах авторитетного издания[797]. Исключительную значимость имеет, в частности, выделенное ученым положение об «элементах общности права национально-правовых систем, оказавшихся усвоенными также и международным правом», являющихся общими для обеих систем благодаря воплощению в себе наиболее ценных свойств, которые выявляют содержание права в виде исходных, сквозных идей, главных его начал, юридических максим»[798]. В этом контексте представляет, на наш взгляд, немалый интерес увязка В.Л.Толстых идеи формирования «постмодернистского типа общественного устройства» с концепцией «международного конституционного права»[799], рассмотрение «международных стандартов территориальной автономии» как части более общего процесса интернационализации международного права[800] и даже идеи о конвергенции международного и внутригосударственного права[801].

Постепенному сближению международного права и национальных правовых систем в рассматриваемой в диссертации сфере способствует происходящая трансформация мироустройства, открывающая возможности для активизации новых субъектов мировой политики, самоопределение которых сопряжено с этническим фактором. С.П.Артеевым в качестве такого рода «новых политических пространств» рассматривается, в частности, этномир – «транснациональное новое политическое пространство, которое формулируется, в первую очередь, на основе

---

[797] См. Ануфриева Л.П. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания). *Московский журнал международного права*. 2021;(1):6-27. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27; Ануфриева Л.П. Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только…. *Московский журнал международного права*. 2021;(2):6-34. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-6-34.

[798] Ануфриева Л.П. Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только…. *Московский журнал международного права*. 2021;(2):6-34. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-6-34. С.29-30

[799] Материалы международной научной-практической конференции (г.Луганск, 18–19 мая 2017 года). Луганск. 2017. С.46.

[800] См. Мочалов А.Н. Территориальная автономия и права национальных меньшинств: международные стандарты. // *Журнал российского права.* 2017. №10. С.131.

[801] См. *Безбородов Ю.С.* Методы и формы правовой конвергенции в международном праве. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Екатеринбург. 2019.

фактора этнической общности, когда неполитические (научные, образовательные, культурные, социальные) аспекты подвергаются политизации[802].

Проведенное диссертационное исследование, посвященное комплексному анализу права народов на самоопределение в его концептуальном, нормативном и инструментальном измерениях, позволяет сформулировать следующие итоговые положения, имеющие теоретическое и практическое значение для науки международного права.

1. Концептуальная эволюция и современное понимание принципа
Исследование подтверждает, что принцип самоопределения народов прошел сложную эволюцию: от политического лозунга, выдвинутого в ходе Великой французской революции и получившего развитие в идеях В.И. Ленина и В.Вильсона, до императивной нормы международного права (*jus cogens*). Ключевым этапом этой эволюции стала деколонизация 1960-х годов, закрепившая антиколониальное понимание самоопределения в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г. Однако, как свидетельствует анализ доктрины и практики, нормативное содержание принципа не является статичным. В постколониальную эпоху оно продолжает развиваться под влиянием процессов глобализации, фрагментации государств и возрастания роли прав человека, что порождает необходимость переосмысления классических подходов.

2. Проблема субъекта права на самоопределение
Одним из наиболее сложных теоретических вопросов, рассмотренных в работе, является определение субъекта исследуемого права. Анализ международно-правовых документов (Устав ООН, Международные пакты о правах человека 1966 г.) и доктринальных источников показывает, что универсального легального определения понятий «народ» или «нация» не существует. В работе

---

[802] *Государство в политической науке и социальной реальности XXI века*. Отв. ред. И.С.Семененко. М., 2020. С. 282-284

обосновывается вывод о том, что отсутствие нормативной определенности в установлении субъекта-носителя права порождает политические спекуляции и конфликты. Исследование позволяет констатировать, что в современном международном праве сложилась дифференциация правового статуса различных коллективных субъектов и формы их права на самоопределение.

3. Диалектика самоопределения и территориальной целостности

Центральной проблемой, вокруг которой строятся основные доктринальные дискуссии, является соотношение принципа самоопределения народов и принципа территориальной целостности государств. Исследование подтверждает, что в современном международном праве эти принципы не являются антагонистическими, а должны рассматриваться в системной взаимосвязи [citation:5]. Анализ Декларации о принципах международного права 1970 г., Заключительного акта СБСЕ 1975 г. и консультативного заключения Международного Суда ООН по Косово (2010 г.) [X] позволяет сделать следующие выводы:

- Приоритет отдается **внутреннему самоопределению**, которое реализуется в рамках существующего государства через различные формы автономии (территориальной, культурной), федерализацию, участие в управлении и гарантии прав меньшинств. Такой подход позволяет обеспечить баланс между правом народа на идентичность и принципом стабильности границ.
- **Внешнее самоопределение (сецессия)** рассматривается не как правило, а как исключительная мера — «право последней надежды». В доктрине обосновывается концепция «ремедиальной сецессии», согласно которой отделение может быть признано допустимым лишь в исключительных случаях грубого и систематического нарушения прав человека, дискриминации или невозможности реализации внутреннего самоопределения. Как отмечается в пояснительной записке к российскому законопроекту, реализация права на самоопределение в форме сецессии

признается бесспорной фактически только в двух случаях: при деколонизации и при доказанном наличии геноцида.

4. Способы реализации и проблема критериев. Исследование показало, что основная практическая сложность заключается в отсутствии четких, общепризнанных международно-правовых критериев и механизмов реализации права на самоопределение. Это создает риск политизации данного права и использования его для оправдания сепаратизма. Анализ практики последних десятилетий (Косово, Южный Судан, Крым, Абхазия, Каталония, Нагорный Карабах) свидетельствует о том, что реализация самоопределения часто происходит вне установленных правовых процедур и зависит от конкретной политической конъюнктуры и признания со стороны международного сообщества или отдельных государств.

В работе обосновывается необходимость дальнейшей институционализации и нормативной конкретизации данного принципа. Представляется перспективной и заслуживающей поддержки идея разработки под эгидой ООН универсального международно-правового документа (декларации или конвенции), который мог бы установить:

- согласованные критерии определения субъектов права;
- четкую иерархию форм реализации (приоритет внутреннего самоопределения);
- исчерпывающие условия, при которых внешнее самоопределение может считаться правомерным (например, систематические репрессии, блокирование любых форм автономии);
- процедурные механизмы мирного урегулирования споров, связанных с реализацией данного права.

5. Научная новизна и теоретическая значимость исследования Научная новизна диссертации заключается в авторской концепции понимания права на самоопределение как динамичной, многоуровневой системы,

нормативное содержание которой раскрывается через баланс коллективных прав народа, прав человека и принципа территориальной целостности. В отличие от упрощенных трактовок, сводящих самоопределение исключительно к праву на создание государства, в работе доказано, что современное понимание этого принципа ориентировано на поиск компромисса между стремлением народов к сохранению идентичности и необходимостью поддержания международной стабильности.

6. Практическая значимость и перспективы дальнейшей разработки темы. Сформулированные в диссертации положения могут быть использованы в нормотворческой деятельности государств, при разработке конституционных моделей, учитывающих этническое разнообразие, а также в деятельности международных организаций при урегулировании этнополитических конфликтов. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на сравнительно-правовой анализ практики конституционных судов по вопросам автономии, исследование правового статуса непризнанных государств, а также на разработку модельных механизмов реализации права на самоопределение в полиэтнических обществах.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась: право народов на самоопределение, сохраняя свое фундаментальное значение как один из основополагающих принципов международного правопорядка, трансформируется из «права на отделение» в комплексный правовой институт, обеспечивающий народам прежде всего «право на достойное существование» и сохранение идентичности в рамках демократической государственности.

Генеральная Ассамблея и другие органы ООН многократно обращались к трактовке принципа самоопределения народа. Ключевые положения проблемы в той или иной степени затрагиваются в конституциях и других законодательных актах многих государств, составляют предмет исследований юристов-международников и государствоведов, политологов, философов, историков, на регулярной основе (применительно к конкретным ситуациям) освещаются в СМИ. Вместе с тем многие аспекты самоопределения, не имея однозначной трактовки,

становятся поводом для столкновения межгосударственных интересов, «яблоком раздора», что ведет нередко к острым политическим разногласиям, а подчас – и к военным, чреватыми человеческими жертвами и материальными потерями. Как свидетельствуют многие события конца XX – начала XXI века, наибольший антагонизм присущ трактовке взаимодействия принципов самоопределения народов (особенно в такой его острой форме, как сецессия) и территориальной целостности государств, а также природы и политико-правового статуса «непризнанных государств». Официальное принятие международно-правового документа (очевидно, неконвенционного, рекомендательного характера) во многом способствовало бы адекватному пониманию и более или менее унифицированному восприятию современной трактовки права народов на самоопределение и, самое главное, легитимности такой острой формы его реализации как сецессия.

В обстоятельной публикации, посвященной проблемам самоопределения, Ю.А.Решетов приводит рассуждения американского юриста и дипломата И.Кампельмана, пытавшегося обосновать недопустимость включения сецессии в содержательную трактовку права народов на самоопределение, что, по его мнению, чревато «вовлечением мировой политики в насилие и хаос» либо превращением принципа в «исторический анахронизм, изживший себя и способный подорвать возможности демократического развития»[803]. Как бы отталкиваясь от такого подхода, российский ученый прослеживал историческое развитие права на самоопределение – от В.Вильсона и В.И.Ленина, через «Атлантическую хартию» (англо-американская декларация от 14 августа 1941 г.), Устав ООН, документы других международных организаций и приходил к выводу о «неоднозначности» трактовок соотношения права на самоопределение и права на отделение. Были обстоятельно освещены научные позиции по этому вопросу и сделан вывод о

[803] См. Решетов Ю.А. Право на самоопределение и отделение. // «Московский журнал международного права». 1994. №1. С.3.

необходимости осуществления права на самоопределение в строгом соответствии с требованиями других принципов международного права.

Автор выдвигал три возможности, допускающие осуществление права народов на самоопределение, основанные на их волеизъявлении:

- меньшинство, народ могут по собственному желанию постепенно утратить свои национальные и этнические черты, ассимилироваться с другой этнической общностью или в процессе развития создать совместно с ней какое-то новое образование;
- использовать национально-культурную автономию, которая снимает вопрос о территориальном разграничении и позволяет сохранить этническую самобытность тех или иных народов, решать вопросы религии, культуры, языка, образования;
- утверждение федерализма как «территориальной формы демократии». «Опыт федерализма в ряде государств, - приходил к заключению в этой связи исследователь, - доказывает, что в рамках федерации удается решить национальный вопрос, если его решают на основе демократии и верховенства закона»[804].

В 2000 г. Ю.А.Решетов по инициативе общественного фонда «Гласность» разработал в высшей степени оригинальный документ-проект Конвенции о праве народов на самоопределение. Рассуждая о трудностях, связанных с этим, он обратил особое внимание на две из них. Первая определение форм реализации права народов на самоопределение и, самое главное, ответ на вопрос, являются ли требования об отделении от государства имманентной формой такого права. Вторая трудность - определение субъектов права на самоопределение и, в частности, решение вопроса о том, являются ли таковыми национальные меньшинства. «Разрабатывать вопрос о формах реализации права народов на самоопределение, а затем лишать его народы, ибо национальные меньшинства и

[804] *Решетов Ю.А.* Цит. соч., С.18.

другие национальные общности и есть эти самые народы, - делал вывод автор, - было бы глумлением над самой идеей права народов на самоопределение»[805].

В представленном в свое время на рассмотрение проекте есть ряд принципиально важных положений, заслуживающих внимания, но требующих, на наш взгляд, некоторых комментариев.

1. В статье 6 проекта справедливо указано на такие способы осуществления права на самоопределение, как национально-культурная и национально-территориальная автономия. Вместе с тем не вполне ясно, как к способам самоопределения можно отнести «различные формы федерализма и конфедерализма». Федерализм, как и унитаризм выступают в качестве форм государственного устройства, в рамках (пределах) которых в равной степени может осуществляться национально-культурная автономия. Территориальная же автономия придает государству федеративный характер. Что касается «конфедерализма», речь в данном случае должна идти не об одном (едином) государстве, а о сообществе (союзе) суверенных государств, каждое из которых, очевидно, вправе самостоятельно решать проблемы самоопределения образующих его народов.

2. Увязка (статья 7) создания суверенного и независимого государства национальной или этнической группой «с мирными соглашениями между различными национальными или этническими группами в рамках того или иного государства», естественно, имеет право на жизнь. Однако такое право должно принадлежать не любым национальным или этническим группам, а лишь тем из них, которые обладают традиционными признаками нации (народа). Отмеченное здесь относится в такой же степени и к упомянутому в статье 8 праву на отделение национальной или этнической группы. Несомненна научная и практически - политическая значимость указания в этой же статье на закрепление права на отделение в конституциях государств и реализацию его при соблюдении «процедур» соответствующих государств и норм международного права.

---

[805] *Решетов Ю*.А. К проекту Конвенции о праве народов на самоопределение. // «Московский журнал международного права». 2000. №3. С. 417.

3. Большой интерес представляет статья 10, в которой, в частности, определяется порядок рассмотрения на международном уровне утверждений о нарушениях прав национальных или этнических групп т выработки рекомендаций соответствующим правительствам. В той же статье справедливо отмечается, что одних лишь утверждений о нарушениях прав и фактах столкновений на национальной или этнической почве недостаточно для обоснований требований о независимости (необходимы, надо полагать, убедительные доказательства). Наконец, важное значение имеет положение статьи, согласно которому отказ правительств следовать упомянутым рекомендациям может служить доказательством их нежелания предоставить соответствующим группам право на участие в политической и общественной жизни государства.

4. Принципиально значимо содержание статьи 11 о недопустимости использования силы, под каким бы то ни было предлогом, «будь то для достижения независимости в качестве средства права народов на самоопределение, будь то подавления мирных требований об отделении»[806].

Есть, однако, и очевидные исключения из этой, казалось бы, аксиомы: во-первых, практически все антиколониальные, национально-освободительные движения в большей или меньшей степени сопряжены с «использованием силы»; во-вторых, нельзя исключить «использование силы» со стороны государств, заботящихся о своей территориальной целостности, в тех случаях, когда «мирные требования» об отделении выходят за рамки конституционных и иных законодательных установлений.

Обращает на себя внимание, что в предложенном Ю.А.Решетовым проекте полностью отсутствует упоминание о непризнанных государствах, занимающих особое и с каждым годом все более ощутимое место в структуре мирового сообщества и возрастающее значение в международной жизни. В целях претворения в жизнь заложенных в диссертации идей и соображений автором разработан проект международно-правового документа рекомендательного характера (см. Приложение 1), одобрение положений которого Генассамблеей

---

[806] См. *Решетов Ю.А*. Цит. соч. С.418-419.

ООН могло бы способствовать в определенной степени унификации подходов как к современной трактовке права народов на самоопределение и формам его реализации, так и дальнейшей разработке международно-правовых актов в соответствующей сфере.

Приложение 1

Декларация о праве народов и наций на самоопределение и формах его реализации (проект)

Генеральная Ассамблея,

– *вновь подтверждая,* что одной из основных целей Организации Объединенных Наций, как провозглашено в Уставе ООН, является поощрение и уважение к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка или религии,

– *вновь подтверждая также* принцип равенства больших и малых наций, значение всеобщего осуществления права народов на самоопределение, суверенитет и территориальную целостность в качестве обязательного условия для реализации упомянутого принципа, а также для полного осуществления всех прав человека,

– *вновь подтверждая далее* стремление и готовность способствовать реализации принципиальных положений, содержащихся в Уставе ООН; Всеобщей декларации прав человека; Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам; Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций; Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него; Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Международном пакте о гражданских и политических правах; Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах; Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам; Венской декларации и Программе действий, принятых на Всемирной конференции по правам человека; Декларации о правах коренных народов; Декларации о праве на развитие; Манильской декларации о мирном

разрешении международных споров, в других соответствующих международных документах, которые были приняты на всемирном или региональном уровне, а также международных договорах и соглашениях, заключенных между отдельными государствами – членами Организации Объединенных Наций,

– *будучи убеждена,* что поощрение и защита прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим меньшинствам, равно как и прав коренных народов, способствуют гармоничному развитию, политической и социальной стабильности государств, в которых они проживают, укреплению дружбы и сотрудничества между народами и государствами,

– *признавая* необходимость обеспечения более эффективного претворения в жизнь международных документов по правам человека применительно к правам лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, равно как и к коренным народам,

– *считая,* что ликвидация массовых и грубых нарушений прав человека и народов способствовала бы созданию условий, содействующих развитию человечества,

– *считая также,* что для содействия развитию и полному самовыражению человека и народов должно уделяться одинаковое внимание осуществлению, содействию и защите всех прав человека и основных свобод, являющихся неделимыми и взаимозависимыми, вследствие чего осуществление некоторых прав и свобод не может служить оправданием отказа в других правах человека и основных свободах,

– *будучи глубоко обеспокоена и встревожена* вызывающими сожаление намерениями и действиями отдельных государств воспрепятствовать реализации образующими их народами права на самоопределение, экономическое и социальное развитие, культурную самоидентификацию и свободное пользование родными языками,

– *выражая особые озабоченность и тревогу* по поводу привлечения для претворения в жизнь упомянутых намерений наемников, преступная деятельность которых, решительно осуждаемая международным сообществом и ведущая к

человеческим жертвам и значительному ущербу имущества, представляет угрозу миру, безопасности и самоопределению народов, является препятствием на пути осуществления народами всех прав человека,

провозглашает:

1. Вновь обратить внимание всех государств на необходимость неукоснительного соблюдения права народов на самоопределение, в силу которого народы свободно, на основе строгого и добросовестного соблюдения положений Устава ООН, могут определять свой политический статус и осуществлять экономическое, социальное и культурное развитие. Отказ в праве на самоопределение рассматривается как нарушение прав человека.

2. Любые военные действия или репрессивные меры какого бы то ни было характера, имеющие целью воспрепятствование осуществляемой в соответствии с целями и принципами Устава ООН реализации права на самоопределение, должны быть незамедлительно прекращены. Необходимо немедленно и безоговорочно освободить всех лиц, задержанных или находящихся в тюремном заключении в результате их борьбы за самоопределение.

3. Решительно осудить практику использования наемников для подрыва осуществления права на самоопределение. Все государства должны предпринять необходимые меры в целях недопущения любого рода вербовки, обучения, набора или финансирования наемников, их транзита в целях осуществления акций, направленных на противодействие реализации народами права на самоопределение.

4. Призвать все государства принимать на национальном уровне необходимые меры для проведения в жизнь признанного мировым сообществом права на развитие, предполагающего реализацию в полной мере *самоопределения* народов, *в силу которого* народы обладают неотъемлемым правом на полное владение всеми своими природными богатствами и ресурсами, а человек является основным субъектом и бенефициаром права на развитие, при котором могут быть

полностью осуществлены его права и основные свободы. Исходить из того, что развитие, демократия и уважение к правам человека и основным свободам являются взаимосвязанными и взаимоукрепляющими.

5. Лица, принадлежащие к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, имеют право пользоваться достояниями своей культуры, исповедовать свою религию и отправлять религиозные обряды, а также свободно использовать родной язык в частной жизни и публично. Государства должны при необходимости принимать меры для обеспечения эффективного осуществления меньшинствами всех прав человека и основных свобод без какой бы то ни было дискриминации и на основе полного равенства перед законом.

6. Признавая присущие коренным народам самобытность и достоинство, уникальный вклад в цивилизационное многообразие, подтвердить приверженность международного сообщества их экономическому, социальному и культурному благосостоянию, созданию условий для пользования плодами устойчивого развития. Государствам следует гарантировать полное и беспрепятственное участие коренных народов во всех аспектах жизни, уделяя особое внимание вопросам, затрагивающим их специфические интересы, принимать необходимые меры по обеспечению уважения прав человека и основных свобод, равенства и недискриминации, признанию значения и многообразия самобытности, культуры и общественной организации.

7. Призвать все государства:

– принимать надлежащие меры в соответствии с их международными обязательствами и с должным учетом своих правовых систем в целях противодействия современным формам расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости;

– воздерживаться от любых действий, имеющих целью ассимиляцию лиц, принадлежащих к меньшинствам и коренным народам, вопреки их воле, и защищать эти лица от действий, направленных на принудительную ассимиляцию;

– учитывая особое положение лиц, принадлежащих к меньшинствам и коренным народам, поощрять во всех областях экономической, социальной,

политической и культурной жизни полное и действительное равенство между ними и лицами, принадлежащими к основным группам населения;

– предпринять незамедлительные шаги по усилению борьбы с вызывающей отторжение мирового сообщества практикой этнической чистки с целью ее скорейшего прекращения, полного искоренения, обеспечения жертвам эффективных средств правовой защиты.

8. Способами реализации права народов на самоопределение, основанными на их волеизъявлении и полном уважении политических, гражданских, социально-экономических и культурных прав, могут быть национально-территориальная автономия, национально-культурная автономия, любые иные отвечающие интересам соответствующих народов формы их самоорганизации и самоуправления.

9. В процессе реализации самоопределения народы имеют право на отделение и создание собственного суверенного государства. Это положение не должно истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих полностью или частично территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий.

10. Обратить внимание международного сообщества на феномен «непризнанных государств» – существующих в течение длительного времени территориальных образований, обладающих всеми или большинством признаков государства и оказывающих заметное влияние на региональные проблемы и геополитическое соперничество. Подобное положение противоречит принципам суверенного равенства, самоопределения народов, является нередко источником грубых нарушений прав человека, несет угрозу миру и международной безопасности.

Считать целесообразным:

включить вопрос о правовых аспектах непризнания в повестку дня Комиссии международного права ООН;

обратиться к Международному суду ООН с запросом о предоставлении заключения по правовым аспектам непризнания;

рассмотреть вопрос о наделении Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКДБ) полномочиями по обеспечению правовой защиты граждан непризнанных государств и об организации (при необходимости) оказания им гуманитарной помощи.

11. Все вопросы, связанные с возможными нарушениями права народов на самоопределение, следует рассматривать на международном уровне в ЭКОСОС, Комитете по правам человека, Комитете по ликвидации расовой дискриминации, других международных органах – как универсальных, так и региональных, которые могут в свою очередь делать соответствующие рекомендации правительствам государств, в отношении которых имеются достаточные основания предполагать нарушение ими права народов на самоопределение.

Отказ правительств следовать рекомендациям может рассматриваться как свидетельство их нежелания предоставить образующим соответствующие государства народам возможность участвовать в политической, социально-экономической и культурной жизни государства и реализовать тем самым их право на самоопределение. В таких ситуациях вопрос может быть принят к рассмотрению Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности Организации Объединенных Наций.

Список используемой литературы и источников

I. Правовые акты и судебная практика

1. Международно-правовые акты

Международные договоры

1. Венская декларация и Программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека в Вене 25 июня 1993 г. [Электронный ресурс] –

Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml.

2. Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

3. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Международное публичное право. Сборник документов / Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К. М.: Проспект, 2009. – С. 221–224.

4. Декларация о праве на развитие: принята резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1986 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml.

5. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1514 (XV) от 14 декабря 1960 г. // Права человека: сборник международных договоров. Т. I (ч. I). Нью-Йорк.

6. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН: принята Резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.
Cassese A. Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. Cambridge, 1995.

7. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций: принята 8 сентября 2000 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml.

8. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Копенгаген, 1990. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304.

9. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rm.coe.int/168007c098.

10. Европейская конвенция по правам человека: принята 4 ноября 1950 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf.

11. Заключительный акт Берлинской «Африканской» конференции. Берлин, 14–26 февраля 1885 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://istmat.org/node/27251.

12. Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ilsa.org/Jessup/Jessup15/Montevideo%20Convention.pdf.

13. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (измененная и дополненная Протоколом № 11) от 4 ноября 1950 г. Серия Европейских договоров. № 5. С. 13.

14. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах: принята 27 июня 1989 г. Генеральной конференцией Международной организации труда. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml.

15. Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам от 21 октября 1994 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/901732493 (дата обращения: 25.05.2021).

16. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

17. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. URL: https: // www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.

18. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: приняты резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

19. Парижская хартия для новой Европы. Принята 19–21 ноября 1990 г. в Париже. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/3/4/39520.pdf.

20. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств от 1 апреля 1995 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rm.coe.int/168007cddc.

21. Симоносекский мирный договор. Подписан 17 апреля 1895 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.taiwanbasic.com/treaties/Shimonoseki.htm.

22. Устав Организации американских государств: подписан в Боготе 30 апреля 1948 г., вступил в силу 13 декабря 1951 г., с изм., внесенными Протоколом Буэнос-Айреса 1967 г. и Протоколом Картахены 1985 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1902051.\.

23. Устав Организации американских государств. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1902051.

24. 30 м.: Комплекс мер по выполнению Минских соглашений. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/5/b/140221.pdf.

25. Agreement between the United Kingdom and Mauritius Concerning the Chagos Archipelago Including Diego Garcia // International Legal Materials. – 2025. – Vol. 64. – Issue 6. – P. 1432–1454.

26. Peace Agreement. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.intstudies.cam.ac.uk/centre/cps/documents_philippines_final.html.

27. Protocol between the Government of Sudan and the Sudan People’s Liberation Movement on Power-Sharing. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.usip.org/library/pa/sudan/power_sharing_05262004.pdf.

28. Sudan Comprehensive Peace Agreement // Peace Accords Matrix. University of Notre Dame. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://peaceaccords.nd.edu.

Решения международных организаций

29. Бандунгская конференция 1955 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1849807.

30. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам: принята резолюцией 1514 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml.

31. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года, принятый 20 сентября 2005 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml.

32. Повестка дня для мира. ООН. Нью-Йорк, 1992.

33. Принципы признания новых государств в Восточной Европе и в Советском Союзе: совместное заявление, одобренное на чрезвычайной встрече министров 16 декабря 1991 г. в Брюсселе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/901888683.

34. Пятый саммит глав государств и правительств государств – участников СБСЕ в Лиссабоне, 2–3 декабря 1996 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.osce.org/ru/mc/39543.

35. Резолюции Совета Безопасности ООН 277 (1970) от 18 марта 1970 г.

36. Резолюции Совета Безопасности ООН 277 (1970) от 18 марта 1970 г.; 288 (1970) от 17 ноября 1970 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/russian/document/seresol.

37. Резолюция 216 (1965) от 12 ноября 1965 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://undocs.org/ru/S/RES/216(1965).

38. Резолюция 541 (1983) от 18 ноября 1983 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://undocs.org/ru/S/RES/541(1983).

39. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2145 (XXI) «Question of South West Africa» от 27 октября 1966 г.

40. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3201 (S-VI) от 1 мая 1974 г. «Декларация об установлении нового международного экономического порядка».

[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/econ_order.shtml.

41. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3411D от 28 ноября 1975 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/russian/document/docs/gares.html.

42. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Всеобщее осуществление права народов на самоопределение» от 18 декабря 2009 г. A/64/438. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/64/438.

43. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 5 февраля 1952 г. A/RES/545 (VI). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/RES/545%28VI%29.

44. Резолюция ПАСЕ 1416 (2005) от 25 января 2005 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2005]/[Jan2005]/Res1416_rus.asp.

45. Резолюция Совета Безопасности ООН 1244 (1999) от 10 июня 1999 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://undocs.org/ru/S/RES/1244(1999).

46. Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1368 (2001), принятая 12 сентября 2001 г., S/RES/1368 (2001).

47. Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1373 (2001), принятая 28 сентября 2001 г., S/RES/1373 (2001).

48. Резолюция Совета Европы № 1832 от 4 октября 2011 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2011%5D/%5BOct2011%5D/Res1832_rus.asp.

49. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН № 74/138 от 18 декабря 2019 г. «Использование наемников как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/RES/74/138.

50. Resolution 216 (1965), adopted by the Security Council at its 1258th meeting, of 12 November 1965. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://digitallibrary.un.org/record/90483?ln=ru&v=pdf.

51. Resolution 217 (1965), adopted by the Security Council at its 1259th meeting, of 20 November 1965. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://docs.un.org/ru/S/RES/217(1965).

52. Resolution 541 (1983). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://docs.un.org/ru/S/RES/541(1983).

Иные документы

53. ACFC/25DOC(2006)02. Комментарий по аопросам образования в свете Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. Консультативный комитет Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800bc5fe.

54. Доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов A/HRC/9/9 (С. Джеймс Анайя). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://docs.un.org/ru/A/HRC/9/9.

55. Доклад Третьего комитета Генеральной Ассамблеи ООН A/66/461 от 30.12.2011 «Право народов на самоопределение». Разд. III. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/66/461.

56. Документ ООН E/CN.4/Sub.2/1992/37. С. 4, 9.

57. Европейская комиссия за демократию через право. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2007)008rev-rus.

58. Ежегодник ООН 2003 год. Т. II (ч. 2). С. 134–150. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/reports/2004/russian/chp10.pdf.

59. Комментарий Рабочей группы по меньшинствам к Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и

языковым меньшинствам от 22 марта 2005 г. Док. ООН E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/2.

60. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда ООН 2008–2012 гг. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add5.pdf.

61. Материалы работы 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Ассамблея тысячелетия). 27 марта 2000 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/54/2000.

62. Материалы работы Пятьдесят четвертой сессии ООН. Ассамблея тысячелетия ООН. 27 марта 2007 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/54/2000.

63. Общая рекомендация Комитета по ликвидации расовой дискриминации № XXI (48) // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН. 51-я сессия. Дополнение № 18 (A/51/18).

64. Ответственность по защите // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/chronicle/article/21872.

65. Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/155/07/pdf/nr015507.pdf.

66. Общая рекомендация Комитета по ликвидации расовой дискриминации № XXI (48).

67. Общая рекомендация Комитета по ликвидации расовой дискриминации № XXI (48). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/A/59/18(SUPP).

68. Общая рекомендация Комитета по ликвидации расовой дискриминации № XXI (48) // Официальные отчеты ГА ООН. Пятьдесят первая сессия. Дополнение № 18 (A/51/18).

69. Подкомиссия ООН по поощрению и защите прав человека. Заключительноый текст к Декларации о правах лиц, принадлежащих к

национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Док. ООН E/CN.4/Sub.2/AC.5/2001/2.

70. Подкомиссия ООН по поощрению и защите прав человека. Заключительный текст комментария к Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, языковым и религиозным меньшинствам. // Документ ООН E/CN.4/Sub.2/AC5/2001/2.

71. Подкомиссия ООН по поощрению и защите прав человека. Заключительный текст комментария к Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Док. ООН E/CN.4/Sub.2/AC.5/2001/2.. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/CN.4/Sub.2/2001/40.

72. Подкомиссия ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Доклад А. Эйде. Док. ООН E/CN.4/Sub.2/1993/34.

73. Замечания общего порядка Комитета по правам человека № 23 (50) // Доклад Комитета по правам человека. 1994. Т. 1. Официальные отчеты ГА ООН. Сорок девятая сессия. Доп. № 40 (A/49/40). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.legislationline.org/ru/documents/id/21118.

74. Протокол (Machakos Protocol). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.sudanru.com/russian/machakos.htm.

75. Bureau of Palestinian Rights Committee Welcomes Advisory Opinion by International Court of Justice. Press Release GA/PAL/962. 13 July 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://press.un.org/en/2004/gapal962.doc.htm.

76. Council of Europe, Committee of Ministers. Declaration on Nagorno-Karabakh. 11 March 1992. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://karabakh.org/resolutions/declaration-on-nagorno-karabakh-council-of-europe-committee-of-ministers/ (дата обращения 01.03.2021).

77. Council of Europe, Committee of Ministers. Reply to the Written Question No. 396 by Mrs Hajiyeva to the Committee of Ministers “Recognition of the Territorial Integrity of Azerbaijan by Armenia”. 19 September 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rm.coe.int/16804da793.

78. Council of Europe. Venice Commission. Annual Report of Venice Commission (1996).

79. Council of Europe. Venice Commission. Opinion on the Interpretation of Article 11 of the Draft Protocol to the European Convention on Human Rights appended to Recommendation 1201 of the Parliamentary Assembly, 1–2 March 1996 // Annual Report of the Venice Commission (1996).

80. Framework Convention for the Protection of National Minorities and Explanatory Report. Council of Europe Document H (95) 10.

81. Héctor Gros Espiell. The Right to Self-Determination. Implementation of United Nations Resolutions. New York, 1980. UN Doc. E/CN.4/Sub.2/405/Rev.1.

82. Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Report. Vol. I–III. 2009. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.mpil.de/en/pub/publications/archive/independent_international_fact.cfm.

83. International Meeting of Experts for Further Study of the Concept of the Rights of Peoples. UNESCO. Paris, 27–30 November 1989. Final Report and Recommendations. SHS-89/CONF.602/7.

84. Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem. Advisory Opinion. 19 July 2024. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/unispal/document/report-of-the-secretary-general-icj-19dec24/.

85. Report of the Independent International Fact-Finding Mission on Myanmar. A/HRC/39/64. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/FFM-Myanmar/A_HRC_39_64.pdf.

86. Report of the Secretary-General on the Situation concerning Western Sahara (S/2006/249) // United Nations Security Council.

87. Report of the Secretary-General’s Panel of Inquiry on the 31 May 2010 Flotilla Incident. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-205969/.

88. Report of the Special Rapporteur on the Rights of Indigenous Peoples A/HRC/27/52 (Victoria Tauli-Corpuz). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://right-docs.uwazi.io/entity/3pv6aoia782.

89. Sub-Commission on the Promotion and Protection of Human Rights. Report on the question of minority rights. E/CN.4/Sub.2/2000/10, 27 June 2000.

90. The Court Gives Its Advisory Opinion and Responds to the Questions Posed by the General Assembly. ICJ Press Release No. 186-20240719-PRE-01-00-EN. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.icj-cij.org/node/204175.

91. Unrepresented Nations and Peoples Organization: Yearbook 1997. The Hague, 1998.

92. Доклад Независимого эксперта ООН. A/HRC/37/63. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://right-docs.uwazi.io/entity/bsrd5a5ast?file=1610441732293flxhbab2pk8.pdf&page=6.

Национально-правовые акты
Российская Федерация

93. Российская Федерация. Законы. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: [федер. закон: от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ (ред. от 13 июля 2020 г.)] // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.

94. Российская Федерация. Законы. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: [федер. закон: от 04 января 1999 года № 4-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.)] // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 2. – Ст. 231.

95. Российская Федерация. Президент. О признании Донецкой Народной Республики: [указ Президента РФ: от 21 февраля 2022 г. № 71] // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 9 (часть I). -- Ст. 1297.

96. Российская Федерация. Президент. О признании Запорожской области: [указ Президента РФ: от 29 сентября 2022 г. № 685] // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 40. – Ст. 6785.

97. Российская Федерация. Президент. О признании Луганской Народной Республики: [указ Президента РФ: от 21 февраля 2022 г. № 72] // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 9 (часть I). – Ст. 1298.

98. Российская Федерация. Президент. О признании Херсонской области: [указ Президента РФ: от 29 сентября 2022 г. № 686] // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 40. – Ст. 6786.

99. Российская Федерация. Президент. Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: [указ Президента РФ: от 05 марта 2020 г. № 164 (ред. от 21 февраля 2023 г.)] // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 10. – Ст. 1317.

100. Российская Федерация. Президент. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: [указ Президента РФ: от 30 ноября 2016 г. № 640] // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 49. – Ст. 6886.

101. Российская Федерация. Правительство. О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации: [постановление Правительства РФ: от 24 марта 2000 г. № 255 (ред. от 18 декабря 2021 г.)] // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 14. – Ст. 1493.

Иностранные государства

102. Official Languages Act (R.S.C., 1985, c. 31 (4th Supp.)). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/o-3.01/.

103. The Law on the Special Legal Status of Gagauzia (Gagauz Yeri). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.intstudies.cam.ac.uk/centre/cps/documents_moldova_law.html.

104. Верховная Рада Украины. Закон «О признании утратившим силу Закона Украины "О принципах государственной языковой политики"». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://zakon.rada.gov.ua.

105. Закон США «Captive Nations Week». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.congress.gov/86/statute/STATUTE-73/STATUTE-73-Pg212.pdf.

Судебная практика

Международная судебная практика

106. Консультативное заключение Международного Суда ООН «О правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 г.». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.icj-cij.org/files/case-related/169/169-20190225-PRE-01-00-EN.pdf.

107. Консультативное заключение Международного Суда ООН и индивидуальные заключения судей от 19 июля 2024 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.icj-cij.org/case/186/advisory-opinions.

108. Консультативное заключение Международного Суда ООН от 25 февраля 2019 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.icj-cij.org/files/case-related/169/169-20190225-01-00-EN.pdf.

109. Консультативное заключение Постоянной палаты международного правосудия о «Немецких поселенцах в Польше» от 10 сентября 1923 г.

110. A.B. et al. v. Italy, Communication No. 413/1990, U.N. Doc. CCPR/C/40/D/413/1990, 2 November 1990.

111. A.D. v. Canada, Communication No. 78/1980, U.N. Doc. CCPR/C/22/D/78/1980, 29 July 1982.

112. A.D. v. Canada. Communication No. 78/1980. Views of the Human Rights Committee. U.N. Doc. CCPR/C/22/D/78/1980, 29 July 1982.

113. Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo. Advisory Opinion of 22 July 2010 // I.C.J. Reports. – 2010. – P. 438. § 82.

114. Admissibility of Hearings of Petitioners by the Committee on South West Africa. Advisory Opinion // ICJ Reports. – 1956. – P. 23, 26.

115. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia). Preliminary Objections. Judgment of 11 July 1996 // I.C.J. Reports. – 1996. – P. 595.

116. Boriss Cilevičs v. Latvia. Case C-391/20. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62020CC0391.

117. Case Concerning East Timor (Portugal v. Australia). Judgment of 30 June 1995 // ICJ Reports. – 1995. – P. 90–277.

118. Case C-104/16 P Council of the European Union v Front populaire pour la libération de la saguia-el-hamra et du rio de oro (Front Polisario). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:62016CJ0104_SUM(дата обращения: 06.03.2026).

119. Catan and Others v. Moldova and Russia. Applications Nos. 43370/04, 8252/05 and 18454/06. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-114082.

120. CHL Inc. and Hayes v. Vitalité. 2025. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tj.news/new-brunswick/court-sides-with-private-health-firm-in-language-rights-case-against-vitalite.

121. Commission v Front Polisario (C-778/21 P, C-798/21 P, C-779/21 P, C-799/21 P). Judgment. ECLI:EU:C:2024:835. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62021CJ0778.

122. Communication No. 78/1980. Views of the Human Rights Committee. U.N. Doc. CCPR/C/33/D/78/1980.

123. Conference on Yugoslavia. Arbitration Commission // 92 International Law Reports. – 1993. – P. 168.

124. Council v Front Polisario (C-104/16 P). Judgment of the Court (Grand Chamber). ECLI:EU:C:2016:973. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62016CJ0104.

125. Delalić et al. (Čelebići) (IT-96-21-A). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cld.irmct.org/notions/show/233/de-facto-authority#.

126. Diergaardt et al. v. Namibia, Communication No. 760/1996, U.N. Doc. CCPR/C/69/D/760/1996, 25 July 2000.

127. Déclaration de M. Nagendra Singh, juge (opinion individuelle) // ICJ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.icj-cij.org/index.php/fr/node/141793.

128. Déclaration de M. Nagendra Singh, juge (opinion individuelle) // ICJ. P. 95. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.icj-cij.org/index.php/fr/node/141793.

129. E.P. et al. v. Colombia, Communication No. 318/1988, U.N. Doc. CCPR/C/39/D/318/1988, 25 July 1990.

130. East Timor (Portugal v. Australia). Judgment // ICJ Reports. 1995. P. 90. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.icj-cij.org/case/84.

131. Fongum Gorji-Dinka v. Cameroon, Communication No. 1134/2002, U.N. Doc. CCPR/C/83/D/1134/2002, 17 March 2005.

132. Gilberto François Croes v. The Netherlands, Communication No. 164/1984, U.N. Doc. CCPR/C/34/D/164/1984, 16 November 1988.

133. ICJ. CR 2009/33. P. 19. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15736.pdf (accessed: 01.05.2013).

134. ICJ. Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritiusin 1965. Advisory Opinion.P.95. ICJ. East Timor (Portugal v. Australia). Judgment // I.C.J. Reports. – 1995. – § 29.

135. International Status of South-West Africa. Advisory Opinion // ICJ Reports. – 1950. – P. 128, 143.

136. Ivan Kitok v. Sweden, Communication No. 197/1985, U.N. Doc. CCPR/C/33/D/197/1985, 27 July 1988.

137. John Wilson v. Australia, Communication No. 1239/2004, U.N. Doc. CCPR/C/80/D/1239/2004, 1 April 2004.

138. John Wilson v. Australia, Communication No. 1239/2004, U.N. Doc. CCPR/C/80/D/1239/2004, 1 April 2004.

139. Jouni E. Länsman et al. v. Finland, Communication No. 671/1995, U.N. Doc. CCPR/C/58/D/671/1995, 30 October 1996.

140. Judgment // I.C.J. Reports. – 1986. – P. 565–566. Para. 22.

141. Katangese Peoples' Congress v. Zaire (75/92) // African Commission on Human and Peoples' Rights.

142. LaGrand Case (Germany v. United States of America). Judgment of 27 June 2001 // I.C.J. Reports. – 2001.

143. Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970). Advisory Opinion // ICJ Reports. 1971. P. 16. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf.

144. Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. Advisory Opinion // ICJ Reports. 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-178825/.

145. Mahuika et al. v. New Zealand, Communication No. 547/1993, U.N. Doc. CCPR/C/70/D/547/1993, 27 October 2000.

146. Marie-Hélène Gillot et al. v. France, Communication No. 932/2000, U.N. Doc. CCPR/C/75/D/932/2000, 15 July 2002.

147. Marshall v. Canada, Communication No. 205/1986, U.N. Doc. CCPR/C/43/D/205/1986.

148. Mestan v. Bulgaria. Application No. 24108/15. Judgment of 2 May 2023. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22002-14062%22]}.

149. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Judgment of 27 June 1986 // ICJ Reports. 1986. P. 14. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.worldlii.org/int/cases/ICJ/1986/1.html.

150. Monetary Gold Removed from Rome in 1943 (Italy v. France, United Kingdom and United States of America). Judgment // ICJ Reports. – 1954.

151. Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America) // ICJ Reports. – 2003.

152. R.L. et al. v. Canada, Communication No. 358/1989, U.N. Doc. CCPR/C/43/D/358/1989, 5 November 1991.

153. S.S. Lotus (France v. Turkey). Judgment of 7 September 1927 // PCIJ Series A. – No. 10.

154. The Government of Sudan v. Sudan People's Liberation Movement/Army (Abyei Arbitration). Final Award. Permanent Court of Arbitration. 22 July 2009. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXX/417-487.pdf.

155. Voting Procedure on Questions relating to Reports and Petitions concerning the Territory of South-West Africa. Advisory Opinion // ICJ Reports. – 1955.

156. Western Sahara. Advisory Opinion // ICJ Reports. 1975. P. 12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf.

Российская судебная практика

157. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2014 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // Российская газета. – 2014. – 20 марта. – № 63.

158. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 октября 2022 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Собрание законодательства РФ. 10.10.2022. – № 41. Ст. 7154.

159. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 октября 2022 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Собрание законодательства РФ. 10.10.2022. – № 41. Ст. 7155.

160. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 октября 2022 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Собрание законодательства РФ. 10.10.2022. – № 41. Ст. 7156.

161. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 октября 2022 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Собрание законодательства РФ. 10.10.2022. – № 41. Ст. – 7157.

162. Определение Конституционного Суда РФ от 06.12.2001 N 249-О // Российская газета. 30.01.2002. N 18.

163. Решение о конституционности ряда законов Татарстана // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1993. – № 1. – С. 49.

Иностранная судебная практика

164. Reference by the Lord Advocate of Devolution Issues under Schedule 6 to the Scotland Act 1998 // UK Supreme Court. Case UKSC/2022/0098. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2022-0098.

165. Reference re Secession of Quebec // Supreme Court of Canada. [1998] 2 S.C.R. 217. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do.

166. Republic of Somalia v. Woodhouse Drake & Carey. British High Court, Queen’s Bench Division, 1992. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.uniset.ca/other/cs3/1993QB54.html.

167. Sentencia 259/2015, de 2 de diciembre de 2015 (Tribunal Constitucional de España). Impugnación de disposiciones autonómicas 6330-2015. Formulada por el Gobierno de la Nación respecto de la Resolución del Parlamento de Cataluña 1/XI, de 9 de noviembre de 2015, sobre el inicio del proceso político en Cataluña como

consecuencia de los resultados electorales del 27 de septiembre de 2015. Soberanía y unidad de la nación.

168. Sentencia 259/2015, de 2 de diciembre de 2015. Impugnación de disposiciones autonómicas 6330-2015. Formulada por el Gobierno de la Nación respecto de la Resolución del Parlamento de Cataluña 1/XI, de 9 de noviembre de 2015, sobre el inicio del proceso político en Cataluña como consecuencia de los resultados electorales del 27 de septiembre de 2015. Soberanía y unidad de la nación.

169. Supreme Court of Canada. Reference re Secession of Quebec (The Quebec case). Case No. 25506. Judgment of 20 August 1998. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do.

170. The State of Texas, Complainant, v. George W. White, John Chiles, John A. Hardenburg, Samuel Wolf, George W. Stewart, the Branch of the Commercial Bank of Kentucky, Weston F. Birch, Byron Murray, Jr., and Shaw, 74 U.S. (7 Wall.) 700. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/74/700.

II. Литература

Монографии

171. Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р. Правовой статус национальных меньшинств: международно-правовой анализ. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 224 с.

172. Барсегов Ю. Г. Обязательная сила права народов на самоопределение и средства его обеспечения/ЮГ Берсегов // М.: Международный гуманитарный фонд арменоведения,«Армбук-Маштоц». Полигр. фирма «Армбук-Маштоц. – 1993. – 32 с.

173. Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве: юридическая природа территориального верховенства и правовые основания распоряжения территорией. – М.: Госюриздат, 1958. – 271 с.

174. Британский регионализм : конституц. реформа / С. И. Коданева. – Москва : Юристъ, 2004. – 140 с.

175. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке : монография / Л. В. Сморгунов; Санкт-

Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург : Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2012. – 360 с.

176. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны : Документы и мат-лы. – Москва : Госполитиздат, 1944-1947. Т. 3 : 1 января - 3 сентября 1945 г. / Ред.-сост. С. Майоров. – 1947. – 791 с.

177. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. 22-е июня 1941 г. - 31-е дек. 1943 г. : документы и материалы. – [Москва] : Гос. изд-во полит. лит., 1946 (Образцовая тип.). – 803 с.

178. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Бенедикт Андерсон; Пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.: Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. – 286 с.

179. Всеобъемлющая международная безопасность : Междунар.-правовые принципы и нормы : Справочник. Дипломат. акад. МИД СССР / отв. ред. Б. М. Клименко. – Москва : Междунар. отношения, 1990. – 326 с.

180. Государство в политической науке и социальной реальности XXI века : монография / под ред. И. С. Семененко ; отв. ред. В. В. Лапкина, В. И. Пантина ; ИМЭМО РАН. – Москва : Издательство «Весь Мир», 2020. – 384 с.

181. Документы внешней политики СССР. – Москва : Госполитиздат, 1959. Т. 1: 7 ноября 1917 г. - 31 декабря 1918 г. / Ред. коллегия: И. Н. Земсков и др. – 1959. – 772 с.

182. Дюги, Л. Конституционное право. Общая теория государства : монография / Л. Дюги. – М. : ИНФРА-М, 2018. – 427 с.

183. Западная Сахара: преданная независимость : сборник исследований и документов по современной истории Сахарской Арабской Демократической Республики / Информ. агентство Regnum ; сост. Елена Висенс. – Москва : Regnum, 2007. – 117 с.

184. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву / А. Х. Абашидзе. – М.: Права человека : Фонд А. Абашидзе, 1996. – 474 с.

185. Идеи к философии истории человечества / Иоганн Готфрид Гердер ; Пер. и примеч. А.В. Михайлова. – Москва : Наука, 1977. – 703 с.

186. именко Б. – М. (д-р юрид. наук) Государственная территория Вопросы теории и практики междунар. права. – Москва : Междунар. отношения, 1974. – 168 с.

187. Интернационализация конституционного права: современ(ные тенденции : монография / Под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. – М. : ИГП РАН, 2017. – 224 с.

188. История международного права / Ю. Я. Баскин, Д. И. Фельдман. – Москва : Междунар. отношения, 1990. – 204 с.

189. Каграманов А.К. Самоопределение народов и наций в современном международном праве. Издательство «Проспект», 2025 - 320 с.

190. Казаровец, Евгений Маркович. Вопросы признания новых государств и правительств в современном международном праве – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 23 с.

191. Казаровец, Евгений Маркович. Вопросы признания новых государств и правительств в современном международном праве. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 23 с.

192. Карташкин, В. А. Права человека и принципы международного права в XXI веке : монография / В.А. Карташкин. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 148 с.

193. Клименко Б. – М. (д-р юрид. наук) Мирное решение территориальных споров. – М. : Междунар. отношения, 1982. – 183 с.

194. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве / В. А. Кряжков. – Москва : Изд-во НОРМА, 2010. – 559 с.

195. Коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни: руководство по конвенции МОТ № 169 / сост.: Мануэла Томей и Ли Свептон. – Женева : Междунар. бюро труда, 1996. – X. – 66 с.

196. Кристеску, А. Право народов на самоопределение: Историческое и современное развитие на основе документов/ А. Кристеску. – Нью-Йорк: ЭКОСОС, 1981. – 232 с.

197. Крылов, Сергей Борисович. История создания Организации Объединенных Наций : Разработка текста Устава Организации Объединенных Наций. (1944-1945) / Под ред. и с предисл. проф. Г. И. Туникина; Ин-т междунар. отношений. – 2-е изд., доп. – Москва : Изд-во ИМО, 1960. – 343 с.

198. Кузьмин Э. Л. Загадка Жана Бодена: трактат о суверенитете. – М.: Международные отношения, 2018. – 376 с.

199. Кутафин О. Е. Российская автономия: монография. – М.: Проспект, 2006. – 767 с.

200. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. Б. И. Макаренко; науч. ред. пер. А. М. Салмин, Г. В. Каменская. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

201. Манов, Борис Григорьевич. ООН и содействие осуществлению соглашений о правах человека / Б. Г. Манов; Отв. ред. В. М. Чхиквадзе; АН СССР, Ин-т государства и права. – Москва : Наука, 1986. – 110 с.

202. Маркедонов, С. Аналитические доклады Института Кавказа / С. Маркедонов ; Сергей Маркедонов. – Ереван : Ин-т Кавказа, 2012. – 179 с.

203. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Том 1. – СПб : типография А. Бенке, 1904. -XXVI. – 438 с.

204. Материалы к истории литературы международного права в России, (1647-1917) / В. Э. Грабарь; науч. ред. и сост. У. Э. Батлер; отв. ред. В. А. Томсинов. – Москва : Зерцало, Гарант, 2005. – 847 с.

205. Материалы Международной научно-практической конференции (Луганск, 18-19 мая 2017 года) / Министерство образования и науки Луганской Народной Республики, ГУ ЛНР "Луганская академия внутренних дел имени Э. А. Дидоренко", Костромской государственный университет ; [редакционная коллегия: С. А. Цемкало и др.]. – Луганск : Луганская акад. внутренних дел им. Э. А. Дидоренко ; – Кострома : Костромской гос. ун-т, 2018. – 351 с.

206. Международно-правовое признание Косово : монография / Строева А. С. – Москва : 2014. – 221 с.

207. Международное гуманитарное право : Введение : Пер. с англ. / Ханс-Петер Гассе. – 2. изд., испр. – Москва : Междунар. ком. Красного Креста, 1999. – 128 с.

208. Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия / И А. Конюхова ; Российская акад. правосудия. – Москва : Формула права, 2006 (М. : 1-я Образцовая. типография). – 493 с.

209. Мелкумов А.А. Канадский федерализм: теория и практика / А.А.Мелкумов. – Москва : Экономика, 1998. – 220 с.

210. Меньшиков, Михаил Осипович. Письма к русской нации / / М. О. Меньшиков. – Москва, 1999. – 555 с.

211. Модернизация партийной системы Великобритании / Алексей Громыко ; Российская Акад. Наук, Ин-т Европы. – Москва : Весь Мир, 2007. – XII. – 330 с.

212. Мюллерсон, Рейн Авович. Права человека: идеи, нормы, реальность / Р. А. Мюллерсон. – Москва : Юрид. лит., 1991. – 156 с.

213. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, – М. Хрох и др; Пер с англ. Н 28 и нем. Л. Е. Переяславцевой, – М. С. Панина, – М. Б. Гнедовского – М.: Праксис, 2002. – 416 с.

214. Национально-культурная автономия : идея и реализация : эстонский опыт / Александр Осипов, Илья Никифоров. – Таллинн : Центр информации по правам человека, 2008. – 69 с.

215. Нгуен Куок Динь. Международное публичное право: в 2 т. / Нгуен Куок Динь, Патрик Дайе, Алэн Пелле; пер. с фр. – Киев: Изд-во "Сфера", 2000.

216. Непризнанные государства на постсоветском пространстве: конфликтологический анализ проектов легитимации : монография / В. Ю. Верещагин, Е. В. Свиридкина, З. И. Чемурзиева ; Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Ростовский юридический ин-т МВД России", Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования

"Сочинский гос. ун-т туризма и курортного дела". – Ростов-на-Дону : ФГОУ ВПО "РЮИ МВД России";, ФГОУ ВПО "СГУТиКД", 2008. – 107 с.

217. Новейшая история Великобритании, XX-начало XXI века : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 030600 "История" / Г. С. Остапенко, А. Ю. Прокопов. – Москва : Вузовский учеб., ИНФРА-М, 2012. – 470 с.

218. Оппенгейм Л. Международное право. Том I: Мир. Полутом 2 / Л. Оппенгейм; Перевод с 6-го английского издания А.Н. Ивенского, И.Я. Левина и И.А. Моро под редакцией и с предисловием проф. С.Б. Крылова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1949. – 547 с.

219. Осборн, Роберт Дж. Общественные науки и современность: Национальное самоопределение и целостность государства.N. 5 /1993 С. 122 – 126.

220. Основные проблемы теории международного права. – Москва : Междунар. отношения, 1968. – 272 с.

221. От Декрета о мире к Декларации мира / В. И. Кузнецов, Р. А. Тузмухамедов, Н. А. Ушаков ; Предисл. Д. Колесника. – Москва : Междунар. отношения, 1972. – 144 с.

222. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – Москва : Наука, 1983. – 412 с.

223. Пикте, Жан. Развитие и принципы международного гуманитарного права : Курс, прочит. в июле 1982 г. Жаном Пикте в Страсбург. ун-те в рамках информац. сессии, организ. Междунар. ин-том прав человека / Жан Пикте. – 2. изд., испр. – Москва : Междунар. ком. Крас. Креста (МКК), 2001. – 110 с.

224. Полное собрание сочинений, Ленин. Письма, ноябрь 1910 - июль 1914. – Москва : Изд-во Политической литературы, 1970. – XVI. – 543 с.

225. Полное собрание сочинений, Ленин. Т. 27 Август 1915 - июнь 1916. – 1969. – XX. – 643 с.

226. Полное собрание сочинений, Ленин. Т. 36 Март-июль 1918. – 1969. – XXVI. – 741 с.

227. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. – М.: Новый Хронограф, 2012. – 672 с.

228. Право национальное и международное / Г. М. Вельяминов; Российская академия наук, Институт государства и права. – Москва : РГ-Пресс, 2017. – 241 с.

229. Признание в современном международном праве : Признание новых государств и правительств / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. И. Фельдмана. – Москва : Междунар. отношения, 1975. – 167 с.

230. Признание государств и правительств: проблемы и перспективы, барьеры и возможности : Материалы Международной научно-практической конференции, – Луганск, 18–19 мая 2017 года / Редкол.: С.А. Цемкало, В.А. Глазков, Д.А. Бабичев, Т.С. Коваленко. – Луганск: Костромской государственный университет, 2018. – 352 с.

231. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций Юрид. фак. Открытого Брюссел. ун-та: Пер. с фр. / Эрик Давид. – Москва : Междунар.ком. Крас. креста, 2000. – 718 с.

232. Проблема Западной Сахары. Миф и реальность / Н. П. Подгорнова ; Ин-т Ближнего Востока. – Москва : Ин-т Ближнего Востока, 2013. – 235 с.

233. Проблемы нравственности / О.Г. Дробницкий ; АН СССР, Ин-т философии. – Москва : Наука, 1977. – 333 с.

234. Реквием по этносу: Исслед. по социал.-культур. антропологии / В.А. Тишков; Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 2003 (ППП Тип. Наука). – 542 с.

235. Русинова В. Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека : монография. — Москва : Статут, 2015. — 384 с. — ISBN 978-5-8354-1119-1.

236. Руссо, Ж. Об общественном договоре или принципы политического права / Ж. Руссо. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 146 с.

237. Сепаратизм в странах Востока / А. Б. Крылов; Рос. акад. наук, Инт востоковедения. – Москва : Наука, 1992. – 174 с.

238. Сецессия : право на отделение, права человека и территориальная целостность государства / Аллен Бьюкенен ; пер. Екатерины Фурман. – Москва :

Рудомино, 2001. – 239 с. – (Публикации Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова) (Серия Теоретические проблемы прав человека; Вып. 2)

239. Сецессия: право на отделение, права человека и территориальная целостность государства / Аллен Бьюкенен ; [пер. Екатерины Фурман]. – Москва : Рудомино, 2001. – 239 с.

240. Собрание сочинений : в 4 т. / Платон ; [общ. ред. А. Ф. Лосева и др. ; примеч. А. А. Тахо-Годи]. Т. 4 / [пер. с древнегреческого А. Н. Егунова и др.]. – Москва : Мысль, 1990-1994, 1994. – 830 с.

241. Современное международное право / Эдуардо Хименес де Аречага; Пер. с исп. Ю. И. Папченко. – М.: Прогресс, 1983. – 480 с.

242. Современный буржуазный федерализм / И.М. Вайль, А.И. Вавилов, Е.Р. Кастель и др. ; Отв. ред. И.Д. Левин, И.М. Вайль. – Москва : Наука, 1978. – 288 с.

243. Сперанская, Лидия Васильевна. Принцип самоопределения наций в международном праве = Принцип самоопределения в международном праве. – Москва : Госюриздат, 1961. – 173 с.

244. СССР после распада / общ. ред.: О. Маргания, Д. Травин. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2007. – 540 с.

245. Становление и развитие канадского федерализма / И. Н. Ившина ; Федеральное агентство по образованию, Вятский гос. гуманитарный ун-т. – Киров : ВятГГУ, 2007. – 179 с.

246. Старушенко, Глеб Борисович. Нация и государство в освобождающихся странах. – Москва : Междунар. отношения, 1967. – 294 с.

247. Старушенко, Глеб Борисович. Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике Советского государства: (Ист.-правовой очерк). – Москва : Изд-во ИМО, 1960. – 191 с.

248. Томсинов, В. А. "Крымское право", или Юридические основания воссоединения Крыма с Россией / В. А. Томсинов. – Москва : Зерцало-М, 2015. – 132 с.

249. Тузмухамедов, Раис Абдулхакович. Национальный суверенитет / Акад. наук УзССР. Ин-т философии и права. – Москва : Изд-во ИМО, 1963. – 215 с.

250. Тункин Г.И. Теория международного права. – Москва : Международные отношения, 1970. – 570 с.

251. Тюрк, Данило. Основы международного права / Данило Тюрк. – Москва : Центр книги Рудомино, 2013. – 638 с.

252. Уэлман К.Х. Теория отделения: аргумент в пользу политического самоопределения. Cambridge University Press, 2005.

253. Фердросс, Альфред. Международное право / Пер. с нем. Ф. А. Кублицкого и Р. Л. Нарышкиной ; Под ред. и с предисл. д-ра юрид. наук Г. И. Тункина. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1959. – 652 с.

254. Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. – Москва Издательство юридическая фирма "Контракт" 2010. – 286 с.

255. Хабриева, Талия Ярулловна. Теория современной конституции / Т. Я. Хабриева, В. Е. Чиркин. – Москва : Норма, 2007. – 319 с.

256. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Э. Хобсбаум; пер. с англ. А. А. Васильев. – СПб.: Алетейя, 2017. – 308 с.

257. Чертков А.Н. Территориальное устройство Российской Федерации. Правовые основы М. : Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ, 2009. – 343 с.

258. Чиркин, Вениамин Евгеньевич (1924-). Публично-правовое образование / В. Е. Чиркин ; Ин-т государства и права РАН. – Москва : НОРМА, ИНФРА-М, 2011. – 335 с.

259. Чиркин, Вениамин Евгеньевич. Современное государство / В.Е. Чиркин ; Московский гуманитар.-социал. акад., Юрид. фак. – Москва : Международ. отношения, 2001. – 411 с.

260. Чичерин, Борис Николаевич. Философия права : Сборник / Б. Н. Чичерин; Вступ. ст. И. Д. Осипова, с. 3-18. – СПб. : Наука : С.-Петерб. изд. фирма, 1998. – 654 с.

261. Шмитт, Карл (1888-1985). Номос Земли в праве народов Jus publicum Europaeum / Карл Шмитт ; под ред. Д. Кузницына ; пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. – 669 с.

262. Эсмен, Адемар. Общие основания конституционного права / Пер. с фр. под ред. проф. В. Дерюжинского; Проф. А. Эсмен (A. Esmein). – СанктПетербург : О.Н. Попова, 1898. – 357 с.

263. Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. – Москва : Наука, 1973. – 280 с.

264. Южнороссийское обозрение. Вып. 28: Конфликтогенные факторы на Юге России: методология исследования и социальные реалии / А. В. Лубский ; отв. ред. В. В. Черноус. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2005 (ООО АНТ). – 190 с.

265. Beck R., Ambrosio T. International Law and the Rise of Nations. The State System and the Challenge of Ethnic Groups. – New York, 2002. – 364 p.

266. Anderson G. Secession in International Law and Relations: What Are We Talking About? // Loy. LA Int'l & Comp. L. Rev. – 2012. – Vol. 35. – P. 343.

267. Anderson M. Frontiers: territory and state formation in the modern world. – John Wiley & Sons, 2013. – 272 p.

268. Anghie, Antony. Imperialism, sovereignty and the making of international law. Vol. 37. – Cambridge University Press, 2007. – 342 p.

269. Asbjørn Eide, “Territorial Integrity of States, Minority Protection, and Guarantees for Autonomy Arrangements: Approaches and Roles of the United Nations,” inLocal Self-government, Territorial Integrity and Protection of Minorities: Proceedings of the UniDem Seminar Organised in Lausanne on 25–27 April 1996 (Council for Europe, 1997).

270. Bastian, Sunil, and Robin Luckham, eds. Can democracy be designed?: the politics of institutional choice in conflict-torn societies. Vol. 2. Zed books, 2003. – 321 p.

271. Beck R., Ambrosio T. International Law and the Rise of Nations: The State System and the Challenge of Ethnic Groups. – New York, 2002. – 352 p.

272. Begg A. Statement of Facts Regarding the Alaska Boundary Question. – R. Wolfenden, Prtr., 1902.

273. Benedikter T. The World's Modern Autonomy Systems: Concepts and Experiences of Regional Territorial Autonomy. Bozen/Bolzano, 2009. – 305 p.

274. Benedikter T. The World's Working Regional Autonomies. – London, Anthem Press 2007. – 480 p.

275. Bloomfield L.P. Egypt, Israel and the Gulf of Aqaba. – London, 1957. – 240 p.

276. Bluntschli J.K. Le Droit International Codifié. – Paris, 1870. – 602 p.

277. Boase J. Faces of Asymmetry: German and Canadian Federalism. – Berlin, 2001. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. – 439 p.

278. Boutros-Ghali B. Introduction / The United Nations and Somalia 1992–1996. – New York: United Nations, 1996. – 526 p.

279. Brownlie I. Principles of Public International Law. 2003. – 785 p.

280. Buchanan A. Justice, Legitimacy and Self-Determination: Moral Foundations for International Law. – Oxford, 2007. – 511 p.

281. Buchanan A. Justice, Legitimacy, and Self-Determination: Moral Foundations for International Law. – Oxford, 2004. – 507 p.

282. Burgess M. In Search of the Federal Spirit: New Theoretical and Empirical Perspectives in Comparative Federalism. Oxford. 2013. – 356 p.

283. Cassese A. Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. – Cambridge, 1995. – 375 p.

284. Castellino J. International Law and Self-Determination: The Interplay of the Politics of Territorial Possession with Formulations of Post-Colonial National Identity. – The Hague, 2000. – 286 p.

285. Choudhry S. (ed.) Constitutional Design for Divided Societies. – Oxford, 2008. – 496 p.

286. Clements K., Cheezum E. Woodrow Wilson. – Washington, 2003. P. 130–134. – 320 p.

287. Cobban A. The Nation State and National Self-Determination. – New York, 1970. – 318 p.

288. Cola D. Political Sociology. M., 2001. – 405 p.

289. Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. – Princeton, 1994. – 234 p.

290. Crawford J. The Creation of States in International Law. 2nd ed. – Oxford, 2007. – 870 p.

291. Crawford J. The Creation of States in International Law. – Oxford, 1979. – 498 p.

292. Czaplinski W., Wyrozumska A. Prawo międzynarodowe publiczne. – Warszawa, 2004. – 558 s.

293. Darby J., McGinty R. (eds.) Contemporary Peacemaking. Basingstoke, 2003. – 296 p.

294. Deutsch K. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundation of Nationality. – Cambridge, 1966. – 345 p.

295. Devolution and Future of the Union / ed. by R. Hazell. – London, 2015. – 82 p.

296. Driessen A. Concept of Nation in International Law. – The Hague, 1992. – 178 p.

297. Elazar D. Exploring Federalism. – Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 1987. – 335 p.

298. Evans G. The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and for All. – Washington, 2008. – 349 p.

299. Geiss I. Die deutsche Frage: 1806–1990. – Mannheim, 1992. – 128 s.

300. Ghai Y. (ed.) Autonomy and Ethnicity. – Cambridge, 2000. – 312 p.

301. Glen Anderson, Unilateral Non-Colonial Secession and the Criteria for Statehood in International Law, 41 Brook. J. Int'l L. (2015) P. 3-97.

302. Gowa J. Ballots and Bullets: The Elusive Democratic Peace. – Princeton, 1999. – 136 p.

303. Grotius, Hugo. De jure belli ac pacis libri tres. Ed. G. Whewell. 2 vols. – Cambridge: University Press, 1853. – 478 p.

304. Hannum H. Autonomy, Sovereignty and Self-Determination. – Philadelphia, 1990. – 503 p.

305. Hannum H. Autonomy, Sovereignty and Self-Determination: The Accommodation of Conflicting Rights. – Philadelphia, 1996. – 534 p.

306. Heathcote G. The Law on the Use of Force: A Feminist Analysis. Milton Park. London. 2012. – 248 p.

307. Higgins R. Problems and Process: International Law and How We Use It. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 304 p.

308. Hobe S., Kimminich O. Einführung in das Völkerrecht. 8. Aufl. – Tübingen, 2004. – 680 s.

309. Holsti K. Peace and War: Armed Conflicts and International Order 1648–1989. 1991. – 379 p.

310. Hopf J. (éd.) Nouveau Recueil Général de Traités. 2e série. T. X. 2e livraison. – Gottingue, 1885. – 674 p.

311. Horowitz D.A. Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. – Los Angeles, 1985. – 293 p.

312. Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. – Berkeley, 1985. – 697 p.

313. Hyde C.C. International Law, Chiefly as Interpreted and Applied by the United States. Vol. I. – Boston, 1945. – 832 p.

314. Iraq: Liberal consociation and conflict management John McGarry Publication date 2007 Iraq: preventing another generation of conflict. P. 169-188

315. Jankov F., Coric V. The Legality of Uti Possidetis in Definition of Kosovo's Legal Status. European Society of International Law, 2012. – 32 p.

316. Jennings I. The Approach to Self-Government. – Cambridge, 1956. – 200 p.

317. Kapustin, A. Y. (2015) Crimea's Self-Determination in the Light of Contemporary International Law // Max-Planck-Institut für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht ZaöRV. –№ 75. –P. 101—118.

318. Knop K. Diversity and Self-Determination in International Law. – Cambridge, 2002. – 434 p.

319. Kolstø, P. What's in a name? "De facto states", terminological choices, and normative consequences / P. Kolstø // Pathways to Peace and Security. – 2022. – No. S1(62). – P. 30-46.

320. Koskenniemi M. From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 683 p.

321. Kreijen G. State Failure, Sovereignty and Effectiveness: Legal Lessons from the Decolonization of Sub-Saharan Africa. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2004. – 386 p.

322. Lalonde S.N. Determining Boundaries in a Conflicted World: The Role of Uti Possidetis. – Montreal, 2003. – 347 p.

323. Lauterpacht H. Oppenheim's International Law. Vol. II. 7th ed. – London, 1952. – 948 p.

324. Link A. The Papers of Woodrow Wilson. Vol. 46 (January 16 – March 12, 1918). Princeton, 1984. 686 p.

325. MacMillan M. Paris 1919: Six Months That Changed the World. – New York: Random House, 2003. – 624 p.

326. McCorquodale R. Self-Determination in International Law. Aldershot, 2000. – 619 p.

327. McWhinney E. Self-Determination of Peoples and Plural-Ethnic States in Contemporary International Law: Failed States, Nation-Building and the Alternative, Federal Option. Leiden. 2007. – 133 p.

328. Miklasová, Júlia. "Secession in International Law with a Special Reference to the Post-Soviet Space." Secession in International Law with a Special Reference to the Post-Soviet Space, Brill, 2024. – 734 p.

329. Mitteleuropa as Middle America?: 'The Inquiry' and the Mapping of East Central Europe in 1919. / Riga, Liliana; Kennedy, James. In: Ab Imperio, Vol. 4, 2006, p. 271-300.

330. Moore G. (ed.). Fichte: Addresses to the German Nation. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 202 p.

331. Murray R., Evans M.D. (eds.) Documents of the African Commission on Human and Peoples' Rights. – Oxford, 2001. – 828 p.

332. Musgrave T. Self-Determination and National Minorities. – Oxford, 1997. – 290 p.

333. Ott M. Das Recht auf Sezession als Ausfluß des Selbstbestimmungsrechts der Völker. – Berlin, 2008. – 536 p.

334. Parry C. (ed.) Consolidated Treaty Series. Vol. 181. – New York, 1979. – 350 p.

335. Pegg S. De Facto States in the International System. Working Paper. No. 21. Vancouver: Institute of International Relations, The University of British Columbia, 1998. – 56 p.

336. Peterlini H.K. 100 Jahre Südtirol. – Innsbruck, 2012. – 312 s.

337. Pomerance M. Self-Determination in Law and Practice: The New Doctrine in the United Nations. – The Hague, 1982. – 154 p.

338. Rabasa A., Borar S., O'Brien K.A., Peters J.E. Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risk. – Santa Monica: RAND Corporation, 2007. – 364 p.

339. Radan P. The Ashgate Research Companion to Secession. – London: Routledge, 2016. – 592 p.

340. Raič D. Statehood and the Law of Self-Determination. The Hague. – 495 p.

341. Reisman W. M. The Quest for World Order and Human Dignity in the Twenty-first Century: Constitutive Process and Individual Commitment. – The Hague, 2013. – 487 p.

342. Reiter D., Stam A. Democracies at War. – Princeton, 2012. – 887 p.

343. Roeder P.G., Rothchild D. (eds.) Sustainable Peace: Power and Democracy after Civil Wars. – Ithaca, 2005. – 383 p.

344. Rotberg R.I. When States Fail: Causes and Consequences. – Princeton, 2004. – 335 p.

345. Schaefer R. The Politics of Partition. 1990. – 490 p.

346. Schröter B., Schüller K. Tordesillas y sus consecuencias: la política de las grandes potencias europeas respecto a América Latina, 1494–1898. Vervuert, – Frankfurt am Main - Iberoamericana, Madrid, 1995. – 260 p.

347. Schwarzenberger G., Brown Eer of the United Nations. Boston, 1946. P. 61.

348. Secession: International Law Perspectives / ed. by M.G. Kohen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 510 p.

349. Shaw M. International Law. 5th ed. – Cambridge, 2003. – 1288 p.

350. Shaw M. Title to Territory in Africa: International Legal Issues. – Oxford, 1986. – 428 p.

351. Simma B. (ed.) The Charter of the United Nations: A Commentary. Oxford, 1994. P. 66.

352. Snyder J. From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. – New York, 2000. – 382 p.

353. Sparks T. Self-Determination in the International Legal System: Whose Claim, to What Right? Oxford: Hart Publishing, 2023. – 280 p.

354. Steiner Z. The Lights That Failed // European International History. Oxford, 2015. 938 p.

355. Steininger R. Autonomie oder Selbstbestimmung? Die Südtirolfrage 1945/46 und das Gruber-De Gasperi-Abkommen. Innsbruck. – 412 p.

356. Sterio, Milena, On the Right to External Self-Determination: 'Selfistans,' Secession and the Great Powers' Rule (April 23, 2009). Minnesota Journal of International Law, Vol. 19, 2010, Cleveland-Marshall Legal Studies P. 9-163

357. Tesón F. R. A Philosophy of International Law. – Boulder, 1998. – 187 p.

358. Tesón F.R. A Philosophy of International Law. New Perspectives on Law, Culture, and Society. – New York: Taylor & Francis, 2019. – 208 p.

359. The Charter of the United Nations: A Commentary / eds. B. Simma et al. 3rd ed. Oxford, 2012. Vol. 1. P. 103.

360. The Military Balance 2015. By the International Institute for Strategic Studies. P. 5–6. – 504 p.

361. The Theory of Self-Determination / ed. by F. R. Tesón. – Cambridge, 2016. – 245 p.

362. Thornberry P. International Law and the Rights of Minorities. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – 415 p.

363. Trinidad J. Self-Determination in Disputed Colonial Territories. – Cambridge, 2018. – 268 p.

364. Verzijl J. H. International Law in Historical Perspective. Utrecht. – 1968620 p.

365. Vgl. Gelfland L. The Inquiry: American Preparations for Peace 1917–1919. – New Haven, 1963. – 387 p.

366. Walt S. Revolution and War. – Ithaca, 1996. – 365 p.

367. Watts R. Comparing Federal Systems. 2nd ed. Montreal; Kingston: Queen's University Press, 1999. 138 p.

368. Watts R. Comparing Federal Systems. 2nd ed. Montreal. – 138 p.

369. Weart S. Never at War: Why Democracies Will Not Fight One Another. – New Haven, 1998. – 424 p.

370. Weatherall T. The Right to Self-Determination in International Law. – New York, 2026. – 392 p.

371. Wellman C. H. Theory of Secession: The Case for Political Self-Determination. – Cambridge, 2005. – 199 p.

372. Wheatley S. Democracy, Minorities and International Law // Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 64–126.

373. Wilson W. An Old Master and Other Political Essays. – New York, 1893. – 181 p.

374. Wippman D. International Law and Ethnic Conflict. Cornell University Press, 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://muse.jhu.edu/book/61626.

375. Österreichische außenpolitische Dokumentation. Sonderdruck Südtirol-Dokumentation. – Wien, 1992. – 88 s.

Научные статьи

376. Абашидзе А. Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. – 2017. – № 4. – С. 19-30.

377. Агабеков, Г. Б. Решетов Ю. А. Право на самоопределение и отделение // Моск. Журн. Междунар. Права. – М., 1994. – № L. – С. 3-20

378. Аксененок, А. Самоопределение: между правом и политикой / А. Аксененок // Россия в глобальной политике. – 2006. – Т. 4, № 5. – С. 185-198.

379. Алебастрова, И. А. Большинство и меньшинство в конституционном государстве: этнический аспект / И. А. Алебастрова // Lex Russica (Русский закон). – 2017. – № 1(122). – С. 35-49.

380. Алексанян, С. Р. К вопросу о теории ремедиальной сецессии в современном международном праве / С. Р. Алексанян // Московский журнал международного права. – 2017. – № 4(108). – С. 141-150.

381. Алиева, М. Н. Право народов на самоопределение и его реализация во взаимодействии с принципом территориальной целостности государств / М. Н. Алиева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2016. – Т. 31, № 4. – С. 105-111.

382. Андреева Г. Н. Конституционно-правовая доктрина по вопросам сецессии в странах - членах ЕС (на примере Испании, Германии, Италии, Великобритании) / Г. Н. Андреева // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 8(141). – С. 130-143.

383. Андриченко Л. В. Правовое регулирование межнациональных отношений по законодательству зарубежных государств / Л. В. Андриченко, Т. Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2013. – № 3(40). – С. 393-416.

384. Ануфриева, Л. П. "Основные принципы" как категория международного права / Л. П. Ануфриева // Актуальные проблемы современного международного права : материалы XVI Международного конгресса «Блищенковские чтения» : в 3 ч., Москва, 14 апреля 2018 года / Российский университет дружбы народов. Том Часть 1. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. – С. 186-197.

385. Ануфриева Л. П. Enigma российской Конституции 1993 года: "Общепризнанные принципы и нормы международного права" / Л. П. Ануфриева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 3. – С. 4-25.

386. Ануфриева, Л. П. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания) / Л. П. Ануфриева // Московский журнал международного права. – 2021. – № 1. – С. 6-27.

387. Ануфриева, Л. П. Продолжая дискуссию о собственно "принципах" в современном международном праве и не только… / Л. П. Ануфриева // Московский журнал международного права. – 2021. – № 2. – С. 6-34.

388. Байльдинов, Е. Т. Новое международное право: к вопросу о сущности / Е. Т. Байльдинов // Московский журнал международного права. – 2013. – № 2(90). – С. 90-102.

389. Барановский К.Ю. Квебек после выборов: квебекский кризис на современном этапе // США: экономика, политика, идеология. – 1995. – № 1.

390. Белоусова, Е. В. Государственно-правовое регулирование национальных отношений в Канаде / Е. В. Белоусова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 6. – С. 70-76.

391. Блищенко И.П. Автономия и международное право. // «Московский журнал международного права». – 1998. – №1. – С. 3-11.

392. Большаков, А. Г. Непризнанные государства постсоветского пространства в системе российских национальных интересов / А. Г. Большаков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2008. – Т. 4, № 1. – С. 180-197.

393. Васильев, В. Движение за независимость Шотландии / В. Васильев // Свободная мысль. – 2014. – № 5(1647). – С. 135-148.

394. Вельяминов, Г. Признание "непризнанных" и международное право / Г. Вельяминов // Россия в глобальной политике. – 2007. – Т. 5, № 1. – С. 120-129.

395. Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. М., 2002. 410 с.

396. Власян, С. Р. Субъект права на самоопределение / С. Р. Власян // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 11(302). – С. 120-124.

397. Волкова, Г. И. Каталонский национализм и проблемы территориальной целостности Испании / Г. И. Волкова // Сравнительная политика. – 2016. – Т. 7, № 2. – С. 85-95.

398. Ворона, А. А. К вопросу о соотношении права народа и нации на самоопределение и принципа территориальной целостности в международном праве / А. А. Ворона, А. А. Астапова // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права : сборник научных статей, Курск, 30 мая 2019 года. Том Выпуск 4. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 20-24.

399. Вылегжанин А. Н., Потье Т., Торкунова Е. А. К упрочнению международного права через возрождение Устава ООН // Московский журнал международного права. – 2020. – № 1. – С. 6-25.

400. Вылегжанин, А. Н. Понятия "народ", "нация", "человечество" в международном праве / А. Н. Вылегжанин, Д. В. Иванов // Государство и право. – 2022. – № 10. – С. 163-175.

401. Гаврилов, В. В. Соотношение и последовательность действий органов государства и международных организаций в рамках концепции "ответственность за защиту" в Азиатско-Тихоокеанском регионе / В. В. Гаврилов // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 12(31). – С. 11-15.

402. Гарцль, Б. Открытие ящика Пандоры, или как право на самоопределение разжигает обманчивые страсти (некоторые международно-правовые аспекты независимости Косова) / Б. Гарцль // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13, № 5. – С. 92-116.

403. Горбунов, С. Н. О некоторых аспектах применимости концепции самоопределения к коренным народам / С. Н. Горбунов // Философия права. – 2008. – № 3(28). – С. 68-72.

404. Горовиц, Д. Л. Разрушенные основания права сецессии / Д. Л. Горовиц // Власть. – 2013. – № 11. – С. 189-191.

405. Гуляков, А. Д. Право на самоопределение в сложносоставном государстве в условиях глобализации (на примере Крыма, Каталонии и Шотландии) / А. Д. Гуляков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 4(44). – С. 5-19.

406. Даллакян, К. О субъекте права на самоопределение / К. Даллакян // Власть. – 2007. – № 9. – С. 86-90.

407. Еремина, Н. Национально-политический разлом / Н. Еремина // Свободная мысль. – 2010. – № 12(1619). – С. 21-34.

408. Задохин, А. Г. Самоопределение народов и территориальная целостность государств: категории, проблемы, перспективы / А. Г. Задохин // Обозреватель. – 2011. – № 5(256). – С. 13-24.

409. Зассеева А.С. Особенности международно-правового статуса непризнанных государств // Московский журнал международного права. – 2025. – № 4. – С. 84–95.

410. Ибрагимов А.М. Признание в международном праве: некоторые вопросы теории и практики и современность // Жизнь, отданная науке / под ред. В.Л. Железнова, Г.И. Курдюкова. Казань, 2004. – С. 4-18.

411. Исполинов А.С. Вхождение четырех новых субъектов в состав Российской Федерации: Конституционный Суд Российской Федерации о праве на сецессию и условиях его реализации // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 6 (181). – С. 125-130.

412. Исполинов, А. С. Принцип территориальной целостности государств и право на защитную сецессию / А. С. Исполинов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 1(152). – С. 72-94.

413. Каграманов А.К. К проекту Декларации о праве народов на самоопределение и формах его реализации. Московский журнал международного права. 2022;(2):101-114. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-101-114

414. Каграманов А.К. Происхождение, становление и развитие идеи самоопределения народов. Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2021. – № 1. – С. 60 - 73. DOI: 10.7256/2454-0633.2021.1.35087

415. Каграманов А.К. Единство и борьба противоположностей концепций о праве наций на самоопределение В. И. Ленина и В. Вильсона. Актуальные проблемы российского права. 2024;19(6):167-176. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.163.6.167-176

416. Каграманов А.К. Право на самоопределение народов и формирующийся миропорядок. Актуальные проблемы российского права. 2023;18(4):154-163. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.149.4.154-163

417. Каграманов А.К. Принцип равноправия и самоопределения народов в системе основных принципов международного права. Международное право. – 2021. – № 1. – С. 39 - 53. DOI: 10.25136/2644-5514.2021.1.35071 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35071

418. Каграманов А.К. Между Сциллой и Харибдой. Единство и борьба противоположностей принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств. Международная жизнь. 2022/1. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2606/.

419. Каграманов А.К. Субъекты права на самоопределение в современном международном праве. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право, 14(1), 173–193. https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.111

420. Каграманов А.К. Этнорегиональная самостоятельность и автономия как способы осуществления права на самоопределение. Lex russica. 2022;75(2):9-23. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.183.2.009-023

421. Каграманов А.К. Формы и методы регулирования режимов самоуправления в многосоставных государствах при реализации права на самоопределение. Lex russica. 2025;78(9):108-118. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.226.9.108-118

422. Каграманов А.К. «Ответственность защищать и ремедиальная сецессия» как основания для реализации сецессии. «Международный правовой курьер». Электронное сетевое издание. Т.6. № 41. 2026 г.

423. Каграманов А.К. Критерии легитимности сецессии в реализации права на самоопределение. Евразийский юридический журнал. №6 (157). 2021. С. 29-33. DOI 10.46320/2073-4506-2021-6-157-29-33.

424. Каграманов А.К. Между «Каролиной» и «Палестиной»: поиск баланса между правом на самооборону и правом на самоопределение. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025;(12):64-74. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.136.12.064-074;

425. Каграманов А.К. Влияние языкового многообразия на процессы самоопределения и укрепления государственности. Государство и право. №11/2022. С. 174-182. DOI 10.31857/S102694520015247-2

426. Каграманов А.К. Экономические аспекты самоопределения в современном международном праве. Международный правовой курьер. Электронное сетевое издание. https://inter-legal.ru/ekonomicheskie-aspekty-samoopredeleniya-v-sovremennom-mezhdunarodnom-prave#_ftn4;

427. Казимиров В.Н. Два хельсинских принципа и «атлас конфликтов» // Россия в глобальной политике. 2007. № 2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://globalaffairs.ru/articles/dva-helsinkskih-princzipa-i-atlas-konfliktov/.

428. Катков, А. Д. Принцип самоопределения наций, его природа и историческое развитие (на примере конфликта в Западной Сахаре) / А. Д. Катков // Человеческий капитал. – 2018. – № 8(116). – С. 53-62.

429. Кельзен Г. Общее учение о государстве / Революция права. 1928. № 2.

430. Клишас, А. А. Сепаратизм вне права / А. А. Клишас // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2019. – Т. 23, № 1. – С. 9-26.

431. Кожеуров, Я. С. О международной правосубъектности индивида / Я. С. Кожеуров // Lex Russica (Русский закон). – 2004. – Т. 63, № 2. – С. 489-513.

432. Кожокин, Е. М. Права меньшинств в постсоветском пространстве / Е. М. Кожокин // Будет ли Европа существовать без России?, Москва, 28–29 апреля 1994 года. Москва: Междунар. центр фин.-экон. развития, 1995. – С. 49-52.

433. Корбут, Л. В. Ответственность за защиту как гарантия прав человека в международном праве / Л. В. Корбут // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 10(53). – С. 48-49.

434. Кошкин, А. П. Право на самоопределение в политических коллизиях современности: Крым и Косово / А. П. Кошкин, В. В. Черданцев // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 2. – С. 273-278.

435. Кузьмин Э.Л. Российский центр, регионы и внешний мир // Международная жизнь. – 1998. – № 11–12.

436. Лафитский, В. И. Сецессия в современном мире: конституционно-правовые и международно-правовые аспекты / В. И. Лафитский // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2014. – № 1(44). – С. 30-33.

437. Львова, Э. Л. Национально-персональная автономия: идея и воплощение / Э. Л. Львова, И. В. Нам, Н. И. Наумова // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 129-135.

438. Маргиев, А. В. О праве выхода республик из состава Российской Федерации / А. В. Маргиев // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005. – № 2. – С. 135-141.

439. Марусин, И. С. О соотношении принципа нерушимости границ и права народов на самоопределение / И. С. Марусин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 1(312). – С. 109-119.

440. Мирзаев Ф.С. Принцип uti possidetis в современном международном праве и его применение на постсоветском пространстве: теория и практика // Право и политика. – 2004. – № 6 (54). – С. 43–53.

441. Мирзаев, Ф. С. Применение принципа uti possidetis на африканском континенте / Ф. С. Мирзаев // Московский журнал международного права. – 2016. – № 4(104). – С. 73-81.

442. Мирзаев, Ф. С. Принцип uti possidetis: история зарождения / Ф. С. Мирзаев // Московский журнал международного права. – 2014. – № 4(96). – С. 56-77.

443. Молчанов, Б. А. Декларация ООН о правах коренных народов на самоопределение / Б. А. Молчанов, Ж. Б. Иванова, С. Н. Мамедов // Крымский научный вестник. – 2015. – № 5-3(5). – С. 3-18.

444. Морозова О.Г. Конституционное и международное право Российской Федерации в трактовке принципа «права наций на самоопределение» // Теория и практика общественного развития. 2014. № 5. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-i-mezhdunarodnoe-pravo-rossiyskoy-federatsii-v-traktovke-printsipa-prava-natsiy-na-samoopredelenie.

445. Мочалов, А. Н. Многонациональные федерации и их конституционно-правовые признаки / А. Н. Мочалов // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 4(106). – С. 56-67.

446. Мочалов, А. Н. Территориальная автономия и права национальных меньшинств: международные стандарты / А. Н. Мочалов // Журнал российского права. – 2017. – № 10(250). – С. 121-132.

447. Мочалов, А. Н. Территориальное устройство государства как способ управления этническим многообразием (конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС) / А. Н. Мочалов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 3. – С. 134-173.

448. Мочалов, А. Н. Федерализм, территориальная автономия и права национальных меньшинств / А. Н. Мочалов // Проблемы права. – 2017. – № 3(62). – С. 19-24.

449. Мутагиров, Д. З. Что и кто мешает курдскому народу реализовать свое право на самоопределение? / Д. З. Мутагиров // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 293-302.

450. Нарочницкая Е. А. Многообразный сепаратизм: проблемы типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 48. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rucont.ru/efd/474385.

451. Нарочницкая Е. А. Многообразный сепаратизм: проблемы типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 49. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rucont.ru/efd/474385.

452. Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм: проблема типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 32–55. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rucont.ru/efd/474385.

453. Непризнанные государства: возможности и вызовы XXI века // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 12. – С. 64-81.

454. Нуриева, И. Т. г. Политическое толкование, уровни и формы реализации права наций на самоопределение в условиях современных международных реалий / И. Т. г. Нуриева // Universum: общественные науки. – 2017. – № 7(37). – С. 4-7.

455. Нуруллин, Р. М. Понятие сецессии в политической науке / Р. М. Нуруллин // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, № 1. – С. 212-221.

456. Осколков П.В. Очаги сепаратизма в Европе: ожидать ли новых сецессий? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 1. – С. 118-123.

457. Панов П.В. Институциональная устойчивость фрагментированных политий // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 31–49

458. Паращевина, Е. А. Право наций на самоопределение на примере воссоединения Крыма и России / Е. А. Паращевина, Е. М. Карасева // Инновационная наука. – 2016. – № 4-4. – С. 143-146.

459. Подвинцев, О. Б. Региональная идентичность в де-факто двунациональных субъектах РФ: конкурентный потенциал и попытки стимулирования / О. Б. Подвинцев // Идентичность как предмет политического анализа : Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции, Москва, 21–22 октября 2010 года. Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2011. – С. 224-230.

460. Попов, Ф. А. Сравнительный анализ действующих зон распространения сецессионизма (ЗРС) на территории Африки и Америки / Ф. А. Попов // Вестник молодых ученых "Ломоносов" : Сборник лучших докладов XIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов", Москва, 12–15 апреля 2006 года / Министерство науки и образования Российской Федерации; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Молодежный Совет МГУ им. М.В. Ломоносова. Том Выпуск III. Москва: ООО "МАКС Пресс", 2006. – С. 98-103.

461. Постсоветские конфликты // Pro et Contra. – 2006. – № 5–6. – С. 2–75

462. Проблемы «разделенного общества» (divided society) широко освещены в политологической и юридической литературе. Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 15–33

463. Прудников А. А. Коллизия, требующая разрешения: к соотношению принципов самоопределения и территориальной целостности государства // Право и современные государства. – 2016. – № 6. – С. 63.

464. Решетов Ю.А. К проекту Конвенции о праве народов на самоопределение // Московский журнал международного права. – 2000. – № 3. – С. 417-419.

465. Ромашев Ю.С., Постникова Е.В. Принципы в международном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3. С. 195.

466. Руденко, О. А. "Конкурентный федерализм": развитие канадского федерализма в 1970-е - начале 1980-х годов / О. А. Руденко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 14(229). – С. 37-41.

467. Русинова В. Н. Теории соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — № 1. — С. 102–125 (доступна в открытом доступе на платформе НИУ ВШЭ).

468. Савицкий, П. И. Два подхода к территориальной организации полиэтнического государства / П. И. Савицкий, А. Н. Мочалов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 6. – С. 44-55.

469. Сазонова К. Индивидуальная и коллективная самооборона как элементы системы коллективной безопасности // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – № 3. – С. 108–117.

470. Сафонов В.Е., Миряшева Е.В. Решение Верховного Суда Канады по вопросу сецессии провинции Квебек // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 113–117.

471. Семененко И.С. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. – 2016. – № 6. – С. 69–94.

472. Скрипкина, Ю. Г. Принципы территориальной целостности государств и самоопределения народов и их роль в обеспечении международной безопасности и международного правопорядка / Ю. Г. Скрипкина // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4. – С. 147-152.

473. Соколова Н. А. Гаагские конвенции 1907 г. и современное международное гуманитарное право // Украинский журнал международного права. – 2006. – № 2.

474. Устюжанинова, Е. А. Модели делегирования полномочий: опыт Великобритании / Е. А. Устюжанинова // Lex Russica (Русский закон). – 2015. – Т. 106, № 9. – С. 100-109.

475. Тимофеев, Е. В. Новые аспекты принципа права наций на самоопределение / Е. В. Тимофеев // Московский журнал международного права. – 1993. – № 4. – С. 100-113.

476. Тищенко, В. В. Территориально-государственное устройство Канады: историко-правовой аспект / В. В. Тищенко // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2019. – Т. 1, № 3. – С. 41-48.

477. Токарев, А. А. Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния / А. А. Токарев // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 106-117.

478. Толстых В. Л. Три идеи самоопределения в международном праве // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9. – С. 3–29.

479. Толстых В.Л. Государственно-территориальное размежевание в Центральной Азии и его международно-правовые последствия // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 2. – С. 13–32.

480. Толстых В.Л. Государство в историческом и международно-правовом контексте // Московский журнал международного права. – 2017. – № 2 (106). – С. 18–28.

481. Толстых В.Л. К вопросу о принципе самоопределения // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6. – С. 43–46.

482. Толстых В.Л. Конфликтный потенциал Центральной Азии и международное право // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2023. – № 2. – С. 14–31

483. Толстых В.Л. Международно-правовая квалификация конфликта в Нагорном Карабахе // Российский юридический журнал. – 2021. – № 1. – С. 83–102.

484. Толстых В.Л., Тяньюй Я. Тайваньский вопрос в международном праве // Российский юридический журнал. – 2024. – N 1. – С. 25–43.

485. Толстых В.Л., Тяньюй Я. Тайваньский вопрос в международном праве // Российский юридический журнал. – 2024. – № 1. – С. 25-43.

486. Толстых, В. Л. Конфликт между Палестиной и Израилем: динамика международно-правовой квалификации / В. Л. Толстых, А. С. Кудинов // Закон. – 2024. – № 1. – С. 120-140.

487. Толстых, В. Л. Признание и непризнанные государства в начале XXI в / В. Л. Толстых // Российский юридический журнал. – 2020. – № 5(134). – С. 135-151.

488. Толстых, В. Л. Три идеи самоопределения в международном праве / В. Л. Толстых // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9(76). – С. 65-72.

489. Тункин Г.И. Международное право: наследство XX века // Российский ежегодник международного права. – 1992. – С.-Пб.: Россия - Нева, 1994. – С. 7-23.

490. Фарукшин, М. Х. К вопросу о типах этнофедераций / М. Х. Фарукшин // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, № 7. – С. 150-160.

491. Фархад Сабир Оглы Мирзаев. Обзор критических взглядов на принцип uti possidetis / Фархад Сабир Оглы Мирзаев // Московский журнал международного права. – 2015. – № 1(97). – С. 107-116.

492. Хартвиг М. Консультативное заключение Международного Суда ООН по вопросу о Декларации независимости Косово // Дайджест публичного права. Институт Макса Планка. – 2013. – № 2. – С. 121–155.

493. Ходаков А.Г. О некоторых международно-правовых проблемах // Московский журнал международного права. – 1997. – № 2. – С. 21-27.

494. Хрусталев, И. М. Признать или не признать? / И. М. Хрусталев // Международные процессы. – 2007. – Т. 5, № 2(14). – С. 118-122.

495. Цагараев, М. А. Современная трактовка принципа права народов на самоопределение / М. А. Цагараев // Социология власти. – 2008. – № 5. – С. 173-180.

496. Цуциев А. Территории проблемного суверенитета // Научные тетради Института Восточной Европы. Вып. 1. Непризнанные государства. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 28-52.

497. Черниченко С.В. Допуск индивидов в международные суды и международная правосубъектность // Советский ежегодник международного права, 1968. – М.: Наука, 1969. – С. 270-279

498. Черниченко, С. В. Делим ли государственный суверенитет? / С. В. Черниченко // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 12(31). – С. 25-31.

499. Черниченко, С. В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) / С. В. Черниченко // Московский журнал международного права. – 1996. – № 4. – С. 3-21.

500. Шонин, Н. Е. О принципе права народов на самоопределение в международном праве и его влиянии на международные отношения / Н. Е. Шонин // Гуманитарное знание: особенности, исторические и современные проблемы : сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 30 июня 2016 года / НОО «Профессиональная наука». Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. – С. 71-76.

501. Этциони А. Новое золотое правило: сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. – С. 309. 336.

502. Anderson P. The Standard of Civilization and International Law: A Lecture at East China Normal University // Journal of East China Normal University. Philosophy and Social Sciences. – 2025. – Vol. 57. – No. 2. – P. 1–6.

503. Arenas García R. International and European Institutions and Catalan Nationalism // Hague Journal on the Rule of Law. – 2024. – Vol. 16. – P. 189–216.

504. Bergman G. M. The Communal Concept of Law // Yale Law Journal. – 1947. – Vol. 57. – No. 3. – P. 55-57.

505. Boutier I. Rethinking Language Rights in the International Order. 2025. Vol. 4. № 1. P. 11–36.

506. Brewer E.M. To Break Free from Tyranny and Oppression: Proposing a Model for Remedial Right to Secession in the Wake of the Kosovo Advisory Opinion // Vanderbilt Journal of Transnational Law. – 2012. – Vol. 45. № 1. – P. 245-292.

507. Carolan Ch.J. The “Republic of Taiwan”: A Legal-Historical Justification for a Taiwanese Declaration of Independence // New York University Law Review. – 2000. – Vol. 75. – P. 429–468.

508. Carrère d’Encausse H. La Constitution de 1977: continuité et changement // Problèmes politiques et sociaux. – 1977. – 23 December. – No. 326. – P. 26.

509. Carty A. International Legal Personality // Philosophy of International Law. Edinburgh, 2007. – P. 79–109.

510. Cassese A. Political Self-Determination – Old Concepts and New Developments // UN Law/Fundamental Rights: Two Topics in International Law. – 1979. – P. 138–141.

511. Christakis T. The ICJ Advisory Opinion on Kosovo: Has International Law Something to Say about Secession? // Leiden Journal of International Law. – 2011. – P. 73-86.

512. Connolly W. Pluralism, Multiculturalism and the Nation-State: Rethinking the Connections // Journal of Political Ideologies. – 1996. – Vol. 1. – P. 53-73.

513. Crawford J. Response to Experts of the Amicus Curiae. 15 January 1998 // Bayefsky A. (ed.). – P. 157–163.

514. Delcourt B. L'Application de l'Uti Possidetis Juris au Démembrement de la Yougoslavie // Revue Belge de Droit International. – 1998. – № 1. – P. 76–106.

515. Djunior M., Junior O.G. The Implementation and Efficacy of the Responsibility to Protect Doctrine in Contemporary Armed Conflicts: The Case of Gaza. 2024. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://doi.org/10.25403/UPresearchdata.19029833.v2.

516. Eagleton C. Self-Determination in the United Nations // The American Journal of International Law. – Vol. 47. – 1953. – № 1. – P. 88–93.

517. eters A. Statehood after 1989: "Effectivités" between Legality and Virtuality. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/228151608_Statehood_after_1989_'Effectivites'_between_Legality_and_Virtuality.

518. Falk R. The Kosovo Advisory Opinion: Conflict Resolution and Precedent // American Journal of International Law. – 2011. – Vol. 105. – No. 1. – P. 50-60.

519. Fall B. Conflict in South Caucasus // Asian Affairs. – 2006. – Vol. 37. – P. 198–209.

520. Farooq E. Federalism for Ethnic Harmony // Policy Perspectives. – 2025. – Vol. 22. – No. 2. – P. 1-17.

521. Fierstein D. Kosovo Declaration of Independence: An Incident Analysis of Legality, Policy and Future Implications // Boston University International Law Journal. – 2008. – Vol. 26. – P. 417-442.

522. Franck T. The Emerging Right to Democratic Governance // American Journal of International Law. – 1992. – No. 1. – P. 46-91.

523. Frei M. Bowden B. In the Name of Progress and Peace: The Standard of Civilization and the Universalizing Project // Alternatives. – Vol. 29. – 2014. – P. 43–68.

524. Gong G. W. The Standard of "Civilization" in International Society // Foreign Affairs. – 1984. – Vol. 62. – No. 5. – P. 97-100.

525. Grant T.D. Partition of Failed States: Impediments and Impulses // Indiana Journal of Global Legal Studies. – 2004. – № 11 (2). – P. 51–65.

526. Griffiths M. Self-Determination, International Law and World Order // Macquarie Law Journal. 2003. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://classic.austlii.edu.au/au/journals/MqLawJl/2003/3.html.

527. Göldinger W. Die Entstehung der Republik // Geschichte der Republik Österreich. München, 1954. – S. 15–103.

528. Hannum H. Rethinking Self-Determination // Virginia Journal of International Law. – Vol. 34. – 1994. – No. 1. – P. 1-47.

529. Hartwig M. The Relationship between the People's Republic of China and Taiwan from the Perspective of International Law: How Many Chinas Exist in International Law? // Questions of International Law. – 2023. – Vol. 97. – P. 23–43.

530. Hayes L. The Demand for Unilateral Secession in Catalonia: While the Cause is Compelling, Secession Would Not Be Legal under International Law // University of Baltimore Journal of International Law. – Vol. 6. – 2019. – No. 2. – P. 266–289.

531. Hechter M. The Dynamics of Secession // Acta Sociologica. – 1992. – № 4. – P. 267-283.

532. Helman G.B., Ratner S.R. Saving Failed States // Foreign Policy. 1992–1993. № 89. – P. 3–20.

533. Hillgruber Ch. The Admission of New States to the International Community // European Journal of International Law. – 1998. – № 3. – P. 491–509.

534. Hilpold P. Die Sezession – zum Versuch der Verrechtlichung eines faktischen Phänomens // Zeitschrift für öffentliches Recht. – 2008. – Bd. 63. – S. 117–141.

535. Horowitz D.L. The Alternative Vote and Interethnic Moderation: A Reply to Fraenkel and Grofman // Public Choice. – 2004. – Vol. 121. – No. 3–4. – P. 507–517.

536. Humphreys R. Anglo-American Rivalries and the Venezuela Crisis of 1895 // Transactions of the Royal Historical Society. – 1967. – Vol. 17. – P. 131–164.

537. Johnson M. Journal of the History of International Law. 2021. Vol. 23. Issue 1. P. 206–228.

538. Juviler P. Are Collective Rights Antihuman? // Netherlands Quarterly of Human Rights. – 1993. – Vol. 11. – P. 267–282

539. Kampourakis I. The Standard of Civilisation: Between Legal Indeterminacy and Political Economy // Transnational Legal Theory. – 2023. – Vol. 14. – No. 1. – P. 90–99

540. Kelsen H. Law, State and Justice in the Pure Theory of Law // Yale Law Journal. – 1948. – Vol. 57. – No. 3. – P. 377–390

541. Kettley C., Sullivan J., Fyfe J. Self-Determination Disputes and Complex Power Sharing Arrangements. Cambridge, 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.intstudies.cam.ac.uk/centre/cps/download/background1.pdf.

542. Knoll B. Self-Determination and the Personality of Internationalised Territories // The Legal Status of Territories Subject to Administration by International Organisations. Cambridge, 2008. – P. 111–148.

543. Knop K. A Market for Sovereignty? The Roles of Other States in Self-Determination // Osgoode Hall Law Journal. – 2017. – Vol. 54. – P. 491-510.

544. Kolstø P. The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States // Journal of Peace Research. – 2006. – Vol. 43. – No. 6. – P. 723-740.

545. Korean Journal of International and Comparative Law. 2019. Vol. 7. P. 137.

546. Landrum J.E. Legitimacy: First Principles and Efficacy in R2P Operations. U.S. Army Command and General Staff College. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.hsdl.org/c/view?docid=756472.

547. Lijphart A. Consociation and Federation: Conceptual and Empirical Links // Canadian Journal of Political Science. – 1979. – No. 3. – P. 499-515.

548. Lijphart A. Consociational Democracy // World Politics. – 1969. – Vol. 21. – No. 2. – P. 207-225.

549. Lijphart A. Constitutional Design for Divided Societies // Journal of Democracy. – 2004. – Vol. 15. – No. 2. – P. 96-109.

550. Lynch D. Separatist States and Post-Soviet Conflicts // International Affairs. – 2002. – Vol. 78. – No. 4. – P. 831–848.

551. McGarry J. Asymmetrical Federal Systems // Ethnopolitics. – 2007. – Vol. 6. – No. 1. – P. 105-116.

552. Mullerson R. Precedents in the Mountains: On the Parallels and Uniqueness of the Cases of Kosovo, South Ossetia and Abkhazia // Chinese Journal of International Law. – 2009. – No. 2. – P. 8.

553. Murphy A. The Sovereign State System as Political-Territorial Ideal // Biersteker T., Weber C. (eds). State Sovereignty as Social Construct. – 1996. – P. 81-120.

554. Myntti K. The Nordic Sami Parliaments // Operationalizing the Right of Indigenous Peoples to Self-Determination / eds. A. Pekka, M. Scheinin. Åbo, 2000. – P. 203 ff.

555. Nesi G. L'Uti Possidetis hors de Contexte de la Décolonisation: le cas de l'Europe // Annuaire Français de Droit International. – 1988. – № 44. – P. 1–23.

556. Nolte G. Multipurpose Self-Defence, Proportionality Disoriented: A Response to David Kretzmer // European Journal of International Law. – 2013. – Vol. 24. № 1. – P. 283–290.

557. Ohlin J.D. The Doctrine of Legitimate Defence. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2576785.

558. Okafor O. Newness, Imperialism, and International Legal Reform in Our Time: A TWAIL Perspective // Osgoode Hall Law Journal. – 2005. – Vol. 43. № 1–2. – P. 171-191.

559. Paylan Sh., Sargsyan L. Putting Remedial Secession Back on the Table to Reverse the Ethnic Cleansing of Nagorno-Karabakh // Southwestern Journal of International Law. 2024. Vol. 31. Issue 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://dspace.aua.am/xmlui/handle/123456789/2583.

560. Pellet A. Report: Legal Opinion on Certain Questions of International Law Raised by the Reference // Self-Determination in International Law: Quebec and Lessons Learned. The Hague, 2000. – P. 85-123.

561. Peters A. Does Kosovo Lie in the Lotus-Land of Freedom? // Leiden Journal of International Law. – 2011. – Vol. 24. № 1.

562. Radan P. Post-Secession International Borders: Critical Analysis of the Opinions of the Badinter Arbitration Commission // Melbourne University Law Review. – 2000. – № 24. – P. 1-23.

563. Reference to the Secession of Quebec // Law, Politics and the Judicial Process in Canada / ed. by F.L. Morton. Calgary, 2002.

564. Ryngaert C., Sobrie S. Recognition of States: International Law or Realpolitik? The Practice of Recognition in the Wake of Kosovo, South Ossetia, and Abkhazia // Leiden Journal of International Law. – 2011. – Vol. 24. – No. 2. – P. 485–489.

565. Shaw M. Peoples, Territorialism and Boundaries // European Journal of International Law. – 1997. – № 3. – P. 478–492

566. Shelton D. Normative Hierarchy in International Law // American Journal of International Law. – 2006. – Vol. 100. – No. 2. – P. 291-323.

567. Shim Y.-G. A Study on the Economic, Social and Cultural Rights of Self-Determination in International Law - With Special Reference to the Right to Development of Article 1 of International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights // Dong-A Law Review. – 2009. – P. 349–382.

568. Stepan A. Federalism and Democracy: Beyond the U.S. Model // Journal of Democracy. – 1999. – Vol. 10. – No. 4. – P. 19–34.

569. Stone J. Policy-Oriented World Power Process // Hastings International and Comparative Law Review. – 1984. – Vol. 7. – No. 2. – P. 273–292.

570. The relevance of remedial secession in the post-soviet "frozen conflicts». / Mykolo Romerio Universitetas. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2351667415000098?via%3Dihub.

571. The State and the Nation: Changinnty in International Relations // International Organization. 1994. Vol. 48. No. 1. P. 107. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/23990346.

572. Tolstykh V. Three Ideas of Self-Determination in International Law and the Reunification of Crimea with Russia // Heidelberg Journal of International Law. – Vol. 75. – 2015. – P. 119-139.

573. Tomuschat Ch. Secession between Effectiveness and Recognition // Secession: International Law Perspectives / ed. by M.G. Kohen. 510 p.

574. Tullberg J., Tullberg B.S. Separation or Unity? A Model for Solving Ethnic Conflict // Indiana University Press. – 1997. – Vol. 16. № 2. – P. 237-248.

575. Tyranowski J. The Economic Aspects of Sovereignty and Self-Determination in Contemporary International Law // Przegląd Prawniczy Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. – 2021. – № 12. – P. 245–264.

576. Ulgen O. Devolution Issues under the Scotland Act 1998, Reference by the Lord Advocate // International Legal Materials. – 2023. – Vol. 62. № 6. – P. 1089–1112.

577. Vidmar J. Remedial Secession in International Law: Theory and (Lack of) Practice // St. Antony's International Review. – Vol. 6. – 2010. – No. 1. – P. 37–56.

578. Weller M. Modesty Can Be a Virtue: Judicial Economy in the ICJ Kosovo Opinion // Leiden Journal of International Law. – 2011. – P. 127-147.

579. Weller M. Settling Self-Determination Conflicts: Recent Developments // European Journal of International Law. – 2009. – Vol. 20. № 1. – P. 111–165.

580. Wheatley S. The Self-Determination of Peoples // Democracy, Minorities and International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 64–126.

581. Wolff S. Complex Power Sharing as Conflict Resolution: South Tyrol in Comparative Perspective // Woelk J., Palermo F., Marko J. (eds.) Tolerance through Law: Self-Governance and Group Rights in South Tyrol. Leiden, 2008. – P. 329–370

582. Wolff S. Peace by Design? Towards «Complex Power Sharing» // Taylor R. (ed.).

583. Yip K.L. To Call a Spade a Spade: Use of Force Depriving a People of Their Right to Self-Determination as Violation of Jus Contra Bellum // Journal on the Use of Force and International Law. – 2024. – Vol. 11. № 1–2. – P. 167–217.

584. Özsu U. Human Rights and Self-Determination // The Cambridge History of Rights / eds. S. Moyn, M. Terretta. Cambridge, 2025. – P. 188-210.

585. 沈强. 从国际法的理论与实践看台湾的法律地位 // 理论新探. – 2000. – 第5期. 16–17页. Толстых В.Л., Тяньюй Я. Тайваньский вопрос в международном праве // Российский юридический журнал. – 2024. – № 1. – С. 32.
项嘉佳. 台湾参加政府间国际组织的国际法问题研究 // 经济与法. – 2012. – 第3期. 58–60页. (Сян Цзяцзя. Исследование международно-правовых аспектов участия Тайваня в международных межправительственных организациях // Экономика и право. – 2012. – No 3. – С. 58–60).
Учебные и справочные издания
586. Анцилотти, Дионисио. Курс международного права. Введение Общая теория / 1 т.; 22 см. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1961, 1961. – 447 с.Бекяшев К. А. Международное публичное право: учебник. М., 2019. С. 71–72.
587. Аристотель. Политика. Кн. III. 6. 1276b 10–15 // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. – Т. 4. 466 с.
588. Бекяшев К. А. Международное публичное право учебник / К. А. Бекяшев. – Москва : Проспект, 2019. – 1046 с.
589. Бусыгина, Ирина Марковна. Политическая регионалистика : учебное пособие / И. М. Бусыгина. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 278 с.
590. Венецианская комиссия: сто шагов к демократии через право: Монография / Под ред. Хабриева Т.Я. – Москва :Статут, 2014. – 256 с.
591. Ефремова, Татьяна Федоровна. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Рус. яз., 2000. – 1084 с.
592. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. О. В. Мартышина. – М., 2006. – 899 с.
593. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Андриченко Л. В. и др. ; под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева ; Конституционный Суд Российской Федерации. – Москва : Эксмо, 2009. – 1056 с.
594. Конституции государств Европы. Т. 2. – 2001. – 836 с.

595. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для бакалавров : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению "Юриспруденция" / И. А. Алебастрова и др.; отв. ред. Б. А. Страшун ; М-во образования и науки Российской Федерации, Московская гос. юридическая акад. им. О. Е. Катуфина. – Москва : Проспект, 2013. – 296 с.

596. Конституционное право России : учеб. для студентов сред. спец. учеб. заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. - 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2004. – 347 с.

597. Конституция Российской Федерации : Науч.-практ. коммент. / [Абова Т.Е. и др.] ; Под ред. и со вступ. ст. Б.Н. Топорнина. – 3. изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 830 с.

598. Курс международного права : учебник / В. Л. Толстых. – Москва : Проспект, 2018. – 734 с.

599. Курс международного права : в 7 т. / АН СССР, Институт государства и права ; редкол.: В. Н. Кудрявцев (гл. ред.) и др. – Москва : Наука, 1989-. Т. 2: Основные принципы международного права. Т. 2 / [Г. В. Игнатенко, В. А. Карташкин, Б. М. Клименко и др.] ; отв. ред. И. И. Лукашук. – 1989. – 238, [1] с.

600. Международное гуманитарное право : учебник / В. А. Батырь ; Междунар. юридический ин-т при М-ве юстиции Российской Федерации. – Москва : Междунар. юридический ин-т при Минюсте России, 2006. – 319 с.

601. Международное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / [Абашидзе А. Х. и др.] ; отв. ред.: В. И. Кузнецов, Б. Р. Тузмухамедов ; Российская ассоц. междунар. права. – 3-е изд., перераб. – Москва : Норма, ИНФРА-М, 2010. – 719 с.

602. Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юридических фак. и вузов / И. И. Лукашук ; Российская акад. наук, Ин-т государства и права, Акад. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – 415 с.

603. Международное право: учебник. Ч. 1 / под ред. А. Н. Вылегжанина. 3-е изд. – М., 2017. – 290 с.

604. Международное публичное право : учебник / [Л. П. Ануфриева и др.] ; отв ред. заслуж. юрист РФ, д-р юрид. наук, проф. К. А. Бекяшев ; М-во образования Рос. Федерации, Моск. гос. юрид. акад. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 927 с.

605. Международное публичное право : учебник / К. А. Бякишев. – Москва : Проспект, 2019. – 1046 с.

606. Международное публичное право: сборник документов: в 2 ч. / сост. К.А. Бекяшев, Д.К. Бекяшев. Ч. I. – М., 2006. – 1408 с.

607. Международное экономическое право : учебник для магистров / В. М. Шумилов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2016. – 612 с.

608. Мельцер Н. Международное гуманитарное право : общий курс : справочное издание / Нильс Мельцер – Москва : Международный комитет Красного Креста, 2017. – 417 с.

609. Dixon M., McCorquodale R. Cases & Materials on International Law. – Oxford: Oxford University Press, 4th ed., 2003. – 649 p.

610. Malanczuk P. Akehurst’s Modern Introduction to International Law. 7th ed. London, 1997. 472 p.

611. Max Planck Encyclopedia of Public International Law. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1454.

612. Partsch K. J. Fundamental Principles of Human Rights // International Dimensions of Human Rights. – 1982. – Vol. 1. 384 p.

613. Shaw M. 1997. The Heritage of States: the Principle of Uti Possidetis Juris Today. – British Yearbook of International Law. No 67. P. 74-154.

614. The Handbook of Linguistic Human Rights / ed. by T. Skutnabb-Kangas, R. Phillipson. Hoboken, NJ: John Wiley, 2023. – 712 p.

615. Thürer D. The “Failed State” and International Law // Max Planck Encyclopedias of International Law. – 2009. – P. 731–733.

616. Моисеев А. А. Суверенитет государства в международном праве учебное пособие / А.А. Моисеев; Дипломат. акад. МИД России, Ин-т актуал. междунар. проблем. – Москва : Восток-Запад, 2009. – 383 с.

617. ООН. Декларация о правах коренных народов / ред. – М. Тодышев, Е. Раменская. Изд. Центра правовых ресурсов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. – М., 2007. – 36 с.

618. Права человека : Учебник для вузов / [Васильева Т. А., Карташкин В. А., Колесова Н. С. и др.]; Отв. ред. Е. А. Лукашева; Комис. по правам человека при Президенте Рос. Федерации. Ин-т государства и права РАН. – Москва : НОРМА-ИНФРА М, 1999. – XII. – 560 с.

619. Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. – Москва : Советская энциклопедия, 1961-1976. Т. 12: Репарации-Славяне. Т. 12. – 1969. – 972 с.

620. Статус малочисленных народов России Правовые акты / Сост. В.А. Кряжков, д.ю.н., проф. – М. : Тихомиров М.Ю., Юринформцентр, 1999. – 486 с.

621. Суверенитет государства в международном праве : учебное пособие / А. А. Моисеев; Дипломатическая акад. МИД России. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2009. – 384 с.

622. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов / Тишков В.А., Шабаев Ю.П. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 376 с.

623. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма Учеб.-практ. пособие / И.А. Умнова; Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации, Рос. правовая акад. М-ва юстиции Рос. Федерации. – М. : Дело, 1998. – 278 с.

624. Четырнадцать пунктов Вильсона // Иванян Э.А. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. М.: Международные отношения, 2001. 696 с.

Диссертации

625. Андриченко, Людмила Васильевна. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации : диссертация. доктора юридических наук : 12.00.02. – Москва, 2005. – 473 с.

626. Барциц А. Л. Право народа Республики Абхазия на самоуправление и восстановление суверенной государственности: автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2017. – 202 с.

627. Безбородов Ю.С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. – 433 с.

628. Витрянюк С. В. Территориальная целостность государств в международном, правовом и геополитическом измерениях: автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2003. – 162 с.

629. Казьмина Е. А. Народ как субъект конституционного права Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2011. – 186 с.

630. Международные стандарты в области прав человека и роль омбудсмена в их обеспечении : диссертация. кандидата юридических наук : 12.00.10. – Москва, 2002. – 258 с.

631. Сампиев И. М. Институализация самоопределения народов в политических процессах на Северном Кавказе в постсоветский период: автореф. дис. д-ра полит. наук. Краснодар, 2009. – 361 с.

632. Хандупула Шимутыкени. Право народа Намибии на самоопределение и международно-правовое обеспечение ее безопасности после достижения независимости: дис. … канд. юрид. наук. – М., 1985. – 206 с.

633. Adam J. Linguistic Discrimination as Grounds for Remedial Secession: The Cases of Québec and Abkhazia. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://studenttheses.universiteitleiden.nl/handle/1887/3765538.

III. Электронные ресурсы

634. Анализ экономической ситуации в Южном Судане // Всемирный банк. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.worldbank.org/en/country/southsudan/overview.

635. Гуманитарный кризис в Дарфуре // Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://news.un.org/ru/story/2023/12/1447792.

636. Дудина Г. Шотландия топчется у выхода // Коммерсантъ. 2021. 23 марта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4740992.

637. Зорькин В. Стандарт справедливости // Российская газета. 2006. 21 апреля. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ksrf.ru/Press-srv/smi/19922/.

638. Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы // Российская газета. 2006. 22 августа. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rg.ru/2004/07/13/zorkin.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

639. Зорькин В.Д. Возвращение государства // Российская газета. 2021. 17 мая. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ksrf.ru/Press-srv/smi/25898/

640. Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Leiphart_1992-_1.pdf.

641. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20141219104510/http://www.revolucia.ru/pravonac.htm.

642. Непризнанные государства Европейской периферии и пограничья // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.intertrends.ru/fifteen/008.htm.

643. Непризнанные государства. Возможности и вызовы XXI века («круглый стол» 21 декабря 2006 г.). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.svoboda.org/a/368461.html.

644. Официальный сайт Южнотирольского ландтага. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.landtag-bz.org/de/dreier-landtag.asp.

645. Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/66181.

646. Рада приняла закон о коренных народах Украины // ТАСС. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11801189.

647. Российская газета. 2020. 25 февраля. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rg.ru/gazeta/rg-centr/2020/02/25.html

648. Стариков Н. Вождь отвечает // Завтра. 2019. Декабрь. № 50. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://zavtra.ru/archive/2019/12/1357

649. Сулимов К.А. Автономная провинция Больцано (Южный Тироль). Проект Российского научного фонда № 15-18-00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://identityworld.ru/maps_aera/profile/south_tyrol.pdf.

650. Территория Бугенвиль (Папуа – Новая Гвинея): по итогам референдума 2019 г. принято решение о независимости (предполагаемая дата – 2029 г.). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2019/12/11/world/asia/bougainville-independence-papua-new-guinea.html.

651. Хенкин С.М. Испания: испытание Каталонией // Перспективы. 2013. 14 января. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/ispanija_ispytanije_katalonijej_2013-01-14.htm.

652. Accord Nouvelle-Calédonie. Le FLNKS rejette Bougival et demande les provinciales en novembre. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://la1ere.franceinfo.fr/nouvellecaledonie/accord-nouvelle-caledonie-le-flnks-rejette-bougival-et-demande-des-elections-en-novembre-1613148.html.

653. Ahuja U. Rewriting the Rules of War: How States Weaponised “Self-Defence”. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.orfonline.org/expert-speak/rewriting-the-rules-of-war-how-states-weaponised-self-defence.

654. Arend T. Tony Arend’s Legal Analysis of Kosovo’s Declaration and Defining a “People”. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://opiniojuris.org/2008/02/22/tony-arends-legal-analysis-of-kosovos-declaration-and-defining-a-people/.

655. Barume A. The UN Declaration as a Compass for Justice. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://unsr.albertbarume.org/site/?p=297.

656. Beaulac S. Brexit: Some International Law Aspects. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.administrativelawmatters.com/blog/2017/01/23/brexit-some-international-law-aspects/.

657. Conflict, Courts, Confusion, Complexity and Crimes: Part 2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://lawsblog.london.ac.uk/2025/01/20/conflict-courts-confusion-complexity-and-crimes-part-2/.

658. Costa i Rosselló v. Spain. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://strasbourgobservers.com/2025/05/13/political-expression-and-representation-in-regional-parliaments-and-constitutional-order-a-critical-reading-of-the-inadmissibility-decision-in-costa-i-rossello/.

659. Déclaration du premier ministre Carney sur la reconnaissance de l’État de Palestine par le Canada. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://share.google/Y3CFvC2yFeYFsuYDT.

660. Evans G. How to Rid the World of Genocide // Washington Post. 2016. 25 Feb. [Электронный ресурс] – Режим доступа: link.gale.com/apps/doc/A444233960/GIC?u=57glad&sid=bookmark-GIC&xid=7b6b4535 (дата обращения: 02.03.2026).

661. New Wave of Destruction Sees 1,250 Houses Destroyed in Myanmar's Rohingya Villages // International Business Times. 21 November 2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ibtimes.co.uk/new-wave-destruction-sees-1250-houses-destroyed-myanmars-rohingya-villages-1592582

662. Pelliconi A.M., Odermatt J. Benefit v Consent: CJEU’s Front Polisario II Judgment and the Law of Self-Determination. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

https://cil.nus.edu.sg/blogs/benefit-v-consent-cjeus-front-polisario-ii-judgment-and-the-law-of-self-determination/.

663. Recognition of Palestinian Statehood: Politics Over Law Mirroring Modern Trends. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cilj.co.uk/recognition-of-palestinian-statehood-politics-over-law-mirroring-modern-trends/.

664. Sendut J.H. The Unwilling and Unable Doctrine and Syria. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.culs.org.uk/per-incuriam/the-unwilling-and-unable-doctrine-and-syria?117781f6_page=2&a04df7da_page=1.

665. UK Supreme Court Ruling on Indyref2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.balfour-manson.co.uk/2022/11/uk-supreme-court-ruling-on-indyref2/.

666. UK Supreme Court: Self-Determination Does Not Apply to Scotland Leaving the Union. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://icsid.asil.org/print/ILIB/uk-sup-ct-self-determination-does-not-apply-scotland-leaving-union.

667. World Court Digest: East Timor (Portugal v. Australia) // Max Planck Institute. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.mpil.de/en/pub/publications/archive/wcd.cfm.

Ó Tuathail G. Internal Legitimacy in De Facto States. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://criticalgeopolitics.com/2013/12/17/internal-legitimacy-in-de-facto-s